

Дунганские народные сказки

ДУНГАНСКИЕ
народные сказки
и предания

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

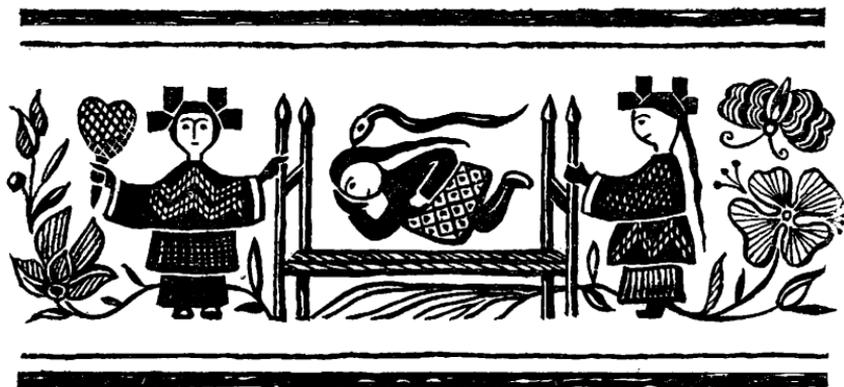

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Дунганские народные сказки и предания

Перевод с дунганского

*РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»*

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ,
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление
М. ХАСАНОВА и И. ЮСУПОВА

Ответственный редактор
Б. Л. РИФТИН

Запись текстов и перевод
Б. РИФТИНА, М. ХАСАНОВА и И. ЮСУПОВА

Предисловие и примечания
Б. РИФТИНА и М. ХАСАНОВА

Анализ сюжетов дунганских сказок
Б. РИФТИНА

Д83 **Дунганские народные сказки и предания. Запись текстов и перевод Б. Рифтина, М. Хасанова и И. Юсупова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.**

573 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

В сборнике широко представлены жанры повествовательного фольклора дунган. Сопровождается предисловием, примечаниями, изложением сюжетов сказок, не вошедших в сборник, перечнем персонажей, реалий и мотивов, а также типологическим анализом сюжетов.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

Д $\frac{70304-154}{013(02)-77}$ —201-77

С

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ДУНГАНСКОЙ СКАЗКИ

В этой книге собран повествовательный фольклор дунган. Ученые до сих пор окончательно еще не решили, что это за народ, откуда ведет он свою историю. Неясно даже происхождение самого слова «дунгане». Может быть, оно представляет собой искаженное тюркское *турган* — «оставшиеся», «ждущие», «ожидающие подсчета»? Ведь известна такая старинная легенда.

Некогда Чингисхан (или по другой версии Тимур) вел свои войска через перевал Сан-Гаш («множество камней») и повелел каждому воицу положить в кучу по камню. На обратном пути, проходя через тот же перевал, Чингисхан приказал каждому воину взять из этой кучи по одному камню и переложить их в другую кучу, которая оказалась намного меньше первой. Тогда один из темников — командующий отрядом в десять тысяч человек — печально воскликнул, указывая на остатки первой кучи: «Это те, что навеки остались на полях битвы!» Чингисхан грозно посмотрел на него и ответил, кивнув на вторую кучу: «Главные те, что остались здесь». С тех пор-де оставшиеся воины — «турган» расселились по долинам рек Джунгарии и стали предками дунган [20, 11—12]¹. По второй версии, в войсках Чингисхана будто бы было много мусульман из Восточного Туркестана. Уходя из завоеванного Китая, он оставил там правителем своего сына, а с ним и много мусульман, получивших прозвище «тургане» — «оставшиеся» [13, 5].

Между тем сами себя дунгане называют «лохуэйхуэй» — «почтенные мусульмане». И на этот случай старики-сказители рассказывают красивую легенду.

18-го дня 3-й луны второго года правления под девизом Чжэнь-гуань (т. е. 628 г. по европейскому исчислению) китайский император Тай-цзун увидел во сне чудовище, которое преследовало его². Оно уже на-

¹ Здесь и далее первые цифры в квадратных скобках указывают на соответствующие номера в библиографии в конце книги. Римскими цифрами обозначается номер тома, а следующими, арабскими, — страница цитируемого или упоминаемого издания.

² По другим вариантам, он увидел белого слона, боровшегося с зеленым львом. Белый слон — символ буддизма был побежден во сне зеленым львом — символом мусульманства [20, 10].

стигло было государя, как вдруг появился красивый человек в чалме и зеленом халате, с четками в руках. Приблизившись к Тай-цзуну, он начал читать молитву. Чудовище стало быстро таять, превратилось в лужу крови и исчезло вовсе. Проснувшись чуть свет, император созвал сановников и рассказал им этот сон. Мудрый советник государя Цзюй Могуи (по-китайски Сюй Мао-гун)³ погадал с помощью восьми триграмм и растолковал государев сон: «Сына неба преследовал во сне его злейший враг, но его спас друг-чалмоносец, западный пророк Ма-хуэйхуэй, т. е. Мухаммад». Посоветовавшись с сановниками, император послал к Мухаммаду послов с письмом, в котором в стихах восхвалялась вера Мухаммада. Послы передали послание и пригласили пророка в Китай, тот отказался, но, чтобы подтвердить, что послы действительно были у него, совершил омовение и вытер лицо — на полотенце запечатлелся его лик, однако впоследствии изображение исчезло с полотна, чтобы не давать повода к обожествлению пророка. Вместо себя Мухаммад отправил в Китай три тысячи арабов во главе с учеными мудрецами Гайсом, Вайсом и Вангасом⁴ — своим дядей по материнской линии. Напутствуя их, он сказал, что по дороге из Аравии в Китай им встретится много трудностей, но каковы бы ни были препятствия, они не должны творить чудеса, иначе их ждет смерть. Путь и вправду оказался нелегким. Когда арабы дошли до Шинциньца (в современном Синьцзяне (?)), то нигде не оказалось топлива. Люди устали, были голодны и не могли идти дальше. Тогда Гайс положил вместо полена под котел свою ногу, огонь разгорелся, но Гайс тут же умер. Дойдя до местности Хуэйхуэйпу — уже за Великой китайской стеной, арабы оказались без капли воды — в Китае стояла страшная засуха. Пришельцы долго искали воду, копали землю, но все безрезультатно. Тогда Вайс решил пожертвовать собой. Он выкопал небольшую ямку, и в ней появилась вода; измученные жаждой люди бросились пить, а Вайс, совершивший чудо, тут же умер. Только Вангас с остальными людьми смог добраться до Гапской столицы — города Чанъань в провинции Шэньси. Китайский император пригласил Вангаса во дворец и отвел ему специальные покои. Однажды, когда Вангас молился, к нему в комнату вошел сам государь со своими сановниками, но Вангас продолжал молитву. Когда он кончил, император заинтересовался, почему Вангас не прервал молитву, когда к нему явился сам

³ Под китайским чтением здесь и далее по всей книге понимается пекинская фонетическая норма. О принятой здесь транскрипции дунганских слов и имен см. ниже, в конце предисловия.

⁴ Дунганское «Вангас» происходит от арабского «Ваккас». Это реальное историческое лицо (полное имя его — Саид ибн Абу-л-Ваккас). Он был главнокомандующим мусульманским войском в битве при Кадисии. Имена двух других персонажей расшифровать не удалось.

император. «Бог выше всех,— ответил Вангас,— он творец мира, и нельзя, не закончив молитву, разговаривать с людьми». Тогда Тай-цзун вызвал буддийского монаха и приказал одновременно совершить моление по буддийскому и мусульманскому правилам. Сравнив их, государь-де похвалил Вангаса, который затем объяснил императору религиозные обряды ислама. Особенно заинтересовал Тай-цзуна найзыр — обряд почитания предков. Император предложил арабам остаться в Китае, а в Аравию послал взамен три тысячи китайцев.

Вскоре на Китай напали северные кочевники. Император обратился за помощью к Вангасу, и тот отправился на войну со своими тремя тысячами арабов. Лама, бывший в войске кочевников, послал на арабов град, но Вангас вызвал ураган, и тот относил град обратно на войска кочевников. Танский император поблагодарил Вангаса за помощь и предоставил арабам большие права: за убийство араба по новому закону полагалось предать смерти семь китайцев. Но арабам трудно было жить в Китае без жен, и они стали просить разрешения у императора вернуться в родные земли. Тай-цзун, однако, оставил арабов у себя, но разрешил им жениться на китайках. Он повелел, чтобы все девушки и молодые вдовы явились на гулянье в императорский сад. Когда те приехали, арабов пригласили в сад для выбора невест. Арабы выбрали себе жен, некоторые взяли по две-три жены и стали жить с ними. Родители девушек и женщин пожаловались императору на арабов, которые забрали их дочерей, но тот объяснил, что китайки стали женами арабов, и велел родным пойти посмотреть, как те живут. Китайцы взяли угощения и подарки и пошли навестить дочерей. Оказалось, те живут хорошо, но мужья не понимают их языка. Спустя некоторое время у китайок, вышедших замуж за арабов, родились дети, которые научились от матерей говорить по-китайски, к тому времени и сами арабы освоили китайский язык. Так-де и образовался особый народ — дунгане⁵.

Итак, по легенде, получается, что дунгане — потомки арабов и китайок, т. е. подчеркнута, с одной стороны, близость к китайцам по языку и культуре, с другой — религиозная общность с мусульманским миром. Дунгане исповедуют ислам суннитского направления ханифитского толка [26, 244]. Однако эта легенда не находит реальных подтверждений в исторических сочинениях.

Обратимся теперь к научным разысканиям. Существует много интересных гипотез, ни одна из которых пока не может считаться окончательно доказанной. Одни ученые, например этнограф Г. Г. Стратанович, считают, что предками дунган была часть оседлого населения некогда

⁵ Мы привели в сокращенном пересказе вариант легенды, записанный в 1941 г. дунганским историком Х. Юсуровым от известного сказителя Хия Вуахунова [34, 33—41].

мощной киданьской империи, существовавшей в IX—XII вв. на севере Китая, особенно маньчжурские этнические группы; другие, например дунганский историк М. Сушанло, выдвигают гипотезу о том, что в формировании дунган важную роль сыграли таугуты. Единственно, на что мы можем опереться сейчас, говоря о происхождении дунган, это выводы антропологов, проводивших точные обследования дунган. По словам проф. Н. Н. Чебоксарова, «для хуэй⁶ (при общем преобладании северо-китайского типа) характерно сложное переплетение различных монголоидных, преимущественно тихоокеанских, элементов с европеоидными примесями, принадлежащими главным образом к индо-памирской группе. Это отражает, конечно, сложную этническую историю хуэй, в которой наряду с китайскими (ханьскими) группами приняли участие иранская, тюркская, возможно, маньчжурские и монгольские, а на юге также арабские и малайские этнические компоненты» [205, 87]. Нетрудно заметить, что выводы антропологов говорят о крайней сложности этнической истории дунган, живущих разбросанно в разных местах Китая, что позволяет этнографам говорить о трех группах хуэй: самой многочисленной северо-западной, или просто северной, представители которой населяют и северо-западные провинции Китая — Синьцзян, Цинхай, Ганьсу, Шэньси, и районы Пекина, Тяньцзиня и т. п., юго-восточной, представители которой живут в Шанхае, Кантоне и других городах юго-востока Китая, и третьей — юго-западной, представители которой живут в провинциях Юньнань и отчасти Сычуань, где они называют себя «пантай» [см. 25, 421—422]. В этногенезе этой третьей группы большую роль, видимо, сыграли северные хуэй, попавшие в юго-западные районы Китая в XIII—XIV вв. вместе с монгольскими войсками.

В настоящее время за всеми группами хуэй в Китае, а их там живет более четырех миллионов, закрепилось название «хуэйцзу» — «народность хуэй». Следует сказать еще и о том, что хуэй живут не только среди китайцев, но и других народов. Например, в Ганьсу, где количество дунган превышает миллион человек, их соседями являются тибетцы, монголы, дунсяны, сарыг-югуры, казахи, салары, баоань, монголы и уйгуры — всего одиннадцать национальных групп, с древних времен тесно связанных между собой.

Несмотря на довольно частые упоминания о хуэй в различных средневековых исторических сочинениях с XI—XII вв., как определенная единая сила дунгане-хуэй, видимо, проявили себя в середине XIX в. В это время в Центральном Китае вспыхнуло знаменитое тайпинское восстание 1850—1866 гг. Мощное движение против маньчжуро-цинского правительства возникло и на юго-западе страны, в провинции Юньнань

⁶ Хуэй — сокр. от ло хуэй хуэй.

(1855). В этом выступлении против власть имущих — а в нем приняли участие китайцы, тайцы, бай, цзинпо и др. — дунганам принадлежала ведущая роль. В 1861 г. на борьбу с цинским правительством поднялись и дунгане — жители Северо-Западного Китая. Началось крупнейшее дунганское восстание, продолжавшееся шестнадцать лет и охватившее Ганьсу, Шэньси и часть Синьцзяна. Оно было жестоко подавлено правительственными войсками. И часть восставших, отступая под натиском карательных отрядов, перешла в пределы Русского государства. Беженцы расселились в Киргизии и Казахстане. Вероятно, их было около 10 тысяч. Среди беженцев были дунгане — выходцы из провинций Ганьсу и Шэньси, причем уроженцы каждой провинции селились отдельно и также отдельно продолжают жить и по сей день. Сейчас (по данным переписи 1970 г.) в СССР живет около сорока тысяч человек. Именно за ними прочно закрепилось название «дунгане».

Хуэй, жившие (и живущие) в Китае, не имели своего особого национального языка. Например, в Пекине, где их более 80 тысяч, они и сейчас говорят на пекинском диалекте китайского языка, а в Ганьсу — на местном ганьсуйском наречии. Малая связь между отдельными группами хуэй в Китае, особенно северной и юго-восточной, и отсутствие собственного языка дают некоторым ученым основание вообще ставить вопрос о неправомерности выделения хуэй в Китае в качестве особой народности, предлагая рассматривать хуэй как этноконфессиональную группу внутри китайцев (так считает, например, этнограф А. М. Решетов [21, 144, 147]).

В Советском Союзе дунгане Средней Азии и Казахстана бесспорно составляют самостоятельную народность. У них есть и свой литературный язык, сформировавшийся за последние сто лет на базе ганьсуйского диалекта, наиболее распространенного среди переселившихся в пределы России дунган⁷. В современном дунганском языке теперь много и новых слов, большей частью перешедших из русского языка или языков ближайших соседей — киргизов, казахов. Советские дунгане в большинстве своем двуязычны или даже многоязычны. Многие, особенно мужчины, знают русский язык, свободно владеют казахским или киргизским языком, а также, например, уйгурским. На дунганском языке во Фрунзе издается газета, печатаются книги (современный дунганский алфавит основан на русской графике). Среди советских дунган есть писатели и поэты, научные работники, врачи, учителя и т. п.

Первые записи дунганского фольклора были сделаны в начале 900-х годов В. Цибузгиным, выпускником Восточного факультета Петербург-

⁷ В 30-е годы дунганский язык впервые становится и объектом специальных лингвистических исследований видных советских ученых А. А. Драгунова, Е. Д. Поливанова и др.

ского университета, работавшим учителем в специально созданной для дунган (шэньсийцев) школе в селе Каракунуз (ныне село Масанчин Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР). Совместно с А. Шмаковым он опубликовал несколько песен и народных анекдотов, некоторые из них помещены и в нашем томе (см. № 56—58). В 1912 г. в книге А. П. Беннингсена «Легенды и сказки Центральной Азии» публикуются две легенды о происхождении дунган, записанные им в Сяньцзяне. В начале 30-х годов дунганский песенный фольклор, как традиционный, так и новый, собирает и публикует преподаватель Восточного факультета Ленинградского университета Б. А. Васильев, принимавший участие в экспедиции к среднеазиатским дунганам [см. 16; 17; 18].

В 1937 г. А. А. Драгунов впервые опубликовал дунганскую волшебную сказку «Три брата» [80]. В 1946 г. появился и первый специальный сборник прозаического фольклора дунган — «Дунганские сказки», составленный историками Х. Юсуровым и В. Шахматовым [13]. Собранные в нем сказки были записаны Х. Юсуровым в основном от сказителей дунган-шэньсийцев, в том числе от таких известных, как Вуахунов Хия или Хусаинов Шомузы. На базе упомянутого выше сборника с различными дополнениями и изменениями им были выпущены еще два издания на русском языке (в 1952 и 1970 гг.) и несколько книг на дунганском языке [см. 14; 5; 10; 11]. К сожалению, все эти издания несут на себе следы литературной обработки, проведенной самим Х. Юсуровым, человеком талантливым, обладающим способностями хорошего рассказчика. Его интересные книги, предназначенные для самых широких читательских кругов, вместе с тем не могут служить базой для точного фольклористического анализа.

В 50-е годы собиранием дунганского фольклора, как поэтического, так и прозаического, занялся Б. Рифтин, опубликовавший несколько статей по материалам своих записей (о старинных песнях [23] и исторических преданиях дунган [22]); некоторые из записанных им сказок публикуются в русском переводе в настоящем сборнике. С конца 50-х — начала 60-х годов М. Хасанов по заданию Сектора дунгановедения Отдела востоковедения АН Киргизской ССР занялся планомерным сборником устного народного творчества советских дунган. Им записана большая часть публикуемых здесь сказок. В 1976 г. во Фрунзе вышел небольшой сборник сказок дунган шэньсийской группы (первая в нашей стране публикация фольклора непосредственно на шэньсийском диалекте [7]). Всего им собрано к настоящему времени 105 сказок (54 записано от дунган-шэньсийцев и 51 — от ганьсуйцев), в это число не входят тексты, опубликованные Х. Юсуровым (около 80), а также некоторое количество сказок, записанных другими участниками этой книги. Почти двести сказок, легенд, преданий записано за последние 40 лет от

среднеазиатских дунган обеих групп. Чтобы понять важность этих материалов, приведем такие цифры. В Китае, где, как уже говорилось выше, живет не менее четырех миллионов дунган, не опубликовано (по данным каталога Пекинской библиотеки на 1966 г., после которого произведения старого фольклора вообще не издавались) ни одного сборника дунганских сказок. Было бы неверно думать, что сказки хуэй не записывались вообще. В книге «Избранные народные сказки провинции Ганьсу» [1], той самой, где живет более миллиона дунган, помещено только две сказки этой народности (обе они переведены для данного сборника, см. № 23 и 37). Не лучше обстоит дело и со сказками хуэй юго-западной группы — нам удалось отыскать только три сказки тамошних хуэй в «Избранных сказках разных народов провинции Юньнань» [9]. Все они также переведены для данного сборника (№ 34, 35, 51). Составители сборника сказок северо-западной провинции Цинхай, где имеется более чем трехсоттысячное дунганское население, в предисловии сами сетуют на отсутствие записей дунганских сказок. Сказки дунган, живущих и сейчас в провинции Шэньси, нам не известны вовсе. Сказочный фольклор тех мест вообще плохо изучен. В маленьком сборничке «Шэньсийские народные сказки», изданном в 1955 г. в Сиани, всего семь текстов, причем только китайских. Публикаций сказок хуэй юго-восточной группы нам вообще найти не удалось.

К этому следует добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Фольклор тех мест, откуда сто лет назад пришли предки советских дунган, т. е. северо-западных провинций Ганьсу и Шэньси, вообще исследован учеными значительно меньше, чем устное творчество других районов Китая.

Когда в середине 30-х годов немецкий ученый В. Эберхард составил каталог сюжетов китайских сказок, он смог отыскать, например, среди просмотренных им почти трех тысяч сказочных текстов только семь ганьсуйских и тринадцать шэньсийских сказок [96, 386, 388]. С тех пор, конечно, многое сделано китайскими собирателями, но все-таки сказочный фольклор Северо-Западного Китая известен еще мало по сравнению, например, с устным творчеством юго-восточных провинций Китая, хотя бы Чжэцзяна, где к середине 30-х годов было записано более тысячи сказок. Отсюда нередки и неверные выводы об отсутствии в Северо-Западном Китае тех или иных сказочных сюжетов. В. Эберхард, например, прямо писал, что в Южном и Центральном Китае сказка — жанр более живой, чем на севере или северо-западе страны [96, 9]. Такого же рода суждения мы находим, например, у авторитетного исследователя сказок китайцев и окружающих народов Дин Най-туна.

Единичные публикации прозаического фольклора хуэй в Китае и отсутствие исследований о нем приводят нас к необходимости характе-

ризовать устное творчество дунган на основании материалов, собранных в Киргизии и Казахстане.

Среднеазиатские дунгане, сказочный фольклор которых в основном и представлен в настоящем сборнике, делят устные прозаические повествования на две категории; одни они называют гучжир, другие — фу. Гучжир соответствует тому, что в нашей фольклористике называется собственно сказкой, это небольшие по объему произведения сказочного характера. Этимология слова гучжир не совсем ясна, известно, однако, что так называется сказка и в северо-западных диалектах Китая: и в Ганьсу [см. 124, 101], и в Шэньси [52, 46]. Исследователи ганьсуйского диалекта производят это слово от соединения гу — «древний» и чжин (пекинское *цзинь*) — «современный», «нынешний» [124, 101; 107, 104]; так же записывает это слово и собиратель шэньсийских сказок У Ли-цзи [52, 46]. Если согласиться с данным толкованием, то следует признать, что дунгане, как и китайцы северо-западных районов, понимают под сказкой рассказ о древних и нынешних событиях. Напомним, что вообще соединение этих слов (*гу* — «древний» и *цзинь* — «нынешний») было нередким в старом Китае, достаточно сослаться, например, на знаменитый в последние века сборник народных повестей *Цзиньгу цигуань* («Удивительные истории нашего времени и древности»), где, правда, акцентировано стоящее на первом месте слово *цзинь*, тогда как в нашем случае большое значение приобретает, видимо, *гу*⁸. Эта же идея сохраняется и в общелитературном китайском языке, где сказка именуется *гуши* — букв. «былые события», «прошлые деяния». Этот термин напоминает русское народное название былин — «старины». Однако в некоторых китайских диалектах, как и на северо-западе, вместо *гуши* существуют другие наименования. В Наньчане (провинция Цзянси), например, сказка называется просто *гу* — «древность», «древнее», в Сямыне (Амое) — *го*, а на самом юго-востоке в Чаочжоу — *гоу* все с тем же значением «древнее» [120, 188]. Как видим, и здесь акцент сделан на передаче в рассказе древних, стародавних событий. Та же идея заключена и в корейских терминах «енмаль» — «старинное слово» и «ет-ияги» — «старинный рассказ», в целом соответствующих нашему понятию «сказка».

Второй термин, прилагаемый к прозаическому фольклору, фу (пекинское *шу*) означает по-дунгански, как и на диалектах Северо-Западного Китая, «книга», а также просто «повествование». У дунган фу — это длинное повествование, типа легенды или сказа, нередко, как мы

⁸ Сравните аналогичное название составленного в X в. в Японии сборника рассказов и преданий (в том числе индийских и китайских) *Кондзяку моногатари* («Стародавние повести»), в котором акцентируется мысль о том, что все эти истории произошли не ныне, а в далекую старину.

уздим далее, восходящее к книжному тексту или к традиции профессионального устного сказа, именовавшегося у них фoфy (пекинское *шошу*) — «рассказывание книг», «рассказывание повествований».

Если попытаться приложить к дунганскому фольклору принятые в науке для классификации народных сказок термины, то мы увидим, что в сказочном эпосе дунган можно выделить сказки о животных, волшебные сказки, новеллистические и авантурные сюжеты, а также народные анекдоты, исторические легенды и сказы. Именно по таким рубрикам и распределен материал в настоящей книге. По сложившейся традиции, сборники сказок обычно начинаются со сказок о животных. В данном случае составители поступили иначе. Сборник начинается с волшебных повествований. Дело в том, что у дунган, как и некоторых других народов Дальнего Востока (китайцев, корейцев), сказки о животных занимают в фольклоре весьма малое место. В упоминавшемся выше каталоге сюжетов китайских сказок, составленном в 1937 г. В. Эберхардом, значится семь сказок, в которых действуют только животные. Сейчас благодаря записям 50-х — начала 60-х годов эту цифру можно увеличить в три-четыре раза, но все равно она будет очень невелика по сравнению со сказками европейских народов или даже японцев, у которых исследователи насчитывают более шестидесяти сказок о животных [см. 98]. Сравнительная бедность сказок о животных у китайцев и дунган (у последних к настоящему времени записано всего пять-шесть подобных сюжетов), возможно, объясняется чрезвычайно ранним переходом к земледелию и забвением охотничьего или рыболовного промысла, а также относительной бедностью фауны в Китае, где в густонаселенных районах почти нет невозделанных земель, а уж настоящих лесов и подавно.

Наибольшее место в сказочном репертуаре дунган бесспорно занимают волшебные сказки, именно их чаще всего рассказывают старики-сказители. Поэтому сборник и открывается типичной волшебной сказкой «Чжон Дачжэ бьет фазанов» — произведением на популярнейший в дальневосточном фольклоре сюжет, связанный с женитьбой на дочери правителя подводного царства. Детальный анализ всех четырех публикуемых вариантов этого сюжета дан ниже в разделе «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок», и нет необходимости говорить о нем здесь подробно. В предисловии же нам хотелось бы подчеркнуть, что сюжеты этих чрезвычайно популярных у дунган сказок существуют и в фольклоре народов, рядом с которыми жили еще сто лет назад предки среднеазиатских дунган, например у китайцев, у тибетцев и саларов, у монгольских народов (у бурят в Сибири, дунсянов в Ганьсу и у калмыков на Волге), а также у других народов дальневосточного культурного круга — от каза, живущих на юго-западе Китая, до японцев на крайнем

Востоке этого района. Отголоски этого сюжетного цикла порою в весьма измененном, сильно трансформированном виде можно обнаружить на Филиппинах, с одной стороны, и у турок — с другой. И вместе с тем ясно, что эпицентр распространения этого сюжета находится именно на Дальнем Востоке, в пределах Китая. Не случайно, видимо, в далеких от Китая версиях этого сюжета, например в кхмерской или турецкой, упоминается Китай и китайский император, замещающий царя драконов сказок народов Китая. Вместе с тем отдельные мотивы дунганских вариантов этого сюжета, например история борьбы двух змеев — черного и белого, которому помогает герой сказки, отличают эти версии от собственно китайских и роднит их со сказками соседних тюрко-монгольских народов, и живущих в непосредственной близости в пределах тех же северо-западных провинций саларов или дунсянов, и турок — самого западного из тюркских народов. Вообще, анализ как этого сюжетного цикла, так и ряда других сказок наводит нас на мысль о сюжетной близости дунганских сказок сказкам других народов Северо-Западного Китая, принадлежащих к разным языковым группам, генетически далеко не всегда связанных между собой, но живущих в непосредственной близости, предполагающей многовековое и тесное культурное (фольклорное) общение, специально никогда еще не исследовавшееся.

С первой же сказки этого сборника читатель попадает в фантастический сказочный мир дунганского фольклора, сформировавшийся много столетий тому назад и отражающий сложные этногенетические и культурные связи дунган. Два начала — дальневосточное и ближневосточное как бы слились воедино в их сказочном эпосе. Главное, что определяет сказку, особенно волшебную, — характер вымысла, роднит ее с фольклором дальневосточных народов, у которых сказочная фантастика носит как бы особый «приземленный» характер. Действие в дунганских, как, например, и в китайских, сказках происходит не в далеком и неведомом некотором царстве — тридесютом государстве, а, наоборот, все необычное случается с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. В китайских сказках нередко точно указывается даже место действия. Помещенная в нашем сборнике волшебная сказка «Девушка — белый заяц» — она записана в провинции Ганьсу — точно локализует действие в горах Мэйяшань (в местном произношении Мыйясань) в бассейне реки Дасяхэ, т. е. в пределах той же Ганьсу. Сказка «Золотая птица» точно указывает место жительства героев — окрестности города Куньмина, центра провинции Юньнань. В сказках среднеазиатских дунган эта связь с географией старого Китая уже почти утрачена, только в некоторых текстах мы находим указания на то, где будто бы случилась та или иная невероятная история. В этом плане весьма любопытно начало сказки «Красная тыква-горлянка», записанной в Казахстане у шэньсийских

дунган: «В прежние времена в Китае, в провинции Шэньси, случилось такое дело. Все про него знали, да и дело это такое, что скрывать от людей нечего. В те времена такие дела повсюду случались». Так и ждешь, что после подобного зачина будет рассказана какая-нибудь реальная бытовая история, однако далее следует повествование о юноше, попавшем в подводное царство и получившем в жены дочь морского царя драконов. В других же сказках среднеазиатских дунган действие большей частью точно не локализуется.

Примерно такая же картина и с локализацией во времени. Сказки ряда народов Дальнего Востока, например китайцев или корейцев, вообще тяготеющие к легенде, преданию, нередко точно обозначают время действия. При такой-то династии, при таком-то государе случилась такая-то история. В дунганских сказках, волшебных и бытовых, где связь с легендой значительно слабее, подобных зачинов, локализирующих действие во времени, практически не встречается. Сказка обычно начинается просто со слов: «Нэйхур ю...» — «Некогда была...» или «Шонвоп гянь ю...» — «В прежние времена была...», — относящих действие к неопределенному прошедшему времени⁹.

Мир дунганской сказки имеет и свой специфический ландшафт. Основное место в нем занимают, пожалуй, горы. Горы — это и страшные, опасные места, которые предстоит преодолеть герою (сказка «Золотая птица»), и место, куда герой едет охотиться (например, в сказке «Старый охотник»), и место, где живут разбойники и куда бежит герой сказки, спасаясь от преследования сильных мира сего. Там же, в горах, в пещере, живет и страшный сказочный змей («Чужак»). В отличие от сказок европейских народов, например, в сказках дунган практически нет леса, того страшного леса, в котором живут лешие и Баба-Яга русской сказки. Лес фактически заменен в дунганской сказке горами¹⁰. Кроме гор события в сказках происходят, конечно, и на равнине, которая, впрочем, скорее подразумевается, чем специально описывается. Фактически нет в сказках озер, редко говорится о реках, но встречаются упоминания о море, особенно Восточном море — Дунхэй (Восточно-Китайское море). Именно там живет частый персонаж китайских и дунганских сказок — царь драконов.

Большую роль в дунганских сказках играют города, иногда они точно названы, например Гучэн, Хаши, чаще же это просто абстрактный

⁹ Первое из этих сочетаний, ставшее своеобразной зачинной формулой, иногда встречается и в сказках ганьсуйских китайцев.

¹⁰ В. Эберхард пишет о том, что в сказках китайцев Центрального и Южного Китая лес играет большую роль, это лес жуткий, загадочный, населенный духами и дикими зверями. Он враждебен герою сказки, китаец «хорошо чувствует себя на равнине, покрытой полями, где нет рощ», пишет исследователь [96, 378].

старинный китайский город. В город герой идет на продажу хворост, там из специального объявления, вывешенного по повелению государя, он узнает о случившемся важном событии, например пропаже императорской дочери. Нередко это и столичный город, куда стремится герой, надеясь сдать там государственные экзамены и получить чиновничий пост. В этом отношении дунганская близка к китайской, в которой городу отведена та же роль своеобразного торгового или культурного центра.

Мир дунганской сказки «населен» земледельцами, пастухами, мелкими торговцами, дровосеками, охотниками, содержателями постоянных дворов, разбойниками, чиновниками и государями. Это, может быть, несколько странное на первый взгляд перечисление довольно полно отражает разнообразие сказочных персонажей. Интересно, однако, что в сказках, за исключением, пожалуй, злого гончара и ковроделов (сказка «Мудрость бедной девушки»), вообще не упоминаются ремесленники, которых среди дунган раньше было немало. Вместе с тем большая роль торговли — герои многих сказок часто отправляются торговать за Великую стену, т. е. в районы Внутренней Монголии или Маньчжурии — вполне отражает реальную жизнь дунган в старом Китае. Известно, что мелкая торговля, продажа скота и даже крупная посредническая торговля с давних пор были специфическими занятиями дунган-хуэй [25, 424]. Вполне естественно, что в сказках по большей части упоминаются мелкие торговцы, либо имевшие небольшие лавки в городах, либо ходившие по деревням с коромыслом и коробами и торговавшие вразнос материей, украшениями, всякой прочей мелочью. Не должно вызывать удивления и то, что действие многих сказок происходит на постоянных дворах — ведь в прежние времена «вдоль всего великого тракта Пекин — Кульджа тянулись цепочкой постоянные дворы, содержателями которых были хуэй. Даже в период наиболее тяжелых гонений против мусульман (а они проводились периодически в годы правления династии Цин) в этих постоянных дворах мусульманин мог найти безопасный ночлег и необходимую помощь ремесленника, если нужно починить повозку и т. п.» [25, 424]. Однако в дунганской сказке постоянный двор — место далеко не безопасное, напротив — страшное: там убивают путников, грабят их, кормят человеческим мясом. Жизненная действительность и сказочная «реальность» здесь не дополняют друг друга, а, наоборот, резко расходятся; здесь, видимо, проявляется характерное для повествовательного фольклора вообще несовпадение реального и фольклорного художественного миров.

В сказках дунган и общественные отношения старого Китая часто предстают в трансформированном виде. Герои сказок сталкиваются с чиновниками, но если в сказках китайцев чиновник обычно, как это и

было в реальной жизни, живет в уездном городе (почти всегда это уездный начальник, та единственная власть, с которой непосредственно сталкивался простой народ), то в дунганских сказках, например в сказке «Чжон Дачжэ бьет фазапов», чиновник оказывается вдруг жителем той же деревни, что и сам герой. Еще более странные метаморфозы происходят с императором. Живет-то он, как и полагается, в столице, по самой ситуации в сказке он как бы тоже приближен к простонародью. Так, в сказке «Снаружи блеск — внутри пустота» герой — простой старик дружит с самим императором, словно с соседом-горожанином. Сказочный герой, победивший зло, легко становится в конце концов государем — черта, общая для сказок разных народов, но встречающаяся у дунган не только в волшебных сказках, но и в исторических сказах, где описываются реальные исторические события и действуют реальные персонажи. Так, Щюэ Жынгуй (кит. Сюэ Жэнь-гуй), знаменитый полководец VII в., в конце сказочного повествования становится императором, хотя это и противоречит исторической правде. В сказках государя живут, как и положено, во дворцах, которые называются в фольклоре дунган не общеитайским словом *гун*, а образным выражением *ч ж и н л у - б о д я н ь* — «золотые терема — драгоценные палаты», но нет-нет да и проскользнет в сказке слово *фонцзы*, и получается, что император, как и простой смертный, живет в обычной дунганской фанзе.

Особо следует сказать о том, что в сказках, записанных от среднеазиатских дунган, часто говорится о двух царствах и соответственно о двух государях. В сказках же народов Дальнего Востока, где действие часто точно локализовано в пределах одной страны, например Китая, такие случаи весьма редки. В. Эберхард считает, что в сказках, где упоминаются два государя или говорится о женитьбе на дочерях каких-то соседних правителей, могли отразиться воспоминания о периодах временной раздробленности Китая в средние века, когда на севере страны появлялись князьки и правители, существовавшие одновременно с императорской властью; здесь могли отразиться и воспоминания о древних племенных вождях или родовых предводителях юга Китая [96, 378—379]. Не исключая правомерности подобного предположения, мы хотели бы подчеркнуть, что у дунган, где подобные ситуации — два государя в одной сказке — встречаются гораздо чаще, мы, видимо, имеем дело в первую очередь с сюжетами, заимствованными из фольклора соседних педальневосточных народов, главным образом, вероятно, тюркских.

Мы уже упоминали о том, что герой дунганской сказки нередко отправляется в столицу сдавать экзамены. В старом Китае со 121 г. до н. э. и до начала XX в. существовала строгая система государственных экзаменов, сдав которые человек получал соответствующее звание

и обычно назначение на ту или иную чиновничью должность. Сначала желающий — а им мог быть формально любой человек, имеющий безупречную репутацию, т. е. не бывший ранее под судом, не подвергавшийся телесным наказаниям, не являющийся ближайшим потомком людей «подлых» (по тогдашним понятиям — слуг, сторожей, сыщиков, оружейников, актеров или парикмахеров), — должен был выдержать экзамены в уездном городе и получить ученую степень *сюца*, потом через год он мог отправиться в главный город своей провинции и экзаменоваться на степень *цзюйжэня*; получивший эту степень приобретал право попытаться счастья на экзаменах в столице, которые проводились там раз в три года; прошедшим и эти строгие испытания присваивалось звание *цзиньши* (букв. «вступающий на службу»), а трем лауреатам давались особые титулы. Лучший из лучших именовался *чжуанъюань*, второй — *банъань*, третий — *ганьхуа*. Такой порядок экзаменов был установлен при династии Тан (VII—X вв.).

Мы специально столь подробно изложили всю сложную и многоступенчатую систему экзаменов, чтобы подчеркнуть, насколько проще выглядит она в дунганских сказках, где герои едут сразу в столицу и легко получают звание *чжуанъюаня* (дунг. ч ж у о н ъ ю а н ъ). В китайских сказках такое встречается достаточно редко, там чаще фигурируют герои-*сюцаи*, т. е. люди, получившие самые низкие ученые степени. Не исключено, что такая популярность *чжуанъюаней* в дунганских сказках в известной мере связана с влиянием как старинной драмы, так и традиционного благожелательного лубка, где как раз *чжуанъюани* упоминались весьма часто.

Характерной фигурой дунганской сказки является ю а н ъ в э й (кит. *юаньвай*). Ю а н ъ в э й (букв. «без места, без поста») — первоначально (V—VI вв.) внештатный чиновник, не занимающий официального поста. Со временем этим словом стали называть вообще богатого хозяина, владельца большой усадьбы. Юаньвэй дунганской сказки в целом похож на помещика русской сказки, но вместе с тем образ юаньвэя, пожалуй, более сложный, отношение к юаньвэю в сказке нередко положительное, почтительное, а женитьба на дочери богатого юаньвэя в дунганской сказке функционально равна женитьбе на дочери императора. В этом отношении дунганская сказка отличается от хорошо знакомой нам русской, где герой часто женится на царской дочери, но почти никогда на дочери богатого помещика. Юаньвэй встречается и среди персонажей сказок китайцев, но, судя по известным нам записям, гораздо реже, чем у дунган. И уж вовсе никогда в китайском фольклоре, как и в фольклоре других дальневосточных народов, не встречается такой персонаж дунганской сказки, как а х у н. Слово а х у н — персидского происхождения, его первое значение «учитель», «наставник», отсюда «наставник веры»;

у дунган и некоторых соседних народов, например саларов, этим словом обозначается мусульманский священник — мулла. Казалось бы, в сказках дунган, издавна исповедующих мусульманство, ахун должен быть столь же частой фигурой, как, например, поп в русской сказке. Однако это не так. Из семидесяти восьми помещенных здесь сказок образ ахуна встречается только в шести. При этом бросается в глаза одно любопытное обстоятельство — из этих шести сказок три записаны в Китае. Создается впечатление, что в сказках китайских хуэй влияние мусульманства (и религии, и обрядов) ощущается гораздо сильнее, чем в сказках среднеазиатских дунган. Это, вероятно, можно объяснить тем, что именно мусульманская религия является для хуэй в Китае главным признаком, отличающим их от соседей — китайцев, с этим связана известная актуализация в фольклоре именно религиозных моментов. Дунгане же, поселившиеся среди тюркских народов Средней Азии, исповедовавших мусульманство, не нуждались в подчеркивании именно мусульманского характера своего фольклора, наоборот, их сказки отличает как раз привязанность к изображению старинных специфически дальневосточных черт быта.

Мир героев сказок каждого народа обычно как бы замкнут, в нем действуют свои традиционные персонажи, характерные представители национальной жизни данного народа. Мир дунганской сказки, как мы видим, скорее открыт, разомкнут, в него легко входят персонажи фольклора соседних народов. Так, в дунганских сказках действуют и ламы, и буддийские монахи, и монахи-даосы.

Все они, впрочем, похожи друг на друга — умеют распознавать оборотней, борются с помощью различных заклинаний и прочих магических средств с силами, вредящими человеку. Как и в китайских сказках [186, 249], образ монаха или ламы может быть и положительным, когда он помогает герою избавиться от нечистой силы, и отрицательным, когда он служит злым силам, например в истории о Хуон Тяньба (№ 75). В некоторых случаях определить отношение к монаху вообще сложно, его нельзя описать однозначно. В сказке «Семнадцатилетняя мать — восемнадцатилетний сын», например, лама избавляет героя от жены — дочери царя бесов, но образ жены-го в сказке явно положительный, и в конце повествования жена, которую монах-лама фактически загнал в могилу, выходит оттуда и к радости мужа и сына возвращается в их дом. Ясно, что образы буддийских и даосских монахов попали в дунганские сказки из китайского фольклора, где, правда, с нечистью борется обычно монах-даос, а образ ламы заимствован из фольклора тибетцев или монгольских народов, в устном народном творчестве которых также весьма часто встречаются сюжеты о борьбе ламы с оборотнем. Следует подчеркнуть, что функциями магов и избавителей от нечисти наделены в дунганских

сказках только служители чужих религиозных культов, а хугам такие способности никогда не приписываются.

К числу постоянных героев дунганской сказки относятся и бессмертные — шыңцяньи (кит. *шэньсянь*). В отличие от монахов, шыңцянь — персонаж всегда положительный. Шыңцянь помогает герою избавиться от оборотня, победить чудовище и т. п. Иногда в тексте не говорится, что добрый человек, встретившийся герою и предупредивший его об опасности (например, в сказке «Девушка-змея»), это бессмертный-шыңцянь, но его облик — белобородый старец — в сочетании со способностью мгновенно исчезать наводит героя сказки и слушателей (или читателей) на мысль, что ему помог именно шыңцянь.

Образы бессмертных-шыңцяней пришли в дунганскую сказку из китайской. Они восходят к древней даосской мифологии, вобравшей в себя черты различных архаических верований и шаманизма. В средние века в Китае был создан целый цикл сказаний о восьми бессмертных (по-китайски они называются *басянь*). Отголоски этих сказаний мы находим у разных народов Китая, например у хуаньских мяо, отмечены они и у среднеазиатских дунган, у которых записаны сказки о Ли Тегуае («Бессмертный Телигуэй», № 29), а также не вошедшие в данный сборник стихотворные истории о Хань Сян-цзы (дунг. Хань Шэньцзы или Хань-щюэцэй) — «Хань Шэньцзы продает даосский халат» и «Хань Шэньцзы переводит в иной мир Лин Ина». Хань Сян-цзы — обожествленный реальный персонаж, племянник знаменитого ученого и писателя Хань Юя (768—824), но в народных сказаниях он показан типичным чудесником, способным творить чудеса. Стоит ему, например, бросить в воду свой халат, как на воде тотчас же распускаются двенадцать прекрасных пионов [3, 106—108]. Вообще, произведения о бессмертных в дунганском фольклоре стоят несколько особняком, и хотя в центре подобных сказок, как и в волшебной сказке, всегда оказывается какое-нибудь чудесное событие, но главный акцент делается на уходе героя от мира, на освобождении от земных пут, для чего он готов забыть обо всем, даже бросить, подобно Телигуэю, жену во время родов. В целом такие истории должны быть выделены в особую группу, более близкую к религиозным легендам о святых, чем к волшебным сказкам.

К образам шыңцяней в дунганских сказках примыкает характерный для ближневосточного и среднеазиатского фольклора образ святого Хизира. Его имя восходит к арабскому слову «хадир» — «зеленый» (напомним, что зеленый цвет — символ мусульманства). В сказках он нередко появляется именно в зеленой одежде, он спасает заблудившихся путников, оживляет умерших. Ему же приписывается нахождение источника с чудесной волшебной водой (например, в киргизском фольклоре). Предполагают, что легенды о Хизире (Хызире) «имеют очень древ-

пее происхождение и, возможно, связаны с представлениями о духе моря, приходившем на помощь мореплавателям, терпящим бедствие» [83, 513]. В сказке «Вонгэр и Быйнюр» он является во сне к обиженному и обманутому герою и подсказывает волшебные слова, с помощью которых герой восстанавливает справедливость. В сказании о династии Тан, известном у среднеазиатских дунган, рассказывается о прибытии во дворец танского государя старца Хизира, который отгадывает смысл таинственных слов «вынвын-цынцын», а затем уговаривает императора отречься от престола и уводит его к небожителям¹¹, т. е. действует как типичный даосский шынцзянь.

Не менее сложен и пестр мир «чудесных» персонажей дунганской сказки. В нем соседствуют самые разные по своему происхождению герои. Чаще всего мы сталкиваемся с ч ж и н а м и (кит. *чжин*) — оборотнями. Слово это имеет много значений: «отборный рис» и «семя», некая «внутренняя энергия», а отсюда, видимо, и другой его смысл — способность к оборотничеству. Сами дунганские сказители так объясняют появление оборотней-чжинов: «...чжин может получиться из старой вещи. Когда много лет часто пользуются какой-нибудь вещью, то часть души людей, которые прикасаются к ней, переходит в эту вещь. Совсем незаметно, каждый день очень понемногу, ну так, как переходит тепло. И в конце концов, когда души перейдет столько, сколько надо, вот тогда-то вещь и может обратиться в чжина. А этот чжин, если захочет, может превратиться в то, из чего он образовался. Ведь чжин — это почти человек, но только у него нет настоящей полной человеческой души, а лишь самая маленькая ее часть» [13, 26]. В дунганской сказке чжином может стать и старый забытый за шкафом веник, как в записанной Х. Юсуровым сказке «Веник-чжин», откуда взято приведенное выше объяснение, и куст тальника (сказка «Девушка и чжин» из того же сборника), но чаще, как в публикуемых здесь сказках, чжин — это оборотень не старой вещи, а старого живого существа, с годами получившего способность менять свой облик и становиться человеком.

У дунган, как и у других народов Дальнего Востока, существует представление о том, что животное, прожившее сто лет, меняет свой цвет и становится белым, а прожившее тысячу лет — черным. Такие животные и обладают обычно способностью принимать человеческий облик, недаром в сказке «Девушка-змея» специально подчеркивается, что красавица, которую полюбил герой, на самом деле змея, прожившая тысячу лет. В сказке «Белая лисица» речь идет о белой лисе, принявшей облик девочки. Во всех этих случаях оборотни одновременно и вампиры, они или

¹¹ Сказание записано М. Хасановым от Харова Бара в 1958 г. в селе Шор-Тюбе Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР.

прямо сосут кровь у своих жертв, как белая лисица, или лишают свою жертву жизненной силы, как это происходит в сказке «Паук-оборотень», где девушка желтеет день ото дня после того, как к ней стал тайно приходить некий юноша, оказывающийся оборотнем старого паука, жившего во дворе под навесом в большой плетеной корзине. Опять, видимо, речь идет о забытой, давно не используемой вещи, раз в ней смог поселиться огромный, величиной с черепаху, страшный паук.

Наряду с оборотнями-чжинами в дунганских сказках часто действуют и оборотни-чудовища, которых называют ёгуэй (кит. *яогуай*). В отличие от оборотня-чжина, который, явившись в прекрасном облике красавицы или красавца-юноши, соблазняет свою жертву, ёгуэй — обычно чудовище, грубо похищающее людей. Образ ёгуэя чем-то напоминает злого змея русского фольклора.

В помещенных здесь сказках читатель столкнется и с другими разновидностями сказочных чудовищ: диким волосатым человеком-людоедом (е м о ж ы н, кит. *эмаожэнь*), чудовищем гуэйво (кит. *гуайу* (?)) и т. п. Каждый из них встречается только в одной-двух сказках, и дать им точную характеристику пока затруднительно. Можно сказать лишь, что, судя по названиям, образы этих страшных персонажей генетически связаны с дальневосточной мифологией. Есть среди чудовищ дунганских сказок и персонажи, типичные для центральноазиатского фольклора. В сказке «Понжыр» семиглавое чудовище именуется «мынгуцзы». Мынгуцзы происходит от монгольского *мангус* — многоголовое чудовище монгольского эпоса. Но дунганское мынгуцзы восходит явно не к халхаской форме этого слова, зафиксированной в монгольском языке, а к одному из локальных фонетических вариантов, скорее всего оно заимствовано от ганьсуйских монголов, у которых это слово произносится *мангудзе* [199, 344]. У этого чудовища семь голов и одна из них, в которой заключена жизнь чудовища, — лошадиная. В монгольских сказках и эпических поэмах нам не удалось найти такой детали, но в обнаруженных недавно монгольским академиком Ц. Дамдинсурэном тибетских и монгольских версиях индийской «Рамаяны» у антагониста Рамы, десятиголового Раваны, почти всегда средняя голова именно лошадиная [151]. Это наводит на мысль, что в образе мынгуцзы дунганской сказки отразились не только монгольские, но и тибетские представления о многоголовом чудовище.

В дунганском фольклоре даже в пределах одной сказки иногда сталкиваются чудесные персонажи не только дальневосточного и центральноазиатского фольклора (в сказке «Понжыр» наряду с мынгуцзы действует и оборотень-ёгуэй, похищающий принцессу), но и ближневосточно-среднеазиатского мифологического круга. В сказке «Паршивый», например, одни из ворот в царстве пери (тоже, кстати, персонаж ближневосточного и среднеазиатского фольклора) охраняют злые духи — великаны-девуцзы,

другие — чудовища ёмогузуй, а третьи — ежынгуй — дух дикого человека. Слово де в у ц з ы происходит от иранского «дэв», которым в иранской мифологии обозначается волосатый и страшный гигант, злой великан-людоед, обычно вредящий людям.

На дальневосточной почве, но под влиянием уже индо-буддийских мифолого-религиозных представлений [216, 276—277] сложился образ царя драконов Лун-вона (кит. *Лун-ван*) — хозяина водной стихии, управляющего облаками и посылающего на землю дождь. Земледельцы-дунгане еще не так давно в засушливые годы устраивали специальные моления о дожде — ч ю ю й. В этом обряде, как и в старом фольклоре дунган, тесно переплетались мусульманские представления с древними чисто народными верованиями. Так, например, в селе Милянчуан, в Чуйской долине, где живут дунгане ганьсуйской группы, в засушливые годы люди собирались на берегу реки или в мечети и там приносили в жертву корову или нескольких баранов. Во главе с ахуном они возносили молитвы и читали Коран. Потом в реку бросали лошадиный череп, на котором была написана сура из Корана. Затем дети кидали в воду мелкие камушки якобы для того, чтобы разбудить спящего дракона, который должен испускать дождь (интересно, что взрослым кидать камушки строго воспрещалось). У шаньсийских дунган в Казахстане этот обряд выглядел так же, только камушки полагалось кидать не в реку, а в родник. Возможно, как раз поэтому в сказке «Чжон Дачжэ бьет фазанов», записанной именно у шаньсийских дунган, герой, чтобы вызвать посланца царя драконов Лун-вона, должен зажечь курительные свечи подле родника.

Мы говорили главным образом о персонажах дунганской волшебной сказки, но и в сказках новеллистических, не содержащих ничего сверхъестественного, встречаются персонажи, роднящие дунганский фольклор с творчеством соседних, главным образом тюркских, народов. К их числу следует, видимо, отнести образ т у ц з ы — лысого, паршивого, т. е. человека, облысевшего от парши. Аналогичный персонаж, причем с той же примерно функцией — хитрого обманщика, удачливого плута, добивавшегося намеченной цели,— присутствует практически повсеместно в тюркском сказочном эпосе и называется там сходным по звучанию словом *таз*, засвидетельствованным еще в древнетюркских памятниках [152, 543]. Имеем ли мы здесь дело с заимствованием из тюркских языков в китайский и дунганский или наоборот — пока не совсем ясно. Образ т у ц з ы встречается и в сказках китайцев, но значительно реже, чем у дунган. Возможно, что актуализация у них этого образа связана именно с влиянием фольклора соседних тюркских народов. Часто сказки отражают социальные и семейные отношения дунган, традиционную мораль. В них торжествуют обездоленные герои: падчерица, очень напоминающая Золушку (сказка «Мачеха»), пасынок («Красная тыква-горлянка»), бедный

юноша («Чжон Дачжэ бьет фазанов»). Нередко герой сказки добивается успеха в жизни благодаря трудолюбию, знанию какого-либо мастерства. Так, в сказке «Мудрость бедной девушки» героиня, дочь простого крестьянина, наотрез отказывается выйти замуж за императора. «Зачем я стану выходить за него,— говорит она,— ведь он не способен ни к какому ремеслу. Ныпче оп император, а завтра как будет — неизвестно. Что оп тогда сможет делать?» — И дает свое согласие только после того, как император научается ткать ковры, что и спасает его потом от верной смерти в логове разбойников.

Особо следует сказать о семейных отношениях в дунганских сказках: между героем и героиней, с одной стороны, и злой мачехой (но никогда не отчимом!) — с другой, между героем и его дядей, между сыном и матерью или отцом, между мужем и женой. При этом нам хотелось бы отметить постоянное упоминание ч ж ю ч ж ю — дяди брата матери. Дядя же по отцовской линии, кажется, не встречаются в сказках вовсе. Упоминание о дяде по материнской линии, видимо, должно свидетельствовать о большей роли у дунган именно материнского рода, а не отцовского. Недаром и по сей день у среднеазиатских дунган сохраняется обычай, согласно которому вскоре после свадьбы молодая жена возвращается на некоторое время в дом родителей, а потом гостит у дяди — брата матери [32, 43]. В дунганских сказках герои часто братаются. В этом нашел отражение реальный обычай старого Китая, о котором подробно сказано в примечаниях к сказке «Братья» (№ 15). Здесь же следует отметить, что побратимство в сказке нередко используется ложным героем для того, чтобы обмануть простодушного главного героя.

Во многих сказках дунган прославляется идея сыновней почтительности. Идея эта, конечно, жила в народе с древнейших времен, но она актуализировалась в сказках дунган, как и самих китайцев, явно под влиянием конфуцианства, выдвигавшего идею *сяо* — почтительности к родителям и старшим в качестве основы морали. Эта мораль была настолько всеобщей в старом Китае, что ее восприняли и неконфуцианцы. Недаром уже в первых веках н. э. буддийские проповедники в Китае включили повятие о *сяо* в свои священные книги, где первоначально не было ничего подобного. То же, видимо, в известной степени произошло и с мусульманами-хуэй. Влияние конфуцианства как официального мировоззрения в Китае было так сильно, что, по словам М. Сушанло, дунгане наряду с Аллахом почитали и конфуцианского верховного владыку [26, 249]. Конфуцианство не просто мирно уживалось с мусульманством — хуэй стремились всячески доказать, что «арабская вера в служении верховному владыке неба похожа на конфуцианскую в служении верховному владыке неба» [19, 21—22].

Еще в XIII в. в Китае была составлена книга «Двадцать четыре при-

мера сыновней почтительности», которая стала очень популярной у разных народов Дальнего Востока. Некоторые из вошедших в нее преданий широко известны и у дунган, в том числе и среднеазиатских. Особенно это относится к истории о Вон Щёне (кит. Ван Сян), который теплом своего тела растопил лед, чтобы поймать рыбу, необходимую как лекарство больной маечхе. Это сказание было записано нами в 1954 г. в селе Шор-Тюбе от 74-летнего Машанло Лира. Этот же сюжет встречается в числе других и в дунганской народной вышивке, например, на женской накидке пыйчжянь (село Каракунуз).

Идеи сыновней почтительности и соответственно наказания непочтительных детей пронизывают и некоторые из помещенных здесь новеллистических сказок — «Чжин-мацзы», «Бинляр оплакивает мать», «Снаружи блеск — внутри пустота».

Герои дунганских сказок носят очень разные имена, в одних случаях близкие к китайским (например, Чжон Дачжэ, Чжон Тянью, Чжинхуа, Шинчон и т. п.), в других — явно мусульманские (Исхар, Исмар, Айша и т. п.). В этой двойственной системе имен сказочных героев отразились обычаи дунган, дававших раньше своим детям нередко одновременно и мусульманские и китайские имена, при этом дочерям чаще давали имена китайского типа, например Чжинляр — Золотой лотос, Чжинхуа — Золотой цветок, Быйнойцзы или Быйнюр — Белая девушка. «Если в семье были одни девочки, их называли так: Дачже — Старшая, Эрчже — Вторая, Саньчже — Третья и т. д.; если мальчики — то Лода — Старший, Лоэр — Второй, Лосань — Третий. Последних детей называли Ловар — Последний сын, Лочжер — Последняя дочь» [32, 46]. Как указывает этнограф Л. Шинло, в семье дунгане при обращении друг к другу используют не имена, а термины родства, обращаясь к старшему брату, называют его гэгэ — «старший брат», его жену со цзы — «старшая невестка». Эти же особенности сохраняются и в дунганских сказках. Особое табу накладывалось у дунган на имена свекра и свекрови. По данным той же исследовательницы, невестка не только не имела права называть по имени родителей мужа, но и вообще произносить слова, звучащие одинаково с их именами. По этому поводу существовало немало занятых историй о находчивых невестках. Вот одна из них.

Как-то один человек решил проверить, как невестка одного старика выйдет из затруднительного положения. Он спросил ее, дома ли свекор, и попросил спросить, не купит ли тот семь лошадей, которых он привел. Свекра звали Чир, что означает «семь», но невестке нельзя было произнести это слово, не оскорбив свекра. Невестка оказалась сметливой, она объяснила свекру так: «Отец, один человек привел пять и еще пару коней и велел спросить, нужны ли они вам» [32, 44]. Так невестка выполнила поручение и не нарушила строгого запрета.

Проблема происхождения имен и фамилий среднеазиатских дунган крайне сложна. Практически фамилии и имена их предков, пришедших в пределы России, стали писаться слитно и образовали уже сложные фамилии, которые наследовали потомки. Например, Малода, когда-то распадавшаяся на фамилию Ма и имя Лода («Почтенный старший»), превратилось теперь просто в фамилию. В этой связи перед переводчиками и редактором этой книги стал сложный вопрос, как передавать в русской транскрипции имена сказочных героев. Учитывая, что мы имеем здесь дело со старинными повествованиями, в которых иногда герои называют и отдельно свои родовые односложные фамилии типа Ма, Ён, Чжон и т. п., решено писать фамилии героев раздельно, а двусложные, китайского типа, имена слитно, а не через дефис, как принято для имен китайцев. Этот принцип, однако, далеко не всегда можно было провести последовательно, так как не всюду ясно, имеем ли мы дело с фамилией и именем или только с именем. Например, героя сказки «Девушка-змея» зовут Чисань. «Сань» — значит «три», и логично предположить, что это не имя, а фамилия и имя, т. е. Чи Третий, однако дунганский лингвист Ю. Яншансин, специально занимавшийся дунганской ономастикой, считает, что это имя, происшедшее от соединения чисел 7 (чи) и 3 (сань). По его словам, у дунган существовал обычай, по которому, если у старого человека вдруг рождался сын, ему давали имя, состоящее из числительных, соответствующих возрасту отца. Таким образом, имя Чисань должно означать — Сын 73-летнего отца, а имя Лючи или Лючир соответственно — 67-летнего. Имеем ли мы здесь дело с поздней народной этимологией или с реальным обычаем, сказать трудно.

Художественный мир дунганской сказки определяется не только действующими в нем «реальными» и фантастическими персонажами, но и сложной системой их отношений, символикой цветов или даже чисел. Дунгане, особенно женщины-вышивальщицы, знают десятки названий для различных цветовых оттенков. Весьма популярны у дунган красный и зеленый цвета. Когда-то считалось, что эти яркие краски, особенно красная, отпугивают нечистую силу, оберегают от напастей. Оба эти цвета преобладали в наряде невесты, в раскраске повозок и конской сбруи. «По рассказам бывших промысловиков-извозчиков, раньше они окрашивали спицы колес в зеленый, деревянные ободки и борта повозок — в красный цвет не только для красоты, но главным образом, чтобы был благополучным путь, чтобы избежать напастей» [26, 258]. Белый цвет считается у дунган, как и у китайцев, цветом траура.

В сказочном же мире мы находим, во-первых, крайне малое количество цветовых обозначений (белый, красный, черный, желтый, в единичных случаях синий и зеленый), во-вторых, символика цветов там несколько иная. Наиболее важен здесь белый цвет, но совсем не как цвет

траура, а как цвет, связанный с чудесными животными (белый змей, белый заяц, белый конь), которые обычно помогают герою. Исключение составляет белая лисица-оборотень, о чем шла речь выше. Напротив, эпитет «черный» прилагается в основном к отрицательным персонажам и явлениям (черный змей, черный вихрь, черный глупец — бранное обращение к царю драконов и т. п.). Ничего хорошего не предвещает и желтый цвет: желтый вихрь уносит героиню, желтый цвет лица свидетельствует о связи с вампиром-оборотнем. Синий и близкий к нему зеленый цвета в сказках ассоциируются с темными силами — у чудовища лицо или спящее или зеленое, зеленый дым сопутствует появлению чудовища, стружкой синего дыма подымается в небо душа врага героя.

Многое можно сказать и о числовой символике. Наряду с тройкой, характерной для сказочного эпоса самых разных народов, часто упоминается более специфическая для дальневосточного фольклора семерка, число семьдесят два, девятка и производные от нее, особенно девяносто девять. Девяносто девять человек сгубил в сказке злой монах, девяносто девять железных колесниц сбрасывает в реку герой-богатырь и т. п. Согласно представлениям древних жителей Китая, девять было основным нечетным (или как тогда называли мужским) числом. Счет в древности велся не на десятки, а на девятки. Одновременно с числами, популярными в сказках народов Дальнего Востока, в фольклоре дунган особое место занимает и число сорок, попавшее туда явно уже из ближневосточной культурной традиции (вспомним «Али-Бабу и сорок разбойников» — сказку, известную и у дунган под названием «Ю-иба» — «Дедушка-путешественник»¹², или «Рассказы сорока визирей» и т. п.). Сорок дней и ночей играет герой для царя драконов, через сорок дней после свадьбы или смерти родителей героя происходят всякие события. Важно подчеркнуть, что и здесь в характерных для дунганской сказки числовых обозначениях сталкиваются две традиции дальне- и ближневосточная.

Художественный мир волшебной и бытовой дунганской сказки в целом характерен и для тех больших прозаических повествований, которые именуются «фу» и которые генетически связаны со старинными китайскими романами-эпосами, в свое время возникшими (начиная с XIV в.) на основе опять-таки народных легенд и сказов. Сказы эти, обработанные талантливыми литераторами и обретшие письменную форму, потом вновь возвращались в народ через посредство целой армии профессиональных сказителей-шошуды. Б. А. Васильев, описавший дунганский фольклор начала 30-х годов, упоминает о прозаических сказах, связанных с китайскими романами «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на за-

¹² Скорее всего, однако, Ю-иба — просто транскрипция имени Али-Баба.

пед», «Младшие пять справедливых», «Дела судьи Бао», «Дела судьи Ци» (по-видимому, опечатка и должно быть «судьи Ши»¹³) [18, 246]. Из этого списка пока не удалось обнаружить никаких следов сказаний о младших пяти справедливых, зато записаны сказания о Чин Цюне (кит. Цинь Цюн), восходящие к романам «Сказания о династиях Суй и Тан» и «Сказание о Тан». Этот сюжет под названием «Гуон-хуэй» помещен и в настоящей книге. Здесь же читатель сможет познакомиться и с историей Шюэ Жынгуйя (кит. Сюэ Жэнь-гуй), восходящей к китайскому роману «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на восток». С романом «Сюэ Ган выступает против Тан», вероятно, связано и повествование «Щё Кур». Данный в приложении пересказ сюжета о младенце-царевиче, подмененном дохлой кошкой, бесспорно есть переработка начала из романа XIX в. «Трое храбрых, пятеро справедливых». К этому списку следует добавить еще сказания о войне с киданями, связанные с романом «Полководцы из рода Ян». Сказания эти любил рассказывать один из лучших дунганских сказочников-шэньсийцев — Хия Вуахунов. Особо следует сказать и о влиянии цикла, связанного с романом «Речные заводы». Сказания эти менее популярны, чем другие, их умел рассказывать, кажется, лишь живший во Фрунзе сказитель Чжонтяньхэ (в рукописном отделе Отделения общественных наук АН Киргизской ССР хранятся записи его повествования об У Суне, убившем страшного тигра). Однако в ряде сказаний мы встречаемся с упоминанием молодцов из стана с горы Лёнсань (китайское Ляншань), т. е. героев «Речных заводов». Образы эти вошли в быт дунган. М. Сушанло, например, пишет, что в былые времена, еще в начале нашего века, для угощения наиболее почетных гостей дунгане готовили обед из 108 блюд, называвшийся и бый дан ба чжён, т. е. «сто восемь полководцев», каждое блюдо которого посвящалось одному из ста восьми молодцов гор Лёнсань [26, 168]. Эти же 108 героев изображались и на старинных китайских игральных картах, возможно имевших хождение и у дунган.

Подробное исследование сказаний по мотивам старинных романов дано в разделе «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок», здесь же нам хотелось бы поставить лишь один общий вопрос: какими путями проникли к дунганам — мы имеем в виду среднеазиатских дунган — эти сюжеты? Путей, видимо, было два: непосредственно через книгу и в устной передаче. Среди дунган начиная с той поры, когда они пришли в пределы России, было крайне мало людей, знавших иероглифику. По некоторым данным, среди беженцев было всего человек пять, умевших

¹³ Орывок из этого цикла под названием «Хуон Тяньба» помещен и в нашем сборнике.

читать по-китайски¹⁴. Традиция эта, однако, не прервалась совсем, и еще в 50-е годы среди дунган встречались старики, знавшие иероглифику. Это, например, Чжонтяньхэ, родившийся в Синьцзяне и учившийся там в школе, это Хуонсы-лохань (старик Хуонсы), живший в Токмаке, это Мамар-щёнсын (лекарь Мамар) из Каракунуза. Характерно, что все они пользовались славой замечательных рассказчиков, знатоков старинных сказаний. В доме у старика Хуонсы хранилось даже старинное литографированное издание романа о династии Тан. Другой случай представляет собой творчество неграмотного сказителя Хия Вуахунова. В молодости он отправился торговать в Северо-Западный Китай, где и остался, увлекшись театром и выступлениями сказителей-шошуды. Чуть ли не десять лет прожил он там, истратив все деньги и питаясь добровольными подачками. Однажды земляки, приехавшие торговать, пожалели его и увезли голодного и оборванного обратно в Казахстан. Обладавший отличной памятью и сказительским талантом, Хия Вуахунов прославился как один из лучших дунганских сказителей, мастерски рассказывавший и волшебные сказки, и истории, связанные с сюжетами старинных романов.

Наличие в дунганском фольклоре переложений старинных романов, а также повестей (например, «Юй Быйи разбивает цитру») и даже традиционных драм, вроде истории о Чжон Юе, кипятившем море (№ 4), накладывает особый отпечаток на всю народную прозу. Устные версии старинных романов во многом приближаются к сказке, часто волшебной, но и сказка, в свою очередь, испытывает явное влияние несказочной прозы. Это выражается в некоторой бытовизации сказки, «приближенности к жизни» всего художественного вымысла, а также «новеллизации» сюжета, которая ведет и к совершенно несвойственной волшебной сказке смене ролей героев, изменению авторской позиции. Особенно заметно это, например, в упомянутой выше истории о Чжон Юе или в сказке «Девушка—белый заяц». В этой сказке классическая сюжетная схема (юноша добывает себе чудесную жену) сильно трансформирована. И рассказ ведется не с «точки зрения» юноши, а, наоборот, «с точки зрения» девушки, которая сама попадает в дом героя. Смена ролей в сказке сочетается и с сильной бытовизацией действия, с уменьшением значения чудесного элемента: героиня там не волшебная жена, дочь хозяйка какой-либо стихи, а просто девушка, способная менять свой облик лишь благодаря чудесной курточке, которую ей дал заяц.

В заключение несколько слов о языке дунганских сказок. Как уже отмечалось, в языке дунган много заимствованных слов. В сказочный фольклор они, однако, почти не проникли. Видимо, можно говорить ско-

¹⁴ Следует иметь в виду, что среди дунган всегда были и люди, знавшие арабскую грамоту, а иногда писавшие арабскими буквами по-дунгански, что, однако, вызывало большие затруднения при чтении.

рее об определенной архаичности языка сказок, использовании лексики, мало употребительной в современной речи. Самое частое исключение здесь, пожалуй, слово «тецзы» — «рубль», употребляемое вместо названий старинных денежных единиц, а иногда и наряду с ними.

* * *

Сказки, публикуемые в настоящей книге, были записаны в основном в 50—60-х годах у дунган Киргизии и Казахстана. Почти все они впервые переведены на русский язык. Переводчики стремились с максимальной точностью передать текст оригинала, не допуская никакой литературной обработки полевых записей. Сведения о месте и времени записи каждой сказки читатель найдет в разделе «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок», а данные о сказителях — в приложенных к книге «Сведениях о рассказчиках». Специфические слова и выражения, оставленные без перевода, даны в конце книги.

Поскольку в этом сборнике объединены сказки, записанные у среднеазиатских дунган, а также у хуэй провинций Ганьсу и Юньнань, то встал вопрос, как транскрибировать имена в сказках, записанных, например, в Юньнани, где они произносятся в соответствии с местной фонетической нормой. Чтобы не усложнять написание, имена в сказках юньнаньских хуэй пишутся в соответствии с принятой в СССР транскрипцией, основанной на пекинской фонетической норме. В сказках ганьсуйских хуэй герои носят мусульманские имена, и эта проблема не возникала.

Имена героев китайской истории, встречающиеся в сказках, записанных у среднеазиатских дунган, всюду даются в соответствии с их произносительной нормой, а китайское чтение этих имен приводится в примечаниях; все исторические сведения читатель найдет в разделе «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок». В тех случаях, когда в сказках упоминаются известные топонимы, например названия провинций (Шаньдун, Чжэцзян и т. д.) или крупных городов Китая, дана транскрипция, принятая на современных географических картах. В тех случаях, когда упоминаются названия, которые трудно отыскать на карте, дается написание, основанное на местной произносительной норме.

Следует специально оговорить, что от принятой в научных исследованиях по истории и этнографии дунган системы, согласно которой все дунганские слова даются так, как они пишутся современным дунганским алфавитом, основанным на русской графике с добавлением некоторых специальных знаков, пришлось отказаться. В силу сложности набора, а также потому, что русскому читателю было бы неясно, как читать необычные знаки, вроде ж, ү или ә, пришлось выработать приблизительную

транскрипцию, по которой первый из этих знаков всюду передается через сочетание «чж», второй через «ю» или «юй», третий заменен на обычное «э», а вместо открытого русского «э» принято написание «эй». В слогах, оканчивающихся на «ан» или «ян», после «н» введен по аналогии с транскрипцией китайского языка мягкий знак, показывающий, что «н» в этих слогах произносится не столь твердо, как в оканчивающихся на «он» или «ён». В слогах, оканчивающихся на «ин», «ун», «юн» или «ын», где разделение на передне- и заднеязычное «н» совсем не ощущается, мягкий знак не вводится. Отмечаемое в дунганской орфографии губно-губное «у» (оно обозначается буквой «у» с черточкой наверху) в нашей условной транскрипции никак не отмечается. Дунганское «з» передается через «цз», а сочетание «йи» всюду передается просто через русское «и». Следует оговорить также, что в книге не учитывается и местная произносительная норма, отличающаяся, например, у дунган ганьсуйской и шэньсийской групп (у последних она несколько ближе к пекинской, и, например, африката «чж» нередко приближается к «цз»), не учитывается и индивидуальное произношение отдельных сказителей, так как все это внесло бы в написание имен собственных и прочих реалий сильный разноречивый.

Книга иллюстрирована художником Л. С. Эрманом, использовавшим сюжеты дунганской народной вышивки.

Б. Рифтин, М. Хасанов

**ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ
И СКАЗКИ
О ЖИВОТНЫХ**

1. Чжон Дачжэ бьет фазанов

Жил в давние времена юноша по прозвищу Чжон Дачжэ¹. Охотился на фазанов, продавал их на базаре, тем и кормился. И вот однажды на охоте Чжон Дачжэ увидел, как дерутся две змеи — белая и черная. Юноша стал смотреть на них и смотрел, покуда черная не прокусила белой голову. Тогда Чжон Дачжэ так хватил кнутом черную змею, что та тотчас отпустила белую. Белая же глянула на своего спасителя и уползла. Черная тоже скрылась в траве, так что Чжон Дачжэ даже не успел еще раз хлестнуть ее кнутом.

Тогда юноша, усталый, сложил дичь, которую успел настрелять, а сам присел отдохнуть под деревом. Посидел он немного, встал, нарисовал круг, сложил в него убитых фазанов, а сам заснул. И привиделся ему во сне белобородый старик, который наказал не идти за черным человеком на черном коне, а идти за белым человеком на белом коне, погостить у него три дня, а потом вернуться домой.

Чжон Дачжэ проснулся, но поблизости никого не увидел и снова заснул. Сквозь сон Чжон Дачжэ услышал, как кто-то его окликнул. Он открыл глаза и увидел перед собой черного человека на черном коне, который звал его в гости к своему отцу. Тут Чжон Дачжэ вспомнил слова белобородого старца, явившегося ему во сне, поблагодарил черного человека за приглашение, но идти отказался. Черный человек ускакал на черном коне, а юноша снова уснул. Но вскоре его опять кто-то окликнул: «Спаситель! Спаситель!» Это был человек в белом на белом коне. Он звал юношу в гости к своему отцу. Тут юноша вспомнил явившегося ему во сне белобородого старца и согласился. Человек в белом посадил юношу вместе с собой на коня, и они поехали. Человек в белом сказал:

— Что бы ни давал тебе мой отец, пичего не бери, проси только красную тыкву-горлянку, что висит на стене².

Они ехали, ехали и, наконец, очутились у какого-то родника. Белый человек сказал юноше:

— Теперь мы опустимся в родник, ты глаза зажмурь и, как бы вода ни клокотала, не открывай их. Только когда скажу тебе, тогда и откроешь.

Посадила белый человек охотника на своего коня, и вошли они в воду. Немного времени прошло, белый человек и говорит:

— Открой глаза!

Юноша открыл глаза и увидел огромный двор, в котором стояли нефритовые дома. Белый человек провел Чжон Дачжэ к белобородому старцу. Старец сказал Чжон Дачжэ, что это он, Чжон Дачжэ, спас его сына от коварной черной змеи, и велел слугам и служанкам приготовить для дорогого гостя угощение. Слуги и служанки все приготовили, принесли, на стол поставили. Пригласил старец Чжон Дачжэ кушаний отведать. Поел Чжон Дачжэ и стал отдыхать. Так прожил юноша три дня, а на четвертый сказал старцу, что пора ему домой. Чего только старец не предлагал юноше: и золото, и серебро, и всякое добро, юноша ничего не хотел брать. Старец спросил его:

— Что же тебе нужно, сынок мой?

Тогда юноша почтительно произнес:

— Если вы не рассердитесь, лоба, я попрошу у вас ту красную тыкву-горлянку, что висит на стене.

Старец не ожидал такой просьбы, опустил голову и задумался. Видя, что отец не хочет выполнить просьбу гостя, сын сказал ему:

— Отец, неужели эта тыква-горлянка тебе дороже родного сына? Ведь черная злая змея меня едва не сгубила.

Услыхав такие слова, старик молча встал, снял со стены тыкву-горлянку и отдал гостю. Чжон Дачжэ поблагодарил, поклонился и покинул дворец.

С помощью белого человека юноша снова очутился на берегу, пошел к тому дереву, под которым лег спать, и увидел, что убитая им дичь цела. Прихватив добычу, Чжон Дачжэ спрятал тыкву-горлянку за пазуху и пустился в обратный путь. Через некоторое время он сел отдохнуть и почувствовал голод. Тут он вспомнил, что отказался от золота, серебра и драгоценных камней, которые предлагал ему старец, стал ругать себя, что не взял их, в сердцах отшвырнул тыкву-горлянку в сторону и лег спать. Проспал с полчаса, а когда проснулся, то увидел стол, а

на столе всякие яства. Юноша сначала удивился, потом обрадовался — голод совсем его одолел.

Поев вкусной еды, юноша подобрал тыкву-горлянку и снова отправился в путь. Спустя немного времени он решил узнать, что за секрет кроется в тыкве-горлянке, лег, тыкву-горлянку бросил неподалеку от себя, а сам притворился, будто спит. Вдруг он заметил, что в тыкве-горлянке появилась маленькая дверь, и из нее вышли три девицы — три сестры, дочери белобородого старца. Две младшие старшую ведут. Стали они друг другу говорить:

— Ты первая угощение готовь! Ты первая угощение готовь!

Тут третья сестра и говорит:

— Ты огонь разведи, я буду лапшу резать³, а ты овощами займись!

Быстро-быстро сестры все приготовили, накрыли на стол и исчезли в тыкве-горлянке. А Чжон Дачжэ все это видел. Он встал, поел, спрятал тыкву-горлянку за пазуху, привязал ее веревкой, чтобы не потерять, взвалил на спину убитых фазанов и пошел дальше. Когда вернулся домой, повесил тыкву-горлянку за дверь, а сам пошел прогуляться. Соседи стали спрашивать, где он пропадал, и Чжон Дачжэ рассказал им про белую и черную змею.

— А что тебе белобородый старец дал? — спросили его люди.

— Дал красную тыкву-горлянку, — ответил им Чжон Дачжэ.

— Ну, а что в ней удивительного? Ты-то знаешь? — спросил Чжон Дачжэ один старик.

— Каждый день из нее три сестры выходят, полный стол угощений готовят, а я ем досыта.

Подивились люди и говорят:

— Эй, Чжон Дачжэ, как выйдут они, угощение сготовят, на стол поставят, станут в тыкву прятаться, ты одну и схвати. Пусть она тебе женой будет, разве плохо? А то висит тыква-горлянка за дверь, а проку от нее никакого.

Подумал Чжон Дачжэ — дельные слова ему люди говорят — и ответил:

— Хорошо.

На следующий день с самого утра, пока Чжон Дачжэ еще спал, красавицы приготовили ему угощение, и младшие сестры сказали старшей:

— Мы привели тебя в дом мужа, и пришла пора проститься.

С этими словами сестры вошли в тыкву-горлянку, и дверь за ними закрылась, а старшая сестра стала горько плакать. Чжон Дачжэ в это время проснулся, прыгнул с кана и мигом очутился возле девушки. Плача, она обратилась к юноше:

— Если нет у тебя сестры, я буду тебе сестрой, если нет жены — стану твоей женой.

Чжон Дачжэ быстро ответил:

— Сестры мне не надо, жена мне нужна!

Так дочь белобородого старца стала женой Чжон Дачжэ. Глянул Чжон Дачжэ, а красной тыквы-горлянки не видеть. Испугался он, спросил жену:

— А где тыква?

— Тыква обратно вернулась, — ответила ему жена.

Прожили они вместе три-четыре дня, глянула жена на их дом, похоже, что вот-вот обвалится. Говорит она мужу:

— Не построить ли нам новый дом? Наш скоро завалится.

Услышав это, юноша начал громко смеяться, а насмеявшись, сказал:

— Новый дом строить? Да ведь денег от продажи дичи едва на еду хватает.

Но жена стояла на своем и пообещала научить мужа, что делать. Чжон Дачжэ больше не смеялся, а решил послушать, что скажет жена. Та велела взять три курительные свечи⁴ и зажечь их подле родника. Из воды выйдет человек, и Чжон Дачжэ скажет ему, что старшая дочь царя драконов просит за ночь построить большой дом с оградой и понадобится для этого семь мастеров.

Чжон Дачжэ не хотелось идти к роднику, но он все же послушался жену и сделал все, как она наказала. И вот, на другой день, только Чжон Дачжэ проснулся — видит целую усадьбу, обсаженную двумя рядами тополей. Чжон Дачжэ от удивления рот раскрыл и уставился на жену, а она улыбаясь говорит.

— Почему бы нам не переехать?

Так они перебрались в новый дом.

А в деревне, где они жили, был один нечестный чиновник⁵. Однажды, проезжая в паланкине мимо нового дома Чжон Дачжэ, он спросил у носильщиков, чей это такой красивый дом. Носильщики ответили, что этот дом принадлежит охотнику Чжон Дачжэ. Чиновник удивился, а вернувшись домой, решил на следующий же день послать за Чжон Дачжэ стражников. Увидев стражников, Чжон Дачжэ опечалился и сказал жене:

— Говорил я тебе, что не нужен нам новый дом, а ты не послушалась. Вот уже чиновник прислал за мной стражников.

Выслушала жена мужа и говорит:

— Ты не бойся и обещай ему все, что он ни попросит.

Только Чжон Дачжэ привели в управу, чиновник сказал ему:

— Слышал я, что ты мастер сажать деревья. Посадишь до утра — помилую. Не посадишь — голову сниму.

Чжон Дачжэ пообещал выполнить приказ чиновника, а сам вернулся домой и обо всем рассказал жене. Жена и говорит:

— Не тревожься, возьми три курительные свечи, иди к роднику и воткни свечи в землю. Перед тобой явится тот же самый человек, что и в первый раз. Скажешь ему, что дочь царя драконов просит к утру посадить возле управы деревья.

Чжон Дачжэ все сделал, как велела ему жена, и к утру перед управой вырос ряд деревьев. Но не прошло и трех дней, как чиновник снова прислал стражником за Чжон Дачжэ и, когда того привели, сказал:

— Слышал я, что ты отменный охотник. Настреляй-ка для меня к утру тридцать три пары фазанов. Не настреляешь — повешу!

Чжон Дачжэ пришел домой и обо всем рассказал жене. Она снова велела мужу идти к роднику, и к утру чиновнику принесли тридцать три пары фазанов.

Спустя немного времени чиновник, узнав, что у охотника жена-красавица, решил сгубить Чжон Дачжэ и опять отправил за ним стражников.

— А, Чжон Дачжэ! Пришел? Вот и прекрасно! Завтра же приведешь своего мула, и мы устроим состязания. Если твой мул обгонит моего, возьмешь себе любую из моих трех жен, если же мой мул обгонит твоего, я заберу твою жену.

Чжон Дачжэ ничего не сказал, вернулся домой печальный и обо всем рассказал жене. Но жена и на этот раз его выручила. Велела Чжон Дачжэ пойти к роднику и попросить у человека, который явится перед ним, мула ее отца — царя драконов. Охотник так и сделал и на другой день привел мула царя драконов. Мул, завидев дочь своего хозяина, стал ластиться к ней, лизать руки. Женщина погладила мула и попросила не пожалеть ради нее сил. Мул в ответ кивнул головой. Перед уходом жена долго наставляла мужа:

— Если тебя станут угощать вином, не пей, в рукав все выливай. На мула первым не садись. Прихвати с собой эту белую

попону и, только чиновник проедет полпути, пусти своего мула вдогонку. Догонишь — брось попону под брюхо его мула, брюхо у мула лопнет, и ты приедешь первым. Чиновник скажет тебе: «Иди, Чжон Дачжэ, выбирай себе любую из трех моих жен». А ты ему ответишь: «Бывает, что чиновник у простого человека жену отбирает, но где это видано, чтобы бедный отобрал жену у господина чиновника!» Еще он спросит, что ест твой мул. Ты скажешь, что твой мул ест один шын огненного снадобья и два шына соли. Чиновник даст твоему мулу один шын огненного снадобья и два шына соли, но ты не бойся, с мулом ничего не случится. Он только выпустит огненные шарики, которые сожгут злого чиновника вместе с его управой.

Чжон Дачжэ внимательно выслушал жену, сел на мула и поехал к чиновнику. Увидев маленького мохнатого мула, на котором приехал Чжон Дачжэ, чиновник стал громко смеяться. Смеялись и другие чиновники и все, кто пришел посмотреть состязание. Чиновник пригласил Чжон Дачжэ в дом и угостил его вином, но охотник все вылил в рукав. Потом оба они пошли к своим мулам. Чиновник предложил Чжон Дачжэ сесть первым на мула, но тот отказался, не смею, мол, раньше вас сесть на мула.

Тогда сел на мула чиновник и понесся вперед, а когда он проехал половину пути, на мула сел Чжон Дачжэ и пустился вдогонку. Догнал чиновника бросил его мулу под брюхо попону, и в тот же миг брюхо у мула лопнуло, а чиновник плюхнулся на землю, перевернувшись несколько раз. Глядя на него, народ так и покатывался со смеху.

Опозоренный чиновник поднялся с земли и предложил Чжон Дачжэ выбрать себе любую из трех его жен. Но охотник сказал:

— Где это видано, чтобы бедный отобрал жену у богатого!

Тогда чиновник спросил:

— Чем ты кормишь своего мула?

Чжон Дачжэ, недолго думая, ответил, что мул его ест один шын огненного снадобья и два шына соли. Чиновник удивился и обрадовался, что сможет погубить мула, и стал кормить его огненным снадобьем и солью. Но с мулом ничего не случилось, он только стал метаться по двору, разбрасывая огненные шарики. Чиновник и убежать не успел, так в управе и сгорел.

А Чжон Дачжэ сел на своего мула и поехал домой. С тех пор он счастливо жил со своей женой.

2. Красная тыква-горлянка

В прежние времена в Китае, в провинции Шэньси¹, случилось такое дело. Все про него знали, да и дело это такое, что скрывать от людей нечего. В те времена такие дела повсюду случались.

Жил на улице семьи Чжон один бедняк. Фамилия его была тоже Чжон. Взял он себе жену, через два-три года родила она сына, имя ему дали Бабар². Минуло Бабару семь лет, умерла у него мать. А через два года после ее смерти снова отец женился. Новая жена привела в дом сына от первого мужа. Звали его Мэйсыр³, и был он на два с половиной года старше Бабара. Отец Бабара одинаково любил и своего сына и сына жены, ласково к ним относился. Обоих в школу учиться послал, оба мальчика одинаковую одежду носили, в одинаковых шапках ходили, одинаковые туфли надевали.

Прошло несколько лет. Купил как-то Чжон на базаре несколько чжинов ваты, принес домой и говорит:

— Жена! Я сегодня на базаре в лавке несколько чжинов ваты купил, чтоб детям безрукавки⁴ ватой подбить.

Жена отвечает:

— Хорошо, старик! Хорошо! Правильно! Сделаю я мальчикам теплые безрукавки.

Ушел муж из дома, торговать отправился. Не было его дома и когда белый тополь зацвел. Собрала жена тополиный пух. Своему сыну безрукавку ватой подбила, а пасынку тополиный пух положила. Пошли мальчики в школу. Обрато идут, ее сыну жарко, по лицу пот течет, идет, подпрыгивает, а пасынку холодно, по телу мурашки пошли, брови насупил, сам скорчился. Вернулись они, мать дала им обоим поесть. Своему сыну на дно чашки мяса положила, а пасынку щепотку соли кинула. Родной сын ест с удовольствием, быстро ест, а у пасынка еда соленая, в рот не идет, вот и ест медленно.

Тут муж возвратился, жена ему и говорит:

— Глянь, такая вкусная еда, а твой сын не ест, только надкусывает — брезгует, видно.

Муж ничего не ответил, промолчал.

Зимой оба мальчика опять в школу пошли. Встретил их отец на дороге: жениному сыну жарко, по лицу пот течет, а его сыну холодно, весь сжался, словно ежик. Отец давай его ругать:

— Ах, ты, дрянь! Глянь-ка на брата, с него от жары пот течет, а ты весь сжался, словно вот-вот от холода помрешь.

Рассердился отец, хватил своего сына по спине кнутом, безрукавка-то и порвалась, вылез наружу тополиный пух. Тут только понял муж, как жена его провела. Пошел домой и побил жену:

— Я детям ваты купил, ты почему сыну безрукавку тополиным пухом подбила?

А жена ему отвечает:

— Ваты-то не хватило, прикупить — денег не было, вот я немножко тополиного пуха и добавила.

Тогда муж пригрозил жене:

— Смотри, больше чтоб такого не было!

На другой день оба сына опять учиться пошли, а вечером домой вернулись. Взяла мачеха чашку из грубой глины⁵, бросила в котел, разогрела ее там, потом вынула, положила туда кипящей еды, да на чайном подносе и подала своему пасынку. Обжег он руки, выронил чашку. А мачеха мужу:

— Глянь-ка, что это с твоим сыном, на что это похоже? Еду даешь — не ест, чашку бросает.

Муж рассердился, отхлестал сына кнутом. Побежал мальчик на кладбище, бросился на могилу матери, обнял могильный камень, плачет. Следом отец примчался, схватил сына, поднял и стал бить, а тот говорит:

— Отец! Не бей меня, погляди на мои руки!

Глянул отец на руки сына, а на них ожог: дно чашки отпечаталось.

Так довела жена мужа своей злобой до болезни, умер он. А после смерти отца мачеха сына учиться послала, а пасынка заставила баранов пасти. Как идет он утром баранов пасти, даст ему чашку молока⁶, и все. Пасынок в соломенных туфлях ходит, а родной сын в шелках прочных, в атласах дорогих.

Однажды пас мальчик баранов, пас и ровно в полдень видит в поле два змея дерутся: один — белый, другой — черный. Черный змей белому голову прокусил. Подошел мальчик, растащил змеев. Потом оторвал от своего пояса лоскут, перевязал голову белому змею и говорит:

— Бедный, голова у тебя вся искусана, ползи, отлежись.

Сколзнул змей в озеро. И на другой и на третий день юноша опять на то же место баранов пасти пригонял. Сам сидит, а бараны траву щиплют. Не заметил, как из озера вышел белобородый старец.

— Здравствуй, сынок!

— Здравствуйте, дядюшка! Садитесь, садитесь!

Старик сел. Юноша у него и спрашивает:

— Вы откуда пришли?

— Я тебя, сынок, пригласить пришел к нам в дом чайку попить.

Юноша отвечает:

— Не могу я пойти, дядюшка!

— Почему?

— Я баранов пасу — вдруг волк придет и моих баранов съест? Вернусь я домой, мать зарежет меня. Отца-то у меня нет, не родная мать — она мне мачеха.

— Ничего, — отвечает старик, — я нарисую круг, он — что стена крепостная, ни один зверь не увидит твоих баранов.

Юноша согласился. Старик посадил его к себе на спину и стал в озеро опускаться. Сидит юноша, глаза зажмурил, рот зажал, а старик ему говорит:

— Раз уж тебя пригласили, будут угощать, станут подносить золото и серебро — ты не бери, а попроси красную тыкву-горлянку, что висит на стене. А секрет ее такой: в тыковке той — две девицы и одна тебе в жены предназначена. А еще что у тыквки ни попросишь, все получишь.

Принес старик юношу на самое дно к большому нефритовому дворцу. А во дворце сидит белый змей, на голове у него та повязка, что юноша из своего пояса сделал.

— Здравствуй, братец! — говорит змей.

— Здравствуйте, уважаемый старший брат! — отвечает юноша.

— Садись скорей! Сегодня буду тебя благодарить — ты мне жизнь спас.

Поели, попили, а когда юноша уходит собрался, белый змей закричал:

— Принесите чайный поднос золота, принесите чайный поднос серебра.

А юноша ему:

— Не нужно мне золото и серебро, слишком оно тяжелое, куда я его понесу? Ничего мне не надо, дай мне только тыкву-горлянку.

— Хорошо, хорошо! — согласился змей.

Сняли тыкву-горлянку со стены, отдали ему. Тот же старик посадил юношу к себе на спину и обратно понес. А в это время у тыквы-горлянки цветок расцвел, красоты необыкновенной. Вечером вернулся юноша домой, положил тыкву-горлянку подле старой разрушенной стены.

Так ли, иначе — много дней прошло. Бывало, скажет юноша:

— Тыковка-тыковка! Я голоден!

И из тыквы-горлянки вмиг появляется самая вкусная еда и ароматный чай. Пошел юноша как-то баранов пасти, вечером вернулся, глядь — подле старой стены большой белый дом стоит: комнат — четыре, окон — восемь, на стене красная тыква-горлянка висит, на кане столик стоит, а на нем угощения — ешь что хочешь.

От удивления юноша даже подпрыгнул. Стоит у двери, все разглядывает, осматривается украдкой. А из дому вдруг какая-то девушка вышла и зовет его:

— Заходи скорей, поешь! Это твой новый дом, сегодня вечером мы оба сюда вернемся — я ведь твоя жена.

А юноша попятился:

— Боюсь я сюда войти, войду — мачеха ругаться начнет.

Девушка уговаривает:

— Иди, ничего не будет, чего тебе мачехи бояться?

Пригнал юноша вечером баранов обратно, но не вошел все-таки с женой в новый дом. Легли они на улице, мешок постелили, безрукавкой накрылись, под голову камень подложили, ноги наружу торчат. Решили завтра попозже встать. Спозаранку мачеха зовет пасынка:

— Вставай, скотина! Иди баранов пасти.

— Еще рано! — отвечает ей юноша.

А мачеха ему:

— Нечего твоей заднице рассуждать. Вот пойду я, съем твое мясо, выпью твою кровь, что мне стоит.

Не стал вставать юноша. Только когда солнце на высоту одного шеста поднялось⁷, он встал, вымыл лицо, вкусно поел, что надо было, с собой взял. А жена еще кричит ему:

— Ты что есть будешь?

Подошла тут мачеха, увидела женщину и ну плевать, ругаться:

— Ты из чьего дома такой желтый цветок, теремную девицу украл?

Вечером вернулся юноша со стадом, а мачеха ему и говорит:

— Послушай меня! Есть у нас дома осел, пусть твой старший брат на него верхом сядет, а ты купи себе осла на базаре и садись на него. Будешь со своим старшим братом состязаться. Чей осел обгонит, тому эта девушка женой будет.

Вернулся юноша к жене, опечалился, не ест, не пьет, голову не поднимает. Та спрашивает:

— Что случилось?

А он говорит:

— Мать моя велела мне на базаре купить осла и с моим братом наперегонки мчаться. Кто первым приедет, тому ты женой будешь.

Жена и говорит ему:

— Ешь скорей, не печалься. Это дело не трудное. Иди-ка ты на берег озера и скажи: «Улитка-улитка! Змей морской! Дочь твоя просит дать осла цвета морской воды!» Возьмешь осла и приведешь сюда.

На следующее утро встал пасынок, побежал к мачехе и говорит:

— Мама! Мама! Я осла купил!

— Скажите оба, кто первым два круга по пять ли проедет, тому и жена достанется.

У пасынка осел быстрее бежит, второго осла позади оставляет. Мачеха от злости даже рот разинула. По-другому заговорила:

— Куни-ка ты на базаре фазана, а старший брат нашего петуха возьмет. Завтра утром пустите их, пусть дерутся: чья птица одолеет⁸, того и жена.

Опечалился юноша, домой вернулся, не ест, не пьет, голову не поднимает. Жена спрашивает:

— Чего загрузил? Может, дело какое трудное?

Муж отвечает:

— Мать моя велит мне фазана купить и пустить его завтра с петухом моего старшего брата драться. Не страшился бы я поражения — да ведь если моя птица побежденной окажется, то тебя придется отдать брату.

Но опять ничего у мачехи не вышло. Не спит мачеха ночами, ворочается с боку на бок, выход придумывает. Вдруг припла ей в голову такая хитрость. Подошла она ночью, в третью стражу⁹, к воротам дома пасынка и говорит:

— Сынок! Слушай меня. Вырой мне к утру огромную яму, му на десять шириной; налей в нее воды, подожги под ней бревно, крышкой закрой, пусть вода закипит, пусть пар пойдет.

Опечалился юноша, голову не подымает, огорчился, думу думает. Жена его спрашивает:

— Что у тебя за дело? Скажи мне.

Выслушала она его и говорит:

— Иди-ка ты на берег озера и скажи: «Улитка-улитка! Змей морской! Дочь твоя велит вырыть в горах огромную яму на десять му, чтобы была словно котел, а под низ дрова положить, внутрь воду налить, сверху крышкой закрыть да огонь развести, чтоб вода закипела, пар пошел».

На другое утро жена послала его поглядеть, что за ночь сделано. Встал пасынок, крикнул:

— Матушка! Пошли посмотрим, кому сегодня жена достанется.

Побежал он с женой и мачехой в горы, а жена и говорит ему:

— Прыгни в котел с кипящей водой, погуляй там, погляди, что там есть.

Прыгнул муж, стал там по кругу ходить. Принялись звать его — не отвечает. Потом оттуда донеслось:

— Дай руку, дай руку!

Протянула жена руку, вытащила мужа. На плечах у него мешки: золото, серебро тяжестью давят, идти не дают, а как высыпали на землю — желтого золота, белого серебра целая гора набралась.

У мачехи в глазах зарябило, сердце зависть защемила.

Кликнула она своего сына:

— Прыгай вниз, поищи золота и серебра! Коли больше наберешь, жена твоей будет.

Прыгнул он вниз, от жары голова у него покраснела, в глазах круги пошли. Закричал он громким голосом:

— Мама! Скорей спускайся, мочи нет!

Решила его мать, что тяжело сыну, нести мочи нет. Сказала пасынку:

— Мой-то сын золота и серебра на спину больше твоего взвалил. Жена ему достанется.

Прыгнула мачеха в яму, чтоб сына своего выручить, и сварились они там оба. Вот ведь жалость какая!

3. Лосань

Давным-давно жили старик со старухой, и было у них три сына. Когда они выросли, отец отправил их в чужие края обучиться какому-нибудь полезному ремеслу. Собрались все трое и отправились в путь.

Выйдя из города, пришли братья к развилке трех дорог. Старший, Лода¹, пошел направо, средний, Лоэр², — налево, а младший, Лосань³, — прямо.

Но прежде чем расстаться, уговорились братья, что как только овладеют каким-нибудь ремеслом, встретятся на том же самом месте и все втроем вернутся домой.

Прошло два года. Лода обучился плотничьему делу, Лоэр — кузнечному, а Лосань выучился играть на щяньцзы. Встретившись в условленном месте, братья все вместе вернулись домой. Старик спросил, кто из них чему обучился, старшего и среднего сына пустил в дом, а младшего выгнал, сказав, что он обучился ремеслу нищего.

Заплакал Лосань, опечалился, да делать нечего. Повесил он за спину свой щяньцзы и покинул отчий дом. Шел он, шел и пришел к морю, сел у берега на камень, снял щяньцзы и заиграл с тоски. Вдруг из моря вышел старец с белой бородой и окликнул Лосаня. Лосань испугался, а старец заметил это и говорит:

— Не бойся, царь драконов услышал, как ты играешь, и приглашает тебя к себе во дворец. Он выдает замуж свою старшую дочь.

Лосань спросил:

— Как же я спущусь на дно?

Старец ответил:

— Садись мне на спину и, как только войдем в воду, закрой глаза. Когда я тебе скажу, тогда и откроешь.

Лосань согласился. Старец посадил Лосаня на спину и вошел в воду. Лосань быстро закрыл глаза. Вскоре старик сказал:

— Открой глаза.

Лосань открыл и увидел, что он в хрустальном дворце.

Царь драконов усадил юношу за стол и стал угощать его. Поели они, и царь попросил Лосаня сыграть. Сорок дней и сорок ночей играл Лосань, так прекрасно играл, что все гости замерли, будто сердца их перестали биться. Когда Лосань кончил играть, царь приказал дать ему все, чего бы он ни пожелал. Старец шепнул Лосаню на ухо, чтобы он попросил тыкву-горлянку, висевшую на стене. Лосань так и сделал. Услышав просьбу Лосаня, царь опустил голову и задумался. Думал, думал, затем встал, снял со стены тыкву-горлянку и отдал Лосаню. Лосань поблагодарил, вместе со старцем поднялся со дна морского и снова очутился на берегу. Старец же, не сказав ни слова, возвратился во дворец, а Лосань между тем отправился

в лес. Он сильно устал, лег отдохнуть и уснул. А когда проснулся, увидел перед собой стол с разными яствами. Лосань от удивления так и застыл на месте. Потом досыта наелся, взял тыкву-горлянку под мышку, повесил за спину щяньцзы и отправился в путь. Он шел долго и наконец выбился из сил, положил под бок тыкву, щяньцзы и уснул, а когда проснулся, вновь увидел стол с яствами. Лосань еще больше удивился, но опять поел досыта, взял тыкву, щяньцзы и пошел дальше. Пройдя немного, он лег на зеленую траву и притворился спящим, а сам чуть-чуть приоткрыл глаза и видит: из тыквы вышла девушка неопишущей красоты и стала готовить обед. Приготовила, накрыла на стол и только хотела влезть в тыкву, как Лосань вскочил и схватил ее за руку. Девушка стояла, опустив голову. Лосань спросил:

— Кто ты?

Девушка ответила, что она третья дочь царя драконов. Тогда Лосань сказал, что он еще не жепат, и спросил, согласна ли она стать его женой. Девушка ответила, что она и есть его жена, иначе царь драконов не отдал бы ему тыкву-горлянку.

Тут Лосань загрустил — нет у него ни дома своего, ни хозяйства. Но жена утешила его, сказав, что все у них будет: и дом, и коровы, и овцы, и куры, и зерно — все она достанет. Ночь они провели под огромным старым деревом, а когда утром Лосань проснулся, он увидел неподалеку роскошный дворец. На лугу паслись коровы и овцы, разной домашней птицы без счета. Пруды, загоны — по одну сторону, по другую амбары от зерна ломятся. Лосань глазам своим не верил. В это время из дворца вышла жена Лосаня и сказала, что все это принадлежит ему.

Тогда Лосань вместе с женой вошел во дворец.

Прошло немного времени, и Лосань пригласил к себе отца и братьев. Сначала те не поверили, что младший брат так разбогател, ведь он был всего лишь музыкантом. Но когда они пришли и увидели его дворец, стада, бесчисленное множество домашней птицы и амбары, полные зерна, удивлению их не было предела. Увидев же красавицу-жену, братья замыслили недоброе; решили погубить Лосаня, завладеть его богатством и женой. Старший брат сказал, что возьмет себе богатство, средний пожелал красавицу-жену. Однако дочь царя драконов разгадала их коварный замысел. Она велела мужу делать все, что бы ни попросили братья. А они сказали, чтобы Лосань наполнил большой котел водой и вскипятит. Они думали, что заманят Лосаня поближе к котлу и как бы ненароком столкнут его туда. Но

не успели они позвать Лосаня, как сами сварились в кипятке, который так и хлестал из котла.

Так два коварных брата сгубили не Лосаня, а самих себя. Лосань же со своей красавицей-женой весь век прожил в счастье и благополучии.

4. Чжон Юй кипятит море

А еще рассказывают, что в былые времена у царя драконов Восточного моря¹ было три дочери. И третья лучше всех: красива и умна. Звали ее Чжинляр². Что бы ни затеяли девушки, третья дочь — всегда первая. Но только порядки в доме царя драконов строгие. Вошел однажды царь драконов в драгоценные палаты³, призвал своих дочерей и сказал:

— Слышал я, что повадились вы без спросу гулять на берегу моря! Кто из вас ослушается, той несдобровать.

Старшие сестры испугались, целый день сидят в драконовом дворце. И помыслить не смеют, чтоб ослушаться. Только младшая дочь не побоялась — потихоньку, чтоб отец не прознал, пошла она на берег морской гулять. Вдруг тьма опустилась, ветер сильный поднялся, по морю волны пошли. Все небо на десять тысяч ли тучами заволокло. А Чжинляр одна по берегу гуляет, и никто про это не знает. Отправилась она по тропинке в горы, по обеим сторонам травы, цветы растут — глаза радуются. На больших деревьях листья небо закрывают, среди ветвей птицы гомонят, звери всякие на камнях сидят. Луна — словно зеркало, чем больше на нее смотришь, тем больше нравится. Так весело молодой девушке, что и не расскажешь. Думает она: «В горах так всего много, что и не наглядишься, а мы в подводном дворце, как в тюрьме, живем». Так идет Чжинляр и думает. Шла она, шла, вдруг подняла голову, глядь — перед ней ворота из бамбука. Огляделась она внимательно, сделала несколько шагов вперед, слышит — в доме кто-то на цитре играет. Прислушалась, вроде бы мелодия «Дикая слива дает наслаждение». А потом донеслась мелодия «Вода течет в горах» — тихая такая музыка. Радостно стало на душе у дочери царя драконов: «Не иначе юноша играет, да ведь как искусно», — подумала девушка. Приоткрыла Чжинляр дверь, заглянула внутрь, а у цитры вдруг струна возьми да и лопни. Задумался музыкант, а потом встал и говорит:

— Не иначе как истинный ценитель пришел?

Вышел из дому, огляделся, видит — в лунном свете девица стоит. Вгляделся — глаза, брови — похоже, видел ее где-то, а сама — словно цветущий на воде лотос. Онемел юноша от восторга, слова вымолвить не может. Сердце ему словно куриные перышки щекочут. Стоит, глазает, молчит, будто в небесах виляет. Шагнула тогда девушка вперед и спросила:

— Эй, юноша, как звать тебя, какого ты роду?

Ответил парень:

— Фамилия моя Чжон, имя Юй, местный я. Один я на свете — родители мои давно умерли. Целый день я хворост собираю, а как стемнеет, на цитре играю. Неужели, наконец, встретил я девушку, которая понимает в музыке?

— А неужто ты и есть тот юноша, что умеет на цитре играть? — говорит ему дочь дракона.

Чем дальше они беседовали, тем больше друг другу нравились. Договорились они: в восьмой месяц в праздник середины осени ⁴ должен он на берег моря прийти и отыскать Чжинляр. Подарила Чжинляр Чжон Юю драгоценный платочек, летом в нем прохладно, зимой — тепло. Так проговорили они до полуночи, а потом дочь дракона ушла.

С той поры Чжон Юй по ночам спать не мог, день за днем все восьмой луны мечтал дожждаться. Не испугали его высокие горы, не устрасил и путь дальний. Миновал он одну гору, потом другую, на вершины подымался, по склонам лез, на подъемах так уставал, что вниз идти мочи не было. Во рту у него пересохло, язык растрескался. Увидел он тропинку, с горы спустился. Спустился, а перед ним огромный камень. Деревья дорогу загородили, по лесу вперед идти, не узнаешь, как к морю выйти. Заметался он то туда, то сюда. Наконец дальше пошел. Тут налетел порыв ветра — в миг нагнал облака, обложили они все небо. Раскачал ветер ветви деревьев, переменялась погода, дождь пошел. А Чжон Юй ни на ветер, ни на дождь внимания не обращает — все вперед идет. Сердце у него словно в кипящем масле жарится. Вдруг сверкнула молния, загредел гром. Глянул юноша вниз, видит — огромное море. Радостно стало у него на душе. Вышел он на берег, крикнул раз, другой:

— Милая моя маленькая Чжинляр!

Видит Чжон Юй, ветер дует — по морю огромному волны ходят. Поглядел он вперед, оглянулся назад, посмотрел вправо, влево — не видать морю ни конца, ни края. Не видать и Чжинляр. Воскликнул Чжон Юй:

— Почему не видно моей любимой маленькой Чжинляр? Может, обманула она меня, надсмеялась над моим чувством? Или старый царь драконов разозлился, не позволил ей за простого смертного замуж выйти? Может быть, она назначенный день позабыла, может быть, во дворце драконьем замечталась она о счастье да богатстве и не хочет идти к людям? А может, заболела от разлуки с любимым и лежит больная, встать не может? — думал так, думал эдак, не заметил, как в море очутился. Зашумело у него в ушах, забилося сердце, темно в глазах стало. Ткнул он рукой в морскую воду и закричал:

— Ответь мне, вода морская, где моя любимая? Скажи ей, вода морская, подай голос, что Чжон Юй здесь и всем сердцем ждет ее!

Не ответила бездушная вода морская, только покатались волны. Сказал Чжон Юй самому себе:

— Нет дела морской воде, что не встретил я свою любимую.

Поднял Чжон Юй голову, взглянул на небо. Разошлись тучи, прояснилось, звезды в вышине блещут. Стал он звезды просить:

— Звезды, звезды, позовите-ка поскорее мне Чжинляр, что живет во дворце подводном!

А звезды только светят ему да подмигивают. Потому как не умеют они разговаривать. Горит у Чжон Юя сердце. По всему небу звезды рассеяны. Идет он по берегу моря к северу, словно пьяный, шатается, ковыляет, бредет по дороге, по сторонам поглядывает. Идет он, а тут вдруг камень дорогу загородил. Остановился перед ним юноша и спрашивает:

— Почему ты дорогу мне загородил? Ответь-ка, где дворец царя драконов? Где ворота его? С какой стороны и сколько покоев в том дворце? В каком из них живет моя любимая Чжинляр?

Но молчит камень, не отвечает. Тогда стал юноша камень ругать. Обругал, обернулся назад, увидел берег морской, ни конца ему нет, ни края. Сел на землю, посидел, опять поднялся, дальше пошел. Идет, а у самого живот от голода подвело, в горле от жажды пересохло, сердце печаль гложет. Всей душой хочет Чжон Юй до дворца дракона добраться, а где тот дворец — не знает. Шел он шел, устал. Уселся на берегу моря и стал глядеть вдаль. Черная-пречерная морская вода — словно небеса. Пока не отыщет любимую, не может обратно вернуться, а сил-то в теле Чжон Юя вроде и вовсе не осталось. Оборвалось что-то внутри у юноши, из обоих глаз слезы полились. Горько зарыдал он. Плач его тронул волков и змей, тигров и барсов.

У летучих тварей на сердце грустно стало. С сумерек плакал он до полуночи. Плакал — рыдал так, что тело его словно паралич разбил.

Плач его растрожил во дворце подводном третью дочь царя драконов. Вспомнила она, что в этот день сговорилась с Чжон Юем встретиться. А дело-то было в том, что в прошлый раз, когда вышла она из подводного дворца и в горах с Чжон Юем встретилась, попалась на глаза царю драконов. Спросил он ее:

— Ты зачем на берег моря бегала? Ты порядок наш нарушила. Не иначе как у людей веселья искала?

Не успела Чжинляр и слова сказать, а старый драконий царь уже глаза вылупил, ругать ее принялся.

— Никто на твой зов не откликнется. Напрасно ты о жизни среди людей мечтаешь! Не хотел я тебя наказывать, да, в самом деле, чересчур уж ты смелая!

Сказал так царь драконов, махнул рукой и тотчас же явились четверо морских воинов, предстали пред его драконьим ликом. Приказал им царь драконов:

— Скорей возьмите эту непокорную девицу и заприте ее в тюрьму, чтоб никто ее отыскать не мог.

С тех пор Чжинляр в тюрьме сидела. Не видно ей, как солнце всходит, не видно, как солнце садится, не видно, когда луна круглая, а когда ущербная. Только слышит, как за окошком морская вода перекатывается, журчит. Печально у Чжинляр на сердце: «Вот досада! До чего мой отец-дракон и моя мать глупые, не понимают, что хочу среди людей жить и замуж там выйти. А меня заставляют замуж на небеса идти, в холоде и одиночестве жить женой у бессмертного⁵. Как бы там на небе прекрасно ни было, все равно я к людям уйду, женой Чжон Юя стану. День настал, Чжон Юй сейчас наверняка на морском берегу дожидается. Должна я способ найти, дать ему о себе знать. Все море переверну-ка я вместе с дворцом драконьим!» — так она думала.

Вскоре пришла служанка ее Мыйщёр⁶, еду принесла. Чжинляр все свои сердечные печали ей поведала, а потом сказала:

— Мыйщёр! Взгляни, разве не хороша я собой. Найди-ка мне дом, чтоб могла я с Чжон Юем свадьбу сыграть.

— А ты научи, как найти домик-то? — спрашивает служанка.

Дочь дракона и говорит:

— Слушай меня! Добудь-ка сперва три сокровища: ложку

железную, котел серебряный да золотую денежку. Все три сокровища в саду у Восточного Дворца спрятаны. Лежат они в красной коробочке⁷, а красная коробочка под потолком к балке подвешена. Как выкрадешь эти три сокровища, сразу же носи их на берег моря Чжон Юю да вели ему ждать.

Выслушала эти слова Мыйщёр, головой кивнула и говорит девушке:

— Барышня-хозяйка, я все сделаю. Эти сокровища отнесу Чжон Юю. Будь спокойна, я все исполню.

Сказала так Мыйщёр, повернулась и тихонько пошла к Восточному Дворцу. Глядь, а там уже пир идет, все вино пьют, середину осени празднуют. Проскользнула Мыйщёр во дворец, видит — на потолочной балке висит красный ящичек.

«Ну,— думает,— те три сокровища непременно должны быть в этом ящичке». Проворная Мыйщёр сняла ящичек. Сердце колотится, а самой весело. Быстренько переделалась она, превратилась в чудесного пса и отправилась на берег моря. Понесло ее по волнам, и через какое-то время оказалась она на берегу моря. Прошла Мыйщёр немного по берегу и видит — невдалеке какой-то парень спит, лицо желтое, сам худой и жалкий. Окликнула его Мыйщёр тихонько — не отвечает. Побрызгала тогда она водой ему голову — очнулся парень. Полежал еще, повернулся, глаза раскрыл и спрашивает:

— Откуда ты явилась, фея? Пришла спасти меня?

А Мыйщёр говорит ему:

— А ты зачем пришел на берег? Расскажи-ка мне про свою печаль!

— Потому пришел, что ищу третью дочь царя драконов. Она моя любимая. Зовут ее Чжинляр. Спрашивал я у морской воды, где она — морская вода не ответила. Спрашивал у звезд — звезды не ответили. Спрашивал еще у камня — камень тоже не ответил. Всех расспросил, да так и не знаю, где моя любимая. Подымался я на горы, переходил реки, сколько негод перенес.

И так рассказал Чжон Юю, что у Мыйщёр сердце опечалилось. Сказала она тогда:

— Вставай скорей, юноша! Я помогу тебе встретиться с твоей любимой маленькой Чжинляр. Дам тебе три сокровища, а ты пойдешь к самому краю моря, поставь котел, возьми в руку эту железную ложку, черпай воду ложкой, лей в серебряный котел, да еще и золотую монету туда положи. Под котлом же огонь разведи. Как в котле вода закипит, так и море кипеть

начнет и вмиг все выпарится. Тогда-то царь драконов не выдержит, непременно твою любимую отпустит, тогда ты с Чжинляр и увидишься.

Сказала Мыйщёр такие слова, взмыла в небо и исчезла. Чжон Юй послушался ее совета, тотчас котел на берегу моря поставил, стал железной ложкой воду в котел лить, потом и золотую монету в котел бросил. Огонь развел, воду греть стал. Греет воду, а железной ложкой все морскую воду черпает да в котел подливает. Закипела вода в котле, и вода морская тоже начала кипеть. Время идет, воды в море все меньше остается, а сил у Чжон Юя все прибавляется. Черпает он воду да царя драконов поругивает:

— Старый царь драконов, шли-ка скорее Чжинляр ко мне! Не пришлешь, все твоё море выпарю, дно в небо глядеть будет!

В царстве подводном-то было три дворца, шесть дворов да семьдесят два зала⁸ — все хрусталем и нефритом отделаны, а стены сложены из золотых кирпичей. На стенах резные драконы, единороги-чилины, фениксы-фынхуоны⁹.

А царь драконов в это время как раз в зале сидел, вино пил да веселился. Глядит — вода морская от берегов отошла. Дрогнуло у него сердце, уронил чашечку с вином на пол, усы вздыбил, пасть разинул да как заорет:

— Кто это три моих сокровища похитил?

Не успел договорить, как явились к нему его драконы-сыновья и драконы-внуки, волнуются, громко кричат.

— Беда! Кипящая вода стену вокруг дворца опрокинула.

Услыхал царь драконов, совсем испугался. Тотчас же приказ отдал, велел ворота запереть покрепче, окна заложить поплотнее.

А Чжон Юй видит — вода в море все отступает. Расхрабрился, знай покрикивает да приговаривает:

— Глухой старый царь драконов! Слушай! Пришли-ка поскорее свою третью дочь. А не подчинишься, сделаю из тебя сушеную рыбу. Не сможешь тогда править в подводном царстве.

Не успел Чжон Юй договорить, слышит какой-то плеск — вода вдруг на две стороны расступилась, и из нее показался мост. На дальнем конце моста стоит старый царь-дракон. Голову задрал, тычет пальцем в его сторону и кричит:

— Стой, Чжон Юй, погаси под котлом огонь! Не вреди нам! Моя дочь просватана за бессмертного-шынщяня, предстоит ей богиней стать. Не мечтай о ней больше. Дам я тебе всякого

добра, драгоценностей, пришло золота, серебра да жемчугов с агатами. Счастливо свой век проживешь, в роскоши и богатстве!

Решил царь драконов, что уговорил юношу, собрался уже в свой дворец вернуться.

А Чжон Юй в ответ:

— Не поддамся я на твои уловки. Замыслы твои хитрые, посулы всевозможные — обмануть меня хочешь. Не нужно мне ни золото твое, ни серебро, ни драгоценные камни, а нужна мне только твоя младшая дочь.

Сказал твердо и стал опять огонь раздувать, воду кипятить. Вмиг забурлила вода и в котле, и в море. А царь драконов в это время во дворце бушевал. Старуха его с плачем схватила за руку, уговаривает, спрашивает:

— Отправь дочку!

Услышал ее слова царь драконов, погрузился, не знает, что делать, и говорит:

— Какие у Чжон Юя таланты, бедняк он. Дам-ка я ему побольше нефрита¹⁰, дам еще денег, но все равно проведу его!

Так решил царь драконов, вышел из дворца, стал на конце моста и крикнул:

— Слушай, Чжон Юй, что тебе скажу: перестань-ка поскорей греть свой котел. Выделю я тебе половину моря да еще построю тебе золотые хоромы да серебряный терем. От власти своей в подводном царстве тоже дам тебе половину. Правь себе, но не смей отнимать у меня мою дочь! По-хорошему тебя прощу. Будешь жить в роскоши и богатстве. Коль не веришь, дам тебе бумагу в подтверждение.

Выслушал его Чжон Юй, опечалился. Сказал он царю драконов:

— Ну до чего ж ты глуп, старый царь драконов: пришел обмануть меня золотом-серебром, камнями драгоценными. Не попадусь я на твою удочку. Одним словом, ничего мне не надо, кроме твоей третьей дочери.

Услыхал его слова царь драконов, рассердился, ничего не сказал, повернулся и ушел. Только ушел царь, а Чжон Юй хвостом подбросил, огонь разгорелся, опять стала вода кипеть. Тут же и в море вода начала убывать. Забеспокоились водяные твари: рыбы, черепахи, морские чудища — все заволновались. Одни на берег повывлазили — от солнца подошли, другие крылья расправили — улететь хотели, третьи и лететь не могут, и бежать не в силах — мечутся в беспорядке, кто куда рвется, схоро-

ниться пытаются. А Чжон Юй не переставая огонь раздувает, и вода в море все ниже опускается. Оглянуться не успел, а уже дворец дракона из воды показался. Завопили тут внуки цари драконов, а мать царя говорит ему:

— Соглашайся, не то мы вместе с тобой погибнем!

А царю драконов жарко, аж в глазах рябит. Во рту пересохло, язык растрескался, на душе тошно, спотыкаясь, подполз он к концу моста и говорит юноше:

— Чжон Юй, не жги больше огонь! Отдам я тебе дочь в жены!

Потушил Чжон Юй пламя, и вмиг вода в море вновь поднялась — опять кругом вода. Глядь, на воде золотой мост, один конец его в берег упирается. А по мосту колесница едет, четверкой коней запряженная. К берегу подъехала, остановилась, и из нее вышла прекрасная девушка. Бросился Чжон Юй вперед, схватил Чжипляр за руку. Смеются, радуются, что вместе они. Вернулись они вдвоем в дом Чжон Юя. Вот такая волшебная история про Чжон Юя. Считай, что бедняк Чжон Юй старого цари драконов победил.

5. Лягушонок

Жили в давние времена старик со старухой. Детей у них не было. Спозаранку до самого вечера старик собирал коровий навоз и продавал его¹ людям, у которых было свое хозяйство. А у соседей старика был сын, он во всем помогал отцу с матерью: то купит, другое купит, нет воды в доме — принесет, нет дров — наломает хворосту. Видя, как счастливо живут соседи, старик со старухой сокрушались и говорили друг другу: «Был бы у нас такой сын, не знали бы мы ни нужды, ни горя».

Как-то раз старик увидел кучу навоза и уже хотел поддеть ее лопатой, как вдруг на кучу взобрался лягушонок. Старик отогнал его, но лягушонок снова на кучу влез. Так повторилось несколько раз. Наконец, старик рассердился, бросил лопату и ушел. Спустя немного вернулся и снова увидел лягушонка, что сидел на куче навоза. Старик удивился и подумал: «Что за напасть! Может, это чжинчи² — злой дух? Посмотрим, что он дальше будет делать!» Старик до краев наполнил корзины навозом, повесил их на коромысло и собрался уходить, вдруг лягушонок прыгнул в одну из корзин и уселся там. Старик ничего

не сказал, поднял коромысло и пошел домой. Во дворе, не успев еще старик поставить корзины, лягушонок спрыгнул на землю. Старик стал за ним наблюдать. Лягушонок глянул на старика, а потом вприпрыжку направился в дом! Следом за ним пошел старик и говорит старухе:

— Не знаю, что и делать. Увязался за мной этот лягушонок. Как ни бью его — не отстает, как ни гоню — не отстает.

Старуха сразу смекнула, что лягушонок этот не простой, и начала успокаивать старика:

— Ну и ладно! Лягушонок, он тоже живая тварь, раз пришел, пусть остается. Больно уж пусто у нас в доме, а с ним все веселее будет.

Они оставили лягушонка у себя и стали ходить за ним, будто за родным сыном.

Прошел год, лягушонок вырос, стал совсем большим. Глаза у него горели, словно два красных огонька. Говорит как-то старуха старику:

— Мяса больше нет, будешь домой возвращаться, купи немного.

Не успев старик и слова вымолвить в ответ, как лягушонок вдруг заговорил человеческим голосом:

— Мать, не проси отца, я сам принесу мяса.

Старик со старухой и изумились, и напугались, и обрадовались. Изумились, что лягушонок заговорил человеческим голосом, испугались — уж не оборотень ли к ним явился, обрадовались — ведь лягушонок назвал их отцом с матерью. И, набравшись храбрости, ласково-ласково обратилась старуха к лягушонку:

— Как же ты, мой мальчик, принесешь нам мясо?

— Хэ, очень просто, — ответил лягушонок. — Заверни деньги в платок, а платок повяжите мне на шею.

Старуха так и сделала. Завернула деньги в платок, а платок завязала на шее лягушонка. Лягушонок выскочил из комнаты и очутился во дворе. В следующий миг услышали старик со старухой: на улице словно гром загрохотал. Старики выбежали во двор, глянули — день ясный, на небе ни облачка. Лягушонка они нигде не нашли и вернулись в дом.

Лягушонок же в эту пору сидел на лавке у мясника, и между ними шел такой разговор:

— Развяжите платок, — сказал лягушонок, — возьмите там деньги и взвесьте немного мяса.

Мясник вначале испугался, но потом подумал: «Видно, это

не простой лягушонок, а какой-нибудь дух-оборотень». Поглазев на лягушонка, мясник сказал:

— Ладно, дам я тебе мяса, но как ты отнесешь его домой?

— Заверните мясо в платок, а платок привяжите мне на спину, — ответил лягушонок.

Мясник не мешкая отрезал кусок мяса, завернул в платок, а платок привязал лягушонку к спине. Лягушонок вышел из лавки и отправился домой.

Увидев, что лягушонок вернулся, да еще принес мясо, старики не могли нарадоваться. Наконец-то и к ним пришло счастье. Втроем они зажили в мире и согласии. Но вот однажды лягушонок заявил, что хочет жениться на дочери императора. Услышав об этом, старики всполошились, от страха у них чуть язык не отнялся. Сказала старуха лягушонку:

— Кто пойдет за тебя? А ты еще вздумал взять в жены дочь императора. Если хочешь, чтобы мы живы остались, не заговаривай больше об этом. Император прикажет всем нам головы отрубить, если только мы посмеем сватать принцессу. К тому же откуда нам, беднякам, взять денег на подарки и свадьбу?

Но лягушонок стоял на своем:

— О деньгах не беспокойтесь. Сколько понадобится — я достану. Так что идите спокойно сватать принцессу. Пусть только император откажет, тут я ему покажу, заставлю, как говорится, падеть башмаки наизнанку. Я воды пригоню, обрушу стены его дворца.

Пришлось старику и старухе выполнить волю сына. Они позвали свата и рассказали ему, что хотят посватать государеву дочь. Увидел сват, что сын у стариков не человек, а лягушонок, и тоже испугался. Но раз такое дело, отправился он в золотые терема, драгоценные хоромы государя, да так и не решился рта раскрыть, обратно пошел. Не решился он о своем деле сказать и во второй раз и в третий. Наконец, император сам спросил свата, зачем он пожаловал. Тогда сват набрался духу и заговорил:

— Ваше величество, я боюсь, разгневаю вас, и велите вы мне голову снять. Потому и молчу.

— Говори, что за дело у тебя ко мне. Я не трону тебя!

— Ваше величество, в столице вашего царства живут старик со старухой и сыном, только сын у них не человек, а лягушонок. Старики боялись, как бы им не отрубили голову, и послали меня к вам. Против воли родителей лягушонок решил жениться на принцессе, вашей дочери, да еще пригрозил воды

пригнать, стены дворцовы обрушить, если вы откажетесь выдать за него дочь.

Услышав речи свата, император призадумался: «Не иначе как этот лягушонок какой-то дух-оборотень или шынцзянь, а может, это дракон, обернувшийся лягушкой, явился в дом к старикам». Подумал так император и обратился к свату:

— Послушай, сват, как говорится, в семье всего одна дочь, а сватают ее сто женихов. Дело это несложное, я согласен отдать дочь замуж за лягушонка, но при одном условии. Пусть он за ночь построит золотой мост от моего дворца до своего дома, а по обеим сторонам моста ивы посадит, а на ивах, чтобы были плоды, и не простые, а жемчуга да агаты. Выполнит лягушонок это условие — отдам за него дочь.

Сват вышел из дворца, отправился к старикам и рассказал им про императорское условие. Лягушонок услышал, рассердился и говорит:

— Император поставил такое условие, чтобы поиздеваться надо мной. Посмотрим, кто кого посрамит! Не мост золотой увидит он утром, а развалины своих золотых теремов да драгоценных хором.

В полночь император проснулся от сильного грохота.глянул — весь дворец в воде. На глазах у него стены стали одна за другой рушиться, а к рассвету от дворца остались одни развалины. Перепуганный насмерть император едва спасся со своей семьей. Призвал император свата и сказал:

— Я на все согласен, пусть только лягушонок построит мне дворец заново.

Сват пошел к старикам и передал им слова императора. Лягушонок услышал, вышел на улицу, сначала повернулся на запад, потом — на восток, квакнул раз, другой, третий, вода и исчезла. Утром император открыл глаза и на месте дворца увидел новый, в несколько этажей. От ворот до самого дома стариков шел золотой мост, по обеим его сторонам росли ивы, а на ивах висели жемчуга да агаты. При виде такого чуда император ничего больше не мог сказать и отдал дочь замуж за лягушонка.

Увидев, что ее жених лягушонок, а не человек, принцесса опечалилась. Однако ночью вместо лягушонка она увидела рядом с собой красивого стройного юношу и успокоилась. Старики тоже обрадовались, узнав, что сын их не лягушонок, а человек.

Однажды стариков пригласили в один дом на свадьбу, и они

отправились туда вместе с невесткой. Пришли, глядь, а их сын тоже там. Гости наглядеться не могли на пригожего юношу и спрашивали друг у друга: «Чей это сын? До чего же хорош!» Один сказал:

— По дороге сюда я видел его, он вышел из дома старика, который собирает навоз. Наверно, это его сын.

Другой сказал:

— Хэ! Не слышал, чтоб у старика был сын, есть у него лягушонок, не ему ли старик взял в жены дочь императора.

Так гости вели между собой разговор, и каждому хотелось расспросить юношу.

Принцесса слушала-слушала и вдруг подумала: «Днем он ходит в лягушачьей шкуре, а ночью ее снимает. Пока он здесь, пойду-ка я домой и уничтожу его лягушачью шкуру, чтоб не носил он ее больше. Решив так, принцесса обратилась к свекрови:

— Мне что-то нездоровится, может, домой пойдем?

— Как же уйти, если невесту еще не привезли? Нас засмеют!

Однако принцесса стояла на своем, больной притворялась. Тогда старуха извинилась перед другими женщинами, сказала, что невестке нездоровится, и ушла вместе с ней. Дома принцесса тотчас же пошла к себе в комнату, нашла лягушачью шкуру и бросила ее в старый колодец. Вернувшись после полудня домой, муж хотел надеть лягушачью шкуру, но ее не оказалось на месте. Он долго искал, потом жену спросил, не видела ли она его лягушачью шкуру, а жена в ответ: нет, мол, не видела. Муж сильно опечалился. С той поры он день ото дня худел, а лицо его становилось всё желтее. И вот однажды он не смог подняться с постели. Старики забеспокоились и стали умолять принцессу отдать лягушачью шкуру, если она ее спрятала, но принцесса сказала, что ничего не знает. А мужу становилось все хуже и хуже. Старики позвали лекаря, тот пощупал у больного пульс³ и сказал с тревогой:

— Отдайте ему лягушачью шкуру, иначе он умрет.

Услышав это, принцесса загоревала и во всем призналась. Она сказала, что бросила лягушачью шкуру в колодец. Старики побежали к старому колодцу, вытащили лягушачью шкуру, но она уже начала гнить. Муж принцессы, увидев это, загрустил и обратился к отцу с матерью и жене:

— Вам надо не мешкая покинуть этот дом. Город находится в котловине, а через три дня хлынет ливень и затопит его.

Я сын повелителя драконов Восточного моря. Десять с лишним лет назад я надел лягушачью шкуру — хотел превратиться в человека. Через три дня я навсегда стал бы человеком, но теперь уже ничего не поправишь, так что предупредите императора, чтобы поторопился уйти из города со своими подданными.

Старики и принцесса не хотели уходить и горько плакали. Тогда сын повелителя драконов сказал им:

— Если вы и в самом деле меня любите, тотчас же идите на высокий холм в западной части города, там вы будете в безопасности. А обо мне не беспокойтесь, как только хлынет ливень, я отправлюсь в Восточное море.

Услышав эти слова, принцесса зарыдала и говорит:

— Я никуда не уйду. Лучше умру у тебя на руках.

Но сын царя драконов не согласился, а уговорил ее и стариков оставить его и уйти. Плача, старики и принцесса покинули родной дом и, добравшись до западной части города, взобрались на высокий холм.

Лекарь все слышал и помчался к императору, чтобы предупредить его о грядущей беде.

— Ваше величество,— обратился он к императору,— на нас надвигается беда! Твой зять-лягушонок не простая тварь, а сын старого повелителя драконов. Твоя дочь взяла его лягушачью шкуру и бросила в старый колодец. Теперь шкура начала гнить. Если бы этого не случилось, он через три дня навсегда превратился бы в человека. Но сейчас уже поздно об этом говорить. Через три дня хлынет ливень. Зять просил передать тебе, чтобы ты вместе со своими подданными покинул столицу, а то все затопит водой.

Император испугался и не мешкая отдал приказ своим подданным быстро покинуть город. За три дня он вместе с подданными вышел из города и укрылся в безопасном месте. На третий день с востока налетел желтый вихрь⁴. Тотчас же начался ливень, который сплошным потоком хлынул на город и вмиг затопил его. Принцесса и старики стояли на холме и все это видели. А над тем местом, где стоял их дом, прогрехотал гром, и было видно, как взмыл в небо дракон. Он сделал несколько кругов над головой принцессы и стариков и улетел на восток. Принцесса поняла, что этот дракон — ее муж. Она плакала, звала его, но он скрылся в тучах и исчез из виду.

6. Птичка-хуачёр

Жил на свете человек по имени Шынбор¹. Жил бедно и каждый день ходил собирать хворост. Потом продавал его, но вырученных денег едва хватало на то, чтобы как-то день прокорчиться. Пришла пора Шынбору жениться, и вскоре жена родила ему двух сыновей. Старший, Шынмын, вырос туповатым, младший, Шынфу, был похитрее. Отправился как-то Шынбор за хворостом, вдруг смотрит — из гнезда вылетела пестрая птичка-хуачёр, а в гнезде лежат два яйца. Шынбор взял их и спрятал за пазуху. Нарубил хворосту, взвалил на спину вязанку и пошел на базар. Продал хворост и собрался в обратный путь, как вдруг на него ненароком налетел какой-то человек и чуть не сбил его с ног.

Шынбор говорит ему:

— Эй, потише! У меня здесь за пазухой лежат два яйца, ты, наверно, раздавил их!

— Ну-ка, покажи! — попросил его прохожий.

Шынбор вынул яйца. Тот человек увидел их, заволновался и спросил:

— Не продашь ли яйца?

— Продам.

— А за сколько? — опять спросил незнакомец.

— Погляжу, сколько ты дашь, — ответил Шынбор.

Незнакомец предложил Шынбору сто пятьдесят рублей². Услышав такую цену, Шынбор испугался. Он подумал, что незнакомец решил над ним посмеяться. Не осмелился взять деньги, только хмыкнул. Незнакомцу же показалось, что Шынбор хочет получить больше, добавил еще пятьдесят, сунул деньги Шынбору в руки и исчез в восточной стороне.

А Шынбор радостно взял все двести рублей и отправился на запад. Идет и сам с собой разговаривает:

— Никогда в жизни я не продавал хворосту больше, чем на тридцать медяков, а тут за два яйца двести рублей получил. Ну не удача ли это?

Радостный, побежал он в лавку, попросил муки взвесить, мяса отрезать. Детям и жене новую одежду купил и с покупками домой отправился. Увидала это жена и спрашивает:

— Ты как это всего накупил?

— Когда я хворост рубил, то нашел два яйца, за них столько денег и выручил, — ответил Шынбор жене и рассказал ей про пеструю птичку. Выслушала его жена и говорит:

— Завтра и я с тобой пойду. Я буду сеть плести, а ты хворост рубить.

На другой день Шынбор отправился в лес к гнезду вместе с женой. Пока он рубил хворост, жена сплела из прутьев ловушки, и они поймали в нее пеструю птичку. Принесли птичку домой и посадили в клетку. Каждый день птичка несла два яйца, Шынбор их продавал. Не прошло и года, как Шынбор стал настоящим богачом.

Однажды Шынбор сказал жене:

— Теперь у меня есть деньги. Пора ехать, торговлей заниматься.

Прособирался он три-четыре дня и уехал из дому в чужие края торговать.

Прошло три года, Шынбор все не возвращался. А у жены Шынбора на уме уже другие мысли, завела она любовные речи с другом Шынбора по имени Сычын. Сычын знал, что Шынбор был бедняком и не мог понять, как же тот разбогател. Жена Шынбора все ему и рассказала. Сычын сказал ей:

— Ты зарежь птичку, дай мне отведать ее мяса, тогда наши с тобой дела и сладятся.

На другой день женщина зарезала птичку и поставила варить. В это время пришли из школы Шынмын и Шынфу, бросили книги и побежали на улицу играть. Вскоре Шынфу вернулся, заглянул в котел и увидел, что там что-то варится. Тогда он попросил есть. Мать рассердилась, но все же дала ему съесть сердце птички, приказав ничего не говорить про это старшему брату. Шынфу съел сердце птички, снова выбежал на улицу и тут же рассказал брату, что мать варит пеструю птичку, а ему дала полакомиться ее сердцем. Шынмын тоже прибежал домой и попросил есть. Мать рассердилась, но дала ему птичью голову. Шынмын съел ее, и братья опять принялись играть.

Пришел Сычын. Женщина достала птичку из котла, положила на тарелку и подала Сычыну. Сычын взял палочки для еды, тут потрогал, там перевернул — не нашел сердце и голову и спросил жену Шынбора:

— Ты куда голову и сердце пестрой птички девала?

— Голову съел старший сын, а сердце — младший — ответила женщина.

Сычын услышал это, тяжело вздохнул, потом сердито говорит:

— Дашь мне съесть голову твоего старшего сына и сердце

младшего, наше дело сладится. Не дашь — не быть нам никогда вместе.

Сказал так, бросил палочки для еды и ушел. Ночью женщина стала разговаривать во сне. Шынфу и Шынмын услышали, что их хотят убить, и тут же убежали из дому.

Всю ночь бежали и еще полдня, даже не передохнув. Потом их стала мучить жажда. Долго искали они воду и наконец наткнулись на колодец, что был далеко от города. Возле колодца росла ива. Мальчики хотели зачерпнуть воды, но не было ни веревки, ни ведра. Тогда один мальчик и спрашивает другого:

— Как будем доставать?

Шынфу сказал:

— Ветвей с дерева наломаем, по ним в колодец и спустимся.

Стали братья ветку с веткой связывать, получилась у них веревка. Первым стал по ней спускаться Шынфу, чтобы попить воды, но веревка оборвалась. Шынмын как ни старался, не мог вытащить брата из колодца — оставшийся конец веревки был чересчур коротким, а ветвей больше на дереве не осталось. Братья потолковали и решили, что Шынмын пойдет в город за веревкой. Ушел старший брат. А в том месте жили старик со старухой — оба слепые. Пришел старик вечером набрать воды. Опустил ведро в колодец, вытащил его, а в ведре мальчик. Испугался старик, слова вымолвить не может. Прошло немного времени, старик спросил:

— Ты кто — дух или человек?

Шынфу ответил, что он человек, и рассказал старику все, что с ними случилось — от начала до конца.

Старик подумал и решил усыновить Шынфу. Привел его домой и говорит старухе:

— Небо послало нам сына.

Старуха обрадовалась, накормила Шынфу. Утром она стала убирать его постель и под подушкой нашла две золотые монеты. Изумилась старуха, спрятала их и никому ничего не сказала. На другое утро она опять нашла монеты. Так повторялось каждый день. Старики все богатели и ничего не разрешали Шынфу делать. А Шынфу каждый день садился на перекрестке, на прохожих глядел. Однажды Шынфу и говорит старику:

— Кто едет по западной дороге верхом или на телеге — назад с золотом-серебром возвращается. Кто по восточной дороге идет — возвращается в тот же день. А кто по южной дороге

верхом едет или на телеге — назад даже без одежды возвращается.

Тогда старик со старухой рассказали Шынфу, что на южной дороге живет одна вдова, которая обыгрывает всех путников, без денег их оставляет. Узнав об этом, Шынфу решил пойти к ней попытать счастья. Как ни отговаривали его старики, ничего не помогало.

Шынфу пришел к вдове и выиграл у нее все серебряные и золотые монеты³, накопленные ею за долгие годы. Расстроилась женщина, побежала к гадалею. Гадалец сказал, что Шынфу когда-то съел сердце птички-хуачёр и, чтобы обыграть его, надо напоить мальчика допьяна, его стошнит, и вместе с рвотой он выплюнет сердце птички. Вдова же должна съесть это сердце, и тогда она сможет обыграть Шынфу.

Женщина поблагодарила гадалею и вернулась домой. На другой день, как только Шынфу пришел, женщина приготовила закуски и вино и велела служанкам угощать мальчика. Шынфу захмелел, и его стало рвать. Вместе с рвотой он выплюнул и сердце птички. Вдова тотчас же схватила его и проглотила. А Шынфу ничего и не знал. Стали они на следующий день играть, Шынфу все и проиграл. Делать нечего, пошел он бродить и забрел на какую-то улицу. Там он увидел, как дерутся три парня. Шынфу подошел и спросил:

— Эй, братья, чего вы деретесь?

Парни ответили:

— Отец после смерти оставил нам три драгоценности: серебряный мешочек, золотой столик и чудесную палку-переезжалку — баньчжягун.

Шынфу опять спрашивает:

— В чем же их ценность?

Парни ответили:

— Из серебряного мешочка, сколько ни вытряхивай, все золото и серебро не вытрясешь. Золотой столик повернешь — что захочешь съесть — все будет. А чудесная палка, куда захочешь — туда и отвезет.

Шынфу выслушал их и говорит:

— Дайте все три драгоценности мне, а сами отбегите на зад над подальше, так, чтобы вам меня не было видно. Кто первым ко мне прибежит — тому я отдам серебряный мешочек, кто вторым прибежит — золотой столик, а третьему отдам волшебную палку.

Братья выслушали Шынфу и согласились. А Шынфу, когда

братья скрылись из виду, вернулся к вдове и на этот раз проиграл серебряный мешочек и золотой столик. Тогда он стукнул об пол чудесной палкой и сказал: «Унеси этот дом!» Вмиг дом вдовы очутился в пустыне. Но когда Шынфу уснул, вдова утащила у него палку, стукнула ею об землю и сказала:

— Ну, парень, оставайся здесь! А ты, палка, меня перевези!

И перенесла дом на прежнее место, оставив Шынфу одного в пустыне.

Шынфу проснулся, открыл глаза, увидел, что палочки нет, а вместе с ней исчез и дом. Делать нечего, пошел к речке, напился воды и прилег отдохнуть на берегу в тени трех тополей. В это время прилетели три голубя. Первый сел на один тополь, второй — на второй, третий — на третий. Вдруг Шынфу слышит, как первый голубь человеческим голосом говорит:

— Под моим тополем лежит красное яблоко. Кто его понюхает, у того на теле вырастут красивые волосы⁴.

Второй голубь говорит:

— Под моим тополем лежит белое яблоко, кто его понюхает, тот станет белым и необыкновенно красивым.

Третий голубь говорит:

— А под моим тополем лежит зеленое яблоко, кто его понюхает, тот превратится в осла или мула.

Сказали так голуби, вспорхнули и улетели. Шынфу, не теряя времени, стал копать вначале под первым тополем, потом под вторым, затем под третьим и действительно нашел три яблока: красное, белое и зеленое. Шынфу взял яблоки и снова пошел к вдове, но вошел не сразу, а сел отдохнуть на берегу реки. В это время из дому вышла служанка набрать воды. Шынфу позвал ее и дал понюхать белое яблоко. Служанка тотчас же превратилась в красавицу, белолицую и очень стройную — другой такой на свете не сыщешь. Когда она вернулась, хозяйка ее не узнала и спросила:

— Откуда ты, красавица? Зачем пришла ко мне?

— Я ваша служанка, — ответила удивленная девушка.

— Если ты моя служанка, то почему ты стала такой красивой? — опять спросила ее вдова. Служанка-то еще не знала, что она сделалась красавицей. Не поверила, погляделась в зеркало, сама себя не узнала и очень удивилась. Вдруг она вспомнила про яблоко, которое дал ей понюхать Шынфу, и рассказала об этом хозяйке. Хозяйка тут же послала служанку за Шынфу и, когда он пришел, спросила, что за яблоко он принес. На этот раз Шынфу достал зеленое яблоко. Хозяйка обрадовалась, что сей-

час превратится в красавицу. Но стоило ей понюхать зеленое яблоко, как уши ее стали расти, сделались совсем длинными, и она тотчас же превратилась в осла и стала громко вопить.

Служанка, видя, что хозяйка превратилась в осла, рот разинула от удивления. А Шынфу сел верхом на осла, ударил его палкой по хребту и поехал в другой город. Снял там дом и остался жить. Однажды хозяин дома, где поселился Шынфу, стал просить:

— Дай мне твоего осла на базар муку отвезти.

Шынфу отвечает:

— Очень он у меня строптивый, не сможешь ты на нем усидеть, смотри, чтоб не сбросил.

— Ничего,— настаивал хозяин.

Дал ему Шынфу осла, но сказал:

— Смотри, не гони его, придерживай.

Доехал хозяин до середины дороги, осел его сбросил, побежал прямо к дому губернатора⁵ и стал тереться о столб. Зазвонил тут колокольчик. Услыхал это стражник, вышел к воротам, подошел к ослу и говорит:

— Вот осел с жалобой пришел.

Только было хотел он впустить осла в ворота, как прибежал хозяин дома и стал требовать, чтобы ему вернули осла. Но осла стражник не отдал:

— Этот осел жаловаться пришел. Иначе зачем бы ему о столб тереться.

— Да не мой это осел. Я его у своего жильца взял.

— Зови тогда своего жильца.

Делать нечего, вернулся хозяин домой и рассказал обо всем Шынфу. Шынфу пришел к дому губернатора. На табличке значилось имя Шынмын. Шынфу не поверил, подошел поближе, пригляделся — точно написано Шынмын. Ясно — его старший брат стал губернатором. Шынфу отвязал осла, сел на него и поехал домой. Следом за ним поскакал от губернатора стражник.

Приехал Шынфу домой, привязал осла, слышит, зовет его стражник. Он подошел к тому и говорит:

— Твой господин твоего младшего брата спустил в колодец, да и забыл о нем, и разыскать не пытается.

Примчался стражник к своему господину и сказал ему:

— Человек, что тогда уехал на осле,— ваш младший брат. Он ждет, что вы его сами разыщете.

Шынмын созвал людей и сказал им:

— Собирайтесь скорей, берите паланкин! Мой младший брат нашелся.

Чиновники, посланные губернатором, принесли Шынфу в паланкине. Встретившись, братья обнялись и долго плакали. Потом Шынмын спросил Шынфу:

— Откуда он взялся, этот осел?

— Этот осел, что прибежал жаловаться, на самом деле вдова, которая играла на деньги.

И Шынфу рассказал брату, что с ним случилось после того, как они расстались. Брат выслушал его и попросил:

— Дай-ка ты ему понюхать белое яблоко, пусть он опять женщиной станет, а потом напои ее допьяна, пусть она отрыгнет сердце пестрой птички. Ты съешь его и женишься на этой женщине.

— Можно,— согласился младший брат.

Вернулся он домой, взял три яблока, дал ослу понюхать белое яблоко, и он вновь принял прежний женский облик. Шынфу заставил женщину пить вино, напоил ее допьяна. Стало вдове гошнить и отрыгнула она сердце пестрой птички, а Шынфу быстро съел его.

На другой день Шынфу сказал вдове, чтоб она больше никогда не играла на деньги. Он сказал еще, что хочет на ней жениться, но не возьмет ее, если она будет обыгрывать людей. Его брат прошел первым на экзаменах в столице и сделался большим человеком, стоит только ему приказать, как ей голову снесут. Вдова согласилась и обещала, после того как выйдет замуж за Шынфу, не играть на деньги.

Шынмын устроил младшему брату свадьбу. Шынфу и вдова поженились и зажили счастливо.

7. Понжыр

Жили в давние времена старик со старухой, и был у них один-единственный сын Понжыр. Понжыр еще и не вырос толком, а в обиду себя не давал и умел справиться даже со взрослым. За это все его хвалили и предсказывали, что он вырастет настоящим героем. Незаметно Понжыр превратился во взрослого сильного юношу. Но вот случилась беда — умерла мать Понжыра. Понжыр очень горевал, потому что на свете не было у него никого дороже матери. А тут еще, к несчастью Понжыра,

отец его вскоре вновь женился. Мачеха привела в дом сына, которого звали Дуаньчжянь¹. Он был моложе Понжыра, целыми днями шатался по улицам, только и знал, что играть на деньги. А Понжыр с утра до ночи трудился по дому, помогая отцу. Когда же выдавалась свободная минутка, Понжыр учился военному искусству. Каждый день он упражнялся и овладел всеми восемнадцатью видами военного искусства². Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он мог уже поднять камень величиной с дом³.

Между тем Дуаньчжянь тоже вырос и пошел служить императорским стражником.

К тому времени единственной дочери императора исполнилось ровно семнадцать лет, и была она удивительно хороша. Многие женихи сватались к ней, но никому ее не отдавали, потому что чудовище-мынгуцзы⁴ о семи головах сосало кровь у принцессы и грозило ей смертью, если она выйдет замуж. Но вот однажды император приказал вывесить объявление: «Кто спасет принцессу от чудовища, тому император отдаст ее в жены». Но не нашлось ни одного храбреца, который откликнулся бы на призыв императора. Все боялись чудовища-мынгуцзы о семи головах. Дуаньчжянь побежал домой и рассказал обо всем своей матери. Он хотел спасти дочь государя, но мать ему не позволила, а сказала так:

— Тебе не одолеть чудовища, мой мальчик! Пусть с ним сразится Понжыр, он в совершенстве владеет военным искусством и очень силен. Если он победит чудовище, мы что-нибудь придумаем.

Так мачеха с сыном и порешили. Дуаньчжянь пошел к Понжыру и говорит:

— Император ищет храбреца, который сможет одолеть чудовище-мынгуцзы о семи головах. Я бы сразился с чудовищем, да я — стражник, мне не разрешат. Отчего бы тебе не попробовать свои силы. Одолеешь чудовище — император отдаст принцессу тебе в жены. Пусть лучше она достанется нам, чем кому-то другому.

Понжыр, ничего не подозревая, ответил:

— Что ж, я готов.

В тот же день Понжыр отправился в золотые терема, драгоценные хоромы государя и сказал, что одолеет чудовище. Император сперва не поверил, что у этого юноши хватит смелости, но, поглядев на статного Понжыра, дал согласие. Император велел сановникам проводить Понжыра в покои принцессы. Стоило

Понжыру увидеть принцессу, как он сразу же влюбился в нее. Понжыр спросил у дочери государя, когда приходит чудовище.

Принцесса ответила:

— Оно приходит после того, как дважды пропоют петухи,— и, глянув на Понжыра, в свою очередь, спросила: — А ты сможешь его одолеть?

— Не тревожся, я убью чудовище.

Принцесса и говорит:

— Тогда возьми этот перстень, на какой палец он налезет, на том и носи, чтобы после я узнала тебя.

Понжыр взял перстень, мерил-мерил, а потом надел на мизинец и сказал:

— Сейчас я усну, чтобы набраться сил, а как явится чудовище, сразу буди меня.

Понжыр положил подле себя семь стрел и меч и тут же уснул. Но вот дважды прокричал петух, полнеба стало красным, будто при пожаре. Это приближалось чудовище, Принцесса начала будить Понжыра, но юноша так крепко спал, что даже не пошевелился. Принцесса горько заплакала, ее горячие слезинки упали на лицо Понжыра, он мигом вскочил, взял лук и стрелы и стал ждать семиголового чудовища-мынгуцзы. Дверь была заперта, однако злой дух без всякого труда распахнул ее и вошел в покои. Понжыр увидел перед собой огромное чудовище. Средняя его голова была похожа на лошадиную, из пасти вырывалось пламя. Понжыр выпустил вначале три стрелы подряд — и лошадиной головы как не бывало. Четырьмя стрелами он пробил чудовищу еще две головы и, не дав ему опомниться, несколькими взмахами меча отсек остальные головы. Чудовище еще прыгало, как будто хотело ранить человека. Тогда Понжыр нанес последний удар и разрубил чудовище пополам.

Утром император собственной персоной пожаловал в покои царевны. Увидев, что Понжыр справился с чудовищем и спас принцессу, император на радостях не мешкая отдал приказ начать приготовления к свадьбе. Однако нашлись завистники. Один из них убедил императора, что это он, а не Понжыр, убил чудовище. Тогда Понжыр сказал ему:

— Попробуй-ка поднять чудовище-мынгуцзы, тогда я поверю.

Самозванец не то что поднять чудовище, не смог даже с места его сдвинуть. Глядя на него, Понжыр так и покатывался со смеху, от его хохота все вокруг попадали на землю. Потом

Понжыр схватил одной рукой половину чудовища и с силой швырнул ее в восточную сторону города, затем схватил другую половину и швырнул ее в западную. Тут самозванец бежал с позором. Понжыр между тем вернулся домой.

Однажды, когда Понжыр резал сухую траву на топливо, налетел вихрь и с неба прямо под ноги юноше упала расшитая туфелька⁵. Понжыр удивился, подобрал туфельку, спрятал за пазухой, взвалил на спину вязанку хвороста и отправился домой. Не успел юноша шагнуть за порог, как за ним из дворца примчался всадник. Император говорит юноше:

— Налетел ветер, явился оборотень-ёгуэй⁶ и похитил принцессу. Я дам тебе всадников, иди искать свою невесту.

Но Понжыр не согласился, сказал, что один отправится на поиски. Однако император не послушал юношу и дал ему сколько-то конников. Вышел Понжыр из дворца и пошел сперва домой. А мачеха меж тем велела своему сыну сопровождать Понжыра, а по дороге столкнуть его в ущелье и завладеть принцессой. Дуаньчжянь подошел к Понжыру и говорит:

— Брат, и я с тобой пойду, буду помогать тебе. Ты то и дело с коня слезаешь, можешь туфельку потерять, отдай ее лучше мне.

Понжыр подумал, что Дуаньчжянь правду говорит, и отдал ему туфельку. Итак, оба они сели на своих коней и в сопровождении всадников отправились на поиски принцессы. Кони у юношей были резвые, поэтому они оставили всадников далеко позади, а сами поскакали вперед. На пути им попала пропасть. Остальные воины еще не подъехали. Когда они проезжали по краю пропасти, Дуаньчжянь столкнул в нее Понжыра, а сам хлестнул коня и поскакал дальше. В это время достигли пропасти императорские конники, но не заметили Понжыра и поскакали дальше. Они догнали Дуаньчжяня и тут только увидели, что Понжыра рядом с ним нет. Когда они спросили, куда девался жених принцессы, Дуаньчжянь ответил, что Понжыр отправился в другую сторону, а ему с воинами велел искать принцессу здесь. Конники поверили, и они поехали вместе. Когда проезжали мимо какого-то камня, то услышали женский плач. Дуаньчжянь соскочил с коня, пошел на голос и нашел в пещере принцессу. Он вывел девушку из пещеры и отдал ей туфельку. Принцесса поглядела на него, увидела, что на Понжыра он не похож, и спрашивает:

— А перстень где?

— Что еще за перстень! Никакого перстня ты мне не да-

вала,— ответил Дуаньчжянь и хотел приблизиться к принцессе, но та отскочила в сторону и крикнула:

— Не подходи ко мне! Ты не Понжыр, я знаю. Ты злой человек.

А в это время вместе с ветром откуда-то прилетел оборотень-ёгуэй. Завидев его, Дуаньчжянь насмерть перепугался, бросил принцессу и пустился наутек. Конники тоже разбежались кто куда.

Если говорить о Понжыре, то он остался жив, потому что, когда падал, зацепился за ветки кустарников. Хватаясь за ветки, он и выбрался из пропасти. Приблизившись к пещере, Понжыр увидел, как хохочет чудовище над трусливыми конниками. Тут он выхватил меч и вступил с оборотнем в бой. Они оба вращали мечами так стремительно, что ни одна капля дождя не могла бы упасть на них. Наконец Понжыр изловчился и одним взмахом меча рассек чудовище. Потом он приблизился к принцессе. И хотя дочь императора узнала Понжыра, она попросила показать перстень. Понжыр тотчас же снял его и отдал принцессе. Тогда она бросилась к юноше и обняла его. Радостные, они вернулись во дворец. Увидев, что дочь спасена, император очень обрадовался и говорит:

— Ты всем героям герой. Сына у меня нет, будешь моим наследником.

Потом император узнал о коварстве Дуаньчжяня. Он сильно разгневался и приказал немедля стражникам доставить во дворец его мать, а его самого закопать в землю посередь большой дороги так, чтобы только голова торчала наружу. Люди схватили Дуаньчжяня и закопали в землю.

А в это время стражники проносили мачеху в паланкине мимо того места, где был закопан Дуаньчжянь, и увидели торчащую голову. Стражник, шедший впереди, крикнул: «Здесь бугор!» А императорский чиновник ему и отвечает: «Вели Понжыру сровнять дорогу!» Понжыр, стоявший рядом, взял железную лопату и одним ударом снес Дуаньчжяню голову.

Когда мачеха предстала перед императором, он сказал:

— Твой сын был злодеем. И сама ты натворила плохих дел не меньше его. Поэтому не разрешаю тебе больше жить на этом свете.

Государевы люди отвели злодейку в поле, привязали к хвосту дикого коня и хлестнули его кнутом. Конь понесся и поволок за собой мачеху, бил ее копытами, пока не превратил в кровавое месиво.

После этого император послал людей за отцом Понжыра и выдал принцессу за храброго юношу. С той поры Понжыр во всем помогал императору. Но не прошло и двух лет, как император скончался и Понжыр стал государем. Он был справедливым правителем и всегда делал добро.

8. Понвын

Был в прежние времена один человек, имя его было Понвын. Жил он в бедности, никого у него не было, ни жены, ни детей, бобылем жил. Простаком слыл. Хворост собирал на продажу. Пришел к нему как-то один парень и говорит:

— Эй! Давай с тобой побратаемся, а?

Понвын отвечает:

— Ладно! Коль не брезгуешь мной, давай! Я человек бедный.

Парень говорит:

— Ладно!

Звали того парня Дуаньчжянь, хитрый он был. Понвын хворост рубит, продает, а вырученные деньги они вместе проедают. Как-то раз утром вышел Понвын из дому, подошел к воротам, глядь — налетел желтый вихрь¹. Слышит Понвын — в небе девушка плачет. Схватил Понвын коромысло, бросил вверх, и вместе с коромыслом упала вниз расшитая туфелька. Понвын быстро подобрал ее и сунул за пазуху. Пошел он за хворостом, набрал хворосту и продал на местном базаре. Продал он хворост, идет, дошел до перекрестка — висит доска с объявлением². Глянул Понвын, а на доске написано: «Пропала дочь императора». И еще написано: «Кто мою дочь отыщет, сможет большим чиновником стать, на хорошем коне ездить».

Глядел Понвын, глядел и сорвал объявление, а двое стражников, что государеву доску караулили, и говорят:

— Ай-я! Ну и храбрец же ты! Зачем объявление сорвал?

— Я императорскую дочь искать пойду!

А стражники ему:

— Пошли, Понвын, пошли к государю.

Повели они его под охраной, привели к императору. Понвын вынул из-за пазухи вышитую туфельку и положил императору на стол.

Император спрашивает:

— Это что такое?

Понвын в ответ:

— Разве это не туфелька твоей дочери?

Император тут же позвал жену. Жена пришла, увидела туфельку, заплакала:

— Да ведь это туфелька нашей дочери!

Император спрашивает Понвына:

— Ты где эту туфельку взял!

Понвын отвечает:

— Пошел я рано утром за хворостом, налетел тут порыв желтого вихря, слышу в небе девушка плачет. Схватил я коромысло, запустил в небо, а оттуда упала расшитая туфелька.

Император говорит:

— Хорошо! Ладно! Дам тебе тысячу всадников, веди их на поиски.

Повел Понвын войско. Зашли они в горы, подъехали к пещере каменной. Подошли к входу в пещеру, решил Понвын в пещеру спуститься. Понвын говорит Дуаньчжяню:

— Присматривай тут за войском. Вот тебе печать³, держи!

Взял Дуаньчжянь печать, стали воины слушаться его приказов.

Понвын в пещеру спустился, видит — две комнаты. Во внутренней комнате змей лежит. Голова у змея разбита, а дочь императора змею рану залепляет. Понвын во внешней комнате подле стены притаился. Дочь императора обернулась, глядь — какой-то человек. Девушка быстро ему рукой махнула. В это время уснул змей. Дочь императора подошла к Понвыну и говорит:

— Дядюшка! Ты зачем сюда пришел?

А Понвын отвечает:

— Тебя спасти пришел.

Девушка ему:

— Твой меч не годится. Змея этого надо его собственным мечом рубить. Ты погоди, я приподыму змея и скажу ему: «Ты повернись, спи!» Зашевелится он, я из-под него меч и вытащу, дам тебе, а ты мне свой отдашь. Заснет он, ты руби голову, а я хвост.

Понвын говорит:

— Ладно, хорошо!

— Тогда подожди здесь.

Пошла дочь государя к змею, видит — спит змей, быстренько его меч вынула, отдала Понвыну. Взял Понвын меч змея, а

дочь государя взяла меч Понвына. Подошли они вместе к змею, Понвын подле головы встал, а девушка — подле хвоста. Головой кивнула, враз мечи опустились. Понвын голову отрубил, а дочь императора — хвост. Понвын и говорит:

— Пошли к выходу!

Пришли они вместе к выходу из пещеры, девушка и говорит:

— Ты первым вылезай!

А Понвын ей:

— Нет, ты первой подымайся!

— Если я первой подымуся, то ведь веревка больше не опустится.

Понвын отвечает:

— Ничего, ты вылезай!

Тут девушка и говорит:

— Вот браслет, разломаем его пополам, а когда наверх выберемся, сложим его опять вместе.

Обвязал он тут дочь императора веревкой и крикнул:

— Тащи!

Сверху потянули и вытащили ее. Дуаньчжянь тогда говорит воинам:

— Веревку убрать, вход засыпать!

Взял Дуаньчжянь девушку и вместе с конниками поехал во дворец к императору. Вернулась дочь государя и говорит отцу:

— Это не Дуаньчжянь спас меня, того, кто меня спас, нету.

Император и прогнал Дуаньчжяня.

А Понвын один в пещере остался. Туда пойдет, сюда пойдет — нету выхода, не выбраться ему. Вдруг слышит под плитой каменной кто-то стонет. Понвын плиту приподнял, глядь — какой-то парень. Понвын и говорит:

— Вставай, парень, я тебя спас.

Поднялся парень и говорит:

— Дядюшка! Здесь змей живет, осторожней!

— Ничего! Я его зарубил.

Ну, парень тут обрадовался и говорит:

— Дядюшка, ты мне жизнь спас. Я тебя в наш дом приглашаю.

— Хорошо!

— Я тебя на спину посажу, ты глаза закрой, я в море опущусь.

Шли они, шли и оказались у ворот дворца царя драконов Лупвона.

Юноша и говорит:

— Я тебя тут подле суковатого дерева опушу, ты посиди, обожди немного. Я пойду своему отцу скажу.

Вошел юноша в свой дом и говорит отцу:

— Отец, тут один благодетель, что мне жизнь спас.

— А где он? — спрашивает царь драконов.

— У ворот.

— Ай-я, пусть скорее войдет!

Вышел юноша и говорит Понвину:

— Пошли, дядюшка, в наш дом. А как будешь уходить, мой отец будет тебе золото давать, серебро — не бери. А проси ты маленький барабанчик, что висит у нас в комнате на стене. Барабанчик тот — моя младшая сестрица.

Понвын отвечает:

— Ладно! Хорошо!

Вошли они вместе в дом. Стали все за благодетелем ухаживать, угощать его. Понвын отдыхал, гулял полмесяца, а потом говорит:

— Ну, я пойду.

Старик Лунвон кричит:

— Сынок! Отмерь-ка меру золота да меру серебра, отдай гостю и проводи его на землю.

А Понвын говорит:

— Не надо мне твоего золота, не надо мне твоего серебра, а отдай мне тот барабанчик, что висит в твоей комнате на стене.

Лунвон задумался: «Ай-я! Даю золото — не хочет, даю серебро — тоже не хочет. Ай-я! Дай ему барабанчик — и все тут. Вот так благодетель! А не дать — нельзя! Ладно, отдам ему барабанчик».

Взял Понвын барабанчик. Крикнул царь драконов:

— Сынок! Проводи-ка гостя обратно на землю.

Проводил юноша Понвина, вывел на дорогу и говорит:

— Дядюшка! В пути проголодаешься, ложись спать, а сам скажи барабанчику: «Барабанчик! Я голоден!» Спи, он тебе еду приготовит. Поешь и шагай дальше. Устанешь, попроси у него коня; денег не будет, он и денег даст. Ну иди, иди домой.

Добрался Понвын до одного города, остановился на постоялом дворе. Огляделся. А Дуаньчжянь тоже тут. Зашел Дуаньчжянь к Понвину в комнату:

— Старший брат, ты когда пришел?

— Я вчера пришел.

Дуаньчжянь спрашивает:

— Старший брат, что это у тебя на стене висит? Барабанчик? Зачем он?

А Понвын — человек простодушный — и говорит:

— Братец, барабанчик еду мне дает, коня дает, деньги серебряные⁴ дает на расходы.

Дуаньчжянь говорит:

— Ай-я, не верю!

— Не веришь, погляди. Давай спать ляжем, а я попрошу у барабанчика поесть.

Легли Понвын с Дуаньчжянем спать. Стал Понвын у барабанчика еду просить. А Дуаньчжянь тайком подглядывает. Спустился барабанчик со стены, превратился в девушку. Приготовила она им быстро целый стол закусок и опять в барабанчик превратилась. А Понвын поспал немного, встал и зовет Дуаньчжяня:

— Братец! Вставай есть!

Встал Дуаньчжянь, поел вместе с Понвыном и думает: «Как же мне его извести?» Говорит Дуаньчжянь:

— Старший брат! Бывают ли еще такие чудеса на свете?

Понвын спрашивает:

— Какие чудеса, братец?

А Дуаньчжянь отвечает:

— Позади постоянного двора есть сухой колодец, а в колодце пауков с лягушкой дерутся. Пошли поглядим!

Направились они вдвоем к сухому колодцу. Понвын и говорит:

— Да нет там ничего! Ничего я не вижу.

А Дуаньчжянь ему:

— Там, там! Погляди вниз!

Наклонился Понвын над краем колодца, а Дуаньчжянь как толкнет его и спихнул в колодец. Упал Понвын в колодец, но не убится.

Сидит Понвын в колодце, а Дуаньчжянь пошел в дом, взял со стены барабанчик и говорит:

— Барабанчик! Приготовь-ка нам поесть!

Лег Дуаньчжянь спать, проспал немного, встал, глядь — а весь стол в человечесем дерьме. Схватил Дуаньчжянь барабанчик, швырнул его, а барабанчик пола не коснулся — в небо взмыл, полетел императору жаловаться. Облетел он дважды вокруг государя и медленно-медленно стал удаляться. Император тут и подумал: «Ай-я! Да ведь это барабанчик жаловаться прилетал». Кликнул он быстро двух стражников и говорит им:

— Идите быстро, поглядите, куда этот барабанчик полетит, что делать будет.

Стражники тотчас же за барабанчиком пошли. А тот прилетел к постоялому двору, сделал два круга над сухим колодцем и улетел в небеса. Вернулись стражники и доложили императору:

— Пошли мы вслед за барабанчиком, полетел он на постоянный двор, сделал вокруг колодца два круга, в небо поднялся и исчез.

Император говорит:

— Быстро берите веревку и отправляйтесь на постоянный двор, пусть один из вас в колодец спустится, поглядит, что там.

Взяли они веревку и пошли к колодцу, что был позади постоянного двора. Один стражник вниз спустился, глядь — а там человек сидит. Вытащили они его, к императору повели.

Император спрашивает:

— Ты зачем в колодец забрался?

Тут Понвын государю и говорит:

— Я и есть тот человек, который твою дочку спас.

— А!! Так зачем ты в колодец залез?

Понвын отвечает:

— Я твою дочку спас, а Дуаньчжянь приказал воинам вход в пещеру камнями завалить. Не было оттуда выхода, не было дороги. Услышал я, из-под каменной плиты стон раздаётся. Приподнял я плиту, а там парень какой-то. Я и говорю: «Ты зачем, парень, под плиту забрался?» А он отвечает: «Змей меня унес, придавил плитой каменной». Взял парень меня к себе домой, а оказался он третьим сыном царя драконов. Этот парень мне и говорит: «Как будешь уходить из нашего дома, даст тебе мой отец золота, серебра — ты не бери. А попроси ты барабанчик, что висит у нас в комнате на стене». Так я и сделал. Барабанчик всю дорогу мне еду давал, достал коня, деньги серебряные — всё барабанчик. Остановился я на постоялом дворе, и туда же пришел мой младший брат Дуаньчжянь. Он меня спрашивает: «Ты как сюда пришел?» А я отвечаю: «Это барабанчик мне помог — еду давал, деньги серебряные, с ним и пришел». Брат говорит: «Дай-ка я погляжу, как это твой барабанчик тебе есть дает». Легли мы оба спать, я и дал барабанчику приказ. Барабанчик превратился в девушку, и она принялась нам еду готовить. А мой брат Дуаньчжянь тайком подглядывал. Встали мы оба, поели, тут Дуаньчжянь мне и говорит: «Старший брат! Бывают ли еще такие чудеса на свете?»

Я спрашиваю: «Какие чудеса?» А он в ответ: «Позади постоянного двора есть сухой колодец, а в колодце паук с лягушкой дерутся». Позвал он меня посмотреть. Нагнулся я над краем колодца, гляжу — ничего не видно. Он и говорит: «Туда глянь, это разве не опи?» Обманул он меня. Я низко наклонился, а он меня и столкнул в колодец.

Император приказал:

— Ладно! Позовите Дуаньчжяня, возьмите его и закопайте на том перекрестке, голову наружу оставьте, пусть так торчит.

Спрашивает государь Понвына:

— Ты говоришь, что спас мою дочь, а чем ты это докажешь?

Понвын из-за пазухи вытащил половинку браслета.

— Что это? — спрашивает император.

А Понвын отвечает:

— Спросите свою дочь.

Велел император служанке свою дочь позвать. Пришла дочь императора, принесла половинку браслета, сложили с той, что у Понвына была, — точь-в-точь он самый. Император свою дочь тут же и отдал в жены Понвыну.

Прошло три дня, сел Понвын вместе с государевой дочкой в паланкин, понесли их носильщики по улицам. Стали глашатаи о его вступлении в должность объявлять⁵. Подошли они к тому перекрестку. Носильщики остановились и говорят:

— Господин! Дорога неровная!

А Понвын в ответ:

— Дорога неровная, Понвын ее сровняет.

Вылез он из паланкина и отрубил одним взмахом меча голову Дуаньчжяню.

«Дорога неровная, Понвын ее сровняет!» — смысл этой истории в этих словах.

9. Чжон Тянью

Жил в далекие времена юаньвэй по фамилии Чжон, императорский полководец, и был у него единственный сын, золотоволосый Чжон Тянью. Он еще не окончил учиться, когда его мать умерла и отец женился во второй раз.

Однажды Чжон Тянью вернулся из школы и увидел, что мачеха лежит в постели с ламой. Вечером Чжон Тянью обо всем рассказал отцу. Отец не поверил, но стал следить за женой

и убедился, что сын сказал правду. С того дня Чжон юаньвэй затаил на жену обиду.

Был у Чжон Тянью вороной жеребенок — копыта белые, на лбу полумесяцем мета. Восемь лет выхаживал его Чжон Тянью. И вот как-то раз, когда Чжон Тянью вошел в конюшню, тот вдруг заговорил человеческим голосом:

— Твоя мачеха замыслила тебя сгубить. Как только ты появишься перед мачехой, она попросит тебя надеть рубашку. Но стоит тебе ее надеть, как ты тотчас сгоришь. Сперва палкой потрогай рубашку — она сразу же загорится.

Чжон Тянью удивился, не поверил словам жеребенка. Как ни старался он убедить себя, что все это происходит наяву, ему казалось, будто он спит. Наконец он сказал жеребенку:

— Ладно, сделаю все, как ты велишь, не беспокойся.

Вечером, когда Чжон Тянью вошел к мачехе, она очень ласково его встретила и говорит:

— Сыночек, я сшила для тебя рубашку, примерь-ка!

— Ты ведь мне мачеха, так что отвернись, а я надену.

Мачеха отвернулась, а Чжон Тянью взял палку, коснулся рубашки, и рубашка тотчас же вспыхнула. Чжон Тянью ни слова не сказал и отправился к себе в комнату.

Спустя немного времени пришел лама и первым делом спросил мачеху:

— Ну что, сгорел твой пасынок?

— Где там, — с досадой ответила мачеха. — Он попросил меня отвернуться, а сам палкой дотронулся до рубашки. Рубашка вспыхнула, а Чжон Тянью ушел. Не знаю теперь, как нам быть.

Лама подумал и говорит:

— Зарежь курицу, я произнесу над ней заклинание. Потом сварить из нее плов и дашь пасынку покушать. От первого же куска он сгорит.

Чжон Тянью между тем пошел прогуляться и зашел на конюшню к своему жеребенку. В глазах у жеребенка стояли слезы.

— Отчего ты плачешь? — спросил Чжон Тянью.

— Эх, хозяин, как же мне не плакать, если мачеха опять замыслила недоброе. Нынче она зарезала курицу и готовит для тебя плов. Только мясо-то заговорено. Как сядешь за стол, возьми палочками кусочек курятины и брось кошке под стол. Кошка станет есть и сгорит.

Чжон Тянью похлопал жеребенка по спине, успокоил, вышел

из конюшни и отправился к мачехе. Мачеха и на этот раз ласково встретила его и стала куриным пловом угощать.

— Ты поставь его на стол, я только вымою руки, — сказал Чжон Тянью.

Мачеха поставила плов на стол. Не успел Чжон Тянью сесть и взять в руки палочки, как под столом замыкала кошка. Чжон Тянью палочками подхватил кусок курятины и бросил под стол. Кошка схватила курятину, взвизгнула и сгорела. Чжон Тянью вылез из-за стола, спрыгнул с кана¹ и, ни слова не сказав, вышел из комнаты.

Увидев, что и на этот раз замысел ее не удался, мачеха от ярости даже сидеть не могла, схватила издохшую кошку и швырнула под стол. В это время пришел лама и первым делом спросил:

— Ну как, удался паш замысел?

— Не видишь, что ли? — зло закричала мачеха, тыча пальцем в мертвую кошку, и рассказала ламе все как было. Узнав, что и на сей раз Чжон Тянью не погиб, лама удивился и сказал:

— А не спрятано ли здесь волосатое существо, которое обо всем рассказывает твоему пасынку?

Мачеха задумалась, и вдруг глаза ее зло блеснули.

— Эх, как это я сразу не догадалась! — воскликнула она.

— А что?

— Ведь Чжон Тянью уже давно держит воропого жеребенка. Этот жеребенок, видно, обо всем ему и рассказывает.

Тогда лама стал учить мачеху:

— Ты притворись больной. Вернется муж, увидит, что ты заболела, и позовет лекарей. Но ты лежи, не вставай. Муж спросит, какого еще лекаря позвать, вели ему за мной сходить. Я приду и скажу, что вылечить тебя можно только сердцем воропого жеребенка. Так мы погубим вначале жеребенка, а потом и самого Чжон Тянью.

Вечером вернулся Чжон юаньвэй, увидел, что жена лежит больная, и позвал лекарей, но ни один из них не смог ее вылечить. Чжон юаньвэй не знал, как ему быть, и обратился к жене:

— Я приглашал всех лекарей, но никто из них тебе не помог, скажи, кого еще позвать.

— Позови ламу, — ответила жена.

При упоминании о ламе Чжон юаньвэй весь затрясся, но ничего не сказал и послал за ламой, который тотчас же явился, пощупал у больной пульс и сказал:

— У вашей жены очень опасная болезнь.

— А можно ее вылечить? — спросил Чжон юаньвэй.

— Есть одно средство, — ответил лама, — сердце вороного жеребенка с белыми копытами и белой метой на лбу в форме полумесяца.

Чжон юаньвэй нахмурился, послал человека на поиски вороного жеребенка, но человек по тем приметам не смог найти жеребенка. Чжон юаньвэй помрачнел.

— Что это ты все хмуришься? — спросила жена. — Уже несколько лет наш сын держит в конюшне в отдельном стойле вороного жеребенка. Возьми и зарежь его.

У Чжон юаньвэя помутилось в глазах, он чуть не ударил жену, но снова сдержался. Видя, что муж вне себя, жена, плача, сказала:

— Жеребенка своего сына жалеешь! А меня не жалеешь! А ведь я — жена тебе!

Чжон юаньвэй услышал рыдания жены и еще больше рассердился. Но удержался и только сказал:

— Ладно! Уже восемь лет, как наш сын за тем жеребенком ходит, надо и его спросить.

Заплакала опять мачеха. Чжон юаньвэй видит, деваться некуда, согласился:

— Ладно, завтра отправлю сына в столицу, да еще дам письмо к учителю с просьбой задержать его подольше.

Когда на следующий день Чжон Тянью зашел в конюшню, он снова увидел в глазах жеребенка слезы.

— Ты чего плачешь? — спросил Чжон Тянью.

— Эх, хозяин, как же мне не плакать, — отвечает жеребенок, — мачехе не удалось сгубить тебя, так она за меня взялась. Притворилась больной и хочет съесть мое сердце. Она сперва меня погубит, а потом тебя.

Чжон Тянью опечалился, обнял за шею своего любимца и заплакал. Тогда жеребенок сказал:

— Не печалься, послушай, что я тебе скажу. Завтра отец отправит тебя к учителю с письмом, в котором просит задержать тебя. Но ты не бойся. Когда за мной придут, я начну ржать, знай тогда, что меня уводят из конюшни. Ты вскочишь с места, учитель станет тебя удерживать, но ты не противься. Когда во второй раз услышишь мое ржанье, знай, что меня повалили на землю и связывают мне ноги. Ты опять вскочишь с места, учитель станет тебя удерживать, но ты не противься. Когда же в третий раз услышишь мое ржанье, знай, что люди пошли за ножом. Ты вскочишь с места, учитель станет тебя удерживать,

а ты ударом сбей его с ног и что есть мочи беги сюда. Прибежишь во двор, подойдешь ко мне, обнимешь за шею и скажешь: «Я знаю, мачеха больна и ей нужно съесть сердце вороного жеребенка, пусть будет так, об одном лишь прошу: позвольте мне разок прокатиться на нем, ведь я растил его много лет. Мне развяжут ноги, и ты поведешь меня в конюшню. Здесь, где я сейчас стою, закопаны седло, уздечка, меч, копые и одежда. Достань все это, оседлай меня, взнуздай, сам нарядись, привяжи к поясу меч, возьми копые и выведи меня из конюшни. Потом садись на меня верхом и объезжай двор, а потом хлестни меня, чтобы я взвился в небеса, и мы с тобой улетим.

— Ладно! — ответил Чжон Тянью.

На следующий день отец отправил сына в столицу к учителю с письмом. Придя к учителю, Чжон Тянью отдал ему письмо. Тот прочел и завел с Чжон Тянью разговор. Вскоре юноша услышал, как заржал его вороной жеребенок. Он вскочил и хотел бежать, но учитель его удержал, и Чжон Тянью не стал противиться. Они снова завели разговор, и тут Чжон Тянью услышал, как во второй раз заржал его вороной жеребенок. Он снова вскочил и хотел бежать, но учитель снова его удержал. Чжон Тянью понимал, что учитель нарочно отвлекает его разговорами и наставлениями. И тут юноша услышал, как в третий раз заржал его вороной жеребенок. Чжон Тянью вскочил с места, бросился к выходу, но учитель стал на дороге. Тогда Чжон Тянью одним ударом сбил его с ног и что есть мочи помчался домой. Там он подбежал к жеребенку, обнял его за шею и заплакал. Когда люди, стоявшие рядом, спросили Чжон Тянью, почему он так горюет, юноша ответил:

— Чуть ли не восемь лет я хожу за своим жеребенком, позвольте же мне сейчас хоть прокатиться на нем два круга, а потом уж режьте его. Сердце отдайте мачехе, пусть она съест его и поправится.

Услыхав такие слова, люди пожалели юношу и пошли просить Чжон юаньвэя, чтобы он исполнил просьбу своего сына. Отец согласился. Тогда жеребенка развязали и юноша не мешкая повел его в конюшню. Там он вырыл все вещи, оседлал жеребенка, сам переоделся, привязал к поясу меч, взял копые и вывел жеребенка во двор. Увидев юношу с мечом, люди удивились. А Чжон Тянью сел верхом на жеребенка и стал объезжать двор. Вдруг он почувствовал, что жеребенок оторвался от земли. До смерти напуганные мачеха и лама даже приблизиться не смогли к юноше. Когда юноша стал во второй раз объезжать

двор, жеребенок поднялся в воздух. А на третьем круге юноша крикнул:

— Прощай отец! Ты послушался коварного совета мачехи и ламы, а ведь лама только и думает, как бы тебя сгубить. Но я вернусь и отомщу за тебя!

Чжон Тянью в последний раз взглянул на отца, изо всех сил хлестнул кнутом жеребенка, тот взмыл в облака и исчез из виду. Все, глядя в небо, рты поразевали от удивления и потом разошлись по домам. Кипя от злости и досады, лама прибежал к Чжон юаньвэю, выколол ему глаза и с того дня стал властным хозяином в доме.

Тем временем Чжон Тянью с жеребенком долетели до какого-то царства и спустились в пустынном поле. Тут жеребенок сказал Чжон Тянью:

— Ты не ходи со мной в город. Там тоже есть злые люди, и из-за меня ты можешь попасть в беду. Сними с меня уздечку, подними стремя и повесь их через седло, ослабь подпругу, а свою одежду, копы и меч привяжи к седлу.

Чжон Тянью сделал все в точности так, как велел жеребенок, а тот снова обратился к юноше:

— Вырви у меня из гривы несколько волосков и спрячь в кошель². Если попадешь в беду, подожги один волосок, и я тотчас явлюсь.

Чжон Тянью отпустил жеребенка, а сам переоделся в старое платье и пошел в город. Три дня искал, где бы заработать, но никто не нанимал его. Бродил он, бродил и встретил старика, оказавшегося императорским садовником. Чжон Тянью поздоровался со стариком и завел разговор:

— Вы с семьей здесь живете, почтенный отец?

— Мы живем вдвоем со старухой, — отвечал старик. — Никого у нас нет.

— Я тоже человек одинокий, — сказал тогда Чжон Тянью. — Не согласитесь ли взять меня в приемные сыновья?

— С радостью, — отвечал старик.

С того дня Чжон Тянью стал приемным сыном садовника.

Как-то в полночь старик проснулся и увидел, что в комнате светло, как днем. Оглядевшись, он заметил, что сияние излучают огненно-золотистые волосы его приемного сына. Жалость и страх за него охватили старика, он боялся, как бы недобрые люди не сгубили этого славного юношу.

На следующий день он сказал Чжон Тянью:

— Сынок, у нас тут много недобрых людей. Они увидят твои

золотистые волосы и из зависти непременно погубят тебя, а твое счастье еще впереди. Приведи скорее барана и зарежь его.

Чжон Тянью тотчас же привел барана и зарезал его. Старик сделал из бараньего брюха колпак и надел его на Чжон Тянью. Теперь можно было подумать, что у Чжон Тянью на голове парша. Настушило лето, и дни стали жаркими. Чжон Тянью очень хотелось искупаться, но старик не позволил ему идти на речку, боялся, как бы злые люди ненароком не увидели, что у его сына золотистые волосы. И он велел Чжон Тянью купаться в императорском пруду, что находился посреди сада. Чжон Тянью не стал перечить, согласился и каждый день купался в императорском пруду.

И вот однажды, когда он купался, в сад пришли три императорские дочки, три принцессы, рвать цветы. Старшая не обращала на Чжон Тянью никакого внимания, а младшая то и дело на него поглядывала, думая про себя: «Странно, войдет он в воду — у него золотистые волосы, выйдет — опять на голове парша». Запало ей это в душу.

Каждый день младшая сестра упрашивала старших идти в сад гулять и всякий раз внимательно следила за Чжон Тянью. В конце концов она убедилась в том, что сын садовника и в самом деле очень красивый юноша с золотистыми волосами, и влюбилась в него.

В ту пору как раз поспели арбузы³, и старик сказал Чжон Тянью:

— Завтра начинается праздник, и я должен три арбуза отнести во дворец.

Услышав это, Чжон Тянью ответил:

— Вы отдохните, отец, я сам срежу для императора арбузы.

— А сумеешь? — спросил старик.

— Конечно, сумею, не беспокойтесь, — отвечал Чжон Тянью.

Старик согласился. Чжон Тянью снял три арбуза, вырезал на каждом имя одной из принцесс и сказал:

— Вот вам три арбуза, отец. Этот отдайте старшей принцессе, этот — средней, а этот — младшей принцессе.

Старик так и сделал, отнес арбузы во дворец и отдал принцессам. Вскоре император призвал к себе дочерей и велел каждой разрезать свой арбуз. У старшей арбуз оказался перезревшим и гнилым, у второй — наполовину испорченным, зато у младшей принцессы арбуз был на редкость сочный и сладкий. Император удивился, тотчас же вызвал садовника и спросил:

— Кто срезал эти арбузы?

— Я сам хотел срезать, — ответил садовник, — но сделал это мой приемный сын, который вызвался помочь мне.

— Не позже чем завтра разузнай и доложи мне, что за тайный смысл кроется в этих трех арбузах. Не узнаешь — казню, не посмотрю, что ты мой старый садовник, — грозно сказал император.

Старик вернулся домой опечаленный, он не знал, что делать. Чжон Тянью сразу смекнул, в чем дело, и спросил:

— Что случилось, отец?

Но садовник молчал, только тяжело вздыхал. Однако Чжон Тянью продолжал допытываться, тогда садовник, наконец, сказал:

— В прошлые годы я сам срезал арбузы и все обходилось благополучно, нынче ты это сделал, и вот стряслась беда. Если до завтра я не узнаю, какой тайный смысл заключен в этих трех арбузах и не доложу императору, он казнит меня.

Чжон Тянью стал его успокаивать:

— Отец, вы не бойтесь, я завтра сам пойду во дворец и обо всем расскажу императору.

На другой день утром Чжон Тянью отправился во дворец и опустился на колени перед императором.

— Встань! Кто ты, в чем провинился? — спросил государь.

— Ни в чем я не провинился, — ответил юноша, — а пришел держать ответ за моего приемного отца.

— А, это дело об арбузах?!

— Да!

Император пристально посмотрел на Чжон Тянью и сказал:

— Тогда объясни, почему у старшей принцессы арбуз гнилой?

— Ты — император, а о делах не думаешь, — ответил Чжон Тянью.

— О каких делах? — удивился император.

— Старшей принцессе исполнилось сорок, она перезрела, как арбуз, а ты не думаешь о женихе.

— Верно, теперь объясни, почему у второй принцессы арбуз наполовину гнилой?

— Потому что вторая принцесса только недавно созрела. Но пройдет несколько лет, и ее никто не захочет сватать. А у третьего арбуза, — тут он указал пальцем на третью принцессу, — косточки — черные, мякоть — красная, сочный он и сладкий. Самое время третью дочь выдавать замуж. Вот в чем тайный смысл

трех арбузов, — сказал Чжон Тянью и вновь опустился на колени перед государем.

Выслушал император Чжон Тянью, опустил голову и задумался. Потом встал, велел наградить юношу и похвалил его, сказав:

— А ты мудрый человек!

Император приказал проводить Чжон Тянью домой.

Потом он пошел к императрице, и они стали советоваться, как им быть дальше.

Вскоре император велел вывесить объявление, в котором было написано, что принцессы будут бросать вышитый мячик — выбирать себе жениха.

В тот день у золотых дворцовых хором собралось множество людей — все ждали, когда императорские дочери будут бросать вышитые мячики. Старшая принцесса попала в грудь храброму полководцу, средняя — высокому чиновнику-чжуонъюаню⁴. Младшая же два дня не бросала мячик, словно ждала кого-то. Император встревожился и стал спрашивать, кто еще не пришел.

Как раз в ту пору Чжон Тянью с каким-то слепцом бродил по улицам. Стражники их увидели и тотчас же доложили императору:

— Там бродит какой-то паршивый со слепцом.

Тогда император приказал привести их обоих. Стражники побежали за ними и привели во дворец. Сквозь толпу нелегко было пробраться к цветочной башне. Чжон Тянью успел вывалиться в грязи и только в таком виде смог приблизиться к принцессе. Все невольно расступились, боясь испачкаться. А третья принцесса, увидев паршивого, бросила свой мячик прямо ему в грудь. Все так и ахнули. А император, стыдясь за дочь, поспешил удалиться.

После свадьбы император поселил старшую и среднюю дочь с мужьями в золотых хоромы, а младшей дочери с мужем отвел маленький домик возле конюшни.

И вот однажды привиделось императору во сне, будто лакомится он мясом диких зверей. Проснувшись на другое утро, он позвал двух своих старших зятьев, велел им отправиться на охоту и дал быстроногих коней, лук и стрелы, мечи и копыя. Узнал об этом Чжон Тянью и говорит жене:

— Сходи к отцу и попроси у него для меня коня, собаку и лук со стрелами. Я тоже хочу идти на охоту.

— Не даст он тебе хорошего коня, — отвечала принцесса.

— А ты сходи, попроси, какого ни даст коня, любого бери,— стоял на своем Чжон Тянью.

Принцесса пошла и стала просить коня, меч и копые.

Услыхав, что паршивый собрался на охоту, император засмеялся:

— Хэй! Что там твой паршивый настроеляет?

Но тут за дочь вступилась императрица:

— Дай коня, пусть и ее муж поохотится!

Когда третья принцесса вернулась в свой домик, император прислал паршивому ленивую клячу, тощего пса и старый тупой меч. Чжон Тянью ничего не сказал, привязал к поясу тупой меч, прихватил петуха, сел на клячу и с тощим псом вышел из города. В поле, где вокруг не было ни души, Чжон Тянью отпустил клячу и дал ей травы, собаке дал кость, потом нарисовал круг, посадил в него петуха и дал ему поклевать зерна, после этого вытащил из кармана волосок вороного жеребенка и поджег его. Тотчас же вихрем прилетел вороной жеребенок, Чжон Тянью обнял его и долго ласкал. Затем надел новую одежду, привесил к поясу меч, вскочил на вороного жеребенка и поскакал на охоту. Вмиг настроелял он множество зверей и сел отдыхать. Между тем старшие зятья долго бродили по лесу, но им не попался ни один зверь. На обратном пути они встретили статного юношу, подле которого горой лежали подстреленные звери. Старшим зятьям и в голову прийти не могло, что юноша этот не кто иной, как муж младшей принцессы, и они попросили, чтобы он поделился с ними своей добычей.

— Ладно,— согласился Чжон Тянью,— я дам вам зверей, но каждому из вас я поставлю на спину клеймо.

— Можно,— согласились старшие зятья. Чжон Тянью поставил каждому на спину клеймо и отдал зверей. Зятья с добычей вернулись во дворец. Император остался ими доволен и сказал: «Посмотрю, с чем вернется паршивый!»

Между тем Чжон Тянью поскакал в безлюдное место, отпустил вороного жеребенка, взял требуху убитых животных, погрузил на клячу, сунул под мышку петуха и со старым псом вернулся в город, так что император его не увидел. Дома он сказал жене:

— Вымой требуху и свари.

Младшая принцесса сделала так, как ей велел муж.

Между тем старшие зятья сварили мясо убитых животных и преподнесли императору. Император стал есть, но мясо показалось ему цевкусным.

В это время Чжон Тянью вытащил из котла требуху, бросил в чашку немного конского навоза, сверху прикрыл его вареной требухой и сказал жене:

— Отнеси отцу, пусть отведаст.

Младшая дочь поднесла еду императору. Требуха императору и императрице показалась очень вкусной. Они все съели, и вдруг увидели на дне чашки катышки конского навоза. Император очень огорчился и спросил жену:

— Что это значит?

— Да ведь ты поселил их возле конюшни, и навоз мог ненароком попасть в чашку.

Император задумался, а на другой день переселил младшую дочь с мужем в хорошее жилище.

Прошел месяц, и на ту страну напал император другой страны и так написал в своем послании: «Отдай мне в жены старшую дочь, и я уведу свое войско». Не зная, как ему быть, император призвал к себе старшего зятя и сказал:

— Враг требует себе в жены твою жену. Победишь его — жена останется при тебе, не победишь — лучше на глаза не показывайся!

— Ладно! — отвечал старший зять и стал собирать войско. Узнав, что старший зять идет сражаться с врагом, средний тоже решил отправиться в поход. Старшую принцессу посадили в паланкин, который несли восемь носильщиков, и оба зятя со своим войском вышли из города. Когда весть об этом дошла до Чжон Тянью, он сказал жене:

— Иди во дворец и попроси для меня меч, коня и ружье.

Младшая принцесса пошла к императору и попросила меч, коня и ружье. Император дал старую клячу, тупой меч и деревянное ружье. Чжон Тянью сел на клячу, сунул под мышку петуха и выехал из города в поле. Там он бросил паршивую клячу, вынул волосок и зажег его. Жеребенок тотчас вихрем примчался. Чжон Тянью надел новую одежду, привязал к поясу меч, взял копьё и поскакал на поле битвы. Там он увидел, что старший и средний зятя отступают, хлестнул жеребенка и в тот же миг очутился в самой гуще чужеземной армии. Напал он на врага раз, другой и сокрушил вражеское войско. Те, кто остались в живых, повернули коней и бежали кто куда. После боя Чжон Тянью нарочно поцарапал себе руку кончиком меча. Глядя на него, старший и средний зятя говорили друг другу: «Откуда явился этот герой? Если бы не он, нам пришлось бы бежать с позором». Подойдя ближе, они узнали в герое того

самого юношу, который отдал им на охоте часть добычи. Тут они спешили и стали благодарить своего спасителя. Старшая принцесса, заметив на левой руке юноши кровь, быстро порвала свой платок и перевязала рану, а старший и средний зятья обратились к Чжон Тянью:

— Эй, герой, скажи, как нам тебя благодарить?

— Ничего мне не нужно, — отвечал Чжон Тянью. — Об одном прошу, разрешите мне поставить каждому из вас на руку мету.

Зятья согласились. Чжон Тянью поставил каждому на руку мету, отрезал по куску кожи от их седел, привязал к своему седлу и, вскочив на вороного жеребенка, вмиг скрылся из виду.

А старшие зятья посадили старшую принцессу в паланкин и со своими воинами вернулись в город. Узнав о победе, император похвалил старших зятьев за смелость.

Не прошло и месяца, как на страну напал владыка еще одного царства со своим войском. Он хотел взять себе в жены вторую принцессу. Император призвал второго зятя и велел ему выступить в поход.

На сей раз в паланкин посадили вторую принцессу, и старшие зятья опять выступили в поход со всем своим войском.

Чжон Тянью снова послал жену к императору, и тот, как и прежде, дал паршивую клячу, тупой меч и деревянное ружье. Чжон Тянью ни слова не сказал, верхом на кляче, зажав петуха под мышкой, выехал из города, доехал до поля, отпустил клячу, зажег волосок жеребенка, и жеребенок тотчас же предстал перед ним. Чжон Тянью вскочил на жеребенка и помчался на поле битвы. Там он увидел, что враг вот-вот одолеет двух старших зятьев. Он выхватил меч, ринулся в самую гущу вражеского войска и разметал врагов. Тогда Чжон Тянью снова слегка попарал себе мечом другую руку. Старшие зятья подошли к нему и начали благодарить. Заметив кровь на руке у храброго юноши, принцесса оторвала кусок от подола платья и перевязала рану.

— Чего ты хочешь, герой? — спросили старшие зятья.

— Ничего мне не надо, — отвечал юноша. — Об одном прошу: дозвольте каждому из вас поставить еще по одной мете.

Зятья согласились. Чжон Тянью поставил каждому из них мету на другую руку, как и в первый раз, отрезал по куску кожи от их седел, привязал к своему седлу, вскочил на вороного жеребенка и умчался.

А старшие зятья посадили вторую принцессу в паланкин и

с оставшимися в живых воинами возвратились в город. Узнав, что и средняя принцесса спасена, император похвалил старших зятьев за храбрость. Тут он вспомнил, что младший зять тоже собирался в поход, рассмеялся и спросил:

— А паршивый был на поле брани?

— Куда ему! — отвечали старшие зятья. — Верно, лежит где-нибудь и паршу чешет.

Не прошло и месяца, как войну объявил девятиголовый оборотень-ёгуэй, который, приняв человеческий облик, стал государем одной страны. Он хотел взять в жены третью принцессу. Император призвал к себе старших зятьев и сказал:

— Враг требует в жены третью принцессу. Но вы ведь знаете, что паршивый не то что сражаться с врагом, поводя в руках держать не умеет. Так что вступить за мою младшую дочь придется вам.

Оба зятя согласились. Собирая воинов в поход, они говорили друг другу: «Если на сей раз не придет тот храбрец, не быть нам живыми!» Когда Чжон Тянью узнал, что враг требует его жену, он сам отправился к императору и сказал, что тоже хочет сражаться с врагом. Император его высмеял и ответил:

— Где тебе воевать?

Но Чжон Тянью возразил:

— Враг требует мою жену, если я не пойду воевать, кто пойдет?

Император ответил:

— Воевать с оборотнем будут мои храбрые зятья.

Но паршивый стоял на своем.

Император долго не соглашался, но все же позволил Чжон Тянью отправиться на поле битвы, однако, как и прежде, дал юноше вонючую клячу, тупой меч и деревянное ружье. Чжон Тянью ни словом не обмолвился, сел верхом на клячу, зажал петуха под мышкой и сказал жене:

— Жди меня у ворот золотых хоромов твоего отца, а как увидишь в небе облако пыли, знай, что это я скачу на коне. Открой тогда ворота: мне надобно поговорить с императором и старшими зятьями.

Сказав так, Чжон Тянью вместе со старшими зятьями покинул город. Когда они дошли до пустынного места, Чжон Тянью обратился к своякам:

— Вы идите, а я схожу по малой нужде!

— Враг у него хочет отобрать жену, а он собрался удирать! — стали насмехаться старшие зятья над Чжон Тянью, а

потом двинулись вперед со своим войском. Только они исчезли из виду, как Чжон Тянью поджег волосок вороного жеребенка, и жеребенок вмиг явился перед ним. Не прошли старшие зятья и полпути, как Чжон Тянью по воздуху уже промчался на поле брани. И тотчас же вступил в бой с девятиглавым оборотнем. Одним ударом юноша отсек восемь голов чудовищу, но на их месте появились новые. Оборотень громко хохотал и похвалялся своим бессмертием.

— Руби меня сто лет, а все едино — не убьешь! Видишь верхушку того дерева? Там спрятана коробка, в коробке — камень, в камне — нефрит, а в нем моя душа!

Услыхав эти слова, Чжон Тянью с яростью набросился на оборотня. Одним ударом отсек все его девять голов, настоящую голову схватил, вскочил на жеребенка, взвился в воздух и очутился у верхушки дерева. Взял коробку, спустился вниз, разрубил ее и увидел камень. Разрубил камень и увидел кусок нефрита. Тогда он разрубил и нефрит. При этом Чжон Тянью заметил, что настоящая голова оборотня оскалилась. Потом юноша взял меч и еще раз разрубил нефрит и там оказался куриный желток. Тогда он разрубил пополам желток, полилась кровь, и оборотень стал биться в предсмертных судорогах. Он обрызгал кровью Чжон Тянью, жеребенка и испустил дух. Одолев чудовище, юноша отправился домой. По дороге он встретил старших зятьев. Чжон Тянью как ни в чем не бывало спросил:

— Куда путь держите?

Зятья отвечали:

— Мы идем сражаться с оборотнем!

— Напрасно идете, — сказал Чжон Тянью. — Оборотня уже нет больше, я убил его!

Когда зятья услышали, что оборотень убит, радости их не было предела. Они тут же повернули свои войска и пустились в обратный путь. А Чжон Тянью на вороном жеребенке взмыл в небо и исчез из виду.

Третья принцесса между тем не сводила глаз с неба и, как только увидела огромное облако пыли, побежала к воротам и распахнула их. Чжон Тянью опустился на землю, въехал во дворец и предстал перед императором.

— Погляди хорошенько, не я ли твой третий зять? — обратился Чжон Тянью к императору.

Император смотрел на юношу и его вороного коня, забрызганных кровью, и никак не мог признать в этом юноше своего паршивого зятя. А когда взгляд императора упал на разинутый

рот коня, готовый, казалось, проглотить человека, он и вовсе перепугался. Набравшись духу, император наконец заговорил:

— Мой третий зять паршивый, а ты-то нет!

Чжон Тянью ничего не ответил, вытащил из-за пазухи бараний желудок и надел на голову. Тут император понял, что зять его только прикидывался паршивым. Он подошел к Чжон Тянью, снял у него с головы бараний желудок и только сейчас заметил, что у юноши золотистые волосы. «Так вот оно что! — сказал про себя император. — Теперь ясно, почему младшая принцесса выбрала его в мужья. Я сделаю его своим наследником!» Решив так, император обратился к Чжон Тянью:

— Нет на тебе вины, слезай с коня и садись на трон.

Чжон Тянью слез с коня и сел рядом с императором на трон. Император оглядел зятя и стал расспрашивать, а тот все рассказал о своей жизни. Пока он говорил, третья принцесса не сводила укоризненного взгляда с отца. Заметив это, Чжон Тянью велел жене отвести коня, нагреть воды и вымыть его хорошенько, закутать в попону и положить в комнате отдыхать. Жена ушла и увела коня, а Чжон Тянью тоже отправился отдыхать.

В ту пору вернулись старшие зятя. Слуги прибежали во дворец и доложили императору, что оба зятя с победой возвратились. Сказал тогда император:

— Вот и хорошо! Пусть отдохнут немного и потом вместе с женами явятся ко мне!

Вечером старшие зятя и их жены предстали перед императором.

— Как прошло сражение? — спросил император.

— Мы победили! — хвастливо заявили старшие зятя.

— Прекрасно! — усмехнулся император и послал человека за Чжон Тянью. Тот не мешкая явился. Император заметил, что старшие зятя не рады приходу младшего, но виду не подали, и обратился к юноше:

— Они говорят, что одолели оборотня!

Чжон Тянью подошел к своякам, схватил их за шиворот, подбросил в воздух, а потом поставил перед императором. Зятя только удивлялись, думая про себя: «Откуда у этого паршивого такая сила?!» Тут Чжон Тянью снял с головы баранью шкуру и спросил:

— Ну, теперь вы меня признали?

Заволновались тут оба зятя. Но старшие дочери государя узнали своего спасителя. Вдобавок Чжон Тянью поведал обо всем случившемся с начала до конца и в доказательство дал

поглядеть императору лоскут от платья старшей дочери и от платка средней, а также меты на руках и на спинах зятьев. Потом он принес по две полоски кожи и приложил их к седлам старших зятьев. Тогда император обратился к принцессам, и те в один голос сказали, что Чжон Тянью говорит истинную правду. Старшие же зятья, когда император спросил их, только головы опустили, и он велел палачам их казнить. Чжон Тянью вступился за них, но император сказал:

— Ты их жалеешь, а ведь они твои враги.

Палачи вывели старших зятьев из дворца и отрубили им головы. Император предложил Чжон Тянью взять в жены обеих старших принцесс. Юноша наотрез отказался, и император выдал их замуж за добрых людей.

Император сдержал свое слово и передал трон младшему зятю. И вот однажды Чжон Тянью увидел во сне своего отца. Проснулся, вскочил с постели и тяжело вздохнул.

— Ты почему вздыхаешь? — спросила жена.

— Как же мне не вздыхать, — отвечал Чжон Тянью. — Мой долг отомстить за родного отца. — И он рассказал, как все было, от начала до конца.

Узнав, сколько горя пришлось вытерпеть ее мужу, принцесса сказала:

— Пожалуйся-ка моему отцу.

Чжон Тянью согласился и на второй день пошел к своему тестю — старому императору жаловаться, но тот не принял жалобы. Тогда третья дочь все ему разъяснила. Выслушал ее государь и дал такой совет.

Чжон Тянью верхом на вороном жеребенке отправился в свое родное царство и пришел в дом дяди — брата своей матери. Дядя обнял племянника, заплакал. После обильного угощения Чжон Тянью справился о здоровье отца.

— Твой отец жив, но ничего не видит, лама ослепил его, а твоя мачеха живет вместе с ламой.

На следующее утро Чжон Тянью отправился во дворец, схватил императора и сказал ему:

— Лама сделал моего отца слепым и вместо него стал твоим полководцем, он оскорбил честь моего отца, женившись на моей мачехе, но ты ни о чем даже не спросил моего отца. Ни до чего тебе нет дела! Какой ты император?!

Император и рта раскрыть не успел, как Чжон Тянью отсек ему голову. После этого он пошел искать ламу. Нашел, ничего не сказал и одним ударом меча отрубил тому голову. Распра-

вившись с ламой, Чжон Тянью отправился искать мачеху. Увидев Чжон Тянью с обнаженным мечом, мачеха затряслась от страха, словно кошка. Чжон Тянью схватил ее за волосы и, приподняв, спросил:

— Где мой отец, говори!

— Твой отец в конюшне! — с трудом вымолвила мачеха.

Чжон Тянью тут же, не опуская на землю, разрубил мачеху на четыре части.

Увидев, что какой-то человек летит по воздуху верхом на коне с обнаженным мечом, полководцы и простые воины стали разбегаться. Пасть у коня была разинута, словно конь вот-вот начнет глотать людей. Чжон Тянью криком остановил их, рассказал, кто он такой и за что убил злодеев. Так воины и полководцы узнали о жестокости своего государя и просили быть императором Чжон Тянью. Но Чжон Тянью сказал, что он правит другим царством, и предложил провозгласить императором своего дядю — брата матери. Воины и именитые люди — все знали его дядю, поэтому они в один голос стали звать его на царство. Итак, Чжон Тянью сделал дядю императором, взял отца и вернулся в свое царство. Старый император и принцесса встретили отца Чжон Тянью и усадили на почетное место. Старый государь призвал лекаря, чтобы вылечить отца Чжон Тянью от слепоты, и тот сказал: «Надо добыть волшебную траву — линцзыцо⁵ и волшебную воду — линцзыфий⁶, тогда больной прозреет».

И вот ночью Чжон Тянью на своем вороном жеребце поскакал в горы и там поймал огромного тигра, царя всех тигров.

— В чем я провинился перед собой, за что ты меня схватил? — спросил тигр.

— Добудь мне волшебную траву-линцзыцо и волшебную воду линцзыфий, не то я тебя где угодно найду и убью, — ответил Чжон Тянью.

— Ладно! — сказал царь тигров, одним прыжком перемахнул высокий холм и вихрем умчался в горы. Целых три дня и три ночи искал тигр волшебную траву и чудесную воду, нашел, наконец, и принес Чжон Тянью. Чжон Тянью перелил волшебную воду из пасти тигра в бутылочку, взял траву-линцзыцо и сказал тигру:

— Почтенный царь тигров, отныне ты будешь владеть всеми этими горами!

Тигр наклонил голову и сказал:

— Хорошо!

Чжон Тянью вернулся во дворец, когда наступила пятая

стража. Стоило потереть глаза слепого волшебной травой, как он сразу прозрел. Потом Чжон Тянью напоил старого императора и отца волшебной водой, и они помолодели.

Говорит как-то Чжон Тянью старому императору:

— Есть у меня приемный отец и приемная мать, нет у них сыновей.

— Кто же они, твои приемные родители?

— Дворцовый садовник и его жена.

— Пусть живут во дворце.

Чжон Тянью обрадовался и поселил приемных отца с матерью во дворец. Все три старика жили спокойно и помогали Чжон Тянью управлять государством.

10. Чжинхуа — Золотой цветок

Давным-давно жили старик со старухой, и была у них единственная дочь по прозвищу Чжинхуа — Золотой цветок. Чжинхуа еще и восьми лет не исполнилось, как умерла ее мать. Не прошло и года, как отец женился вторично, и новая жена привела с собой дочь по имени Хийцинхуа — Цветок с черным сердцем. С первого же дня мачеха невзлюбила Чжинхуа, заставляла ее делать тяжелую работу, не давала есть и пить. Зато Хийцинхуа целыми днями бездельничала, только ела да пила. Однажды мачеха дала своей дочери шелковые нитки и велела вышить цветы. Но цветы получились грубые, не цветы, а волосатые шарики. Чжинхуа вышила цветы простыми пеньковыми нитками, зато тонко и красиво. Увидев, что Чжинхуа мастерица на все руки, мачеха еще сильнее ее возненавидела, взяла вышитые ею цветы и показала старику:

— Видишь, какая у меня дочь искусница!

Старик ничего не сказал, повернулся и ушел, а мачеха от злости вся запылала.

У старика была черная корова. Чжинхуа очень любила ее и часто давала ей свежей травы, чтобы та ела досыта. Но вот однажды Чжинхуа вошла в хлев и увидела, что ее любимица плачет.

— Отчего ты плачешь? — спросила Чжинхуа.

— Как мне не плакать, — отвечала корова, — твоя мачеха хочет съесть мое сердце. Она притворится больной, позовет лекаря, а лекарь пощупает у нее пульс и скажет твоему отцу, что

то можно вылечить только сердцем черной коровы. Отец зарежет меня и отдаст мачехе мое сердце, но ты не бойся. Они станут и тебя заставлять есть мое мясо, а ты не ешь, собери мои кости, отнеси в сад и положи под перевернутый чан. Если с тобой случится беда, придешь в сад, поднимешь чан и узнаешь, что тебе делать.

Не прошло и трех дней, как мачеха притворилась больной и попросила мужа позвать лекаря. Лекарь пощупал у нее пульс и сказал старику, что жена его выздоровит, если отведаст снадобья, сделанного из сердца черной коровы. Задумался старик, откуда ему взять черную корову? И вдруг вспомнил, что у них в хлове есть черная корова. Старик пошел туда, зарезал любимицу дочери, а сердце отдал мачехе. Мачеха съела лекарство, сделанное из коровьего сердца, в тот же миг вскочила с постели и сказала, что выздоровела. Потом она велела падчерице отведать мяса черной коровы, но Чжинхуа не стала есть, собрала все мясо в рукав, а коровьи кости отнесла в сад и положила под чан.

А в это время император устраивал представление для своих подданных. Мачеха нарядила свою дочь в самое лучшее платье и, перед тем как отправиться на представление, перемешала пшеницу с просом, насыпала целую кучу и позвала падчерицу, приказав ей, пока они будут смотреть представление, отделить просо от пшеницы. Чжинхуа села и начала плакать, не зная, как ей быть. Вдруг она вспомнила слова черной коровы, побежала в сад, приподняла чан и, к своему удивлению, увидела, как выбежали оттуда петух с курицей. Они в одно мгновение отделили пшеницу от проса, а потом говорят Чжинхуа:

— Иди в сад, возьми под чаном красивое платье и туфельки, переоденься побыстрее и поезжай к государю во дворец: у ворот стоит коляска. Как только окончится представление, вернешься домой, переоденешься, распустишь волосы и сядешь между кучей пшеницы и кучей проса.

Чжинхуа побежала в сад, достала распITYе туфельки и платье, быстро переделалась, села в коляску и отправилась на представление. Когда Чжинхуа вошла во дворец, все, кто смотрел представление, стали на нее глядеть, позабыв о том, что показывали актеры. Мачеха и ее дочь тоже во все глаза смотрели на нее и думали: «Как эта девушка похожа на Чжинхуа», даже не подозревая, что это она и есть.

— Посмотри, какая красавица, — сказала мачеха дочери, — а наша — растяпа и дура.

Как только представление стало подходить к концу, Чжинхуа незаметно вышла, села в коляску и вернулась домой. Когда она сходила с коляски, порыв желтого ветра сорвал у нее с ноги туфельку и унес. Чжинхуа не смогла догнать туфельку, вошла в дом, переделалась, распустила волосы и села между кучей пшеницы и кучей проса.

Между тем ветер принес туфельку в сад одного молодого неженатого юаньвэя, который как раз в это время вышел прогуляться. Он подобрал туфельку и подумал про себя: «До чего же изящная вышивка! Как же, должно быть, прекрасна ее хозяйка!». Он сунул туфельку за пазуху и пошел в дом.

После представления мачеха с дочкой вернулись домой, и еще с порога мачеха спросила падчерицу:

— Отделила просо от пшеницы?

— Отделила, — ответила Чжинхуа.

— Посмотри, на кого ты похожа, — стала выговаривать мачеха Чжинхуа. — На представлении была девушка, очень похожая на тебя, только умная и красивая, не то что ты, растяпа! Будешь сидеть в погребе и вышивать цветы!

Чжинхуа заплакала, но мачеха не пожалела ее и посадила в погреб.

В это время молодой юаньвэй послал своих людей с паланкином, наказав им разыскать хозяйку туфельки. Они ходили от дома к дому и кричали:

— У кого есть дочь, пусть выходит мерить туфельку!

Однако ни одной из девушек туфелька не пришлась впору. Люди юаньвэя подошли и к дому Чжинхуа.

К ним вышла мачеха и говорит:

— Моя дочь может примерить туфельку.

Она привела Хийцинхуа, но та никак не могла втиснуть ногу в туфельку. Чжинхуа, которая сидела в погребке, все слышала и подала голос:

— Я примерю туфельку, я примерю туфельку!

Прибежала мачеха и стала ругать падчерицу:

— Моей дочке не пришлась впору, а ты туда же, мерить захотела! — И она стукнула падчерицу кулаком по голове.

Узнав, что в погребке есть девушка, люди юаньвэя обратились к мачехе:

— Приведите ее, пусть примерит! Будет впору — увезем ее, не будет — здесь оставим. Веди ее, пусть примерит.

Чжинхуа выбежала из погреба, побежала в сад, достала из-под чана платье, надела и вышла на улицу. Примерила туфель-

ку — она ей в самый раз пришлась. Люди юаньвэя обрадовались, усадили Чжинхуа в паланкин и унесли ?.

Мачеха глазам своим не верила, ей казалось, будто все это ей снится. Ее так и трясло от злости. Схватив палку, она набросилась на дочь:

— Говорила я тебе тогда, что это Чжинхуа, так ты мне не поверила. А сейчас видела, как ее унесли в паланкине? Она станет женой богатого юаньвэя.

Юаньвэй, увидев, какая Чжинхуа красавица, влюбился в девушку и сделал ее своей женой. Они стали жить в мире и согласии на радость старику — отцу Чжинхуа.

Спустя некоторое время мачеха позвала Чжинхуа в гости. Чжинхуа не хотела идти и согласилась только ради своего старого отца. Погостив десять дней, Чжинхуа стала собираться домой, но мачеха начала ее упрашивать:

— Остайся, доченька, тебе помыться надо. Я уже согрела воду, я сама тебе полью.

Чжинхуа не хотела мыться, но мачеха уговорила, сама принялась мыть ей голову, выплеснула полное ведро кипятку и опшарила ее. Чжинхуа даже вскрикнуть не успела и упала за мертво. Тогда мачеха быстро содрала кожу с ее лица, прилепила ее к лицу своей дочери, нарядила ее в платье Чжинхуа и отправила в дом юаньвэя. Вечером, когда вернулся старик, мачеха сказала ему:

— Чжинхуа ушла и увела с собой Хийцзинхуа, чтобы ей у мужа одной не так скучно было.

Старик поверил и не стал ни о чем расспрашивать.

Юаньвэй между тем заметил, что походка у Чжинхуа стала не такой, как была, и голос погрубел. Он удивился, но не придал этому никакого значения и ушел по своим делам.

Мачеха тайком закопала Чжинхуа в землю, а Чжинхуа обернулась птичкой, полетела к речке, села на рогоголовник и зачирикала. Как раз в это время юаньвэй повел коня на водопой. Птичка увидела его и пропела:

Верхняя вода в нос бьет коня,
Нижняя вода в ноги бьет коня.

Услыхав, что птичка поет человеческим голосом, юаньвэй удивился и сказал птичке:

— Садись ко мне на плечо.

— Не сяду, — ответила птичка.

— Полезай ко мне в рукав.

Птичка прилетела, залезла к нему в рукав, а юаньвэй напоил коня, вернулся домой и наказал жене:

— Присматривай за птичкой, корми ее хорошенько да пить давай вовремя.

Юаньвэй оставил птичку и снова ушел.

С того дня, что бы Хийцинхуа ни делала, птичка ее ругала. Когда Хийцинхуа причесывалась перед зеркалом, птичка над ней насмеялась. Наконец Хийцинхуа не вытерпела, убила птичку, сварила и съела, а отвар выплеснула. На этом месте через несколько дней вырос рогоголовник. Когда Хийцинхуа проходила мимо, он колючками цеплял ее платье.

Неподалеку от юаньвэя жила старая гадалка. Однажды она гадала по триграммам и узнала, что злая мачеха убила жену юаньвэя, которая сперва превратилась в птичку, а потом в рогоголовник, что теперь растет во дворе у юаньвэя. Юаньвэй удивился, но, вспомнив, что походка жены и голос ее стали другими, переполошился. Гадалка его успокоила, стала читать заклинание, и прямо на глазах у юаньвэя рогоголовник превратился в Чжинхуа. Тут только юаньвэй все понял. Чжинхуа все по порядку рассказала, как мачеха ее убила и как Хийцинхуа, приняв ее облик, пришла к юаньвэю. Разгневанный юаньвэй убил мачеху и Хийцинхуа. И Чжинхуа снова счастливо зажила со своим мужем. Вскоре скончался ее отец, юаньвэй с почетом его похоронил. Чжинхуа родила юаньвэю двух сыновей. Они выросли, стали важными чиновниками и ухаживали за своими родителями.

11. Мачеха

Давным-давно жил муж с женой по фамилии Ма¹, и была у них единственная дочь Юньхуа, что значит Облачный цветок. Жили они бедно. Когда Юньхуа исполнилось семь лет, мать умерла. Однако отец не захотел опять жениться, боялся, что мачеха будет обижать его дочь.

Однажды к Юньхуа пришли подружки и стали играть. Играли и проголодались. Юньхуа наскребла в ларе остатки муки, приготовила юца², сама поела и подружек накормила. Вдруг пришла старуха и попросила милостыню. Юньхуа жаль было старуху, но она ничего не могла ей подать и сказала:

— Пришли бы пораньше, я накормила бы вас юца.

— Не печалься, внученька, раз ничего у тебя нет, я не обижусь. Только запомни, в пятницу или в субботу³ надо накормить сирот семью лепешками.

— Семью лепешками? — воскликнула Юньхуа. — Да нам самим нечего есть. Откуда же я возьму столько лепешек?

Старуха ничего не сказала и собралась уходить, но Юньхуа ее остановила:

— Обождите, я сейчас принесу вам остатки юца.

Юньхуа соскребла с доньшка котла остатки юца и принесла старухе. Старуха съела, благословила Юньхуа и ушла.

Вскоре отец Юньхуа женился на богатой женщине, которая привела с собой дочь по имени Гуаньдоню, что значит Избалованная.

С первого же дня мачеха возненавидела Юньхуа, а своей дочке во всем потакала.

Отец Юньхуа день и ночь трудился на своем поле, но год за годом не родилось у него ничего, а тут собрал он богатый урожай. Часть урожая продал, а на вырученные деньги купил пять баранов. Мачеха свою дочь пожалела, дома оставила, а Юньхуа заставила пасти баранов.

К тому времени у местного князя умерла жена, и он решил жениться вторично. Для этого он устроил пир и велел привести к нему всех девушек. Узнав о том, что князь ищет себе жену, мать нарядила свою дочь в одежды Юньхуа и повела на княжеский пир. Юньхуа, которая в это время пасла баранов, пришла домой, узнала, что Гуаньдоню в ее наряде отправилась к князю на пир, вернулась на луг и стала там горько плакать, жалуясь: «Моя матушка оставила мне одежду, а Гуаньдоню мое платье надела и пошла к князю на смотрины».

Вдруг налетел порыв желтого вихря и унес веретено Юньхуа. Юньхуа испугалась, что мачеха накажет ее за это, и побежала за веретеном. Она бежала быстро и не заметила, как очутилась в пещере, где жила старуха-бессмертная. Старуха сидела на кане, она пригласила Юньхуа войти и отдохнуть. Юньхуа вошла, поздоровалась и села. Когда она отдохнула, старуха сказала ей:

— Доченька, подмети-ка пол, собери-ка из-под котла золу.

Юньхуа подмела пол, нагребла из печки золу и спросила, куда все это выбросить.

— Мусор на пол высыпь, золу в печку брось.

Юньхуа поняла, что старуха ее испытывает, собрала золу и мусор, вышла из пещеры и унесла их далеко-далеко. После

вернулась и сказала, что сделала все, как ей было велено. Потом Юньхуа собралась вернуться домой. Тогда старуха отвела Юньхуа в комнату, где все сверкало от золота-серебра, жемчуга, агатов и других драгоценных камней. Юньхуа даже зажмурилась. Среди всех этих сокровищ блеснул цветок из чистого золота. Волшебница хотела подарить его Юньхуа, но девочка сказала, что не заслужила такого драгоценного подарка. Увидев, какая Юньхуа скромная, старуха дунула, и золотой цветок вмиг прирос ко лбу Юньхуа. Девочка боялась, что над ней станут смеяться, и возвращалась домой, прикрыв лоб ладонью. Увидев на лбу у дочери золотой цветок, старик удивился и спросил, кто подарил ей такое сокровище. Юньхуа рассказала все как было. Отец обрадовался и сказал, что это Аллах послал им счастье. У мачехи от злости дух перехватило, и она сказала: «Это не вам Аллах счастье послал, а нам!»

На другой день мачеха свою дочь послала пасти баранов. У нее тоже желтый вихрь унес веретено. Девочка побежала за веретеном и очутилась в пещере старухи-бессмертной. Бессмертная попросила ее подмести пол, выгresti золу из печки, мусор выбросить через окошко в крыше⁴, а золу через дымоход развезть. Гуаньдонюр принялась делать все, что велела ей старуха. Когда Гуаньдонюр собралась уходить, старуха повела ее в ту комнату, где хранились сокровища. Увидев золотые цветы, девочка один из них незаметно спрятала в рукав. Однако старуха велела Гуаньдонюр тряхнуть рукавом. Не успела девочка поднять руку, как цветок выпал. Бессмертная велела ей тотчас же убраться прочь. Старуха произнесла заклинание, и не успела Гуаньдонюр дойти до дверей, как к виску ей прилепился неизвестно откуда взявшийся желчный пузырь. Домой Гуаньдонюр возвращалась, прикрывая платком лицо. Мачеха как глянула на свою дочь, так пришла в ярость, схватила нож, отрезала пузырь и выбросила во двор. После подбежала к Юньхуа, сорвала у нее с виска золотой цветок и прилепила его к виску своей дочери. Она вырядила Гуаньдонюр и повела ее на пир к князю. А Юньхуа снова пошла пасти баранов и горько плакала. Тут налетел опять желтый вихрь и угнал всех баранов. Юньхуа побежала за баранами и опять предстала перед старухой-бессмертной. Она поздоровалась со старухой и стала плакать. Старуха спросила, что случилось. Тогда Юньхуа рассказала ей обо всем. Старуха попросила девочку вычесать ей голову, подмести пол, собрать золу с плиты, все унести и выбросить. Потом старуха велела Юньхуа наклониться. Юньхуа на-

клонилась и увидела желтый узел. Девушка развязала узел, там были красивое платье, золотые украшения, жемчуг и пара золотых туфель. Старуха велела ей нарядиться, но девочка не согласилась, говоря, что она стесняется. Тогда старуха насильно заставила девочку нарядиться, надеть золотое колечко, привесить золотые серьги и надеть золотые туфельки. Потом бессмертная сказала Юньхуа, чтобы та отправилась на пир к князю. Девушка не хотела идти, тогда старуха дунула, и желтый ветер тотчас отнес Юньхуа к воротам князя. Пир уже кончился, и девушки расходились по домам. Юньхуа, чтобы ее не заметили, пустилась бежать и потеряла туфельку. Она остановилась в растерянности, но тут заметила стоявшую у ворот бочку и, не раздумывая, спряталась там. В это время во дворец входил один из приближенных князя. Он увидел золотую туфельку, подобрал ее и отнес князю. Князь приказал разыскать владелицу золотой туфельки. Люди князя искали-искали, но найти не могли. Вдруг один из них случайно заглянул в бочку и вскрикнул. В бочке сидела девушка, настоящая небесная фея. Юньхуа вытащили из бочки, посадили в паланкин, который несли восемь носильщиков⁵, и понесли ее к князю. Князь как увидел Юньхуа, так с первого взгляда и влюбился в нее и сделал своей женой.

После свадьбы Юньхуа решила накормить сирот и вдов и велела служанкам приготовить афла⁶. В это время князь, завершив все государственные дела, отправился со своими друзьями на бахчу лакомиться дынями. Вернувшись домой, князь увидел полный котел афла и узнал, что его жена собирается кормить сирот и вдов. Князь в гневе пнул котел, перевернул его и заорал: «Я князь, а моя жена раздает нищим афла! Услышат про это другие князья — засмеют! Жена опозорила меня на весь мир!»

Князь снова вместе со своими воинами вернулся на бахчу, а Юньхуа обиделась и легла спать.

Когда князь собрался домой, сторож преподнес ему четыре дыни для жены. К великому удивлению князя, он со своими друзьями никак не мог доехать до дворца, будто их кто-то окладывал. Только к вечеру они наконец подскакали к воротам. Стражник у ворот заметил, что из мешка, который вез князь, на землю капает кровь, и спросил, что случилось. Князь посмотрел на мешок и увидел, что из него и в самом деле на землю капает кровь. Князь заглянул в мешок — вместо четырех дынь там лежали четыре человеческих головы. Князь от страха даже подпрыгнул. Князя тут же обвинили в убийстве. Князь вошел

во дворец, увидел, что жена лежит, и спросил, почему до сих пор не встала с постели. Тут Юньхуа не выдержала, горько заплакала и поведала мужу о своей тяжкой жизни. Теперь князь понял, почему четыре дыни превратились в четыре головы, пожалел о том, что перевернул котел с афла, и рассказал, что сегодня его обвинили в убийстве и за это казнят. Как только он ушел, Юньхуа зарыдала, говоря: «В детстве я осталась сиротой и натерпелась горя, а теперь опять беда пришла».

Стражники повели князя в суд. Но не успели они положить четыре человечесьи головы на стол к судье, как головы тотчас превратились в дыни. Все люди только диву дались. Тогда князь без утайки рассказал все как было. Судья разделил между людьми две дыни, а две отдал князю, чтобы тот отнес их своей жене Юньхуа.

12. Ласточка

Жили когда-то два брата. Старший брат богатый, а младший бедный: сегодня поест, а завтра и есть уже нечего.

И вот однажды жена послала мужа к богатому брату одолжить немного еды. Но богатый не одолжил: нет, мол, для него еды. Вернулся младший брат домой. Трижды ходил он к старшему брату, и трижды тот не давал ему ничего.

Наступила весна, все стали сеять, бедный брат тоже мечтал засеять свой клочок земли, но у него ни зернышка не было, и ему ничего не оставалось, как снова пойти к брату. И снова богатый брат ничего не дал.

— Одолжи мне тогда хоть горсть зерна, — попросил младший.

Старший брат рассердился:

— Иди, иди! Не дам тебе ни зернышка!

Печальный вернулся младший брат, взял жену и детей и покинул свой дом. Шли они, шли и пришли на какое-то поле, где росло одно-единственное дерево, а на дереве было ласточкино гнездо. Вокруг дерева летала ласточка и жалобно чирикала. Бедный брат глянул и увидел огромную черную змею, которая ползла по дереву прямо к гнезду. Один из птенчиков сильно испугался, попытался вылезти из гнезда и упал на землю. Не раздумывая, бедный брат схватил длинную палку, подбежал к дереву, убил змею, поднял с земли птенчика и увидел,

что у него сломана лапка. Бедный брат пожалел птенца, взял его с собой и вместе с женой и детьми вернулся в свой дом. Там они перевязали птенцу лапку и накормили его червяками.

Незаметно прошло лето. Птенец вырос, и лапка у него зажила. Тогда бедняк говорит жене:

— Пора отпустить нашу ласточку, она уже здорова. Отнеси ее на поле, сможет она улететь — хорошо, не сможет — останется в поле — опять возьмем ее домой и будем лечить.

Жена согласилась. Отнесли они ласточку в поле и отпустили. Ласточка сразу поднялась в воздух. Она не опустилась, а покружила у них над головой и улетела совсем.

Пришла зима. С трудом пережил бедняк со своей семьей зиму и дождался весны. Вышел он с семьей в поле, хотел посетить что-нибудь. В это время откуда ни возьмись прилетела ласточка, бросила три тыквенных семечка, покружила в воздухе над их головами и исчезла.

— Эй,— крикнула жена мужу, подобрав семечки,— наверняка это наша ласточка, иначе зачем она стала бы бросать нам семечки?

— И я так думаю,— откликнулся муж.

Жена поглядела на семечки и сказала:

— Давай посадим эти семечки у наших ворот.

Так они и сделали. Не прошло и трех дней, как семена дали ростки. Вся семья стала за ними ухаживать да присматривать, три раза в день поливать. Прошло совсем мало времени, и вверх по навесу поползли плети, потом появились цветы, а вскоре и завязи. От корня и до макушки висели маленькие тыкочки, а три тыквы в самом низу были огромные-преогромные.

Пришла осень, они съели все тыквы, что были наверху, а эти три сняли и отнесли в дом.

Наступила зима, а вместе с нею и голод. Тогда бедняк взял одну из трех тыкв, поставил ее посередине комнаты и одним взмахом топора разрубил пополам. Каково же было его удивление, когда он внутри тыквы увидел разную вкусную еду. Там было все, что душе угодно, и так много, что могло бы хватить на всю жизнь. Чего захотят отведать, то и появляется. У детишек щеки стали круглыми и румяными.

И вот однажды бедняк говорит жене:

— Давай разрубим вторую тыкву, поглядим, что там есть.

— Ладно,— согласилась жена, и они притащили вторую тыкву. Ударил бедняк один раз топором — не смог разрубить,

ударил второй раз, тыква раскололась пополам, и внутри оказались самые разнообразные одежды, ткани — атлас, бархат и шелка. Теперь все они стали ходить в нарядных платьях, спать на бархате и покрываться атласными одеялами. Зиму бедняк и его семья прожили без нужды и с радостью встретили весну. Принес тогда бедняк третью тыкву, ударил по ней топором раз — тыква осталась целой, ударил второй раз — опять не смог разрубить, на третий раз бедняк поднатужился, изо всех сил хватил топором, и тыква раскололась. Глядь — оттуда с шумом посыпалось серебро и золото, сыплется и сыплется. Сунешь руку в тыкву — а там опять золото да серебро.

Разбогател младший брат, большой дом себе построил, земли купил, кур развел, отары овец, стада коров, табуны лошадей.

Услыхала жена старшего брата, что младший разбогател, и в гости пожаловала. Поглядела на все богатства, и даже круги у нее перед глазами поплыли. Вернулась она домой и говорит мужу:

— Все считают тебя богатым человеком, а посмотрел бы ты, как живет твой брат. По сравнению с его добром наше — пыль да песок.

Услыхал такое старший брат, тотчас же побежал к младшему. Тут он сам убедился, что младший во сто крат богаче его, и стал кричать:

— Ну-ка, признавайся, кого ты убил и чьими сокровищами завладел? Не признаешься — я сейчас же пойду в ямын к уездному начальнику, скажу ему, что ты — убийца, и будет тогда твоя дурная голова болтаться на шесте.

Увидал младший брат, дело плохо, и решил все рассказать без утайки. Выслушав младшего брата, старший побежал домой, и вместе с женой они помчались в поле ловить ласточек. Но как ни старались, так и не смогли ни одной поймать. Разозлился старший брат, вернулся домой и вдруг увидал, что на дереве перед его собственным домом сидит ласточка. В ярости он схватил палку и запустил ею в ласточку, та упала на землю и затрепетала от боли. Старший брат обрадовался, подбежал к ласточке, подобрал ее с земли. У ласточки была сломана лапка. Богач с женой ее перевязали и стали кормить ласточку червяками, а осенью, когда лапка зажила, они отнесли ласточку в поле и отпустили. Как только наступила весна, старший брат и его жена каждый день ходили на поле, ждали с нетерпением, когда прилетит ласточка и бросит им семена.

И вот однажды ласточка в самом деле прилетела и бросила три тыквенных семечка. Богач с женой обрадовались, подобрали семена и стали говорить друг другу: «Семена посадим не в поле, а у ворот, чтобы, когда созреют тыквы, их не украли». Так они и сделали. Принесли семена домой, посадили у ворот и стали с нетерпением ждать, когда появятся ростки, когда завязи, когда тыквы большими вырастут. Вот, наконец, появились ростки, не прошло и нескольких дней, как плети начали подниматься вверх по навесу, потом раскрылись цветы и появились завязи. Как и говорил младший брат, у самого корня выросли три огромные тыквы. Когда осенью тыквы созрели, маленькие старший брат выбросил, а в дом принес только три большие. Старший брат и его жена тряслись от жадности, боясь, как бы люди не увидели их богатства, и заперли дверь. Но когда богач разрубил пополам первую тыкву, из нее вместо золота хлынула вода. Вода быстро прибывала и залила комнату. Богач с женой едва спаслись. Через некоторое время вода вдруг исчезла, будто ее и не было. Тогда богач обратился к жене:

— Эта тыква плохая. Золото, наверно, в той тыкве. Давай-ка расколем ее.

Богач хватил по тыкве топором, но не смог разрубить ее, ударил второй раз, тыква раскололась, и из нее тоже хлынула вода, затопила на этот раз не только дом, но и весь двор. Богач с женой чуть не утонули, с трудом влезли на стену. Немного времени прошло, вода снова исчезла. Богач и говорит жене:

— Эта тыква тоже плохая. Золото и серебро в третьей тыкве. Сейчас посмотрим. Закрой-ка получше дверь!

Жена быстро закрыла дверь. Богач положил третью тыкву посреди комнаты, ударил раз топором, ударил другой, но тыква лежала целехонька, только на третий раз она раскололась, и из нее, к ужасу богача и его жены, выполз длинный красный язык пламени. Пламя вмиг охватило богача и его жену.

Когда младший брат узнал об этом, он вспомнил, что о брате и его жене всегда шла дурная молва, и подумал: «Не зря шла о них дурная молва. Все говорили, что они скряги, вот от жадности своей и погибли». С тех пор, когда младшего брата спрашивали о старшем, он отвечал пословицей: «Делай людям добро — не пропадешь, с волчьим сердцем, собачьими легкими долго не проживешь».

43. Два брата

Давным-давно жили два брата. Старшего звали Ичон, младшего — Идуань¹. Ичон жил в достатке и благополучии. Идуань терпел нужду и жил в бедности, ни одной монеты у него не было. Ичон видел, как тяжело живет брату, пожалел его и решил дать ему денег. Однажды Ичон собрался в чужой город торговать и решил взять с собой брата. Он дал ему верблюда, и они вместе отправились торговать. Через три дня и три ночи очутились они в пустыне. Солнце скрылось за горизонтом. Стало темнеть. Старший брат и говорит младшему:

— Ты иди отдыхать, а я посмотрю за верблюдами, потом сменимся.

В полночь старший брат разбудил младшего и говорит:

— Брат, вставай, теперь я немного посплю.

Идуань пошел присматривать за верблюдами, а Ичон лег отдохнуть. Вдруг в голову младшему брату запала черная мысль: «Убью я старшего брата, а караван угоню, вот и разбогатею».

Идуань взял топор, подкрался к брату и уже хотел зарубить его, но раздумал, решил вести верблюдов, а брата бросить в пустыне. Ичон проспал почти до полудня, а когда проснулся, вскочил и видит, что каравана нет и брат исчез. От обиды Ичон сел на землю и заплакал, думая: «Правду говорили люди, что он злой завистник». Ичон изнывал от жажды. Глянул он ненароком вдаль и вдруг заметил зеленую рощицу. Ичон подумал, что там, где растут деревья, должна быть вода, и направился прямо к рощице. Когда он добрался до нее, уже стемнело. Между деревьями Ичон увидел заброшенный храм. Он вошел в храм и там обнаружил неизвестно кем оставленные блюда из дичи. Людей же нигде не оказалось. Ичон поел дичи и захотел спать. Но прилечь было негде, к тому же остаться один в храме он не решался. Ичон влез на поперечную балку и стал прислушиваться. А этот храм был убежищем лиса, волка и тигра. Только Ичон задремал, как вокруг зашумело, загрохотало — это вернулись звери. Они считали друг друга братьями: тигр был старшим, волк — средним, лис — младшим. Братья поели, уселись и завели между собой разговор.

Волк говорит старшему брату-тигру:

— Старший брат, расскажи нам что-нибудь!

Тигр стал рассказывать:

— Недалеко отсюда живет в городе один юаньвэй. Он не

знает, что может разбогатеть. Напротив его ворот есть родник. Но помещик этого не знает. Люди возят воду издалека. Если помещик выкопает с корнями тополь, что растет перед его воротами, то оттуда забьет родник. Воды из этого родника хватит на целую реку — всему городу достанется.

Лис говорит волку:

— Брат, расскажи и ты нам что-нибудь интересное.

Волк стал рассказывать:

— У этого юаньвэя есть дочь. Несколько лет тому назад она заболела и до сих пор еще не выздоровела, но юаньвэй не знает, что в нее вселились три злых духа: трехлетний большой белый петух, огромный белый камень, что лежит во дворе, превратившийся в духа после того, как на него из чьего-то носа упала капля человеческой крови, и старый белый тополь, что растет за домом. Все три духа сосут у девушки кровь. Если уничтожить их, девушка выздоровит.

Тигр и волк говорят лису:

— Брат, может, и ты тоже расскажешь нам что-нибудь?

Лис стал рассказывать:

— У того же юаньвэя во дворе стоит стог сена, а под стогом закопаны одна ваза золота и одна — серебра. Если золото и серебро выкопать, то юаньвэй будет богатеть с каждым годом. Но юаньвэй глух и не знает этого.

Звери поговорили и улеглись спать.

Стало светать. Тигр, волк и лис проснулись и пошли на охоту за дичью, а Ичон быстро спустился вниз и отправился в город, где жил юаньвэй. По пути Ичон очень устал, но добрался-таки до ворот юаньвэя. Ичон стал кричать:

— Помогите, спасите!

Дочь юаньвэя из своего терема, наверху, услышала, как кто-то кричит, спустилась вниз и увидела чуть живого человека. Она послала служанку узнать, что случилось. Увидев служанку, Ичон попросил пить. Служанка пошла в дом и принесла ему воды. Ичон выпил несколько чашек, но никак не мог утолить жажду и все просил и просил воды. В конце концов служанка рассердилась и говорит:

— Мы невесту откуда возим воду, а ты столько выпил и еще просишь!

Барышня, однако, велела дать юноше еще чашку воды, говоря:

— Нелегко, наверное, пришлось ему в пути.

Юаньвэй между тем подошел к незнакомцу и спросил:

— Ты откуда пришел, чем занимаешься?

Юноша ответил:

— Я не простолюдин, а знаменитый лекарь.

Юаньвэй услышал это, пригласил юношу в дом и говорит:

— Отдохните, пожалуйста, эту ночь, а завтра я покажу вам мою дочь, несколько лет назад она заболела и до сих пор не выздоровела. Каких только лекарей я не звал — ни один не может ее вылечить.

Весь день Ичон отдыхал, а на следующее утро, после завтрака, когда помещик хотел послать за больной дочерью, говорит:

— Не тревожьте больную.

Услыхав слова Ичона, помещик удивился и спросил:

— Как же вы вылечите мою дочь, если не увидите ее?

Тогда Ичон ему и говорит:

— Возьмите нитку, один конец привяжите к среднему пальцу больной, а другой протяните через окно мне — так я послушаю ее пульс.

Юаньвэй сделал все точь-в-точь, как сказал Ичон. Тогда юноша взял протянутый через окно конец нитки и стал внимательно слушать пульс больной. Потом говорит юаньвэю:

— Теперь я вижу, что дочь ваша и в самом деле долго болеет. А причина ее болезни вот какая: три злых духа высасывают у девушки кровь: большой белый трехлетний петух, белый камень, который лежит во дворе и на который попали капли крови прохожего, и белый тополь, что растет позади дома. Если хотите, чтобы девушка выздоровела, поскорее уничтожьте этих злых духов.

На другое утро юаньвэй призвал всех служанок и велел резать большого белого петуха, разбить белый камень и срубить старый белый тополь. После этого дочь юаньвэя стала день ото дня поправляться, пополнила и через месяц сделалась еще краше, чем прежде. Когда девушка совсем выздоровела, помещик отдал ее Ичону в жены, а его самого стали называть Господин Знаменитый лекарь. Однажды Ичон и говорит тестю:

— Хозяйство у нас большое и возить воду издалека — не годится. Надо завтра выкопать тополь, под ним течет родник.

На другой день помещик приказал работникам выкопать тополь. И в самом деле под тополем оказался родник, вода забила ключом, потекла рекой и стала подмывать стены императорской столицы.

Через несколько дней Ичон опять говорит тестю:

— Мы можем разбогатеть. У нас во дворе под стогом сена закопаны ваза с серебром и ваза с золотом.

Юаньвэй не мешкая послал работников к стогу сена, и вскоре они вытащили из-под него вазу с серебром и вазу с золотом. Не прошло и месяца, как император прислал отряд солдат, чтобы Ичона привезли в столицу. С отрядом прибыл чиновник:

— Ты, видно, храбрый человек,— спросил чиновник, подъехав к воротам дома юаньвэя,— раз ты осмелился отрыть родник и теперь вода размыла стену императорской столицы.

Юаньвэй вышел к чиновнику и сказал:

— Не смею обманывать! Ко мне в дом явился знаменитый лекарь, он вылечил мою дочь, которая болела уже несколько лет. С тех пор его стали называть Господин Знаменитый лекарь. Мы возили воду издалека, а по его совету вырыли яму и добрались до родника и стали его называть Господин Глубокая вода. Вытащили из земли на заднем дворе золото и серебро, стали звать его Господин Всеведающий.

Воины увезли Ичона, и, когда он предстал перед императором, ему был пожалован чиновничий пост.

Тем временем Идуань, который бросил своего брата в пустыне и увел караван, распродал в одном городе все товары, а деньги проиграл. Делать нечего, побрел в другой город, стал шататься по игорным домам. Но вот однажды он услышал, что в город приехал какой-то чиновник по имени Ичон. Он сразу же догадался, о ком говорят люди, и был немало удивлен, что его брат остался жив: ведь он бросил его без пищи и воды в безлюдной пустыне.

Шло время. Как-то раз Ичон сидел в ямине и вдруг увидел через окно своего брата Идуаня. Ичон сразу признал его. На другое утро Ичон опять сел у окна и стал ждать. Как только Идуань появился, он велел стражникам:

— Приведите этого нищего.

Идуаня привели. Увидев брата, злодей опустил голову и подумал: «Я хотел его известить, как же он стал чиновником?» Ичон сказал брату:

— Подними голову! Узнаешь ты меня?

Идуань посмотрел на брата и заплакал, а Ичон продолжал говорить:

— Не зря говорили люди, что ты злой и завистливый, не зря тебя Идуанем называли. Я тебя уложил в пустыне спать, чтобы ты отдохнул полночи, а ты меня бросил. Вот теперь я тебе отплачу! Что ты с теми сорока верблюдами сделал?

Сказав так, Ичон поднял брата с колен, велел сменить ему платье, во все новое одеть, а вечером уложил с собой спать. Как только они легли, Идуань стал расспрашивать брата, как он спасся от смерти и как удалось ему стать важным чиновником. Ичон без утайки рассказал брату всю правду: как услышал в заброшенном храме разговор тигра, волка и лиса, как исцелил дочь помещика, как выкопал много золота, разбогател и стал важным чиновником.

На другой день Идуань встал чуть свет и исчез. Он помчался в тот старый храм. Вечером, когда стемнело, явились тигр, волк и лис.

Волк спрашивает тигра:

— Старший брат, ты сегодня наелся досыта?

Тот отвечает:

— Не наелся, а ты, средний брат?

— И я тоже.

Спросили они лиса:

— Третий брат, третий брат, а ты сыт?

— И я не наелся.

Сидят они трое, волк и говорит:

— Старший брат, старший брат, расскажи-ка чего-нибудь!

Тигр и говорит:

— Что же рассказывать! В том году, в таком-то месяце мы рассказывали, а кто-то подслушал, воду нашел, больную девицу вылечил, золото и серебро выкопал.

Тут лис потянул носом и говорит:

— Откуда-то человеческим духом пахнет!

Испугался Идуань и обмочился.

Волк и говорит:

— Наверно, на улице дождь идет.

Побежал на улицу, глянул — небо ясное. Вернулся волк в храм, глянул наверх и увидел Идуаня:

— В том году, в таком-то месяце в тот день услышал ты наш разговор и добыл сокровища. А сегодня опять пришел!

Стащил волк лапой Идуаня с балки. Тигр, волк и лис тут его и съели.

Утром Ичон встал, глядь — нет брата. Собрал Ичон воинов и поехал к тому старому храму. Из храма вышли тигр, волк и лис.

Ичон спрашивает:

— Вы что, съели того человека, который вчера пришел? Говорите правду!

— Пришел человек, а у нас животы от голода подвело, вот мы его и съели,— ответили тигр, волк и лис.

— Отныне не разрешаю вам тут болтаться да скот портить. Велю вам каждый день давать на съедение по одному барану.

14. Добрый и злой

Давным-давно жили старик со старухой. И был у них единственный сын по прозванию Чюнбин. После окончания школы Чюнбин решил отправиться в столицу, чтобы продолжить учение, постичь искусство магии. Долго искал попутчика и в конце концов отправился в дорогу один. Шел он, шел и пришел в какое-то селение. В этом селении жил юаньвэй, у которого тоже был единственный сын по имени Понтун¹. Он, как и Чюнбин, окончил школу и собирался в столицу постигать военные науки, но отправиться без попутчика не решался. Прямо у ворот Понтун полил дорогу водой, чтобы она стала скользкой, и каждый, кто проходил мимо, падал. Тогда Понтун подбегал и спрашивал, кто такой и далеко ли путь держит. Но до сей поры так и не нашлось никого, кто отправлялся бы в столицу. Проходя мимо ворот Понтуна, Чюнбин тоже поскользнулся и упал. Понтун прибежал и стал спрашивать:

— Кто ты? Откуда идешь и куда путь держишь?

— Я из деревни, а путь держу в столицу, чтобы научиться искусству магии,— ответил Чюнбин.

Узнав, что юноша идет в столицу, Понтун обрадовался и сказал:

— Хорошо, что мы встретились. Я давно собираюсь в столицу, но никак не мог найти попутчика. Давай станем друзьями и отправимся вместе.

— Согласен,— ответил Чюнбин.

Понтун пригласил Чюнбина в дом, угостил, а после сказал:

— Если ты не против, давай побратаемся².

Чюнбин подумал и ответил:

— Я охотно с тобой побратаюсь.

Понтун поглядел на Чюнбина и снова обратился к нему:

— Ты вроде бы старше меня, будь же мне старшим братом. А теперь, прежде чем отправиться в путь, дадим клятву, чтобы не вредить друг другу.

— Это ты верно сказал, наш братский союз надо скрепить клятвой,— сказал Чюнбин и произнес слова клятвы: пусть жизнь моя станет недолговечной, если когда-нибудь я замыслю против тебя недоброе.

Понтун тоже поклялся, сказав:

— Пусть меня раздавит телега в ложбине, пусть меня растопчет лошадь, если я замыслю против тебя зло.

Не понял Чюнбин, что Понтун дал лживую клятву.

Собрали они вещи и отправились в столицу. Три месяца шли и пришли наконец к широкой реке Хуанхэ, преграждавшей им путь в столицу. Братья остановились и стали думать, как переправиться на другой берег. Наставник, обучавший магии, узнал об их появлении, позвал одного из своих учеников и сказал:

— На том берегу стоят два юноши, два названных брата, Чюнбин и Понтун. У Чюнбина доброе сердце, а у Понтуна — злое. Приведи их ко мне!

Ученик этот овладел искусством хождения по воде, и река для него была все равно что земля. Он положил на плечо коромысло с двумя большими корзинами, перешел реку и подошел к братьям. Тут он вспомнил, что говорил ему наставник, решил узнать, какой из юношей добрый, а какой — злой, и обратился к ним с такими словами:

— Вам надо переправиться через реку. Я посажу вас в эти корзины и перенесу на тот берег. Только помните, у кого недоброе сердце, того сожрут крысы. Они перегрызут у корзины веревку и утащат злодея в воду.

Испугался Понтун. Хотел было сесть в переднюю корзину, а потом подумал: «Может, у Чюнбина тоже злое сердце». Он для вида предложил Чюнбину сесть в переднюю корзину, но не успел Чюнбин и слова вымолвить, как Понтун сам прыгнул в переднюю корзину и уселся там. Чюнбин же, нисколько не тревожась, сел в заднюю корзину. Ученик понял, кто из братьев злодей. Он перевез их через реку и повел к наставнику. Как только юноши предстали перед наставником, наставник подумал про себя: «У Чюнбина сердце доброе, а у Понтуна — злое. Учить их надо каждого в отдельности». Подумав так, наставник поднял голову и обратился к братьям:

— Я буду вас учить, только не вместе, а каждого в отдельности.

На другой день наставник приступил к учению. Чюнбина он обучал самым лучшим приемам, Понтуна — самым плохим.

Братья хоть и учились каждый в отдельности, но жили вместе в одной комнате.

Однажды Понтун спросил Чюнбина:

— Чему тебя учит наставник?

И Чюнбин, не таясь, рассказал Понтуну, чему его учит наставник. Понтун же не мешкая все записал. Так повторялось изо дня в день. Чюнбин рассказывал, Понтун записывал. Прошло три года. Чюнбин многих превзошел в познаниях, но в жизни своего умения еще не применял. Понтун постиг лишь половину, но уже жаждал применить свое ученье. Он научился читать гадательные таблицы³ и однажды от скуки занялся гаданьем. Открыл таблицу, стал гадать и узнал, что у одного императора умер наставник и император ищет нового. И еще Понтун узнал, как жил Чюнбин прошедшие тридцать лет и что того ждет в последующие тридцать лет, и Понтун решил сгубить его по дороге домой и стал уговаривать вернуться. Однако наставник, зная о коварстве Понтуна, не отпустил Чюнбина, сказав, что он еще не всему выучился. Чюнбин послушался учителя. И Понтун, знавший вполнину меньше Чюнбина, отправился к тому императору, который искал наставника, и стал служить у него. Через двадцать дней Понтун погадал по таблице и узнал, что соседнее царство собирается напасть на их страну. Тогда Понтун сказал императору:

— Через год на нас нападет государь соседнего царства.

Прошел год, и началась война. Император, у которого служил Понтун, победил своего врага. С тех пор слава Понтуна возросла.

Как-то раз, сидя в золотых теремах и драгоценных хоромах, Понтун вспомнил о Чюнбине, открыл таблицу и стал гадать на своего названного брата. Погадав, он узнал, что умение Чюнбина теперь превосходит в семьдесят раз его собственное. Из зависти Понтун решил во что бы то ни стало сгубить Чюнбина, построил для него башню и с пятьюдесятью конниками отправил ему письмо, в котором говорилось: «Брат Чюнбин! Вот уже больше года, как мы в разлуке, я очень соскучился. Выстроил для тебя башню, выбрал двух жен и служанок, чтобы прислуживали тебе. Приезжай скорей».

А их наставник тоже заглянул в таблицы и узнал, что Понтун служит у одного государя и что он мечтает погубить Чюнбина, а тот ничего не знает, и сказал:

— Понтун послал за тобой конников, он хочет погубить тебя. Ты не езжай. Я вырою могилу, и ты будешь в ней лежать, пока

не минет опасность. В твою могилу я положу семь зернышек риса. Стоит тебе съесть одно зернышко и будешь сыт. Воздуха тебе там хватит, не задохнешься.

Чюнбин согласился, и наставник зарыл его. Между тем прибыли конники от Понтунa. Они подали наставнику письмо и сказали:

— Наш господин зовет в гости своего старшего брата, вот ему письмо.

— Старший брат Понтунa недавно скончался, вон его могила,— ответил наставник.

Конники подошли к могиле, прочитали надгробную надпись и отправились обратно. Вернулись к своему господину и сказали, что его старший брат умер. Однако Понтун не поверил, открыл таблицу и стал гадать, а когда наступила ночь, поглядел на небо и среди звезд увидел звезду Чюнбина. Тогда он отправил за Чюнбином сто конников. А наставник тоже посмотрел в таблицы и узнал, что Понтун отправил сто конников, и, когда они прибыли, тоже показал им могилу. Но конники не поверили и раскопали могилу. Увидев, что Чюнбин и в самом деле мертв, конники вернулись и доложили Понтуну:

— Ваш старший брат ушел в мир мрака. Сперва мы не поверили словам наставника, но когда раскопали могилу, то убедились, что он нас не обманул.

Понтун опять не поверил, стал гадать по таблице, а когда наступила ночь, увидел среди звезд звезду Чюнбина. Утром Понтун призвал пятьсот конников и строго им наказал:

— Принесите мне останки моего старшего брата. Не принесете — велю всех вас казнить!

Конники снова отправились в путь. Наставник и на этот раз узнал по своей таблице, что прибудет пятьсот всадников. Конники, как только появились, сразу пошли к могиле Чюнбина и стали плакать, говоря:

— Господин, если вы не пойдете с нами, наш наставник велит всех нас казнить.

Чюнбин все слышал и подумал про себя: «Из-за меня Понтун погубит невинных людей!» И он крикнул конникам: «Разройте могилу!» Конники тут же разрыли могилу и вытащили Чюнбина. Чюнбин подошел к наставнику и сказал:

— Понтун выстроил для меня башню, выбрал двух жен со служанками. Я должен идти. Иначе он казнит этих невинных людей. Я думаю, он не собирается погубить меня.

Наставник с досадой ответил:

— Ты проспал в могиле двадцать четыре дня, еще шесть дней — и ты постиг бы все истины, а Понтун ничего не мог бы против тебя сделать. Но ты не вытерпел, и я теперь бессилен. Иди!

Наставник дал Чюнбину маленькую книжечку и сказал:

— Когда тебе придется туго, вытащи ее, открой, и тогда ты все узнаешь. Только смотри, никому про это не говори.

Чюнбин вместе с конниками отправился к Понтуну и прибыл в страну, где жил названный брат. Понтун вышел ему навстречу, притворился, будто плачет от радости, и Чюнбину показалось, что тот не держит на него зла. Он отвел Чюнбина в башню, где его ждали жены со служанками. Они исполняли каждое желание Чюнбина, в день три раза меняли ему одежды. Понтун приходил каждый день его проведать. И Чюнбин радостно подумал про себя: «У моего брата доброе сердце». А Понтун между тем только и думал, как бы погубить Чюнбина, а тот еще и не пробовал применять свое магическое искусство. И вот как-то ночью Понтун решил: «Сперва отрублю ему пальцы ног, чтобы он не мог двигаться, и тогда легко будет с ним расправиться». Об этих мыслях не знали ни император, ни императрица. Они думали, что Понтун любит своего старшего брата, и потому ничего не замечали.

Но вот однажды Понтун пришел навестить Чюнбина, потом вдруг прижался к нему и зарыдал. Чюнбин удивился, отчего это его младший брат так убивается, и спросил:

— Что случилось, почему ты плачешь?

Но Понтун ничего не отвечал, только плакал, обхватив колени брата, и причитал:

— Я боюсь, я не выдержу.

Чюнбин перепугался и вновь стал допытываться:

— Скажи, что случилось?

Понтун вытер слезы и сказал Чюнбину:

— Я пригласил тебя с добрыми намерениями, но не смог полностью угодить тебе, а тут, видишь ли, императрица заболела, и лекарь сказал, что вылечить ее можно только настойкой из твоих пальцев.— И Понтун вновь зарыдал, обхватив ноги брата.

— Это пустяки,— отвечал Чюнбин.— Чего стоят мои пальцы в сравнении с оказанными мне почестями! Не мешкай же! Неси скорее топор и руби их!

Понтун быстро вскочил, тотчас принес топор, отрубил Чюнбину пальцы и ушел. Вскоре появился лекарь, которого при-

слал Понтун, и, втерев лекарство, завязал ногу Чюнбина. Прошло немного времени, и Чюнбин уснул — лекарство усыпило его.

А Понтун смастерил чучело, точь-в-точь похожее на Чюнбина, с двумя светильниками вместо глаз, поставил его позади дома, нанял за деньги одного мальчика и наказал:

— Как крикну: «Гаси» — погасишь один светильник.

— Ладно, — ответил мальчик.

Понтун стал произносить заклинания, дошел в них до глаз и крикнул:

— Гаси!

Мальчик погасил один светильник.

В тот же миг Чюнбин ослеп на один глаз. Тут к нему вошел Понтун справиться о здоровье. Чюнбин потерял левый глаз и сказал:

— Нога вроде бы стала лучше, а вот с левым глазом что-то случилось. Откуда ни возьмись прилетела муха, впилась в глаз, да так, что я от боли лишился зрения.

Увидев, что из левой глазницы Чюнбина течет гной и кровь, Понтун притворился удивленным и воскликнул:

— Плохо дело! Пойду скорей за лекарем!

И Понтун убежал. Прошло немного времени, пришел лекарь, наложил повязку на больной глаз и ушел вместе с Понтунуном. Однако нестерпимая боль не давала Чюнбину покоя, и он вспомнил маленькую книжечку, которую ему дал на прощанье наставник. Чюнбин быстро вынул ее, заглянул в книжечку и все понял. Там было сказано, что Понтун хочет его погубить. Чюнбин выбрался из башни, обошел вокруг дома и увидел чучело, точь-в-точь похожее на него. Не мешкая Чюнбин тоже нанял одного мальчика и стал читать заклинание, после крикнул:

— Зажги!

Мальчик зажег светильник, и левый глаз у Чюнбина снова стал зрячим. Чюнбин тут же бежал.

А Понтун решил сделать Чюнбина слепым и на второй глаз, побежал он к чучелу, глядь — оба светильника горят. Заглянул в дом — Чюнбин пропал. Засуетился Понтун и тотчас послал двести конников вдогонку, а их военачальнику приказал:

— Как только догоните — тут же рубите его!

Всадники пустились в погоню. Чюнбин бежал во весь дух. Заглянул в книжечку и узнал, что за ним гонятся двести конников. Заглянул еще и прочитал: «Если идти вперед, то на пу-

ти попадется дом, где живут три брата-дровосека». Чюнбин побежал дальше. Вскоре он и в самом деле увидел дом, а в доме — трех братьев-дровосеков. Чюнбин сказал братьям:

— За мною гонятся. Если вы мне поможете, я щедро вас вознагражу. Я спрячусь за сундук, а вы быстрее наполните его кирпичами и камнями и закройте на замок. Конники войдут и первым делом кинутся к сундуку, но вы не дадите им его открыть, они подумают, что в сундуке спрятан я, и станут открывать его силой, тогда вы скажите, что там хранится богатство, которое вам оставил отец. И это богатство, если на него посмотрит кто-нибудь чужой, может превратиться в камни и кирпичи.

Сказав так, Чюнбин спрятался за сундуком, а братья-дровосеки быстро наполнили сундук камнями и кирпичами и заперли на замок. Только они это сделали, как нагрянули конники и стали шарить по всему дому. Не найдя Чюнбина, они вдруг увидели сундук, и военачальник закричал:

— Вот вы куда его спрятали!

Братья сказали, что никого они не прятали, что в сундуке хранится отцовское наследство, которое превратится в кирпичи и камни, если на него взглянет кто-нибудь чужой. Начальник не поверил и стал отпирать сундук. Братья сделали вид, будто хотят помешать ему, но начальник их оттолкнул и отпер сундук. К его ужасу, там оказались кирпичи и камни. Тут братья стали голосить и кричать, что все их богатство пропало, что они пойдут к императору и будут жаловаться. Начальник испугался, продал всех лошадей и провиант, деньги отдал братьям и пешком повел воинов обратно во дворец. Только конники ушли, Чюнбин вылез из-за сундука и стал прощаться. Тогда братья сказали ему:

— Проси чего хочешь. Ты сделал нас богатыми, и мы выполним любое твоё желание.

— Купите для меня лошадь, а больше мне ничего не надо, — ответил Чюнбин.

Братья купили коня и подарили его Чюнбину. Чюнбин сел на коня и ускакал.

Военачальник тем временем вернулся во дворец и обо всем рассказал Понтуну. Тогда Понтун отправил в погоню пятьсот конников.

Чюнбин между тем снова открыл свою книжечку и узнал, что за ним гонятся пятьсот конников, и еще узнал, что на пути ему попадется дом, где живут два брата. У них умерла мать, а

похоронить ее не на что, и братья убиваются от горя. Вскоре Чюнбин и в самом деле увидел дом, а в доме — двух братьев, которые плакали, сидя возле мертвой матери. Чюнбин спросил:

— Почему вы плачете?

— Как нам не плакать! — отвечали братья. — У нас мать умерла, и не на что ее похоронить.

Чюнбин сказал:

— Тогда слушайте, что надо делать. За мной гонятся. Но вы не бойтесь. Быстро закройте дверь, и пусть один из вас усадит мать. А я спрячусь, и они не найдут меня. Конники придут и станут требовать, чтобы им открыли дверь, но вы не открывайте, скажите, что мать у вас больна и очень боится чужих людей. Конники не послушают вас и ворвутся в дом. Тогда вы быстро бросайте мать, хватайте начальника за ворот и кричите: «Мы предупреждали вас, что мать у нас больна, но вы ворвались в дом, и вот мать с перепугу умерла. За это вы головой ответите!» Если начальник станет расплачиваться с вами лошадьми — откажитесь. Требуйте столько золота и серебра, сколько весит ваша мать.

Братья согласились. Чюнбин спрятался. В это время появились конники, они стали кричать и требовать, чтобы их впустили. Братья не впустили их, сказали:

— У нас больная мать, и она боится чужих людей.

Военачальник рассердился, с силой пнул дверь ногой и вместе с конниками ворвался в дом. Тут братья незаметно отпустили мать, один обнял ее и зарыдал, а другой схватил военачальника за ворот и с плачем и досадой стал говорить:

— Не хотели мы тебя впускать, говорили, что мать у нас больна, а ты ворвался. Вот мать с испугу и умерла. Теперь ты нам за это ответишь!

Военачальник растерялся и не знал, что делать. Пришлось ему продать коней и всю одежду, чтобы откупиться от братьев. После этого он вместе с конниками пешком пустился в обратный путь.

А братья с почетом похоронили свою мать. Чюнбин же открыл свою книжечку и прочел: «Возьми два мешка гороха, садись на коня задом наперед и скачи. Горошины будут твоими конниками». Чюнбин собрался уходить, но братья его остановили.

— Скажи, что тебе надо, с твоей помощью мы разбогатели, мы все для тебя сделаем!

— Если можете, достаньте гороха и наполните им два мешка. Больше мне ничего не надо.

Братья купили гороха, наполнили два мешка и отдали Чюнбину, Чюнбин навьючил мешки на коня, сел на него задом наперед и пустился в путь.

Военачальник тем временем прибыл во дворец и обо всем доложил Понтуну. Понтун разгневался, взял всех своих конников, и сам отправился в погоню. Чюнбин открыл опять свою книжечку и узнал, что теперь за ним гонится сам Понтун. Не успел конь Чюнбина сделать и десяти шагов, как Понтун его настиг, увидел, что Чюнбин сидит задом наперед, и закричал:

— Ты куда мчишься? На этот раз не уйдешь от меня, я все равно тебя убью!

— Эй, подойди ближе! Посмотрим, кто кого убьет! — отвечал Чюнбин.

Понтун приказал конникам окружить Чюнбина, а сам взобрался на холм и стал кричать:

— Рубите его на мелкие части!

Конники с мечами в руках кружили вокруг Чюнбина и готовились кинуться на него. Тогда он быстро высыпал горошины из мешка с левой стороны. Горошины попадали на землю и тотчас превратились в конников. Потом Чюнбин высыпал горох из мешка с правой стороны. Вмиг воины Чюнбина заполнили все поле, повергая одного за другим конников Понтуна. Затем Чюнбин приказал окружить Понтуна. Сам Чюнбин на двигался на Понтуна, держа меч наготове. От страха Понтуна била дрожь. Чюнбин остановился перед злодеем и напомнил ему обо всех делах. Напоследок Чюнбин сказал:

— Вот она, твоя лживая клятва! Конники лежат в ложбинах, будто их телеги раздавили, кони растоптали!

Понтун бросился в ноги Чюнбину. Тогда Чюнбин его спросил:

— Скажи, как мне поступить с тобой? Убить или помиловать!?

Понтун обхватил ноги Чюнбина и взмолился:

— Пощади меня, старший брат, отпусти!

Рассердился, вскипел Чюнбин:

— Нет, на этот раз не пощажу тебя! Если оставлю тебя в живых, то погибну сам!

И Чюнбин мечом отсек Понтуну голову — словно тыкву разрубил. Тогда Чюнбин собрал уцелевших конников и отправился к тому императору, у которого служил Понтун. Чюнбин рас-

сказал императору о коварстве своего названного брата. Император назначил Чюнбина главным советником, поручил ему все гражданские дела государства и отдал ему в жены свою дочь. После свадьбы Чюнбин счастливо зажил со своей женой.

15. Братья

Давным-давно жили старик со старухой и были у них два приемных¹ сына: старший Нува и младший Мэйва. Бедно они жили. Старики души не чаяли в сыновьях, ничего не давали им делать, а сами трудились в поте лица. Когда сыновья подросли, старик хотел выучить их, отдать в школу, но денег едва хватало на пропитание. Шло время, юношам исполнилось восемнадцать лет, но они и не думали учиться толком, с утра до вечера гуляли да веселились.

Однажды родители вдруг заболели, пролежали несколько дней на кане и умерли. Сыновьям надо было чем-то заняться, но они ничего не умели, потому что не научились никакому ремеслу. Тогда они отправились к своему дяде, брату их матери. Но дядя не пустил их в дом и прогнал. Нува и Мэйва долго думали и наконец решили выучиться какому-нибудь ремеслу. Решив так, братья отправились в путь на запад. Они долго шли и не заметили, как очутились в пустынном поле. Братья растерялись и стали думать, как им выйти оттуда. В это время перед ними вдруг вырос старик с белой бородой. Нува и Мэйва вскочили с места, чтобы его приветствовать. Старик ответил на приветствие и спросил, куда они путь держат.

— Нынче ровно сорок дней, как умерли наши родители². После их смерти мы хотели заняться каким-нибудь делом, но ничего у нас не получилось. Тогда мы решили выучиться ремеслу и отправились в путь на поиски мастеров. Незаметно очутились в этом безлюдном поле и не знаем, как выбраться отсюда.

Старик сказал братьям:

— Раз так, идите вслед за мной, я обучу вас ремеслу.

Братья согласились и с радостью отправились за стариком. Шли целый день, до вечера, и наконец увидели горы. Здесь, в пещере, и жил старик. У него было просторно и чисто. Братья отдохнули с дороги, поужинали вместе со стариком и легли спать.

На другой день старик начал обучать братьев каким-то странным приемам и непонятным словам. Прошло пять лет, и братья постигли все заклинания. Прочтут, бывало, заклинание и превратятся, в кого захотят.

На шестой год белобородый старец позвал братьев, вручил каждому по маленькому мешочку с белыми бобами и отпустил с такими словами:

— В мешочках лежат белые бобы — это ваше войско. Стоит вам рассыпать бобы, как они превратятся в конников. Но помните об одном: прибегать к их помощи можно только в крайних случаях.

Братья поблагодарили своего наставника за науку и отправились в путь. Пришли они в поле, идти еще далеко, уговорились братья, что каждый обернется кем-нибудь и будет догонять другого. Догонит — они будут продолжать путь вместе, не догонит — придется им расстаться и искать судьбу в разных краях. Младший брат Мэйва произнес заклинание, обернулся соколом, взмыл в небо и исчез из виду. Старший брат Нува превратился в ястреба и с быстротой стрелы устремился за младшим, но догнать младшего не смог. Тогда старший брат опустился на землю и стал дожидаться младшего. Вскоре и младший опустился на землю. Они произнесли заклинание, приняли свой обычный вид, и тут Нува обратился к Мэйва с такими словами:

— Так, видно, нам суждено. Выбирай, в какую сторону идти.

— Сперва выбери ты, а потом уж я, — ответил Мэйва.

Так они долго друг другу уступали, ни один не соглашался выбрать дорогу первым. Наконец Нува сказал, что пойдет на запад, Мэйва же отправился на восток.

Мэйва долго шел и пришел в какой-то город. Хотел остановиться на постоялом дворе, но денег не было, и он стал бродить по улицам, ночлег искать. Попробовал было наняться на работу к одному богачу, однако тот его не взял, боялся, что он украдет его золото и серебро. Наконец его приютила одна старуха. Увидев, как она бедно живет, Мэйва спросил:

— Почтенная матушка, а есть у вас кто-нибудь?

— Не буду, сынок, скрывать от тебя, — ответила старуха. — Никого у меня нет, одна живу.

— Раз так, — сказал Мэйва, — коль не брезгуете, возьмите меня в сыновья, я сирота.

Старуха с радостью согласилась, и Мэйва остался у нее жить. Все свои заработки Мэйва отдавал приемной матери. Теперь она

больше не знала нужды, одевалась во все новое, ела досыта. Постель в доме и та была новая.

Той страной, где жил Мэйва, правил император, а у императора была дочь красоты удивительной. Сыновья государей нескольких стран ее сватали, но она всем отказывала. Император уже стал тревожиться, потом узнал, что дочь его овладела искусством заклинаний, и приказал вывесить объявление, которое гласило: «Тот, кто одолеет принцессу в магии, получит ее в жены».

Как раз в ту пору Мэйва вышел прогуляться и увидел людей, столпившихся у какого-то объявления. Мэйва протиснулся сквозь толпу, прочитал и сорвал объявление. Стражники схватили его и отвели к императору.

— Ты уверен, что победишь мою дочь? — спросил император. — Если не победишь, я велю тебя обезглавить!

— Я не боюсь, я ее одолею! — ответил Мэйва.

— Подумай еще, — стоял на своем император.

— Я твердо решил, — не сдавался Мэйва.

Император позвал стражников и велел им отвести Мэйва к принцессе. А принцесса, как только увидела юношу, так сразу сказала себе: «Его заклинания могущественнее моих, но пусть даже я одержу победу, все равно выйду за него замуж, вот это жених для меня!» Мэйва тоже взглянул на принцессу и подумал: «Ни разу в жизни не видел такой красавицы. Я должен во что бы то ни стало ее победить».

Начался поединок.

Не успевала принцесса произнести заклинание, как Мэйва произносил свое, которое оказывалось сильнее. Девушка попробовала обернуться тигрицей, но Мэйва схватил ее за хвост, и ничего не вышло. От прикосновения руки Мэйва к телу девушки все чары тотчас разрушились. Наконец принцесса признала себя побежденной. Когда эта весть дошла до императора, он очень обрадовался и отдал дочь в жены Мэйва. Став императорским зятем, Мэйва не забыл свою приемную мать и взял ее к себе в золотые терема и драгоценные хоромы.

Однажды, беседуя с зятем, император обнаружил, что тот знает толк в ратном деле, и сделал его главным полководцем. С той поры Мэйва стал обучать императорских воинов ратному делу.

В это время государь другой страны неожиданно напал на их земли, и Мэйва повел войска на войну. Он разделил своих воинов на три отряда и стал поджидать врага. Подошел тот госу-

дарь и сразу вступил в бой со стоящим перед ним отрядом. Но во время битвы в бой ринулись два других отряда, и войска вражеского государя были стерты в порошок, сам он с горсткой воинов насилу вырвался из ловушки. А Мэйва с победой возвратился во дворец, где был с почестями встречен самим императором.

Через год до Мэйва дошел слух, что на западе появился полководец, который славится своими талантами и доблестью. Мэйва решил померяться с ним силами, собрал войско и отправился в поход. Противник выступил ему навстречу. Полководцы сошлись в поединке, но ни один не мог победить другого. Наконец Мэйва изловчился и нанес противнику удар мечом. Тот упал с коня. Тогда Мэйва подбежал к нему и отсек голову, но тут узнал в поверженном враге своего старшего брата и так зарыдал, что воины перестали сражаться и с удивлением смотрели на своего полководца. Мэйва велел воинам отправляться в обратный путь, а сам, обняв брата, произнес заклинание, вместе с мертвым братом взмыл в воздух и полетел к своему наставнику — белобородому старцу. Наставник выслушал ученика и сказал: — Если хочешь, чтобы Нува ожил, жди ровно десять лет. За десять лет я верну ему жизнь, но с одним условием: никто не должен об этом знать.

Мэйва согласился, поблагодарил наставника и вернулся домой.

Ровно через десять лет Мэйва опять полетел к наставнику. Наставник к тому времени уже оживил его старшего брата. Братья обнялись и от радости заплакали. После низко поклонились наставнику и отправились в страну, где жил Мэйва. Мэйва представил императору своего старшего брата, и в его честь император устроил роскошный пир. Еще несколько дней провел Нува у младшего брата и отправился домой. А в это время император того государства, где жил Нува, не получив за десять лет ни одной весточки, совершал жертвоприношение³ в память о нем, ведь Нува приходился ему зятем. В это время и появился сам Нува. Принцесса, прождавшая мужа десять лет, увидев его, обрадовалась вместе с отцом. Император приказал вместо жертвоприношения устроить большой пир.

Не прошло и двух лет, как оба императора скончались, и братья сами стали государями. Если у одного из них возникало какое-нибудь дело, то второй приходил на помощь, у другого была надобность — приходил на помощь первый. Оба они хорошо относились к народу и творили справедливые дела.

16. Белая лиса

Некогда в прежние годы жил один император, и была у него жена. Родила она ему семерых сыновей, а дочери у нее не родились. Император с императрицей всё о девочке мечтали, сыновей не любили. По ночам государь Аллаха¹ молился, просил, чтоб родила его жена девочку. Как-то раз вели император с императрицей про то разговор, и слова их лиса-оборотень подслушала.

Взяла лиса свою дочку, завернула в красный шелк, зеленым шелком обернула поверх и подбросила на дорожку в императорском парке, позади дворца. Пошел на другой день государь с женой в парк погулять, печаль свою развеять. Ходят они по парку, гуляют, подошли наконец к той дорожке. Видит император — на дорожке лежит сверток красной материи и еще зеленой обернут, а внутри шевелится что-то и плач слышен. Император и говорит жене:

— Гляди-ка, что это на дорожке лежит, похоже, плачет дитё.

— Пойди погляди,— жена ему отвечает,— коли девочка, подбери ее, коли мальчик, разорви его на две части, в реку брось, пусть вода унесет.

Подбежал муж, развернул сверток, глядь — а там девочка. Муж и говорит:

— Вот уж сверток драгоценный!

Жена императора до того обрадовалась, что и уходить не хочет. Позвала государыня служанку и велела ей девочку грудью выкормить.

Выхаживали ее, выхаживали, и минуло ей семь лет.

Императрица и говорит своему мужу:

— Вели выстроить для нашей дочери терем-щюхуалу.

Построили ей терем, и по приказу государыни отвели девочку туда жить. Шестьдесят служанок ей прислуживают. И вот с того времени, как дочке семь лет минуло, в императорских стойлах стал каждый день один конь издыхать. Вскроют конюшие живот такого коня — а в животе никакой болезни и нет. Ничего понять не могут.

Был у государя сын, он учился в западной школе². Читал там книги, читал, а как узнал про дела, что в императорском доме творятся, рассказал про них своему учителю:

— Дома у нас вот уже два года каждую ночь по одному коню поддыхает, а болезни никакой нет.

А учитель государева сына сам был оборотень. Он и говорит ученику:

— Ты завтра учиться не ходи, спи целый день, а ночью тайком залезай наверх в дом напротив конюшни да гляди в темноте, что там происходит.

И еще учитель спросил сына императора:

— А в том доме у вас чужой живет кто-нибудь?

Тот отвечает:

— Да нет никого, правда, сестра моя приемная живет там.

Стал императорский сын ночью караулить. Видит, ровно в полночь сестра нарядилась во все белое, на голове золотые и серебряные украшения, колокольчики звенят³. Вышла она из своего терема и пошла на задний двор. А на заднем дворе был старый погреб. Этому погребу было триста лет. Императорская дочь прямо-прямохонько в этот погреб вошла. Перекувырнулась и оборотилась белой лисой-оборотнем. Прямо-прямо в конюшню вошла, подбежала к коню — хватить его лапой по хребту. Конь и слег. А белая лисица взяла в рот кончик конского хвоста и принялась кровь сосать. Высосала всю кровь, конь и издох. Потом лисица в старый погреб назад пошла, перекувырнулась и опять стала девицей. Вернулась в терем, задула лампу и спать улеглась.

На другой день сын императора учиться пошел и рассказал учителю:

— Моя младшая сестра нынче в полночь из своего терема вышла, пошла на задний двор, залезла в старый погреб. А вскоре из этого погреба появилась белая лисица, подошла к коню,хватила лапой по хребту, конь слег, взяла лиса кончик конского хвоста в рот и принялась сосать кровь. Высосала кровь, и конь сдох.

А учитель и говорит ему:

— Послезавтра опять книг не читай. Я дам тебе меч. Как начнет она конскую кровь сосать, руби ей мечом голову. А не сможешь отрубить — не жить тебе.

Взял юноша меч и вернулся домой. Весь день проспал, а ночью, когда все уснули, дал он коню сена, сам в то сено спрятался и стал ждать. Прождал до полуночи. Ровно в полночь сестра его из терема вышла, побежала на задний двор в старый погреб, там перекувырнулась, оборотилась лисцей и напрямик к коню побежала. Только стала кровь сосать, рубанул ее брат мечом, да не смог голову отрубить, а срубил ей только пальцы на руке. Подхватила сестра свои пальцы, побежала в старый погреб, пе-

рекувырнулась, вышла и вернулась в терем. Задула лампу, спать улеглась.

Рано утром служанки зовут ее, а она дверей не открывает. Им дверь открыть не дает, а сама в комнате плачет. Побежали служанки к ее матери, говорят:

— Скорей, наверно, случилось что-то. Дверь не открывает, плачет в комнате.

Испугали они императрицу до смерти, побежала она к терему. Кричит, просит дверь открыть, а дочь не открывает. Помчалась мать к ее отцу, к самому императору. Испугала отца до смерти. Прибежал отец. У дверей кричит. Испугалась дочь, открыла дверь. Отец и говорит ей:

— Доченька! Что случилось? Расскажи мне! Я отомщу за тебя.

А дочка отвечает:

— Отец! Ночью, в темноте, в третью стражу, пришел мой брат, попросил дверь открыть. Открыла я дверь, мой брат вошел, сел и спрашивает: «Ты еще не спишь?» Я в ответ: «Я узоры на туфлях вышиваю»⁴. А брат говорит: «Отложи-ка туфли». Отложила я свои туфли. Стали мы вдвоем беседовать. А брат взял да и поцеловал меня в щеку. Я говорю: «Братец! Ты что делаешь?» Брат и говорит мне: «Давай-ка нынче ночью мы с тобой мужем и женой станем». Я не соглашаюсь, а он настаивает; я оттолкнула его, а брат схватил нож, хотел мне голову отрубить. Я в страхе рукой закрылась, он мне ножом пальцы и отсек.

Позвал отец к своей дочери лекаря, тот пальцы на место поставил, перевязал руку. А государь отдал приказ, повелел своим слугам у ворот колодец вырыть:

— Как придет мой сын с учения, так и упадет в тот колодец. Забьем его камнями, а колодец завалим. А если кто откажется, у того весь род казнию, ни курицы, ни собаки в живых не оставлю. А колодец чтоб выкопать на три чи.

Ушел государь, во дворец вернулся. А сын его с раннего утра отправился учиться, ни о чем не ведает. Вот полдень вечером сменился, а у матери его не покойно на сердце. Позвала она служанку. Служанке той было восемнадцать лет. Императрица ей верила. Говорит ей жена государя:

— Вот пять юаньбо, вот пять чжинов золота, вот три драгоценных камня, вот немного хлеба — возьми и на перекрестке дорог подле дома семьи Ван подожди моего сына. Как пойдет он обратно с учения, подойдет к мосту, ты и скажи ему: «Отныне

никогда нельзя тебе домой возвращаться, прячься, спасай свою жизнь».

Встретила служанка сына императора, обняла его, прижались они оба лицо к лицу, голова к голове и долго так причитали и плакали. Служанка государыни обратно вернулась, а юноша ушел. Шел он, шел и дошел до пустой пещеры в глухих горах. Два месяца он до нее шел. Лежал как-то раз юноша, отдыхал, видит — с высокой горы, что на юге, огромная тигрица с годовалым ягненком на спине спускается. Прорычала она трижды, и появились трое ее тигрят. Два — побольше, один — маленький. Скинула тигрица ягненка, принялись два больших тигренка его туда-сюда таскать, а маленькому никак не укусить. Бегал он взад-вперед, а те двое все мясо и съели. Маленькому тигренку даже укусить разок не удалось. Сын императора и говорит:

— Да ты точь-в-точь такой же, как я!

Поймал маленького тигренка, сунул в мешок, взвалил на спину и пошел. Шел он, шел, еще три месяца прошло, опять добрал до пустой пещеры в глухих горах. А на южной стороне на вершине горы большое дерево растет. Это дерево в толщину шестьдесят человеческих ростов, а в высоту — сто пятьдесят. На самой его макушке гнездо беркута. Мать-птица своим птенцам маленького ягненка принесла. Кричит-суетится, крикнула три раза — показались из гнезда птенцы. Сразу трое вылезло. Бросила им мать ягненка. Двое, что побольше, вонзили в него когти, таскают туда-сюда, рвут на куски и едят, а меньшому не дают. Пока носился он взад-вперед, те мясо все и съели, младшему птенцу ничего не досталось. Подбежал юноша, поймал маленького птенца беркута, взял его и в мешок засунул. Взвалил на спину и пошел дальше.

Шел он, шел, глянул на восток, видит — блестит что-то вдалеке. Пошел он на этот блеск. Шел, шел и дошел. Подошел поближе, оказалось — какая-то императорская роща. Подле река течет, а люди в реку бревна спускают. Спросил он работников:

— Я работать пришел, возьмете?

Вышел тут один работник и говорит:

— Мал ты больно, иди-ка ты, дорогой братец, к писарям да счетоводам.

Побежал он в ямы, нашел одного человека, возрастом не старого, лет так сорока восьми.

— Здравствуй, старший брат!

— Здравствуй, парень! Что скажешь?

— Работать хочу.

— Э-э! С бревнами дело тяжелое. Не вытянуть тебе. А вот есть у меня легкое дело: лицо мне будешь мыть, голову чесать, еду готовить, в доме прибирать, одежду стирать — вот такая работа.

— Подожди-ка, старший брат, есть у меня два звереныша: один — тигренок, другой — птенец-беркут. Их кормить мясом надо.

— Это что, мясо есть, печень есть, сердце, кишки, желудок — всего много.

— Ладно, хорошо. Буду на тебя работать.

Так или иначе, три года прошло. Подрядчик каждый год своему государю представлял отчет. Раньше все нехватка была, а в этом году излишек вышел. Потому-то писарь всё пересчитывал, на юношу внимания не обращал. Вот и сегодня ночью юноша видит: счетовод сидит считает. Юноша и говорит:

— Старший брат, дай я напишу, дай я посчитаю, поспи, отдохни, устал ведь.

— Эй! Ты умеешь считать, писать умеешь?

— Почему бы это мне не уметь считать-писать? Я напишу, а ты завтра утром ошибки проверишь, ладно?

Пошел счетовод спать. А юноша всю ночную работу за два часа сделал. Наутро счетовод поднялся и говорит:

— Эй, братец, ну-ка неси сюда всю работу, давай погляжу, что сделал за ночь.

— Ай-я! Хорошо пишешь, способный, ни одной ошибки нет.

К тому времени и прибыль вышла. Стал император казенные расходы-доходы проверять — оказалось, за три года получил император десять тысяч тецзы⁵. Стал он и работы лесных промыслов проверять. Глянул на бумаги, пошел прямо в комнату к писарю, вошел, спрашивает:

— Это откуда гость?

Вскочил юноша:

— Здравствуйте, хозяин!

— Здравствуй, парень. Как твое прозвание, как твое имя, откуда пришел?

— Простите, хозяин, если что не так. Студент я! Пришел, чтобы две монетки заработать.

— Хорошо, хорошо, ты сколько лет учился?

— Четыре года.

— Писать умеешь или нет?

— Не умею я писать, хозяин, ничего мне не написать!

— Бери кисть, пиши! Я тебе говорить буду. Пиши: «Ваше величество, государь, это трудно словами выразить». Понял меня?

Юноша ему и говорит:

— Ваше величество, государь, все, что на сердце скопилось, не выскажешь!

Ушел государь, к себе вернулся. Прошло три месяца. Послал император стражников, велел им того юношу привести. Император ему и говорит:

— Будешь в моей столице казенными налогами ведасть.

Юноша отвечает:

— Хорошо! — и еще говорит.— Хозяин! Только есть одна трудность. У меня два диких зверя живут, тигр да беркут, как мне их бросить?

Император говорит:

— Ничего. Бери с собой. За день у нас забивают десять тысяч голов скота, неужели им мяса не хватит.

Три года он прослужил у императора. Приглянулся он государю, полюбил его император. Отдал ему в жены свою дочь, сделал его своим зятем. А как сыграли свадьбу, то всю его работу за шестнадцать лет пересчитали — получилось двадцать восемь лет заработка.

Вот спит он ночью с женой, приснился ему сон. Заплакал он и проснулся. Жена спрашивает:

— Ты чего плачешь? Ты императорский зять, чего тебе еще не хватает. Завтра же отцу пожалуюсь, пусть велит тебе голову отрубить.

На другой день дочь спозаранку пошла к отцу ругаться:

— Ты что мне за мужа дал? По ночам плачет. Допроси-ка его, попытай, что с ним.

Призвал государь зятя, стал зять перед ним на колени:

— Хозяин! В чем я провинился?

— Вина твоя велика. Кто у тебя дома остался? Есть у тебя там жена, есть сыновья и дочери?

Зять отвечает:

— Не буду обманывать, господин, остались у меня дома отец с матерью да сестра младшая — всего трое. Больше никого нет. Мой отец — государь той страны. А на чужбине я из-за сестры очутился.

— Хорошо, хорошо, — император говорит. — Я не виню тебя. Возвращайся, проведай мать, проведай отца. Сколько всадников нужно, столько и бери.

— Домой я по вашему повелению съезжу, а всадников мне не надо. Один поеду, один вернусь.

А жене говорит:

— В нефритовую чашку налей тигриного молока, поставь на подоконник и смотри два раза в день. Если молоко краснеть станет, отпусти тигра и беркута.

Сел он на коня и уехал. Ехал, ехал, проехал пять месяцев и добрался до границ своей страны — видит горы глухие, кругом зеленая трава растет. Ехал, ехал, глядь — узенькая дорожка, только один человек пройти может. Пошел он по этой дорожке, и привела она его прямо к золотым теремам да драгоценным палатам. А на дворцовом подворье костей человеческих целая гора навалена. Одежд прекрасных, золота, серебра — словно воды в пруду.

Увидела его сестра, аж подпрыгнула:

— Здравствуй, дорогой брат, почему нас всех забыл? Мне уж за тридцать, а ты меня никому замуж не отдашь! Отца и мать людоед-оборотень съел.

— А тебя почему не съел?

— Э! Залезла я в стенные часы, он меня и не увидел.

Подпрыгнула тут сестра и отъела у коня одну ногу:

— Братец, а почему у твоего коня три ноги? А у моего коня вовсе ног нет, все съедены. Посиди, братец, я пойду тебе чаю согрею. Здесь щяньцзы есть, поиграй пока.

Вышла девушка чай вскипятить. Тут из-за шкафчика, что на кане стоял ⁶, вылезли две желтые мыши.

Говорят мыши:

— Скорей прячься, скорей спасайся! Сейчас девушка придет, съест тебя.

А перед императорскими воротами восемь больших тополей росло. Залез сын государя на дерево. Немного времени прошло, сестра его из погреба, что на заднем дворе был, вылезла. Превратилась она в белую лисицу величиной с верблюда. Помчалась она в дом, а брата в доме не видать. Целый час она по городу рыскала, не нашла. Вернулась, глянула на верхушку дерева, а ее брат от страха в штаны наложил, обмочился весь. Крикнула она ему:

— Братец! Слезай, я тебя не съем, я с тобой вместе уеду.

А брат отвечает:

— Не слезу.

— Не слезешь, так я дерево перегрызу.

Вытащила она зубы, перекувырнулась, на место встала,

принялась дерево грызть. Одно перегрызла, он на другое перебрался.

А в это время его жену один очень большой богач гулять пригласил. Забыла она про молоко на подоконнике. Вдруг вспомнила, домой побежала, а молоко уже красное, словно кровь. Тигр и беркут в железной клетке уже всю шерсть, все перья поободрали. Выпустила она их. Беркут улетел, тигр убежал. Бежал, бежал и добежал до дворца. Стали тигр и беркут с белой лисой драться. Бились, бились, не могут тигр с беркутом лису одолеть. Одной лапой с когтями лиса беркута в небо забросила, другой лапой когтистой тигра за пять ли зашвырнула.

Бились они двенадцать дней, устали. Тут белая лиса и говорит:

— Давайте остановимся, передохнем один день и одну ночь. Я хоть шкуру причешу. А завтра ваши жизни отберу, ваше мясо съем.

Белая лисица, тигр и беркут отдыхать стали. А в это время по небесам проходили два бессмертных шынцзя⁷, меж собой беседовали. Один и говорит другому:

— Налетит завтра темный ветер, пойдет мелкий дождь, понесет злой ветер песок. Пройдет дождь, потекут грязные потоки, поплывет беркут по воде, намокнут у него перья, прилипнет к ним песок. Станет он отряхиваться, затрясет перьями, полетит песок в глаза лисице. Споткнется лиса, упадет на землю, ударит ее тигр по хребту, выклюет беркут ей глаза.

Так оно и вышло.

Слез императорский сын с дерева, стал в обратный путь собираться. Набрал он драгоценностей, золота, серебра тысяч на десять, погрузил на тигра и на беркута. А как домой вернулся, тесть ему свой трон уступил. С той поры как сделался он императором, стал делами править, народ беречь. А ядовитых гадов с корнем уничтожил, на три чи из земли вырыл, ни одного не оставил.

17. Девушка-змея

Давным-давно жил в Китае юноша по имени Чисань¹. Отправился он как-то торговать за Великую стену². Накупил разных товаров, навьючил на мула и тронулся в путь. Долго шел

он, ведя мула на поводу, и только к вечеру добрался до какой-то деревни. У маленького домика на краю деревни сидела девушка и плакала. Приблизившись, юноша увидел, что девушке не больше семнадцати лет и что она очень хороша собой.

— Почему ты плачешь? — спросил Чисань.

Девушка подняла голову, увидела перед собой юношу с мулом, нагруженным товарами, и ответила:

— Десять дней назад умерли мои отец с матерью, и я осталась совсем одна. Даже родственников у меня нет, пойти не к кому. Сижу вот и думаю, как мне быть. Чем больше думаю, тем печальней на сердце становится.

Чисань подумал: «Ведь и у меня никого нет. Хорошо еще, что отец оставил мне кое-какое наследство и я смог заняться торговлей. У нее тоже никого нет, и, если она согласится, я женюсь на ней, и мы будем жить вместе. Что в этом худого?» Так подумал Чисань и обратился к девушке:

— Вот что я тебе скажу, если, конечно, ты мною не брезгуешь.

— Я никем не брезгую, говори, — ответила девушка.

— Так вот, — продолжал Чисань, — оба мы с тобой одиноки, мой отец с матерью давно умерли. Если ты согласна, мы поженимся и весь век проживем вместе.

— Коль ты не брезгуешь мной, то и я не брезгую тобой.

Наступила ночь, и Чисань повел девушку в дом. Когда стало светать, Чисань посадил молодую жену на мула и они вместе отправились в путь.

Когда добрались до одного города за Великой стеной, Чисань распродал все свои товары, на вырученные деньги купил другие, те, что пользовались спросом во Внутреннем Китае, и вернулся домой.

Чисань открыл мелочную лавку и стал жить с молодой женой. Однако день ото дня он почему-то худел и желтел лицом.

Однажды, когда Чисань сидел в своей лавке, мимо прошел белобородый старик. Он отошел уже довольно далеко, вдруг остановился и пристально посмотрел на Чисаня. Тогда Чисань вышел из лавки, поклонился старцу и спросил:

— Вы хотите что-нибудь купить, почтенный?

Старик оглядел его с головы до ног и сказал:

— Ничего мне не надо, юноша. Только сдается мне, спутался ты с тысячелетней змеей, что стала оборотнем-чжином. Она приняла облик красавицы и теперь сосет твою кровь. Знаешь ты об этом или не знаешь?

— Не знаю! — ответил изумленный Чисань.

— Так вот знай,— продолжал старец.— Твоя жена — змея, которая прожила тысячу лет и обладает способностью превращаться в человека. Если ты не придумаешь, как от нее избавиться, то в один прекрасный день она тебя съест.

Выслушав старика, Чисань испугался, но никак не мог поверить его словам и спросил:

— Что же мне теперь делать?

— Что делать? А вот что. Придешь домой, сядешь есть, насыпь незаметно ей в чашку соли. Ночью притворись, будто спишь, а сам внимательно следи за женой. Чтобы ты ни увидел — не пугайся. Утром встанешь — жене ни слова не говори и приходи в лавку, я буду тебя здесь ждать.

Сказав так, старец ушел, а Чисань вернулся в лавку. Он никак не мог поверить, что его любимая жена — змея, прожившая тысячу лет. И вдруг он вспомнил, как однажды жена его шла за водой, качаясь из стороны в сторону,— очень напоминала она тогда большую змею, но он не придал этому никакого значения. А сейчас ему стало страшно. Вечером, набравшись духу, он вернулся домой, видит — жена лапшу варит. Жена поставила на стол две чашки с лапшой, пошла на кухню за блюдечками с овощами³. Чисань быстро бросил пригоршню соли в ее чашку, размешал палочками, а сам спокойно принял за еду. Жена принесла овощи, поставила на стол и тоже стала есть. После ужина они напились чаю, поговорили о торговле и легли спать. Чисань притворился спящим. Наступила третья стража. Чисань видит, жена шевельнулась, высунула голову из-под одеяла, посмотрела, спит ли муж, и Чисань заметил, какой длинной стала у нее шея, словно большая труба. Затем жена слезла с кана, выползла через дверь во двор и начала пить воду из арыка. Увидев это, Чисань сильно испугался, но, вспомнив слова старика, поборол страх и стал смотреть, что будет дальше. Когда жена напилась, она приняла свой прежний вид и вернулась в дом, залезла под одеяло и снова уснула.

Утром Чисань ни слова не сказал жене, позавтракал, как обычно, и пошел отпирать лавку. Старик уже ждал его. Они поздоровались, и Чисань рассказал все, что он видел ночью. Выслушав его, старик вытащил из-за пояса маленькую коробочку и отдал юноше, сказав при этом:

— Говорил я тебе, что твоя жена — змея, прожившая тысячу лет. От долгого пребывания на земле она стала духом, потом превратилась в красавицу и вышла за тебя замуж. Счастье твое,

что ты меня встретил, не случись этого, через два дня она приняла бы свой настоящий облик и сожрала бы тебя. Возьми эту коробочку и повесь у себя в комнате над дверью. Там спрятан драгоценный меч ⁴, он не ранит людей, а поражает только чудовищ-оборотней ⁵. Нынешней ночью твоя жена обернется змеей, начнет сосать твою кровь, в это время коробочка с треском откроется, оттуда выскочит волшебный меч и зарубит змею. Как вернешься домой, виду не подавай, что тебе страшно, смело ложись спать.

Чисань поблагодарил старика и пригласил его в лавку, но старик не пошел и сказал:

— Погляди, кто это там?

Чисань повернулся в ту сторону, куда указывал старик, но никого не увидел, а когда снова обернулся, старик исчез. Чисань подивился и только сейчас понял, что белобородый старик — шынцян. Юноша открыл лавку и стал торговать. Вечером, вернувшись домой, он повесил коробочку с волшебным мечом над дверью. Жена в это время готовила ужин на кухне и ничего не заметила. Потом она поставила еду на стол, они вместе поели, попили и легли спать. В полночь Чисань проснулся от сильного грохота, и ему почудилось, будто ударил гром. Чисань едва не лишился памяти. Он вскочил и стал шарить руками по кану, но жены его на месте не оказалось. Он увидел только огненную полосу, которая сверкнула три раза и быстро исчезла в коробке. Чисань засветил лампу и, к ужасу своему, увидел на полу огромную мертвую змею, разрубленную на три части. Он не мешкая оделся, вытащил змею во двор, погрузил на телегу, отвез дальше и закопал глубоко в землю.

Чисань бросил свой дом и ушел в другое место. Там он купил себе дом и женился вновь. Они счастливо зажили с женой. Постепенно желтизна сошла с лица Чисаня, он стал поправляться и наконец совсем выздоровел. Жена родила ему кучу детей. Чисань вырастил их и вывел в люди. Дети прислуживали отцу и матери, и старость их была счастливой.

18. Паук-чжин

Давным-давно жила одна старуха, и были у нее приемные сын и дочь. Как только сын вырос, старуха приискала ему жену. Тут и дочь подросла, красавицей стала. И вдруг старуха стала

замечать, что дочь день ото дня желтеть начала. Это ее удивило, но расспрашивать дочь она не решилась и попросила сделать это невестку — узнай, мол, может, у дочери какой недуг появился. Невестка пошла к девушке и спросила:

— Что с тобой? Ты больна? Отчего день ото дня ты становишься все желтее и желтее?

— Сама не знаю,— стала рассказывать девушка,— только каждую ночь ко мне приходит красивый юноша, ложится подле меня и сосет мою кровь. Только он строго-настрого наказал, чтобы я никому об этом не говорила, не то он убьет меня.

Узнав о случившемся, невестка прибежала к свекрови и обо всем ей поведала. Старуха поняла, что повадился к дочери сам кровопийца чжин. Не мешкая старуха смотала в клубок шелковые нитки, позвала невестку и говорит:

— Возьми эти нитки и вместе с иголкой отнеси золовке да скажи, пусть узнает имя юноши. Он наверняка скажет. Потом пусть вденет нитку в иголку и незаметно вколет иголку сзади в одежду чжина. Он пойдет — и потянет за собой нитку.

Запомнив все хорошенько, невестка взяла нитки с иголкой и пошла к золовке. Отдала ей моток и научила, что делать, когда снова придет юноша. Девушка пообещала все в точности исполнить и, когда наступила ночь, стала дожидаться юношу.

Тот пришел, когда перевалило за третью стражу, лег рядом с девушкой и стал сосать ее кровь. Напившись досыта, он собрался уходить, но тут девушка его спросила:

— Как тебя зовут и из какого ты рода? Я ведь ничего о тебе не знаю. Не знаю даже, когда ты опять придешь ко мне.

— Меня зовут Юаньчжу, и Чёнчжу, и Пынчжу, и Лунчжу. Сам я из рода Лунчжу.

Сказав так, юноша направился к выходу, а в это время девушка сзади незаметно вколола иголку в его одежду. Юноша ушел, и клубок стал быстро разматываться, пока вскоре нитка не остановилась.

На следующее утро старуха с невесткой пошли по следу нитки. Нитка прошла через двор-юань, после по дувалу-чён. Они пошли дальше и увидели, что нитка прошла под навес-пэн и вошла в большую плетеную корзину-лун. Подойти к корзине женщины не осмелились. Они позвали нескольких мужчин. Те заглянули в корзину и увидели страшного паука-чжу¹ размером с черепаху. Глаза его горели, как два красных огонька. Мужчины тоже испугались, и ни один из них не осмелился приблизиться к чудовищу. Пока люди придумывали, как извести

паука-чжина, небо сплошь покрылось черными тучами, прогремел гром, и вдруг с неба спустилась огненная рука, схватила паука и исчезла. Люди все тихонько разошлись по домам. С той поры дочь старухи успокоилась и день ото дня становилась все румяней и румяней и вскоре снова стала блистать красотой.

19. Чжён Нэ¹

Жили в давние времена старик со старухой. Детей у них не было, и они взяли на воспитание мальчика по имени Чжён Нэ. Когда мальчик вырос, старик умер, и мальчик остался вдвоем со старухой. Каждый день шел мальчик в лес, рубил там хворост, продавал его и так кормил свою мать.

Однажды он собирал хворост у большой реки. Видит — из воды выползла большая черепаха. На спине у нее сверкали две жемчужины. Чжён Нэ поймал черепаху, снял у нее со спины жемчужины, спрятал за пазуху и, взвалив на спину вязанку хвороста, пустился в обратный путь. Вернулся он домой, когда уже стемнело, зашел в комнату и вытащил камни из-за пазухи. В совсем темной комнате вдруг стало светло, как днем. Мать увидела драгоценности, перепугалась и спросила:

— Откуда ты взял эти сокровища, видно, сгубил из-за них чью-нибудь душу?

Чжён Нэ рассказал все как было и попросил:

— Спрячь их, мать. Все наше счастье в этих двух драгоценностях.

Чжён Нэ по-прежнему каждый день ходил за хворостом. И вот однажды он увидел в лесу огромного тигра, которого зацепило между двумя суками высокого дерева. Слезы текли из глаз тигра. Чжён Нэ подумал: «Тигр ведь тоже живая тварь, спасу-ка я его».

— Эй, тигр,— крикнул юноша,— я спасу тебя, только не ешь меня, если можешь быть добрым, а не можешь, тогда съешь.

Тигр ничего не ответил, только лил слезы. Тогда Чжён Нэ опять спросил:

— Ты не съешь меня?

Тигр три раза качнул головой. Тогда Чжён Нэ подошел к тигру, ухватил его сзади, напрягся изо всех сил и приподнял. Тигр соскочил на землю, трижды поклонился своему спасителю и заговорил человеческим голосом:

— Эй, брат, если бы не ты, я умер бы здесь с голоду.

Сказав так, тигр вырвал из усов три волоска и отдал Чжён Нэ, говоря:

— Если придется тебе когда-нибудь туго, зажги один волосок, и я тотчас явлюсь на помощь.

Тигр ушел, а Чжён Нэ взвалил на спину вязанку дров и отправился домой. На следующий день он снова пошел в лес. Шел, шел и вдруг заметил маленький домик. Чжён Нэ зашел внутрь и увидел там старуху и юношу. Старуха притально оглядела Чжён Нэ, спросила, кто он такой и чем занимается. Чжён Нэ поведал старухе о своей горькой жизни. Старуха выслушала Чжён Нэ и сказала:

— Знаешь, мальчик, прожила я на свете целых сто лет и еще несколько десятков, но у меня только один приемный сын. Мне бы очень хотелось, чтобы вы вместе ходили за дровами, а еще больше хотелось бы, чтобы вы стали названными братьями.

Сына старухи звали Фань Ичу². Он был старше Чжён Нэ на два года, и Чжён Нэ назвал его своим старшим братом.

Однажды братья нарубили дров и пошли домой к Чжён Нэ. Мать Чжён Нэ увидела незнакомого юношу и спросила:

— Кого это ты привел с собой?

Чжён Нэ рассказал, как встретился с юношей и его матерью, столетней старухой, как старуха сказала, что у нее один-единственный сын, и пожелала, чтобы они с Чжён Нэ стали братьями. Мать Чжён Нэ сразу почувствовала, что юноша, которого привел сын, человек недобрый, но промолчала.

Чжён Нэ с братом по-прежнему ходили за дровами, продавали их на базаре, тем и жили.

В один прекрасный день император приказал развесить по всему государству объявления: «Кто принесет императору два драгоценных камня, тому император отдаст в жены красавицу-дочь и назначит его на высокий пост».

Узнав, что это и вправду императорское объявление, Чжён Нэ с Фань Ичу прихватили два драгоценных камня со спины морской черепахи и отправились в столицу. По пути старший брат замыслил недоброе и стал говорить Чжён Нэ:

— Братец, ты младше меня, вид у тебя неказистый, давай я отнесу императору драгоценные камни.

Чжён Нэ согласился и, ничего не подозревая, отдал камни Фань Ичу.

Когда, прибыв в столицу, они подошли к императорским золотым палатам и драгоценным теремам, Чжён Нэ сказал:

— Смотри же, не забудь о своем младшем брате после того, как преподнесешь императору драгоценные камни.

— Ну что ты, брат, разве могу я о тебе забыть,— ответил Фань Ичу.

Он отдал императору два драгоценных камня, но ни словом не обмолвился о своем младшем брате.

Император взял драгоценности, обещал старшему брату отдать в жены свою дочь и назначил его на высокую должность.

А Чжён Нэ все стоял у ворот, дожидаясь брата. Но брат совсем забыл о нем. Так Чжён Нэ простоял до вечера, а потом попросил стражников позвать Фань Ичу. Но когда Фань Ичу доложили, что у ворот дворца его ждет брат, Фань Ичу рассердился и приказал:

— Схватите его! Он, наверно, нищий! Я не знаю его!

Стражники вышли и схватили Чжён Нэ. Фань Ичу обвинил Чжён Нэ в страшных преступлениях и велел казнить его пятнадцатого числа первого месяца.

Брошенный в темницу, Чжён Нэ с горечью думал о том, каким негодяем и лжецом оказался его старший брат. «Люди говорили, что ты подлый, так оно и оказалось»,— в гневе произнес Чжён Нэ. Его слова услышал стражник и спросил:

— Эй, паренек, о чем это ты говоришь? Лучше вспомни: может, спас ты в своей жизни кого-нибудь, а сейчас он тебя спасет. Ведь срок казни приближается, а ты сидишь сложа руки.

Тут Чжён Нэ вспомнил про тигра, вытащил волосок, который он ему дал, поджег и через щелочку в окне выбросил волосок во двор.

На следующий день город окружили восемьсот тридцать тысяч тигров. Никто не решался выходить за городские стены.

Император сильно встревожился и приказал везде развесить объявления: «Кто сможет отогнать тигров от города на сорок ли, будет назначен на высокую должность». Узнав об этом, Чжён Нэ стал кричать: «Я отгоню! Я отгоню!»

Услыхал его слова стражник и крикнул:

— Эй ты, пожалел бы себя! Два дня до казни осталось, а ты кричишь, что можешь восемьсот тридцать тысяч тигров отогнать на сорок ли.

Тут второй стражник и говорит первому:

— Пусть идет! Сегодня, завтра — все равно ему смерть.

Сказал так и пошел докладывать государю. Опустился он на колени.

— Какое у тебя ко мне дело? — спросил у него император.

— Парень, что сидит в тюрьме, говорит, что может отогнать восемьсот тридцать тысяч тигров на сорок ли,— ответил стражник государю.

Фань Ичу, что сидел подле императора, приказал стражнику:

— Тащите его! Пусть идет! Восемьсот тридцать тысяч тигров от него и косточки не оставят, целиком съедят.

Вышел стражник из золотых теремов, драгоценных хором, вернулся в тюрьму за Чжён Нэ и повел его к государю.

— Ты можешь отогнать тигров? — спросил у Чжён Нэ император.

— Могу! — ответил Чжён Нэ.

— А что тебе надо? Дать тебе конных воинов?

— Ничего мне не надо. Дайте мне только веревку,— ответил Чжён Нэ.

Сановники, что стояли подле государя, услышав его слова, изумились.

— Зачем ему веревка? — спросил один другого.— Что он собирается одной веревкой связать восемьсот тридцать тысяч тигров?!

Император тоже удивился, но ничего не спросил и велел юноше дать веревку. Чжён Нэ молча взял веревку, в упор посмотрел на своего названного брата и покинул дворец.

Выйдя из городских ворот, Чжён Нэ смело пошел прямо к тиграм. Один из них, широко открыв пасть, направился навстречу Чжён Нэ.

— Не ты ли приходишься мне старшим братом? — спросил Чжён Нэ.

— Да, я прихожусь тебе старшим братом,— ответил тигр, кивнув головой, и сам спросил:

— Что мне делать — вступить в переговоры с императором и отойти на сорок ли или же разгромить его войско?

Поразмыслив, Чжён Нэ ответил:

— Отойти на сорок ли.

— Что тебе обещал император? — опять спросил тигр.

— Высокую должность,— отвечал Чжён Нэ.

Тогда тигр сказал, что они отступят на сорок ли и будут ждать. Исполнит император свое обещание — тигры уйдут, не исполнит — нападут на его страну и сокрушат ее. Сказал так тигр, взревел — земля задрожала, гром прогремел, и все восемьсот тридцать тысяч тигров желтых, как барханы в пустыне, с невообразимым шумом отошли на сорок ли от города. Чжён Нэ

возвратился во дворец и на вопрос императора, отступили ли тигры от города, ответил, что отступили. Люди, посланные императором за город, подтвердили это.

Император назначил Чжён Нэ на высокую должность и стал расспрашивать, как это ему удалось отогнать тигров. Тогда Чжён Нэ рассказал императору обо всем, что с ним приключилось, о встрече с Фань Ичу и о том, как Фань Ичу с ним поступил. За вероломство император велел казнить Фань Ичу.

Красавицу-дочь он отдал в жены Чжён Нэ. Тигры между тем так и стояли в сорока ли от столицы и ушли лишь, когда Чжён Нэ сообщил, что император свое обещание выполнил, да еще вдобавок отдал ему в жены красавицу-дочь. Чжён Нэ взял к себе свою мать, и они счастливо зажили втроем.

20. Золотая рыбка

Жили в давние времена три брата. Старшего звали Лода, среднего Лоэр, младшего Лосань¹. И вот уговорились братья обучиться какому-нибудь ремеслу. Лоэр и Лосань ушли в чужие страны, а Лода нанялся к одному юаньвэю сеять семь-восемь клиньев пшеницы. Прошло несколько лет. Как-то Лода жал пшеницу и вдруг видит — невесть откуда появился белый чудесный конь и стал носиться по колосьям, не топча их. Поглядел на него Лода и диву дался! Что за конь такой? Подумал он так про себя, но никому про это не сказал. Когда же на другой день он опять увидел белого коня, то не удержался и сказал об этом юаньвэю. Юаньвэй удивился и велел Лода поймать коня. На третий день конь появился снова. Лода стал его ловить, но он вдруг заговорил человеческим голосом:

— Эй, Лода, не лови меня. Я пришел тебе помочь. Садись верхом, и мы вмгг накосим много пшеницы. Однако Лода так испугался, что боялся приблизиться к нему.

— Не бойся, — сказал конь.

Тогда Лода, наконец, решился подойти, погладил коня, хлопал рукой и вскочил на него верхом. Конь стал бегать по полю, и очень скоро было скошено семь участков. Тут конь обратился к юноше:

— На сегодня хватит, а завтра мы докосим остальное.

Сказал это конь и исчез в небе. Когда Лода вернулся домой, юаньвэй спросил его:

— Ну как, поймал коня?

Лода ответил:

— Не поймал. К нему не подойдешь.

— Сколько накопил пшеницы?

— Семь участков.

Юаньвэй не поверил Лода, заподозрил неладное и сказал:

— Завтра я сам пойду этого коня ловить.

Когда на другой день он пришел в поле, то увидел, что Лода не соврал — было скошено семь участков. Но конь в этот день не появился, и юаньвэй, огорченный, вернулся домой. В эту ночь Лода увидел во сне обоих своих братьев, будто они попали в беду и некому их спасти. Утром Лода проснулся, решил идти на поиски братьев и отправился к юаньвэю за расчетом. Однако юаньвэй не хотел отпускать его, пока не будет скошена вся пшеница. Лода стоял на своем. Тогда юаньвэй взял счеты, прикидывал и так, и эдак — получилось, что он ничего не должен Лода, напротив — Лода задолжал ему. Лода стал ругаться с юаньвэем, и тот сказал, что даст ему немного денег, если Лода скосит всю пшеницу. Лода не стал больше спорить и отправился на поиски братьев. Долго он шел, перешел много гор, переплыл много рек, устал и решил отдохнуть у придорожного родника. Из родника вытекал ручеек, в котором Лода вдруг заметил золотую рыбку.

— Куда путь держите, почтенный? — спросила рыбка человеческим голосом. Лода подивился и ответил:

— Иду искать двух своих братьев.

Золотая рыбка и говорит:

— Я знаю, оба твои брата в беду попали, а спасти их некому.

Лода попросил:

— Если ты знаешь, скажи мне, где они сейчас.

— Иди прямо вдоль ручья и увидишь дерево. На дереве сидит старуха. Она попросит, чтобы ты помог ей слезть с дерева, но будь осторожен, когда станешь ей помогать, а то она убьет тебя своей босы-бохади лонёнбон — умерщвляющей-оживляющей клюкой. Пойдешь дальше — увидишь три дороги. Кто по первой пойдет — у того лошадь падет; кто по второй пойдет — сам умрет; кто по третьей пойдет — себя и лошадь спасет. По третьей дороге пошел Лоэр. Завтра он будет сражаться с семиглавым чудовищем-мынгуцзы из-за седьмой дочери государя. Лосань пошел по первой дороге, серый волк задрал его лошадь, а его самого унес. Иди же быстрее, спасай братьев!

Лода поклонился золотой рыбке и поспешил в путь. И в самом деле, через недолгое время он увидел дерево, а на дереве старуху. Присмотрелась старуха Лода и стала жалобно просить:

— Эй, сынок, помоги мне слезть с дерева. Я вчера вечером залезла на него, боялась как бы волки не съели, так и сижу, не могу слезть. Дома меня внучата заждались, не знаю, что с ними. Сделай доброе дело, сними меня с дерева!

Лода пожалел старуху, забыл о том, что наказала ему золотая рыбка, помог старухе слезть с дерева, а та коснулась его своей клюкой и умертвила.

Потом старуха снова забралась на дерево, чтобы подстеречь новую жертву. В это время как раз подошел охотник. Старуха застонала и стала просить, чтобы он помог ей слезть с дерева.

Охотник вначале пожалел старуху, но тут в душу его закрался страх. «Что-то здесь неладно,— подумал он.— Как такая дряхлая старуха могла залезть на дерево? Она наверняка не человек, а злое чудище». А тут еще охотник огляделся и приметил на земле мертвеца. Теперь он больше не сомневался, что старуха эта не человек, а злой дух — гуй². Пока он размышлял, старуха еще громче застонала. Тогда охотник приблизился к дереву и увидел в руках у старухи клюку. Он сразу смекнул, что этой палкой старуха умерщвляет путников, и сказал про себя: «Ну погоди у меня!» Снял старуху с дерева, выхватил у нее чудесную клюку и умертвил старуху. Потом несколько раз ткнул палкой Лода — тот мигом вскочил на ноги и сказал:

— Уснул я, что ли?

Охотник ответил:

— Ты не уснул, тебя старуха умертвила.

Только теперь Лода вспомнил, как снимал старуху с дерева. Снял, а дальше уже ничего не помнит. Он рассказал охотнику, как очутился здесь и куда держит путь. Охотник его выслушал, потом отдал ему чудесную клюку и пошел своей дорогой. А Лода, прихватив клюку, тоже отправился в путь. В пути ему повстречался громадный серый волк. Он хотел съесть Лода, но юноша ему сказал:

— Эй, волк, не ешь меня. Я иду искать моих братьев.

— А кто они, твои братья? — спросил волк.

Лода ответил:

— Мои братья Лоэр и Лосань.

Волк и говорит:

— Я знаю, где они. Лоэр пошел третьей дорогой. Лосань —

первой. Я съел его лошадь, и теперь с утра до ночи таскаю его на себе, совсем изнемог. А ты кто будешь?

Лода ответил:

— Я старший брат Лоэра и Лосаня.

— Тогда садись скорей мне на спину, и мы отправимся искать другого твоего брата; он наверняка в саду у императора. Влюбился в императорскую дочь, а посвататься не может — нет у него ни золота, ни денег. Нынче принцесса будет прогуливаться по саду, вот я и хочу помочь ему.

Лода сел на спину серому волку, и они вмиг оказались в императорском саду. Лода нашел Лосаня под большим деревом, где он притаился, ожидая принцессу. Лода окликнул брата. Они обнялись и долго плакали.

Волк подошел к ним и сказал:

— Вы покуда уходите из сада и ждите меня за городом в поле. Как только царевна выйдет, я схвачу ее, посажу на спину и принесу к вам.

Братья так и сделали, а волк спрятался в цветнике и стал дожидаться царевну. Наконец она вышла в сад со своими служанками и стала любоваться цветами. Тогда волк выскочил из цветника, посадил принцессу на спину и умчался. Служанки в страхе разбежались кто куда. А волк принес дочь императора к братьям, и она стала женой Лосаня. После этого они втроем поехали на сером волке искать Лоэра. С первой дороги они свернули на третью.

Лоэр, который как раз и ехал по этой дороге, доехал до города, где обитал семиглавый мынгуцзы. Каждый день чудовище пожирало девушку. И вот пришла очередь дочери тамошнего государя. У того было семеро дочерей, и он решил принести в жертву младшую седьмую дочь. Девушку отвезли за город и оставили возле рва. Бедняжка сидела и горько плакала. Тут и увидел ее Лоэр. Глядя на красавицу, которая в такой поздний час сидит одна за городской стеной и плачет, он очень удивился, а когда дознался, отчего она плачет, стал утешать девушку, сказав, что ей нечего бояться, что он сразится с семиглавым чудовищем. Покуда они разговаривали, налетел черный вихрь, налетел желтый вихрь — это мчался к своей жертве семиглавый мынгуцзы. Лоэр вскочил, спрятал девушку за большим деревом, а сам выхватил меч и вступил в бой с семиглавым чудовищем. Долго бился он с мынгуцзы, отрубил ему шесть голов и почувствовал сильную усталость. Кровь залила все вокруг, и Лоэр едва не утонул, но тут он вспомнил о принцессе невиданной кра-

соты, стоявшей за деревом, собрался с силами и одним взмахом меча отрубил чудовищу среднюю, настоящую голову. Потом он сел на землю, прислонился к дереву, а дочь императора вытащила из прически свою золотую заколку и приколотла ее к одежде Лоэра. В это время на сером волке подоспел Лосань с женой и старшим братом. Они огляделись и увидели на земле все семь голов мынгуцзы, валявшихся в крови. Под деревом сидел забрызганный кровью Лоэр, а рядом с ним стояла красавица и вытирала с его лица пот и кровь.

Так и встретились все три брата — они обнимались и плакали. Лоэр женился на седьмой дочери царя, и все они верхом на сером волке отправились домой. По дороге им повстречался караван, и Лода попросил хозяина посадить их на верблюдов.

Волк сильно устал и тоже попросил хозяина посадить братьев с женами на верблюдов. Хозяин согласился, и волк ушел.

Лода заметил на одном из верблюдов красавицу-девушку и смекнул, что это хозяйская дочь. Лода с первого взгляда влюбился в нее. Хозяин между тем замыслил недоброе. Он решил убить братьев, а их жен взять себе. И вот, когда караван остановился на постоялом дворе, Лода, которому не спалось, вышел в полночь во двор и увидел, что в одном окне горит свет. Он подошел поближе и услышал, что хозяин каравана договаривается с какими-то людьми о том, как убить братьев. Лода быстро вернулся в дом и с мечом в руках стал у дверей. Когда появился хозяин со своими людьми, Лода всех их перебил, потом разбудил братьев и обо всем рассказал. Утром братья прихватили с собой дочь хозяина и с караваном отправились в обратный путь. Как только они прибыли домой, Лода женился на дочери хозяина, а его добро братья разделили между собой и стали жить в полном достатке.

21. Людоед

Давным-давно жила одна женщина со своими детьми. Однажды она заметила, что у сына отросли длинные волосы и пора их остричь, но малыш упрямылся и не давал матери остричь себя. Тогда она стала его уговаривать:

— Вот остригу тебе волосы, приедет твой дядя, посадит тебя на ослика и вы поедете с ним далеко-далеко.

В это время за дверью стоял людоед и все слышал. Он побе-

жад домой, взял осла, вернулся к дому, где жила женщина, и стал звать:

— Эй, сестра, отвори!

— Кто пришел? — спросила женщина.

— Это я, твой младший брат, мать за тобой послала.

Женщина ответила:

— Нет у меня ни брата, ни матери, никого нет.

— Ты давно нас не видела, вот и забыла. Выйди скорее, мать тебя дома ждет, — твердил людоед.

Женщина почувяла неладное и говорит:

— Все это обман. Нет у меня матери.

Людоед вошел в дом, вывел женщину с сыном во двор, сильно посадил на осла, а сам пошел рядом. Они долго шли. Вдруг женщина уронила палку, которой подгоняют осла, и говорит людоеду:

— Подними палку.

Людоед нагнулся, чтобы подобрать палку, и в это время у него сзади вылез хвост. Мальчик спрашивает:

— Мама, а мама, почему у дяди хвост сзади?

Женщина тоже заметила хвост и поняла, что это не человек их увез, а людоед, но не хотела пугать сына и ответила:

— Откуда возьмется у твоего дяди хвост? Это тебе померещилось.

Чтобы рассеять подозрения, людоед говорит:

— Купил чжин конопли, не знал, куда ее девать, вот и прицепил к задку.

Они прошли еще немного, и людоед говорит женщине:

— Дай я понесу мальчика!

Людоед взял мальчика на руки и стал щипать. Мальчик пожаловался матери:

— Мама, а мама, дядя меня щиплет.

— Он тебя не щиплет, а ласкает. Ведь он твой дядя!

Людоед привел мать с сыном в огромный двор, где жили одни людоеды, а вместе с ними мать и жена людоеда. Они встретили женщину ласково, отвели ее в комнату, усадили на кан, а мальчика унесли, зарезали и бросили в котел. Женщина забеспокоилась и спрашивает людоеда:

— Где мой сын?

— Не бойся, сестра, он у тетки, она с ним играет, — отвечал людоед.

Вскоре жена людоеда принесла на большом блюде мясо и поставила блюдо на стол. Женщина сразу узнала, что это заре-

зали и сварили ее сына. От страха она чуть не упала без памяти, но виду не подала. Есть она не стала, а незаметно спрятала ручки и ножки своего сына в рукав. Когда поели, людоед обратился к женщине:

— Сестра, ты иди на задний двор, там у меня целое стадо жирных баранов. Я только нож наточу и тоже приду, будем резать барана.

Женщина пошла на задний двор и увидела там множество девушек, толстых и круглых — их специально откармливали. Одна из девушек спросила женщину:

— Как ты попала сюда?

Женщина стала рассказывать:

— Людоед меня заманил вместе с сыном. Сына уже съели, а теперь людоед велел идти мне на задний двор, сказал, что здесь у него целое стадо жирных баранов, что он наточит нож, придет и зарежет одного барана.

— Смотри, берегись, это он тебя нынче хочет зарезать, — сказала девушка. — Но я тебя научу, что делать. Вечером, как станешь ложиться спать, людоед тебя спросит, какую ты хочешь подушку — деревянную или железную. Ты скажи, что хочешь железную. Тогда он спросит тебя, как ты ляжешь — головой к стенке или к краю, ты скажи, что к краю. После дождись, пока его мать крепко уснет, перенеси ее на свое место и положи на железную подушку головой к краю. Затем возьми восемь пар палочек для еды, зеркало и спрячься за дверь. В полночь людоед войдет в комнату, чтобы зарезать тебя, а вместо тебя зарежет свою мать. Тогда ты быстро выйдешь, придешь сюда освободишь нас от цепей, и мы все вместе убежим.

Женщина крепко-накрепко запомнила слова девушки и сказала:

— Я все сделаю, как ты велишь.

Вечером, когда стали ложиться спать, людоед спрашивает женщину:

— Сестра, а сестра, ты какую хочешь подушку — железную или деревянную?

— Железную, — ответила женщина.

— Сестра, а сестра, а как ты ляжешь — головой к стенке или к краю?

— К краю, — ответила женщина.

Людоед ушел. Как только все уснули, женщина тихонько встала, перенесла мать людоеда на свое место и положила на железную подушку головой к краю. Потом слезла с кана, при-

хватила восемь пар палочек для еды, зеркало и спряталась за дверь. Вскоре в комнату вошел людоед с ножом в руке и перещупал все подряд подушки. Женщина тем временем выскользнула из дома, побежала к девушкам, освободила их от цепей, и они все вместе убежали,

— Мать, вставай, отдаешь свеженького мяса! — думая, что зарезал женщину, крикнул людоед.

Звал он, звал старуху, да так и не дозвался. Тогда он зажег лампу и, к своему ужасу, увидел, что зарезал свою мать. Тут людоед как заорет:

— Золотой нож, серебряный нож. Я родную мать зарезал!

Людоед выбежал во двор посмотреть, где девушки, но их и след простыл. Людоед пустился в погоню, долго бежал и вдруг видит — лежит на дороге палочка для еды. Людоед сам себе и говорит:

— Эй, ведь это же моя палочка. Отнесу-ка я ее домой!

Людоед подобрал палочку, побежал домой, положил палочку на место и снова пустился в погоню. Он долго бежал и вдруг снова увидел на дороге палочку для еды, подобрал ее и опять отнес домой. Так людоед шестнадцать раз пускался в погоню, шестнадцать раз подбирал палочки и шестнадцать раз возвращался домой. Наконец, он увидел на дороге зеркало, подобрал его и тоже отнес домой.

В это время женщина вместе с девушками раскалили каменную плиту и положили у ворот дома людоеда, а сами спрятались. Людоед прибежал, никак не мог отдышаться и решил отдохнуть, а сесть негде. Вдруг видит — у самых ворот каменная плита лежит. Людоед сел на плиту, обжегся, завопил и пустился бежать без оглядки. С той поры никто больше не видел этого людоеда.

22. Щинчон

Давным-давно жила одна старуха с сыном. Сына звали Щинчон, что значит Добрая душа. Шло время, Щинчон вырос, и настала пора его женить. За невесту надо было дать выкуп, но мать с сыном жили очень бедно, и денег у них не было. Мать Щинчона оттого сильно горевала, уж очень ей хотелось понячить внуков. Вот однажды старуха и говорит сыну:

— Сходил бы ты, сынок, к мудрецу и спросил, как разбогатеть.

Щинчон подумал и так рассудил: «Отчего бы мне и в самом деле не сходить к мудрецу? Может, он мне поможет». Решил Щинчон отправиться на поиски мудреца. Он попрощался с матерью и пустился в путь. Долго шел Щинчон, преодолел множество препятствий и через несколько дней, к вечеру, увидел речушку, а у речушки небольшой дом. Не успел Щинчон постучать в ворота, как из дома вышел человек, не старый и не молодой. Они приветствовали друг друга, потом Щинчон попросил разрешения заночевать. Близилась ночь, идти дальше было опасно, к тому же юноша сильно устал. Хозяин разрешил Щинчону заночевать и принял его очень радушно. Он спросил, куда юноша держит путь и что заставило его отправиться в такое далекое и опасное путешествие. Юноша ответил, что они с матерью живут в нужде и он ищет мудреца, который посоветует, как разбогатеть. Услыхав это, хозяин задумался, потом говорит:

— У меня есть дочь, она — немая. Я пошел бы вместе с тобой к мудрецу, чтобы узнать, почему она немая, но не могу бросить семью. Потому, будь добр, не сочти за труд спросить мудреца и о моем деле.

Щинчон ответил:

— Непременно спрошу, только бы мудреца отыскать.

Они поговорили и легли спать.

На следующий день с рассветом Щинчон опять пустился в путь. Он шел, не останавливаясь ни днем, ни ночью, преодолел много опасностей и вот однажды, к вечеру, пришел к какому-то большому саду, где росли фруктовые деревья. Навстречу юноше вышел человек. Щинчон приветствовал его и попросился на ночлег, так как вблизи больше не было жилья. Хозяин привел юношу в дом, угостил всевозможными фруктами, накормил и наполнил чаем. Они долго беседовали, после хозяин спросил, куда Щинчон держит путь. Щинчон ответил, что он ищет мудреца, который посоветует ему, как разбогатеть. Услыхав об этом, хозяин удивился и говорит:

— Этот сад, который ты сейчас видишь, мне достался по наследству от отца. Посреди сада росла яблоня, каждый год я снимал с нее обильный урожай. Мои яблоки славились далеко вокруг. Люди приходили покупать их прямо ко мне в сад. Вырученных денег хватало мне с семьей до следующего урожая. Но после смерти отца яблоня вдруг перестала плодоносить. Я бы тоже пошел с тобой к мудрецу, чтобы узнать, почему это случилось, вдвоем нам легче было бы в пути, но я не могу оставить

без присмотра сад. Так что, будь добр, спроси у мудреца, отчего вдруг перестала плодоносить моя яблоня.

Щинчон знал, что за добро надо платить добром. Поэтому он не раздумывая обещал хозяину исполнить его просьбу.

На другой день, только рассвело, Щинчон отправился в путь. Шел он быстро и вскоре без особых происшествий добрался до моря.

Тут юноша стал думать: «Как быть? Через море не переправиться, а идти назад — очень далеко». В это время из воды показалась огромная рыба. Глянула на юношу и вдруг заговорила человеческим голосом:

— Куда путь держишь, юноша?

— Ищу мудреца, чтобы он посоветовал мне, как разбогатеть.

Рыба говорит:

— Посмотри, какая я огромная, но мелкие рыбешки всю меня искушали. Я мучаюсь от боли, но ничего не могу сделать. Если отыщешь мудреца, узнай у него, пожалуйста, как мне избавиться от такой беды.

Щинчон ответил:

— Я постараюсь исполнить твою просьбу, но скажи, как мне переправиться на тот берег моря?

Рыба говорит:

— Не бойся, садись мне на спину, и я перевезу тебя, только закрой глаза и держись крепче.

Щинчон обрадовался, мигом взобрался на спину рыбе и в следующий момент очутился на другом берегу. Он поблагодарил рыбу, попрощался и пошел дальше. Теперь он шел очень быстро, не шел, а летел и, наконец, дошел до пещеры, где жил мудрец. Пещера была окружена высокими горами. У входа висела табличка с такой надписью: «Хочешь задать три вопроса — входи. Хочешь четвертый задать — уходи». Щинчон прочел надпись и опечалился: «Как быть? Я же пришел к мудрецу не с тремя, а с четырьмя вопросами. Спросить только о себе — совет не позволит. Ведь я обещал и одному доброму человеку, и другому доброму человеку, и рыбе спросить у мудреца про их беды. Теперь они ждут, когда я приду с ответом. Как же я стану смотреть им в глаза, если вернусь ни с чем. Ни я, ни они не знали, что мудрецу можно задать всего три вопроса. Что ж, не суждено мне, видно, разбогатеть, передам мудрецу только их просьбы». Решив так, Щинчон вошел в пещеру и в самой ее глубине увидел седовласого старца. Щинчон приветствовал его низ-

ким поклоном. Старец посмотрел на юношу и спросил, зачем тот пожаловал. Щинчон вздохнул и ответил:

— Я шел к вам со своим делом, но по дороге меня приютил один добрый человек. У него есть единственная дочь, очень красивая девушка, только немая. Вот он и просил узнать у вас, как помочь беде.

Мудрец подумал и говорит:

— Девушка заговорит, как только увидит своего жениха.

Тогда Щинчон задал второй вопрос:

— Еще один добрый человек просил меня узнать, почему перестала плодоносить его яблоня.

Мудрец ответил:

— Под яблоней закопан кувшин, полный золота, надо выкопать этот кувшин, тогда яблоня снова начнет плодоносить.

Щинчон сказал:

— Теперь я задам вам третий, и последний, вопрос.

Мудрец ответил:

— Говори, я тебя слушаю.

— Когда я шел к вам, неожиданно путь мне преградило море. Я не знал, как переправиться на другой берег, но тут из воды показалась рыба. Рыба огромная, но ее замучили мелкие рыбешки — всю искусали, и она не знает, как ей от них избавиться.

Мудрец ответил:

— Когда пойдешь обратно, передай рыбе, что у нее к жабрам приросли два драгоценных камня. Надо вытащить их, тогда рыба обретет свою прежнюю силу. У тебя, юноша, очень доброе сердце, и считай, что ты уже нашел свое счастье. А теперь ступай. Да будет всегда с тобой мир и благополучие.

Щинчон удивился, но почувствовал, как стало у него радостно и легко на душе. Он поблагодарил старца за мудрые советы, попрощался, вышел из пещеры и пустился в обратный путь. Шел-шел и дошел до моря. Рыба уже поджидала его. Не успел Щинчон дух перевести, как она спрашивает:

— Что сказал мудрец?

Щинчон ответил:

— Он сказал, что к твоим жабрам приросли два драгоценных камня. Надо вытащить их, тогда ты обретешь свою прежнюю силу и справишься с мелкими рыбешками, которые тебя изводят.

Рыба обрадовалась, переправила юношу на другой берег и говорит:

— Возьми, добрый человек, себе эти драгоценные камни и избавь меня от страданий.

Щинчон отодрал от жабр два драгоценных камня, попрощался с рыбой и пошел дальше. Шел-шел и пришел к дому, который стоял во фруктовом саду. Хозяин уже ждал его на пороге. Он пригласил юношу в дом и спросил:

— Что сказал мудрец?

Щинчон ответил:

— Мудрец сказал, что под твоей яблоней закопан кувшин, полный золота. Выкопай его — и яблоня опять будет плодоносить.

Хозяин не мешкая схватил лопату и вместе с Щинчоном побежал в сад. Они стали копать и вскоре в самом деле увидели кувшин. Открыли, а он до краев наполнен золотом. Хозяин смотрел и не мог надивиться, потом говорит юноше:

— Возьми себе это золото, добрый человек, оно мне не нужно. С меня хватит урожая, который я снимаю с этой яблони. Если бы не ты — она погибла бы. Поэтому все золото принадлежит тебе.

Как Щинчон ни отказывался, хозяин стоял на своем. Тогда Щинчон взял кувшин, поблагодарил хозяина и пошел дальше. Он долго шел, терпел голод и холод, преодолел много опасностей и пришел, наконец, к тому дому у речушки, где хозяин оказал ему такой радушный прием. Еще издали Щинчона заметила немая дочь хозяина. Она побежала к отцу и вдруг заговорила:

— Отец, сюда идет тот самый юноша, который искал мудреца и по дороге заночевал у нас.

Услыхав, что дочь вдруг заговорила, хозяин выбежал из дома навстречу юноше, пригласил его в дом, усадил на кан и спрашивает:

— Что сказал мудрец?

Щинчон ответил:

— Мудрец сказал, что твоя дочь заговорит, как только увидит своего жениха.

Хозяин обрадовался и сказал:

— Значит, ты и есть жених моей дочери. Как только она тебя увидела, так сразу заговорила.

Услыхав это, Щинчон удивился и обрадовался. Он никак не ожидал, что его желание исполнится. Ведь он с первого взгляда влюбился в девушку, такой она была красивой. Щинчон тотчас же согласился взять ее в жены. Сыграли свадьбу, и Щинчон

стал счастливо жить со своей красивой женой. Вскоре Щинчон сказал тестю, что дома у него осталась старая мать, которая ждет не дождется сына, и попросил отпустить его с женой. Тесть согласился. Щинчон с женой вернулся к матери, и они втроем стали жить, не зная нужды. Купили большой участок земли и построили дом выше и красивее, чем у всех богачей. Теперь не было в округе человека богаче Щинчона, потому что один из двух драгоценных камней, которыми он владел, стоил полцарства. Разбогатев, Щинчон не забывал о своей прежней бедной жизни и, если кто-нибудь обращался к нему за помощью, никогда не отказывал. А разбогател Щинчон потому, что был честным, добрым и смелым, не побоялся опасностей и отправился искать свое счастье. А придя к мудрому старцу, думал прежде всего о том, как помочь другим. Вот поэтому он и нашел свое счастье. Есть у дунган такая пословица: «Когда к человеку приходит счастье, и на коромысле распускаются цветы».

23. Ответ солнца

Жил в древние времена один старик. Жена его умерла, сын умер, невестка второй раз вышла замуж. Только и остался при нем малолетний внук, одна-единственная родная душа. Внука звали Исмар. Хоть и мало было ему лет, но был он умным и смелым мальчиком. Исмар слушался деда, а тот только и жил на старости лет заботами о своем внуке.

Но вот однажды старик заболел. Исмар прислуживал дедушке, подносил ему отвары, почтительно подавал снадобья. С сумерек до пятой стражи, с восхода солнца и до того времени, когда заблестает луна, Исмар ни на миг не отлучался от больного деда, стоило тому позвать, как он тотчас же откликнулся. Очень старик мучился, что внуку приходится сидеть при нем и ухаживать, но прошли холода, и болезнь пошла на убыль. Наступила весна — еще лучше стало. А как дождалось лета, старик мог уже сидеть немного на постели. Видел Исмар, что дедушка скоро совсем выздоровит, и душа его несказанно радовалась.

Пока старик долго болел и в постели лежал, на сердце у него было тоскливо. А сейчас, когда уже мог вставать, очень захотелось ему погреться на солнышке. В тот день небо было ясное, на десять тысяч ли ни облачка, огненное колесо солнца светило в вышине. Исмар вывел под руку дедушку во двор, чтоб он посидел на кошме, погрелся на солнышке. Старик и говорит ему:

— Во рту у меня пересохло, съесть бы свежую грушу.

А Исмар отвечает:

— Посиди тут тихонько, дедушка, а я быстренько сбегаю, груш тебе куплю.

Ушел Исмар, а старик один во дворе остался. Летнее солнце жаркое, а старик долго болел, ослаб телом, не смог такой жары вынести. Грелся, грелся — чувствует перед глазами у него золотые цветы замелькали, закружилось небо, завертелась земля — потерял он сознание.

А Исмар купил на базаре груши, вернулся, глядь — а солнце уж деда убило. Заплакал он с горя. Плача, внес он тело своего деда в дом и осторожно положил на постель. «Солнце! — подумал Исмар. — Как же это ты моего дедушку до смерти довело! Пойду-ка я к твоей матери и поговорю по-хорошему». Повесил храбрый юноша за плечи мешок с провизией и пошел на запад, к тому месту, где садится солнце. Люди-то ведь говорят, что на крайнем западе у солнца дом.

Шел он, шел и однажды встретил на дороге земледельцев. Остановили они Исмара и спрашивают:

— Юноша, юноша, ты куда так спешишь-торопишься?

— Иду я искать матушку солнца.

— Кхэ! Люди рассказывают, что у матери солнца доброе сердце. Увидишь ее, спроси-ка за нас: человек вот деревянной сохой землю пашет, и медленно это, и сил много требует, можно ли тут придумать что-нибудь?

— Хорошо, запомню и спрошу для вас.

Опять долго шел Исмар, и повстречался ему пастух:

— Юноша, юноша, весь ты потом обливаешься, куда идешь?

— Я иду искать матушку солнца.

— Вот хорошо! Спроси-ка за меня, что делать, если у этих баранов такая длинная шерсть выросла, и они ходить не могут?

— Хорошо! Непременно для тебя выпрошу.

— Спасибо тебе, — сказал пастух, — только, говорят, дом солнца очень-очень далеко отсюда, дойдешь ли?

— Не страшно! — твердо ответил Исмар. — Пусть даже придется сто лет идти, все равно должен я отыскать дом, где живет солнце.

В этот миг длинношерстный баран, что стоял рядом, вдруг открыл рот и сказал Исмару:

— Храбрый юноша! Я помогу тебе. Держись крепче за мои рога, и я отнесу тебя к матушке солнца.

Услыхал Исмар, спросил удивленно:

— А сможешь?

— Сможет,— сказал пастух,— этот баран волшебный.

Исмар тут же вскочил барану на спину, длинношерстный баран вмиг подпрыгнул, взмыл ввысь и полетел, будто крылья у него выросли. Только слышно было, как в ушах ветер свистит. Не знаю, сколько тысяч, сколько десятков тысяч ли промчался он, пока не подлетели к высокой горе на берегу моря. Осторожно опустился баран на землю, показал на дворец с красными стенами под зеленой черепицей и сказал:

— Вот это и есть дом солнца. Иди, а я подожду тебя.

Исмар постучал в большие, покрытые красным лаком ворота, и из них вышла белая-пребелая старушка. Увидала Исмара, изумилась и спрашивает:

— Юноша, ты как сюда добрался?

— А ты мать солнца будешь?

— Да. А какое у тебя дело?

— Сын твой моего дедушку насмерть зажарил — вот я и пришел к тебе поговорить по-хорошему.

— Это действительно проступок моего сына, я непременно проучу его! — сказала старушка и приветливо добавила: — Храбрый юноша! Зайди в мой дом, отдохни немного, ты, верно, утомился.

Исмар вошел вслед за матушкой солнца во дворец. Достала старушка множество вкусных вещей и стала потчевать гостя.

— Юноша! — говорит она.— Будь спокоен, подожди, мой сын вернется, и я спрошу его, как оживить твоего дедушку. А еще какие у тебя дела ко мне?

Рассказал Исмар по порядку, что велели выспросить земледельцы и пастух, а мать солнца на все ему ответила. Пока говорили, засверкали вдруг за окном красные лучи.

— Мой сын вернулся,— пояснила старушка,— спрячься-ка, юноша, за моей спиной, не то как бы тебе не сжариться.

Солнце-великан, тяжело дыша, ввалилось в комнату. В комнате вмиг словно огнем все опалило.

— Как поживаешь, мама? — спросило солнце.

— Все спокойно, сынок! — ответила старушка.— Только вот думаю, что ты летом на людей светишь слишком сильно. Так и посевы сжечь можно и людям беду принести.

— Хорошо, мама! Теперь я всегда буду просить сестрицу-облако сопровождать меня. А когда будет слишком жарко, пусть она побольше дождя польет на землю.

— Вот и прекрасно! А то недавно ты с такой силой пек, что

даже убил насмерть одного доброго старого человека. Ну-ка скажи, как его оживить?

— Мама, старик-то тот только потерял сознание, а вовсе не умер по-настоящему. Надо смочить его лоб холодной да чистой ключевой водой, он и очнется.

— А еще вот земледельцы не только от засухи страдают, они к тому же деревянной сохой землю пашут — до чего же им тяжело!

— Если они смогут на деревянную соху насадить железный лемех да впрячь пару волов, сколько сил они сэберут тогда!

— А теперь еще про того пастуха и его баранов — как им тяжело — расскажу. И так обычно погода жаркая, да еще шерсть у них такая длинная, идти трудно. Как тяжело-то им!

— Ну это совсем просто. Надо только два раза в год ножницами состригать шерсть, вот баранам и будет легче. А состриженную шерсть можно еще в нити скрутить, одежду соткать, кошму свалить, ковер сделать... много всего понаделать. А еще, мама, что прикажешь?

— Ничего, сынок! Хочу только, чтоб ты не ленился, а вовремя людям свет да тепло посылал.

— Запомнил, мама! — проговорило великан-солнце и с огромным полотенцем, длиной в целый чжон и два чи, отправилось к морю купаться. А Исмар поблагодарил добрую старушку, сел опять на своего длинношерстного барана и вернулся домой. По дороге он передал слова солнца и земледельцам и пастуху. Они очень обрадовались и тотчас же так и сделали, как солнце велело: крестьяне надели на соху железный лемех и запрягли волов, чтоб на них пахать, а пастухи стали дважды в год овечью шерсть стричь. Так и по сей день ведется.

Вернулся Исмар домой, чистой родниковой водой привел в чувство потерявшего сознание дедушку, и вновь старик с внуком вдвоем зажили мирной и радостной жизнью.

24. Семеро и один пес

Рассказывают, что в давние времена жил один бедняк. И вот решил он как-то раз пойти к богу и попросить богатства. Решил и отправился в путь. Шел он долго и неожиданно встретил такого же бедного человека, как он сам. Человек спросил, куда он путь держит. Бедняк ответил, что идет к богу просить богатства. Услышав об этом, незнакомец говорит:

— Всю жизнь я терплю нужду. Хоть бы одним глазком поглядеть на богатство! Пойду-ка и я с тобой к богу.

И они вдвоем пошли дальше. Шли, шли, вдруг видят, какой-то человек пашет землю. Пахарь заметил их, окликнул и спросил, куда они держат путь.

— Идем к богу просить богатства,— ответили путники.

Пахарь говорит:

— Возьмите и меня с собой. Всю жизнь я гну спину на своего хозяина, пашу землю, убираю хлеб. Хоть бы одним глазком поглядеть, какое оно, это богатство.

И они втроем пошли дальше. Долго шли и дошли до какой-то реки. Смотрят — на берегу сидит человек и ловит рыбу. Когда они подошли к рыбаку, тот спросил, куда они держат путь.

Один из троих ответил:

— Мы идем к богу просить богатства.

Тогда рыбац говорит:

— Возьмите и меня с собой. Всю жизнь я рыбацу, но терплю нужду. Вот и хочу пойти с вами попросить у бога богатства.

Все вместе они пошли к рыбаку домой, поели, попили, отдохнули, а на следующий день, едва рассвело, вчетвером отправились в путь. Шли-шли и пришли в лес. Смотрят, в лесу какой-то человек рубит дерево. Срубил, потом стал сучья обрубать. Увидев четырех незнакомцев, дровосек спрашивает:

— Куда путь держите?

Путники ответили:

— Мы идем к богу просить богатства.

Услышав, что они идут к богу просить богатства, дровосек бросил топор, сел на бревно и путникам предложил сесть. Те сели и стали ждать, что скажет дровосек. А дровосек начал рассказывать им о своей жизни.

— Весь век я служу дровосеком у богача. Из деревьев, которые я срубил для него, он построил целый дворец. Но этого ему показалось мало, и он стал продавать лес другим богачам. А я так и остался бедняком. Хожу в рваной одежде, не ем досыта. Возьмите с собой меня, я тоже попрошу у бога богатства.

Путники согласились и на другой день отправились в путь впятером. Долго шли, преодолели много опасностей и препятствий и, наконец, добрались до подножия какой-то горы. Только начали они подниматься в гору, вдруг смотрят — какой-то человек спускается вниз с вязанкой хвороста на спине. Путники остановились, а когда он приблизился, спросили:

— Не скажешь ли, добрый человек, как нам перейти эту гору?

Незнакомец ответил:

— Смотри в какую сторону вам надо идти.

Путники опять спрашивают:

— Есть за горой дорога?

Дровосек ответил:

— Дорога есть, но вы ее не найдете, потому что не знаете, как перейти гору.

Путники говорят:

— Мы найдем дорогу, ты только скажи, как нам идти.

Человек спросил:

— А куда вы путь держите?

Один из пятерых ответил:

— Мы идем к богу просить богатства.

Услыхав это, дровосек бросил на землю вязанку хвороста и стал рассказывать путникам о своей тяжелой жизни, а потом говорит:

— Весь век я собираю хворост, но так и не разбогател. Возьмите и меня с собой, мне тоже хочется получить хоть немного богатства. Я знаю здесь каждую тропинку и переведу вас через гору.

Путники согласились и теперь уже шестером отправились в путь. Перешли через гору и пошли дальше. Спустились в долину и вдруг увидели пастуха с отарой овец. Отару сторожил огромный пес. Увидев шестерых незнакомцев, пастух приветствовал их и спросил:

— Куда держите путь?

Один из путников ответил:

— Идем к богу просить богатства.

Пастух и говорит:

— Весь век я живу в пастухах у богача, пасу его овец, а сам терплю нужду. За одну пропавшую овцу богач требует с меня двух. Теперь я задолжал больше сотни. А когда смогу их вернуть — не знаю. Возьмите меня с собой, я тоже попрошу у бога хоть немного богатства, чтобы расплатиться с долгами.

Путники согласились взять с собой пастуха и всемером отправились в путь. Следом за ними увязался и пес. Пастух стал его отгонять, но пес не отставал. Тогда пастух схватил палку, стал бить ею пса и перебил ему лапу. Пес от боли опрокинулся на спину и вдруг заговорил человеческим голосом:

— Вы думаете только у людей есть душа, а у собак ее нет?

Я тоже хочу попросить у бога немного богатства, почему же вы меня гоните?

Услыхав, что пес заговорил человеческим голосом, путники очень удивились. Потом, не теряя времени, платком перевязали псу сломанную лапу, и каждый по очереди нес его на спине. Много месяцев провели они в пути и однажды, когда день клонился к вечеру, вышли к какому-то обрыву. Огляделись — всюду тихо, ни души вокруг. Вдруг они заметили пещеру. Потолковали между собой и решили там заночевать, а утром идти дальше. Все семеро и с ними пес вошли в пещеру. Уснули там и больше не проснулись. Только каждые триста лет семеро путников и их верный пес переворачиваются на другой бок и снова засыпают. Проснутся ли они когда-нибудь — никто не знает. Люди пошли искать бога, а бога разве можно найти?! Одни говорят, будто эта пещера находится в Китае, другие утверждают, что она — в Италии.

На этом и кончается история о людях, которые хотели попросить у бога немного богатства.

25. Старый охотник

Давным-давно жил старик-охотник со своей старухой. Детей у них не было. Старик целыми днями лазил по горам, бродил по лесам — охотился на диких зверей. Вот однажды собрался он на охоту и велел старухе завернуть ему с собой немного гань мяньтёр — сушеной лапши¹, сел на коня и поскакал. Он долго ехал по горным тропинкам, выслеживал добычу, но ни один зверь ему не попался. Тогда старик спешил, привязал коня и пошел искать место, где бы можно было сварить лапшу. Нашел, сложил очаг из трех камней и поставил на него котелок с водой, а когда вода закипела, засыпал в котелок лапшу. Как только лапша сварилась, откуда ни возьмись прибежали два мальчугана. Охотник позвал их, налил каждому по чашке супа, и они втроем поели. Потом охотник спрашивает:

— Вы откуда пришли, где ваш дом?

Мальчуганы ответили:

— Наш дом вон там, отсюда видно.

Охотник посмотрел в ту сторону, куда указали мальчуганы, и в самом деле увидел дом. Пока старик собирал и мыл посуду, мальчики, к его удивлению, исчезли неизвестно куда. Старик

сложил посуду в сумку, сумку привязал к седлу и опять пошел выслеживать зверя. Он обошел гору и вдруг заметил двух маленьких лисят, резвившихся в траве. Охотник прицелился и одну за другой выпустил в них две стрелы. Когда он стал сдирать с лисенка шкурку, то обнаружил у него в животе лапшу. Стал сдирать шкурку со второго — у него в животе тоже оказалась лапша. Содрав с лисят шкурки, старик стал подниматься с земли и вдруг почувствовал, как заломило спину. Он с трудом встал на ноги, едва добрал до своего коня, взобрался на него и поехал обратно. Добравшись до дому, он сразу слег и больше не вставал. На спине у него вскочила здоровенная шишка, которая причиняла ему нестерпимую боль.

Был у охотника племянник. Он редко навещал его, а тут как раз пришел. Старуха набросилась на него с упреками, что он так долго не приходил и даже не знал, что дядя его болен, и прогнала юношу. Юноша, обиженный, постоял немного у ворот и уже хотел уйти, как вдруг к нему подошла незнакомая женщина и спросила:

— Что тебя так опечалило, юноша?

Юноша ответил:

— Мой дядя заболел, а я не знал. Сегодня прихожу, а тетка меня выгнала за то, что я о дяде не забочусь.

Женщина и говорит:

— Хочешь, я развею твою печаль, развеселю тебя.

Юноша подумал: «Тетка обидела меня, на душе тяжело. Так отчего бы мне не развеять печаль, не развеселиться?» И ответил женщине согласием.

Тогда женщина сказала:

— Садись ко мне на закорки и закрой глаза. В ушах у тебя загудит-засвистит ветер, но ты глаз не открывай, пока я не скажу, понял?

— Понял, — ответил юноша. Он сел женщине на спину, закрыл глаза, услышал, как в ушах загудел-засвистел ветер, но глаз не открывал, только чувствовал, что они летят по воздуху. Вскоре юноша коснулся ногами земли, и женщина велела ему открыть глаза. Юноша открыл глаза и увидел вокруг много красивых ароматных цветов, над которыми порхали красивые бабочки, а сочные зеленые травы пьянили, словно вино, каким-то удивительным ароматом. На разные лады пели птицы, и дышалось здесь легко и привольно. Женщина отвела юношу в дом, где он должен был пожить некоторое время. Его кормили, поили и ни на минуту не давали ему скучать. Но в конце концов

юноше все это надоело. Он вышел из дома и спустился вниз по узкой тропинке. Вдруг он увидел беседку. В беседке сидел почтенного вида старец и пил ароматный чай. Юноша поздоровался с ним и пошел дальше. Дошел до рощи и там увидел своего дядю, подвешенного к дереву спиной кверху. Юноша сильно удивился, потому что не мог понять, каким образом его большой дядя очутился в этих местах. Тогда юноша вернулся к старику, который в беседке пил чай, и обратился к нему с такими словами:

— Человек, который подвешен к дереву, мой дядя. Не знаю, какая на нем вина, но очень прошу вас его простить.

Старец и говорит:

— Вот что я тебе скажу. Твой дядя всю жизнь занимался охотой и перестрелял из лука почти всю нашу семью. Двух моих самых младших внуков он сперва накормил лапшой, а затем убил. Тут уж я не стерпел, притащил твоего дядю сюда, воткнул ему в спину крючок и подвесил к дереву. Теперь ему недолго осталось жить, он скоро умрет.

Услыхав это, юноша сильно опечалился, упал перед стариком на колени и стал умолять, чтобы он пощадил его дядю. Видя, как юноша убивается, старец сжалился и сказал:

— Хорошо, я его прощаю.

Юноша не мешкая побежал в рощу, чтобы снять дядю с дерева, но того и след простыл. Тогда юноша отправился к той женщине, которая привела его в эти места, и говорит:

— Позволь мне возвратиться домой, я и так слишком долго гостил здесь.

Женщина выслушала юношу и ответила:

— Возвращайся.

После этого она вывела юношу с гор, подарила ему большой алмаз, дала коня и говорит:

— Этот алмаз сделает тебя богатым. Только смотри, когда разбогатеешь, не позволяй больше своему старому дяде промышлять охотой. А сейчас иди и не оглядывайся!

Юноша поблагодарил женщину, хлестнул коня и поскакал. По дороге он думал: «Странно. Почему она не разрешила мне оглядываться? Ну-ка дай попробую. Может, что-нибудь увижу интересное». Юноша оглянулся и увидел, как бежит в сторону гор лисица с поднятым хвостом. Юноша сразу смекнул, что женщина, которая дала ему алмаз, — лисица и приходится дочерью тому старику, что пил чай в беседке. Выходит, старец — тоже лис. Подумав так, юноша продолжил свой путь и больше не оглядывался. Добравшись до дому, он первым делом пошел

навестить дядю. Тетушка встретила его приветливо, не ругала, как в прошлый раз, пригласила войти в дом. Дядя в это время крепко спал. Юноша справился о его здоровье. Тетушка сказала:

— В тот день, когда ты приходил, у дяди вскочила на спине большая шишка, и он мучился от боли. С горя я не знала, что и делать. Но вот уже второй день, как шишка лопнула, из нее вытекло много гноя и крови. Утром смотрю — все стало подживать, дяде стало легче, и он уснул.

Юноша ни словом не обмолвился о том, что с ним случилось за эти дни. Он стал вести хозяйство в доме, и через несколько дней старик совсем поправился. Он снова хотел идти на охоту, но племянник его не пустил. Благодаря алмазу юноша и в самом деле стал богатым и до глубокой старости кормил своих дядю и тетю. Вот и вся история о старом охотнике.

26. Драгоценный камень

Жила когда-то на свете одна бедная женщина с единственным сыном. Мальчику было пятнадцать лет. Каждый день он ходил в лес за дровами. Нарубит, взвалит на спину, сколько может унести, и отправляется на базар. Продаст дрова, на вырученные деньги купит съестное и всякую мелочь и возвращается домой. Так они с матерью и жили. Все знали мальчика-дровосека.

Однажды мальчик, как обычно, пошел в лес рубить дрова. Вдруг видит — на земле лежит какой-то диковинный камень. Мальчик такого никогда и не видел. Он подобрал камень и положил его в карман. Потом нарубил большую вязанку дров, отнес на базар, продал, купил немного съестного и вернулся домой. Вытащил из кармана камень и бросил в ларь, где держали муку. Муки там было совсем мало — на донышке. Мальчик поужинал и лег спать.

Утром мать собралась месить тесто. Открыла ларь и ахнула. Ларь был до краев наполнен мукой, а сверху лежал какой-то диковинный камень. Мать говорит:

— Эй сынок, когда это ты успел принести столько муки?

Сын ответил:

— Я принес совсем немного, только на один раз хватит поесть.

Мать опять говорит:

— Как же на один раз, если ящик доверху наполнен мукой?

Мальчик очень удивился, подошел к ящику, смотрит — ящик и в самом деле полон мукой. А на муке лежит диковинный камень, который он нашел в лесу. Мальчик стал думать: «Откуда взялось столько муки? Ведь я купил совсем немного на те деньги, которые выручил от продажи дров. Может быть, камень этот — волшебный? Ну-ка, испытаю я его еще разок!» Мальчик ни слова не сказал матери, взял камень и положил в кошелек. На следующий день открыл кошелек, смотрит — в нем полно денег. Тут мальчик понял, что камень, который он нашел, не простой, а чудесный. Мальчик побежал к матери и обо всем ей рассказал. Бедная женщина сперва не хотела верить, но когда увидела кошелек, больше не сомневалась, взяла камень и положила его в ларец, где хранилась единственная драгоценность — золотой браслет. На другой день женщина открыла ларец и снова ахнула — ларец был наполнен золотыми браслетами.

С того дня мать с сыном больше не знали нужды и жили в достатке. Они построили высокий, просторный дом, завели лошадей, коров, овец, кур и уток.

Вскоре слух о том, что мальчик-дровосек разбогател, дошел до уездного начальника, и начальник потерял покой. Он думал: «Может быть, этот мальчишка нашел где-то волшебный камень или ограбил кого-нибудь? Нет, грабить он еще мал, в нынешнем году ему исполнилось только пятнадцать. Он каждый день ходил в лес, там, верно, нашел волшебный камень и с его помощью разбогател. Но с какой стати этот нищий будет владеть волшебным камнем? Камень должен принадлежать мне!» Решив так, начальник взял с собой стражников и пришел в дом к мальчику-дровосеку. Там он стал всячески поносить его, грозил смертью, если мальчик не отдаст волшебный камень. Но мальчик не испугался и не отдал начальнику камень. Начальник решил отобрать камень силой, тогда мальчик быстро сунул его в рот. Начальник попробовал вытащить камень у него изо рта, а мальчик ненароком проглотил его. Начальник пришел в ярость и приказал стражникам бить упрямца. Но сколько стражники ни били мальчика, он не чувствовал боли, его только мучила жажда. Стражники так долго били мальчика, что устали. Тогда сам начальник стал его бить. Мать бросилась к нему, чтобы защитить сына, но стражник одним ударом свалил ее на землю. Поняв, что волшебного камня ему не получить, начальник со стражниками вернулись в ямы.

Между тем мальчика все сильнее и сильнее мучила жажда, и он все время просил у матери пить. Выпил чашку воды — не напился. Осушил ведро — опять не напился. Тогда он выбежал на улицу, побежал к реке, лег на край берега и стал пить. Выпил половину реки и вдруг почувствовал, что тело его удлинится. Постепенно мальчик превратился в дракона. Мать все видела, с плачем бросилась к сыну и обеими руками обхватила его ногу. Эта нога так и осталась человечесьей. Вдруг потемнело, грянул гром, засверкала молния, и хлынул ливень. Мальчик-дракон в последний раз посмотрел на свою мать, взмыл в небо и полетел прямо туда, где в это время отдыхал уездный начальник, окруженный стражниками. Дракон молнией сразил их всех насмерть. Так простой мальчик-дровосек превратился в дракона и отомстил уездному начальнику, который принес много горя и страданий бедным людям.

27. Исхар

Давным-давно жил человек по имени Исхар. Он был так беден, что ходил в лохмотьях, никогда не ел досыта, поэтому люди его сторонились и у него не было друзей. Не с кем было даже поговорить. Все его избегали. Однажды Исхар вышел из своей землянки погулять и не заметил, как добрал до китайского кладбища. Он зашел на кладбище и там увидел древний храм. Исхар остановился у ворот и невольно залюбовался нарисованными на них драконами и другими удивительными изображениями. В это время из храма вышел молодой монах и завел с Исхаром разговор. Они долго беседовали, а потом монах пригласил Исхара войти в монастырь. С той поры у Исхара появился преданный друг. Каждый день они встречались, рассказывали друг другу разные истории, вместе ели и пили. Как-то раз монах спрашивает Исхара:

— Хотел бы ты разбогатеть?

Исхар удивился и ответил:

— Кто же не хочет разбогатеть.

Тогда монах говорит:

— За этим монастырем есть дом, в нем никто не живет. Переночуешь там три ночи подряд — дам тебе сто юаньбо.

Исхар выслушал монаха и подумал: «Беднее меня нет человека на свете. Никто не хочет со мной знаться. Даже разговари-

вать не желают. Я бы занялся каким-нибудь делом, но в карманах у меня пусто. Так и быть. Проведу три ночи в этом доме. Двум смертям не бывать, а одной — не миновать. Чего мне бояться! А случится что-нибудь — соображу, как поступить».

И юноша сказал монаху:

— Ладно, я согласен.

Исхар съел немного рисового отвара, приготовленного монахом, и вышел из монастыря. По дороге он все время думал — идти ему или не идти. Вдруг навстречу ему попался белобородый старец. Он приблизился к юноше, поглядел на него в упор и говорит:

— Постой, я должен тебе кое-что сказать.

Исхар остановился и с удивлением посмотрел на старца, ожидая, что тот скажет. Старец и говорит:

— Я вижу, ты знаешься с нечистой силой. Открой мне всю правду, не то с тобой случится несчастье.

Исхар молчал, но старец не отставал от него, и в конце концов Исхар рассказал ему все от начала и до конца. Узнав, что потребовал от Исхара монах, старец печально вздохнул и сказал:

— Плохи твои дела, юноша. Ты, не подумав, согласился идти в пустой дом, так знай — это не шутки. Но раз согласился, теперь уж ничего не поделаешь. Я дам тебе три белых бусинки, смотри, не потеряй их. Когда войдешь в дом, увидишь на стене напротив двери свиток. Спрячься за него. В дом войдет чудовище и станет приближаться к тебе, но ты не бойся. Когда же оно подойдет совсем близко, ударь его одной из этих трех бусинок.

Выслушав старца, Исхар очень удивился, но ничего не сказал, только постарался крепко запомнить каждое его слово. Он взял у старца три белых бусинки, поблагодарил и пошел своей дорогой. Вечером Исхар вернулся в монастырь, и монах повел юношу в дом, а сам ушел и запер дверь. Оставшись один, юноша внимательно огляделся. Как и сказал старец, на стене против двери висел свиток, а у другой стены стоял гроб. Но Исхар не испугался, только сказал себе: «Там мертвец, а я — живой. Чего мне его бояться!» Одним прыжком, словно кошка, Исхар пересек комнату, очутился за свитком, спрятался там и стал прислушиваться. Но вокруг не было слышно ни шороха. Уже наступила третья стража, и Исхара стало клонить ко сну, как вдруг раздался треск, крышка гроба открылась и оттуда выпрыгнуло какое-то чудовище, не то бес, не то дьявол, страшное с виду. Лицо зеленое, глаза красные, из ушей торчат две красные

волосинки — две иглы, язык длинный-предлинный. Чудище стало взад и вперед ходить по комнате, вынюхивать, высматривать, по углам шарить, но как только прокричал первый петух, чудище вздрогнуло, быстро залезло в гроб, и крышка с грохотом хлопнулась. Исхар все это видел, но не испугался — он крепко помнил слова старца. Когда совсем рассвело, Исхар вышел из своего укрытия. Как раз в это время щелкнул замок и в доме появился монах. Увидев Исхара целым и невредимым, он поглядел на него и спрашивает:

— Ты ничего не видел?

Исхар ответил:

— Ничего.

Они вдвоем вышли на улицу. Монах отправился в монастырь, а Исхар пошел к себе домой. Как только наступил вечер, Исхар опять пришел к монаху. Монах отвел юношу в тот же дом, где он провел ночь накануне, запер дверь и ушел. Исхар снова спрятался в своем укрытии. Все было так же, как в первую ночь. Как только наступила третья стража, крышка гроба с грохотом отлетела в сторону, и на этот раз оттуда выскочило чудище во много раз страшнее, чем в первую ночь. Оно тоже стало высматривать, вынюхивать, обшарило все углы, а когда пропел первый петух, дернулось два раза и залезло в гроб. Крышка вернулась на свое место, и наступила тишина. Но вот совсем рассвело, и Исхар вышел из своего укрытия. В это время дверь открылась и появился монах. Он вошел и первым делом спросил:

— Ты опять ничего не видел?

Исхар ответил:

— Ничего не видел, — и покосился в ту сторону, где прятался. Монах это заметил и все понял. Они вместе вышли из дома, монах пошел в монастырь, а Исхар — домой. По дороге он думал: «Что-то тут неладно. Какая-то тайна связывает монаха с чудищем. Хорошо, что я не сказал ему, где прятался эти две ночи. Сегодня, наверно, будет самая страшная ночь. Надо быть осторожнее. Переночуй последний раз, и на том мое испытание кончится». Исхар пришел домой, лег и тут же уснул, а когда проснулся, был уже вечер. Юноша умылся, поужинал и пошел в монастырь. Все было, как и в те две ночи. Монах запер Исхара в пустом доме, а сам ушел. Исхар снова спрятался в свое укрытие и стал ждать. Наступила третья стража. Вдруг раздался оглушительный треск, и гроб разлетелся на мелкие части. Вспыхнуло пламя, комната наполнилась зеленым дымом, и появилось

чудище, до того страшное, что у юноши волосы встали дыбом. Чудовище фыркало и ревело, как тигр. Когда оно двигалось, под ним дрожала земля. Чудовище стало вынюхивать, высматривать, обошло все углы и приблизилось к укрытию, где прятался Исхар. Заметив юношу, чудовище стало приближаться к нему, но когда подошло совсем близко, Исхар достал из-за пазухи белую бусинку и бросил в чудище. Чудище качнулось из стороны в сторону и с грохотом рухнуло — даже пол прогнулся. Затем снова поднялось и, сверкая своими огненными глазами, еще ближе подошло к Исхару, тогда юноша быстро достал из-за пазухи вторую бусинку и бросил в чудище. Чудовище рухнуло и осталось неподвижно лежать. Тут Исхар достал третью бусинку, убежал из своего укрытия и бросил бусинку в чудовище. У юноши на глазах чудище превратилось в кучу пепла. Исхар снял свою тубетейку, накрыл ею кучу пепла и стал ждать, когда рассветет.

Наступило утро. Исхар ногой толкнул дверь, и она легко подалась, потому что не была заперта. Вдруг юноша почувствовал необыкновенный прилив сил, он мог бы сейчас одним ударом свалить быка. В два прыжка юноша оказался у монастырских ворот, вошел внутрь и стал искать монаха. Ведь поговору он должен был дать юноше сто юаньбо. Но монаха нигде не было. Исхар долго искал его и, наконец, нашел. Монах, бездыханный, лежал на своей кровати.

Юноша потряс его и, к великому своему удивлению, обнаружил на теле у монаха три глубокие дыры. Потом Исхар обернулся и увидел, что на столе лежат сто юаньбо. Он взял деньги и уже собрался уходить, как вдруг в монастырь вошел тот самый белобородый старец, который дал Исхару три белые бусинки.

Старец подошел к Исхару и говорит:

— Много лет я искал его. Этот монах и был тем чудовищем, которое являлось к тебе три ночи подряд. Он сгубил девяносто девять человек, а их головы нанизал на шнур. Оставалось убить сотого, то есть тебя, и если бы ему это удалось, он превратился бы в грозного и непобедимого чжина-оборотня. К счастью, не он победил, а ты, и теперь силой нет тебе равных, потому что вся сила чудовища перешла к тебе. Но ты никогда не употребишь свою силу во зло, потому что ты человек и у тебя светлый разум. Ты настоящий герой.

Старец дал Исхару еще немного денег. Юноша взял их, склонил голову и стал благодарить за помощь и мудрые слова, а

когда поднял голову, старца уже след простыл. Тут Исхар понял, что белобородый старец был шынщянем, посланным юноше, чтобы спасти его от гибели. Юноша снова посмотрел на мертвого монаха и увидел рядом с ним девяносто девять человеческих черепов, нанизанных на белый шнур.

Исхар покинул монастырь и пошел к себе домой. Наконец-то к нему пришло счастье, и он стал богатым человеком. Исхар обзавелся семьей, и жена родила ему много детей. Теперь у Исхара появились друзья, которые обивали пороги его дома. Но стоило юноше вспомнить чудовище, которое хотело сгубить его, как у него по спине начинали бегать мурашки. Он не раз думал: «Неужели это я убил коварное чудовище? Весь век буду благодарить мудрого шынщяня. Не повстречайся я с ним, моя голова наверняка болталась бы у монаха на шнуре, а сам монах превратился бы в чжина-оборотня и принес бы людям много бед. Какое счастье, что я тогда жив остался». Об этой истории вскоре узнали все в округе и сложили такую поговорку: «Не в богатстве счастье, а в борьбе со злом!»

28. Ма-юаньвэй

Жил в давние времена чиновник. И был у него один-единственный сын. Пришла пора — женил чиновник сына. Однажды, когда чиновник сидел дома, к воротам подошел ученый гадатель. Чиновник пригласил его в дом, угостил, а потом попросил гадателя предсказать судьбу. Гадатель разложил гадательные кости и начал гадать. Погадал и обратился к чиновнику:

— Есть у тебя сын, ты его женил, но не суждено ему долго жить, волк его загрызет.

Чиновник опечалился. Он молча проводил гадателя до ворот и вернулся в дом. Всю ночь не спал, думал, как спасти сына. И наконец придумал.

Утром нанял он мастеров, посадил на корабль и вместе с ними поплыл на необитаемый остров. Там он выбрал подходящее место и велел мастерам строить дом в три этажа. «Сюда не только волк, тигр с барсом не доберутся» — так подумал чиновник, а как только дом был готов, поселил в нем сына с женой. С той поры каждый год приплывал чиновник на остров, радовался и думал про себя: «Пусть теперь попробует волк съесть моего сына!»

Но однажды к нему снова явился тот самый ученый гада-
тель. Чиновник пригласил его в дом и сказал:

— Заночуй у меня, а утром опять погадаешь.

Гадатель согласился. Утром он вышел во двор умыться и увидел, что на стене сидит огромная черная птица. Гадатель хотел прогнать птицу, но она подхватила его и полетела на остров, где жил сын чиновника. Там она опустилась на землю возле трехэтажного дома и оставила гадателя на ступеньках. Служанки увидели незнакомого человека, удивились и побежали к хозяину. Сын чиновника велел провести гостя в дом. Когда тот вошел, он сразу признал в нем гадателя, который ровно год назад приходил к его отцу, но ни словом не обмолвился об этом, пригласил гостя сесть, накормил и завел с ним разговор. Гадатель поковырял в зубах зубочисткой, выплюнул кусочек мяса. Прилетела муха села на мясо и оставила на нем червяка. Вдруг червяк стал расти. Гадатель испугался, выбежал из дома, начал звать на помощь. Червяк вырос и обернулся волком. Волк набросился на сына чиновника и откусил ему голову.

Когда люди вместе с гадателем вбежали в дом, волк уже сгрыз половину тела. Люди палками стали отгонять волка, но он вдруг исчез. Гадатель в страхе выбежал из дома, поднял голову и увидел на крыше огромную черную птицу. Он хотел прогнать птицу, но она подхватила его, прилетела с ним в город, где жил чиновник, и оставила гадателя во дворе. Как только гадатель вошел в дом, чиновник спросил:

— Где ты был? Я хотел, чтобы ты погадал мне, но не мог тебя найти.

— Я не буду гадать, волк уже съел твоего сына,— ответил гадатель и рассказал о случившемся. Чиновник не поверил и вместе с домочадцами поплыл на остров. Не успел он войти в дом, как увидел невестку со служанками. Обливаясь слезами, они рассказали чиновнику, что сына загрыз волк, как они старались прогнать его палками, но волк вдруг исчез. Чиновник вошел в дом, увидел мертвого сына и без памяти рухнул на пол. Его уложили в постель. Вскоре он очнулся, поглядел на сына и вдруг заметил на его теле червяка. Чиновник раздавил его ногой. Во все стороны брызнула кровь, запачкав потолок и стены. Чиновник понял, что червяк и был волк, который загрыз его сына. После похорон сына чиновник посадил невестку и служанок на корабль и вернулся с ними в город.

29. Бессмертный Телигуэй

Телигуэй был бедняком. Собралась его жена рожать, надо бы лампу зажечь, да нет масла. Взял он юхулур — фляжку из тыквы-горлянки, в которой масло держат, и пошел к соседу, немного масла украсть. Подошел к его маслобойне, проделал в стене дыру и хотел туда фляжку сунуть. А хозяин, оказывается, не спал. Услыхал он, что кто-то стенку колупает, понял, что вор масла набрать хочет. Сунулся Телигуэй со своей тыквой-горлянкой, а хозяин хватъ ножом по тыкве и разрубил ее. Телигуэй убежал, но домой не вернулся, а ушел в горы и стал готовиться, чтобы превратиться в бессмертного-щяня.

А дома Телигуэя жена ждала, но не дождалась мужа, родила в темноте сына. Не вернулся Телигуэй домой, трудно ей было, но вырастила она все-таки сына, учиться его послала. Выучился он, отправился в столицу экзамены сдавать, лучше всех сдал и стал чжуонъюанем. Женился и поселился со своей семьей в их старом доме.

А к этому времени Телигуэй уже превратился в настоящего бессмертного-щынщяня. Вскочил он на облако и полетел высоко в небо, потом прикинулся хромым и отправился к своему прежнему дому. Подошел к воротам, позвал хозяина. Вышел его сын. Телигуэй понял, что это его сын стал чжуонъюанем, а тот не знал и знать не мог, что хромым нищий — его отец. Телигуэй нарочно спросил, чей это дом и чей юноша сын. Чжуонъюань ответил, и чей это дом, и кто его отец, а потом сказал:

— Восемнадцать лет назад мой отец вышел раздобыть масла, да так и не вернулся.

Телигуэй ничего не ответил, а одним взмахом руки написал на воротах две строки:

В декабре тридцатого числа ночью пошел воровать масло,

Стальной меч отрубил головку у фляжки из тыквы-горлянки.

Написал он так, вскочил на облако и взмыл в вышину. Сын вбежал в дом и рассказал своей матери, что к их воротам подошел какой-то хромым с железным посохом и стал распрашивать, чей это дом да чей он сын. А перед уходом написал на воротах:

В декабре тридцатого числа ночью пошел воровать масло,

Стальной меч отрубил головку у фляжки из тыквы-горлянки.

Мать услышала про это да как закричит:

— Эй, сын мой, да ведь это твой отец приходил. Восемнадцать лет назад он домой не вернулся, наверное, бессмертным стал.

Огорчился юноша, с криком, с плачем бросился искать своего отца, но не нашел его и домой вернулся. Стал повсюду об отце разузнавать. Были люди, которые говорили ему, будто видели в горах какого-то человека, хромого, с железным посохом в руке и с фляжкой для масла из тыквы-горлянки у пояса. Юноша понял, что это и есть его отец. Бросился опять его разыскивать, не нашел. А Телигуэй, став бессмертным, жил вместе с другими семьёю бессмертными и вершил добрые дела.

30. «Если сердце человека ненасытно, змей его проглотит, будь он хоть первый министр»

Был у одной женщины сын, ходил он учиться. Подобрал он змею, стал ее кормить. Каждый день ей хлебцев приносил. И вот как-то раз ушел юноша сдавать экзамены. Целый месяц не возвращался. Нечего было змее есть, стала она путников на дороге поедать. Редки стали прохожие, опустела дорога. Вывесил государь объявление: «Кто это чудовище уничтожит, сможет на хорошем коне ездить, станет большим чиновником».

Да не нашлось таких храбрецов. Тут юноша домой вернулся, а мать его спрашивает:

— Ты на дороге чудовища не встретил?

— Нет,— отвечает ей сын.

Мать говорит:

— Император вывесил объявление: на дороге чудовище поедает людей, редки стали прохожие, прервались пути.

Вышел юноша из дому, отправился погулять. Встретил приятеля и спрашивает:

— Ну как ты поживаешь? Может, сходим в харчевню, поедим как следует?

А приятель ему отвечает:

— На западной дороге оборотень бесчинствует. Император объявление вывесил: «Кто того оборотня уничтожит, сможет на хорошем коне ездить, станет большим чиновником».

Юноша воскликнул:

— Я могу его уничтожить!

Тогда друг и говорит:

— Пойдем, пойдем, поглядим на объявление! Пойдем в государев ямын, прочитаешь объявление!

Пошли они вдвоем к государю. Государь спрашивает:

— А ты сможешь?

Юноша отвечает:

— Смогу.

Вышел юноша из города, по западной дороге отправился, встретил змея, которого он выкормил, и говорит ему:

— Пойдем со мной, я тебя в горы отнесу.

Отнес юноша змея в горы и положил там. Сам в город вернулся. В тот день, на другой ли день начали по той дороге телеги ездить, люди стали ходить. Призвал император юношу и дал ему чиновничью должность.

И вот в какой-то день, в какое-то число захворала у государя дочь. Лекарь осмотрел ее и говорит: надо, мол, ей съесть сердце живого удава. Вывесил император объявление: «Кто сердце живого удава добудет, тому я свою дочь отдам». Пошел юноша к императору и говорит:

— Я добуду!

Государь спрашивает:

— Ты вправду можешь?

Юноша отвечает:

— Могу!

Ушел юноша. Пришел к своему змею, а змей уже все знает. Говорит юноша змею:

— Я пришел твое сердце вынуть!

Разинул змей пасть, достал юноша немного сердца, принес, дал лекарю. Тот взглянул — и в самом деле сердце живого удава. Отнесли его девушке, дали отведать. Болезнь постепенно и прошла. Отдали ту девушку замуж за спасителя, а его самого император сделал первым министром.

И вот в какой-то день, в какое-то число у другого государя тоже дочь заболела. Позвали опять этого юношу — первого министра. Пришел он, а император ему и говорит:

— Добудь-ка еще немного змеиного сердца. Я тебе три верблюда серебра дам.

Услышал юноша про такое богатство, жадность его обуяла.

— Ладно, согласен, — ответил он императору и отправился в путь, за сердцем пошел. Пришел к змею. Стал у него сердце требовать. Разинул змей пасть, принялся юноша сердце тянуть.

Как дернет, змей и подох. Пасть закрылась, юноша и задохнулся. Так и умер он, в брюхе у змея умер.

С тех пор и говорят: «Если сердце человека ненасытно, змей его проглотит, будь он хоть первый министр».

31. Фонцир

В давние времена жили нищие старик со старухой. Старик с раннего утра до позднего вечера просил милостыню. Тем и кормились. Вечером, бывало, спросит старик старуху:

— Есть у нас немного хлеба в запасе?

— Есть немного,— отвечает старуха.

Тогда старик говорит:

— Отдохну маленько, а то с ног совсем сбился.

Утром глядь — опять хлеб кончается, и старик снова идет просить подаяние. Несколько дней так ходил, а вскоре опять спрашивает старуху:

— Есть у нас немного еды в запасе?

— Есть немного,— отвечает старуха.

Через несколько дней хлеб кончается, старику надо вновь идти побираться.

И вот однажды старик, как всегда, спросил старуху, есть ли у них в запасе немного хлеба. Старуха сказала, что есть. Они легли спать, но старик долго не мог уснуть. Наступила вторая стража, вдруг через порог вкатился какой-то волосатый ком. Старик испуганно вскочил, а волосатый ком внезапно превратился в человека, и человек этот обратился к старику с такими словами:

— Ты не бойся меня. Я не бес и не грабитель. А послал меня Лушын¹ и велел отнимать твое счастье. Злосчастная твоя судьба — написано тебе на роду всю жизнь кормиться подаянием — день пробегаешь, день прокормишься.

Старик вцепился в незнакомца и стал умолять:

— Коль несчастна моя судьба — измени ее!

— Не в моих это силах,— отвечал незнакомец.

Но старик не отпуская его и стоял на своем.

Незнакомцу ничего не оставалось, как сказать:

— Так и быть. Завтра в полдень отправляйся на перекресток. Посыплет снег. В эту пору с юга на север будут идти трое — Лушын, Чжушын и Цэйшын². Только они могут изменить твою судьбу.

На другой день старик остановил трех путников и сказал:

— Я бедный человек, прошу вас изменить мою судьбу!

— Не задерживай нас, мы очень голодны и идем просить подаяние,— ответили те.

А старик и говорит:

— Вы не нищие, один из вас Лушын, другой — Чжушын, а третий Цэйшын. Лихая у меня доля — изменить мою судьбу!

Духи стали между собой толковать:

— И в самом деле, очень уж злосчастная у него судьба, и нельзя ее изменить.

Тогда Лушын сказал Цэйшynu:

— Ты можешь изменить его судьбу?

— Не могу,— отвечал Цэйшын.

Лушын и Чжушын стали его уговаривать. Цэйшын задумался, после сказал старику:

— Ладно. Одолжу я тебе богатство, которое зовется фонцир. Но только где ты мне его вернешь?

Старик так обрадовался, что ответил первое, что пришло голову:

— Заплачу долг подле кормушки.

Духи ничего не сказали, только головой покачали и пошли своей дорогой. Старик тоже побрел к дому. Только вошел в ворота, старуха спрашивает:

— Ну что, видел их?

— Видел, только живут они еще хуже, чем мы с тобой. Я остановил их, так они мне сказали, что очень голодны и идут просить подаяние. Но я не отпустил их, сказал, что они не нищие, а духи Лушын, Чжушын и Цэйшын. Стал я их просить, чтобы они изменили мою судьбу, очень уж я беден. А они ответили, что судьбу нельзя изменить, но дали нам в долг серебра, которое зовется фонцир, и спросили, где я его верну. На радостях я ответил первое, что пришло в голову,— заплачу, мол, долг подле кормушки.

— Значит, он дал тебе богатство! Где же оно? За ним надо идти или они сами принесут?

— А я и не спросил! Надо догнать их и спросить.— С досады старик прыгнул с кана на пол, и тотчас же в полу образовалась дыра, старик глянул и увидел целый погреб серебра. Он удивился, а потом воскликнул:

— Этого богатства для нас вполне достаточно!

С той поры старики день ото дня стали жить все лучше и

лучше. Они выстроили дом, открыли лавку и стали торговать. Вскоре старуха понесла и в положенное время родила дочь.

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как старик разбогател.

И вот однажды, когда он сидел в своей лавке, на улице появился мальчик по имени Фонцир. Люди наперебой зывали его к себе:

— Фонцир, иди сюда, мы тебе денег дадим!

Тут старик вспомнил трех духов и подумал про себя: «Уж не то ли это богатство, которое мне одолжил Цэйшын! Зачем он явился?» Старик тоже стал звать мальчика:

— Фонцир! Фонцир! Иди сюда, я тебе денег дам!

Вскоре старик опять позвал мальчика и спрашивает:

— Скажи, Фонцир, есть у тебя отец с матерью?

— Никого у меня в целом свете нет,— отвечал Фонцир.

— Раз никого у тебя нет, может, станешь моим приемным сыном? — спросил старик.

Мальчик обрадовался, опустился на колени, поклонился и признал старика своим приемным отцом. С того дня Фонцир стал служить у старика в лавке. Шло время, и на сердце у старика становилось все тревожней, он боялся, как бы Фонцир не отобрал все его богатство. И задумал старик погубить Фонцира. Он велел мальчику отнести записку приемной матери, а в записке написал: «Как только Фонцир войдет в дом, убейте его и унесите подальше, чтоб никто не видел».

Фонцир сказал:

— Я с удовольствием поклонюсь моей приемной матери, только не знаю, где наш дом.

— Бери записку, садись на мула, и он привезет тебя прямо домой.

Фонцир взял записку, вскочил на мула, и тот привез его прямо к воротам дома. Привязал он мула и вошел в комнату. Там он увидел дочь старика. Фонцир спросил:

— Где моя приемная мать? Я привез ей записку от отца.

Девушка раскрыла записку и прочла: «Как только Фонцир войдет, убейте его и выбросите подальше от дома». Юноша был до того прекрасен, что девушка пожалела его и написала другую записку: «Как только Фонцир войдет в дом, отдайте ему в жены нашу дочь. Никого не ждите, никого не приглашайте, деньги на нитки и иголки не расходуйте»³.

Когда старуха вернулась, дочь передала ей записку и сказала:

- Отец с приемным сыном прислал.
- А что там написано? — спросила мать.
- Не читала, не знаю, — ответила дочь.
- Пойду к брату, пусть прочтает.

Старуха пошла к своему младшему брату и попросила прочесть ей записку. Брат прочел и говорит:

— Поздравляю, сестра! Твой старик нашел дочери жениха, не велит никого в гости звать, ни иглодок, ни ниток не покупать, а велит тотчас же их поженить.

Когда старуха вернулась домой, дочь как ни в чем не бывало спросила:

- Прочел тебе дядя записку?
- Прочел, — ответила мать.
- Ну и что в ней написано? — спросила дочь.

— Отец нашел тебе жениха. Не велит никого в гости звать, не велит тратиться на иголки и нитки, а велит тотчас же вас поженить, — ответила старуха. Дочь ничего не сказала, вся зарделась и выбежала из комнаты.

Старуха позвала ахуна, ахун совершил свадебный обряд и поженил Фонцира и дочь старика.

Как-то раз старик сидел в лавке и думал: «Прошло несколько дней, а мне до сих пор неизвестно, умертвили Фонцира или нет. Как бы люди чего не узнали. Надо съездить домой, посмотреть». Вернулся старик домой, глядь — а у дочери на голове высокая прическа с чжюаньчжюаньцзы⁴. Изумился старик и подумал про себя: «Что бы это могло значить? Почему у моей дочери прическа с чжюаньчжюаньцзы?» Завидев старика, старуха позвала зятя:

— Эй, Фонцир, отец пришел! Иди поздоровайся с ним!

Все утро у старика зашлось от гнева: «Вместо того чтобы убить Фонцира, его женили на моей дочери!» В это время появился Фонцир, вежливо поприветствовал старика, и тому ничего не оставалось, как ответить на приветствие.

Ночью, когда все уснули, старик стал бранить старуху:

— Я велел убить Фонцира, а вы женили его на моей дочери!

Старуха ответила:

— Ты ведь сам написал: «Как только Фонцир войдет в дом, отдайте ему в жены нашу дочь».

Тут старик понял, что кто-то подменил записку, и сказал:

— Что было, то прошло, забудем об этом.

Однако старик не отказался от своего намерения погубить

Фонцира, потому что боялся, что рано или поздно он все равно отберет у него богатство.

Был у старика племянник, сын сестры, бездельник по прозвищу Вонфу. Старик пришел к племяннику и спрашивает:

— Хочешь разбогатеть?

— Эх, дядя, кто же не хочет разбогатеть?

Тогда старик и говорит:

— Я слышал, что один человек собирается украсть нашего мула. Отруби ему голову — станешь богатым.

Племянник согласился и спросил:

— Когда мне приходиться?

— Ну, приходи нынче вечером.

Вечером явился Вонфу. Старик дал ему нож и отвел в конюшню. Там он спрятал племянника за кормушкой и наказал:

— Жди здесь. Как только в полночь увидишь, что вор просунул голову — руби.

Вонфу согласился. Взял нож и спрятался позади кормушки, а старик ушел спать.

Однако дочь догадалась, что отец замыслил недоброе, только виду не показала и ждала наступления полночи.

В полночь из своей комнаты старик крикнул:

— Фонцир, эй, Фонцир! Встань, подкинь мулу сена!

Фонцир быстро поднялся, но жена схватила его и опять уложила спать, не дала Фонциру выйти, подбросить мулу сена.

Вскоре старик опять позвал Фонцира. На этот раз жена закрыла ему рот ладонью и не велела отвечать.

Прошло еще немного времени, и старик в третий раз окликнул Фонцира. Жена опять зажала мужу рот и непустила его в конюшню. Фонцир удивился, стал жену расспрашивать, почему она ему рот зажимает, почему выходить не велит. Но жена не стала ничего объяснять.

Старик же, видя, что зять не подает голоса, подумал: «Видно, его уже нет в живых. Надо поскорее отнести тело подальше от дома». Старик вскочил, пошел в конюшню, шею вытянул, заглянул в кормушку, а племянник Вонфу его за вора принял и одним ударом ножа отсек голову. Вот что значит «уплатить долг подле кормушки».

32. Бессмертный-шынцянь продает слова

В давние времена жил юноша по прозвищу Лоши-Простак. С утра и до поздней ночи трудился он на чужих людей, скопил немного денег и, когда пришла пора, женился. Тогда он снова взялся за работу, опять скопил денег и вместе с торговцами отправился за Великую стену. Богатые торговцы над ним смеялись: «Твоего товара хватит только на тебя одного». Но Лоши не обращал внимания на их насмешки. Он шел с торговцами несколько дней и наконец пришел к Великой стене. Торговцы разгрузили свой товар и стали торговать. Начал торговать и Лоши. Он все распродал и вместе с остальными торговцами собрался в обратный путь. Накупил всякой всячины, навьючил покупки на мула, подсчитал оставшиеся деньги и увидел, что у него еще есть двадцать лёнов¹ серебра. «Зачем они мне? — подумал Лоши. — Куплю-ка я лучше на эти деньги подарок жене, порадуя ее». Решив так, Лоши отправился на базар и вдруг увидел старца с белой бородой, который кричал:

— Продаю слова! Продаю слова!

Лоши удивился:

— Что за слова ты продаешь?

— Я продаю слова, которые говорят! — ответил старец.

— Ну-ка скажи, я послушаю, — попросил Лоши.

— Сперва заплати мне двадцать лёнов серебра, тогда скажу.

Лоши подивился: «Откуда старцу известно про мои двадцать лёнов? Ладно, отдам их ему и послушаю, что он скажет. Может, и вправду хорошие слова?» Лоши поглядел на старца и говорит:

— Вот вам, учитель, двадцать лёнов — говорите!

Старик взял серебро, поглядел на Лоши и сказал:

— Бойся постоянного двора, который в яме;

Пойдет сильный дождь, не укрывайся!

В пути рассказ услышишь — дослушай до конца.

Лампа упадет, масло выльется на голову, голову не мой!

Узнаешь слова, скажешь их Чжу Выну:

И ду гуцзы — один ду проса, сань шын ми — три шына

риса.

Сказал так белобородый старец и спросил:

— Запомнил?

— Запомнил! — ответил Лоши.

— Глянь-ка вон туда. Видишь, кто идет?

Лоши обернулся, но никого не увидел, а старик тем вре-

менем исчез. Лоши испугался и хотел бежать, но ноги его не слушались. Тогда он сел и стал думать. Думал-думал и наконец понял, что белобородый старец был шынцзянь. Лоши вернулся на постоянный двор и никому не сказал ни слова о случившемся.

На другой день Лоши с торговцами пустился в обратный путь. К вечеру они пришли к одному постоялому двору, а двор этот находился в огромной яме. Торговцы расположились там, Лоши же, как увидел, что двор находится в яме, так вспомнил первые слова шынцзяня. Тогда он, никем не замеченный, вышел, поднялся на холм и там заночевал. В полночь Лоши услышал сильный грохот. Он поднял голову и увидел, что с горы на постоянный двор обрушился поток воды. Не успел Лоши опомниться, как вода заполнила яму. Ни о чем не думая, Лоши вновь закрыл глаза и крепко уснул.

Утром Лоши проснулся и глазам своим не поверил. От постоянного двора и следа не осталось, на поверхность воды всплыли утонувшие люди, плавал разный скарб. Лоши навьючил на мула свои вещи и быстро покинул это место. На дороге он вдруг увидел человека, который тоже вел на поводу мула. Лоши догнал его. Незнакомец увидел вещи Лоши, навьюченные на мула, и замыслил недоброе. Лоши это заметил, но виду не подал и завел с незнакомцем разговор. Долго они шли, как вдруг небо закрылось тучами и хлынул ливень, будто с неба кто-то воду лил из ведер. Незнакомец предложил укрыться где-нибудь от ливня, однако Лоши вспомнил вторые слова шынцзяня, отказался и продолжал свой путь один. Незнакомец же пошел к обрыву и там спрятался от дождя. Лоши не прошел и ста шагов, как позади раздался сильный шум, Лоши обернулся и увидел, что обрыв, под которым стоял незнакомец, обвалился. Лоши пошел дальше. Вскоре он пришел в какой-то город и стал искать пристанища, чтобы хорошенько отдохнуть. Вдруг он вспомнил, что в этом городе живет его старший брат, который занимается гончарным ремеслом. Лоши, не раздумывая, отправился прямо к нему. Старший брат притворился будто очень рад встрече. Они потолковали о том о сем, и Лоши без утайки поведал брату, что собирается открыть торговлю. Старший брат ничего не сказал, а ночью, во вторую стражу², они с женой стали советоваться, как погубить младшего брата:

— Еще в старину говорили, что надо сжечь в гончарной печи человека, тогда она будет лучше работать, а мы не сожгли — вот печь и работает у нас плохо. Давай пошлем Лоши

в гончарную еду отнести, а я велю мастерам схватить и бросить в огонь того, кто придет с едой. Лоши сгорит, а богатство его нам достанется, тогда мы женим нашего сына.

Так старший брат с женой и порешили.

На другой день жена приготовила обед и сказала Лоши:

— Если вам не трудно, отнесите в гончарную обед.

Лоши согласился и на коромысле понес в двух корзинах еду. Не прошел он и половины пути, как увидел толпу людей, а в центре толпы белобородого старца, рассказывавшего какую-то интересную историю. Лоши вспомнил третьи слова пынцяня, присел на край дороги и тоже стал слушать. В это время мимо шел сын старшего брата, он увидел дядю, подошел и спросил:

— Почему вы не отнесли обед?

— Да вот заслушался и уходить не хочется, — отвечал Лоши.

Тогда юноша решил сам отнести обед, взял коромысло и сказал:

— Вы, дядя, слушайте, а я мастерам обед отнесу.

Не успел племянник войти в гончарную, как мастера растерялись — им невдомек было, зачем понадобилось хозяину губить собственного сына. Им было жаль юношу, но послушаться хозяина они не посмели, схватили его и бросили в огонь.

Лоши между тем дослушал до конца историю и вернулся домой. Старший брат и его жена увидели Лоши и оторопели от ужаса, однако виду не подали. Старший брат спросил Лоши:

— Отнес обед в гончарную?

Лоши ответил:

— Когда я прошел половину пути, то увидел старика с белой бородой, который рассказывал людям какую-то историю. Он так интересно рассказывал, что я остановился и тоже стал слушать. Тут ко мне подошел племянник...

При слове «племянник» брат и его жена так и ахнули. Лоши удивился и спросил:

— Что это с вами?

Они долго молчали, едва сдерживая слезы. Наконец брат через силу ответил:

— Ничего, говори дальше.

— Племянник увидел, с каким интересом я слушаю старика, и сказал, что сам отнесет обед мастерам. Я не стал его обижать, отдал ему коромысло, и он ушел. А что, разве он еще не вернулся?

— Нет, — дрожащим голосом ответил брат.

Лоши посидел немного и попросил старшего брата отпустить

его домой. Старший брат не осмелился его удерживать и отпустил. Лоши навьючил на мула свою поклажу и отправился в путь. Шел он всю ночь и весь день и только к следующей ночи добрался до дому.

А жена Лоши, не получая от него никаких вестей, завела себе любовника из разбойников. Она как раз сидела с ним в доме и ужинала, когда Лоши подошел к воротам и постучал. Жена по стуку сразу узнала, что это вернулся муж, спрятала возлюбленного, но в спешке забыла убрать со стола чашки с едой. Она пошла к воротам, спросила, кто стучит, а когда Лоши ответил, отперла ворота и притворилась, будто соскучилась, стала спрашивать, почему он так долго не возвращался. Лоши разгрузил вещи и вошел в дом. Тут он сразу заметил две пары палочек для еды и две чашки. Заподозрив неладное, Лоши спросил:

— Почему на столе две пары палочек для еды и две чашки? Ты ведь одна!

Жена стала хитрить и напустилась на Лоши:

— Какой же ты неблагодарный! Все это время я только и думала о тебе! Каждый вечер за ужином ставила еще одну чашку, а рядом с ней — палочки для еды, будто ты со мной.

Лоши ничего не сказал, сел за стол и стал есть из той чашки, из которой только что ел любовник его жены. Поев, Лоши лег и крепко заснул. Жена в это время вышивала. Вдруг она ненароком опрокинула лампу, и масло вылилось на голову Лоши. Лоши вскочил и спросил, что случилось. Жена ответила, что случайно опрокинула лампу, и велела мужу вымыть голову. Тут Лоши вспомнил четвертое слово шынщяня и не стал мыть голову. Вскоре оба они уснули, а разбойник вышел из своего укрытия и с мечом подошел к кану. Он хотел отсечь голову Лоши, но в темноте не мог разобрать, где Лоши, а где его жена. Тогда он подумал: «Женщины смазывают волосы маслом, а мужчины не смазывают». И вместо того, чтобы убить Лоши, он по ошибке убил его жену и убежал.

Утром Лоши обнаружил, что кто-то отсек его жене голову. Он выбежал на улицу, позвал соседей и рассказал о случившемся. Соседи не поверили и обвинили Лоши в убийстве жены.

Они говорили:

— Тебя не было несколько месяцев, твоя жена вела себя скромно, а ты вернулся и убил ее.

Соседи сообщили обо всем уездному начальнику. Начальник тотчас послал стражников за Лоши, и они приволокли его в

ямын. Сам начальник отправился в дом Лоши, осмотрел труп его жены, потом вернулся в ямын, уселся в зале и учинил Лоши допрос:

— Говори! Зачем убил жену?

Лоши между тем узнал, что начальника зовут Чжу Вын, и вспомнил пятое слово шынцяня. Тогда он опустил на колени и стал рассказывать:

— Почтенный лое³, я ездил торговать, на вырученные деньги накупил всякой всячины, и у меня осталось двадцать лёнов серебра. Я решил купить на них жене подарок и стал ходить по лавкам. Вдруг мне повстречался белобородый старец и предложил купить у него слова за двадцать лёнов.

— Какие же слова тебе продал старик? — спросил начальник.

Лоши ответил:

— Почтенный лое, вот какие слова продал мне, ничтожному, белобородый старец:

«Бойся постоянного двора, который в яме;

Пойдет сильный дождь, не укрывайся;

В пути рассказ услышишь — дослушай до конца;

Лампа упадет, масло выльется на голову, голову не мой!

Узнаешь слова — скажешь их Чжу Выну:

И ду гуцзы — один ду проса, сань шын ми — три шына риса».

Начальник задумался, а потом спросил:

— Что же, все слова белобородого старца сбылись?

Лоши ответил:

— Все, кроме последнего.

Начальник снова задумался. «Белобородый старец несомненно был бессмертный-шынцянь. Надо тщательно проверить это дело. Все слова сбылись, кроме последнего: и ду гуцзы и сань шын ми. «Мисань» — это, пожалуй, имя одного человека, а «ду гу» — другого». Начальник вызвал стражников и спросил, не живут ли у них в уезде два человека по имени Ми Сань и Ду Гу. Стражники ответили, что такие люди есть, промышляют они воровством и обижают бедных людей. Начальник приказал тотчас схватить Ми Саня и Ду Гу и привести в ямын. Когда их привели, начальник учинил им допрос:

— Говорите правду! Почему вы убили жену этого человека?

Ми Сань и Ду Гу ответили:

— Почтенный лое, мы, ничтожные, ничего не знаем про его жену.

Видя, что от них толку не добьешься, начальник приказал стражникам надеть на преступников колодки. Тогда Ми Сань и Ду Гу взмолились:

— Пощадите нас! Пощадите!

— Говорите все как есть! — громко крикнул начальник. Тут Ми Сань и Ду Гу во всем признались: как познакомились с женой Лоши, как устроили любовное свидание и как, наконец, по ошибке один из них ее убил. Начальник выслушал их, в ярости вскочил с места и закричал:

— Вы оба только и знаете, что причинять людям зло — зачем вам жить на свете!

И начальник приговорил злодеев к смертной казни. Когда стражники их увели, начальник обратился к Лоши:

— Теперь я знаю, что у тебя доброе сердце. Иди домой и возьми себе в жены хорошую девушку.

Лоши поблагодарил начальника и вернулся домой. Не прошло и месяца, как он и в самом деле женился на бедной, но хорошей девушке, и прожили они до старости в мире и согласии.

33. Ленивый дракон мечет икру

Согласно поверью, дунганские женщины никогда не сушат свои штаны на видном месте и не оставляют их на ночь во дворе, под открытым небом. Вы спросите почему? А вот почему...

Случилось это очень давно. Одна женщина постирала штаны, повесила их сушить и забыла. Ночью мимо двора шел дракон, увидел штаны, метнул в них икру и пошел дальше. На другой день женщина надела штаны и понесла. Через некоторое время женщина стала замечать, что у нее растет живот, и очень удивилась. Удивились и все ее родственники. Когда пришла пора рожать, женщина долго мучилась, но никак не могла родиться. Увидев, что дело плохо, родственники позвали ахуна, чтобы он молитвой облегчил роды. Ахун открыл Коран и понял, что роды у этой женщины не совсем обычные, поэтому он сказал:

— Надо немедленно отвезти роженицу на морской берег.

Родственники удивились и спросили:

— Зачем же везти ее на морской берег?

Ахун стал объяснять:

— Она надела штаны с икрой дракона и понесла. Поэтому надо ее отнести на берег моря, чтобы легче было рожать.

Не успел ахун сказать это, как все небо заволочло черными тучами, сверкнула молния, загредел гром, задрожала земля. Увидев это, ахун стал торопить домочадцев:

— Быстрее отвезите ее на берег моря, иначе всем вам не миновать беды. Это ленивый дракон встревожен рождением своего сына.

От слов ахуна родственники пришли в ужас и не мешкая отвезли женщину на берег моря. Там она быстро родила, а новорожденный дракон влез в воду и уплыл. Сразу наступила тишина: не гредел гром, не сверкала молния, тучи рассеялись, небо прояснилось. Насмерть перепуганные родственники отвезли женщину домой. Эта весть дошла до всех женщин-дунганок, и с тех пор они никогда не оставляют свои штаны на ночь под открытым небом, опасаясь, как бы дракон не метнул в них икру.

34. Драконова табличка

Очень давно в деревне близ Куньмина¹ жил старик по имени Ма Иншэн со своей старухой. Они поженились тридцать лет назад, а то и раньше, но детей у них так и не было. А как хотелось иметь сыночка!

— Милостинный Аллах! Пошли нам сыночка! — каждый день молили старики. И вот старуха почувствовала наконец под сердцем ребенка. Обрадовались муж и жена!

Но прошел год, затем второй, а ребенок все не появлялся на свет.

— Не иначе как живот у тебя от хвори раздуло. Где это видано, чтоб ребенку носили столько времени?

И вдруг через три года старуха родила. Старики от радости все глаза выплакали. И надо же было, чтобы родился ребенок не раньше и не позже, а прямо под самую засуху, и назвали его поэтому «Ганьхань» — «Под засуху».

Двух месяцев от роду Ганьхань уже начал ходить, в три месяца стал разговаривать, а в шесть пошел с матерью в горы за грибами и хворостом.

Целых два года года не проронило небо на землю ни единой капли. Земля не родила, и крестьяне, чтобы не умереть с голоду, обдирали кору с деревьев, собирали коренья, тем и кормились.

— Почему никто не сажает рис? — спросил однажды Ганьхань у матери.

— Потому, сыночек, что Царь драконов Лун-ван не посылает нам дождя.

— Знаешь, мама! Я пойду отыщу этого Царя драконов.

— Что ты, детка! Царь драконов живет в подводном дворце, чтобы найти его, нужно хорошо плавать.

С тех пор стал Ганьхань каждый день бегать к Пучине черного дракона учиться плавать. И в вёдро, и в ненастье ходил он туда, научился плавать и стал искать дворец дракона. Ищет день, ищет другой, месяц прошел, второй начался. Ровно сто дней пролетело, а дворца все не может отыскать. Видно, глубоко запрятал его Царь драконов.

Устал Ганьхань и крепко-крепко заснул в воде.

Проснулся, видит — прозрачная зала, а из залы красавица-принцесса выходит. Платье на ней все в кораллах, туфельки в жемчугах и агатах, а личико, словно радуга, сияет. Глаза блестят, вся она нежная и прекрасная, как осенняя луна.

Мальчик, затаив дыхание, во все глаза смотрел на принцессу.

— Если хочешь найти дворец дракона, отыщи сперва его пещеру. Только скорее, пока царь еще спит.

Ганьханю показалось, будто журчит ручей, — таким чистым и звонким был голосок принцессы. Только молвит слово, сразу изо рта у нее блестящая жемчужина выкатывается.

Вдруг набежала волна, и принцесса исчезла. Ганьхань бросился было за ней, но тут же очутился на поверхности. Проснулся мальчик, вдохнул свежего воздуха и отправился по дороге, указанной ему принцессой. Отыскал он пещеру, вошел в нее. Темно внутри, вода холодная, как лед. Стиснул мальчик зубы, чтобы не стучали, и стал ощупью пробираться. Острые камни ранили ему руки. С трудом добрался он до дна пещеры, видит две двери, обе крепко-накрепко заперты да еще шипами утыканы. Толкнул он дверь рукой — руку распорол, попробовал пнуть ногой — ногу распорол, нажал всем телом — грудь поранил. Промучился он целый день и всю ночь, руки его покрылись ранами, но дверь по-прежнему не открывалась.

Вдруг до его слуха донесся нежный голосок принцессы: «Если хочешь открыть дверь, принеси драконову табличку».

Пришлось Ганьханю выбраться на сушу. Он отправился в горы, нарвал лекарственных трав и приложил их к ранам. Затем вернулся домой и спрашивает у матери:

— Где драконова табличка?

— Табличка лежит в мечети, сынок.

Ганьхань тотчас же побежал в мечеть. Была джума — пятница. В мечеть молиться о дожде собрались все мусульмане и решили через сорок дней послать какого-нибудь человека, чтобы поставил драконову табличку.

Мальчик вежливо поздоровался с ахуном и сказал:

— Я пришел за драконовой табличкой.

Ахун очень обрадовался:

— Вот хорошо! — воскликнул он. — Скажи мне, как тебя зовут и знаешь ли ты, что такое вода.

— Зовут меня Ганьхань, я хорошо плаваю и умею даже спать в воде!

— Хвала Аллаху! — снова воскликнул ахун. — Нашелся наконец человек, который отнесет табличку в пещеру Царя дракона.

Все мгновенно воздели руки, Ганьхань тоже стал молиться и вместе со всеми вышел из деревни. Люди шли с непокрытыми головами, босиком, в руках несли ароматные курительные свечи, усердно молились. Один из ахунов обеими руками бережно нес драконову табличку. Подошли к Пучине черного дракона. По обожженному горячим солнцем телу Ганьханя пробежала дрожь. Ахун наконец передал мальчику драконову табличку, тот взял ее, сбросил с себя одежду и нырнул в воду. Пробрался он в пещеру дракона, постучал табличкой в дверь, и обе створки с шипами распахнулись.

Вошел Ганьхань в светлый подводный дворец и слышит: тихо играет музыка. Царь драконов Лун-ван, весь в черном, спит на своем ложе, а во рту у него — кроваво-красная жемчужина. Мальчик быстро подбежал к царю, выхватил жемчужину у него изо рта и проглотил ее.

Проснулся тут царь, из пасти и носа пламя вылетело, и закричал громовым голосом:

— Кто украл мою волшебную жемчужину?

— Я проглотил ее, — ответил мальчик.

Лун-ван даже подскочил от злости, схватился за меч и зарорал:

— Если ты сейчас же не отдашь ее мне, я разрублю тебя на мелкие кусочки!

— Черный глупец! Сколько людей погибло из-за тебя от голода! В будущем году в этот день будут справлять по тебе поминки. — С этими словами Ганьхань взмахнул драконовой табличкой. Первым ударом он повалил дракона, вторым — спес ему рога, а третьим — раскроил череп.

Издых Царь драконов. А Ганьхань превратился в дракона и выплыл из пещеры. В тот же миг над землей разразился ливень, словно на небесах опрокинули все ковши и бочки.

35. Семнадцатилетняя мать — восемнадцатилетний сын

В давние времена жили три брата. Старший землю пахал, средний торговлю вел, а третий мечтал стать ученым. Звали его Сусар. Он все время учился, только один раз в году возвращался домой. А как приедет домой, целыми днями за ворота не выходит, все книги читает. Его невестки увидели, что Сусар от книги не отрывается, и даже забеспокоились. Говорят деревю:

— Пошел бы погулял, ведь целыми днями читаешь.

Дали они ему два лёна серебра. Пошел Сусар бродить. Ходил, ходил и забрел в игорный дом. Стал на деньги играть и проиграл все серебро. А тут один плохой человек пригласил его еще в харчевню. Второй брат и увидал, что младший в харчевне сидит. Сусар стал его звать:

— Брат, иди поешь.

А брат ничего не ответил, ушел. Тут дурной человек и спрашивает Сусара:

— Кто он тебе?

— Старший брат, — объяснил Сусар.

Тот человек испугался и говорит:

— Уходи, иди домой.

Пошел Сусар домой. А средний брат раньше него вернулся и сказал жене и невестке:

— Вот, черт возьми, какой-то человек подговаривал моего брата зарезать невестку. Пусть только он вернется, я его убью.

Брат схватил нож и принялся точить его. Обе невестки видят, дело плохо, посоветовались между собой и отнесли один юаньбо соседскому старику, наказав ему:

— Отдай этот юаньбо Сусару, пусть, когда вернется, в дом не заходит, а не то средний брат его зарежет. Пусть бежит отсюда!

Старик взял юаньбо и стал дожидаться Сусара. Когда юноша подошел, старик отдал ему серебро и рассказал обо всем.

Сусар взял деньги и пошел сам не зная куда, то ли на запад, то ли на восток. Шел он, шел и забрел в чужие места. Ему еще идти и идти, а тут вдруг сразу стемнело. Пошел он дальше. Уж третья стража наступила, увидел он у дороги развесистый тополь. Вспомнил Сусар о своей беде, грустно стало у него на сердце. Снял он с себя пояс и повесился. А в это самое время появился один бессмертный. Снял он Сусара с дерева, тот глаза открыл и видит: какой-то человек спас его.

— Я решил удавиться, зачем ты меня снял? — спросил он пезнакомца.

Бессмертный, в свою очередь, спросил:

— Ты такой хороший парень, зачем ты надумал вешаться?

Сусар рассказал ему обо всем. Бессмертный выслушал его и сказал:

— Ну раз так, садись ко мне на спину.

Бессмертный посадил Сусара к себе на спину и сказал:

— Закрой глаза!

Сусар закрыл глаза, и бессмертный отнес его на постоянный двор, который принадлежал человеку по имени Чжынъи, а сам ушел. Чжынъи жил один с женой. Хоть и держал он постоянный двор, но был человек добрый.

Чжынъи спросил Сусара:

— Ты откуда пришел?

— Шел я в столицу экзамены держать, да деньги кончились.

— А из родных кто у тебя есть? — опять спросил Чжынъи.

— Никого нет, — ответил Сусар.

— Ну будь тогда мне за младшего брата, — предложил Чжынъи.

Сусар согласился, стал Чжынъи братом. С тех пор, как он поселился у них в доме, дела Чжынъи с каждым днем пошли все лучше и лучше. Заметил это Чжынъи, посоветовал Сусару подле постоянного двора харчевню открыть и лавку впридачу — торговлей заняться. Сколько Сусар за день наторгует, все Чжынъи отдаст.

А в тот год государь праздник устроил. Чжынъи собрался пойти поглядеть, а жена ему и говорит:

— Возьми и брата с собой, почему бы и ему не развлечься?

Чжынъи позвал Сусара, но тот не согласился:

— Я уж один раз сходил погулял, зачем же опять идти?

Чжынъи ни в какую, потащил-таки Сусара на государев пир. Стали они вдвоем представление смотреть. Чем больше Сусар смотрел, тем больше ему нравилось. Простоял так до второй

стражи. Тут представление кончилось. Сусар потерял в толпе Чжынъи, а Чжынъи отыскать Сусара не может. Чжынъи решил, что Сусар домой пошел, и побрел обратно. Вернулся домой, глядь — а Сусара нет. Тут еще жена спрашивает:

— Сам ты вернулся, а младший брат где?

— Пропал куда-то. Придется идти его искать.

Чжынъи пошел искать Сусара. А Сусар в тот момент стоял на улице и думал: «Вот бы встретить кого-нибудь, попросить проводить меня, я бы ему целый юаньбо дал». Пока он думал, на улице появилась целая толпа людей.

— Эй, братцы, вы куда идете? — спросил их Сусар.

— На постоянный двор к Чжынъи, — ответили ему из толпы.

— Возьмите и меня с собой.

— Пошли, — позвали они его.

Но были это не люди, а бесы, и повели они Сусара в свое бесовское логово. Бесы те были точь-в-точь как люди, и в это время у них тоже представление показывали. Стал Сусар смотреть и загляделся: еще интереснее, чем у императора на празднике, показывали. Вдруг появилась девушка. Посмотрела на Сусара, и приглянулся он ей.

— Возьми меня в жены, — попросила она Сусара.

— Не нужна ты мне! — ответил ей юноша.

Девушка рассердилась, схватила меч и хотела зарубить его. Сусар испугался и говорит:

— Ладно, женюсь на тебе.

Сусар не знал, что девушка тоже была бесовкой. Прожил он с ней два месяца и вспомнил о своем брате Чжынъи и своей невестке. Загрустил. Жена его спрашивает:

— Ты что?

— Я про брата и про невестку вспомнил, — ответил он ей.

А жена говорит:

— Ладно, пойдем завтра, навестим их.

А отец жены Сусара был царем бесов. Дочь сказала ему, что ее муж хочет домой вернуться, повидать брата с невесткой. Царь бесов разрешил. Сели они в паланкин, который понесли восемь бесов-носильщиков, и отправились в путь. Царь бесов еще дал им десять паланкинов серебра. Ночью они прибыли к дому Чжынъи. Сусар обеими руками забарабанил в ворота и закричал:

Старший брат, открывай двери!

Чжынъи спал. Прислушался, кто это стучит, зовет его, голос будто на Сусара похож. Чжынъи вышел и спросил:

— Кто там?

— Это Сусар.

Брат открыл ворота, и они все вошли во двор. Старший брат и его жена обрадовались, ведь Сусар жену привез. Пригласили их обоих в дом. Чжынъи разгрузил десять паланкинов серебра и сказал жене:

— Угости гостей.

— Спасибо, мы не будем задерживаться,— ответили бесы, что сопровождали Сусара с женой.

Чжынъи стал приглашать их в комнату, но они не соглашались, потому что боялись крика петуха, ведь стоит петуху закричать, как они должны исчезнуть. Так что бесы бросили серебро и ушли обратно. А Сусар с женой остались на два года. С той поры дела Чжынъи пошли все лучше и лучше. И вот однажды Сусар вспомнил о своих родных братьях и невестках. Опять он загрустил. Жена стала расспрашивать:

— Что, тебе опять нехорошо?

— Я вспомнил о родных братьях и их женах,— ответил ей Сусар.

— А Чжынъи тебе кем приходится?

— Он мой названный брат, а то родные.

Жена подумала и говорит:

— Тогда скажи Чжынъи, мы, мол, съездим, а потом вернемся.

Сусар рассказал обо всем названному брату, тот выслушал и согласился. Тогда жена Сусара в полдень выбежала из дома, прочла заклинание, и вмиг появились три или четыре беса:

— Сегодня ночью,— приказала она,— мы с мужем уезжаем, чтоб все вы здесь были.

— Будет исполнено,— сказали бесы и исчезли.

Когда стемнело, жена и говорит Сусару:

— Я тут видела одного подчиненного моего отца и сообщила, что мы сегодня переезжаем в дом твоих братьев, так что отец пришлет людей, и они нас отнесут.

Сусар обрадовался:

— Вот хорошо!

Прошло немного времени, и все бесы явились. Сусар с женой уселись в паланкин, который понесли восемь носильщиков. Чжынъи и его жена дали младшему брату золота и серебра и с плачем проводили Сусара и его жену прямо к родному дому Сусара. Тут он крикнул своих братьев. Оба брата вышли, глядь — а это их младший брат Сусар в паланкине прибыл.

Присмотрелись, да не один приехал, а и жену привез. Стали трое братьев обниматься и заплакали. Вышли обе невестки, глядь — младшая невестка приехала, тоже обнимать ее принялись и слезы лить. Пригласили они Сусара с женой в дом. Сами золото и серебро сгрузили. Оба-то брата бесов за людей приняли, стали в комнату их звать. Только те отказались, назад отправились. Сусар в дом вошел, глядь — оба брата бедно живут. Дал он братьям и невесткам новую одежду, оделил их золотом и серебром. Как Сусар вернулся, жизнь у братьев день ото дня лучше и лучше пошла. Сусар прожил дома двенадцать дней. Тут его с женой пригласила в гости мать старшей невестки, угостить их хотела. Потом и семья второй невестки их пригласила. А тесть среднего брата был лама. Глянул лама на жену Сусара и сразу понял, что она не человек. И жена Сусара поняла, что тесть среднего брата — лама, знающий всякие заклинания. Но она притворилась, будто ничего не заметила, и завела разговор с матерью второй невестки. А лама отозвал Сусара в сторону и спрашивает:

— Эй, Сусар, что это за жену ты привел?

— Жена как жена, обычная женщина! — удивленно ответил Сусар.

Тогда лама сказал:

— Она не человек, она гуй — бесовка!

Сусар еще больше удивился:

— Хэй! Вы шутите! Да я с ней два с половиной года прожил, с чего бы это ей быть какой-то бесовкой?

— Ну раз так, то оставайтесь с женой здесь ночевать, — предложил лама.

Сусар согласился. Сказал об этом жене, а она ни в какую, хочет домой вернуться. Сусар пошел к ламе и сказал, что жена желает ехать обратно. Тогда лама дал ему совет:

— Ты сегодня, как вернешься, притворись спящим, посмотришь, что она будет делать.

Сусар с женой вернулись домой. Когда все заснули, Сусар тоже прикинулся спящим. Видит — жена проспала до полуночи, а потом голова у нее отделилась от туловища, а тело рядом с Сусаром спать осталось. Голова тут же пулей вылетела через дымоход наружу. Сусар приложил ухо к груди жены, прислушался — сердце бьется. Сусар весь потом покрылся, отвернулся и стал ждать, что будет. К рассвету голова жены через дымоход влетела обратно и опять приросла к телу. Жена поспала немного, потом встала, умылась и стала наряжаться перед зеркалом.

Приделась и пошла готовить чай и варить еду. Сусар тоже встал и, притворившись, что ничего не заметил, позавтракал, попил чаю, вышел из дома и отправился прямо к ламе, чтобы рассказать ему о том, что он увидел. Лама выслушал Сусара, дал ему заколку для волос и сказал:

— Завтра утром, когда твоя жена будет причесываться, воткни ей сюда в волосы эту заколку.

Сусар взял заколку и ушел. На другой день, когда жена принялась расчесывать волосы, он воткнул ей заколку, но она сразу поняла, в чем дело, и сказала:

— Эй, муженек, мы с тобой два с половиной года прожили, зачем же ты это делаешь?

Услышал Сусар ее голос, сердце его смягчилось, он подошел к жене и стал ее успокаивать:

— Жена моя, расскажи мне все, а я послушаю.

Жена погладила Сусара по волосам, а потом сказала:

— Муж мой, уже десять лун, как я ношу в чреве младенца. Завтра утром лама прочтет свои заклинания и попытается придавить меня глиняной пагодой, но я не о себе печалюсь. Как придет он с глиняной пагодой, ты подыми меня за плечи и скажи: «Счастливого пути, жена!», и я тут же рожу тебе ребенка. А как рожу, то и сама убью ламу. В десяти ли отсюда есть заброшенная могила, там мое жилище. Я — бесовка. В этот раз я стала человеком, потому что украла чужое тело. А сына нашего ты в школу пошли, пусть учится. Когда ему исполнится восемнадцать лет, ночью, в пятую стражу, приходи с ним к той могиле. Вели ему трижды крикнуть: «Мама!», и я выйду из могилы.

Всю ночь Сусар и его жена не спали, до самого утра разговаривали. А на другой день лама прочел свои заклинания, чтобы истребить жену Сусара. Тут Сусар поднял тело жены и сказал:

— Счастливого пути, жена!

Жена поднапряглась и родила сына. Тут подоспел лама, а она убила его одним ударом меча, потом отправилась к заброшенной могиле и скрылась в нее. Сусар воспитывал сына, а когда тому минуло пять лет, он послал его учиться в школу. Сын день ото дня все взрослел и взрослел. Дрался он раз с ребятами на кулачки, ребята и крикнули ему:

— У тебя отец есть, а матери нет, откуда же ты взялся?

Вернулся сын домой и стал надоедать отцу вопросами, где да где его мать. Тогда Сусар сказал сыну:

— Твоя мать к бабушке уехала.

Так рос мальчик до восемнадцати лет. Прикинул Сусар, посчитал, ровно-ровно восемнадцать лет сыну. Глянул на сына — здоровый парень. Ночь уж проходит, дело к пятой страже идет, не спит Сусар. Поднял он сына, повел к той заброшенной могиле и велел:

— Крикни три раза «мама»!

Сын три раза позвал мать, могила раскрылась, и из нее вышла молодая женщина, которой было только семнадцать лет. Это и была жена Сусара, она прежде была духом, а теперь стала человеком. Обнялись они с мужем и заплакали. Отец, мать и сын вместе вернулись домой. Эта вот история и называется «Семнадцатилетняя мать — восемнадцатилетний сын».

36. Золотая птица

Случилось это в прежние времена. К югу от города Куньмина жила одна семья по фамилии Ша — трое братьев и старенькая мать. Старшего звали Ша Исянь — Ша Мудрый, среднего — Ша Ичжэнь — Ша Правдивый, а младшего — Ша Идэ — Ша Добродетельный. Трое братьев были сапожниками, трудились изо всех сил, но ели не досыта, одевались не тепло.

И вот как-то раз, в один из годов зарядил на много месяцев мелкий дождик, тонкий, словно хлопковые нити. Остались трое братьев без работы, незачем им крышку котла открывать — пусто в нем, вся семья голодная сидит. Изголодались за день, а ночью им всем приснился одинаковый сон. Утром встали, Ша Исянь и говорит:

— Этой ночью приснился мне удивительный сон. Видел я, как прилетела золотая птица, вся золотыми лучами сверкает. Куда золотой луч упадет, там все новым делается. Упал золотой луч на нашу фанзу, тотчас она стала как новая. Упал золотой луч на нашу маму — и опять она молодая, попал золотой луч в комнату, стол, стулья, скамейки — все стало новым. Наша рваная одежда превратилась в новую, мушмула у нас во дворе вся желтыми плодами покрылась. У ворот множество людей стоят, все в новой одежде и нас зовут. А мы-то всю стараемся, туфли шьем, торопимся, спешим, да на всех успеть не можем. От радости у нас и рты не закрываются, от радости-то я и проснулся.

Раскрыла мать широко глаза, сына слушает.

— Ха-ха,— засмеялся тут Ша Ичжэнь, прервал старшего,— и я во сне точь-в-точь то же самое видел.

— Вот дивно, мама! Я ясно-ясно помню, и мне золотая птица привиделась. Когда она над нашей крышей пролетала, крыльями хлопала.

Заморгала тут мать глазами и говорит:

— О боже, я ведь тоже такой сон видела. Все в новом платье, чаны рисом полны, на плите масло стоит, соль — всего полно. Куча хвороста до самого карниза поднялась, а чашки в доме все фарфоровые. Пошла я по воду, а вода из колодца сама в ведра бежит. А еще каждый из вас по мудрой жене в дом привел.

— Э, непременно золотая птица прилетит, раз уж мы ее все видели,— сказал средний сын Ша Ичжэнь.

— Вот хорошо, если бы золотая птица прилетела,— подхватил старший Ша Исянь.

— Это доброе предзнаменование,— сказала матушка,— золотая птица непременно прилетит, и на что ее луч упадет, то все новым делается.

— Мама, а ведь мы можем пойти искать ее туда, откуда она прилетела,— добавил младший Ша Идэ.

— Кто знает, как далеко придется бежать за ней, все туфли, что у нас есть, износить можно, а уверенности нет, что отыщешь золотую птицу. Раз уж она прилетала, так и снова прилетит. Спокойно ждите ее,— сказал средний брат Ша Ичжэнь.

— Ну, а если и вправду удастся найти ее, как было бы хорошо! — воскликнул старший брат Ша Исянь.

— Чем от голода помирять, идите уж! Старший не найдет, средний пойдет, второй не найдет, младший пойдет. Если есть на свете золотая птица, то ее можно отыскать,— решила мать.

— Работы никакой все равно нет, так что я пойду,— сказал старший из братьев.

Обрадовалась мать, пошла к соседям слева, заняла немного рисовой муки, сварила жидкой болтушки, чтоб он поел, да еще приготовила несколько лепешек ему в дорогу. Взял старший брат сапожный нож да молоток, простился с матерью и пошел в ту сторону, откуда во сне птица прилетала.

Миновала уже седьмая джума, как старший брат из дома вышел, подошел он к развилке. Видит — у дороги старушка спит. Приблизился к ней Ша Исянь и спрашивает:

— Тетушка, чтобы золотую птицу отыскать, по какой дороге идти надо?

Вскрапнула старуха разок, приоткрыла левый глаз и говорит:

— Влево пойдешь — к горе сокровищ попадешь, вправо пойдешь — к казенным амбарам попадешь. А коли хочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Поблагодарил Ша Исянь старуху, только собрался ногу подвять, в путь отправиться, видит — распрямила старуха спину, села, а туфли-то у нее с ноги совсем свалились. Ша Исянь и говорит ей:

— Почтенная матушка! Дайте я вам помогу туфли надеть.

Кивнула старушка головой и подала свои туфли Ша Исяню. Надел ей юноша туфли, поднялся, собрался дальше идти, а старуха оба глаза раскрыла, оглядела Ша Исяня и замотала головой:

— Не ходи-ка лучше! На средней дороге гора на горе громоздится, в горах удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают.

Замотал Ша Исянь головой, засмеялся:

— Я по материнскому наказу птицу искать пошел, река мне встретится — переплыву, гора попадется — перевалю.

— Ну, ладно! Запомни только хорошенько: тигр появится — за ним иди, змея проползет — за ней ползи, люди окликать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Исянь старушку и пошел по средней дороге.

Еще семь раз миновала джума, и подошел он к подножию огромной горы. Гора-то! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой. Полез на нее Ша Исянь, целую неделю взбирался, а дошел только до середины склона. Вдруг слышит — женщина какая-то у него за спиной кричит:

— Ша Исянь, Ша Исянь!..

Помнил юноша наказ матушки, не издал ни звука, тогда и голос где-то вдали постепенно смолк. Вторую неделю Ша Исянь вверх лезет, гора вся старыми деревьями заросла, густыми да толстыми, под ногами повсюду лианы колючие. Пройдешь сто шагов, пройдешь тысячу, одежда на тебе вся колючками изорвана, ноги все насквозь проколоты. Ползет Ша Исянь вверх, боль терпит. Змеи ядовитые с деревьев головы свешивают, тигры впереди ревут. Бьется сердце у Ша Исяня, «бин-бан», колотится. Сбоку вдруг выполз огромный змей-удав, глаза, словно два фонаря, горят, сам толстый, как бадья для воды, злобно так

пасть свою разевает. От страха у Ша Исяня ноги ватными сделались. Вдруг слышит еще за спиной грохот, гремит так, что горы качаются, земля ходуном ходит. Задрожал Ша Исянь со страху, забыл наказ старой тетушки, повернул голову, глянул, а в глазах только пелена темная. Вмиг превратился он сам в глыбу каменную.

Как ушел Ша Исянь из дому, мать его каждый день вдаль смотрит. Проглядела одну неделю, две... двадцать раз уже миновала джума, а не видать Ша Исяня, не идет домой. Пошла мать к соседям справа, заняла немного рисовой муки, сварила жиденькой болтушки, дала поесть среднему сыну Ша Ичжэню, приготовила несколько лепешек ему в дорогу.

— Иди,— сказала Ша Ичжэню матушка,— отыщи золотую птицу и своего старшего брата!

Не стал брат Ша Ичжэнь с собой сапожный инструмент, прихватил только лепешки да все туфли, что дома были, попрощался с матерью и пошел туда, откуда золотая птица прилетала.

— Буду молить Аллаха, чтоб защитил он тебя в пути, пусть дождемся мы от тебя доброй весточки,— сказала мать ему, стоя в воротах.

Семь недель шел Ша Ичжэнь и дошел до развилки дорог. Видит — у дороги спит какая-то бабушка. «Вот старый человек, а счастлив, заснула прямо в поле»,— подумал он и закричал:

— Тетенька! Коль иду искать золотую птицу, какая дорога самая ближняя?

Приоткрыла старушка левый глаз и говорит таким тоненьким голоском:

— Двадцать недель я не ела, совсем горло у меня сохлось.

Достал Ша Ичжэнь из мешка лепешку, отломил половину, протянул бабушке:

— Ладно, бабушка, на поешь пока.

Распрямила старая свою ленивую поясницу, съела лепешку и говорит:

— По левой дороге пойдешь — к горе сокровищ попадешь, по правой пойдешь — к казенным амбарам попадешь. Коли хочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Приоткрыла тут старушка правый глаз, оглядела им Ша Ичжэня и говорит:

— Ай! Не ходи-ка лучше! На средней дороге гора на горе громоздится, по горам удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают.

— Раз мама велела, ничего не поделаешь. Должен отыскать я золотую птицу и брата старшего домой привести.

— Ну, ладно! Запомни только хорошенько: тигр появится — не бойся, змея подползет — пусть ползет, люди окликать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Ичжэнь старушку и отправился в путь. Еще семь раз миновала джума, и подошел он к подножию огромной горы. Гора-то! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой. Взялся на нее Ша Ичжэнь полнедели, больше ползти нет мочи, забрался на большое дерево, заснул и проспал вторую половину недели. Вторую неделю взбирается вверх юноша, видит — тигр пришел, от страха Ша Ичжэнь голову поднять не может, взглянуть не смеет. Долго лез, к полудню большое дерево отыскал, только думал на него взобраться, поспать немного, вдруг слышит — женский голос зовет:

— Ша Ичжэнь, Ша Ичжэнь!

Дрогнуло сердце юноши, забыл он наказ старой тетушки: «Кто это? Может, тоже золотую птицу ищет?» — Не успел он так подумать, а голос уже совсем близко раздался:

— Ай! Здесь я!

Смотрит — перед ним прекрасная девица очутилась. По правде говоря, отроду не видал Ша Ичжэнь такой красавицы. Только глянул на нее, в глазах зарябило. Понял только, что красавица она удивительная. А девица захихикала весело:

— Что ж это ты на дереве спать собрался? Пошли ко мне, отдохнешь немного.

Потянула она его за собой, а у Ша Ичжэня в голове помутилось — ни согласиться, ни отказаться не может, а ноги-то сами собой за ней идут. Обогнули два больших дерева, и впрямь — домик. Фанза-то совсем новая, до того новенькая, что сверкает вся. Только вошли в ворота, а там кресло, шкурой покрытое.

— Садись, садись, — изо всех сил девица его усаживает.

Совсем поглупел Ша Ичжэнь, ничего не соображает, опустился в кресло, хый! Тотчас же превратился второй брат, как и первый, в каменную глыбу.

Как ушел Ша Ичжэнь, мать все на дорогу глядит да глядит. Неделю глядит, другую... двадцать недель прошло, а все не видно Ша Ичжэня. И вот однажды младший сын Ша Идэ и говорит матери:

— Мама! Теперь я пойду! Двадцать недель прошло.

Не пускает его мать:

— Молод ты еще! Уйдешь, я одна останусь. Может, братья твои еще вернутся.

Так и не смог Ша Идэ уйти. А мать каждый день говорит:

— Может, завтра они вернутся с золотой птицей.

Неделю так говорила, две, двадцать недель говорила, а все не видно, чтобы вернулся кто-нибудь из сыновей. Ничего не поделаешь, пришлось матери согласиться:

— Ладно! Мой младшенький, сорок недель минуло, иди! Все равно не видать нам хороших дней без золотой птицы.

Пошла мать по знакомым и родственникам, заняла маленькую чашечку муки, только и хватило ее на три лепешки. Взял Ша Идэ три лепешки, выслушал материнский наказ да благословение и ушел.

Пошел Ша Идэ в ту сторону, откуда золотая птица прилетала. Семь недель шел и дошел до развилки дорог. У дороги старушка спит, голову платком накрыла. Подошел к ней Ша Идэ.

— Салям, матушка! — и вежливо так спросил: — Надо мне золотую птицу найти, не укажете ли мне, по какой следует дороге идти?

Зевнула старуха, села, на «салям» его ответила, приоткрыла левый глаз и говорит:

— По левой дороге пойдешь — к горе сокровищ попадешь, по правой пойдешь — к казенным амбарам попадешь. Коли захочешь отыскать золотую птицу — по средней дороге отправляйся.

Еще раз зевнула старая женщина и добавила:

— Э! Сколько же я спала? Как проголодалась-то, — говорит, а у самой в животе бурчит.

Быстро выхватил Ша Идэ оставшиеся две лепешки:

— Отведайте, почтенная тетушка!

Не стала старушка отказываться, взяла их, принялась есть, да так зараз обе лепешки и съела.

— Э, э! Ты за золотой птицей идешь, а на средней дороге гора на горе громоздится, по горам удавы да змеи кишмя кишат, всюду тигры да волки рыскают. Без драгоценного сокровища только туда дойдешь, а назад не воротиться.

— Я несу с собой материн наказ да благословение, разве это не драгоценные сокровища? — быстро ответил ей Ша Идэ.

— Э! Запомни тогда уж и мой строгий наказ: тигр появится — за ним иди, змея поползет — за ней ползи, люди окли-

кать будут — не отвечай, горы закачаются, земля завоюет — никогда назад не оборачивайся.

Поблагодарил Ша Идэ старушку и тронулся в путь по средней дороге. Шел он неделю, видит — на дороге пчела в лужицу упала. «Пчела-то должна нектар добывать», — подумал Ша Идэ и быстренько перенес ее на сухое место. Подождал, пока пчела улетела, тогда и сам дальше пошел. На третью неделю увидел Ша Идэ изумрудно-зеленую птичку, которую кто-то конским волоском к ветке привязал. «Птица-то должна летать свободно», — подумал юноша, подошел к ней и освободил ее, чтоб могла она улететь.

На седьмой неделе дошел Ша Идэ до подножия огромной горы. Гора-то! Вверх идет — вершины не видать, лес на ней густой-прегустой, даже солнце через него пробиться не может. По земле одни колючие лианы стелются. Полез он в гору. Всего десять шагов сделал, а колючки уж всю одежду порвали, тысячу шагов сделал — колючки ему лицо, руки и ноги поранили. Помнит он материнский наказ, терпит боль, вверх ползет. Вдруг маленькая змейка соскользнула с дерева и прямо ему на шею, холодная такая, скользкая. Отбросил он ее в сторону. А тут еще удав огромный впереди вылез, глаза, словно фонари, большие, пасть широко разинута; тигры справа и слева рычат, волки воют... Поначалу у Ша Идэ от страха сердце запрыгало, но вспомнил он материнский наказ и благословение, вспомнил строгие слова доброй старой тетушки, и успокоилось его сердце, прибавилось у него храбрости. Тут и тигры далеко ушли, и огромный удав уполз.

Дальше вверх Ша Идэ взбирается, вдруг слышит — сзади кричит кто-то:

— Ша Идэ, Ша Идэ!

Помнит он материнский наказ и благословение, помнит строгие слова старой тетушки — не отвечает. Голос и заглох вдали постепенно. Еще одна неделя прошла, а Ша Идэ все в гору лезет. Опять у тропинки кричит кто-то:

— Ша Идэ, Ша Идэ! Это я! Ша Идэ!

Голос-то на старшего брата похож, дрогнуло сердце Ша Идэ, неужели старший брат здесь? Да только подле тропинки одни камни огромные, нет тут людей.

— Ша Идэ, Это я! Правда, я твой старший брат!

«Нет, помню я наказ моей матушки, помню строгие слова старой тетушки. Нет!» — подумал он так и стал по-прежнему изо всех сил вверх взбираться. А голос-то сразу и исчез.

Перевалял он через гору, потом еще через одну перебрался, лез, лез, вдруг слышит — за спиной грохот, да такой, словно небо валится. От гула в ушах гудит. Горы дрожат, земля трясется, рев по спине пробирает, в сердце вгрызается. Заколотилось от страха у Ша Идэ сердце, с испугу холодный пот потек. «Помню я наказ моей матушки, помню я строгие слова старой тетушки», — только подумал так Ша Идэ, перестало прыгать его сердце, заглохли страшные звуки. Стали горы перед ним одна за другой ниже делаться, стали деревья перед ним шелестеть да на две стороны расступаться. Зашуршало что-то «шуа», и исчезли горы, открылся перед ним сверкающий сад, блеск от него такой исходит, что Ша Идэ глаза раскрыть не в силах. Сделал он усилие, моргнул раз, другой.

Хо! Уж не золотая ли это птица! Точь-в-точь как во сне при виде лась, все тельце золотом блестит, все перышки золотыми лучами сияют. Как прекрасны цветы вокруг в золотых лучах! Остолбенел Ша Идэ, долго так стоял, потом вдруг очнулся, а раны на теле не болят, в ногах снова сила есть. Побежал он, помчал — вперед. Скорей! Сад, где живет золотая птица, вот он перед ним, совсем рядом. «Бан» — вдруг ударился он обо что-то. Упал Ша Идэ, пролежал долго, потом только с силами собрался, встал на ноги. Оказывается, то стена была хрустальная. Как высока она? Приподнялся он, рукой пощупал, не достал до верху. А птицы в саду поверху летают, долетают до края стены — стучаются. А велик ли сад? Пошел Ша Идэ вдоль стены, руками ее щупает, шел, шел, никак к тому месту, откуда начал, не вернется. Круглая стена, нет ни дороги, ни ворот. Как тут быть? Вроде два круга уже сделал, разволновался, заболели все раны у него на теле, затекли ноги, повисли руки, упал без сил Ша Идэ подле хрустальной стены и забылся тяжелым сном.

— Спаси меня, третий брат! — кричит из-под земли во сне ему старший брат.

— Скорей тащи меня, младший брат, — кричит второй брат, а сам в крови весь на земле лежит.

— Не видать нам счастливых дней без золотой птицы, — увидал он перед глазами грустное нахмуренное лицо своей матери.

Сердито раскрыл Ша Идэ глаза, поднял голову, стал старательно за золотой птицей смотреть да за цветами наблюдать. До чего же красивый цветник: крупные цветы, мелкие, высокие, низкие, всяких оттенков, всяких сортов. А золотая птичка привольно по яблоньке с золотыми плодами прыгает. Ай! Как жаль,

что все это словно отражение в зеркале: видеть — видишь, а потрогать нельзя.

Побродил Ша Идэ туда-сюда, пошарил там-сям, всюду одно и то же. Видно все насквозь, а потрогаешь — стена ледяная — ни угла, ни щели. Золотая птица там привольно прыгает, цветы цветут такие свежие, птицы всякие летают, пчелы хлопочут.

День глядел, два глядел, видит — одна пчела летала-летала, да и вылетела наружу. «И-и! Вот диво-то!» Прилепился Ша Идэ к тому месту, откуда пчела вылетела, замер, смотрит. Много времени прошло, еще одна пчела вылетела. Подпрыгнул тут Ша Идэ от неожиданности, осторожно рукой пошарил. Э! Оказывается-таки есть дырочка, величиной с замочную скважину. Как тут быть? Еще одна пчела влетела — другая вылетела. «Вот бы мне пчелой оборотиться», — подумал юноша. Стал опять на цветы глядеть — до чего же они свежие, как привольно там птицам летается. «Вот бы мне птицей оборотиться!» — подумал Ша Идэ.

Вдруг, «пу-пу-пу», — захлопали рядом крылья, и маленькая изумрудно-зеленая птичка подлетела и уселась ему прямо на руку, а в клюве у нее ключик. Схватил Ша Идэ поспешно ключик, вставил его в дырочку, дрогнула хрустальная стена. Толкнул он ее с силой, закрипела дверь и отворилась! Чистый, ароматный запах ему в нос ударил, до чего же вкусно пахнет, никогда такого не чуял.

Вдохнул Ша Идэ глоток ароматного воздуха, по всему телу истома разлилась, вдохнул два раза — в сердце невольно радость почувствовал. Вдохнул еще раз. Хэ! Будто голову ему сменили. Все тело легкое стало, хоть пари в воздухе. Осветили его тело золотые лучи — вся одежда новой сделалась, раны на теле все затянулись. Тут изумрудно-зеленая птичка взяла опять в клюв ключик, хлопнула крыльями и улетела.

— Спасибо тебе, зеленая птичка! — поблагодарил ее Ша Идэ и легкими шагами, словно танцуя, пошел туда, где летала золотая птичка.

Если с чистым сердцем идешь искать золотую птичку, не станет она от тебя прятаться. Подошел к ней Ша Идэ и говорит:

— Золотая птичка, золотая птичка! Прошу тебя, спаси мою мать! Спаси моих братьев! Спаси весь наш город!

Кивнула головой золотая птичка, подлетела к нему, села на его правое плечо, а потом собралась с силами и в ворота вылетела. Ша Идэ за ней следом торопится, золотая птичка еще быстрее летит, Ша Идэ еще быстрее бегом бежит. Летит золотая

птица прочь от своего сада, а цветы да фрукты вслед за ней летят. Упадут золотые лучи на высокие горы, высокие горы в низкие превращаются. Упадут золотые лучи на огромного удава, а он в кучу земли превращается. Упадут золотые лучи на ядовитую змею, ядовитая змея в пепел превращается. Упадут золотые лучи на тигра или волка, тигры, волки в камни превращаются. Упали золотые лучи на каменные глыбы — старший брат, средний брат снова в людей обратились. Упадут золотые лучи на пашню, созреют на ней все злаки. Упадут золотые лучи на старого человека, сразу он молодым становится. Молодого осветят — сразу мудрым делается...

Прилетела золотая птичка к дому Ша Идэ, и сам он домой вернулся. Приняла матушка золотую птицу, осталась птичка жить у них в доме.

А через две недели и два других сына вернулись.

С тех пор и семья Ша и все другие люди зажили счастливо.

37. Девушка—белый заяц

Там, где течет река Дацяхэ, есть гора Мыйясань. И на одном ее склоне, и на другом дунгане живут. А под горой длинный-длинный подземный ход тянется, гору насквозь пронзает и с другой стороны выходит. Пустили люди через него родник, и вода стала с обратной стороны горы вытекать. Люди зовут его «Заячий лаз». По преданию, его девушка—белый заяц прорыла. Давняя это история.

Жила под горой Мыйясань семья, и родилась в этой семье дочка, умная, красивая, и назвали ее Айша. Мать ее была очень верующая и постоянно водила с собой дочку в мечеть слушать, как ахун читает Коран. Борода у этого ахуна была уже в белых подпалинах, но приглянулась ему тринадцатилетняя Айша. Посулил он калым в сто лёнов серебра, и глупая мать девочки согласилась на такую женитьбу.

До чего тяжело было у Айши на сердце. Ухватила она родную мать за подол платья, опустилась перед ней на колени и плача проговорила:

— Мамочка! Маленькая я, ничего еще в женитьбе не понимаю, не торопись меня сватать. Боюсь я этого старого ахуна!..

— Чепуха! — прикрикнула на нее мать, не дожидаясь, пока Айша говорить кончит. — Это ты-то маленькая? Я сама в четыр-

надцать лет замуж вышла. А ахун — он ведь самим богом послан к людям. Будешь жить с ним в довольстве и счастье, а умрешь — сможешь вместе с ним в рай вознестись. Чего тебе не нравится?

Айша так и не смогла переспорить мать, пришлось в тоске да печали дожидаться того страшного срока.

Прошел год, минул другой, стукнуло Айше пятнадцать лет. Дал знать ахун — нынче после Эрдэ¹ свадьба. Однако кто мог подумать, что на Эрдэ ахун обьестся масляными блинами и жирной бараниной, что нанесли ему прихожане, случится у него заворот кишок, будет он лежать в постели и не сможет подняться. Почувствовал он, что не жить ему, и потому позвал мать Айши и наказал ей:

— У бога сейчас в свите не хватает людей. Вот он и призвал меня вернуться в рай, чтобы сопровождать его. Бог покровительствует Айше, и потому она отдана мне в жены. После того как я подымусь на небо, не вздумайте отдавать ее за другого. Как только представится случай, я явлюсь и перевезу ее в рай.

Вскоре ахун и вправду «вернулся в небесный дворец», то есть умер. А мать девочки свято блюла его заветы. На другой день после вознесения ахуна на небо, заперла она дочь Айшу в маленьком дворике позади дома², чтобы ждала она там своего жениха, обещавшего перевезти ее на небо.

Маленький-маленький задний дворик, с четырех сторон высокие стены, мхи, лишайники да трава поблекшая. Маленькая темная землянка из двух комнатенок стала теперь спальней девушки. Низенькая калиточка разделяла двор на внешний и внутренний. На калитке щеколда, на щеколде замок. Трижды в день приносила мать еду дочери. Сунет котелок с едой под дверь и еще скажет:

— Айша! Не надо зря мечтать и понапрасну думать, лучше прилежно Коран читай!

Живая, веселая девочка в мрачной тюрьме заперта, откуда взяться тут желанию Коран читать. В самое печальное время сочинила она несколько песенок-хуар³ да стала их тихонько напевать. Губы песенку напевают, а в душе думы про свою печальную судьбу, вот из глаз слезы невольно и полились.

В одиноком дворике том жил еще маленький черный заяц. Не знаю, сколько лет жил он здесь. Такой был старый, что и ходить уже не мог. С тех пор как Айша перебралась в этот дворик, заяц стал ее самым близким другом. Каждый раз, как примется Айша за еду, подзовет зайца, выловит ему лапшицы, достанет

зелени и даст поесть. А ночью положит его спать на кан у ног. Днем, когда ей грустно, частенько изливает она зайцу свою сердечную обиду и беспокойство. А заяц, словно понимает по-человечьему: навострит уши, непрестанно кивает головой да вздыхает. Вот однажды Айша и говорит зайцу:

— Заяц! Заяц! Годы мои молодые, неужто так и вся жизнь пройдет! На дверях висит большой замок, с четырех сторон стены высокие. Как мне из этой тюрьмы выпрыгнуть, счастье узнать?

Поглядел черный заяц на девушку, поморгал красными глазами и вдруг открыл рот и заговорил:

— Хорошая девушка! Надо только, чтобы силы у тебя были и решимость, тогда сможешь из тюрьмы вылезти, обрести свободу и счастье!

Заяц по-человечьи говорит — вот странно-то! Изумилась Айша, испугалась, вскочила, хотела бежать.

— Не бойся, девушка! — произнес заяц добрым голосом, точно милостивый старец. — Я в этом дворике ровно сто лет прожил. Сейчас жизни моей конец наступает. Перед смертью должен я помочь тебе.

Сказал так заяц и откуда-то из угла вытащил и принес в зубах белую заячью меховую курточку. Положил у ног девушки и говорит:

— Девушка! Это мой маленький подарок. Стоит тебе надеть эту курточку, как ты тотчас же превратишься в белого зайца. Сможешь ты от края кана из этой комнаты лаз прорыть. Сперва вниз рой на семь чи и три цуна, а потом прямо на юг, так и выйдешь к горе Мыйясань. Сколько рыть? Девять ли и еще тридцать чжонов. Как пророешь насквозь — так и выйдешь отсюда!

— Превращусь я в зайца, а придет мама, принесет еду, что мне тогда делать?

— Стоит только скинуть заячью курточку, как ты снова превратишься в девушку.

— А как я узнаю, на какую глубину, на какую длину я уже прорыла?

— В меховой курточке, в кармашке, моток шерсти есть, привяжи один конец у входа в лаз, моток при себе держи и рой. Как моточек разматается, так, значит, наверх можно выходить.

— Ну, а глину-то, которую я выгребать буду, куда складывать?

— Мудрая девушка! Разве в этом дворике уже много лет не

течет маленький ручеек, что уходит под стену? Надо глину в него кидать, вода и поможет тебе, унесет ее далеко-далеко.

— Спасибо, добрый заяц! Коли сделаю я по-твоему, добуду свободу и счастье, вечно буду тебе благодарна!

И еще сказал заяц:

— Запомни, девушка! Прорыть себе дорогу к счастью — дело нелегкое. Ты должна запастись терпением, усердно трудиться, мучиться долгие луны и годы, только тогда можно надеяться на успех...

В ту же ночь заяц издох. Распрощалась Айша с единственным своим другом, горько ей стало! На другой день вырыла она посреди дворика, в том месте, куда могли попасть лучи солнца, маленькую ямку и с плачем похоронила зайца.

Попробовала Айша надеть меховую курточку. Только накинула на плечи, как вдруг почувствовала, что тело ее стало уменьшаться, и в мгновение ока превратилась она в белого зайца. Потрясла головой — два длинных уха болтаются, глянула на себя — на теле шерстка белоснежная. Тело легкое, бегать можно быстро, прыгать высоко. На ногах когти острые, поскребла по земле — ямка готова. Уж как обрадовалась девушка — белый заяц и принялась лаз рыть в том месте, которое ей заяц указал.

Вот уж и время есть пришло, мать за калиткой кричит:

— Айша! Бери еду!

Выпрыгнула поскорее из норки девушка-белый заяц и отвечает:

— Иду, мама!

Говорит, а сама меховую курточку скидывает — и опять она прежняя Айша-девица.

В норе-то, как на льду, холодно, темно, словно черным лаком крашено, от рытья земли да песка на лапках кровь выступила. Как на свет из лаза вылезает, в глазах круги плывут, все тело ноет, словно после долгой болезни. Но нисколько девица — белый заяц не печалится. Как подумает она, что пророет ход, сможет вновь увидеть солнце на небе, обрести волю и счастье, забудет про свои тяготы и во всем теле сил прибавляется.

Листья на деревьях зазеленели и вновь стали желтыми, сорная трава во дворике засохла и вновь выросла. Пролетели в небе вернувшиеся с юга дикие гуси, вновь запела вдруг кукушка свою весеннюю песенку — дни да луны, словно вода в ручейке, медленно текут. Девица — белый заяц день и ночь в горе лаз роет, изо всех сил трудится. Моточек шерсти все меньше становится, лаз все глубже, а надежды все больше.

И вот однажды наткнулась она на какую-то твердую-пре-твердую вещь. Потрогала — гладкая-гладкая, постучала — звонкая-звонкая. Оказалось — фарфоровый кувшин. Приоткрыла его, заблестело все вокруг, внутри полным-полно белоснежных слитков серебра. Вырыла девушка — белый заяц подле лаза небольшую ямку и спрятала туда кувшин с серебром.

Один год другой сменяет. Вот уже ровно три года роет Айша лаз. Гору Мыйсань от одного склона до другого прошла — размотался шерстяной клубочек. Бедная девочка, вот-вот должен наконец настать день ее освобождения! Но в пещере у нее сплошной мрак. Не знает она, куда забралась. Стала девушка вверх рыть, дошла до поверхности и вышла наружу. Яркие лучи ей в глаза брызнули, зарябило в глазах. Видит — попала она в домик. Воздух в домике теплый, в печи огонь-пламя красное, «дин-дин, дан-дан» — нож стучит, скалка тесто раскатывает, белая-пребелая седая старушка лапшу стряпает — э! — оказывается девушка в чью-то кухню попала. Лаз ее вышел как раз в углу комнатки, где была свалена куча сухого хвороста. Спряталась девица — белый заяц в этом хворосте и стала внимательно все рассматривать.

А у доброй старушки руки хлопчут, ноги носятся, а сама она тихо приговаривает: «Солнце уже совсем на запад склонилось, пора моему Абду домой возвращаться! Котел-то еще не разогрелся, тесто не замешано, войдет сынок в ворота, а есть-то ему нечего. Ай! Стара стала, не гожусь никуда! Вот бы невестку мне спорую».

«Дин-лин, дин-лин» — издалека колокольчик послышался. «Гэ-дэн, гэ-дэн» — копыта по земле чавкают, к домику приближаются. Отбросила старушка скалку и говорит:

— Слышь-ка! Уже вернулся! — И побыстрее навстречу выбежала. Вскоре вошла она в комнату с рослым, красивым парнем. Стала пыль с него стряхивать да приговаривать:

— Проголодался? Пить хочешь? А мать-то еще обед не приготовила. Проходи, заварю пока тебе пиалу чаю попить...

— Не хлопочи, матушка! — смеясь вынул юноша бумажный сверток. — Купил тебе в Хэчжоу гэйту⁴. Взгляни, хорош ли?

Взяла у него старушка сверточек, раскрыла, вынула платок шелковый, как снег белый, как дымок легкий.

— Ох, ох, материя-то какая! — Рассмотрела она внимательно, все лицо засветилось улыбкою. — Вот уж воистину почтил свою матушку, такую хорошую вещь купил. Ай, только слишком много на меня истратил.

— Мама,— сказал ей юноша,— в этот раз не зря ходил, хорошо поторговал: два лёна серебра да три связки медных монет выручил.

— Храни тебя бог! — ответила старушка.— Так можешь лишний раз по торговым делам съездить, подкопить немного денег да и жену взять!

— Опять ты про свое, мама! — засмеялся юноша, присел перед топкой на корточки, стал помогать огонь разводиться да про хэчжоуские новости матери рассказывать.

А девица—белый заяц за кучей хвороста схоронилась, видно ей все отчетливо, слышно все ясно-ясно. Глядит — мать с сыном живут по-родному да счастливо, вспомнилось ей свое тоскливое одиночество, не удержалась она и легонько вздохнула. Тут она вспомнила, что сейчас поздно и как раз время, когда мать принесет ей еду. Стремглав бросилась она в свой лаз и помчалась обратно. Только выскочила, слышит — мать зло-сердито у двери кричит:

— Айша! Дохлая девчонка! Тебе еду принесла. Ты что, не слышишь?

— Я здесь, мама! — ответила ей девица—белый заяц и поспешно сорвала с себя меховую курточку.

С тех пор Айша частенько надевала на себя заячью курточку, проскальзывала в лаз, что шел под горой, пряталась за кучей хвороста в доме старушки и тайком наблюдала, как живут мать с сыном. Приятно ей было на них любоваться и завидно.

Прошло несколько дней, и она совсем привыкла к ним. Как добра и сердечна была старая женщина, а какой хороший нрав был у юноши! Но никак не осмеливалась девушка выйти из своей норки, чтобы познакомиться с ними. Иногда, когда ни матери, ни сына не бывало дома, Айша смелела, сбрасывала свою курточку и одна на кухне принималась мыть котел и чашки, подметать пол или же бросала несколько пригоршней отрубей курам, которые с голоду носились по двору туда-сюда. Если ей удавалось хоть немного помочь старушке по хозяйству, то она чувствовала на душе особую радость.

Шло время. Старая женщина все больше удивлялась. Как-то она сказала сыну:

— Сынок! Сколько раз, когда меня нет дома кто-то вместо меня котел помоеет, пол подметет, да еще чашки и плошки расставит в порядке.

— Мама,— отвечал ей Абду,— да наверняка ты сама все это делала. Время прошло — вот и забыла.

— Может быть, и вправду от старости я совсем поглупела! А девица—белый заяц слушает и потихоньку посмеивается. И вот как-то раз после ужина Абду снял с себя рваную рубаху и говорит:

— Почини-ка мне ее, мама!

Взяла старушка рубаху и отвечает:

— Ладно, завтра сделаю. Ай, стара стала, при лампе уж не могу шитьем заниматься.

Сказала так и положила рубаху на подоконник. А на другой день хотела ее зачинить, ищет-ищет — найти не может.

— Вот диво-то! — бормочет старушка. — Да ни один самый глупый вор не станет красть рваную рубаху, сама она улетела, что ли?

Минул третий день. Вернулся Абду.

— Мама,— спрашивает,— починила мою рубаху?

— И не вспоминай! Не то что починила, потеряла!

— Шутишь ты, мама! Вот же она! Разве это не моя рубаха? — засмеялся Абду и показал на подоконник. И впрямь, та самая старая рубашка, выстирана чисто-пречисто, залатана ровнехонько-ровнехонько, сложена аккуратно-аккуратно. Глянула старушка и изумилась:

— Ай-я! Чудеса! В нашем доме святой поселился.

Выслушал Абду материн рассказ и тоже подивился.

Прошло еще несколько дней. Ушел Абду в извоз. Ослик его на казенную работу был взят, с тяжелой поклажей по горной дороге шел. С неба дождь полил, дорога скользкая стала, подвернулась у ослика нога, скатился он с горы и убился насмерть. Вернулся Абду домой один. Не слышать больше колокольчика. Принес он только шкуру ослиную. А бедная семья только им кормилась. Подох ослик, все равно что котел, в котором еду варят, разбился. Печально вздыхают Абду и его мать. От расстройства даже еда в рот не идет.

На другой день заболела с горя старая матушка. На капе дремлет, встать не может. Пошел Абду в кухню, хотел матери кипятку согреть, только дверь распахнул, вдруг в глаза что-то сверкнуло. Глядь — а у котла лежит большой слиток серебра, блестит, переливается.

Странные дела в доме творятся! Не может такое быть случайностью!

— Сынок,— говорит ему мать,— не иначе как это бог пожалел своих бедных верующих и прислал нам в подарок сокровище, которое спасет нас.

Долго думал Абду, а потом сказал:

— Мама, в Поднебесной тысячи тысяч бедных верующих, не может бог послать серебряный слиток именно нам. По-моему, другая тому есть причина.

И мудрый Абду придумал хитрость, чтобы разгадать загадку. Он велел матери не вставать, а по-прежнему лежать и стоять. Сам напустил на себя печальный вид. Как говорится, «и брови грустят, и печаль на лице», вошел на кухню, притворился, будто ищет что-то, а сам под нос бормочет:

— Ай! Вот незадача! Только маленький ослик умер, так еще и мать заболела. Придется поскорее отнести в мечеть хадме⁵ да попросить дува⁶. Вот хорошо бы к моему приходу кто-нибудь помог мне плитку растопить, котел воды вскипятить, да еще немного теста замесить, — помолчал немного юноша, а потом добавил: — Хэ! Совсем я дурак дураком! Мать без памяти лежит, дома больше никого близких нет, кто же еще придет помочь мне, бедному...

Вот так бормоча, сменил он свои туфли на пеньковые, кинул за спину мешок, взял в руку кнут с тремя кольцами и запер дверь на замок. Громко топая ногами, вышел он за ворота и ушел далеко.

А Айша, девица—белый заяц, за кучей хвороста пряталась, все ясно-ясно расслышала. «Вот уж бедный парень! — вздохнула.— Кто кроме меня ему поможет?» Решила она, что Абду уже далеко ушел, осмелела, вылезла и сбросила свою меховую курточку. Милая девочка, так она старалась, руки-ноги затекли, а двигается ровненько. Огонь в плите разожгла, котел доверху водой налила, руки чисто вымыла, принялась из белой муки тесто ставить, белое тесто месить, белое тесто тянуть, тысячу нитей белой лапши вытягивать. В руках работа спорится, на сердце радостно. Вернется любимый домой, пусть отведает свежей еды...

А Абду с матерью тихонько за дверь спрятались, в щелку дверную все им хорошо видно. Отвернулась девица—белый заяц, вдруг «хлоп» — дверь распахнулась, и мать с сыном в комнату ворвались. У Абду глаза острые, руки быстрые, протянул руку — схватил сперва меховую заячью курточку. «Ай-я!» — испугалась Айша, закричала. Замерла на миг, потом, ни на что не глядя, бросилась отнимать свою меховую курточку. А старушка ухватила тут ее за руку, засмеялась тихонько и сказала:

— Прошу тебя, девица-фея, не надевай эту меховую курточку, тебя с моим сыном само небо посвятило!

Покраснела девушка, медленно-медленно опустила голову и сказала тихим голосом:

— Матушка! Я не фея бессмертная, я — человек.

И рассказала Айша про свою печальную судьбу от начала и до конца. Когда про самое горькое говорила, жемчужины слез из глаз ее покатались, не могла она сдержаться.

— Милая девушка, — сказала ей старая матушка, — не надо тебе возвращаться. Моему Абду нынче двадцать лет, хоть и мальчик он из бедной семьи, да простодушное у него сердце и горячая душа. Оставайся у нас жить!

— Матушка! Я готова тебя послушаться! — ответила Айша. Вот так, не приглашая сваху и не позвав ахуна читать Коран, тихонько поженились двое молодых людей. Айша перетаскала все серебро, что было у нее в лазе спрятано, и купили они трех мулов. А сами всей семьей покинули Мыйясань, отправились в далекую Нинся⁷ и обосновались подле Серебряной реки — Иньчуань. Трудились они старательно и жили счастливо.

А родная мать Айши до самой своей смерти думала, что дочь ее и в самом деле бородастый ахун к себе в рай забрал.

38. Почему сороку называют щичё — птицей радости

Жил в прежние времена коршун. А по соседству жил зеленый попугай со своей женой. И вот однажды попугай умер. Услыхал коршун, что попугай умер, и решил жениться на вдове попугая, а сороку пригласил в свахи. Согласилась сорока, сватать отправилась.

Вдова спрашивает сороку:

— Скажи мне, а что коршун ест?

Сорока отвечает:

— Ловит он всякую дичь и питается мясом.

— Раз так, — сказала вдова попугая, — пойди и скажи ему, пусть он принесет мне глаза живого человека.

Сорока улетела и передала коршуну эти слова. Хоть коршун был и не слишком храбр, но сразу согласился. Взлетел он ввысь, стал смотреть, нет ли где человека. Глядь — на краю поля лежит на спине человек и спит. Коршун подобрался весь, вниз бросился. А человек глянул — коршун над ним в вышине кружит. «Наверное, схватить меня хочет», — подумал он, снял свою соломенную шляпу и положил рядом. Прямо-прямо бросился

коршун вниз, чтобы вынуть глаза человека, но не успел, оказался накрытым соломенной шляпой. Человек схватил его и выщипал ему все перья, так что коршун стал совсем голым. Хотел коршун взлететь, а не может. А человек принес его домой и бросил в курятник. Бросились все куры клевать коршуна. А человек бросил потом его еще к гусям и уткам. Гуси и утки так его заклевали, что все тело коршуна темными пятнами пошло. С трудом выбрался он из загона и спрятался под дувалом. Прилетела в это время сорока и говорит коршуну:

— Эй! Что ты тут делаешь? Я ведь уже тебя сосватала.

Хотя коршуну досталось от всего курятника, да еще от гусей и уток и был он чуть живой, но ответил он с достоинством:

— Эй! Верно, мы с тобой посчитаемся. Не возьму я ее, я женился на целой стае плосколапых.

Ничего сорока не сказала, обратно полетела. С тех пор и стали все птицы называть ее в насмешку щичё — птицей радости, потому что взялась радостное дело — свадьбу — устроить, да не сумела.

39. Почему собака ест отруби

Говорят, в давние времена у пшеницы, проса, ячменя и риса — у всех злаков — не было стебля. Они колосились от самого корня и до макушки. Люди просто топтали зерно. Женщины, когда им надо было подтереть ребенка, брали хлеб или хлебные катышки. Тогда Аллах разгневался, решил наказать людей и послал на землю небесного бессмертного, чтобы он уничтожил все злаки. Бессмертный спустился на землю и приступил к делу. Он содрал зерно от корня до самой макушки, но тут прибежала собака и стала просить его, чтобы он оставил для нее на макушке немного зерна. Бессмертный так и сделал. С той поры у пшеницы, ячменя, проса и риса на стебле остался только колос.

— Ты сделала людям добро, — сказал бессмертный собаке, — какую же часть зерна хочешь получить при дележке: ту, что снаружи, или ту, что внутри?

Кошка, лежавшая рядом с собакой, посоветовала:

— Бери ту, что снаружи.

Собака послушалась кошкиного совета и сказала, что возьмет ту, которая снаружи.

Весной люди посеяли хлеб, осенью собрали урожай, отвезли

зерно на мельницу и перемололи. Потом стали просеивать через сито, отруби оставались в сите, а чистая белая мука сыпалась вниз. Собаке и отдали отруби. Когда собака увидела, что ей досталось, она в ярости бросилась было на кошку, но та миг очутилась на дереве и ощерилась.

С той поры и по сей день собака ест отруби и, как только увидит кошку, с рычанием бросается на нее, словно хочет съесть, — ведь та ее обманула.

40. Олень, волк и ворон

Побратались пятнистый олень, серый волк и черный ворон. Олень стал старшим братом, волк — средним, а ворон — младшим. Они поклялись жить дружно и в беде помогать друг другу.

Однажды волк возвращался домой после неудачной охоты и попал в капкан, поставленный охотниками. Целую ночь волк мучился от боли, холода и голода, а утром, когда пришли охотники, потерял всякую надежду на спасение. Охотники же не тронули волка, потому что решили сперва проверить другие капканы — не попался ли еще кто-нибудь, и пошли дальше. В это время в небе летел ворон и заметил попавшего в капкан волка. Он тут же отыскал в лесу старшего брата-оленя и рассказал ему о случившемся. Олень сильно опечалился, стал думать, как выручить брата из беды, но, сколько ни думал, ничего не мог придумать. Тогда он обратился за советом к младшему брату-ворону. Ворон сказал, что надо пойти к тому месту, где волк попал в капкан, и там уже решать, что делать. Когда волк увидел двух своих братьев, он так обрадовался, что и передать невозможно, стал жаловаться на голод и холод и просил побыстрее выручить его, пока не пришли охотники. Ворон посоветовал оленю с разбегу ударить рогами по капкану, тогда цепь разорвется.

В это время как раз появились охотники, но олень успел ударить рогами по капкану и разорвать цепь. Так братья спасли волка от неминуемой смерти.

Охотники видели, как олень освободил волка, сильно удивились и решили во что бы то ни стало поймать самого оленя. Несколько дней охотились они за оленем, но так и не смогли его поймать. Тогда они выследили, куда олень ходит на водопой, и по всему пути расставили капканы. Олень пошел на водопой и попал в капкан.

Об этом узнал ворон и полетел искать среднего брата-волка. Ворон нашел волка, рассказал ему, что старший брат-олень попал в беду и надо спасать его. Но волк оказался вероломным и коварным. Услыхав, что олень попал в беду, он расхохотался и говорит:

— Не так я глуп, чтобы спасти оленя. Придут охотники, сдерут с него шкуру, заберут мясо, а требуху выбросят. Вот тогда-то я полакомлюсь и утолю голод.

Ворон выслушал волка, полетел к оленю и все ему рассказал. Оленю стало очень обидно, что волк оказался таким вероломным.

Ворон же решил пойти на хитрость, чтобы спасти оленя. Он сказал:

— Брат-олень, когда появятся охотники, притворись мертвым, а я сделаю вид, будто собираюсь выклевать тебе глаза. Охотники подумают, что ты и в самом деле мертвый, вытащат из капкана твои ноги, а ты вскочишь и убежишь в лес.

Только ворон это сказал, как показались охотники. Они подошли к капкану, подумали, что олень мертвый, решили мясо не брать, а только снять шкуру и, чтобы было удобнее, вытащили из капкана ноги оленя. Тут олень вскочил и во весь дух помчался в лес.

Охотники рты разинули от удивления, а ворон, сидевший на дереве, каркнул раз-другой и полетел. Один из охотников разгадал хитрость ворона и выпустил в него стрелу из лука. Ворон несколько раз взмахнул крыльями и камнем упал на землю, прямо в камыши. Охотники бросились было к ворону, но там наткнулись на волка, который собирался полакомиться мясом старшего брата-оленя.

Охотники убили коварного волка, содрали с него шкуру, а ворон каркнул и взлетел в небо. Не зря говорят в народе:

На одной горе живет серый волк,
На другой — пятнистый олень.
Если волк в беду попадет,
Олень придет и его спасет,
Если олень в беду попадет, волк придет
и его сожрет.
Стрелу из лука пустили в ворона, а она
прямо в волка попала.
Если друга завел — не будь вероломным.
Всегда делай только добро.
У кого волчье сердце и собачье нутро,
Не прожить тому долго на свете!

**НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ
сказки,
народные
анекдоты,
авантюрные
истории**

41. Чжин-мацзы

Жила давным-давно одна женщина, и звали ее Чжин-мацзы — Чжин Рябая. Муж ее умер, остался у нее в доме сын. Когда мальчик подрос, мать послала его учиться. Мальчик проучился десять с лишним лет, сдал экзамены лучше всех и получил звание чжуонъюаня. К этому времени Чжин-мацзы состарилась.

Наступил новый год, и все чиновники округа решили поздравить чжуонъюаня с праздником. Чжуонъюань стыдился своей старой, некрасивой рябой матери.

Он позвал ее в комнату и сказал:

— Мама! Завтра Новый год, все придут поздравить меня. А ты иди к своей дочери и не возвращайся. Очень уж ты страшная!

Сказал так чжуонъюань и вышел из комнаты.

Мать рассердилась и подумала с обидой: «Родила, вырастила, воспитала сына, выучила его, стал он чиновником и признавать меня не желает».

Со слезами и обидой пошла старуха к своей дочери, едва доплелась, потому что прихрамывала на одну ногу. На другой день все служащие ямына явились поздравить своего начальника. А у дунган в обычае уважать старую мать. Закричали все:

— Позовите вашу уважаемую матушку, мы ее поздравить хотим!

— Ее нет, — ответил чжуонъюань гостям. — Она к дочери ушла, еще не вернулась.

Тогда гости стали поздравлять самого чиновника и его жену. Всех гостей пригласили в гостиную, усадили, принесли сушеные фрукты, подали чай. Как раз в это время старуха вернулась домой, взяла чайник и пошла наливать гостям чай. Гостям стало стыдно: «Матушку-то и не поздравили».

Все стали наперебой ее спрашивать, где она была. Старуха ответила:

— Я сидела на кухне.

— Почему же вы не вышли, когда мы хотели повдравить вас? — спросили гости.

И старуха призналась:

— Мой сын не велел мне выходить, потому что я хромая, рябая и некрасивая.

Гости удивились, а некоторые из них подумали: «От человека, который так обходится со старой матерью, добра ждать не приходится». Как только гости разошлись, чжуонъюань набросился на мать с упреками:

— Ты зачем вышла гостям чай разливать?

И он выгнал мать со двора.

А через несколько дней чиновники, побывавшие у своего начальника в гостях, написали своему высшему начальству письмо о его недостойном поступке. И с той поры удача отвернулась от чжуонъюаня, и жизнь его день ото дня становилась хуже. Тогда он вспомнил, что стал чиновником только благодаря матери.

Старуха же после того, как сын прогнал ее из дому, жила подающим, а ночевала где придется. Много городов и деревень исходила она за несколько месяцев. И вот однажды, попав в безлюдное место, вдруг заметила вдаль землянку¹. Уже смеркалось, когда старуха дошла до нее. Там жила молодая женщина, очень бедная. На кане лежало рваное одеяние и кусок старой овчины.

Старуха обратилась к женщине:

— Скажи, дочка, кто ты и почему здесь живешь?

И женщина рассказала:

— Я жена одного бедняка. Мы живем здесь вдвоем; как только на востоке светлеть начинает, уходит он в лес собирать хворост, потом продает его на базаре, а вырученных денег хватает только на то, чтобы не умереть с голоду, на одежду и другие вещи уже не остается. Скоро муж должен с базара домой вернуться.

Потом женщина спросила старуху:

— Матушка, а вы кто? Куда путь держите.

Старуха ответила:

— Никого у меня нет, живу подающим, что выпрошу, то и ем, а ночью где придется.

Тогда женщина попросила старуху остаться у них вместо

матери, если, конечно, она не брезгует их бедностью. Старуха очень обрадовалась:

— Вы мной не брезгуете, чего же мне вами брезговать.

Тут и муж молодой женщины вернулся. Он продал хворост и купил немного съестного. Узнав обо всем от жены, он охотно согласился признать старуху матерью.

На другой день муж и жена сделали для старухи землянку с каном и камышовой дверью, на кан положили сено, чтобы мягко было спать. Они относились к старухе с любовью и уважением даже больше, чем к родной матери. Вместе стало им лучше жить. Они даже принялись понемногу копить деньги и спустя некоторое время купили матери постель, одежду, и сами приделались.

И вот однажды старухе приснилось, будто пятнадцатидневная луна упала к ее подушке. Она проснулась и говорит сама себе: «Что за странный сон мне привидился?!» Подвинула подушку, глядь — а под ней агат. Поняла старуха, что это драгоценный камень, принадлежавший императору. Старуха спрятала его под одежду, а сыну и снохе решила покуда ничего не говорить.

Через два-три дня она обратилась к сыну:

— Сынок, ты каждый день бываешь в городе, продаешь хворост. Нет ли там каких-нибудь новостей?

Сын ответил:

— Ничего не знаю, только видел, как люди столпились и что-то читали.

Тогда старуха наказала ему завтра, когда он придет на базар, непременно узнать, что именно читали люди. На другой день он с вязанкой хвороста за спиной подошел к толпе посмотреть. Глядь — висит императорское объявление: «У императора пропал драгоценный жемчуг-агат. Кто найдет его и принесет, того щедро наградят золотом и серебром и еще выстроят ему терем в несколько этажей». Вернулся сын домой и рассказал все приемной матери.

Старуха и говорит:

— Завтра, когда придешь в город, сорви объявление. А стражникам скажешь, что так тебе мать велела сделать.

Но сын испугался и не сорвал объявление. И камень драгоценный не отыщешь, и еще голову тебе отрубят. Домой вернулся и сказал матери, что не решился он его сорвать. А старуха опять настаивает, велит сыну императорское объявление сорвать:

— Я за все в ответе, ты не бойся!

Отважился он его сорвать только на третий день. Стражники тут же стали его допрашивать:

— Ты зачем доску сорвал, ты что камень можешь отыскать?

— Моя мать мне сорвать велела. Говорит, она сама будет за все в ответе!

Доложили стражники императору. Повелел он приготовить паланкин, что несут восемь носильщиков, и доставить старуху с сыном и невесткой в его золотые терема, драгоценные хоромы. Перепугался старухин сын.

К тому времени родного сына старухи за недостойный поступок лишили должности, и только теперь, когда ему стало совсем плохо, он вспомнил мать и отправился ее искать. Целый месяц ходил. Не мог найти, сердце слезами обливалось, как он раскаивался! Вдруг он увидел паланкин, который несли восемь человек, а в паланкине — мать. Обхватил он ноги носильщиков, упал на колени, заплакал, стал молить мать о прощении и уверять ее, что никогда больше так не поступит. Мать не признала его, хотя и пожалела, и ничего не сказала, боялась снохе и сыну приемному смешной показаться. А приемный сын вылез из паланкина и стал прогонять самозванца.

— Не твоя это мать! Это моя мать!

Чуть не драка началась. Один кричит:

— Моя мать!

Другой:

— Нет, моя! — Уже и кулаками машут. Стражники стоят, смотрят. Старуха тоже вышла из паланкина, но в это время разверзлась земля и оба сына — родной и приемный оказались по одну сторону образовавшейся трещины, а старуха по другую. Стражники подумали: «Что-то тут не так!»

Кто-то из сопровождавших паланкин сказал старухе: «Вели им перепрыгнуть через трещину. Тот, кто на самом деле приходится тебе сыном, перепрыгнет». Приемного сына старухи звали Понжыр.

Старуха подняла руки и громко крикнула:

— Прыгай, Понжыр!

И Понжыр перепрыгнул. После она крикнула родному сыну:

— А теперь ты прыгай!

Но родной сын не сумел перепрыгнуть и застрял в трещине — одна голова на шее болталась. И стал он просить мать, чтобы та его простила и спасла.

Но стражники признали родным сыном старухи Понжыра.

и понесли их во дворец. Торчавшая из земли голова моталась из стороны в сторону, всех пугала своим криком — не только людей, но и лошадей, и к тому же мешала продвижению телег.

— Что это за человека вы зарыли по голову в землю? Пугает всех, кричит, все кони в испуге шарахаются? — спросили люди у старухи. Тогда старуха велела Понжыру убрать с дороги голову. Понжыр взял железную лопату и сровнял дорогу, срезав одним ударом голову непочтительному сыну. А трещина вмиг исчезла, словно ее и не было, а отрезанную голову Понжыр в сторону отбросил.

Чжин-мацзы вернула императору его драгоценность, а император приказал выстроить им двухэтажный дом, а также наградил старуху, ее приемного сына и сноху несметным количеством золота и серебра, чтобы жили они богато. С той поры в народе осталась поговорка: «Неровная дорога — Понжыр ее сровняет».

42. Бинляр оплакивает мать

Давным-давно жил юноша по имени Бинляр. С матерью он обращался грубо, был к ней непочтителен. А мать каждый день брала крынку и носила сыну в поле еду. Увидит Бинляр издали — мать идет. Остановит вола, на котором пашет, и давай кнутом мать стегать — несколько раз ударит.

Однажды Бинляр сел отдохнуть под деревом и вдруг увидел, как молодая ворона кормит старую ворону-мать. Бинляр задумался: «Старая ворона вырастила молодых, а молодые кормят теперь старую мать. Почему же я такой плохой сын и каждый день бью мать? Нынче, когда она мне принесет обед, я встречу ее ласково». Подумал так Бинляр, поднялся и пошел снова пахать землю.

Пахал, пахал, тут и мать обед принесла. Бинляр кинулся ей навстречу, но она с испугу бросилась бежать, опасаясь, как бы он ее не поколотил, крынку бросила. Старуха бежала до тех пор, пока не ударилась о дерево — разбилась насмерть. Сын подбежал, глядь — мертва старая, обнял он свою мертвую мать и стал горько плакать. Потом похоронил ее, срубил дерево, о которое она ударилась, вырезал из него ее изображение и каждый день ему кланялся. Эта история и называется «Бинляр оплакивает мать».

43. «Снаружи блеск — внутри пустота»

Рассказывают, что в давние времена жил один человек, была у него жена и шестеро сыновей. Другом его был сам император. Все шестеро сыновей выучились и вышли в люди. Женил отец всех сыновей. Шесть домов, шесть ворот, шесть сыновей с шестью невестками живут. И года не прошло, как шесть сыновей, шесть невесток перестали о стариках заботиться, поселили их в земляном домишке подле своих ворот. Еды у стариков нет, от голода живот подводит. Но старик никому и словом не обмолвился о неблагоприятных детях, боялся насмешек. Но всему, как говорится, приходит конец. Пришел конец и терпению старика, и он стал придумывать, как образумить сыновей. И придумал. Взял он под мышку сухую баранью шкуру, прихватил палку и пошел в самое людное место. Там он стал бить палкой по бараньей шкуре и приговаривать: «Снаружи блеск — внутри пустота». Так проходил он весь день. В это время император совершал вместе со своими сановниками в паланкине, что несли восемь носильщиков, прогулку. Глядь — его старый друг палкой по шкуре колотит. Велел носильщикам остановиться. А старый друг его все колотит да приговаривает: «Снаружи блеск — внутри пустота».

Император удивился, подошел и спросил:

— Эй, что ты делаешь? Почему кричишь?

Старик обернулся, увидел своего друга — императора и говорит:

— Эх друг, не спрашивай. Загляни ко мне вечером на досуге, тогда все узнаешь.

Услыхав, что сказал старик, император еще больше удивился и обещал вечером непременно прибыть.

Наступил вечер, и император явился к дому своего друга. Видит — тот со своей старухой в земляном домике живет. Ничего император не сказал. Сел с другом, завел беседу. Тут старик ему и говорит:

— А теперь посмотри вон туда, увидишь, что будут делать мои шестеро сыновей и их жены.

Император посмотрел в окошко и увидел, что все шестеро сыновей по очереди выходят из своих домов, обойдут вокруг кухни и уходят во двор. Спустя немного времени стали их жены одна за другой выносить из кухни еду, одна мясо несет, другая закуски — каждая в свой дом. И никто, ни сыновья, ни их жены не позвали стариков к себе, никто не принес им еды и питья.

Теперь император понял, зачем старый друг пригласил его в гости. Разгневанный император не мешкая позвал одного всадника и велел ему тотчас же привести торговца, что рабов продавал. Позвал воин торговца. Тогда император велел связать старшего сына и притащить к нему. Несколько воинов ворвались в дом к старшему сыну, связали его веревкой и приволокли к государю.

— Сколько дашь за этого раба? — спросил император.

— Тысячу золотых монет, — ответил работорговец.

— Давай деньги и забирай его, — сказал император.

Но недаром есть пословица: «У детей сердце злое, а у родителей мягкое».

Увидев, что сына продают в рабство, старик заволновался, упал на колени, стал умолять императора не продавать сына, но тот был неумолим.

— Слово императора — закон! — заявил он старику. — Оно — как стрела: выпустишь — не вернется. Раз твой сын не почитает родителей, пусть пеняет на себя!

Сколько старик ни умолял императора, тот оставался непреклонен и продал старшего сына торговцу за тысячу золотых монет. Торговец забрал юношу и ушел, а император отдал старику тысячу золотых монет и вернулся во дворец.

Увидев, что император продал старшего брата, остальные пять сыновей заволновались, испугались, что и их продадут торговцу рабами, тотчас же побежали с женами к старикам, упали на колени и стали просить прощения. С того дня сыновья и их жены навещали родителей три раза в день, трижды им прислуживали. С того дня не знали старики горя, не знали больше голода. Сразу хорошо зажили.

Прошло несколько лет, пришел старик к императору, опустился на колени и стал просить выкупить обратно старшего сына. Император же, уверившись в том, что старики теперь ни в чем не знают нужды, послал людей вызволить старшего сына из рабства и велел у отца прощения просить.

44. Воньэр и Быйнюр

Давным-давно жил император. Он был женат четыре раза, но ни одна из жен не родила ему ребенка. Наконец опечаленный император обратился к своему советнику и говорит:

— Вот уже двадцать лет я император, а наследников у меня до сих пор нет.

Советник ему отвечает:

— Иди в горы, где живут четыре отшельника, соверши жертвоприношение, и тогда, может быть, небо пошлет тебе детей.

Император послушался советника и отправился в горы. Там он встретил четырех отшельников и совершил жертвоприношение. Пока император беседовал с отшельниками, пришел другой император со своим сановником. У этого императора тоже не было детей, и он пришел сюда совершить жертвоприношение, чтобы небо послало ему ребенка. Отшельники совершили церемонию, пожелали обоим императорам потомства и сказали: «Ваши жертвы бог принял». Когда же императоры стали собираться в обратный путь, отшельники обратились к первому императору с такими словами:

— Твоя жена родит тебе сына, и ты назови его Вонъэр.— Потом они обратились ко второму императору: — Твоя жена родит тебе дочь, и ты назови ее Быйнюр. В будущем вы оба породнитесь.

Императоры поблагодарили отшельников и, исполненные великой радости, вернулись домой.

Исполнилась воля Аллаха, и жена первого императора родила сына, которого нарекли Вонъэр. У второго императора родилась дочь, и ей дали имя Быйнюр.

Прошло семнадцать лет. Однажды первый император позвал к себе сына и рассказал ему о том, что случилось семнадцать лет назад.

Тогда Вонъэр и говорит:

— В таком случае, отпусти меня, я хочу посмотреть на эту девушку, понравится она мне или не понравится.

Император дал сыну самое лучшее платье, деньги и быстрого коня, и Вонъэр отправился в путь. Ехал он долго, наконец вступил во владения своего будущего тестя и достиг какого-то города на берегу реки. Вонъэр спешился, снял одежду и пошел купаться. В это время к нему подошел незнакомый юноша. Юношу звали Идуань, что значит «скряга». Он взглянул на Вонъэра и сразу признал в нем императорского сына. Идуань сел на берегу и завел с Вонъэром разговор. Вонъэр сказал:

— Я и в самом деле сын императора, а сюда пришел, чтобы жениться на дочери вашего императора.

Узнав о том, что Вонъэр собирается взять в жены императорскую дочь, Идуань задумал недоброе и обратился к Вонъэру:

— Я знаю дорогу в императорский дворец, если хочешь — станем друзьями и отправимся вместе. Только прежде мне надо переодеться. Дай мне своего коня и одежду, я сбегая домой переоденусь, возьму своего коня и мигом вернусь.

Вонъэр отдал Идуаню своего коня и одежду, Идуань переоделся, сел на коня и поскакал прямо во дворец. У ворот его остановил сановник и спросил:

— Ты кто?

— Я сын восточного императора Вонъэр, пришел жениться на принцессе Быйнюр.

Услыхав это, советник обрадовался, пошел к императору и доложил:

— Прибыл Вонъэр, сын восточного императора. Он хочет жениться на нашей принцессе.

Узнав о том, что к нему пожаловал Вонъэр, император тоже обрадовался, приказал отворить ворота и привести будущего зятя. Идуань вошел во дворец и предстал перед императором. Они завели разговор, император задавал вопросы, Идуань отвечал. Когда Идуань ответил на все вопросы и император окончательно уверился в том, что перед ним действительно Вонъэр, он вспомнил обещание, данное при четырех отшельниках в пещере, и велел вывесить объявление, оповещающее о сорокадневном свадебном пире.

А Вонъэр в это время сидел на берегу реки в рваной одежде своего нового друга и ждал его возвращения. Он прождал до вечера, но Идуань так и не пришел. Тогда разгневанный Вонъэр отправился в город и на пути повстречал двух стариков. Он их приветствовал.

— Кто ты? — спросили старики.

Вонъэр ответил:

— Я — Вонъэр, сын восточного императора.

Старики поглядели на жалкий вид Вонъэра, переглянулись, решили, что это какой-то самозванец, и принялись его ругать на все лады:

— Настоящий Вонъэр прибыл во дворец, чтобы жениться на принцессе, а ты, сын сатаны, морочишь нас! В тюрьму тебя надо посадить, да побыстрее!

Старики пошли к императору и обо всем рассказали. Палачи схватили Вонъэра и поволокли в тюрьму. Император и разговаривать не стал, только сказал:

— В тюрьму его, а через три дня рубите голову самозванцу!

Но советник поглядел на юношу и засомневался: Вонъэр

что-то не похож был на обманщика. Советник пожалел юношу и говорит императору:

— У меня, ваше величество, нет детей. Дозвольте мне усыновить этого юношу.

Император согласился. Советник взял Вонгэра и повел к себе домой. Накормил его, а потом спрашивает:

— Скажи мне правду, кто твои родители?

Вонгэр все без утайки рассказал советнику. Советник поверил Вонгэру и стал его утешать, говоря:

— На все воля Аллаха. Самозванец понесет заслуженную кару!

Между тем император устроил свадебный пир, а после пира Идуаню надо было еще ждать целых сорок дней и за это время показать свое искусство и умение.

Тут советник и сказал Вонгэру:

— Иди паси баранов.

Вонгэр отправился пасти баранов и уснул на лугу. Во сне к нему явился старец Хизир¹ и велел запомнить два заклинания: «Шевелись!» и «Не шевелись!» Вонгэр крепко их запомнил, а проснувшись, сильно удивился, что видел такой странный сон. Вечером он стал гнать баранов домой, но бараны разбежались, тогда Вонгэр крикнул: «Не шевелись!» — и бараны словно проросли к месту. Теперь наконец юноша понял, что значит его сон. Он пригнал домой баранов, никому ни слова не сказал и лег спать. В полночь незаметно вышел из дома и проник во дворец, думая про себя: «Ну и проучу же я этого императора. Даже разговаривать со мной не стал, приказал тотчас же рубить мне голову». Вонгэр спрятался в императорской ванной и, когда утром император вошел туда, тихонько произнес: «Не шевелись!» Император застыл на месте. Вскоре туда пришла императрица с чайником в руке². Увидев, что муж сидит, не двигаясь, она спросила:

— Что случилось?

Император ничего не ответил. Императрица ни о чем больше не стала спрашивать и собралась совершить омовение. Но Вонгэр снова произнес: «Не шевелись!» — и императрица тоже застыла на месте. В это время к умывальне подошла Быйнюр. Она была так хороша, что Вонгэр влюбился с первого взгляда. Он произнес свое заклинание, и Быйнюр застыла на месте. Тогда Вонгэр отвел принцессу в одну из комнат и сказал: «Шевелись!» Увидев перед собой незнакомого юношу несравненной красоты, принцесса удивилась и спросила его, кто он и как сюда

попал. Вонгэр ей все по порядку рассказал, кто он и зачем сюда пожаловал. Выслушав его, Быйнюр сказала:

— Как же это мой отец поверил самозванцу!

Тут вошел советник, поглядел на Вонгэра и Быйнюр и все понял. Он вынес из умывальни вначале императора, следом императрицу и обратился к Вонгэру:

— Прости их!

Вонгэр простил императора с императрицей и сказал: «Шевелись!» Император и императрица тут же опустились перед Вонгэром на колени и стали каяться:

— Ошиблись мы, сынок, будто ослепли.

Узнав всю правду, император разгневался, приказал палачам схватить Идуаня и отрубить ему голову, но советник вступился за юношу:

— Он еще молод, помилуй его, не казни, а вышли куда-нибудь подальше.

Император так и сделал. Он изгнал Идуаня из столицы и запретил ему возвращаться. После этого он отправил людей за императором, отцом Вонгэра, и, когда тот прибыл, отдал процессу за Вонгэра. Сыграли свадьбу, и император возвел на трон своего зятя. Вонгэр правил мудро и справедливо.

45. Четыре ошибки

В давние времена жили старик со старухой вместе со своим сыном и его женой. Жили бедно. Однажды старик и говорит сыну:

— Давай уйдем за Великую стену и займемся торговлей, иначе нам не выбраться из нужды.

— Давай, — ответил сын.

Они потолковали друг с другом, потом позвали старуху и сноху и сообщили о своем решении. Те обрадовались, а вскоре старик с сыном, управившись с домашними делами, наскребли немного денег на дорожные расходы и отправились за Великую стену.

Остановились они в городе Гучуне¹ и занялись торговлей. Дела шли хорошо, и доход был немалый.

Однажды они решили послать домой письмо, но писать не умели и позвали одного грамотея. Но тот знал иероглифы плохо, и вместо того, чтобы написать: «Торговля идет хорошо, на-

няли одного человека», написал: «Торговля идет хорошо, умер один человек». Письмо отдали путнику, который отправлялся в их края, и попросили:

— Если вернетесь обратно, привезите ответ.

Тот пообещал и отправился в путь. Он долго шел, наконец достиг тех мест, отдал письмо и сказал:

— Ваши родственники просили написать ответ. Через несколько дней я отправлюсь в обратный путь и передам ваше письмо.

Человек оставил письмо и пошел к себе домой. Уладив дела, он собрался уезжать и по дороге зашел за ответом, но на воротах увидел траурный знак и не решился войти. Вернувшись, он рассказал старику и его сыну, что кто-то у них дома умер. Те сильно опечалились и стали гадать, кто же это мог у них умереть. Думали, думали и решили вернуться в родные края. В тот же день они свернули торговлю и отправились в путь. Они долго шли и дошли до развилки дорог. Одна вела к дяде — брату матери, другая — к родному дому.

Старик и говорит сыну:

— Ты иди к дяде и разузнай, кто умер.

Сын пошел к дяде, а старик — к себе в деревню. Он вошел во двор и увидел сноху, но не увидел старухи. Сноха увидела свекра, но не увидела мужа. Старик подумал, что умерла старуха, а сноха решила, что умер муж. Однако они ничего не сказали друг другу, только заплакали.

Сын старика пришел к дяде и встретился с матерью. Мать его обняла и стала лить слезы, думая, что старик умер, сын же решил, что умерла его жена. Они долго плакали, прижавшись друг к другу. Дядя стал их утешать:

— Что вы так убиваетесь?! Недаром еще в старину говорили: «Умер — плачем не оживишь, потерял — не найдешь». Сейчас я домой вас провожу.

Старуха с сыном перестали плакать, и дядя пошел их провожать. Дойдя до дому, они услышали, что во дворе кто-то плачет, и никак не могли понять, что случилось. Вошли в дом, смотрят — все живы. Дядя удивился и спрашивает:

— Не понимаю, кого вы оплакиваете?!

Вместе с дядей удивились и остальные и стали выяснять, что же в конце концов произошло. Оказалось, что в письме был перепутан всего один иероглиф.

Вот, что может случиться, когда человек, плохо знающий грамоту, берется писать письмо.

46. Как бедняк добыл себе счастье

Жил когда-то император. Вот сидит он однажды на троне и думает: «Призову всех своих подданных во дворец и пусть каждый скажет мне что-нибудь на ухо». Подумав так, император приказал повесить объявление, в котором говорилось: «Всем подданным следует не мешкая явиться во дворец. У кого есть, что сказать, пусть скажет императору тихонько на ухо!» Придворные вывесили объявление. И вот, подданные, прочитав его, стали один за другим приходить во дворец и на ухо императору жаловаться на свою горькую жизнь. А был среди них один бедняк, который про себя насмеялся над императором, затеявшим никому не нужное дело. Когда настала его очередь, он подошел к императору и сказал ему на ухо: «Я угадал твои мысли». Сказал так и ушел. Три дня и три ночи люди приходили во дворец, чтобы поведать императору о своей тяжкой доле, и императора одолели сомнения: «Все просили у меня богатство, только один сказал: „Я угадал твои мысли“. Интересно, что он имеет в виду?» Слова бедняка не давали императору покоя.

Император занимался государственными делами, но не знал он, что несколько сановников и полководцев не любят его и задумали навредить ему и захватить трон. Сановники пригласили императорского цирюльника и приказали ему: «Будешь брить императору голову, перережь ему горло. Не исполнишь наш приказ — пощады не жди!» Цирюльник безропотно согласился.

И вот однажды цирюльник брил императору голову, прикидывая, как бы перерезать ему горло. И начал брить бороду, руки у него затряслись от страха. Опасаясь, как бы император этого не заметил, цирюльник отошел в сторону и стал на бруске точить бритву. В это время император вспомнил слова бедняка. Ему стало смешно, и он произнес их вслух: «Я угадал твои мысли!» Цирюльник услышал и с испугу чуть не упал без памяти, он подумал, что императору все известно. Ноги у него подкосились, бритва выпала из рук. Он опустился на колени и рассказал об всем императору. Узнав о том, что сановники с полководцами хотят погубить его, император не мешкая приказал всех их схватить, посадить в тюрьму, а потом обезглавить. Расправившись с врагами, император снова вывесил объявление, в котором говорилось, что всем подданным следует явиться во дворец и повторить императору на ухо то, что они говорили в первый раз. И снова во дворец потянулись люди и говорили императору про свою тяжкую долю. Был среди них и тот бед-

няк. Он подошел к императору и шепнул: «Я угадал твои мысли!» Только хотел он отойти, как император схватил его и не отпускал от себя. От страха бедняк слова не мог вымолвить, только сокрушался: «А-я, конец мне теперь, отрубят мне голову! И зачем я ему сказал так?» Но император, ничего не говоря, повел его в свою сокровищницу и подарил ему много золота и серебра, а потом сделал его большим чиновником. Так к бедняку пришла удача. Говорят, когда император умер, ему и вправду повезло, уселся он на императорский трон и правил так, что подданные его зажили счастливо.

47. Сметливый мальчик

Очень давно жил в Китае князь, и были у него два сановника, которые управляли государством. И вот однажды князь решил проверить их ум и смекалку. Он призвал к себе сановников и велел не позднее чем через три дня доставить:

«Шыэр суйди мицыр ён,
Ёди эрши суйди лоп,
Ёди саншы суйди хуцзы,
Сыши суйди лоху ёди,
Вушы суйди ню линивэр
Ёли игэ гувчжиди дан!»

Ягненка двадцатилетнего,
Двадцатилетнего волка,
Тридцатилетнюю лису,
Тигра сорокалетнего,
Вола пятидесятилетнего
И петухом снесенное яйцо.

Выслушав князя, сановники пришли в недоумение, опечалились. Понурые, вернулись они домой, не зная, как им быть.

Прошло два дня. Сановники не ели и не пили, осунулись, по так и не могли ничего придумать. Никто не мог им помочь.

У одного из сановников был сын. Ему только исполнилось двенадцать лет.

Мальчик заметил, что вот уже третий день отец чем-то встревожен, не ест, не спит, и попросил рассказать ему всю правду. Вначале отец ничего не хотел говорить. Ведь если он, главный сановник, не в силах выполнить приказ князя, то что может сделать двенадцатилетний мальчик? Но сын стоял на

своим, и пришлось согласиться, тем более что истек срок, назначенный князем, и сановника ждала казнь. Выслушав отца, мальчик стал его утешать, сказал, что все уладит и отправился к князю.

Когда мальчик предстал перед князем, князь спросил:

— Где твой отец?

Мальчик ни капельки не смутился и ответил, что отец рождает, потому и не смог прийти. Князь очень удивился и снова спросил:

— Разве может мужчина рожать?

Тогда мальчик сказал:

— Если петух может нести яйца, то почему мужчина не может рожать?

48. Три брата

Давным-давно жили три бедных названных брата: старший — Дагэ, средний — Эргэ и младший — Саньгэ. Хоть и выучились они грамоте, а пришлось им наняться к одному богачу полоть маленькими тяпками-цань опиумный мак. В обед хозяин принес братьям поесть. Только было принялись они за еду, как откуда ни возьмись выскочил волк-Лон и стал гоняться за бараном-Ёном. Баран испугался, побежал прочь и опрокинул еду-фань. Братьям стало обидно, но, чтобы не остаться голодными, они стали ползать и с земли слизывать еду. Вдруг старший брат поперхнулся, в горле-ху у него застряла соломинка-цэй, и он, как ни старался, не мог ее вытащить, хоть умирай. Младший брат быстро сорвал одуванчик-хуонхуарцэй и отдал старшему брату, чтобы тот проглотил. Старший брат проглотил одуванчик, а вместе с одуванчиком и соломинку. Поднялись братья с земли и стали советоваться, как дальше жить, порешили, что, если кому из них посчастливится сделаться чиновником, он не должен забывать двух других братьев.

Пришла пора, старший брат распрощался с младшими и отправился в столицу. Он первым выдержал экзамены, стал чжунъюанем, и император сделал его своим зятем.

Не прошло и года, как император заболел и умер, и престол занял старший брат.

Средний и младший братья узнали, что старший стал императором, стали советоваться, кому в столицу идти. Первым от-

правился средний брат. Когда он подошел к воротам дворца, придворные его не пустили, стали спрашивать, кто и зачем пожаловал. Эргэ сказал, что приходится императору братом и пришел его навестить. Придворные тотчас же пошли к императору и доложили, что к нему пожаловал средний брат — Эргэ. Император обрадовался и велел встретить его с почетом и привести к нему. Тут братья и встретились.

Император в честь Эргэ созвал гостей, и тогда Эргэ обратился к своему брату-императору с такими словами:

— Помнишь, как бедно мы жили? Как втроем у одного богача мак пололи? Как волк гнался за бараном, баран опрокинул горшок, а мы легли и слизывали с земли еду? Потом в горле у тебя застряла соломинка, а мы с младшим братом нашли одуванчик-хуонхуарцэй и дали тебе проглотить. Ты проглотил одуванчик, а вместе с одуванчиком и соломинку.

Слова среднего брата не понравились императору, ему стало стыдно перед гостями, и он велел стражникам вышвырнуть Эргэ вон из дворца. Стражники не мешкая выполнили приказ. Эргэ вернулся домой обиженный. Младший брат спросил:

— Как тебя встретил наш старший брат?

— Он нас знать не желает! — ответил Эргэ.

— А что ты ему сказал? — снова спросил младший брат.

— Ничего особенного. Только напомнил ему о нашей прежней горькой жизни!

— Потому-то он тебя и прогнал. А теперь я попробую его навестить.

— Напрасно пойдешь. Лучше забудь о нем, — сказал средний брат.

Однако младший брат его не послушал и отправился во дворец. Придворные спросили его, кто он и зачем пожаловал. Саньгэ ответил, что приходится императору младшим братом. Императору доложили, что к нему пожаловал его младший брат. Узнав, что пришел Саньгэ, император велел встретить его с почетом и привести к нему. Братья встретились, и старший в честь младшего созвал гостей. На пир собрались министры, сановники и все начальники. Саньгэ принялся есть и спросил императора:

— Как дела, старший брат?

— Превосходно! — отвечал император.

— А помнишь, как Цань-дажын полонил Хуа-дажын. Лон-дажын напугал Ён-дажын, Ён-дажын опрокинул Фань-дажын. Трое, лежа на земле, съели Фань-дажын; Цэй-дажын застряла

в Ху-дажын. Не проскользни Цэй-дажын вниз, не быть бы тебе императором.

Гости ничего не поняли из того, что сказал младший брат, и очень удивились. Главный советник, все начальники и сановники подумали, будто все братья — дажын — великие люди, и стали их бояться. Император же остался доволен и назначил младшего брата полководцем. После этого все наперебой стали поздравлять Саньгэ.

Когда гости разошлись, братья завели между собой разговор. Вспомнив, что средний брат вернулся домой печальный, младший брат спросил императора:

— Скажи, брат, а что тебе сказал средний брат?

— Лучше не спрашивай. Нашего Эргэ за ум не похвалишь, известный чудак. Я хотел было сделать его министром, а он при гостях стал рассказывать, как мы втроем пололи опиумный мак. Это бы еще ладно, так он вспомнил и о соломинке, и о волке, и о баране. Я со стыда чуть сквозь землю не провалился и не мешкая выгнал его вон. Только дело это поправимое. Надо сейчас же вернуть его во дворец и дать ему должность.

На другой день младший брат привел во дворец среднего брата. Император его простил и назначил чиновником. С того дня все три брата счастливо жили, ни в чем не зная нужды.

49. Мудрость бедной девушки

В давние времена жил молодой император. Он задумал жениться, но никак не мог найти подходящей невесты. И вот однажды император прослышал, что у одного бедняка есть красавица-дочь, и заслал к бедняку сватов. Узнав, что сам император хочет взять его дочь в жены, бедняк не раздумывая согласился, зато его дочь наотрез отказалась стать женой императора:

— Зачем я стану выходить за него,— говорила она,— ведь он не способен ни к какому ремеслу. Нынче он император, а завтра как будет — неизвестно. Что он тогда сможет делать?

Сваты вернулись и слово доложили императору все, что им сказала дочь бедняка. Император выслушал сватов и призадумался: в самом деле, никто не знает, что будет с ним завтра. И император призвал во дворец мастеров и стал учиться ткать ковры. Учился, учился и выучился наконец. Он выткал для дочери бедняка ковер дивной красоты, второго такого в

мире не сыщешь. Очень довольный, император отправил ковер девушке. Девушка поглядела на ковер и согласилась стать женой императора. После свадьбы молодые зажили в мире и согласии.

Как-то раз императору захотелось узнать, что говорят о нем подданные. Он переделся простолюдином, распрощался с женой и стал ходить из города в город. Где только он не был. И вот однажды пришел в одну харчевню. Императору и в голову не могло прийти, что в этой харчевне кормят мантами с начинкой из человеческого мяса¹ и опаивают дурманом. Увидев нового посетителя, хозяин отвел его в комнату, там императора схватили и поволокли в подвал. Сперва император не мог понять, зачем его притащили в подвал, но в подвале были еще люди, которые объяснили, что попали сюда по собственной глупости. Еще они сказали, что хозяин харчевни кормит посетителей мантами с начинкой из человеческого мяса и поит дурманом. Услыхав это, император не на шутку испугался.

Чтобы жертвы не успели отощать, хозяин долго не держал их в подвале, убивал и приводил новых.

Такая же участь ждала и императора. Но когда его вывели из подвала, он попросил:

— Позовите хозяина, я хочу ему кое-что сказать.

Явился хозяин, и император обратился к нему с такими словами:

— Мяса с меня вы получите меньше, чем с одного барана. А я могу соткать вам ковер, который будет стоить целых сто баранов. Теперь подумайте, какая корысть меня убивать.

Хозяин подумал и решил поступить так, как ему посоветовал император. Он отвел императора в одну из комнат и принес все, что необходимо для изготовления ковра. Император стал ткать, и через несколько дней ковер был готов. Тогда император и говорит хозяину харчевни:

— Отнесите ковер во дворец, император даст за него хорошую цену.

Между тем дочь бедняка, пока мужа не было дома, сама правила государством. Прошло уже три месяца, а от императора не было никаких вестей. Императрица отправила людей на поиски мужа, но те вернулись ни с чем. И вот однажды, когда императрица сидела, погрузившись в раздумья, ей доложили, что какой-то человек принес ковер на продажу. Императрица велела тотчас же его привести. Стоило ей взглянуть на ковер, как она сразу узнала, что его выткал император. Человек, который при-

нес ковер, не понравился императрице: глаза его все время воровато бегали, но она виду не показала, щедро заплатила за ковер, а когда незнакомец ушел, послала вслед за ним стражника узнать, куда пойдет незнакомец. Тот вошел в харчевню, а стражник вернулся во дворец и доложил об этом императрице. Императрица не мешкая отправила туда конников. Конники окружили харчевню таким плотным кольцом, что даже курица не смогла бы оттуда выбраться, схватили хозяина харчевни, остальных злодеев и обыскали. Потом выпустили из подвала пленников, но императора среди них не нашли. Долго его искали и наконец обнаружили. Разгневанный император приказал конникам посадить хозяина харчевни и всех его подручных в тюрьму. На следующий день он всех их казнил, а харчевню сровнял с землей. Теперь император понял, как важно знать какое-нибудь ремесло, и еще больше полюбил свою жену. Вот какой умной оказалась дочь бедняка.

50. Два друга

Жили в древние времена два друга. И вот как-то раз одному из них привиделось во сне, будто он всю воду из реки выпил. Проснувшись, он сильно удивился и стал думать, что бы этот сон мог значить. На следующий день он отправился к своему другу и сказал:

— Я видел страшный сон.

— Ну и что?

— Как ты можешь так говорить?

— Ладно, рассказывай, что ты там видел.

— Мне снилось, будто я выпил всю воду из реки.

Не задумываясь друг сказал:

— Когда-нибудь лопнешь.

Эти слова сильно обидели юношу, он повернулся и молча ушел.

Через несколько дней юноша встретил одного мудреца, подошел к нему и говорит:

— У меня есть к вам дело, почтеннейший, уделите мне немного времени.

— Что за дело? — спросил мудрец.

— Я видел очень странный сон, — ответил юноша. — Не растолкуете ли мне его значение?

— Рассказывай, какой ты видел сон.

Юноша собрался с мыслями и стал рассказывать, стараясь не упустить ни одной подробности.

Мудрец выслушал его и задумался. Потом разложил свои гадательные кости, погадал и обратился к юноше:

— Ты должен был стать императором, вот что означал этот сон, но твой друг истолковал его по-другому, и теперь будет так, как он сказал — ты погибнешь.

Мудрец посмотрел на юношу, покачал головой и пошел своей дорогой. А юноша остался стоять, убитый горем.

Прошло несколько месяцев. И вот однажды случилось так, что из-за какого-то пустяка юноша поссорился со своим другом. От обиды он слег и вскоре умер. Так, из-за коварного друга счастливый сон принес юноше несчастье.

51. Хитрый товар

Лет десять тому назад жил в нашей деревне один зажиточный человек. Было у него много-много земли и много-много коней и мулов. И хотя взял он себе несколько жен, был у него только один сын. А уж единственный мальчик в богатом доме — воистину сокровище!

Как говорится: «Дракон рождает дракона, феникс — феникса, а когда крыса народит мышат — она для них готова пещеру вырыть». Двадцать пять лет молодому хозяину стукнуло, живет в праздности, ни о чем не думает, знает только орать, пить, играть да блудить.

Держал богач обоз, коней сотню да еще десяток, тридцать с лишним конюхов, чтоб за ними смотреть, были наняты. Вернется обоз домой — деньги, товары, яства всякие, безделушки весь двор завалят. Шумят возчики, про то, про это рассказывают, на что в том городе поглядеть можно, как в другом поселке погулять можно. Начнут про всякие вкусные вещи говорить, станут фрукты перечислять — у молодого хозяина слюнки изо рта потекут на целый чи. И хотя с обозом частенько привозили всякие диковинные фрукты, да только разве за месяц сохранят они свою свежесть.

И вот однажды проигрался молодой хозяин, домой вернулся, нашел отца и стал советоваться:

— Папа! — говорит. — Уеду-ка я из дому: и денег загребу и повеселюсь хорошенько.

Обрадовался отец:

— Замечательно! Сам поедешь, убытки в пути меньше станут,— потом помолчал, помолчал и добавил: — Хын! На этот раз этот воюющий артельщик не обманет меня.

Как вспомнил хозяин про своих возчиков, так еще больше распалился:

— Всю жизнь их кормлю, а они хорошее от плохого отличить не могут. И в глаза, и за глаза все твердят, что им от меня одни обиды. Пый! Не понимают доброты.— Он перевел дух и добавил еще: — Афу! Сумей хорошенько постоять за себя, вот вернусь я в землю праведников *, хозяйство тебе достанется.

Так они порешили. Обоз-то как раз домой пришел, позвал старый хозяин возчиков, сперва несколько добрых слов сказал, а потом объявил:

— С этого раза Афу сам ездить будет. Ваше дело теперь только лошадей погонять, а за торговлей он будет сам наблюдать. Всем надлежит слушаться его приказаний, не вздумайте упрямиться.

В тот же день приготовили несколько десятков вьюков — материи, украшений для причесок, соли, всякого мелкого товара, на завтра попросили ахуна прочесть молитвы из Корана и пригласили родственников и соседей закусить и выпить. А на третий день поутру в путь тронулись. Бедняку из дома уйти — одни страдания, богачу из дома уйти — одни радости. На коня садиться, с коня слезать — всегда подмога найдется, отдохнуть, остановиться на ночлег — всегда есть кому позаботиться: ни тебе хлопот, ни тебе раздумий — до чего приятно.

Молодой хозяин хоть и в первый раз из дома выехал, но думал, что торговое дело знает до дна: торговать что на деньги играть — и там, и там надо ловко говорить. Хитрого товару продаст побольше и, конечно, денег загребет побольше. А уже раз хозяин сам поехал, ясно, что умнее работников все придумает.

Ехали они, ехали и однажды к вечеру добрались до уездного городка. Не велик городок, а шумный. Только остановились они на постоялом дворе, как Афу тут же позвал двоих работников вместе с ним погулять. Сперва разыскали они харчевню с арабской вывеской ¹, поели там, а потом пошли побродить, куда ноги понесут. Немного прошли, дошли до какой-то улицы, глядят — весь народ подле одной лавки теснится. Увидал Афу толпу и тоже в гущу полез. Э! Оказывается какой-то человек с малень-

* Т. е. умру.

кой бамбуковой трубочкой развлекается. Возьмет в руку трубочку, а у трубочки на одном конце остренькие волосики. Обмакнет ее в черную воду и давай на бумаге рисовать. Нарисовал на листке не очень чтоб большим, а люди ему большой серебряный юань подносят.

— Это что он делает? — спросил Афу у работников.

— Иероглифы пишет. Почерк у него знаменитый!

— Так, глядишь, и деньги зашибить можно?

— Конечно! Да одной только кистью, что у него в руке,— хый! — за один день самое малое целый व्यюк серебра загребешь.

«Вот это, пожалуй, неплохо,— подумал Афу,— вот это хитрый товар. Купить несколько десятков таких кисточек и увести с собой». Надумал он так и говорит работникам:

— Эй! Спросите-ка, сколько их у него? Я все куплю.

Не осмелились работники перечить, в самом деле пошли спрашивать. Поначалу каллиграф не хотел продавать, потом поговорили так, порядились эдак, сговорились, что уступит он им две кисточки по десять व्यюков товару за каждую. В тот же вечер привезли они двадцать व्यюков и обменяли на кисточки. Спрятал их Афу в свой карман.

— Ха-ха! Сколько теперь захочу денег, столько у меня и будет. А всего-то потратил двадцать व्यюков — хитрый товар большие деньги делает! — радовался Афу.

Поехали они дальше, ехали, ехали и как-то раз в полдень остановились на дороге отдохнуть. А подле дороги какой-то крестьянин, не боясь ни ветра, ни палящего солнца, поле свое мотыжит.

— Вэй! Чего ты там пляшешь, чем размахиваешь? — уставился на него Афу с удивлением.

— Ты про ту штуку, что у меня в руках, спрашиваешь? Мотыгой она зовется. Золота иль серебра накопать, одежду ли добыть, еду ль, платье — все с ее помощью можно — такая уж драгоценная вещь, — ответил ему крестьянин.

— Хэ! Вот хитрый товар! И золото, и серебро, и платье — все дает. А сколько их у тебя?

— Э-хэ! Как говорится: «Раздобудь такое сокровище — не будет недостатка в платье и еде». Откуда ж их несколько возьмется?

— Вэй! Вот хитрый товар, продай-ка мне! Глянь, сколько у меня добра,— сказал Афу и показал на разложенные у края дороги व्यюки,— сколько व्यюков запросишь, столько и дадим.

Крестьянин запросил только тридцать вьюков и отдал за них Афу свою мотыгу.

— Ха, ха! Захочешь одеться — будет новая одежда, захочешь голову покрыть — будет новая шляпа, а всего-то потратишь тридцать вьюков. Хитрый товар — большие деньги дает! — радовался Афу.

Поехали они дальше, ехали, ехали и добрались как-то до большого уездного города. Видит Афу — народу много, суета кругом, велел всем отдохнуть тут денек.

Взял он в тот день двоих работников и отправился бродить. Дошли они до перекрестка, видят — и тут толпа стоит, окружили люди кого-то. Втиснулся Афу, поглядел — какой-то человек держит небольшой деревянный ящичек, вправо-влево вертится.

— Что он делает? — Афу у работников спрашивает.

— Фокусы показывает, — работники ему отвечают.

Пригляделся Афу внимательно, видит — человек тот покрутил немного, перевернул ящичек, дал поглядеть всем — пустой, затем накрыл его платком, пробормотал что-то, крикнул:

— Давай, давай, давай!

Медленно снял платок и принялся вынимать из пустого ящичка рис, овощи, деньги, сладости... — целую гору всякой всячины!

— Хэ! Вот это уже совсем хитрый товар! Вэй! — Афу крикнул работникам. — Отдайте ему оставшиеся вьюки, выменяйте его ящичек.

— Хозяин! Фокусы ведь — это одна видимость!

— Нечего болтать! Делайте, как я велю.

Получил Афу деревянный ящичек, обрадовался: «Ха-ха! Есть захочешь — вот еда, пить захочешь — вот питье, а всего-то за сорок вьюков. Хитрый товар, большие деньги дает!»

Осталось теперь у Афу только девяносто мулов. Вернулся он на постоянный двор и придумал мудрый выход: «Подумай сам, так много погонщиков, уйма мулов, а везти нечего, да за один постоя-то сколько денег платить надо. Прогоню-ка их!»

Роздал он мулов погонщикам и велел им самим домой катиться. Обрадовались они, не стали ему перечить и ушли. «Вот дураки, — думает, — по дороге за постоя за себя да за скотину им теперь самим платить придется, а они довольны. Ха-ха!»

Засмеялся Афу:

— Вот на этот раз торговля удачная! Повезло с сокровищами.

Афу сам-то оставил себе одного коня да три хитрых покуп-

ки. Погулял он в городе еще два дня, а на третий домой тронулся.

Знал молодой хозяин только как верхом на коне сидеть, а чтоб кормить коня — не его забота. Ехал, ехал, и вот как-то конь под ним упал недвижим. Слез с него Афу, со злости несколько раз кнутом вытянул, а тот не шевелится. «Не двигается, так придется бросить», — подумал Афу, взял свои сокровища и пошел дальше.

Пешком-то идти и вправду трудно! За день и полпути до почтовой станции не прошел, а ноги все волдырями покрылись, поясница, икры гудят, аж до боли. Прошел еще день, деньги все вышли.

К полудню ноги у Афу так разболелись, что мочи нет идти. Делать нечего, уселся он отдохнуть на краю дороги. Вот где его хитрые покупки пригодятся! Вынул он сперва деревянный ящичек. Покрутил как попало, потом достал платок, накрыл его и забормотал:

— Хитрый товар, хитрый товар! Слушай меня скорей, вкусную рыбу, вкусное мясо подавай побыстрей! Давай, давай, давай!

Медленно приподнял он платок. Э! Пусто! Запустил руку, пошарил — опять пусто. Разозлился тут молодой хозяин, схватил кнут, так его, так, полоснул несколько раз, и ящичек превратился в кучку деревянных дощечек.

— Ну ничего, — сказал он, — один сломался, другой появится, сломалось лезвие, можно колокольчик сделать. Ящик — пустой, но мотыга-то настоящая.

Взял он мотыгу, стукнул ею по земле три раза и забормотал:

— Хитрый товар, хитрый товар, слушайся меня! Не нужна мне добрая одежда, не нужна новая шляпа, а подай скорее вкусных овощей да хорошего вареного риса. Выходи, выходи, выходи!

Поглядел он вниз, а внизу — одна земля, нет ни вкусной овощной закуски, ни вареного риса. Стукнул еще три раза, «кун-кун-кун» — прозвенела, ударяясь о землю, мотыга, на земле только немного мелких комочков прибавилось, а вкусных овощей и вареного риса по-прежнему не видеть. Еще три раза ударил... вспылил, собрал все силы да как швырнет мотыгу, а она и на три чи не отлетела, обратно повернула, «бын» — по голове Афу стукнула. «Ай-я-я», — завопил он от боли. Одной рукой голову трет, а другой — кнутом мотыгу лупит, трижды по ней

стукнул, аж застонал от злости. «Ничего, — думает, — из трех сокровищ два негодные, так уж третье непременно принесет удачу. В кармане еще бамбуковые трубочки есть. Побегу в поселок, за день выюк денег заработаю». Размечтался он про свой хитрый товар, из последних сил приподнялся, — ай-я! — к ногам словно каменный каток весом в тысячу цзиней привешен, в подошвы словно десять тысяч тоненьких вышивальных иголок воткнуто. Да только что делать? На дороге ни одного человека не видно. Не пойдешь — ничего не добудешь. Делать нечего, стонет Афу, кричит:

— Ай-я, папа, ай-я, мама! — В полшага бредет, вперед тащится.

Солнце уже скоро за гору собралось садиться, добрался он только до маленькой деревушки. Вошел в деревню и сел на землю. Отдышался, вытащил из кармана маленькую бамбуковую трубочку и стал ею как попало по земле чертить. И вправду, этот хитрый товар волшебным оказался. Не успел одну картинку нарисовать, сразу человек пять женщин с детьми подошли. Рисовал, рисовал, народу и впрямь собралось немало. Обрадовался в душе Афу, словно и не было прошлых неудач, а сразу несколько выюков денег выиграл. Давай дальше рисовать, рисовал, рисовал, людей еще больше стало, а денег никто не несет. Стал он кричать, приговаривать:

— Хитрый товар, хитрый товар, в день запибаю денег выюк. Кому надо иероглифы писать, скорей деньги тащи!

Раз прокричал, никто не шелохнулся, два прокричал — никто денег не несет. Три, четыре, пять раз крикнул — все кругом смеяться стали. Семь, восемь, девять... — от крика губы пересохли, язык к гортани прилип, а все не видать никого, кто бы деньги нес. Солнце вот-вот сядет, а все никто с ним не заговаривает.

Потихоньку и небо потемнело, и народ разошелся. А в деревне той ни харчевни, ни постоянного двора нет. Ну, а молодой хозяин? Как говорится, и наелся вдоволь и счастьем насладился, «папа — мама» сколько ни кричи, все равно, конечно, сыт не будешь.

Да только из всех талантов у Афу один этот остался — зная себе глотку дерет да слезы из глаз пускает, «папа — мама» изо всех сил вопит.

52. Гадатель Мын¹

Давным-давно жил один человек по фамилии Мын. Жена его любила к своим родителям в гости ходить. Уйдет и не думает возвращаться. Вот как-то Мын и сказал жене, что он может всякие сны видеть.

— Что же это за сны ты можешь видеть?

— У кого какие вещи пропадут, я во сне узнаю.

Жена не обратила на его слова никакого внимания и, как обычно, отправилась к своим родителям. А Мын собрал вещи жены, отнес их в пещеру и спрятал. Через несколько дней жена вернулась домой и видит, что все ее вещи исчезли. Муж и говорит жене:

— Я не велел тебе там оставаться, не велел оставаться, а ты меня не слушалась. Вот, теперь все твои вещи пропали.

Жена говорит:

— погоди, ты, кажется, умеешь во сне находить потерянные вещи?

Муж ответил:

— Думаешь, это просто? Чтобы узнать, где находятся вещи, надо вкусно поесть и поспать на мягкой постели. А мы так бедно живем! Какие уж тут сны?

Жена отвечает:

— Не беспокойся, я все устрою.

Пошла она к отцу с матерью и говорит:

— Вчера, пока я была у вас, кто-то украл мои вещи. Мой муж может узнать во сне, где они. Но для этого ему нужно вкусно поесть и поспать на мягкой постели. А мы бедно живем!

Отец сперва не хотел ничего давать, но, когда увидел, как горько она плачет, дал ей мягкие одеяла². Жена вернулась домой, приготовила вкусный обед, а когда муж поел, уложила его на мягкую постель.

Муж строго-настрого наказал жене:

— Смотри, не буди меня. Сам проснусь и расскажу тебе, где твои вещи.

Мын-щяньсын уснул. Уж утро сменилось вечером, а он все не просыпался. Наконец проснулся и не успел как следует потянуться, а жена тут как тут, спрашивает:

— Ну, что видел во сне?

Муж отвечает:

— Видел я, что вещи твои лежат в одной пещере. Нынче же пойдем и принесем их.

Мын с женой отправились в пещеру, и там действительно увидели все пропавшие вещи. Жена обрадовалась и подумала про себя: «Какой хороший у меня муж, может во сне найти потерянные вещи».

И вот однажды пришел младший брат жены и сказал, что у отца пропали бараны, никак найти не могут.

— Не беспокойтесь,— утешала жена Мына своего брата,— я скажу мужу, и он во сне отыщет ваших баранов.

Как только Мын вернулся, брат жены и говорит ему:

— Дорогой зять, у нас пропали бараны. Не отыщете ли их во сне?

Мын про себя подумал: «Ва-я, как же я их найду?» Но ничего не поделаешь, пришлось Мыну идти к тестю. Когда он пришел, его вкусно накормили, а вечером тесть спросил:

— Где будешь спать?

— Вон там, в глубине комнаты,— ответил Мын.

— Ничего особенного вам не понадобится? — спросил у Мына деверь.

— Фонарь мне дайте,— попросил Мын,— когда я лягу, наглухо закройте окна и запирайте двери, ночью не выходите!

Ночью, в третью стражу, когда все спали, Мын зажег фонарь, перелез через стену и стал обходить двор снаружи, кружил, кружил и вдруг упал в большую яму. Глядь — а все бараны там. Мын выскочил из ямы и стал мерить расстояние от дома тестя до ямы. Оказалось ровно двадцать чжонов. Мын незаметно вернулся в дом, лег и уснул.

На другое утро, накормив и напоив его, тесть и теща спросили Мына, видел ли он баранов.

Мын-щяньсын ответил:

— Видел! Позади вашего дома в двадцати чжолах есть яма, верно?

— Есть, а что?

Мын, глазом не моргнув, ответил:

— Да там ваши бараны!

Все побежали к яме и вправду увидели баранов. Вытащили их и пригнали домой. Восхищенный сметливостью Мына, деверь стал его хвалить: «Ва-я, вот какой у моей сестры муж! Где мы только не искали, никак найти не могли, а он уснул и сразу узнал, куда девались бараны».

С того дня прошло много времени. И вот однажды у императора исчез золотой телец, и он велел развесить объявления, в которых было написано: «Кто сможет отыскать золотого тель-

ца, большим чиновником станет, на лучшем коне сможет ездить, да еще в жены дочь императора получит».

Деверь Мына как раз находился в это время в столице. Он прочитал объявление и подумал: «Ай-я! Разве это не подходящее дело для моего зятя». Деверь сорвал объявление, перед ним тотчас же выросли стражники и спросили:

— Ты можешь найти золотого тельца?

Деверь ответил:

— Я не могу, зять мой — может.

Стражники и говорят:

— Тогда веди нас к своему зятю!

Деверь привел двух стражников к воротам Мына и закрычал:

— Эй, зять! Я нашел для вас подходящее дело. Можете прославиться. У императора пропал золотой телец. Что вам стоит увидеть во сне, где он?

Узнав, что затеял деверь, Мын сильно испугался и говорит деверю:

— Эй, братец, что ты наделал! Разве смогу я узнать, куда девался золотой телец императора?

Но делать нечего. Пришлось Мыну следовать за стражниками. На прощание он шепнул жене:

— Как пройду я два ли, толкни нашу корову в яму. Не сделаешь этого, не сносить мне головы.

Жена обещала все сделать. Когда они прошли два ли, Мын сказал стражникам, что хорошо бы отдохнуть маленько.

Стражники не осмелились перечить и согласились. Мын прилег на траву и притворился, будто крепко спит. Но вскоре вскочил на ноги и говорит стражникам:

— Наша корова свалилась в яму, не могу сейчас дальше идти. Вытащить ее надо.

Стражники не поверили, но Мын твердо решил идти обратно, стражники пошли следом, видят — в яме и в самом деле лежит корова. Они помогли Мыну вытащить корову из ямы и снова отправились в путь.

Во дворце Мына вкусно накормили, а вечером уложили спать. Охранять Мына поставили тех же стражников, которые привели его во дворец. Перед сном Мын наказал стражникам:

— Когда я усну, не кричите, будете кричать, я не смогу увидеть золотого тельца государя.

Потом Мын спросил, как зовут стражников. Одного звали Чжон Сань, другого — Ли Сы³.

Мын пролежал до полуночи, но никак не мог уснуть и думал: «Э-ё! Чжон Сань! Загубил ты меня!» И он вдруг в злости крикнул:

— Чжон Сань!

Чжон Сань тотчас же подбежал и спросил:

— Что?

— Ведь я приказал вам не шуметь! — обрушился на Чжон Саня господин Мын. — А ты вошел и нарушил мой сон! Как раз ты и приснился мне. Признайся лучше, куда ты девал императорского тельца. А не признаешься — завтра обо всем расскажу императору, и пропала твоя голова!

Услыхав такое, Чжон Сань насмерть перепугался: ведь золотого тельца и вправду украли они с Ли Сы. Чжон Сань во всем признался.

На другой день император спросил Мына:

— Видел ли ты во сне моего золотого тельца?

Мын ответил:

— Видел.

— Император спросил:

— Где же он?

Мын сказал:

— Вон там, под тремя слоями черепицы!

Император и говорит:

— Пошли людей, пусть принесут мне тельца!

Мын послал за тельцом Чжон Саня и Ли Сы. Они принесли тельца, и обрадованный император тут же сделал Мына своим зятем. Но молоденькая принцесса невзлюбила своего старого мужа. Однажды она и говорит Мыну:

— Не верю я, что ты узнаешь во сне, где находятся пропавшие вещи.

Мын спросил:

— Почему же ты не веришь?

Принцесса отвечает:

— Сегодня я тебя испытаю. Угадаешь, что у меня в руках — хорошо, не угадаешь — все расскажу отцу, и не миновать тебе позорной смерти.

На следующее утро принцесса спрятала в ладонях финик-цзор, выкрашенный черной краской, и чеснок-суань, выкрашенный синей краской. Как только муж проснулся, она его и спрашивает:

— Ну, что у меня в руках, скажи!

Мын загрустил, не зная, что сказать, стал думать и вслух

сказал: «Чинцзор лань суань», что значит: «Ранним утром лень гадать». А дочери императора послышалось: «Чин цзор — черный финик, лань суань — синий чеснок». Решила она, что муж ее и в самом деле умеет угадывать во сне. Прошло еще несколько дней, дочь императора поймала хуагунчжи — пестрого петуха, спрятала его в шкаф и говорит мужу:

— А ну-ка, ложись спать и ответь потом, что у меня в шкафу? Не угадаешь, не удержаться твоей голове на плечах.

Мын ничего не ответил, лег и уснул. Утром проснулся, опять стал думать, как избежать позора. А дочь императора сидит, ждет, что муж скажет. Тут он вспомнил, что в детстве был драчуном и за это получил прозвище Хуагунчжи — Пестрый петух. Тут Мын сам себе и говорит: «Эй-я! Хуагунчжи пестрый петух, на сей раз тебе конец!» Услышав, что муж опять отгадал, дочь императора удивленно воскликнула: «Эй-я, и на этот раз отгадал!» С того дня принцесса полюбила мужа и больше его не испытывала. А Мын, хоть и взял в жены императорскую дочь, но прежнюю свою жену не забыл и попросил у принцессы позволения привезти ее в свои золотые терема, драгоценные хоромы. Втроем они жили до глубокой старости.

53. Сын бедняка

Жил в былые времена один бедняк, и был у него приемный сын по имени Фудый. Он копил деньги, чтобы сын его учился. Прочел Фудый все книги и отправился в столицу, чтобы учиться дальше. Выучился он всем наукам, и не осталось ничего, чего бы он не знал. Пошел он однажды в харчевню и вступил там в разговор с одним незнакомым человеком. Беседовали они, беседовали, и понял незнакомец, что парень-то все до дна изучил и нет такого ремесла, которого бы он не знал. А разговор их слышал какой-то мальчик, что сидел рядом. Вот мальчик и говорит Фудью:

— Гляжу я, все ты знаешь, а вот в одном деле не разбираешься.

Удивился Фудый, стал расспрашивать мальчика:

— Какое же это дело, расскажи нам.

— Воровать ты не умеешь. Вором стать — тоже искусство.

«И правда, — подумал Фудый, — все-то я знаю, не знаю только воровского дела. Надо и ему научиться». Вышел Фудый из харчевни. Пошел домой.

А в ту пору в столице были государевы кладовые, где хранились всякие сокровища. Строго охраняли их конные воины, никого внутрь не пускали. Подкрадись какой вор, тотчас схватят и убьют. И никто из разбойников не мог отыскать никакой лазейки. Фудый тоже слышал про императорские сокровища. Обошел он вокруг кладовых, внимательно осмотрел все. Видит — перед сокровищницей река течет, а на берегу домик стоит. В домике живут старик со старухой. Высчитал Фудый, сколько будет от сокровищницы до домика старика и старухи, и попросился к ним жить. С тех пор каждую ночь шел он на берег реки и рыл подземный ход. Рыл он, рыл и добрался-таки до самой государевой сокровищницы. Прodelал он дыру, и все императорское золото-серебро в нее потекло. Подставил Фудый мешок и наполнил его золотом и серебром. Так, за ночь он пересыпал все императорское золото и серебро. Забрал Фудый все богатства себе, а старику и старухе один мешок дал и сказал им:

— Этого вам на двоих хватит, только никому об этом золоте и серебре не говорите.

Согласился старик, однако спросил, откуда эти деньги взялись. Фудый все ему рассказал. Выслушал старик и поклялся дважды, что никому ничего не скажет.

На другой день в государевой сокровищнице гвалт поднялся, кричат, мол, императорские ценности пропали. Так уж строго войско караулило, да кто-то унес-таки все драгоценности. Отправился государев помощник в тюрьму, позвал одного старого вора и спрашивает:

— Сокровища императора исчезли, хоть и берегли их воины. Не знаешь ли ты, как это могло случиться?

Задумался старый вор, а потом и спрашивает государева помощника:

— А что рядом с сокровищницей находится?

— Река течет,— помощник отвечает.

— Ну, если так,— сказал старый вор,— осмотрите-ка повнимательней берег реки, наверняка там подкоп есть. Если найдете подземный ход, значит, тот, кто украл императорские сокровища, еще более искусный вор, чем я. Сам-то он, вор, второй раз не придет, а те, кто знают о краже, наверное, придут.

Вышел императорский помощник из тюрьмы, не стал мешкать, тотчас же повел конную стражу берег осматривать. Смотрели, смотрели, глядь — пещера. Полезли в нее, и привел их

ход прямехонько к императорской сокровищнице. Узнали они, как были деньги похищены. Велел тогда государев помощник у входа в пещеру яму выкопать, потом туда черной смолы налить, а сверху травой прикрыть. Придет кто, непременно в яму с черной смолой провалится. Сделали они все, и отвел государев помощник своих конников подальше.

Прошло сколько-то времени. Вот ночью старуха и говорит старику:

— Парень тот дал мешок золота-серебра. Тебе дал, а мне не дал. Пойди в государеву сокровищницу, набери еще мешок серебра да золота.

Старик не идет, старуха не отступает. Делать нечего, сунул старик под мышку мешок и пошел. Вошел он в пещеру и угодил-таки в яму с черной смолой. Пытается старик из нее выбраться, да никак не может. Весь он в черную смолу ушел, одна голова наружу торчит. Затягивает его черная смола.

В это время Фудый, что ограбил императорскую казну, узнал, что у входа в пещеру яма вырыта, а в нее смола налита, чтоб поймать вора. Непокойно стало на душе у Фудыя, понимал он, что старик непременно захочет еще государевыми сокровищами поживиться. Не стал он мешкать, пошел к их домику, старика спрашивает. Старуха отвечает, послала, мол, его за императорским серебром и золотом. Услышал Фудый ее слова, топнул ногой и говорит старухе:

— Вот досада! Ведь у входа в пещеру яма вырыта, в нее черная смола налита, хочет государь вора поймать. Старик-то наверняка в ту яму попал.

Заревела старуха, зачем, кричит, я старика за деньгами послала. Не стал Фудый мешкать, взял меч и побежал к пещере. Глядь — и вправду старик в смоляной яме — одна голова наружу торчит. Говорит Фудый старику:

— Зачем ты это сделал? Не жить нам теперь обоим. Схватят тебя государевы люди, станут допрашивать. Не выдержите вы со старухой, на меня покажете.

Привялся Фудый хлопотать, старика вытаскивать, да только не смог вытащить. Видит старик, ничего не получается, и говорит Фудью:

— Я стар, велит государь меня казнить — не беда. Не волнуйся, я не покажу на тебя, всю вину на себя возьму. Ты только мою старуху заместо матери почитай, больше мне ничего не надо. Я всю жизнь трудился, ничего не видел, а благодаря тебе мешок серебра и золота получил. Умру, не буду ни о чем со-

жалеть. Уходи скорей, чтобы тебя императорские воины не увидели.

С тяжелым сердцем ушел Фудый из пещеры. Только он ушел, а старик и говорит сам себе: «И правда, велит государь меня вытащить, будут пытаться, наверняка я не выдержу, выдам этого парня. Лучше уж мне здесь умереть». Решил так старик, нагнулся и сунул голову в черную смолу, сам себя умертвил.

Вернулся Фудый и говорит старухе:

— Плохи дела. Старик твой в яму с черной смолой угодил, никак не вылезет. Тело все уже в смолу ушло, одна голова наружу торчит. Пытался я его вытащить, да не вышло, так его черная смола засосала.

Услыхала старуха, заплакала, зарыдала. Стал Фудый ее успокаивать:

— Чего сейчас плакать? Возьмет его завтра император, начнет допрашивать. Не признается он — бить будут, пытаться. Коли не выдержит — меня выдаст. Потому надо мне скрыться. Если выдержит он пытки, император тут же велит казнить его и оставить тело на лобном месте. А людей заставят одного за другим мимо пройти. Кто заплачет, того солдаты тут же схватят и казнят. Придут солдаты и тебя заставят к лобному месту идти. Только ты положи в фартук десяток яиц. Будешь мимо места казни проходить — наверняка заплачешь, тут солдаты императора тебя и схватят. Как будут хватать, ты яйца урони и скажи им: «Человека этого и вправду жаль, только плачу-то я не по нему, оттого плачу, что все мои десять яиц разбились». Услышат они такие слова и отпустят тебя. А ты не мешкай, уходи отсюда поскорей.

Выслушала старуха Фудья и согласилась.

А государев помощник как раз в тот день пришел и велел десятерым всадникам вытащить умершего старика из смолы и увезти его труп. Доложили обо всем государю. Император приказал выставить труп на лобном месте, чтобы люди опознали его. На другой день стали императорские воины людей созывать, чтобы каждый-каждый мимо трупа старика прошел. Только никто не заплакал. Тут один воин старуху тоже стал звать, велит ей мимо мертвого старика пройти. Захватила старуха в фартуке десять яиц надбитых и пошла. Пришла она к лобному месту, увидела мертвого старика и заплакала. Схватили ее императорские воины, а старуха тут десять яиц и выронила, все и перебила. Солдаты ее спрашивают:

— Это твой старик?

— Нет, — старуха им отвечает, — и вправду жаль этого человека, да только не об нем я плачу, плачу я, что все десять моих яиц разбились.

Отпустили ее солдаты. Не стала старуха мешкать, домой поспешила.

Видит император, что никто мертвого старика не опознал, приказал похоронить его. Когда слухи об этом деле утихли, Фудый вернулся в столицу. Признал он старуху своей приемной матерью, стал заботиться о ней. Построил высокий дом, семью свою перевез. Жена ему детей народила. Пришло время, и старуха умерла. Отнесли ее на высокое место, закопали глубоко¹.

Если приходит к Фудью какой-нибудь бедняк и попросит есть, без единого слова поможет ему Фудый. Поэтому бедняки очень его уважали. Так Фудый, который обладал глубокими познаниями, стал предводителем бедняков. Рассказывают, что через несколько лет собрал он на серебро и золото из государственной казны несколько миллионов воинов на конях и пошел войной против старого императора. Разбил он государево войско, казнил императора, и сам сел на трон. И всю жизнь до старости справедливо правил он своим царством. Народ любил его, и все жили счастливо.

54. Человек, который боялся своей жены

I

Жил в давние времена человек по имени Шинцэй, который очень боялся своей жены. Но вот однажды он обратился к жене с такими словами: «Всю жизнь я тебя боялся, побойся же и ты меня хоть день. Пусть люди перестанут думать, что я боюсь свою жену». Жена согласилась. Тогда Шинцэй пригласил друзей и, когда все собрались, крикнул:

— Неси чай!

Не успела жена подать чай, как Шинцэй заскрипел зубами, вытаращил глаза и снова закричал:

— Неси еду!

От его крика у жены даже голова закружилась. Она не стерпела, схватила кочергу и так стукнула мужа по голове, что тот куда-то исчез.

Видя это, гости собрались уходить, но потом решили поми-
рить мужа с женой и остались.

— Щинцэй, где ты? Выходи, мы помирим тебя с женой!

— Я в кондуне ¹,— отвечал Щинцэй.— Со мной договорить-
ся легко, попробуйте уломать жену. До тех пор не выйду.
А слово у меня твердое, как сказал, так и будет!

II

В одном городе все мужья боялись своих жен. Но вот од-
нажды прохожие увидели: ведет женщина осла, а на нем вер-
хом мужчина сидит.

— Ай-я! — сказали все мужчины.— Мы все боимся своих
жен, а этот человек своей не боится. Глядите-ка, она осла ве-
дет. Пошли, побьем его!

Подожли они поближе. А мужчина заплакал и говорит:

— Ай-я! Прошу вас, не трогайте меня, у меня нога сломана!
Люди спросили у него, как же он сломал ногу.

— Ай-я! Мой Аллах! Жена меня побила и сломала ногу.
Тогда все сказали:

— Ай-я! Пошли по домам, этот человек тоже боится своей
жены.

55. Глупый зять

I

У одного богатого юаньвэя было три сына. У старшего сына
было три дочери. Старшую отдали за ученого человека, среднюю
отдали за ученого человека, а третья дураку досталась.

Вот приехала старшая внучка с мужем своего деда с днем
рождения поздравить, долголетия пожелать. Повел их дед в сад
погулять. А в саду был пруд, а в пруду утки да гуси плавали.
Старый юаньвэй и спрашивает:

— Почему это утки и гуси не идут ко дну?

Зять ему в ответ:

— У гусей и уток есть лапы, которыми они бьют по воде
и перья, которые в воде не моknут.

Пошли дальше, ходили, ходили, подошли к яблоневому са-
ду. Тут старый юаньвэй и спрашивает:

— Сынок! Почему это у яблок одна половинка красная, а другая — зеленая.

Зять ему в ответ:

— На какую половинку солнце светит — та красная, которая в тени — та зеленая.

Третий зять тоже поздравлять юаньвэя приехал. Пожелал он ему долголетия. А дед его с женой гулять повел. Привел к пруду и спрашивает:

— Почему это утки и гуси ко дну не идут?

А глупый зять отвечает:

— Ну, а ковшик из тыквы-горлянки, как ни дави его, тоже под воду не уйдет.

И про яблоки спросил юаньвэй. Глупый зять опять что-то невпопад сказал. Юаньвэй говорит:

— Твой старший деверь так думает: «Что на солнце бывает, то красное, что в тени прячется — светлое».

А глупый зять в ответ:

— Штука, что у осла между ног висит, в животе прячется, а вовсе черная.

II

В былые времена родилась у старика и старухи дочь. Когда выросла, отдали они ее бедному да глупому человеку. Стали они вместе жить, и родился у них ребенок. Но вскоре ребенок заболел и умер. Послала жена мужа к своей матери, скажи, мол, пусть полотно даст завернуть ребеночка.

Взял глупый зять полотно. Идет по дороге, ветер дует, пшеница, просо колышутся. А дурак думает, что они, как люди, ему кланяются. Порвал он полотно, наделал полосок, привязал к пшенице и просу. Вернулся он домой. Жена плачет, спрашивает:

— Почему мама не пришла? Почему полотно не принес?

А глупый муж отвечает:

— Увидел я по дороге, как пшеница да просо мне кланяются, им траурные ленты и повесил.

56. [Как дурак мух ловил]

Говорят, что один человек ненавидел мух. Одно лето мух было особенно много. Взял он рыболовную сеть и побегал в свой дом мух ловить. Мух не поймал, рассердился и сжег сеть. А потом велел жене сплести новую. Жена сказала:

— Я не умею плести сети.

Побил он жену, побегал на базар и купил еще одну сеть. Но и этой сетью он не смог изловить мух. Он и ее спалил. А когда сжигал, то поджег и дом, сказав:

— Слишком много в этом доме мух!

57. [Петушиные яйца]

Один чиновник отдал приказ своему стражнику:

— Найди мне два петушиных яйца. Я хочу их съесть. Даю тебе три дня сроку. Если через три дня не принесешь — забью тебя до смерти.

Загрустил стражник, задумался:

— Где же их искать-то?

Пришел домой, не ест, не пьет, ничего не говорит. Жена его спрашивает:

— Ты чего опечалился?

Молчит муж, не отвечает. Жена опять расспрашивать стала.

— Ай-я! Велел мне начальник три петушиных яйца ему принести. Вот почему я невесел.

Жена ему и говорит:

— Не бойся! Три дня пройдет, я сама к начальнику пойду.

Пришла она к чиновнику, он и спрашивает:

— Ты зачем пришла? Где твой муж?

Жена отвечает:

— Господин! Мой муж ребенка родил!

— Хэй! Вот бесстыжая! Кто это видывал, чтоб мужчины могли детей рожать.

Жена стражника тут и спрашивает:

— А какой петух яйца несет?

Не нашелся чиновник что сказать.

58. Семеро плешивых

У семерых плешивых было семь телят, у каждого — по одному теленку. Семь плешивых пасли семерых телят. Каждый плешивый пас по одному теленку. Задумали семеро плешивых другого плешивого убить, а теленка его себе забрать. А тот плешивый взял да и зарезал своего теленка, на базар отнес продавать мясо. Встретил тот плешивый на базаре семерых плешивых, а они и спрашивают:

— Ты откуда мясо взял?

А тот плешивый отвечает:

— Я свою мать зарезал.

Пошли семеро плешивых по домам, зарезали своих матерей, мясо на базар продавать понесли. А там стражники всех их схватили:

— Вы зачем человечиной торгуете?

Посадили их под стражу. Бежали ночью семеро плешивых, стали советоваться, как им того плешивого убить, как им того плешивого обмануть. Узнал про то плешивый, лег спать на материной кровати, а мать на свою положил. Пришли ночью семеро плешивых, приняли его мать за плешивого, убили ее. Ушли семеро плешивых.

А тот плешивый утром встал, свою мать нарядил, на верблюда посадил, по улице повез. Увидали девицы, побежали за верблюдом. Спрашивают плешивого:

— Откуда жену взял?

Побежал тут верблюд, уронил «жену». Пошел плешивый к императору и говорит государю:

— Эти девицы мою жену убили. Как мне теперь быть?

Император отвечает:

— Какая тебе девица приглянулась, ту и бери.

Взял этот плешивый дочь бая. Удивляются те семеро плешивых:

— Мы тебя убили, а ты живой!

А тот плешивый говорит:

— Вы меня убили, а я опять живой, да еще императорскую дочь взял¹.

Стали семеро плешивых опять советоваться:

— Давайте сожжем его, давайте обманем его.

Говорят ему:

— Пошли в горы хворост собирать.

Заставили семеро плешивых того плешивого в горы пойти.

Схватили семеро плешивых того плешивого, привязали к дереву, сами собирать хворост ушли. В это время одноглазый гусударев пастух пришел, овец пасты пригнал.

Одноглазый и спрашивает:

— Кто тебя тут привязал?

Решил плешивый обмануть его:

— Не было у меня одной ноги, привязали меня здесь, теперь две ноги стало.

Одноглазый и говорит:

— Я тебя развяжу, ты меня привяжи.

Привязал плешивый одноглазого к дереву, а сам взял его баранов и домой пошел. Сожгли семеро плешивых одноглазого, останки в воду кинули.

Вернулись обратно, глядь — а плешивый-то дома.

— Ты как вернулся?

Плешивый и говорит:

— Под водой баранов много. Я их домой пригнал.

Семеро плешивых и говорят:

— Мы тоже под воду опустимся, тоже баранов пригоним.

Плешивый говорит:

— Правильно!

Семеро плешивых в воду кинулись, да все и утонули. А тот плешивый домой вернулся. Хотели семеро плешивых одному навредить, да сами и умерли.

59. Слепой, плешивый и сопливый

Пришел с востока слепой, пришел с запада плешивый, пришел с юга сопливый. Подружились все трое. Пошли в харчевню. Слепой и говорит:

— Сядет мне муха на глаза, не буду отгонять ее. Коли отгоню ее — плачу деньги.

Плешивый говорит:

— Укусит меня муха в голову — не почесушь. Коли почесушь — плачу деньги.

Сопливый говорит:

— Коли я нос вытру — плачу деньги.

Начал плешивый рассказывать:

— На одной горе живет баран, у него рога вон какие длинные!

Показывать стал и почесал голову.

Начал сопливый рассказывать:

— Под той горой живет заяц. Так его гоняют, так его люди бьют, так его лупят.

Показывать стал, да нос и вытер.

Тут слепой сказал:

— Я не верю, я не верю! Хитрите вы!

Замахал руками, да муху и согнал.

60. [Трое плешивых]

Сговорились трое плешивых ночью к одной женщине пойти.

Первый плешивый говорит:

— Я вперед пойду!

А второй не соглашается:

— Нет! Я пойду!

Третий тоже вперед пойти хочет. Заспорили они. Один и говорит:

— Стойте! Не ссорьтесь! Пойдем все вместе.

Пошли они вместе. Открыла им женщина. Только они на кан уселись, муж ее вернулся, велит дверь открыть. Спрятала она их в печку и открыла мужу двери. Вошел муж и говорит:

— Что-то холодно в доме. Разожги-ка печку.

Растопила женщина печь, а потом как закричит:

— Ай-я! В печке-то человек!

Потушил муж сразу огонь и вытащил трех плешивых. Глянул на них, а они все уже от дыма задохнулись. Забеспокоился муж, говорит жене:

— Ай-я! Вот беда! В доме у нас три покойника. Прознают про то власти, не жить нам обоим. Во что бы то ни стало надо этих плешивых за городскую стену выкинуть.

На другое утро подошел к их воротам нищий. Жена ему и говорит:

— Есть у меня для тебя одно дело. Такое вот дело. Вдова я, пришел ко мне вчера один больной плешивый, да ночью и умер. Теперь я боюсь наказания. Надо во что бы то ни стало этого покойника тихонько за городскую стену выбросить. Прошу тебя, помоги мне. Я дам тебе двадцать лёнов серебра. Только не говори об этом никому.

Нищий решил заработать двадцать лёнов серебра и согла-

сился. Когда стемнело, он взвалил покойника на спину и бросил за городской стеной. Вернулся к женщине и стал требовать деньги.

А та говорит:

— Ты что, не мог подальше бросить. Гляди, плешивый обратно прибежал. Возьми-ка его, да теперь подальше отнеси.

Нищий не знал, что это второй покойник, взвалил на спину и на этот раз отнес подальше. Вернулся, а женщина ему:

— Ай-я! Ну что ты за человек! Разве я тебе не говорила, чтоб отнес плешивого куда-нибудь подальше. Не послушал ты меня, а он опять прибежал. Теперь уж ты обязательно отнеси его еще дальше.

В третий раз взвалил нищий на спину плешивого, отнес его совсем далеко и бросил в глубокую яму. А когда бросал, — не заметил, что подле ямы человек сидит, оправляется. Увидел этот человек покойника, испугался и ну в город бежать. Нищий его за покойника принял, решил за ним гнаться. А прохожий решил, что покойник его нагоняет, и побежал еще быстрее. Не догнав его нищий, рассвирепел и давай плешивого поносить:

— Ах, черт за тобой гонится! Опять обратно бежишь. Нет! На этот раз я к женщине не пойду. Не надо мне двадцати лён серебра. Это серебро и за всю жизнь не заработаешь!

61. Паршивый

Давным-давно жил юаньвэй. Он держал двух работников: один коней пас, а другой — овец. Того, кто коней пас, звали Лучыр, а другого просто Туцзы — Паршивый. Однажды Лучыру приснилось, будто он стоит между луной и солнцем, а в каждой руке у него по звезде. Лучыр позвал Паршивого и говорит:

— Я видел странный сон. Может, растолкуешь его мне?

— А ты расскажи, что за сон, — попросил Паршивый.

И Лучыр стал рассказывать:

— Мне приснилось, будто я стою между луной и солнцем, и в каждой руке у меня по звезде.

Паршивый выслушал Лучыра и говорит:

— Сон как сон. Ничего особенного. Не продашь ли его мне?

Лучыр даже вскочил от удивления и отвечает:

— Разве можно сон продать?

— Если продашь от чистого сердца, то можно, — сказал Паршивый.

— Продам, продам! — стал смеяться Лучыр.

Тогда Паршивый говорит:

— Ты не смейся! Если согласен, давай о цене договоримся. Я отдам тебе все, что заработал у юаньвэя за три года.

Лучыр услышал это и от удивления рот разинул. Потом решил: «Паршивый просто дурак, если за сон согласен отдать мне все деньги, которые заработал за три года! Продам ему!» Лучыр все еще сомневался, что Паршивый сон покупает, и опять спросил:

— Ты в самом деле хочешь купить у меня сон?

— Я восемнадцать лет живу на свете и еще ни разу никого не обманул,— ответил Паршивый.

Лучыр отдал Паршивому свой сон, а Паршивый заплатил ему все деньги, которые заработал за три года.

На другой день Паршивый собрал свои пожитки, повесил за спину узел и ушел.

В то время у императора был один верный сановник, обещал ему император свою приемную дочь отдать. Но принцесса не хотела идти замуж за сановника: старый, мол, он. Император стоял на своем, говоря:

— Ничего, что старый, зато преданный, много лет у меня прослужил.

Принцесса один раз и говорит служанке:

— По соседству живет один юноша-студент, скажи ему, сегодня вечером, как стемнеет, пусть ждет меня подле перекрестка. Я с ним убегу.

Передала служанка юноше слова дочери государя. Согласился он и сказал:

— Ладно! А где мне ее ждать?

— У перекрестка.

— Хорошо! В полночь из города выберемся.

Ушла служанка обратно. Но в тот день император, как нарочно, пригласил гостей. Юноша напрасно прождал ее в условленном месте и подумал: «Дочь императора дома сидит, а я жду ее всю ночь». И ушел.

На другую ночь к перекрестку как раз подошел Паршивый, туда-сюда, не знает, куда идти, улегся там спать. В полночь приехала на коне в условленное место принцесса. Видит — спит человек. Дочь государя приняла его за юношу, с которым уговорилась бежать, и стала его будить:

— Эй, проснись!

Паршивый в испуге вскочил, тогда принцесса и говорит:

— Садись быстрее на коня! Бежим скорей!

Паршивый поднялся, глядь — перед ним девушка на коне. Вмиг вскочил в седло, и они помчались вперед. Так они скакали до рассвета, тут принцесса повернула голову, глянула и изумилась: «Эй-ё! Да это Паршивый! Я отказалась выйти за верного сановника из-за того, что стар. Полюбила ученого юношу, тот не пришел, вот и достался мне вместо него паршивый! Делать нечего! Паршивый так паршивый!» Паршивый с прищессой приехали в какое-то другое царство, нашли жилье и стали вместе жить.

Однажды жена говорит Паршивому:

— Завел бы себе друга, только не из стражников.

— Почему не из стражников? — удивился Паршивый.

Жена ответила:

— Стражник глаза раскроет, а людей не узнает.

Тогда Паршивый подумал: «Не велит со стражником дружить, а я нарочно подружусь!» Пошел он по улице, завел знакомство со стражником и позвал его домой чай пить. Жене же сказал:

— Подавай быстро еду! Я сегодня нового друга завел.

Стотовила она еду, поглядела через кухонное окошко, а муж-то со стражником дружбу свел. Позвала она тут же мужа и говорит:

— Не буду стражнику прислуживать!

Муж ничего не ответил, взял блюдо с кушаньем, и сам отнес гостю. Стражник удивился, что хозяин сам подает еду, и спросил:

— У тебя что, нет жены?

— Почему так говоришь?

— И еду, и чай — все ты сам подаешь, а жена-то что?

Тогда Паршивый рассердился, вышел и обругал жену:

— Живее подавай обед, а мой новый друг пока отдохнет!

Жена ни слова не сказала, только вздохнула тяжело и понесла обед. Стражник увидел жену Паршивого. Он даже не стал есть и говорит Паршивому:

— Ну, мне, друг, пора, а завтра ты приходи ко мне в гости.

Стражник попрощался с Паршивым и отправился прямо во дворец. Там он предстал перед императором и доложил ему, что был в гостях у одного человека, недавно появившегося у них в городе, и что ни одну из трех императорских жен нельзя сравнить с женой этого человека, так она хороша собой. Услышав это, император позвал старую сводню и сказал ей:

— Тут приехал один человек, очень уж красивая у него жена. Что бы такое придумать, как мужа ее отослать?

Сводня захихикала и сказала:

— Эх, у меня много всяких способов. Есть в стране пери¹ большая река, пошлем его, пусть добудет из реки котел.

Император позвал стражника и велел:

— Приведи-ка поскорей того человека!

Стражник быстро пошел к дому Паршивого и стал звать его:

— Друг, император тебя зовет.

Привел стражник Паршивого к государю. Сводня и говорит Паршивому:

— Император нынче занемог, ты должен пойти в страну пери, там есть река, а в реке — котел. Раз в год драконы выносят этот котел на сушу. Похитишь его и принесешь во дворец. Император выпьет чай, вскипяченный в этом котле, и сразу выздоровеет.

Паршивый выслушал сводню и опечалился. А император ему и говорит:

— Иди домой, посоветуйся!

Пришел Паршивый домой понурый, жена и спрашивает:

— Что сказал тебе император?

— Император заболел, а мне велели идти в страну пери похитить котел.

А жена ему:

— Предупреждала я тебя, чтоб не заводил друзей среди стражников, так ты не послушался. А теперь иди к императору и проси, чтоб назначил срок, когда принести котел.

Паршивый опять пошел во дворец, и император дал ему месяц сроку.

Когда Паршивый вернулся домой, жена вручила ему баранью косточку и говорит:

— Придешь в безлюдное место, брось косточку на землю и появится скакун, пробегающий тысячи ли. Ты все расскажешь коню, и он примчит тебя куда надо.

Паршивый отправился в путь, дошел до безлюдного места и бросил косточку. Только он ее бросил, перед ним появился тысячеверстный скакун — чьяньлима. Паршивый поведал коню свое горе.

Конь выслушал Паршивого и сказал:

— Садись быстрее на меня.

Паршивый вскочил на коня, в ушах у него завыл ветер.

И не успел Паршивый глазом моргнуть, как очутился в стране пери.

Конь и говорит ему:

— Завтра драконы достанут котел со дна реки и вытащат на сушу, чтобы позабавиться. Ровно в полдень они уйдут. Останется только один дракон. Он уснет на солнышке. Я тоже дракон, только обитаю на суше, а те драконы водяные.

На другой день Паршивый видит, как драконы вытащили из воды котел и стали забавляться с ним. Ровно в полдень все драконы ушли на дно озера, остался только один, который дремал на солнце. Тут конь и говорит:

— Садись скорей на меня! Одним махом хватай котел и не оглядывайся.

— Это можно,— ответил Паршивый.

Он вскочил на тысячеверстного скакуна и схватил котел драконов. И опять в ушах у него завыл ветер. Тут Паршивый почувствовал, что за ними гонятся, и оглянулся. Он увидел разверстую драконью пасть, готовую проглотить Паршивого. Паршивый с перепугу и выпустил котел из рук. Когда небесный конь вышел на сушу, из ушей у него потоками лилась вода. Небесный конь спросил Паршивого:

— Котел взял?

А Паршивый ему и отвечает:

— Какой там котел! Не брось я его, быть нам обоим съеденными. Пасть-то у дракона какая! Как два плетеных совка для провеивания зерна.

Конь рассердился и говорит:

— Эй! Я ведь говорил тебе, что я дракон, зря только силы и время потратил. Раз ты трус, нечего было за это дело братья!

Паршивый пригорюнился и сказал:

— Что же я теперь императору скажу?

Конь подумал и посоветовал:

— Попробуй еще. Не сумеешь и на этот раз, больше не буду тебе помогать.

Паршивый выслушал слова коня и сказал:

— Пусть на этот раз хоть съедят меня драконы — все равно унесу котел.

Конь говорит:

— Надо подождать пять-шесть дней, они еще выйдут.

Паршивый и конь прождали шесть дней. Драконы опять вышли из реки и вынесли котел. Ровно в полдень спустились

на дно реки. Наверху остались только два дракона, но после полудня они устали, тут конь и говорит Паршивому:

— Видишь, драконы уснули? Садись на меня и не трусь, пусть даже дракон захочет проглотить тебя!

Паршивый сел на коня и быстро схватил котел. В ушах у него еще яростней, чем прежде, засвистел-загудел ветер. Паршивый слышал, как гонятся за ними с грозным криком драконы, и ему было страшно. Но он не обернулся.

— Ну что, взял котел? — спросил его конь.

— Взял!

— Ну хорошо! Теперь помчались скорей!

Паршивый еще крепче прижал к себе котел и пригнулся к спине коня. В полночь они вернулись домой. Жена видит — муж вернулся. Произнесла заклинание, дунула на коня, и тот снова превратился в баранью косточку. Жена спрятала косточку и сказала мужу:

— Ты завтра отнеси котел императору, пусть он себе надобье сварит.

На другой день Паршивый отнес котел императору. Император увидел котел, изумился и подумал: «Этот юноша наверняка не простой человек». Государь оглядел котел и сказал:

— Я-то не знаю, тот это котел или нет! Позвать сюда сводню!

Старуха пришла, посмотрела и сказала, что это тот самый котел из страны пери, который принадлежит драконам. Пришлось императору отпустить Паршивого домой. Как только Паршивый ушел, император забеспокоился и говорит старухе:

— Видно, не сгубить нам этого юношу!

— Теперь я знаю, как его сгубить, — ответила старуха. — Вели позвать его во дворец!

Паршивый снова явился во дворец. Тогда старуха и говорит ему:

— Очень хорошо, что ты принес котел, а теперь принеси еще из страны пери горсточку золы. Никто, кроме тебя, ее не достанет.

Паршивый помолчал, а потом сказал, что ему надо подумать. Пришел домой и говорит жене:

— На этот раз живым мне не вернуться. Опять император посылает меня в страну пери, чтобы я добыл золу!

— Говорила я тебе, что накличешь беду на свою голову! Теперь надейся только на свою удачу и бери в помощники коня. А пока ступай к императору и скажи, пусть назначит срок.

Император дал Паршивому сорок пять дней срока. Паршивый взял баранью косточку и отправился в путь. Выйдя из города, он нашел безлюдное место, бросил косточку на землю, и перед ним в тот же миг появился белый конь.

Паршивый рассказал коню о своей беде. Конь обещал доставить Паршивого в страну пери, но предупредил:

— В страну пери я не могу войти. Я тебе все здесь объясню, а ты уж на себя положишься.

— В стране пери девять ворот. Первые ворота охраняет ежынгуй². У него человечесье сердце. Подойдешь к нему, пожалуешься на судьбу и станешь плакать. Проплачешь три дня и три ночи, тогда сердце ежынгуя смягчится. Ежынгуй тебя спросит: «Отчего ты плачешь?» Ты ему ответишь: «Император заболел, и меня послали в страну пери за горсточкой золы из очага». Ежынгуй тебе скажет: «Ладно, я пропущу тебя, но есть еще восемь ворот. Вторые ворота охраняет тигр, третьи — лев, четвертые — ёмогугуэй³, пятые — бурый медведь, шестые — серый волк, седьмые — змей-мон⁴, восьмые — девuczы⁵». Ежынгуй скажет, что ты должен делать дальше. Я буду ждать тебя сорок дней, если на сороковой день не придешь, уйду один.

Паршивый сделал все, как ему велел небесный конь. Три дня и три ночи он проплакал у первых ворот, сердце ежынгуя смягчилось, и он спросил у Паршивого: «Отчего ты плачешь?» Паршивый все по порядку рассказал. Тогда ежынгуй подумал и говорит:

— Есть тут один дом, пройдешь мимо, но не войдешь! За этим домом, во внешнем дворе, есть сад, а в саду — пруд. В пятницу три дочери пери, надев наряд из перьев белых голубей, прилетят к пруду, скинут там свой пух и снова превратятся в трех красавиц. Ты в это время схоронись под цветочным кустом, а как увидишь, что они пошли купаться, спрячь голубиные перья самой младшей. Она выйдет из воды и начнет просить, чтобы ты отдал ей перья. Но ты не отдавай, пока она не поставит на твоей ладони печать царства пери. С этой печатью ты без труда пройдешь в дом пери.

Паршивый поблагодарил ежынгуя, дождался пятницы и схоронился в саду под цветочным кустом. Он видел, как прилетели три голубки, сбросили перышки и со смехом пошли купаться. Девушки были до того прекрасны, что Паршивый едва не ослеп, глядя на них. Потом вылез из-под куста и спрятал перышки самой младшей из дочерей пери.

Искупавшись, две девушки снова нарядились голубками и

улетели. А третья никак не могла найти свои перышки. Паршивый спросил, что она ищет. Девушка увидела юношу, вскрикнула, спряталась среди цветов и ответила:

— Я ищу свою одежду из голубиных перьев.

Паршивый сказал, что это он спрятал ее перышки, но не отдаст до тех пор, пока она не поставит на его ладони печать царства пери. Девушке ничего не оставалось, как выполнить просьбу.

Она поставила на его ладони печать, надела голубиные перышки, сделала два круга над садом и улетела. Паршивый вернулся к ежынгу, сказал, что сделал все, как тот ему велел, и спросил, как быть дальше. Ежынгу и говорит:

— Ничего больше не надо. Стоит тебе показать свою руку с печатью, и ты беспрепятственно пройдешь через все ворота.

Паршивый поблагодарил ежынгуя и прошел через остальные восемь ворот. Проникнув в дом пери, Паршивый набрал в кухне золы, но когда возвращался обратно, то заблудился, не нашел прежних ворот, а охрана, что стерегла другие ворота, подняла крик.

— Чужой человек появился!

Паршивого мигом обступили пери, но он поднял руку с печатью, пери тотчас умолкли и отвели Паршивого к своему императору. Император спросил:

— Как ты пришел сюда?

Паршивый поднял руку и показал печать на ладони. Увидев печать, император немало удивился. Потом он открыл гадательную книгу и прочел: «Прибыл зять пери, жених младшей дочери императора». Прочитав это, император не промолвил больше ни слова и через два дня отдал свою третью — младшую дочь за Паршивого. Сыграли свадьбу. Паршивый от счастья забыл, что кончается его срок пребывания в стране пери и что его ждет белый тысячеверстный скакун. Лишь на сороковой день он вспомнил об этом и рассказал императору.

— Иди скорей,— сказал император,— что тебе надо, то и бери.

Паршивый взял свою жену и вместе с ней ушел из страны пери. Конь уже собирался умчаться обратно, но увидел Паршивого с девицей пери и остановился. Паршивый и его жена сели на коня и мигом очутились в своем городе. Первая жена Паршивого произнесла заклинание, дунула, и белый тысячеверстный скакун снова превратился в баранью косточку. Затем она приветствовала дочь пери и пригласила ее в дом. Парши-

вый, видя, как приветливо встретила его жена дочь пери, обрадовался, что у него такая умная жена, и тоже последовал за ними в дом. Жена спросила, привез ли он золу. Паршивый ответил, что привез. Тогда жена велела ему тотчас отнести золу императору.

Когда император увидел золу, он приказал позвать старуху-сводню, чтобы она сказала, ту золу принес Паршивый или нету. Старуха ответила, что ту самую. Услышав это, император еще больше заволновался. Отослал он Паршивого домой и сказал старой сводне:

— Эй, старая, не сгубить нам этого человека!

Но сводня успокоила императора, сказав, что теперь непременно погубит его и посоветовала выкопать яму глубиной в десять тысяч чжонов, положить в нее дров, облить их маслом и поджечь, а самому упасть на землю у края ямы, плакать и говорить: «Там горят останки моих отца с матерью». Потом послать за Паршивым и сказать: «Ты один можешь достать из ямы останки отца и матери императора».

Как раз в это время мимо ворот шел стражник, с которым Паршивый подружился. Он увидел приятеля, зашел в дом, завел беседу с Паршивым, заметил красавицу дочь пери и тут же отправился во дворец. Предстал перед императором и рассказал, что Паршивый привез жену, принцессу пери, которая во много раз красивее его первой жены. Император совсем лишился покоя. Он приказал слугам вырыть яму, накидать хворосту, вылить десять бочек масла, а потом послать стражников за Паршивым. Император и говорит ему:

— Эй, герой! Там в огне горят останки моих родителей. Ты один можешь вынести их из ямы, талант у тебя большой!

Увидев огонь, Паршивый весь задрожал. Он попросил позволения сбежать домой и обещал тут же вернуться. Услышав это, император возликовал. На этот раз он был уверен, что погубит Паршивого и возьмет к себе его красавиц-жен.

Паршивый между тем пришел домой и обо всем рассказал своим женам. Тогда старшая жена и говорит:

— Дважды я спасла тебя от верной смерти, а сейчас тебе может помочь только дочь пери.

Младшая жена сказала, что ей совсем это нетрудно сделать, велела мужу идти и ничего не бояться. После этого дочь пери обернулась белым голубем и полетела следом. Она произнесла заклинание, и вдруг все потемнело, и с неба посыпались камни, каждый величиной с дом. Кругом ничего не было видно. Один

камень упал прямо на императора и злую старуху и раздавил их. Остальные камни придавили всех злых и коварных людей. Опять загрохотал гром, сверкнула огненным копьём молния, и вероломный стражник превратился в кусок черного угля. Тогда прекрасная дочь пери снова произнесла заклинание, и вокруг стало светло. Тучи рассеялись, и землю озарило солнце. Всевозможные птицы на разные лады запели в садах.

А у императора был один знаменитый мудрец, он-то и рассказал людям обо всем, что произошло. Люди выбрали Паршивого императором. Дочь царя пери намазала голову мужа каким-то снадобьем, и на ней выросли волосы. Так Паршивый стал красивым.

Три года правил новый император страной и ни разу за все это время не засмеялся. Но вот старшая жена родила ему сына, он взял его на руки и стал громко хохотать. Вторая жена удивилась и спрашивает:

— Уж не надо мной ли ты смеешься? Может быть, я тебе разонравилась?

— Нет, моя красавица, ты мне не разонравилась. Спроси у старшей жены, и она расскажет тебе, почему я смеюсь.

И старшая жена стала рассказывать:

— Солнце — это я, луна — это ты, две звезды — наши дети. Я родила одного, ты родишь второго.

Услыхав это, дочь царя пери очень обрадовалась и через год действительно родила сына.

Взял Паршивый детей на руки, посадил рядом с собой обеих жен — вот тебе и солнце, и луна, и звезды светят.

62. Паршивый и юаньвэй

Жил некогда один юаньвэй, и были у него сын и дочь-красавица. Дочь сидела у себя в узорчатом тереме-щюхуалу и вышивала цветы.

А в тех местах жила бедная старуха. Был у нее приемный сын, и тот с паршой. Ничего сын не делал, каждый день они только ходили с матерью по чужим людям и просили подаяния. И вот однажды старуха с сыном пришли к воротам юаньвэя милостыню просить, увидели на воротах портрет его дочери-красавицы, а под портретом надпись: «Кто не уступит моей дочери в красоте, тому я отдам ее в жены». Паршивый глаз не мог оторвать от красавицы и, вернувшись домой, сказал матери:

— Не посвататься ли мне к этой девушке?

Услыхав такое, старуха грустно-грустно рассмеялась и ответила:

— Эх сын, видать, головы у тебя на плечах нет. Ведь у тебя на голове парша. Кто же выдаст за тебя такую красавицу?

Но Паршивого нисколько не огорчили слова матери, и он сказал ей:

— Пойдешь завтра к воротам богача. Сними с ворот портрет его дочери, прижми его к груди, ничего не говори, а только плачь. Юаньвэй выйдет и спросит, почему ты плачешь, ты скажи: «Мой сын так же красив, как эта девушка на портрете. Три года назад он ушел в чужое царство, и когда вернется, не знаю. А сейчас, как посмотрела на портрет, так вспомнила про сына, потому и плачу».

Пошла на следующий день старуха к воротам богача, сняла портрет, прижала его к груди и стала горько плакать. Юаньвэй услышал, что на улице кто-то плачет, и вышел. Видит — старуха прижимает к груди портрет его дочери и обливается слезами. Юаньвэй изумился и спросил, почему она плачет. Старуха ответила точь-в-точь так, как учил сын. Богач выслушал и говорит:

— Не плачь. Когда вернется твой сын, сватай за него мою дочь.

Старуха поспешила домой, где ее с нетерпением дожидался сын, и обо всем ему рассказала.

Через два месяца старуха пошла к богачу и сказала, что сын ее вернулся. Радуюсь, что отдаст дочь в жены достойному человеку, юаньвэй стал готовиться к свадьбе. Но когда наступил день свадьбы и юаньвэй увидел жениха, он остолбенел, узнав в нем того самого Паршивого, который часто приходил к ним за милостыней. Но что оставалось богачу делать? И он отдал дочь за Паршивого.

Когда гости сели за стол, богач спросил Паршивого:

— Есть у тебя дома какое-нибудь имущество?

Паршивый отвечал:

— У меня дома пол метет слуга Фын¹, светит юэдын — месяц-лампа², котел на камнях стоит — золотой, стены в доме — из чистого золота.

Один только юаньвэй понял, что сказал Паршивый; закивал головой:

— Ладно! Ладно!

Привез Паршивый жену к себе в дом и говорит матери:

— Жену я всеми правдами и неправдами привез, а что сказать, когда она меня рассмотрит — не знаю.

Старуха в ответ только руками развела. Сын подумал, подумал, потом вскочил с места и говорит:

— Надо, чтобы кто-нибудь залез на крышу, стал ходить по ней и приговаривать: красивый с некрасивым до старости проживут, красивый с красивым до утра умрут.

Как только стемнело и молодые пошли к себе, старуха наняла человека, велела ему залезть на крышу, громко топтать и кричать.

— Кто это ходит по крыше и кричит? — спросила жена.

— Ай-я, ты еще не знаешь, — ответил муж, — есть у нас здесь ёмогугуэй, разве ты не слышишь, как он говорит, что мы и до утра с тобой не доживем, потому что оба одинаково красивые.

— Что же делать? — всполошилась жена.

— Что делать? Превращаться!

— Во что же ты превратишься?

— Слышишь, что говорит ёмогугуэй. Он говорит, что красивый с красивым до утра не доживут, а мы с тобой оба красивые, значит, один из нас должен стать некрасивым. Я — мужчина, мне неважно, вот и стану некрасивым. А теперь укрой меня поплотней одеялом. Да смотри, чтобы я не очень сильно изменился, а то уродом стану.

Жена укрыла мужа одеялом и стала смотреть, что будет дальше. Смотрела, смотрела и не заметила, как уснула. Спала она долго. Паршивый за это время под одеялом весь потом изошел. Он вскочил и как закричит:

— Ты почему спишь?

Жена тоже вскочила и спрашивает:

— А разве что-нибудь случилось?

— Ты еще спрашиваешь? Перепревратился я! Уродом стал — вот что! Как теперь быть?

Жена опечалилась и говорит:

— Я уснула, значит, виновата. Так что не расстраивайся. Красивый ты или урод, все равно останусь твоей женой.

Паршивый обрадовался, услышав такие слова, и говорит:

— Я знал, что ты будешь любить меня, если даже я стану уродом!

Утром невестка сказала свекрови:

— Ночью по крыше ходил ёмогугуэй и громко кричал: красивый с некрасивым до старости проживут, красивый с краси-

вым до утра умрут! — Ваш сын испугался, решил изменить свою внешность, но я заснула, вот он и перележал.

— Что же делать, такая у тебя, видно, судьба. Был точь-в-точь как ты, а теперь посмотри, на кого он похож! — И старуха залилась слезами.

Невестка стала ее утешать:

— Не надо плакать! Перележал, так перележал! Пусть он урод, я все равно останусь его женой.

На второй день Паршивый с женой отправился в гости к теще. Теща и остальные домочадцы глазам своим не поверили.

— Так ведь это тот самый Паршивый! Как же мы могли выдать за него свою дочь? — сокрушалась теща.

Дочь тогда и говорит матери и жене старшего брата:

— Ночью по крыше ходил ёмогугуэй и кричал: красивый с некрасивым до старости доживут, красивый с красивым до утра умрут. — Муж услышал, испугался, решил стать некрасивым, но я уснула, недоглядела, и он стал уродом. Раньше-то был точь-в-точь как я. А теперь сами видите.

Мать рассердилась и говорит:

— Глупая ты! Ведь тебя обманули!

Дочь тоже рассердилась и ответила:

— Обманул он меня или не обманул, а я его жена и буду с ним жить!

Мать ничего больше не сказала и пригласила зятя в дом.

63. Какова плата, такова и расплата

В прежние времена жила одна семья: старик, старуха, два сына и маленькая дочь. Старшего сына звали Вон Да, а младшего — Вон Ху¹. Вон Да поехал в столицу учиться. Не было от него вестей, и старик решил сосватать для младшего сына дочь одного богатого человека. Звали ее Чинхуа. Дело к свадьбе. А тут и полгода не прошло, умер старик. С того дня Вон Ху с матерью жили все хуже и хуже. Мать посылала Вон Ху на базар торговать. Сын целыми днями продавал воду, так они и жили.

Однажды, когда Вон Ху торговал водой, его ненароком заметил слуга будущего тестя. Он побежал и обо всем рассказал богачу. Богач подумал и решил погубить Вон Ху, а дочь отдать за такого же богача, как он сам. Он придумал коварный

план. Позвал юношу к себе и велел учиться. Вон Ху поместили в отдельном доме и наняли ему учителя. После этого юноша еще больше обрадовался. Богач заботился не только о Вон Ху, но еще и о его старой матери и сестре, посылая им немного денег. Три раза в день служанка приносила юноше еду.

Но вот однажды богач спрятался в кустах, неподалеку от домика Вон Ху, дождался, пока служанка понесет юноше еду, выскочил из кустов и одним ударом меча снес ей голову. Потом, никем не замеченный, вернулся к себе. Прикинулся, что ничего не знает. Сидит себе в доме.

Служанка между тем все не возвращалась, домашние стали звать ее. Богач приказал разыскать ее, работники принялись искать и нашли девушку мертвой неподалеку от дома, где поселили юношу. Богач заорал:

— У моего будущего зятя родились грязные мысли. Он, видно, захотел позабавиться со служанкой. Она сопротивлялась, вот и прикончил ее. В тюрьму его!

Богач позвал стражников, и они увели юношу в местную тюрьму, а потом переправили в столичную тюрьму.

После этого мать Вон Ху и сестра стали жить еще хуже. Сестре уж четырнадцатый год пошел. Вот она и говорит матери:

— Продай меня какому-нибудь богачу, будешь жить на выроченные деньги!

Старуха не соглашалась. Но что ей было делать? И она позвала старуху-посредницу, чтобы та нашла покупателя. Старуха отвела сестру Вон Ху прямо к Чинхуа и спросила, не нужна ли ей служанка. Чинхуа взглянула на девушку, увидела, что она очень похожа на ее жениха Вон Ху, пожалела ее и купила. Сестра Вон Ху не знала, что перед ней невеста ее брата, и рассказала ей все, что с ними приключилось. Выслушав ее, Чинхуа дала сестре Вон Ху несколько юаньбо, отпустила ее домой, сказала, что придет к ним сама, как только стемнеет, и велела повесить фонарь на воротах. Девушка вернулась домой, поведала обо всем матери.

Ночью Чинхуа со своей подругой переоделись в мужскую одежду, взяли копья, привесили к поясу мечи, захватили луки и стрелы, сели на резвых коней. К седлам они приторочили мешки с серебром и золотом и тихонько выбрались из дома. Они кружили по городу, пока не увидели на воротах одного из домов фонарь. Девушки вошли в дом. Чинхуа низко поклонилась будущей свекрови, разузнала все подробно о своем женихе и в ту же ночь вместе с подругой отправилась в столицу. Они скакали

в темноте по широкой дороге, когда вдруг откуда ни возьмись появились два волка, которые гнались друг за другом. Перепуганные кони шарахнулись в разные стороны и помчались галопом. Девушки, не привыкшие к верховой езде не могли удерживать поводья, и кони понесли Чинхуа в один город, а ее подругу — в другую.

Чинхуа остановилась на каком-то постоялом дворе. Хозяевами там были старик и старуха. Когда старик снимал седло с коня Чинхуа, он заметил, что привязанный к седлу мешок полон золота и серебра, и решил убить путника. Он подсыпал гостю в еду отравы и, не успела Чинхуа проглотить и кусочка, как почувствовала себя плохо, упала и лишилась памяти. Старик подумал, что «юноша» мертв, положил его в мешок, взвалил на спину и отправился к реке, чтобы бросить тело в воду.

А в это время в одной семье заболела старуха. Родственники пригласили ахуна, чтобы он осмотрел ее. Ахун поглядел на больную и сказал, что ночью надобно ее свезти на кладбище, пусть она там походит и после этого выздоровеет. Кладбище находилось на берегу реки. Старик, хозяин постоялого двора, приволок мертвого юношу как раз тогда, когда родственники привезли на кладбище старуху. Увидев целую толпу людей с фонарями в руках, старик решил, что это ищут его, бросил мешок и пустился наутек. Люди подошли к тому месту, где лежал мешок, и остановились. Один из них, самый смелый, развязал мешок и увидел юношу. Ахун пощупал пульс у юноши и понял, что он еще жив. Тогда он говорит мужу больной старухи:

— Если хотите, чтобы ваша жена выздоровела, вылечите этого юношу.

Муж согласился. Люди положили Чинхуа на телегу и поехали обратно. По дороге с ноги юноши свалился башмачок. Он был совсем крохотный, и все удивились: разве могут быть у юноши такие маленькие ноги? Но никто не придал этому значения. Башмачок надели юноше на ногу и двинулись дальше. Только дома они поняли, что это девушка. Чинхуа дали снадобье, и очень скоро она поправилась. Старик и старуха принялись спрашивать, кто она, где ее родители, и Чинхуа им рассказала, как попала в эти края. Оказалось, что старуха — младшая сестра матери Чинхуа. Так Чинхуа оказалась в доме тетки.

Хозяин постоялого двора, бросив Чинхуа возле кладбища, вернулся домой, забрал все золото и серебро, вскочил на коня, старуху устроил в седле коня Чинхуа и поехал в горы. Как раз в это время подруга Чинхуа плутала на своем коне в горах

и здесь встретила хозяина постоянного двора. Она посмотрела на коня, которого старик вел на поводу, и ей показалось, что это конь Чинхуа. Тут девушка заподозрила неладное. Она подъехала к старику и предложила ему купить у нее за любую цену коня, сказала, что торговаться не будет, потому что осталась совсем без денег. Старик сперва не соглашался, но когда увидел, что конь так же хорош, как тот, которого он вел на поводу, решил купить. Старик стал развязывать сумку, ища деньги, тут девушка воспользовалась случаем и одним выстрелом из лука сразила старика. Тогда девушка стала допытываться у старухи, на чьем коне она сидит. Старуха перепугалась и рассказала всю правду. После этого девушка взяла двух коней и отправилась в город.

Чинхуа в это время сидела на крыше дома своей тетки, как вдруг увидела всадника, ведшего на поводу второго коня. Чинхуа сразу узнала во всаднике свою подругу и послала человека позвать ее. Подруги встретились, рассказали обо всем тетке Чинхуа и мужу ее и отправились дальше.

А в это время у края дороги схоронился один человек, решивший ночью ограбить кого-нибудь. Вдруг к нему подкрался другой в такой же рваной одежде, что и он. Бедняк спросил пришельца, зачем тот пришел. Второй ответил, что у него три дня назад умерла мать. Хотел похоронить как полагается, но денег не было. Вот и решил напугать кого-нибудь и потребовать две-три монеты.

Услышав это, бедняк и говорит:

— Одна у нас с тобой судьба. У меня семеро детей, все просят есть. Пробовал наниматься на работу, никто не берет. И вот, чтобы дети не умерли с голоду, я пошел разбойничать.

Вели они между собой разговор и увидали вдалеке тени всадников. Они подбежали к мосту и спрятались по обе стороны. Первый бедняк и говорит второму:

— Я буду кричать с этой стороны моста, а ты с той. Они подумают, что нас тут очень много, бросят деньги, а сами убегут. Решив так, разбойники стали ждать всадников. А это были Чинхуа и ее подруга. И когда всадники были уже совсем близко, один из разбойников крикнул: «Стойте!» Услышав крик, они мигом сняли луки и приготовили стрелы. Чинхуа громко крикнула:

— Кто вы? Что вам нужно?

В это время с противоположной стороны моста второй разбойник завопил:

— Выкладывайте все, что у вас есть!

Чинхуа и ее подруга закричали:

— Не прячьтесь, выходите!

Разбойники вышли, но, увидев направленные на них стрелы, испугались и рассказали всю правду. Девушки дали каждому бедняку по одному юаньбо и отпустили.

Наконец девушки прибыли в столицу и стали спрашивать всех про Вон Ху. Узнав, что Вон Да, старший брат Вон Ху, стал полководцем, девушки пришли к нему и рассказали, зачем приехали в столицу. Услышав, что Вон Ху в тюрьме, Вон Да тотчас послал людей, чтобы освободить младшего брата. Встретившись, братья обнялись и заплакали. Потом Вон Ху встретился и с Чинхуа, а Вон Да спросил ее, как надо поступить с ее отцом: казнить ли его, или помиловать — все, мол, на ее усмотрение.

Вспомнив все дурные дела своего отца, Чинхуа, не в силах побороть гнев, сказала:

— Какова плата, такова и расплата! Мой отец не пожалел меня, хотел сгубить моего жениха. Не пощадил он и двенадцатилетнюю девочку — служанку, убил ее. И я его не пощажу. Казните его.

Так вот по приговору дочери и был схвачен и казнен ее отец-богач.

64. Ли-юаньвэй

Давным-давно жил Ли-юаньвэй. Кроме жены, никого у него не было. Побратался он с одним человеком, которого звали Ю Гэйлон. Ли-юаньвэй оказался старше, поэтому Ю Гэйлон стал младшим братом. Он ничего не делал и целыми днями шатался по улицам. Ли-юаньвэй сказал однажды жене:

— Целыми днями мой младший брат без дела шатается. Может, у него нет денег, чтобы открыть какое-нибудь дело? Ты завтра позови его и расспроси.

На другой день жена Ли-юаньвэя послала за младшим братом. Ю Гэйлон не замедлил явиться и спросил:

— Зачем ты звал меня, старший брат, что-нибудь случилось?

Ли-юаньвэй ответил:

— Ничего не случилось. Просто я хочу знать, почему ты бездельничаешь.

Ю Гэйлон спросил:

— А чем мне заняться? Я ни к какому делу не приспособлен.

— В таком случае завтра же свяжи свои пожитки, взвали их на спину и переселяйся ко мне, бери любую из моих лавок и торгуй, — сказал Ли-юаньвэй.

Ю Гэйлон ответил:

— Стану я себя связывать. Стоит мне раз бросить кость и я получаю деньги. Брошу два раза — получаю деньги в двойном размере. Зачем же мне заниматься торговлей, если доход мой и так велик?

Ли-юаньвэй удивился:

— Неужели у тебя такое прибыльное дело?

— В самом деле!

Ли-юаньвэй тогда говорит:

— Научи и меня такому прибыльному делу.

Ю Гэйлон ответил:

— Если ты в самом деле хочешь, я научу тебя. Завтра утром пойдем с тобой в одно место, там ты все и увидишь.

На другой день Ю Гэйлон повел Ли-юаньвэя в игорный дом. Увидев, что Ю Гэйлон привел юаньвэя, люди предложили ему сесть.

Ю Гэйлон обратился к Ли-юаньвэю:

— Старший брат, возьми кость, положи в банк десять лёнов и бросай кость.

Ли-юаньвэй сделал все, как велел ему младший брат, и выиграл.

Ю Гэйлон снова к нему обратился:

— Старший брат, положи в банк пять лёнов и брось кость!

Ли-юаньвэй и на этот раз выиграл.

Тогда Ю Гэйлон сказал:

— На сегодня хватит, пора домой возвращаться.

Ли-юаньвэй пришел домой и говорит жене:

— Младший брат правду сказал. Бросишь кость — получишь деньги, опять бросишь — опять получишь. К примеру, на десять лён получишь еще десять. А мы за весь год не зарабатываем столько.

С той поры Ли-юаньвэй забросил все дела и стал ходить в игорный дом. Каждый день ходил, каждый день выигрывал, но вот однажды он проиграл и больше не выигрывал. Каждый день ходил, каждый день проигрывал. Про выигранные ранее

деньги нечего и говорить, все свое имущество и то проиграл. Жена уговаривала Ли-юаньвэя:

— Не играй больше на деньги!

— Сегодня пойду в последний раз, если проиграю, больше не буду.

Ли-юаньвэй опять проиграл. В руках у него не было и монетки. В тот день он поставил на кон, но знал, что у него нет денег, стал думать: занимать или не занимать? «А, займу!» Занял, глядь — опять проиграл. А игроки деньги требуют. Он говорит, сегодня денег нет, завтра утром принесу. Поверили ему, разве может быть, чтобы у юаньвэя денег не было? Завтра утром — ладно! Вернулся Ли-юаньвэй домой. Жена чай подала — не пьет, хлебцы принесла — не ест, брови насупил — не расправляет.

— Что с тобой? — спросила жена. — Чай не пьешь, хлебцы не ешь, брови насупил — не расправляешь? Ты всегда приходил веселый-првеселый.

Тогда Ли-юаньвэй сказал:

— Ладно! Пожарь немного муки да испеки в котле хлебцев¹.

— Зачем? — удивилась жена.

— Видишь ли, я сегодня проиграл чужие деньги. Завтра придут за деньгами, а у нас ни монетки. Начнут шуметь, соседи услышат, не миновать нам позора. Поэтому лучше всего уйти.

— Ладно, иди, — сказала жена и заплакала. Она нажарила муки, испекла хлебцев, но, прежде чем попрощаться с мужем, обратилась к нему с такими словами:

— Ты уходишь на три года да еще на три года, когда мы увидимся, я не знаю. А я под сердцем пошу твоего ребенка. Как назвать мне сына или дочь, когда родится?

Ли-юаньвэй очень обрадовался, что наконец-то у них будет ребенок, но вспомнил о долгах, опечалился и сказал:

— Если родится сын, назови его Ли Бо, если дочь — Ли Ляньхуа².

Сказав так, Ли-юаньвэй собрался уходить, но жена его оставила:

— Если родится дочь и спросит, когда станет взрослой, где отец, я промолчу, а если сын — что мне ему сказать? Ведь он наверняка пойдет тебя искать. Как он тебя узнает?

Ли-юаньвэй ответил:

— Это ты верно говоришь. — Он вынул из-за пояса плоско-

губцы³, стукнул ими о косяк, и половинки отделились друг от друга. Одну Лю-юаньвэй отдал жене:

— Возьми и спрячь. Вторую половинку я унесу с собой.

Потом он взял кусок шелка и разорвал на две половинки, одну дал жене и сказал:

— Возьми и спрячь. Вторую половинку я унесу с собой. Если родится сын и, когда вырастет, пойдет искать меня, дашь ему половинку плоскогубцев. Мы встретимся и сложим половинки. Сойдутся — значит, я ему отец, а он мне — сын.

Ли-юаньвэй ушел. Шел он, шел и добрался до города Ханчжоу⁴. Остановился на постоялом дворе, прожил там несколько дней и нанялся к хозяевам двора в приказчики. Вот старик-хозяин и говорит своей старухе:

— Как пришел этот человек, дела наши торговые день ото дня все лучше и лучше идут. Способности у него большие, и считать умеет и писать. Надо бы расспросить его, что он за человек. Коль нет у него родни, хорошо бы усыновить его.

Позвали они его и спрашивают:

— Кто у тебя дома остался?

Ли-юаньвэй ответил:

— Никого у меня нет.

— Ну раз нет, будь нам приемным сыном, ладно?

Ли-юаньвэй стал на колени и признал старика приемным отцом, а старуху — матерью.

Старики передали Ли-юаньвэйю все свое имущество, и он стал хозяином. Он так успешно вел дела, что день ото дня торговля шла все лучше.

Между тем жена Ли-юаньвэя родила сына и назвала его Ли Бо. Семи лет Ли Бо поступил в школу и проучился там до шестнадцати. Люди говорили: «Жаль, нету Ли-юаньвэя, а то были бы деньги и сын его учился дальше и набирался знаний». Как-то услышал Ли Бо, что люди говорят, пришел домой и спрашивает у матери:

— Мама, где мой отец? Люди, как увидят меня, так говорят: «Жаль, нету Ли-юаньвэя, а то были бы у них деньги, сын его учился бы дальше и набирался знаний».

Мать ответила:

— Твой отец ушел из дома.

— Я должен разыскать его. — сказал сын.

Мать обрадовалась, сшила сыну одежду на все времена года, дала половинку плоскогубцев, и Ли Бо отправился на поиски. Он долго шел, пришел в город Ханчжоу, остановился на постоя-

лом дворе, который принадлежал его отцу, и стал расспрашивать, не видел ли кто его отца. Целыми днями он разыскивал отца. Прожив все деньги, Ли Бо отправился в закладную лавку, чтобы заложить одежду, а лавка эта принадлежала его отцу.

Ли Бо пришел в лавку и обратился к приказчику:

— Почтенный, возьмите в залог эти вещи.

Приказчик развязал узелок, поглядел на одежду Ли Бо и сказал:

— Твоя одежда здесь никому не нужна. Здесь горная местность⁵. Здесь годятся кожаные накидки, пальто из воловьей шерсти да ценятся жемчуга и драгоценные нефриты.

Ли Бо стал умолять:

— Возьмите, выручите меня! Я ищу своего отца. Если к утру найду его, вечером верну вам ваши деньги.

Но приказчик и слушать ничего не хотел! Тогда Ли Бо спросил:

— Скажите, господин, как ваша драгоценная фамилия?

— Фамилия моя Вон.

— А как ваше имя?

— Фу.

Тут Ли Бо стал на все лады ругать и поносить приказчика. Приказчик выскочил, принялся колотить Ли Бо. Ли Бо развернулся и одним ударом свалил приказчика. Вокруг столпились люди. Никто не стал их разнимать, наоборот, все ругали приказчика, говоря, что он жестокий человек, пусть его побьют хорошенько.

А Ли-юаньвэй, которого теперь все звали Ли-чжонгуй, т. е. хозяин Ли, в это время зашел в одну из своих лавок, как вдруг прохожие сказали ему:

— Эй, хозяин Ли, в твоей закладной лавке драка!

Ли-юаньвэй тотчас же побежал туда. Видит — какой-то юноша приказчика бьет.

— Что случилось? — спросил Ли-юаньвэй.

Приказчик ответил:

— Хын! Вот парень, стоит ему рот открыть — давай ругаться, стоит руку поднять — давай бить.

Тут заговорил Ли Бо:

— Я и не думал ругать его, я и не думал бить его. Я принес вещи заложить, просил хоть немного денег, а он не дает.

Хозяин Ли тут же протянул юноше пять лёнов серебра, но тот отказался:

— Я просил деньги под залог, а так зачем мне ваши деньги.

Тогда хозяин Ли повел юношу к себе домой, спросил:

— Откуда ты пришел?

Ли Бо ответил, из каких он мест. Оказалось, из тех самых мест, где некогда жил сам Ли-юаньвэй. Тогда хозяин Ли спросил:

— А на какой улице ты жил?

Ли Бо ответил. Хозяин Ли опять спросил:

— А кто у тебя дома?

— Только одна мать.

— А как тебя зовут?

— Ли Бо.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Ли-юаньвэй в уме прикинул: с тех пор, как он покинул дом, прошло ровно шестнадцать лет.

— Ты зачем пришел?

— Ищу своего отца.

— А как же ты его узнаешь?

— А у меня есть половинка плоскогубцев, а вторая половинка — у отца. Если я встречу человека, у которого эта вторая половинка, и обе половинки подойдут одна к другой, значит, этот человек — мой отец.

Ли-юаньвэй сказал:

— И у меня есть половинка плоскогубцев. Вот ключ, открой вон тот шкаф и возьми ее.

Ли Бо отказался:

— Я не стану открывать чужой шкаф!

— Ты можешь открыть его, он твой!

Но Ли Бо ни за что не соглашался открыть шкаф. Тогда хозяин Ли сам его открыл и достал половинку плоскогубцев. Обе половинки в точности подошли одна к другой. Тут Ли Бо бросился на колени и признал хозяина Ли своим отцом.

Через несколько дней Ли-юаньвэй перевез к себе и жену. Старик и старуха, узнав, что у их приемного сына есть жена и сын, очень обрадовались. Невестка старалась всячески угождать свекру и свекрови. Хотя Ли-юаньвэй и разбогател, но ворота его дома всегда были открыты для бедняков. Ли Бо при поддержке отца закончил учение, а потом поехал в столицу и первым выдержал экзамены, получив звание чжуонъюаня, и слава его разнеслась по всем уголкам Поднебесной.

65. Хуарчже ¹

Давным-давно жил юаньвэй. Фамилия его была Ли. Усыновили они с женой мальчика и назвали его Ли Кур. А у юаньвэя в доме был один гадатель. Раскрыл он как-то раз гадательные таблицы и сказал юаньвэю:

— Грустная судьба у твоего сына. Кроме самой некрасивой девушки, никто не спасет его от смерти.

Юаньвэй опечалился и отправился на поиски самой некрасивой девушки. Ходил он, ходил, расспрашивал, высматривал и, наконец, в семье одного сапожника он отыскал рябую девушку, очень некрасивую, но удивительно умную. Звали ее Хуарчже. Девушка умела гадать и предсказывать судьбу.

Юаньвэй подошел к сапожнику и завел с ним разговор, спросил, сколько лет его дочери. Сапожник ответил, что в нынешнем году ей сравняется восемнадцать. Юаньвэй сказал:

— А почему бы нам не породниться. У меня есть сын, вот бы отдать за него вашу дочь.

Старик ответил:

— Если вы говорите серьезно, то и я буду говорить серьезно. Почему бы нет!

Сапожник пошел к дочери и обо всем ей рассказал. Хуарчже согласилась, дала отцу маленький мешочек и сказала:

— Возьми этот мешочек и ступай с юаньвэем к нему домой, пусть наполнит мешочек золотом и серебром.

Сапожник вместе с юаньвэем отправился к нему домой. Юаньвэй открыл все кладовые и велел сапожнику наполнить мешочек. Сапожник стал класть золото и серебро в мешочек, но сколько ни клал, мешочек так и оставался неполным. Увидев, что кладовые опустели, юаньвэй перепугался, позвал старуху-гадальщицу и рассказал ей о мешочке сапожника. Старуха успокоила юаньвэя и говорит:

— Не беспокойся, я тебе сейчас верну твое богатство.

Старуха насыпала в мешочек пригоршню земли и пригоршню золота, и мешочек тут же наполнился. А все одиннадцать кладовых юаньвэя снова стали полны. Хуарчже между тем сидела дома и решила погадать. Она узнала, что какая-то гадальщица помогает юаньвэю, произнесла заклинание, и у сапожника осталось богатство, которого должно было хватить на десять лет.

Сапожник отправился домой с мешочком, наполненным золотом и серебром. Как только он вернулся, дочь его спросила:

— Ну, что раздобыл?

Отец ответил:

— Юаньвэй открыл мне все свои одиннадцать кладовых, чтобы я наполнил мешочек, я в него сыплю, а он все неполный. Тогда пришла какая-то старуха, насыпала в мешочек горсть песка и горсть золота, и мешочек тут же наполнился.

Хуарчже сказала:

— Не печалься, отец, этого золота и серебра хватит на десять лет на еду и на одежду.

Через несколько дней юаньвэй сыграл свадьбу, женив своего сына Ли Кура на дочери сапожника. Но через два года Ли-юаньвэй и его жена умерли. Прошло совсем немного времени, и отец Хуарчже тоже покинул этот мир.

Ли Кур с женою прожили четыре года и ни разу не ругались, не дрались, но вот нашлись дружки-побратимы и стали над Ли Куром насмехаться:

— Такой богач, а отец тебе в жены выбрал дочь паршивого сапожника!

Ли Куру стыдно стало. Вернулся он домой и сказал жене: — Ты мне больше не нужна, убирайся куда хочешь!

Хуарчже заплакала. Но Ли Кур не соглашался оставить ее и продолжал гнать прочь. Хуарчже взяла свадебное платье, спрятала двенадцать юаньбо, которые дал ей с собой Ли Кур, связала все в узелок, и навсегда покинула дом мужа. Дошла до развилки дорог в поле, села и заплакала. В это время мимо шел парень с вязанкой хвороста на спине, звали его Дацэйва, что значит Дровосек. Он заметил на краю дороги какую-то плачущую женщину и спросил, какая беда с ней стряслась. Хуарчже вытерла слезы и подняла голову. Перед ней стоял статный красивый юноша, держа вязанку хвороста на спине, и Хуарчже решила: «Расскажу ему о своем несчастье». И Хуарчже рассказала ему все по порядку. Узнав о ее несчастье, дровосек подумал: «Я один-одинешенец, женюсь на ней, если согласится». И он обратился к женщине:

— Сам я человек бедный, мать и отец мои умерли. Каждый день хожу в горы за хворостом, продам его, выручу две монетки, тем и кормлюсь. Если не брезгуешь, стань моей женой. Буду стараться побольше заработать, чтоб обоим на еду хватало.

Хуарчже ответила:

— Я тобой не брезгую, смотри и ты потом не брезгуй мною.

Дровосек повел Хуарчже к себе домой, а жил он в пещере. Женщина сразу принялась за дело: все вычистила, прибрала и

принялась еду готовить. Когда все сварилось, Дацэйва сел есть и понял, что никогда он еще так вкусно не ел. После ужина они легли спать.

На другой день Хуарчже дала дровосеку несколько юаньбо и велела купить на базаре разную утварь, необходимую в хозяйстве. Дровосек увидел юаньбо и очень удивился:

— Что это такое?

Жена ответила:

— Это юаньбо.

Дровосек спросил:

— Что значит юаньбо?

Хуарчже ответила:

— Юаньбо — это слиток серебра.

Дровосек сказал:

— В яме, рядом с тем местом, где я собираю хворост, полно таких штук.

Хуарчже и говорит:

— Смотри, не рассказывай про это никому. Сбегай на базар, купи осла, веревку, два больших мешка и разную хозяйственную утварь.

Дровосек пошел на базар, купил все, что велела Хуарчже, сел верхом на осла и вернулся домой.

Хуарчже накормила мужа, дала ему отдохнуть, а потом велела сесть на осла и ехать, а сама пошла следом. Наконец они пришли к тому месту, где дровосек каждый день собирал хворост, и он подвел жену к яме. Хуарчже очистила яму от камней и увидела, что яма полна серебряных слитков. Вместе с мужем они наполнили два мешка, навьючили на осла и вернулись домой. Так они возили весь день и всю ночь. Дровосек говорил, что не надо больше возить, но жена стояла на своем, и они перевезли все серебро. После этого Хуарчже посчитала, что теперь им хватит на всю жизнь. Хуарчже велела мужу пойти в город и нанять плотников и разных других мастеров. Хуарчже сама нарисовала план дворца, который надо было строить, и мастера построили такие золотые терема и драгоценные палаты, каких никто на свете еще не видывал. В той же яме Хуарчже нашла драгоценный камень, отдала его мужу и говорит:

— Возьми этот камень и отнеси императору. Он сделает тебя чиновником и станет тебе сватать свою дочь, но ты не соглашайся, иначе не сносить тебе головы. Проси лучше императора, чтобы назначил тебя полководцем.

Дровосек согласился, взял камень и отправился к императору.

ру. В награду император сделал дровосека чиновником, он хотел женить его на своей дочери, но дровосек не согласился, сказал, что у него уже есть жена, и тогда император назначил его полководцем.

Дровосек, получив звание полководца, провел несколько дней в императорском дворце и вернулся домой. Дома Хуарчже сказала ему:

— Поезжай обратно во дворец, предупреди императора, что предстоит несколько неурожайных лет и надо запастись зерно.

Дровосек вернулся во дворец и предупредил императора. Но оказалось, что император уже об этом слышал, но не знает, что делать.

Дровосек опять вернулся, и они с Хуарчже скупили столько зерна, что его должно было хватить на десять лет. Хуарчже обратилась к мужу:

— Ступай и доложи императору, что в голодное время мы будем раздавать рис.

Дровосек так и сказал. Император обрадовался и везде развесил объявления о том, что в таком-то месте, в доме полководца, голодающим будут раздавать еду. Со всех концов страны люди, которым нечего было есть и пить, шли во дворец дровосека, и Хуарчже с мужем всех кормили.

Ли Кур между тем, после того как выгнал из дому жену, беднел с каждым днем. Все его богатство исчезло. Богатые дружки-приятели узнавать его перестали. И вот, случилось так, что Ли Кур вместе с бедняками отправился туда, где раздавали еду. Он пришел и встал в длинную очередь. Но еды ему не хватило, и он остался голодным. На следующий день Ли Кур встал в очередь с другого конца, но ему опять не досталось еды; ее раздавали с того конца, где он стоял накануне. На третий день он влез в самую середину очереди, но еду стали раздавать с обоих концов, и Ли Кур опять остался голодным. Хуарчже все это видела, и ей стало жаль Ли Кура. Она велела служанке позвать Ли Кура, а приказчикам — вымыть его и одеть во все новое, а потом отвести в отдельную комнату и там угостить. Так и сделали, а Ли Кур никак не мог понять, чем заслужил такое внимание. А когда на стол перед ним поставили угощение из восемнадцати блюд, то он от голода, забыв о приличиях, стал уплетать кушанья. Вдруг в комнату вошла женщина, лицо ее было закрыто платком. Она завела с Ли Куром разговор и спросила:

— Есть у вас кто-нибудь из близких?

Ли Кур ответил:

— Были у меня отец с матерью, но они умерли.

Хуарчже спросила:

— Больше никого не было?

— Больше никого.

— Говорите правду.

— Я говорю правду.

— А жены не было?

— Была, но давно умерла.

— Вы не узнаете меня?

— Нет!

— Тогда подождите, я скоро вернусь.

Хуарчже пошла в другую комнату, вытащила из сундука свое свадебное платье, надела и опять вышла к Ли Куру.

— Теперь узнаешь меня? — спросила Хуарчже.

Ли Кур поднял голову, глянул — а это его прежняя жена, зарыдал и бросился к ней.

Хуарчже закричала:

— Стой! Ты раньше стыдился меня. Теперь я тебе не жена. У меня есть муж, полководец государя. Просто я пожалела тебя, потому и велела накормить и переодеть. Вот ключи от семидесяти двух кладовых, открывай любую! Все, что там — твое! Грузи на телегу и увози, живи себе на здоровье.

Ли Кур ничего не сказал, боялся, что полководец вернется и лишит его жизни. Взял ключи, вышел из дома, чтобы открыть кладовые, но никак не мог подобрать ключи, наконец, только семьдесят второй замок сразу открылся. Ли Кур потянул дверь, глядь — вся комната полна рисовой мякины. Ли Кур стал проклипать свою горькую судьбу, причитая: «Несчастный я человек, нет мне удачи!» Он подскочил, схватил горсть мякины, куча рухнула, отруби засыпали Ли Кура, и он задохнулся.

Хуарчже, не дождавшись Ли Кура, послала служанку. Служанка увидела, что Ли Кур погребен под грудой мякины, побежала к хозяйке и рассказала о случившемся. Хуарчже тотчас послала работников и велела принести тело Ли Кура в дом. В это время и дровосек вернулся. Хуарчже рассказала ему, что произошло с Ли Куром. Дровосек знал, что Ли Кур — бывший муж Хуарчже, который, услышав, как люди над ним смеются, выгнал жену из дома. И хотя он совершил такой недостойный поступок, дровосек приказал похоронить его на высоком месте и закопать глубоко². Так сбылись предсказания гадателя.

66. Ли Чжявон ¹

Давным-давно жила семья по фамилии Ли; старики и трое сыновей. Старший обрабатывал землю, средний торговал в лавке, а младший был бездельник ². Звали его Ли Чжявон. Ни одной серебряной монетки он за день не зарабатывал, целыми днями с приятелями развлекался.

После смерти родителей старшие братья и их жены невзлюбили младшего брата. Однажды он слышал, как старшая невестка говорила мужу:

— Ты целыми днями работаешь в поле, а младший брат и серебро за серебро не считает, с друзьями кутит.

— Что делать? — спросил старший брат свою жену.

— Твой брат все деньги на приятелей тратит, а ты в поле трудишься.

Сел старший брат и задумался. Обдумал все и говорит жене:

— Отделимся завтра от него.

На следующий день старший брат позвал младших.

— Ты зачем нас позвал? — спросил средний брат.

— Давайте разделим все наше хозяйство.

Средний брат, как услышал про раздел, так и сказал:

— Старший брат, ты бери себе всю свою землю, а я возьму себе лавку с товарами.

Потом второй брат сказал Ли Чжявону:

— А ты бери дом с хозяйством, да еще старого работника. Жены у тебя нет, вот и будет за домом присматривать. Чего тебе еще надо?

— Ничего мне не надо! — отвечал младший брат. — Возьму уздечку и крикну: «Эй, мохнатые твари! Кто хочет меня на себе возить, пусть идет за мной». Кто пойдет — того и отдадите.

— Идет, — согласились братья.

Ли Чжявон взял уздечку, подошел к овчарне, крикнул, но ни одна овца не шевельнулась, тогда он подошел к коровнику и крикнул, но коровы тоже не двинулись с места. Наконец, он подошел к конюшне, крикнул, и с места поднялась старая черная кляча и, опустив голову, грустно подошла к Ли Чжявону. Ли Чжявон надел на нее уздечку, трижды погладил по шее и увел к себе во двор, наказав работнику:

— Хорошенько корми ее!

Старик хмыкнул и говорит хозяину:

— Другой скотины, что ли, не нашлось, выбрал ты эту дохлую клячу!

— Другая скотина не пошла за мной, когда я вошел, эта кляча лежала, а как крикнул, поднялась и пошла за мной,— ответил Ли Чжявон и пошел к своим друзьям. Стал с ними опять по харчевням вино пить. Деньги он за деньги тогда не считал, каждый день вино пил. Потом глядь — нет отцовского наследства. На оставшиеся деньги Ли Чжявон снял шесть харчевен и распорядился приготовить угощение для всех своих девяносто девяти друзей, расослав им приглашения. Он сказал:

— Сколько они съедят, я за все плачу.

Вечером, когда все девяносто девять друзей собрались в харчевнях, он объявил:

— Угощайтесь хорошенько! Сегодня кончается серебро, что оставил мне покойный отец. Больше мне не на что будет кормить вас!

Приятели уселись и принялись за еду. Когда все насытились, Ли Чжявон сказал:

— Я вас всех угостил, а кушаний еще осталось на двоих. Одно место для меня, а второе — тому, кто первым сюда войдет. Его я назову своим старшим братом.

Только Ли Чжявон умолк, глядь — а за спиной у него стоит какой-то человек. Незнакомец сказал:

— Эй, друг, ты накормил девяносто девять человек, накорми и меня, тогда будет ровно сотня!

Ли Чжявон тут же пригласил незнакомца к столу и назвал его своим старшим братом. Затем подозвал слугу и крикнул:

— Скорей подавай угощение для моего старшего брата!

Слуга принес еду, и незнакомец сказал:

— Раз ты мой младший брат, давай вместе есть!

Так они вдвоем все и съели. Потом попрощались за руку и разошлись. Ли Чжявон вернулся домой, голову закутал и завалился спать. Проспал два дня, потом встал, вымыл лицо и руки и пошел на улицу, намереваясь занять немного денег. Сперва он постучал в ворота к одному из друзей, которого всегда кормил. Друг вышел и спросил:

— В чем дело?

— Я пришел к тебе занять два лёна серебра,— сказал Ли Чжявон, на что друг ответил:

— Я спрошу сперва у своего старшего брата.

— Когда ты проедал мои деньги, то не спрашивал у своих братьев,— с обидой сказал Ли Чжявон.— Не надо мне твоих денег!

Сказав так, он отправился еще к одному своему приятелю:

— Эй, друг, одолжи-ка мне немного серебра! — попросил Ли Чжявон.

— Я должен сперва спросить у своей матери.

— Когда ты проедал мои деньги, то не спрашивал разрешения у матери, — с гневом сказал Ли Чжявон. — Не надо мне твоих денег!

В тот день Ли Чжявон обошел всех своих девяносто девять друзей, но ни один не одолжил ему денег. Ли Чжявон, сердитый и обиженный, вернулся домой, укутался с головой и лег спать. Спит он, спит, а старый слуга, видя, что уж больно долго хозяин не встает, стал кричать:

— Эй, что ты не встаешь? О чем думаешь?

— А чего мне вставать? Деньги все вышли. Друзья даже в долг не дают, — ответил Ли Чжявон.

А старик-слуга ему:

— Вставай, я дам тебе совет.

Ли Чжявон встал, схватил старика и говорит:

— А если я дом продам?

Но старик возразил:

— Ты весь дом сразу не продавай, а если туго придется продавать по одной балке. Такова была последняя воля твоего отца.

Выслушав старика, Ли Чжявон сказал:

— Хорошо!

И на следующий день вместе со стариком стал разбирать часть дома. Сняли одну балку, глядь — под первой же балкой оказался серебряный слиток — юаньбо. Они сняли тридцать балок, и под каждой лежало по слитку. Ли Чжявон и старик-работник обрадовались и решили на следующий же день продать один слиток.

В этот вечер к дому Ли Чжявона пришел его названный старший брат, которого он угощал на последние деньги, и стал его звать. На зов вышел работник и спросил:

— Ты кого кличешь?

— Я зову моего младшего брата Ли Чжявона, — ответил старший брат и снова спросил: — Брат чем-нибудь занят?

— Он спит, пойду разбужу его, — ответил работник.

— Не надо будить, — сказал старший брат и, вытащив из-за пазухи два узелка, обратился к работнику: — Возьми эти два узелка, в них снадобье, и передай моему младшему брату. Пусть разведет снадобье в горячей воде, вымоет свою лошадь до самых копыт, а затем укутает кошмой и обернет еще попоной, а сам ложится спать.

На следующий день старик рассказал про это хозяину. Ли Чжявон сделал все, как велел старший брат. Утром старик пришел в конюшню, сдернул с лошади попону, глядь — а перед ним вовсе не старая черная кляча. Слуга бросился в дом и принялся будить Ли Чжявона:

— Хозяин, вставай скорей!

— Что случилось? — спросил Ли Чжявон, ничего не разобрав спросонок.

— Наша лошадь исчезла, — ответил старик. — На ее место кто-то привязал прекрасного вороного коня.

Ли Чжявон прибежал в конюшню, глядь — так и есть. Тут только он и понял, что благодаря снадобью, которое дал ему названный старший брат, дряхлая кляча превратилась в тысячеверстного вороного скакуна. Юноша велел старику скорей привести коня в дом, чтобы никто его не увидел, а сам пошел прогуляться.

Только он вышел из дому, как встретил своего названного брата, и тот пригласил его:

— Пошли посидим в харчевне.

В харчевне брат сказал Ли Чжявону:

— Если захочешь поехать верхом, знай, что в копытах спрятаны седло, меч и большая палица. В них все твое богатство и счастье. В скором времени император устроит праздник, будут скачки. Ты выведи своего коня, постарайся затесаться среди других и скачи. Твой конь придет первым, и в награду ты получишь восемнадцать верблюдов золота и серебра.

— Ладно! — согласился Ли Чжявон.

Выйдя из харчевни, братья распрощались и пошли каждый своей дорогой.

Как только Ли Чжявон узнал, что император собирается устроить празднество и будут скачки, он сел на своего коня и затесался среди тысячи других наездников. Конь его пришел первым, и Ли Чжявон получил в награду восемнадцать верблюдов золота и серебра.

Ли Чжявон вскочил на своего коня и поехал сначала к среднему брату. Подъехал к воротам и стал звать брата. Из ворот вышла жена брата.

— Где мой брат? — спросил Ли Чжявон.

— Спит!

— Буди его скорей!

Невестка пошла в дом и разбудила мужа — брат, мол, его зовет. Второй брат вскочил и спрашивает:

— Эй, братец вернулся, чего ж ты его войти не пригласила? Выбежал он к воротам, а Ли Чжявон и говорит ему:

— Садись на моего вороного коня и скачи навстречу восемнадцати верблюдам с золотом и серебром, а то погонщики с дороги могут сбиться.

Средний брат посмотрел на клячу и ответил:

— Когда же это я доеду на твоей кляче?

Тут Ли Чжявон снял с коня попону и снова надел седло, и средний брат и его жена от удивления рты разинули.

— Как это дряхлая черная кляча так преобразилась? Такой красивой стала!

Средний брат вскочил на коня, а младший сказал ему:

— Не стегай кнутом, только дерни повод, и все!

Не успел средний брат дернуть повод, как мигом очутился подле каравана из восемнадцати верблюдов. Погонщики спросили его, где тут дом Ли Чжявона. Он ответил, что он брат Ли Чжявона и выехал встречать их. Средний брат привел верблюдов к своему дому. Поклажу сняли. Погонщиков угостили, Ли Чжявон дал им немного золота и серебра.

В это время Ли Чжявон узнал, что старший брат его живет в нужде, совсем обеднел. Тогда он отдал старшему брату пять верблюдов золота и серебра, оставил десять верблюдов среднему брату, отдохнул дома два дня и поехал искать названного брата.

Через несколько дней он добрался до какого-то города и, гуляя по улицам, вдруг заметил паланкин, который несли восемь носильщиков, а в паланкине — названного брата с женой. Паланкин охраняли воины. Тут только Ли Чжяван понял, что его названный брат — император, и направил свою лошадь прямо к паланкину. Сановник, идущий впереди процессии, крикнул: «Прочь с дороги!» — но Ли Чжявон ему ответил: «Не болтай глупостей!» Услышав шум, император выглянул в окно, сразу признал своего младшего брата и велел носильщикам остановиться. После вышел, обнял Ли Чжявона и усадил его рядом с собой в паланкин, а коня передал одному из приближенных и наказал:

— Хорошенько береги коня моего брата, если хоть один волосок с него упадет, отрублю тебе голову.

Сановник увел коня. Император сел в паланкин, и они отправились во дворец. Уселись в золотых теремах и драгоценных хоромах и повели беседу. Через два дня Ли Чжявон попросил отпустить его домой. Император сказал:

— Хорошо, брат, хочешь ехать домой, я не препятствую,

только что мне дать тебе? Ни золота, ни серебра у меня нет, а придумал я хитроумный план: созвать завтра всех богатых людей столицы и приказать им не позднее чем через десять дней выпрямить одну из улиц, снести старые дома, на их месте построить новые, и по обеим сторонам улицы посадить деревья. С таким делом за десять дней не управятся, велю всем головы снести. Забеспокоятся они тут, станут искать кого-нибудь, с кем я дружен.

— Я все понял, — прервал его младший брат. — Не придумай ты такой хитрости, кто бы за тебя ее выдумал.

На другой день император отдал приказ. Все богатые люди столицы собрались на совет, кто может в этом деле помочь. За десять дней тут не управятся, целый год нужен. Тогда вышел тот самый сановник, которому велено было присматривать за конем Ли Чжявона, и сказал, что хозяин коня приходится императору не то другом, не то братом, он думает, что этот человек может помочь им в их беде, только вот завтра он уезжает.

Все богатые люди стали просить его:

— Отыщи его поскорей!

Сановник, что присматривал за конем, тотчас же пошел и пригласил Ли Чжявона.

Увидев его, все богачи встали, уступили ему почетное место на кане и спросили:

— Как ваше имя?

— Меня зовут Ли Чжявон.

Они рассказали ему о приказе императора и потом стали просить:

— Пойдите к государю, уладьте это дело. Сделаете, мы вам тридцать верблюдов золота и серебра дадим.

Ли Чжявон ответил:

— Нет, это мне не под силу!

Тогда один старый сановник посулил Ли Чжявону:

— Мы дадим еще двадцать верблюдов золота и серебра. Не выполним мы приказ, император казнит нас, а как голову отрубят, зачем нам нужно будет золото и серебро!

Ли Чжявон согласился и отправился улаживать дело. Не успел он войти во дворец, как император спросил:

— Как наши дела?

— Все в порядке, — отвечал Ли Чжявон, — обещают дать нам пятьдесят верблюдов золота и серебра.

Договорившись с государем, Ли Чжявон вышел из дворца, пошел опять к богачам и сказал им:

— Пусть в течение одного дня обещанные золото и серебро будут доставлены во дворец, иначе император отрубит вам головы.

Богатые люди обрадовались и согласились. Они тотчас же передали Ли Чжявону пятьдесят верблюдов золота и серебра, и он повел их во дворец. После этого названный брат попросил отнести его письмо к отцу.

— Пойдешь пешком в сторону гор,— сказал он Ли Чжявону,— дойдешь до ущелья, и у входа на тебя бросятся две собаки, но ты не бойся, возьми письмо в руки и крикни: «Эй! Лохматые твари! Я принес письмо от старшего брата». Услышав это, собаки не станут бросаться на тебя, не станут кусать, а побегут к каменной плите, твякнут там разок и убегут. Ты отодвинь эту плиту и спустись вниз. Пройдешь немного, и навстречу тебе выйдут две мои младшие сестры. Отец захочет отдать тебе их в жены, но ты не соглашайся; будет предлагать всякие вещи, тоже не бери. Проси чудесные дощечки, которые висят на стене.

Ли Чжявон взял письмо, сунул его за пояс и вместе с караваном вернулся в свои родные места и опять привел пятьдесят верблюдов с золотом и серебром к своему среднему брату. Брат и невестка обрадовались и хорошо его приняли. Прожил он у них пять-шесть дней. Как-то раз поливала ему невестка воду, когда он лицо мыл. Ли Чжявон стал вытираться, достал платок и наткнулся на письмо императора.

— Эй! Письмо-то старшего брата так и не отнес!

А невестка спрашивает:

— Про какого старшего брата ты говоришь?

— А про того, с которым я побратался. Эти пятьдесят верблюдов золота и серебра он дал.

— Ну раз так, отнеси письмо!

Ли Чжявон тут же дал старику денег и велел:

— Никому не давай коня! Корми его хорошенько! Я пошел.

Ли Чжявон взял письмо императора и отправился в горы. А когда стал входить в ущелье, навстречу ему с лаем кинулись два пса, о которых говорил ему император — его названный брат. Он быстро выхватил письмо, показал псам и сказал:

— Эй, лохматые твари, я письмо от своего старшего брата принес!

Псы увидели у него в руке письмо, повернули головы и пошли прочь. Они побежали к каменной плите, твякнули разок и убежали. Ли Чжявон подошел к плите, отодвинул ее и прыгнул вниз. Тут навстречу ему вышли две девушки, две сестры его на-

званного брата, и спросили, зачем он пожаловал. Ли Чжявон ответил, что принес письмо от их брата, и девушки проводили Ли Чжявона к отцу и сказали:

— Он от старшего брата письмо принес.

Старик пригласил Ли Чжявона в дом. В доме все было из нефрита. Отец велел дочерям:

— Принесите-ка щяньцзы, поиграйте немного, пусть Ли Чжявон послушает.

Ли Чжявон пробыл там пять-шесть дней; когда он собрался уходить, старик сказал ему:

— Ли Чжявон! У меня есть две приемные дочери, посмотри, какая тебе приглянется, ту и бери в жены.

— Я не хочу жениться! Они мне сестры младшие, как же мне на них жениться.

— Ну тогда что же ты хочешь? — спросил старик.

— Ничего мне не надо, а раз уж разговор зашел, то дайте мне те две дощечки, что висят на стене, — ответил Ли Чжявон.

Старик опустил голову и задумался. Девицы увидели, что отец молчит, и говорят ему:

— Отец, этого гостя наш старший брат прислал, отдай ему те дощечки.

Подарил Ли Чжявону старик дощечки, а две девицы его на дорогу вывели. Здесь Ли Чжявон и задумался: «Выпросил я те дощечки, а что с ними теперь делать?» Девушки его спрашивают:

— Ты о чем задумался?

— Да вот взял я дощечки, а что делать с ними, не знаю.

— Мы тебя научим, — сказали они в ответ и привязали дощечки к его икрам, — если захочешь вверх подняться, только дерни дощечки вверх — и полетишь в небо, опуститься захочешь, толкни их вниз — на землю опустишься. Есть захочешь, чуть-чуть потяни дощечки — станешь невидимым, бери, что хочешь, ешь, что хочешь.

Ли Чжявон поблагодарил девушек, потянул вверх дощечки и поднялся в воздух. Летел он долго, а потом захотел есть, толкнул дощечки вниз, спустился на землю и очутился в каком-то городе. Он стал бродить по улицам и вдруг увидел, что трое людей пекут лепешки. Ли Чжявон обернулся невидимкой, подошел и съел двенадцать лепешек. Прихватив с собой еще несколько лепешек, он отошел в сторону и стал слушать, как шумят те трое, кулаками друг друга дубасят, ногами пинают — кто, мол, лепешки взял. Ли Чжявон тут взял еще полмешка лепешек,

взвалил на спину и пошел дальше. Дошел до лавки и увидел там красивую одежду. Тут он снова обернулся невидимкой, вошел в лавку, взял самую лучшую одежду и ушел. Потом снял себе комнату и поселился в городе. Однажды Ли Чжявон проходил мимо императорского дворца и увидел в высоком тереме девушку — племянницу тамошнего государя, которая вышивала цветы. Ли Чжявон, недолго думая, потянул за дощечку, вмиг очутился на подоконнике и легонько уцепился за дощечку. Девушка удивилась — рядом никого не было. Пришло время обедать, служанка принесла ей еду. Обычно девушка одну чашку съедала, а сегодня четырех не хватило. Невдомек ей, что это Ли Чжявон съел. Так она его и не заметила. Она сказала служанке.

— Я всегда одну чашку риса съедала, а сегодня четыре съела.

Служанка удивилась. А девушка хотела еще еды попросить, да постеснялась. Тут солнце за горы ушло, а Ли Чжявон так и остался в тереме племянницы государя. Три ночи он подле нее провел. На четвертый день в полусне девица принялась его спрашивать:

— Кто ты? Ты человек или дух? Почему я не вижу тебя?

— Я человек, не бойся. Я твой жених, никуда я не уйду.

Так и оставался Ли Чжявон с девушкой семь или восемь месяцев. Под сердцем племянница государя уже дитя носила. Служанка заметила, что живот у девушки день ото дня все растет, и удивилась, рассказала обо всем старой госпоже, ее матери. Та не поверила:

— Хэй! Кто ж туда войти мог?

Служанка не знала, что и ответить, а просто повела госпожу к дочери в терем. Мать взглянула — все правда. Изумилась она, стала дочь допрашивать:

— Что с тобой?

Девушка рассказала:

— Не знаю, тут ко мне какой-то человек пришел, только я его не вижу. Он у меня живет уже семь или восемь месяцев.

Услыхала это старая госпожа и велела дочери:

— Как он ночью придет, ты ему скажи. Я, мол, стала уже твоей женой, как бы мне на тебя поглядеть. Какой у тебя есть чудесный камень³⁾

Наказала так мать своей дочери и ушла. Стемнело. А император как узнал обо всем, велел воинам окружить терем. Пришел Ли Чжявон, а девушка ему и говорит:

— Эй, муженек, я ведь теперь твоя жена. Никуда я отсюда

не выхожу, ты бы хоть дал разок на тебя взглянуть, какой у тебя есть чудесный камень?

Услыхал Ли Чжявон слова жены, снял с ног дощечки и в тот же миг предстал перед племянницей государя. Только сейчас княжна увидела, как хорош собой юноша. Ли Чжявон улыбнулся и отдал дощечки жене. Племянница императора взяла в руки дощечки и крикнула:

— Человек здесь!

В это время в комнату ворвались стражники, схватили Ли Чжявона и бросили его в темницу. Тут только племянница государя опомнилась и поняла, что она наделала: такого прекрасного юношу забрали. Тогда она стала плакать и умолять дядю, брата ее матери:

— Дядя, не казни его! Он ведь мой муж!

Император между тем завладел чудесными дощечками и был очень этому рад, так как соседний правитель давно уже просил у него в дар сокровище, которое обладало бы волшебными свойствами. И император не мешкая отправил к правителю посланца с радостной вестью. А правитель тот был не кто иной, как названный старший брат Ли Чжявона.

Когда тот правитель узнал обо всем от посланца императора, то сперва удивился, а потом сказал:

— Ты вперед отправляйся, а я потом приеду.

Посланец государя пустился в обратный путь. А у правителя, что приходился Ли Чжявону названным братом, была еще пара чудесных дощечек. Он сунул их в голенища сапог, дернул и поднялся ввысь. В один миг он прибыл к императору, который схватил Ли Чжявона, и сказал ему:

— Дайте мне поглядеть на человека, которого вы схватили. Я с ним поговорю, да и дощечки чудесные передайте мне!

Император отдал правителю чудесные дощечки, и тот отправился в тюрьму. Глянул — а перед ним и точно его младший названный брат Ли Чжявон. Правитель и говорит ему:

— Как такое с тобой случилось?

— Привязал я дощечки к ногам, потянул их вверх и вмиг взлетел в небеса. Не знаю, как попал сюда. Девица меня и не видала, а я с ней прожил семь или восемь месяцев, а потом она меня выдала.

Старший брат сказал:

— Бери эти дощечки, а я ей скажу, что ты ее зовешь. Ты дощечки привяжи — сразу станешь невидимым. Иди скорей и привяжи своей жене вторую пару дощечек, возьми ее за руку,

так вдвоем и бегите, только смотри, в воздухе не отпускай руку жены. Отпустишь — жена исчезнет. Ждите меня в поле, я приду.

А правитель вышел из темницы и говорит императору:

— Вели его привести, пусть он научит нас, как этими дощечками пользоваться.

Стражники привели Ли Чжявона. Старший брат видит, люди его кольцом окружили, и говорит Ли Чжявону:

— Эй, храбрец, научи-ка нас, что с этими дощечками делать.

— Хорошо,— ответил Ли Чжявон.

Правитель — названный брат Ли Чжявона, отдал ему ту пару дощечек, что дал император. Ли Чжявон привязал их к ногам, потянул вверх и стал невидимым. Быстро-быстро поднялся он в терем, привязал жене к ногам две дощечки, что заранее дал ему старший брат, взял жену за руку, и они улетели. Долетели они до поля и стали ждать старшего брата.

А правитель, что приходился старшим братом Ли Чжявону, и говорит императору:

— Эй-ё! Исчез! Обманул он нас. Вы все идите, а я его схвачу и убью.

Правитель ушел и добрался до поля. Видит — младший брат с женой ждут его. Повел он их в свои золотые терема, драгоценные палаты. Видит Ли Чжявон, старший брат его печальный ходит, брови насупил, не расправляет. Только не дал старший брат младшему попусту гадать, в чем дело, сам ему объяснил:

— Бери брат мою печать⁴, я вот-вот умру. Я не человек, я — лис-оборотень, восемнадцать лет пробыл я правителем. Жена моя, которую ты старшей невесткой называешь, пусть будет тебе второй женой.

Потом старший брат созвал всех людей и сказал:

— Я возвращаюсь домой. Мой младший брат Ли Чжявон сядет на мое место. Довольны вы или нет?

— Довольны!

Правитель оставил свой трон Ли Чжявону, а люди все разошлись по домам. Потом он сказал:

— Я сейчас выйду, и меня поразит гром. Будут тебя спрашивать, ты говори — вернулся к себе домой. Ни за что не говори, что я умер, а то они тебя свергнут. Гляди-ка, туча приближается.

Старший брат испугался, как бы Ли Чжявона с женой громом не ударило, выбежал из дома, не успел уйти далеко, как его

гром поразил. А Ли Чжявон в той страпе остался за правителя. Он перевез к себе своих братьев с невестками и дал братьям звание чжуонъюаней. Так вот Ли Чжявон зажил счастливой жизнью.

67. Шысань

Давным-давно жили старик со старухой, и было у них три сына: старший Лода, средний Лоэр и младший Лосань¹. Позвал как-то раз старик сыновей и сказал им, что за горой обитают сорок разбойников. Младший сын крепко-накрепко запомнил слова отца. Прошло несколько лет. Мальчики превратились в юношей. Неожиданно старик заболел и умер. И осталась старуха одна жить с сыновьями.

Однажды Лода верхом отправился на охоту, долго скакал по горным дорогам и не заметил, как очутился у какого-то дома. Это и было разбойничье логово. Лода подъехал к воротам и увидел узкую тропку, ведущую к дому. Он не знал, что здесь обитают разбойники, и выстрелил. Тотчас же из дома выскочили все сорок злодеев, схватили Лода и разрубили его пополам. Дома его ждали, ждали, да так и не дождались. Тогда на поиски старшего брата отправился средний брат, Лоэр. Он тоже подъехал к разбойничьему логову, увидел тропу, ведущую к дому, и выстрелил. Тотчас же из дома выскочили все сорок злодеев, схватили Лоэра и разрубили его пополам. Дома его ждали, ждали, да так и не дождались. На этот раз искать старших братьев отправился самый младший — Лосань. Он хорошо помнил, что за горой живут сорок разбойников, и, никуда не сворачивая, поскакал прямо к их логову. Спешился, увидел убитых братьев и, поборов печаль, сказал себе: «Я отомщу за моих старших братьев».

Он внимательно оглядел дом и все двери и приметил, что под лестницей спрятаны мечи. Лосань взял в каждую руку по мечу и стал бить ими друг о друга. Так он сломал все мечи, кроме последнего, и взял его с собой. Потом Лосань приметил сорок коней на привязи. Он стал смотреть и увидел, что у всех спины слабые, только у одного крепкая. Это был вороной конь, и принадлежал он самому главарю. Лосань стреножил тридцать девять коней, потом закричал, что было силы. Теперь разбойники выходили из дома по одному. Выйдет один — Лосань его и прикончит. Так он рассек головы всем тридцати девяти разбойникам. Остался один — сам главарь. Он выскочил во двор и всту-

пил с Лосанем в бой. Они долго бились, но одолеть Лосаня главарь не смог. Лосань сразил его ударом меча, бросил в колодец, а сверху положил тяжелый камень. Лосань вошел в дом, завладел всеми богатствами, которые там были, привел мать, и они стали здесь жить вдвоем.

Однажды Лосань ушел на охоту, а мать дома стряпала. Вдруг она слышит — кто-то жалобно стонет. Старуха прислушалась: стон доносился со стороны колодца. Старуха пошла к колодцу, отодвинула камень, смотрит — там человек. Это был главарь разбойников, он остался жив. Увидев старуху, главарь спросил:

— Есть у тебя муж?

— Нет, — ответила старуха.

— Тогда, если хочешь, я тебе буду мужем, — сказал главарь. — Вернется твой сын, ты ничего ему не говори. А как только он уснет, бери веревку, одним концом обвяжи шею вороного коня, другой бросай мне. Конь и вытащит меня из колодца.

Вечером, когда Лосань вернулся, мать ничего ему не сказала. А Лосань устал и сразу уснул. Мать увидела, что сын крепко спит, взяла веревку, одним концом обвязала шею вороного коня, другой — бросила в колодец. Конь вытащил разбойника из колодца, и старуха спрятала его в сундук.

На другой день Лосань снова отправился на охоту, а когда возвращался, увидел на дороге маленького мальчика. Мальчик горько плакал. Лосань подобрал мальчика, припес домой и сказал матери, что нашел себе младшего брата. Лосань дал ему имя Шысань². Шло время, и мальчику исполнилось десять лет.

Когда Лосаня не было дома, старуха с разбойником тешились любовью. Злодей задумал убить Лосаня и говорит однажды старухе:

— Ты отрави своего сына, подсыпь ему в чашку яду.

Старуха согласилась. Шысань узнал, что его приемная мать с каким-то человеком задумали убить его старшего брата. Вечером Лосань вернулся с охоты и сел ужинать, но Шысань не дал ему прикоснуться к еде и все время плакал. Старший брат стал его успокаивать, тогда Шысань говорит:

— В сундуке сидит человек.

Лосань вскочил с места, схватил меч и попросил мать открыть сундук. Мать согласилась, но прежде велела Лосаню положить меч. Лосань положил меч, и мать быстро его спрятала. Шысань приметил, куда мать спрятала меч. Как только старуха

открыла сундук, злодей выскочил оттуда и бросился на Лосаня. Началась драка. Тут Лосань говорит сам себе: «Жаль меча нет, а то отсек бы этому злодею голову!» Шысань услышал, что сказал старший брат, побежал к тому месту, где был спрятан меч, взял и подал Лосаню. Лосань сперва отсек голову разбойнику, после — матери, и обоих бросил в колодец. Немного погодя Лосань пожалел, что сгоряча убил мать. Шысань увидел, что старший брат опечалился, и рассказал, как мать с разбойником развлекались, когда Лосань уходил из дому.

— Не тревожься, брат,— сказал Шысань.— Что бы ни случилось, я никогда тебя не оставлю.

Прошло дней десять. Лосань, как обычно, отправился на охоту, а Шысань пошел в горы и стал учиться поднимать тяжелые камни³. Как-то Лосань отправился на охоту и три месяца не возвращался домой, а Шысань все это время учился поднимать камни. Но вот, наконец, старший брат вернулся и привез Шысаню небесного жеребенка.

Однажды Лосань узнал, что у одного императора есть красавица-дочь, и решил жениться на ней, но Шысань стал его отговаривать, потому что, прежде чем свататься к дочери императора, надо стать сильным и ловким, чтобы победить любого соперника. И Шысань обратился к брату с такими словами:

— Если хочешь стать сильным и ловким, ты должен три года набираться сил — поднимать тяжелые камни, иначе не жениться тебе на дочери императора.

Лосань послушался младшего брата. Они вместе пошли в горы и стали поднимать камни. Шысань уже мог поднять огромный камень, а Лосань — только маленький. Но Лосань усердно упражнялся и тоже научился поднимать огромные камни. Он решил, что теперь самое время посвататься к дочери императора, и собрался было в путь, но Шысань опять стал его отговаривать. Лосань спросил, почему Шысань вновь его отговаривает, и Шысань ответил, что Лосань пока еще не набрал столько силы, сколько надо, и посоветовал ему еще полгода копить силу. Но на сей раз Лосань и слушать ничего не хотел. Шысань видит, что брата не удержишь, поневоле дал свое согласие. Перед уходом Лосань повесил на балку кнут и говорит:

— Если с кнута начнет капать кровь, не мешкая отправляйся искать меня, если же будет капать молоко, знай, что все благополучно и я счастлив.

Лосань привязал к поясу меч, вскочил на вороного коня, попрощался с Шысанем и отправился в путь.

Шысань между тем продолжал упражняться и теперь уже мог поднять камень величиной с целый дом. Прошло три месяца, а от Лосаня все не было вестей.

Между тем он пришел к императору, у которого была красавица-дочь.

— Кто ты? Зачем пришел? — спросил император.

— Я пришел, чтобы жениться на твоей дочери, — ответил Лосань.

— Одолеешь меня, отдам тебе в жены дочь, не одолеешь — голову отрублю.

Лосань согласился и вступил с императором в бой. Он не смог одолеть императора, и тот повелел отрубить Лосаню голову. Но в это время подошла принцесса, увидела, что юноша очень хорош собой, и говорит:

— Не надо рубить ему голову, оберни его в коровью шкуру и положи на землю. Под солнцем шкура скорежится, и он задохнется.

Император послушался совета дочери, обернул Лосаня в коровью шкуру и бросил на землю. Ночью принцесса тихонько вышла из дворца и направилась к тому месту, где лежал завернутый в коровью шкуру Лосань. Она хотела его освободить, но увидела стражника и вернулась во дворец.

Как раз в эту пору Шысань пришел домой. Он сильно устал: все поднимал камни, лег и уснул. Вдруг проснулся, посмотрел на кнут и видит, что с кнута капает кровь. Он быстро оделся, привязал к поясу меч, сел на коня и поднялся в воздух. Вскоре он достиг владений того императора, где его брат попал в беду. Шысань вошел в императорский сад и сорвал с яблонь все яблоки. Заметив, что кто-то ворует у него в саду яблоки, император выбежал из дворца и крикнул:

— Эй, ты почему сорвал все мои яблоки?

— Я хочу жениться на твоей дочери! — ответил Шысань.

— Посильнее тебя женихи сватались и то потерпели поражение, а ты туда же! Иди-ка лучше домой и занимайся своими делами.

Но Шысань не сдавался.

Тогда император и говорит:

— Что же, давай вступим в бой! Одолеешь меня — отдам тебе в жены дочь. Не одолеешь — отрублю голову!

Шысань согласился, и они начали бой. Шысань схватил императора, поднял его и спрашивает:

— Скажи, куда ты девал моего старшего брата?

— Вон он лежит, обернутый в коровью шкуру, — отвечал император.

Шысань рассердился, стукнул императора головой о землю — из того и дух вон. Тогда Шысань подбежал к брату, вытащил его из шкуры и говорит принцессе:

— Смотри, хорошо ухаживай за старшим братом!

Принцесса велела отнести Лосаня во дворец, позвала лекаря, и тот стал лечить Лосаня. А когда Лосань выздоровел, он женился на принцессе и стал императором, потому что, кроме дочери, у императора больше не было детей.

Шысань пожил во дворце и попросил старшего брата отпустить его домой. Лосань не хотел его отпускать, но Шысань не послушался и отправился в обратный путь. Вернувшись домой, он уже мог поднять камень, который был тяжелее целых двух домов. Теперь он поверил в свои силы, сел верхом на небесного коня и полетел во владения другого императора. А у этого императора тоже была красавица-дочь. Шысань завел дружбу с людьми влиятельными и богатыми, наводил на них страх своим богатырским видом и острым взглядом. А когда рассказал им, будто убил сорок разбойников, а вороного коня отобрал у их главаря, богачи пуще прежнего стали бояться Шысаня.

Вскорости Шысань отправился к императору и попросил отдать ему в жены принцессу. У императора был советник, обладавший необычайной силой. Тот, кто приходил сватать принцессу, должен был прежде выдержать бой с этим советником, но до сих пор так никто и не смог его одолеть. Когда Шысань попросил в жены принцессу, император сказал, что он должен одолеть в бою советника, тогда получит в жены принцессу, а не одолевает — будет казнен. Шысань согласился и в назначенный день вступил с советником в бой. Увидев, что у противника силы меньше, чем у него, Шысань единым ударом выбил меч у него из рук. После этого они стали биться врукопашную. Но и тут советник не смог победить Шысаня. Тогда он шепнул ему на ухо:

— Ты притворись, будто я сразил тебя и упал. Я уже стар. Уступлю тебе свое место, и ты женишься на принцессе.

Шысань так и сделал. Советник пошел к императору и рассказал ему всю правду, но император не поверил и приказал отрубить Шысаню голову. Тогда Шысань сел на своего небесного коня и полетел к старшему брату. Прилетел и говорит:

— Брат, дай мне твоих воинов, я хочу сразиться с императором соседнего государства.

Лосань дал Шысаню воинов и вместе с ним выступил в по-

ход. Император узнал об этом и во главе своего войска вышел навстречу противнику.

— Сейчас я вступлю в бой с советником-силачом; если он убьет меня, тогда ты выходи, не бойся,— сказал Шысань своему старшему брату.

Шысань вступил в единоборство с советником. Они долго бились. Наконец Шысань сильным ударом меча отсек противнику голову, потом подскочил к императору и ему тоже отрубил голову. Потеряв императора и советника, вражеское войско сдалось в плен. Победив врага, Шысань женился на принцессе и тоже стал императором. Оба брата правили справедливо, и подданные их были счастливы.

**предания,
исторические
легенды
и сказы**

68. Чужак

К северу от города Хашы¹ есть гора, а в горе пещера больше двух метров высотой, вход в пещеру черный, будто от дыма. Перед входом навалены камни. Если внимательно присмотреться, то видно, что камни гладкие-прегладкие, словно отполированные. Старики говорят, будто в этой пещере сожгли огромную змею, которая пожирала людей. Сами они этого не видели, а слышали от своих отцов, а те от своих отцов и дедов. Так, из поколения в поколение, эта история передавалась и дошла до наших дней.

Много веков назад возле пещеры была деревня. Жило в ней не то пятьсот, не то шестьсот семей. Они обрабатывали землю, собирали богатый урожай и никогда не знали нужды. Но однажды в каменистых пещерах завелась змея-чудовище. По ночам змея выползала и нападала на людей и овец. Напуганные жители теперь сидели по домам, не обрабатывали поля, которые заросли сорной травой. В одиночку никто не решался ходить. Постепенно жители стали перебираться в соседнее селение. Деревня опустела. Теперь нельзя было услышать ни детского плача, ни крика пастуха, ни лая собак, ни мычания коров, ни блеяния овец.

Но вот однажды в деревне появился незнакомый юноша. Он полюбил одну девушку и женился на ней. Как и все крестьяне, юноша собрался выйти в поле, однако жена его не отпускала. Узнав, что возле деревни живет змея-чудовище, которая пожирает людей и баранов, юноша разгневался и решил убить змею, чтобы спасти людей. Он пошел к старикам и стал с ними советоваться. Юноша сказал, что жизни не пожалеет, уничтожит чудовище и спасет людей от беды. Старики выслушали юношу и пожелали ему удачи. Эта весть с быстротой ветра облетела деревню. Кузнецы сделали для юноши панцирь и острый меч.

Юноша пришел домой и лег спать. Проснулся он еще до рассвета, надел панцирь и привязал меч. Жена плакала, не хотела отпускать мужа, но муж попрощался с ней и пошел к пещере. Крепко сжимая в руке меч, юноша вошел в пещеру и стал медленно двигаться вперед. В пещере царил мрак. Вдруг юноша увидел, как засверкали два огня — это были два змеиных глаза. Почуввав человеческий дух, змея открыла свою огромную пасть и хотела проглотить юношу. Юноша почувствовал, как что-то тянет его в пасть к змее, и держал меч наготове, чтобы рассечь змею надвое. Очувтившись в змеиной пасти, юноша разрубил ее пополам. Змея подохла у входа в пещеру. К этому времени подоспели люди. Они хотели помочь юноше, но он едва дышал. У него лишь хватило сил на то, чтобы сказать крестьянам:

— Я умираю, но мне удалось уничтожить змею.

Это были его последние слова. Люди жалели юношу, он умер таким молодым. Каждый из своего дома принес молоко. Этим молоком они омыли юношу² и похоронили его с великим почетом. Потом выстроили у входа в пещеру гробницу, а вокруг гробницы посадили цветы. С тех пор каждый год в этот день жители деревни собираются у гробницы почтить память благородного юноши. Ведь он отдал жизнь, чтобы избавить их от беды.

69. Сваренная пшеница не прорастает

Рассказывают, что давным-давно жил император. Он владел несметными богатствами, но ему все было мало. И вот однажды император призвал к себе сановников, чтобы посоветоваться, как еще больше разбогатеть.

Один из сановников и говорит:

— На базаре чжин пшеницы стоит сорок монет. Прикажете скупить у крестьян все зерно. Они сами вам его привезут.

Император послушался и скупил все зерно. Когда у крестьян остались только семена для посева, император велел везде развесить объявления, в которых сообщалось, что в нынешнем году в зерне завелись черви. В императорской кладовой их могут уничтожить. Кто не хочет потом голодать, пусть везет скорее свои семена в императорскую кладовую.

Все до единого крестьяне привезли семена. Ночью слуги императора обварили семена кипятком, потом высушили, а на другой день вернули крестьянам.

Весной крестьяне, ничего не подозревая, посеяли пшеницу. Но время шло, а семена так и не дали ростков. Поля сплошь поросли сорняками. В тот год крестьянам пришлось туго. Многие умерли с голоду. Чтобы спастись от верной смерти, крестьяне начали покупать у императора зерно, которое когда-то сами ему продали, только император брал за него теперь вдесятеро дороже. Так он преумножил свое богатство. Крестьяне узнали об этом и подняли восстание. Они убили императора, сановников изгнали из страны, а императором провозгласили одного мудрого крестьянина, который стал править мудро и справедливо. С того времени у дунганских крестьян появилась поговорка: «Сваренная пшеница не прорастает».

70. Су Чин

Су Чин был сыном бедных родителей. Вернулся он как-то с учения, замерз весь. А были у него только старший брат да старшая невестка — жена брата. Он и говорит невестке:

— Руки у меня замерзли, тело заоченело.

А та отвечает:

— Погрей над пламенем лампы.

Су Чин был настойчивый юноша, взял он веревку и привязал свою косичку к потолку. Только задремлет, голову наклонит, волосы так дернет, что больно станет. Выучился он и отправился на экзамены в столицу. Сдал все экзамены и стал самым первым чжуонъюанем, фума стал — зятем императора. Вернулся он после этого домой. Зажил радостно. А как обратно в столицу уезжать, угощение устроил. Сказал тут Су Чин:

— Бедного и на людном перекрестке никто не спросит, у богатого и в глухих горах найдутся дальние родственники.

Су Чин — все тот же Су Чин, сменил одежду, но остался прежним человеком.

71. Юй Быйя разбивает цитру

Жил в прежние времена в Китае один человек, звали его Юй Быйя. Служил он большим чиновником при дворе. Юй Быйя был гражданским чиновником. И было у него одно любимое раз-

влечение, любил он играть на цитре. Куда бы ни пошел он, слуги всюду за ним несли цитру. Остановится он в дороге на постоялом дворе или прямо в поле — тотчас захочется ему поиграть на цитре.

И вот как-то раз пришла от государя бумага, призывает он его в столицу. Получил Юй Быйя приказ, собрал вещи, взял с собой слуг, сел в лодку и тронулся в путь. Плывут они, Юй Быйя на горы любит, луной восхищается. «До чего же богаты и прекрасны эти горы, поселись человек в этих местах, непременно станет он бессмертным-шынщанем» — так он думает, а сам смотрит, как солнце за горы опускается. Стемнело. Велел Юй Быйя своим слугам пристать к берегу:

— Отдохнем, завтра дальше поедем.

Не осмелились слуги медлить, тотчас же пристали к берегу. Кому еду варить положено — готовить принялись, кому хворост собирать — за хворостом отправились, кому шатер ставить — войлок расстилать стали — все в хлопотах. Поел Юй Быйя, попил чаю и велел своим слугам принести цитру. Подали ему цитру, установил он ее сперва на столике, а потом принялся играть. Разыгрался он, запела струна высоко да и лопнула.

— Что-то тут не то, — говорит он своим слугам, — почему это струна вдруг лопнула. Поглядите, не иначе как в речных заводях, в поле, где-нибудь в траве кто-то тайком мою цитру слушает.

Бросились его подчиненные на поиски. Немного времени прошло, привели какого-то человека. Глянул на него Юй Быйя, одежда на нем рваная. Поклонился ему незнакомец, потом рядом встал. Ответил Юй Быйя на приветствие и приказал слугам:

— Подать стул!

Принесли слуги скамеечку, усадили пришельца. Стал Юй Быйя его расспрашивать:

— Ты кто такой, чем занимаешься?

— Я дровосек, — отвечает тот.

— Где твой дом?

— Да вон там, в деревне Чжищянь¹ и живу.

— Ну, а имя твое как?

— Фамилия моя Чжун, а имя Цзычи, — ответил дровосек.

А Юй Быйя принялся дальше расспрашивать:

— Сколько человек у тебя в семье?

— Один я, — ответил ему Чжун Цзычи.

Глянул Юй Быйя на цитру и потом задал еще вопрос:

— Ну, а музыку ты понимаешь?

— Понимать — понимаю, а играть не умею.
— А какую мелодию я играл?
— Это я немного понял. Играл вы мелодию: «Сперва три государя, потом пять правителей; Ё уступил престол, Фын ему наследовал»².

Выслушал его Юй Быйя — все правильно. Стал дальше спрашивать:

— А знаешь ли ты из какого дерева эта цитра сделана?

— Из утуна.

— А где оно растет?

— В горах Феникса-Фынхуонсань.

— А какая длина у цитры?

— Семь чи и еще два цуна.

— Ну, а ширина?

— Три чи и еще шесть цунов.

— А почему длина семьдесят два цуна?

— Потому, что семьдесят две звезды на небе³.

— А почему ширина тридцать шесть цуней?

— А по тридцати шести звездам у Млечного Пути⁴.

— Ну, а сколько струн у древней цитры?

— Семьдесят четыре.

Юй Быйя опять стал вопрошать его:

— Ну, а раньше было семьдесят две струны, почему же теперь стало семьдесят четыре?

— Князь Вын-вон добавил струну ло, князь Ву-вон добавил струну чжон⁵, потому и стало семьдесят четыре струны.

— Ну, а сколько у цитры тонов?

— Двадцать четыре.

— А почему двадцать четыре?

— В небо поднимаются восемь звуков⁶, в землю опускаются восемь звуков, в середине остаются восемь звуков, вот и есть три раза по восемь — двадцать четыре.

— Ну, а почему восемь в небо идут, восемь в землю уходят, восемь посередине остаются?

— Древняя цитра ведь как делалась? В соответствии с тремя основами: небом, землей и человеком. Восемь звуков на небе — это звуки, соответствующие солнцу, луне, звездам и Небесному ковшу, ветру и облакам, дождю и грому — вот они восемь звуков; чянь, кань, гын, чын, сун, ли, кун, дуй — восемь триграмм⁷ — восемь направлений⁸ — вот и восемь земных звуков.

— Ну, а почему посередине восемь звуков?

— Посередине восемь звуков — это преданность, сыновья почтительность, целомудрие и верность долгу; это следование обрядам, уважение законов, бескорыстие и честность. Вот они восемь средних звуков.

Выслушал его Юй Быйя. На пять вопросов — пять ответов, и все правильные. Обрадовался Юй Быйя, говорит дровосеку:

— Сколько лет я на цитре играю, а не встречал ни одного человека, кто бы мою игру понял. Сегодня встретил тебя, и рассказал ты мне все про цитру. Есть у меня к тебе несколько слов, да не знаю, удобно ли говорить, не обижайся.

— Говорите, пожалуйста, не беспокойтесь.

— Хотел бы я с тобой побрататься, таково мое сердечное желание, да не знаю, как ты к этому отнесешься, — сказал Юй Быйя.

— Бедняк я и простолюдин, могу ли мечтать об этом. Конечно, я хотел бы побрататься с вами.

— Хорошо, — сказал Юй Быйя, — здесь на лодке и побратаемся.

Потом Чжун Цзычи сказал:

— Человеколюбивый старший брат, если не побрезгуете, я хотел бы пригласить вас в мое жилище. Поживете день-другой, а там и поедете дальше.

Юй Быйя согласился, и они вместе отправились в деревню, где жил Чжун Цзычи.

— Уж не обижайтесь, старший брат, — обратился Чжун к Юй Быйя, — нет ничего у меня в доме, только немного горьких овощей, даже чая и то нет.

— Ну, это все пустяки, — ответил Юй Быйя, — у меня есть отличный чай.

Глянул Юй Быйя — бедно брат живет. В доме и постелить печего, и накрыться нечем. На кане только истлевшая циновка постелена, даже войлока на кане нету. Есть еще маленький столик о трех ножках, а вместо четвертой кирпич подставлен. На столе две пиалы из утунового дерева, одна еще ничего, а другая вовсе битая. Пока Быйя все разглядывал, и вода закипела. Сели они друг против друга и выпили немного кипятку. Заговорили они. Говорили, говорили и совсем сошлись характерами, обрадовались оба.

— Ароматные курительные свечи у тебя есть? — спросил Юй Быйя, — мы должны поклониться друг другу как братья.

— Ничего нет, — ответил Чжун Цзычи, — надо пойти купить, да негде.

— Ну, ничего,— подумав, сказал Юй Быйя,— возьмем по щепотке земли вместо свечей.

Насыпали они кучку земли, воткнули в нее несколько прутиков, будто это ароматные свечи. Тут оба опустились на колени, стали кланяться. Поклонились небу и земле, а потом стали годами считаться. Юй Быйя на пять лет оказался старше Чжун Цзычи, он стал старшим братом, а Чжун Цзычи — младшим. Пробыл Юй Быйя у дровосека одну ночь, а наутро в путь отправился. Перед уходом Юй Быйя сказал своему названому брату:

— Жди меня здесь, да только не собирай больше хворост. Приеду я в столицу, все казенные дела закончу и пошлю за тобой, чтоб тебя привезти. Есть у меня с собой немного серебра, я тебе его оставлю. Мы потом будем вместе служить, что у меня есть, то и твоим будет. Дело это важное, не забудь!

Устроил Юй Быйя младшего брата и в путь тронулся. Проводил его Чжун Цзычи до поддороги. Пролили они слезы и расстались. Юй Быйя в столицу поехал, а Чжун Цзычи дома остался.

Долго ждал Чжун Цзычи старшего брата. Ждал, ждал, нет от него вестей. Заболел Чжун Цзычи да через несколько дней и умер. Похоронили его люди.

А теперь расскажем про Юй Быйя. Приехал он в столицу, сделал все казенные дела и подал императору доклад. Есть, мол, у него названный брат, живет он в деревне Чжищяньцун, зовут его Чжун Цзычи, и хочет он его в столицу перевести. Разрешил император. Отдал Юй Быйя приказ, послал людей за братом. Добрались посланные до деревни Чжищяньцун, стали расспрашивать, где дом Чжун Цзычи. А люди им отвечают:

— Давно уж умер, зря вы ехали.

Делать нечего, вернулись посланные обратно и доложили Юй Быйя. Услыхал он о смерти брата, долго плакал, а потом решил самолично туда отправиться. Подал императору бумагу, попросил разрешения самому в Чжищяньцун отправиться, разузнать обо всем.

Разрешил государь.

Прибыл Юй Быйя на могилу, долго на ней плакал. Потом послал людей купить ароматных курительных палочек, восковых свечей, жертвенных бумажных денег⁹. Стал он на могиле курительные палочки жечь:

— Братец мой! Умер ты, не буду я теперь больше на цитре играть, потому как нет больше никого, кто умел бы внимать звукам цитры. Кто мог думать, что судьба твоя такая несчастная.

Знал бы раньше, что недолго тебе придется жить, не поехал бы я в столицу, с тобой бы остался. Ты умер, а кажется, что зарыли мои собственные кости, мое собственное тело. Не думал я, что ты раньше меня уйдешь на небо.

Долго плакал на могиле друга Юй Быйя, а потом взял в руки свою цитру и опять зарыдал. Потом поднял ее — и швырнул о большой камень. Разлетелась цитра на две половинки. С тех пор не играл он больше на цитре.

Вот эта история и называется «Юй Быйя разбивает цитру».

72. Хань Щин¹ — князь трех знамен²

Когда-то при династии Хань жил некий Хань Щин. Был он человек образованный, но до чего же сердце злое было у него. Ни одного хорошего дела для людей не сделал. Днем и ночью людям чинил одни беды. Даже отец с матерью пострадали от его дурных дел. Был еще у Хань Щина старший брат, звали его Ичон³. Вот пришло время — умер у них отец. Похоронили его, и стали Хань Щин с братом хозяйство делить. Разделил Хань Щин двор пополам, посредине стену построил. Ичон по одну сторону стены колодец вырыл, а Хань Щин по другую отхожее место устроил. Не поймешь, что и получилось: то ли колодец, то ли нужник.

Вот однажды отправился Хань Щин в поле пасти свою часть табуна коней. Прилег там и проспал до полудня. Сквозь сон видит — трое бессмертных мимо идут. Один говорит другому:

— Этот человек, что спит в поле, если свою мать живой в землю зароет, то станет Князем трех знамен — Саньчивоном.

Услыхал Хань Щин его слова, насторожился, слушает, что трое бессмертных еще скажут. А они говорят:

— Он на высоком месте спит. Вот как раз здесь надо могилу вырыть и мать живьем закопать — тогда непременно станет он Саньчивоном.

Сказали они так и ушли. А Хань Щин поднялся и давай могилу рыть. Вырыл и помчался домой. Добрался до дому, обманул мать, посадил ее себе на спину и понес в поле, а там живой в могилу бросил. Плачет мать, просит сына сохранить ей жизнь. А Хань Щин не слушает мать, землей забрасывает — так и зарыл ее. Заживо мать похоронил, а потом покинул родные места. Добрался до одного города. А городом тем правил Бавон⁴. Стал Хань Щин служить Бавону. А у Бавона был один гадатель. Ви-

дит он — у Хань Щина глаза страшные, холодные. Разложил быстренько свои книги, принялся гадать. Гадал, считал, все дурные дела Хань Щина вычислил. Пошел к Бавону и говорит:

— Прогони Хань Щина!

Удивился Бавон. Не поверил, спрашивает:

— Лицо у него желтое, рот маленький, череп узкий, что он такого ужасного может сделать?

Не согласился с ним гадатель, только сказал:

— Не сделаешь по-моему, все время будешь терпеть от него неприятности.

Выслушал эти слова Бавон, взял свое копьё с тремя зубцами, дал Хань Щину, велел искусство свое показать. Но у Хань Щина даже вверх копьё направить и то сил не хватило. Расхотался Бавон. А гадатель все не унимается, на своем стоит:

— Заблаговременно Хань Щина не прогоните, настрадаетесь с ним.

Услыхал его слова Хань Щин, поскорей наутек бросился. Узнал об этом гадатель и говорит Бавону:

— Догоняй быстрее, догонишь — тут же убей его!

Забеспокоился Бавон, схватил в руки меч, в погоню бросился. Почти настиг Хань Щина. Бежит Хань Щин, оглянулся, видит — Бавон его вот-вот нагонит. Стал он против ветра и давай мочиться. Бавон настиг его, поглядел и говорит сам себе: «Да пичего он не понимает, не различает ароматное и вонючее. Вернусь к своему двору, чего тут беспокоиться!» Засмеялся Бавон, поехал обратно. Воротился домой, гадатель спрашивает:

— Убил его?

— Он даже не различает, где ароматное, где вонючее. Что с него возьмешь! — так со смехом ответил Бавон гадателю.

Рассердился гадатель:

— Да он провел тебя, скорей догоняй!

Бавон опять пустился в погоню. Почти настиг Хань Щина. Бежит Хань Щин, оглянулся, видит — Бавон его вот-вот нагонит. Подбежал поскорей к краю горы, лег ногами вверх, головой вниз, заснул. Бавон подъехал, поглядел и говорит сам себе: «Да ничего он не понимает, спит и то кверху ногами!» — Разозлился, назад тронулся. Только домой приехал, гадатель спрашивает.

— Убил?

— Он и спать-то не умеет, ногами кверху спит, чего его, белого, убивать? — ответил Бавон гадателю. Опечалился гадатель, говорит:

— Эх, мой господин! Провел он вас. Скачите опять и на этот раз, как нагоните, непременно убейте, не медлите. А не убьете, на обратном пути он сам вас убьет.

Хмыкнул Бавон, опять бросился догонять. Только теперь-то уж Хань Щин далеко убежал. Подошел он к какому-то мосту и спрашивает у дровосека:

— Куда эта дорога идет?

— По этой дороге к князю Говону⁵ придешь! — отвечает ему дровосек. Побоялся Хань Щин, что дровосек о нем Бавону доложит, и отправил его на тот свет. А сам туфли задом наперед надел, опять в путь пустился. Ехал Бавон по его следам, подъехал к мосту, видит — есть следы, что пришел, нет следов, что ушел. Поглядел на восток, поглядел на запад — никого не видно. Повернул Бавон обратно. Только в дом вошел, гадатель спрашивает:

— Догнал иль нет?

— Не догнал, скрылся Хань Щин, — отвечает ему Бавон. Гадатель сразу все понял. Стал Бавона пугать.

— Эх, к беде все это. Ведь сила у него — гору передвинет, море перевернет.

Бавон Хань Щина не догнал. А что же Хань Щин? Хань Щин в это время к императору Го-цзю в столицу пришел. А в столице жил один человек по имени Чжугуань, который с Хань Щином вместе учился. Вот его-то дом и разыскал Хань Щин. Отдохнул там одну ночь, а на другой день сели они беседовать. Чжугуань и спрашивает:

— Что нет у тебя теперь никакого занятия?

— Служил я под началом у Бавона, да узнал, что он хочет схватить меня. Еле-еле из его рук вырвался, Бавон едва не убил меня. Вот и пришел сюда, тебя разыскать.

Выслушал Чжугуань Хань Щина и говорит:

— Хорошо!

И на другой день повел Хань Щина в золотые хоромы, драгоценные палаты к государю Говону и сказал:

— Это мой друг, мы вместе учились. Дайте ему какое-нибудь дело.

Говон назначил Хань Щина смотрителем императорских житниц. Пробыл на той должности Хань Щин целый год, а когда год к концу подошел, все его подчиненные удивляться стали:

— Почему наш начальник не позволяет нам сосудами зерно мерить, ревизию учинить?

Посовещались они и настрочили бумагу государю. А в ней

написали: «Год почти кончился, а смотритель житниц не дает нам зерно перемерить». Государь Говон записку написал, велел Хань Щина призвать и спрашивает:

— Сколько в наших амбарах зерна осталось?

Хань Щин тут же все цифры по всем амбарам написал.

Подивился государь. Сказал сам себе тихонько: «Ведь давно, два-три месяца тому назад, зерно перемерили, новый год вот-вот наступит, зерно не меряно, а он все цифры доложил». Послал тут Говон чиновников, что амбарами ведали, с приказом все запасы перемерить. Мерили, считали, никакой ошибки не нашли. Пожаловал тут государь Хань Щину титул Сапъчивон — Князь трех знамен: князь людей, князь земли, князь неба.

Собрал Хань Щин войско: одну армию, две-три, пять-восемь. Стал Хань Щин князем трех миров. А Бавон про то еще ничего не знал. Собрал Бавон тем временем конное войско, по горам пошел, Хань Щина ищет. Хань Щин погадал — Бавон за ним идет. Выставил он против Бавона сто железных колесниц, до самого берега реки Уцзян⁶. А у Бавона силы только на девяносто девять колесниц, не свалить ему сотую. Привел Бавон свои войска, стал с Хань Щинем биться. Стал Бавон на берегу реки Уцзян, взял свое копьё с тремя зубьями и одну за другой скинул в реку девяносто девять железных колесниц. Осталась одна колесница, не может Бавон ее скинуть. Потерпел он поражение на берегу реки Уцзян.

В другой раз как-то вел Хань Щин свои войска через заброшенное поле и встретил гадалея. Говорит он гадалею:

— Погадай-ка мне по своим триграммам!

Расстелил тут гадалея свой коврик, принялся гадать. Считал так, прикидывал эдак, потом сказал Хань Щину:

— Положено тебе судьбой семьдесят два года, да только тридцать два из них ты сам растратил.

— Объясни-ка мне до конца, почему это из моих семидесяти двух лет тридцать два года пропало? — Хань Щин гадалея спрашивает.

Отвечает ему гадалея:

— На каменистом поле мать живьем закопал — отнимается у тебя ровно восемь лет. К братову колодцу нужник пристроил — отнимается у тебя еще ровно восемь лет. У развилки дорог убил дровосека — отнимается у тебя еще ровно восемь лет. На реке Уцзян сбросил ты в реку Бавона и его войско — отнимается у тебя еще ровно восемь лет. А тебе сейчас ровнехонько пять раз по восемь — сорок лет.

Заволновался тут Хань Щин, стал просить:

— Господин гадатель, прибавь мне годов.

Понял гадатель, Хань Щин может ему какую-нибудь подлость сделать, и говорит:

— Саньчивон, не могу я прибавлять года и убавлять не могу. Обернись-ка, вон тот человек, верно, умеет прибавлять и убавлять.

Повернул Хань Щин голову — никого нет. Хотел гадателя спросить, где же тот человек, глянул — а гадатель исчез. Изумился Хань Щин. Повел войска в обратный путь.

А смотритель моста, которого порешил тогда Хань Щин у развилки дорог, превратился после смерти в девушку Чынцонной⁷ и стала эта Чынцонной на кухне самой императрице прислуживать. Днем и ночью мечтала она Хань Щину отомстить. И вот однажды решила государыня искупаться. Тут и придумала Чынцонной, как от Хань Щина избавиться. Написала она подложную записку, велела Хань Щину во дворец прийти.

А Хань Щин дома сидит, макушка у него словно в огне горит. Слышит — у задних ворот зовет его кто-то. Вышел он, глядь — посыльный, записку ему дает. Прочитал Хань Щин записку — кличет его сама императрица. Вмиг онемели у него ноги, сердце запрыгало беспорядочно. Пошел он вслед за посыльным. Подошли они к дворцовым воротам — охрана в два ряда стоит, не пускает. Потянул посыльный дверь, Хань Щин быстро вошел внутрь. Разволновался Князь трех знамен Хань Щин. А тут уже и к третьим дворцовым воротам подошли, посыльный велит Хань Щину вперед идти. Понял тут Хань Щин — нет государя Го во дворце. Думает: какое же тогда ко мне дело? Забурлила у Хань Щина черная кровь, красная высохла — не хочет он двери открывать. Сама судьба его ногой дверь открыла. Только вошел он — глядь, а там сама императрица купается. Увидала государыня, что Хань Щин дверь распахнул и внутрь вошел, закричала, завернулась в белую простыню. Испугался тут Хань Щин, забеспокоился. Стал поспешно императрицу спрашивать:

— Вы зачем меня своей запиской вызывали?

Увидала государыня у Хань Щина в руках записку и говорит:

— А это настоящая записка или подложная? Посмотри-ка! Государыня моется, а ты влетаешь неожиданно!

Призвала императрица палачей, приказала:

— Связать Князя трех знамен, увести его и убить!

Тут только Хань Шин понял: конец ему. Однако, думает он, нет ведь меча такого, чтоб убить меня. Потому и сказал:

— На мечах на всех есть три иероглифа — мой титул. Не казнить ими Саньчивона!

В это время Чынцонной из кухни выбежала, говорит государыне:

— Все-все ножи и мечи тремя иероглифами помечены, только в кухне на кухонном ноже знаков нету.

— Принеси нож, — велит государыня.

Принесла девушка нож, подала императрице. Та взглянула, и в правду нет никаких трех иероглифов. Стала государыня спрашивать:

— Кто убьет Хань Щина-Саньчивона.

— Я убью Хань Щина-Саньчивона, — Чынцонной ей ответила.

Изумились тут все, а Хань Шин пристально поглядел на Чынцонной. Подняла Чынцонной нож, подошла к Хань Щиню и спрашивает:

— Хань Шин-Саньчивон, погляди, на кухонном ноже есть ли твои иероглифы?

— Нету, — ответил ей Хань Шин, а потом обратился к Чынцонной и говорит:

— Ах ты, рыжая девка, у тебя еще молоко на губах не обсохло, а ты кухонным ножом хочешь убить меня!

— Выходи скорей, — Чынцонной на него прикрикнула.

Вывели Хань Щина, повели к лобному месту. Уставился Хань Шин на Чынцонной, потом спрашивает:

— Девка рыжая, тебе в этом году сколько лет?

— Мне в этом году двенадцать лет, — Чынцонной ему отвечает.

Дрогнуло его сердце, вмиг он все понял: «Как раз двенадцать лет прошло, как я порешил на развилке дровосека. Возродился он в другом облике и стал девицей Чынцонной. Сейчас она отомстит мне». Потом Хань Шин — Князь трех знамен обратился к Чынцонной и сказал:

— Эй, знаешь, я только сейчас все понял: добро за добро, зло за зло. Так быстрее верши свою месть!

— Давай! — крикнула тут Чынцонной.

Так двенадцатилетняя Чынцонной, в которую перевоплотился дровосек, убила Хань Щина-Саньчивона. Все его проступки и привели его к такому концу.

73. Гуон-хуэй¹

В давние времена правил Китаем император Гуон-хуэй. Был у него единственный сын Юань Гуон и племянник Ли Юань. Как и все родственники императора, Ли Юань был императорским сановником и постоянно находился при дворе. Как-то раз Ли Юань справлял день рождения своей матери и по этому случаю пригласил сановников разных рангов. Гости по очереди подходили к матери Ли Юаня, кланялись ей и поздравляли с днем рождения. Сын императора, принц Юань Гуон, явился позднее других. Он тоже подошел к своей тете, поклонился ей, поздравил с днем рождения и пожелал долгих лет жизни. В это время жена Ли Юаня почтительно поддерживала свою свекровь под руку. Юань Гуон поздоровался с ней и тоже пожелал счастья. Одни гости сидели молча, другие — беседовали, тут Юань Гуон обратился к Ли Юаню:

— Давай сыграем партию в шахматы.

— Что ты, не время сейчас играть в шахматы. Перед гостями неловко. Они приходят с поздравлениями, а мы за шахматами будем сидеть!

— Ну, хоть одну партию, — стоял на своем Юань Гуон и начал расставлять фигуры на шахматной доске.

— На что будем играть? — спросил Юань Гуон.

— А на что бы ты хотел? — в свою очередь, спросил Ли Юань.

— Я ставлю одно из владений моего отца в десять тысяч квадратных ли.

— Ты ставишь владение отца, а что могу поставить я? — гневно спросил Ли Юань.

— Раз у тебя нет владений, ставь тогда свою жену, — нагло заявил принц.

Ли Юань не мог стерпеть такую дерзость, схватил шахматную доску и ударил принца по голове. Видя это, гости от ужаса оторопели. Такая ссора между высокопоставленными особами могла послужить причиной гибели не одного из них. Поэтому все почли за лучшее удалиться. Ушел и Юань Гуон. Однако, вернувшись во дворец, он взял вооруженных конников и снова отправился к Ли Юаню. Ли Юань знал, что принц вернется с конниками, чтобы отомстить, и, не теряя времени, вместе с женой и матерью покинул дом. Они долго шли и наконец добрались до какого-то заброшенного храма. Там и укрылись.

Как раз в это время Юань Гуон с конниками налетел на дом

Ли Юаня и учинил там настоящий разгром. Не пощадил он даже собак и кур, всех перебил. Только Ли Юаня и его семьи принц не обнаружил. Узнав о том, что они успели спрятаться, Юань Гуон пришел в неопишемую ярость и вместе с конниками пустился в погоню.

Ли Юань между тем покинул храм. Но не прошел он и пяти ли, как его приметил Юань Гуон. Он позвал главного военачальника Гу и приказал:

— Убей Ли Юаня и принеси его голову!

Военачальник ушел выполнять приказ, но когда он приблизился к Ли Юаню, тот обратился к нему с такими словами:

— Ты ведь знаешь, сколько лет я честно служил императору и ни разу не вызвал его недовольства. А сейчас из-за глупости Юань Гуона мне пришлось испытать столько страданий!

— Я все хорошо понимаю, — отвечал военачальник, — и пришел к тебе не по своей воле. А сейчас, чтобы не вызвать у Юань Гуона подозрений, будем сражаться, только при одном условии, что ты снесешь мне голову. Иначе это сделает проклятый кабан Юань Гуон. Он все равно меня убьет.

Они стали биться, но Ли Юань был человеком добрым и не хотел убивать военачальника. Он даже готов был пожертвовать собственной головой. Тогда военачальник сделал ловкий выпад и подставил голову под меч Ли Юаня. Ли Юань и не заметил, как отсек голову военачальнику. Увидев, что Ли Юань убил военачальника, разъяренный Юань Гуон решил сам сразиться с Ли Юанем и поскакал к нему. Они скрестили мечи, бились долго, но Юань Гуон был на коне, а Ли Юань — пешим, поэтому превосходство было на стороне Юань Гуона. Увидев, что Юань Гуона ему не одолеть, Ли Юань увернулся от удара и бросился бежать. Юань Гуон пустился в погоню.

Пока они сражались, у родника неподалеку Чин Чюн родом с гор Лёнсань поил коня. Вдруг он увидел в воде отражение кабана, который гнался за драконом. Чин Чюн очень удивился и сам себе сказал: «Где это видано, чтобы кабан гонялся за драконом! Это дракон должен гнаться за кабаном и убить его!» Он быстро вытащил стрелу и поразил ею кабана. В тот же миг Юань Гуон пал бездыханным. Увидев, что Юань Гуон мертв, Ли Юань только диву дался: «Кто же это на помощь мне пришел? Надо непременно найти его и поблагодарить!» Но сколько Ли Юань ни искал своего спасителя — найти не мог. Он пошел дальше и вдруг видит, какой-то человек поит своего коня из родника. Вид у незнакомца был поистине величественный, и Ли

Юань сразу признал в нем своего спасителя. Он подошел, поклонился и спрашивает:

— Не скажете ли вы мне, как величать вас, почтеннейший?

Чин Чюн обернулся и увидел человека с виду необыкновенного. Он сразу догадался, что это и есть тот самый дракон, которого он спас от кабана. Чин Чюн ничего не ответил, только вытащил стрелу, на которой были обозначены его имя и фамилия, и показал Ли Юаню. Ли Юань прочел: «Чюн», а «Чин» незнакомец прикрыл пальцем. Крепко-накрепко запомнив это имя, Ли Юань продолжал свой путь. Он пришел в храм, забрал мать и жену и решил покинуть владения императора Гуон-хуэя. Они долго бродили по лесам и кручам, пока наконец добрались до владений другого императора. А император этот как раз опочил, и люди искали нового правителя. Тут и появился в их государстве Ли Юань. Глядя на его величественный вид, все стали спрашивать, кто он, откуда родом и зачем пожаловал. Узнав, что Ли Юань не простого звания, а высокого, жители этой страны избрали его своим императором. Став императором, Ли Юань решил в честь своего спасителя построить храм и назвал его «Храм князя Чюна». После этого он приказал изваять статую Чин Чюна и поставить в храме, и каждый день приходил туда ей поклониться.

В это самое время Чин Чюн остановился на каком-то постоялом дворе и заболел тифом. Деньги у него кончились, и он не только не мог расплатиться с хозяином, но даже корм для коня ему не на что было купить. В конце концов, чтобы заплатить за постой, Чин Чюн решил продать своего коня. И вот, когда он повел его на продажу, конь съел в два приема два тюка сена у сеноторговца.

Ли Юань сидел во дворце и вдруг увидел из окна, как конь, которого вел под уздцы какой-то человек, съел в два приема два тюка сена. Тогда Ли Юань позвал сановника и говорит:

— Видишь, там какой-то человек ведет под уздцы коня? Если он его продает — купи.

Сановник покинул дворец и пошел к Чин Чюну. Приблизившись, он спросил:

— Эй, странник, не продашь ли коня?

— Продам, — ответил Чин Чюн.

Сановник купил коня и повел во дворец. На вырученные деньги Чин Чюн расплатился с хозяином, возместил убыток торговцу, у которого его конь съел два тюка травы, и пошел в харчевню. Но в харчевне было полно народа. Только два ме-

ста в самой глубине оставались свободными. Это были места двух храбрецов из лагеря Лёнсаньбо. Чин Чюн ничего об этом не знал и занял одно место. Увидев, что нашелся человек, который осмелился занять место одного из храбрецов, посетители стали шептаться между собой: «Несдобровать теперь этому малому». Тут как раз в харчевне появились два храбреца из Лёнсаньбо. Увидев, что кто-то занял их место, младший храбрец говорит старшему:

— Я сейчас его проучу!

— Не торопись, — ответил старший храбрец, — видно, он сильный и смелый, иначе не занял бы наше место.

Но младший стоял на своем. Старший стал его уговаривать:

— Прошу тебя, не спеши, а то опозоришься.

Однако младший слушать ничего не хотел и направился прямо к Чин Чюну. Он ударил его изо всех сил, но Чин Чюн продолжал сидеть, как ни в чем не бывало, будто и не почувствовал. Старший храбрец сказал:

— Говорил я тебе, чтобы ты не спешил, но ты не послушался меня и теперь опозорился.

Раздосадованный неудачей, младший храбрец зло смотрел на Чин Чюна и вдруг от радости подпрыгнул, воскликнув:

— Да ведь это же Чин, наш второй брат. Целый год мы не виделись с ним.

Когда Чин Чюн услышал это, ему стало не по себе, такой у него был жалкий вид. Сгорая от стыда, он вскочил с места, убежал из трактира и пустился наутек. Храбрецы тоже покинули трактир и бросились его догонять. Чин Чюн побежал на кладбище, спрятался в заброшенной могиле и притворился спящим. Храбрецы долго его искали, пока не нашли, и стали упрашивать:

— Чин, выйди к нам, ведь ты наш второй старший брат. Мы тебя так долго искали, и вот наконец нам повезло тебя встретить. Но, видно, мы надоели тебе, раз в такой день ты от нас убегаешь.

Храбрецы так долго просили, что Чин Чюн внял их мольбам, вылез из могилы и говорит:

— Дорогие мои, я и в самом деле ваш второй старший брат.

Тут братья обнялись и стали плакать. Втроем они пошли в храм, чтобы возблагодарить небо за то, что они встретились. В храме они увидели колонну с надписью: «Храм князя Чюна» и статую, точь-в-точь похожую на самого Чин Чюна. Чин Чюн не мешкая свалил статую на пол со словами:

— Так вот, оказывается, отчего я заболел, кто-то поставил здесь мою статую².

Монах, надзиравший за храмом, увидел, что какие-то люди вошли в храм и свалили статую, прибежал к императору и сказал:

— Какие-то трое пришли в храм, с виду храбрецы, и свалили статую на пол.

Император немедленно послал в храм конных стражников, чтобы схватили тех троих и привели во дворец. Когда три брата предстали перед императором, Ли Юань в одном из них признал Чин Чюна и радостно воскликнул:

— Так ведь это же мой спаситель!

Чин Чюн сказал:

— Вы поставили в храме мою статую, от этого я заболел тифом и едва не умер.

Услышав это, император очень огорчился. Немного погодя он устроил пир в честь Чин Чюна и его братьев. После пира Ли Юань стал предлагать Чин Чюну золото и серебро — тот отказался. Он хотел сделать Чин Чюна сановником самого высокого ранга — Чин Чюн и на это не согласился. Тогда Ли Юань подарил Чин Чюну коня, которого купил у него, а в седло незаметно вложил двадцать листов чистого золота. Чин Чюн вскочил на коня, попрощался с братьями и покинул город. По дороге он заметил, что у его коня нет прежней силы и скачет он медленней. Чин Чюн хлестнул коня, но конь не прибавил хода, только пот с него лился ручьями. Тут Чин Чюн догадался, что в седле что-то спрятано. Он долго ехал и вскоре доехал до владения Гуон-хуэя. Еще издали Чин Чюн заметил постоянный двор, направил прямо к нему коня и, когда вышел хозяин, спросил:

— Не найдется ли у вас свободной комнаты? Я устал в пути и хочу отдохнуть.

Хозяин сказал, что комната найдется. Тогда Чин Чюн расседлал коня и тут почувствовал, что седло очень тяжелое. Он отнес его в комнату и стал рассматривать. Каково же было его удивление, когда он обнаружил в седле двадцать листов чистого золота.

Как раз в это время в комнату вошел хозяин, неся чай. Он видел, как Чин Чюн вытаскивал из седла листы золота, и подумал: «Не иначе как новый постоялец — разбойник. Украл у императора золото. Да и с виду он отчаянный, иначе не смог бы ограбить императорскую казну. Голыми руками его не возь-

мешь, надо побыстрее сообщить в ямын, пусть стражников пришлют!» Подумав так, хозяин постоянного двора пошел в ямын, рассказал про все, что видел, тотчас же явились пять пар стражников, схватили Чин Чюна и отвели в тюрьму. Тем временем хозяин постоянного двора развесил повсюду объявления, где говорилось: «Вор, ограбивший императорскую казну, схвачен», и под объявлением поставил свою подпись. Эта весть дошла и до императора Гуон-хуэя. Тот не задумываясь распорядился обезглавить вора. Пока гонец с императорским приказом скакал в тюрьму, прошло два месяца. Чин Чюн снова заболел тифом. В бреду он все время вспоминал о своих братьях с горы Лёнсань. А надо вам сказать, что в этой тюрьме сидел еще один храбрец по имени У Сун. Узнав, что здесь находится храбрец из стана Лёнсаньбо, которого обвиняют в краже императорского золота и двенадцатого числа двенадцатой луны должны казнить, У Сун позвал арестанта Сылэймора (он тоже был из стана Лёнсаньбо), написал на его ладони день казни Чин Чюна и сказал:

— Не мешкая беги в горы Лёнсань и передай братьям, что на двенадцатое число двенадцатой луны назначена казнь второго брата, Чин Чюна!

Услышав эти слова, Сылэймор с ловкостью кошки перемахнул через высокую тюремную стену и, оказавшись на воле, как ветер помчался в сторону Лёнсаньбо. Он так быстро бежал, что, добежав до подножия гор, выбился из сил и свалился на землю. С горы видели, что кто-то бежал и вдруг исчез из виду. Братья подумали, что это лазутчик крадется к ним, и тотчас же послали одного из храбрецов схватить его. Храбрец мигом спустился с горы, но Сылэймор был уже мертв. Храбрец сразу признал его и сильно опечалился. Он решил отнести Сылэймора на гору, но тут заметил написанное у него на ладони послание, в котором говорилось, что двенадцатого числа двенадцатой луны состоится казнь второго старшего брата. Храбрец, не теряя времени, взвалил на спину мертвого Сылэймора, поднялся на гору и дал всем братьям прочесть, что написано у того на ладони. Храбрецы очень жалели Сылэймора, который пожертвовал жизнью ради спасения Чин Чюна, и с почетом похоронили его. После этого сто восемь храбрецов переоделись торговцами, быстро спустились с горы и добрались до города. Там они напали на тюрьму и освободили Чин Чюна и других братьев. Все вместе они так бились со стражниками, что весь город перевернулся вверх дном. Чин Чюн вскочил на коня и повел братьев к городским воротам,

которые как раз закрывали. Тогда конь Чин Чюна лег под ворота и не дал их закрыть. Как только последний храбрец вышел из города, конь Чин Чюна испустил дух. Так погиб славный конь героя. Храбрецы же издали боевой клич и помчались к своему стану на горе Лёнсань.

74. История Щюэ Жынгуй¹

В былые времена жил некий юаньвэй по фамилии Щюэ. Была у него жена да еще сын. Сыну как раз исполнилось шестнадцать лет, звали его Щюэ Жынгуй. Ел этот мальчик очень много. За один раз съедал целый ду вареного на пару риса, да еще штук десять хлебцев из твердой муки. И вот умерли у него отец и мать. Остался мальчик совсем один, лет ему немного. Отец-то его хорошо жил, и все добро сыну оставил. Стал его дядя звать к себе — не идет, стала тетя звать к себе — не идет. Собрал он ватагу друзей, каждый день повара нанимает — угощения им готовить, вино подносить. Сам с друзьями усядется, ест, пьет. Пили-ели, в один прекрасный день все добро и проели. Тут товарищи все разбежались, оставили Щюэ Жынгуй одного. Есть ему нечего, пить нечего. Пошел он к дяде просить — дядя ничего не дал; пошел к тетке — тетя ничего не дала. Стал у другого дяди спрашивать — и тот ничего не дал. Все они ему говорили:

— Когда у тебя добро было — мы тебя звали, ты не шел. А сейчас уходи, ты нам не нужен.

Пошел Щюэ Жынгуй к друзьям, стал у них еды просить. А друзья отвечают — у самих есть нечего. Ушел он из дома, пошел просить милостыню.

— Хозяин, дай мне корочку от налистников да пачинку от пельменей, — просит.

— Пошел вон! Черепаший сын! Попрошайка! Хлеба ты не просишь, просишь корочку от налистников-чжюаньцзы да пачинку от пельменей. Нет у меня! Уходи!

Ушел Щюэ Жынгуй, забрел во двор храма. Видит деревце кривое, залез на него, решил повеситься.

А тут мимо проходил разносчик товаров Вон. Быстро снял юношу. Пошупал сердце — еще бьется. Плеснул он на него воды, открыл юноша глаза. Отдышался немного, на ноги поднялся.

Говорит ему разносчик Вон:

— Будь мне братом, согласен?

А юноша ему отвечает:

— Коли не побрезгуешь мной, я согласен. Только ем я много.

— Ничего, ничего!

— Дай мне коромысло понести, — стал Щюэ Жынгуи просить.

— Не поднимешь!

А Щюэ Жынгуи:

— Ничего, ничего! Подниму!

Взял он коромысло, пошел вперед. А разносчик Вон сзади идет, в руках маленький барабанчик — балыngu² держит да постукивает в него. Одну улицу прошли — нет покупателей, две улицы прошли — все нет покупателей. Обошли они подряд пять улиц, разносчик Вон и говорит:

— Щюэ Жынгуи! Сними коромысло, отдохни немного, тяжело.

Снял юноша коромысло, присел передохнуть. Отдохнули немного, поднялись. Разносчик Вон и говорит:

— Я понесу.

А юноша ему отвечает:

— Не пойдет, не пойдет — я понесу.

Поднял Щюэ Жынгуи коромысло, пошли они дальше и дошли до дома разносчика Вона. Вон и говорит:

— Жена! Я привел себе брата, как думаешь, хорошо это или нет?

Жена отвечает:

— Хорошо! Хорошо!

А Вон ей:

— Приготовь-ка нам один ду вареного на пару риса, десять чжинов тонкой лапши, вскипяти два чайника чаю да пожарь два блюда овощей. «Ай-я! — подумала жена. — Мой муж хочет еще гостей позвать, пир устроить».

Как еда поспела, жена и говорит Вону:

— Еда сварилась, где ж твои гости?

— Давай всю сюда, ставь на стол, — отвечает ей разносчик Вон и говорит юноше:

— Братец Щюэ Жынгуи! Кушай!

Принялся юноша за еду, съел целый ду вареного риса, съел десять чжинов тонкой лапши, съел и два блюда жареных овощей, два чайника чаю выпил — все прикончил. Разносчик Вон спрашивает:

— Братец! Ты сыт?

А Щюэ Жынгуй отвечает:

— Хватит, хватит, наелся, спасибо! Сегодня только и насытился.

Прожил у них Щюэ Жынгуй полмесяца и задумался: «Ай-я! В амбаре-то рису чуть-чуть осталось». Стыдно ему стало. Запечалился он, загрузил. Вернулся вечером разносчик Вон, глядь — братец его сегодня такой невеселый. Спрашивает его:

— Братец, что сегодня с тобой случилось? Какие думы у тебя на сердце?

Юноша ему отвечает:

— Старший брат, я больше не могу жить у тебя, я уйду, а?

— Почему, братец? Может, тебе жена моя что-нибудь сказала?

— Ничем меня старшая невестка не обидела. Пойду я, или подыщи мне какое-нибудь занятие.

— Не уходи, я тебе работу найду,— разносчик Вон ему отвечает.

— Ладно, хорошо, хорошо!

На другой день утром разносчик Вон встал, волосы причесал, лицо вымыл, хорошую одежду надел, пошел в дом Вон-юаньвэй. Увидал его Вон-юаньвэй и говорит:

— Ай-я, сынок, целый год не приходил, а сегодня пришел. Какое у тебя дело ко мне?

Разносчик Вон отвечает:

— Дядюшка! Есть у меня брат, не найдется ли для него работы?

— Дела много, всякая работа есть, поглядеть надо, что он может. Поди приведи его, я погляжу.

Ушел разносчик Вон, вернулся домой и скорей повел брата к юаньвэю.

— Пришли? — Вон-юаньвэй спрашивает.— Хорошо, хорошо!

— Пришли, пришли,— отвечают разносчик и юноша.

Позвал Вон-юаньвэй свою жену и велел ей:

— Собери-ка чего-нибудь поесть. Человек на десять или на восемь давай.

Принесла жена. Вон-юаньвэй и говорит:

— Ешь, парень!

Принялся тот за еду, а Вон-юаньвэй сидит, смотрит. Щюэ Жынгуй все съел. Вон-юаньвэй думает: «Ай-я! Этот парень есть

может, видно, и работать может. Кто ест много, тот и работает много». Вон-юаньвэй говорит:

— Пошли поглядим, как ты работаешь.

Повел его. Подошли к месту, где терем стоит. А тот, оказывается, плотничко дела не ведает, кузнечного не разумеет, потолок расписывать не научен, штукатурировать не может. Вон-юаньвэй и говорит:

— Пошли, отведу тебя на берег Хуанхэ, там из воды надо бревна вытаскивать. Пойдем поглядим, сумеешь ли.

Привел он туда юношу. Глянул юноша: «Вот для меня хорошая работа».

— Ну, тогда завтра приступай,— юаньвэй ему говорит.

А на Хуанхэ пятьсот человек трудятся, бревна из воды вытаскивают, на плечах таскают. Двести человек одно бревно тащат, сто человек одно бревно несут. За один день пятьсот человек шесть бревен вытаскивают. Щюэ Жынгуй и говорит Вон-юаньвэю:

— Дядюшка! Дайте-ка я попробую.

Полы за пояс заткнул, рукава засучил, полез Щюэ Жынгуй в реку бревна вылавливать. Зажал под мышками по бревну, голову нагнул, третье бревно на плечо взвалил. И часа не прошло, а он уже бревна все отнес. Пятьсот человек долго-долго одно бревно тащат, всего за день шесть бревен перетаскивают, а Щюэ Жынгуй за один час три бревна выловил. Тем пятистам работникам на это полдня надо было. «Вот удача,— Вон-юаньвэй думает,— добрый молодец к нам пришел. Пятистам рабочим за месяц надо десять лёнов серебра платить, а я одному Щюэ Жынгую пока положу десять лёнов серебра». Говорит Вон-юаньвэй юноше:

— Щюэ Жынгуй, ты сегодня ешь, пей, отдохни денек. А завтра приходи на работу. Вечером я тебе дам телегу, ты поедешь домой, привезешь, что под себя стелить, привезешь, чем укрыться. А я тебе домик дам.

Вечером Щюэ Жынгуй взял у хозяина десять лёнов серебра, вернулся к разносчику Вону и отдал ему все серебро. Обрадовался разносчик Вон, за один месяц — десять лёнов серебра, да на эти деньги можно зерна на три года припасты, и еще серебро останется. А Щюэ Жынгуй телегу подогнал, вещи погрузил и уехал. Вернулся в усадьбу Вон-юаньвэя, а тот и говорит:

— В этом домике ты один будешь жить.

На другой день принялся он за работу. Каждый день пят-

надцать раз бревна из воды вытаскивал, сорок пять бревен переносил. Поглядел Вон-юаньвэй и говорит.

— Эй! Вы, пятьсот человек, уходите. Рассчитаюсь со всеми.

Не прошло и месяца, как Щюэ Жынгуэй все бревна из реки повытаскивал. Наступила осень, погода прохладная стала, работа приостановилась. Мастеров всех по домам распустили. Приходите, мол, весной обратно, тогда снова за дело возьмемся. А сейчас идите по домам, отдохните. Оставил Вон-юаньвэй у себя одного Щюэ Жынгуя за дворника. Пришла зима, пошел снег. Холодно стало. По ночам Щюэ Жынгуэй подле терема спал. А дочь юаньвэя со своей служанкой в пятую стражу³ погулять вышла. Глядят — под галереей Щюэ Жынгуэй спит, от холода в клубок свернулся. Видит Вон Бочуань, дочь Вон-юаньвэя, — у Щюэ Жынгуя через все семь отверстий головы⁴ белая змейка ползает — в одно войдет, из другого вылезет. Вон Бочуань про себя подумала: «Ай-я! Человек-то этот в будущем когда-нибудь императором станет. Судьба у него великая». Никому Вон Бочуань про то не сказала, быстро в дом свой вошла, в темноте один ящик раскрыла, вынула рубашку, вышла и набросила Щюэ Жынгуя на тело. Спал Щюэ Жынгуэй, спал, проснулся — все тело в поту. Глядь — рубашка. Быстро надел он ее под свой халат и говорит:

— Небо мне рубашку подарило.

Встал он спозаранку, тут снег пошел. Взял Щюэ Жынгуэй метлу, стал двор подметать. Спереди метет, а сзади снег сам тает. Жарко ему стало, подогнул он полы своего белого халата. А Вон-юаньвэй утром вышел видит — Щюэ Жынгуэй чудесную рубашку надел: «Ай-я! Дело плохо. Как это он нашу рубашку надел? В этой рубашке зимой тепло, летом прохладно. Называется она холундуань⁵». Вернулся юаньвэй в дом, позвал жену и спрашивает:

— Иди сюда, старая! А где сейчас те две рубашки, что сам государь в тот год подарил мне. Принеси-ка их — я погляжу.

Старуха тут же велит невестке:

— Принеси-ка поскорей рубашку, что тебе отец дал. Он на нее взглянуть хочет.

Позвала она и свою дочь — Вон Бочуань и ей говорит тоже:

— Принеси-ка поскорей рубашку, что тебе отец дал. Он на нее взглянуть хочет.

Открыла невестка ящик и тут же достала рубашку, а их дочь Вон Бочуань несколько ящиков до дна перерыла — нет ничего. Вон-юаньвэй и говорит жене:

— Или ты нашу дочь убей тут же, или в тюрьму ее брось.

Тут вдруг человек какой-то явился, зовет юаньвэя, начальство, мол, его требует. Юаньвэй отвечает:

— Сейчас иду. Пока я хожу, выгоните дочь, чтоб не видел я ее больше.

Ушел юаньвэй. Плачет его жена, плачет дочь. А в доме у них старуха одна жила. Эта старуха и говорит:

— Да что же мы с ней делать будем? Надо ей жизнь спасти.

Тут мать ее говорит:

— Верно, верно! Хорошо!

Взяла старуха Вон Бочуань и увела с собой. Взяла немного серебра и увела. Шли они до полудня, шли до вечера и забрели в один старый храм, остановились там отдохнуть. Стали чай кипятить. А в это время Щюэ Жынгуй тоже к тому старому храму подошел. Правой ногой как даст в дверь, она и отворилась. Видит — Вон Бочуань со старухой сидят. Старуха как закричит:

— Скорей, скорей входи, Щюэ Жынгуй! Это не я тебе барышню привела, это само Небо тебе невесту нашло. Бери ее скорей.

А Щюэ Жынгуй отвечает:

— Не надо мне, я боюсь. Небо мне рубашку подарило, так юаньвэй хотел голову снести, а я еще дочь его возьму.

— Ничего, ничего, — старуха его уговаривает, — не бойся, возьми и иди. Давай, давай, давай. Вот мы в этом храме Небесному государю⁶ и поклонимся.

Поклонились они Небесному государю, поели, попили; старуха домой пошла. А Щюэ Жынгуй свою жену Вон Бочуань с собой увел. Выйдут на дорогу, где нет людей, там Щюэ Жынгуй ее на руках, обняв, несет, а как появятся люди, на землю опускает — сам впереди идет, жена сзади. Пришли они в одну деревню, что принадлежала Ху-юаньвэю. Глядь — а на краю деревни старые земляные пещеры есть, одна еще совсем хорошая. Поселились они в ней.

На другой день Вон Бочуань дала Щюэ Жынгую десять лёнов серебра и сказала:

— Пойди на базар, купи, что надо для хозяйства.

Купил он муки, купил рису, достал масла, принес войлок на подстилку, одеяла — укрываться, купил котел да посуду — все домой принес. Стали они жить в пещере. Прошло несколько дней, Вон Бочуань и говорит:

— Муженек, мы все дома сидим. Пошел бы ты, что ли, на

охоту, убил бы волка или тигра, разве плохо? И мясо у нас было бы, и жир был бы.

— Да ведь оружия у нас никакого нет.

— А ты возьми топор да пойди в горы, сруби дерево су-мах,— стала жена ему советовать,— и сделай дубинку.

Взглянул он, и вправду сумах растет, ствол в два чжона вы-сотой. Срубил он его, взял в руки, попробовал:

— Ай-я! Хорошая штука!

Понес домой. Жена взглянула:

— Верно, хорошая дубинка.

На другой день утром взял Щюэ Жынгуй свою дубинку и пошел в горы. А в горах было ущелье, и по нему тропинка шла. Вышел он на тропинку, огляделся — ничего не видно. Думает, где же в этих горах тигры да волки водятся. Не успел он и слова сказать, как сверху спустился тигр и вышел на ту тропинку. Одним ударом дубинки уложил Щюэ Жынгуй тигра. Взвалил тушу на спину, собрался домой идти. Вдруг сверху прыгнули три человека, загородили ему дорогу:

— Ай-я! Ты откуда такой взялся, парень! Мы этого тигра уже чуть ли не шесть дней преследуем, а ты взял и убил!

— Я в горах его убил, а не у вас дома,— Щюэ Жынгуй им отвечает.

Принялись тут трое охотников с Щюэ Жынгуйем драться. Не могут они втроем одолеть одного Щюэ Жынгуйа. Всех троих Щюэ Жынгуй на землю повалил. Тут сын Ху-юаньвэя — Ху Куй и говорит.

— Эй, братец, зачем нам драться. Давай побратаемся, ладно?

— Хорошо,— отвечает Щюэ Жынгуй,— у меня жена есть, вернусь домой, посоветуюсь.

Ху Куй говорит:

— Хорошо, хорошо, поехали.

Сели они на коня, тигра тоже к конскому крупу приторочили и так добрались до дома Щюэ Жынгуйа. Щюэ Жынгуй и говорит жене:

— Вон Бочуань, если я с этим человеком побратаюсь, как, по-твоему, хорошо будет или плохо?

Жена отвечает:

— Очень хорошо!

Тут они освеживали тигра, вынули сердце, печень, легкие?, пожарили и съели вдвоем.

Щюэ Жынгуй отдал тигра Ху Кую и сказал:

— Взвали, братец, его на копя, вези домой.

И никто ничего не сказал, ведь и в самом деле сын Ху-юань-вэя Ху Куи — настоящий храбрец.

Ху Куи поклонился своей старшей невестке Вон Бочуань и сказал:

— Уважаемая невестка, я приглашаю вас жить в наш дом. Комнат у нас много, зачем жить в этой пещере.

— Нет, — ответила Вон Бочуань, — нам и здесь хорошо.

А Ху Куи в душе подумал: «Ай-я! Я молодой человек приглашаю ее, она не идет, стесняется». Вернулся Ху Куи домой и говорит своему отцу и матери:

— Я себе старшего брата нашел и старшую невестку. Я их к нам приглашал, а они не идут. Собирайтесь скорей, садитесь в паланкин, пригласите их, пусть живут у нас в доме.

Старый юаньвэй с женой отправились Вон Бочуань приглашать, а она все не идет. Вернулись старики домой, быстро позвали своего работника, велели телегу запрячь, отвезти Вон Бочуань в подарок муки, риса, масла, мяса, сахара, чая. Свою младшую дочь тоже к Вон Бочуань послали, чтоб жила у нее в подружках.

И вот однажды Щюэ Жынгуй с Ху Куем вдвоем верхом побродить отправились. А в тот день император сбор войскам объявил. Услыхали они оба и говорят:

— Давай и мы пойдем в войско служить, государю за его хлеба отплатим. Плохо разве?

— Хорошо, поехали.

Вернулись они домой и говорят Ху-юаньвэю:

— Мы оба служить пойдем. Как по-вашему?

А старик и отвечает:

— Не надо идти! Что вам дома плохо? У вас у каждого свое хозяйство есть, разве не так? Пойдете вы служить, а там над вами сразу начальники явятся, законы княжеские, стерните ли?

— Нет уж, мы поедем.

— Ладно, ладно, ладно, езжайте, езжайте, езжайте, хорошо! — согласился старик Ху-юаньвэй.

Сели они оба на одинаковых коней, взяли немного серебра на дорожные расходы и отправились в путь. Ехали они, ехали и доехали до какой-то деревни. Глядь — перед воротами какой-то белобородый старец сидит, оказалось — Лю-юаньвэй. А над воротами доска прибитая с надписью: «Храбрые люди, храбрые конники, будь их десять или двадцать, могут на целый месяц

остановиться. Еда, питье, сено коням — все бесплатно. Целый месяц будем за ними ухаживать».

Прочитали они объявление, быстро с коней соскочили, на колени перед стариком опустились, поклонились, поднялись, поздоровались.

— Проходите в дом, — пригласил их старик.

Вошли они оба. Видит Ху Куй у Лю-юаньвэя на лице печаль. Ху Куй и говорит Щюэ Жынгуо:

— Братец, что-то есть у старика на сердце, может быть, мы пришли, а он в душе и не хочет нас принимать? Спрошу-ка я его.

Щюэ Жынгуо отвечает:

— Коли спрашивать, так ты спроси.

— Что за печаль у вас на сердце, почтенный дядюшка? Может, не довольны вы нашим появлением?

— Не в том дело, сынок! Не в том дело!

— Что же тогда с вами? Почему на лице у вас печаль?

— Коли есть какая беда, скажите нам, мы для вас все сделаем.

— Ладно, я вам скажу. На этой белой горе обосновались два разбойничьих главаря, разбойников у них тыща человек, и все на конях. Сегодня ночью они за невестой придут. Не слухают они государю, а только народ будоражат. Сегодня ночью явятся!

— Не беспокойтесь, почтенный дядюшка, не бойтесь. Мы их не пропустим, — сказал Ху Куй, — зарежьте-ка для моего старшего брата барана, заколите свинью, принесите-ка кувшин вина, пусть мой старший брат перекусит.

«Вот эти двое могут, наверно, могут», — подумал Лю-юаньвэй и сказал:

— Хорошо, хорошо, прекрасно.

Позвал юаньвэй повара:

— Принеси-ка мяса — целого барана да целую свинью да подай на стол кувшин вина.

— Кушайте, сынки! Кушайте!

Ху Куй поел немного, а Щюэ Жынгуо все мясо зараз съел, вино залпом выпил, потом и спрашивает:

— Почтенный дядюшка! А есть ли у вас какое-нибудь оружие?

Старик отвечает:

— Нет у нас никакого оружия. Погляди сам, что подойдет, то и бери.

Пошли они во двор поглядеть. Ходили, бродили, глядь — а под навесом лежит железная балка. Щюэ Жынгуй и говорит:

— А это разве не подходящая штука?

— Я сейчас позову работников, велю им балку вытащить, — ответил старик.

— Не зовите, не зовите. Я один справлюсь, найдите только мне бревно.

Нашли, притащили. Щюэ Жынгуй одной рукой приподнял балку, подсунул бревно, потом другой рукой железную балку вытащил, а бревно на место положил. «Вот этот годится», — Лю-юаньвэй про себя думает. Щюэ Жынгуй тут ему и говорит:

— Не беспокойтесь, ложитесь сегодня вечером спать, почтенный дядюшка. Мы вдвоем будем ждать их у ворот.

А Лю-юаньвэй беспокоится, в башне над воротами сидит, караулит. Ночью, в час примерно, разбойники подошли, подле деревни стали лагерем. Послали пятьдесят конников с приказом: зал для гостей приготовить, все двери открыть и выйти встречать обоих главарей. Щюэ Жынгуй и Ху Куй поднялись и начали с ними биться. Сорок восемь разбойников убили, а двое конников бежали и всё своим атаманам доложили — старшему и младшему. Старший хмыкнул:

— Хм! Ах так! Пошли!

Выехали они на деревенскую улицу, а там шестнадцать фонарей горят — по одну сторону восемь, по другую восемь. Забили они в гонги и барабаны. Подъехали к воротам Лю-юаньвэя и остановились. А надо сказать, что старшего атамана звали Ма Цзыхун, а младшего — Ли Цзымин. Говорят они:

— Эй, юаньвэй, открывай нам ворота.

Поднялся тут Щюэ Жынгуй:

— Хм! Ишь какие вы, разбойники, храбрецы, зря только на гибель напрашиваетесь!

Тут старший атаман закричал:

— Мое имя Ма Цзыхун, это твоя жизнь на волоске висит, твоя судьба тонка, ты, желторотый младенец!

Тут Щюэ Жынгуй не утерпел:

— Я — Щюэ Жынгуй. Выходи драться!

Бились они, бились. Щюэ Жынгуй и старшего атамана и младшего — обоих своей железной балкой придавил. Здесь Лю-юаньвэй как закричит:

— Сынки, не убивайте.

Спустился Лю-юаньвэй с башни, велел конных и пеших во двор пустить, а сам сказал Щюэ Жынгую:

— Щюэ Жынгуй, подыми свою железную балку, веди их обоих в дом.

Лю-юаньвэй позвал повара и распорядился, чтоб принесли еду и питье — пусть войско кушает, а сам сказал так:

— Ма Цыхун, Ли Цзымин, слушайте меня! Завтра утром встанете, всех своих всадников распустите, пусть по домам идут, каждый своим делом займется. А вы оба с моими племянниками побратаетесь и вместе пойдете государю служить, казенные хлеба отрабатывать. Если послушаетесь меня, то я отпущу вас как невиновных.

Оба главара ответили:

— Хорошо, хорошо. Что тут говорить! Согласны!

Тут Лю-юаньвэй отдал свою дочь Лю Чжюньхуа в жены Щюэ Жынгую. А главари утром встали, всех своих воинов распустили по домам, сами же вчетвером вместе на военную службу поехали.

Добрались они до лагеря Чжон Сыгуя⁸, написали прошение, подали Чжон Сыгую. Чжон Сыгуй прочитал, принял трех человек, а четвертого — их старшего брата Щюэ Жынгую не взял. Потому что в одном лагере двух «гуев» держать не годится⁹. Подъехали они трое к Щюэ Жынгую и говорят:

— Старший брат, нас троих берут, а тебя не принимают.

А Щюэ Жынгуй отвечает:

— Не берут, пошли!

Вскочили они четверо на коней и уехали. Потом на дороге старика одного встретили, имя его Бо-вынчжын, спрашивает он их:

— Куда вы, четыре богатыря, путь держите?

— Почтенный дядюшка,— они ему отвечают,— мы четверо на военную службу приехали, нас троих берут, а нашего старшего брата Щюэ Жынгую не принимают. Вот мы и ушли.

Старик говорит:

— Не пойдет! Я вам напишу записку, вы поедете, они примут.

А старик тот был большой чиновник, придворный. Написал он бумагу, подписался. Взяли они ее, поехали, отдали Чжон Сыгую в руки. Взял Чжон Сыгуй, прочел, ничего не сказал. Ху Куя дал должность военного чиновника, Ма Цыхуну — младшего военного чиновника, Ли Цзымина поставил командовать десятью воинами, а Щюэ Жынгую отправил за конями ходить, лошадей кормить.

А в то время война шла, не могли они победить. Послал

Чжон Сыгуй тогда Щюэ Жыпгуя, а тот один всех победил. Только заслуги он не Щюэ Жыпгуя записал, а приписал своему зятю.

Вот как-то императорский гадатель Щюй Могуи стал по триграммам гадать и говорит государю:

— Мой хозяин, у нас у Чжон Сыгуя в лагере появился великий полководец Щюэ в Белом халате — Быйпо Щюэ. Этот человек охраняет ваши реки и горы.

— Найти и привести его сюда, — повелел император.

Тогда Щюй Могуи и говорит:

— Мой хозяин, этого человека, кроме старого Чжиндый-юаньвэя¹⁰, никто не разыщет и не приведет.

— Правильно, — сказал государь, — мы пошлем Чжиндый-юаньвэя.

Позвали Чжиндый-юаньвэя, император и говорит ему:

— Почтенный юаньвэй! У Чжон Сыгуя в лагере есть один богатырь, по прозванию Щюэ в Белом халате. Пойди приведи его ко мне.

— Хорошо, согласен, — Чжиндый-юаньвэй отвечает.

— Ты отправляйся, только вина не пей.

— Согласен, согласен!

Ушел Чжиндый-юаньвэй, взял своего сына и в путь отправился. Прибыли они в лагерь к Чжон Сыгую. Чжон Сыгуй со всеми встречать их вышел. Чжон Сыгуй спрашивает:

— Почтенный юаньвэй, какое у вас сегодня ко мне дело?

— Государь наш меня послал в вашем лагере поверку вонпам сделать.

— Хорошо, пусть всех конников позовут, будем по именам выкрикивать.

Стали проверять, кто прошел — каждому по связке монет¹¹, по одному чжину вина и одному чжину мяса выдавали. Проверяли так до самого полудня. Тут Чжиндый-юаньвэй пить захотел, спрашивает:

— Нет ли у вас холодного чая?

— Есть, есть, — Чжон Сыгуй ему отвечает.

Позвал Чжон Сыгуй своего зятя, велел поскорей холодного чая принести. Только он чая не принес, а быстренько подал кувшин вина, на котором были настояны всякие снадобья. Налили старому юаньвэю чашечку, тот вместо чая его и выпил. Еще налили чашечку, еще выпил. И часа не прошло, захмелел старый сановник. Тут Чжон Сыгуй быстро солдат проверил, а Щюэ Жыпгуя, Ху Кую, Ма Цзыхуну и Ли Цзымину — четверым дал

четыре связки монет, четыре чжина вина да четыре чжина мяса и сказал:

— Скорей поезжайте за южные ворота, там в пяти ли от лагеря найдете старинный храм. Идите туда, потушите мясо, ешьте, пейте, а в лагере нельзя вам оставаться. Знаете ли вы, что император послал старого Чжиндый-юаньвэя, чтобы изловить вас четверых. Если поймают вас, то отрубят головы.

Испугались они и тут же уехали, в тот старинный храм подались. А старый Чжиндый-юаньвэй со своим сыном, как стемнело, не стал спать ложиться, пошли они все шатры проверять. В каждом шатре сидит десять человек. Прислушались отец с сыном тихонько — в одном солдаты все песни поют, в другом кто-то сказ рассказывает, в третьем на цитре играют, в четвертом на пальцах загадывают¹², кто не отгадал — тому штрафная чарка, а еще в одном крайнем шатре десять воинов сидят, беседуют. Говорит один:

— Ни к чему, братья, нам этот солдатский хлеб есть. Вот Щюэ Жынгуэй уж на что заслуги заработал, а ничего хорошего. Император зовет их четверых, хочет их убить. Чего мы тут служим? Те-то четверо с испугу в одном старинном храме, что за южными воротами, отсиживаются.

Рассуждают они так, а Чжиндый-юаньвэй за шатром стоит, слушает. Говорит он своему сыну:

— Правильно, сынок, поймаем мы их. Пошли скорей!

Вышли они торопливо за Южные ворота, добрались до старинного храма. Слышат, Щюэ Жынгуэй с мольбой к луне обращается, жалуется:

— Почтенное Небо! Больших заслуг за мной семьдесят две, а малых подвигов и не перечесть.

Тут старый Чжиндый-юаньвэй его со спины как схватит, как обнимет. Щюэ Жынгуэй-то сзади не видно, кто это:

— Отпусти, друг, — кричит, — у человека и так на сердце печаль, а ты шутишь! Отпусти!

Не отпускает. Повернулся Щюэ Жынгуэй, глядь — а это тот старик. Как швырнет его, так и отлетел старый Чжиндый. Плюхнулся Чжиндый на землю, а когда падал, успел от белого халата Щюэ Жынгуя оторвать кусок полы.

— Ладно, — старик Чжиндый своему сыну сказал, — поехали, спать будем.

А Щюэ Жынгуэй и его братья быстро помчались к Чжон Сыгую: плохо, мол, дело. Старик Чжиндый нас чуть было не схватил. Чжон Сыгуй тут опять их усла:

— Поезжайте, схоронитесь в горах Чжинсатань¹³.

Снял Чжон Сыгуй с Щюэ Жынгуя белый халат и велел своему зятю надеть. Уехали те четверо.

На другое утро Чжиндый-юаньвэй и говорит Чжон Сыгую:

— Вчера вечером я Щюэ Жынгуя поймал. Приведи-ка сюда этих четверых братьев.

А зять Чжон Сыгуя отвечает:

— Это я и есть.

— Нет это не ты,— стал Чжиндый возражать.

— Да нет же, я!

— Верно, верно! Я тебя схватил, ты как развернешься — я и полетел. Ты, ты! — говорит старый юаньвэй, а сам думает: «На Щюэ Жынгуе белый халат был по колено, а ты надел — до самых пят тебе. Как это может быть?» А тот все твердит:

— Это я!

Подозвал его Чжиндый:

— Подойди, я тебя обхвачу, а ты меня отшвырни.

Обхватил его Чжиндый-юаньвэй, а тот сбросить его не может. Сжал его старый юаньвэй, все его двенадцать ребер и поломались. Отпустил его, упал зять и тут же умер.

А в это время императорский гадатель Щюй Могун таблицы свои с триграммами разложил и говорит государю:

— Мой господин, Чжиндый-юаньвэй этих братьев-то отпустил. Вот вернется он, ты спроси его, что он там делал. Все будет точно, как я нагадал. Он тебе расскажет.

Вернулся старый юаньвэй. На другой день утром император всех сановников, военных и гражданских, призвал дело обсуждать. Стал старый юаньвэй императору докладывать. Видит государь — все точь-в-точь, как гадатель Щюй Могун говорил.

— Ладно, хорошо! — император ему сказал.

На другой день Щюй Могун опять стал государю гадать:

— Вы, мой господин,— говорит,— сегодня должны из дворца выйти, идите развейте свою грусть.

— Ладно, хорошо,— государь ему отвечает,— поеду куда-нибудь развлечься.

А гадатель Щюй Могун стал советовать:

— Поезжайте-ка в горы Чжинсатань!

«Ай-я! Ни к чему мне туда ехать,— император думает,— там ведь Гэй Сувын¹⁴ — мой враг. Почему это меня Щюй Могун туда посылает? Но, нечего делать, надо ехать, раз гадатель так нагадал».

— Щюй Могун, а сколько надо мне всадников взять? — император у гадателя спрашивает.

— Не надо много, возьми одну тысячу, и хватит.

— Идет! — согласился государь, кликнул свое войско и уехал с ним вместе.

Приехали в горы Чжинсатань, увидал Гэй Сувын императора, обрадовался:

— Ай-я! Вот ты и пришел!

Повел Гэй Сувын стотысячное войско, бросился императора преследовать. Бежал император, верхом на коне бежал, деваться некуда, завяз он в топком болоте. Тут Гэй Сувын и говорит:

— Где твой кинжал? Дай его сюда, я спесу твою голову. А не хочешь, отпиши мне свое государство.

Некуда государю деваться, говорит он:

— Нечем мне писать. Нет у меня ни кисти, ни бумаги.

— А ты оторви полу от своего халата, прокуси свой палец и отпиши кровью мне свои реки и горы.

В это время у Щюэ Жынгуя конь копытами землю роет, не стоит смирно. Поднялся Щюэ Жынгуй, подошел к коню, глянул и говорит:

— Эй, мохнатая тварь, может, дело какое приключилось?

А конь ему спину подставляет, зовет садиться. Тут Щюэ Жынгуй быстро вскочил на коня, тот понес его в горы и сбросил там, а сам унесся. Оглянулся Щюэ Жынгуй, глядь — в топком болоте человек с конем завяз. А другой рядом стоит. Пригляделся:

— Ай-я! Ведь это Гэй Сувын, мой враг!

Тут Щюэ Жынгуй бросился на Гэй Сувына, и тот бежал. Бежало и все его стотысячное войско. Вернулся Щюэ Жынгуй на то место, подошел к императору Щюэ Тару и спрашивает:

— Мой господин, как тебя спасти, с конем или без коня?

— С конем.

Подсунул Щюэ Жынгуй свой меч под брюхо коня и выковырнул из трясины и императора и его коня.

— Ай-я! Может быть, ты Щюэ Жынгуй? — спросил его государь.

— Я, я!

— Не бойся меня. А где твои друзья?

— Здесь они, мы вместе домой едем.

Стали теперь четверо названных братьев государя охранять и приехали с ним в палаты драгоценные, золотыми драконами украшенные. Улыбнулся гадатель Щюй Могун:

— Нагадал я тебе, мой государь, что никто, кроме тебя самого, этих четырех братьев не разыщет, никто другой их не выследит. Эти четверо будут весь век охранять твою страну, твои реки и горы.

На другой день призвал император Чжон Сыгуя, снял с него все чины, но помиловал; хотел было казнить, да решил, что стар он, хоть и нет заслуг, добытых трудом, а какие-то есть. Призвал император Щюэ Жынгуй и назначил его главнокомандующим над войсками, чтоб охранял он государя.

В то время как раз на Западной дороге появился один страшный оборотень: одни люди сюда попасть не могут, другие отсюда уйти не могут, третьи ни туда, ни сюда не попадут.

— Что же это такое? — император спрашивает.

Тут Щюэ Жынгуй и говорит:

— Я пойду погляжу.

— Сколько тебе надо войска? — император его спрашивает.

— Не надо много, я возьму одну тысячу, и хватит.

Ушел Щюэ Жынгуй со своими воинами. Ехали они, ехали и увидали пещеру с каменными воротами. Щюэ Жынгуй велел войску в десяти ли остановиться, а они, четверо братьев, еще пять ли проехали, дальше к пещере уже один Щюэ Жынгуй пошел. Подошел к пещере, глядь — а к первой двери черный пес привязан. Скулит пес так, прямо за душу берет. Отвязал его Щюэ Жынгуй. А черный пес — это была душа, кровь и сердце Гэй Сувына. Во вторую дверь вошел, а там белый конь-дракон привязан, на спине седло, а на седле белая одежда висит. Вошел в третью дверь, а там на стене меч висит, вошел в четвертую дверь, а там девять котлов с девятью решетками¹⁵, и на каждой по коровьей туше на пару варится. Съел он все девять коров. Вошел в пятую дверь, а там два котла с решетками, и на каждой по тигру на пару варится. Щюэ Жынгуй и их съел. Вошел он в шестую дверь, а там седая старуха сидит. Стал Щюэ Жынгуй на колени, поклонился ей, потом поднялся и отвесил ей еще двадцать четыре поклона. Старуха и говорит:

— Щюэ Жынгуй! Я тебя ждала целых шестьсот лет, наконец-то ты пришел. Ну, а что ты по дороге видел.

— Вошел я в первую дверь, а там черный пес привязан, скулит.

— Что же ты с ним сделал?

— Я его развязал, и тут в небо поднялся столб синего дыма.

— А у второй двери ты что увидел? — старуха его спрашивает.

— За второй дверью я увидел белого коня-дракона, на нем седло, а к седлу привязана белая одежда.

— А за третьей дверью ты что увидел?

— Увидел я висевший на стене меч.

— А за четвертой дверью ты что увидел?

— За четвертой дверью увидел я девять котлов и девять бычьих туш, варящихся на пару на девяти решетках.

— Ну и что ты сделал?

— Я их съел.

— А за пятой дверью ты что увидел?

— За пятой дверью увидел я два котла и две тигриные туши, варившиеся на пару на двух решетках.

— Ну и что ты сделал?

— Я их съел.

— Правильно, хорошо,— сказала ему старуха,— та собака черная у первой двери — это кровь и сердце Гэй Сувына. Зачем ты ее отвязал? Да, ладно, ничего. Отвязал так отвязал. Ничего! За второй дверью тот конь-дракон был для тебя приготовлен, а меч за третьей дверью — твое оружие. Съел ты быков и тигров, что за четвертой и пятой дверью варились,— теперь силы у тебя будут, что у девяти быков и двух тигров. Дам я тебе еще небесную книгу — возьми ее.

Оглянулся Щюэ Жынгуэй, глядь — исчезла старуха. Пошел он обратно, взял меч, надел белую одежду, сел на белого коня-дракона и выехал из пещеры. Увидали его воины, с испугу бежать бросились. А трое его братьев сказали:

— Умрем здесь, но не побежим.

Видят они — какой-то белый вихрь на них летит, подъехали ближе, глянули:

— Ай-я! Да это наш старший брат. Верхом на белом коне-драконе едет.

И поехали они вчетвером обратно. Явились к императору, Щюэ Жынгуэй доложил:

— Ничего нет, никакого оборотня. Нашли только пещеру каменную, вошел я внутрь и добыл кое-какие сокровища: коня-дракона, белую одежду, меч да небесную книгу.

Отпросились они тут все четверо у императора, по домам разъехались. Вернулись они, чтоб своих жен и детей с собой увезти.

Потом опять приехали и стали императора Щюэ Тара охранять. Пятнадцать лет они при нем прослужили, а когда Щюэ Тар умер, Щюэ Жынгуэй сам стал государем.

75. Хуон Тяньба

Некогда жил один сановник по фамилии Хуон. Детей у него не было, а потом родился сын, назвали его Хуон Тяньба. Мальчик рос, но не вставал, все время лежал, поднимешь его — вытнется, словно гибкая ветка, опускать начнешь — упадет, словно ком глины. Стыдно было отцу за такого сына, и он ушел из дому. Мать одна стала растить мальчика. Вот уж двенадцать ему стукнуло, а он все во дворе на солнышке греется. Налетел вдруг вихрь, два или три круга вокруг него сделал. Поднял мальчик голову, глядь — по стене белый тигр бегаёт. Уж не его ли это второе «я»? И мальчик, что не умел ходить, поднялся и пробежал во дворе два-три круга. Белый тигр вдруг исчез. Мальчик, почувствовав силу, одним прыжком очутился на крыше дома. Потом весь сжался и прыгнул вниз. Когда он вошел в дом, мать изумилась и спросила:

— Мой мальчик, что с тобой? Ты встал и сам ходишь!

Хуон Тяньба ответил:

— Налетел вихрь, сделал вокруг меня два-три круга. Я поднял голову, вижу — по стене пробежал белый тигр. Тут я и поднялся, два-три раза вокруг нашего двора обежал. Ноги напряжинил, подпрыгнул и очутился на крыше, весь сжался и вниз спрыгнул. Посмотри сама.

Мать теперь сама все увидела. А Хуон Тяньба спросил у нее:

— А где мой отец? Я пойду искать его. Какие у него приметы?

— Отец твой не низкого происхождения. Он оставил вот эти чудесные стрелы. Пустишь в него стрелу, а он ее ртом поймает. Как встретишь такого человека, знай — это и есть твой отец.

— Ну, собери мне еды в дорогу, я пойду искать отца, — сказал Хуон Тяньба и отправился в путь. Шел он, шел и дошел до какой-то поляны. А поляна была расположена у подножия гор Лёнсань. Все сто восемь лёнсаньских молодцов как раз были там. Увидали они его и говорят:

— Из города лазутчик явился. Кто хочет с ним встретиться? Видно, что он не простой смертный!

А среди храбрецов был один по прозвищу Сыдагэ Четвертый старший брат. Пошел он вниз разузнать, что за человек появился. А Хуон Тяньба шел по дороге ему навстречу, Сыдагэ ему и говорит:

— Ну-ка уступи дорогу своему отцу!

А Хуон Тяньба ему в ответ:

— Нет это ты уступи дорогу своему отцу! Уступишь — останешься в живых!

Затеяли они перебранку, а потом драться принялись, своим военным искусством меряться — ни тот, ни другой победить не может. Сыдагэ и спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Я сын Хуон Тэйцзы, а зовут меня Хуон Тяньба.

— Хуон Тяньба? Твой отец — наш друг, пошли в наш стан на гору Лёнсань.

— Я из дому ушел, отца ищу.

А Сыдагэ предлагает:

— А мы вместе сходим в горы Лёнсань, а потом пойдем искать.

Пошел Хуон Тяньба с Сыдагэ в горы. Пришли они туда и побратались. А был среди ста восьми героев один по прозвищу Сылэймор. Пошел он в город, ходил, ходил, глядел, видит — сановник по имени Сыбуцуань объявление вывесил. А на нем написано: «Не боюсь я горожан, а боюсь песьей стаи с гор Лёнсань». Сылэймор вернулся в стан и рассказал ста восьми героям:

— Сыбуцуань нас с собаками сравнивает! Кто пойдет в город, отрубит его собачью голову?

— Я пойду, — вызвался Хуон Тяньба, — пойду сниму его собачью голову!

Храбрецы дали ему немного нефрита, жемчуга и агатов, и Хуон Тяньба отправился в город. Он прикинулся разпосчиком товаров, вроде бы торгует чем-то. А сам по городу ходит, ищет. Проголодался он, зашел в харчевню. Хуон Тяньба наелся, а мелких денег-то и нет, дал он тогда слуге целую связку монет. Слуга и думает: «Вот хороший человек! Спрошу-ка я его имя. Если завтра опять придет, надо будет его покуснее накормить».

— Уважаемый гость, — обратился к нему слуга, — а как вас зовут?

— Меня зовут Нэсынэ — «Я-это-я», — ответил Хуон Тяньба.

Вышел Хуон Тяньба из харчевни и пошел искать ямын Сыбуцуаня. Разыскал он управу, оглядел хорошенько и просверлил в стене небольшую дыру. Потом опять отправился бродить по городу и ходил до самой третьей стражи. Тут он подкрался к стене, сжался, словно воробей, проскочил в отверстие и притаился. Сыбуцуань в это время в беседке сидел. Поднял он голову и испуганно спросил:

— Кто там?

А Хуон Тяньба отвечает:

— Нэсынэ — «Я-это-я». Пришел снести тебе голову!

— Ай-я! Беда, — забеспокоился сановник, — ты за моей головой явился, а кто ты сам?

— Я из той своры лёнсаньских псов! Ты ведь говорил, что они собаки!

— Ну раз ты пришел по мою голову — ладно. Только выслушай, что я тебе скажу, а потом уже руби.

— Ладно, говори, — согласился Хуон Тяньба.

Сыбуцуань сказал:

— Я лягу на стол, а ты накрой чем-нибудь мое лицо и глаза и тогда руби голову.

— Это можно, — ответил Хуон Тяньба.

Он закрыл лицо сановника и поднял меч, чтобы отсечь голову, но какая-то сила остановила его руку, и его меч никак не мог опуститься. Тогда Тяньба сказал:

— Я оставлю тебя в живых, но отдай мне твою печать¹.

Сыбуцуань засуетился, вскочил и бросился искать печать, но от страха одурел и отдал пустой футляр. А Хуон Тяньба ничего не заметил и, взяв его, отправился в горы Лёнсань. Пришел в стан и объявил:

— Я его помиловал, взял только его печать.

Его названный старший брат и говорит:

— Где она? Дай взглянуть!

Глянул старший брат и закричал:

— Э-ё! Это не печать, обманул он тебя!

Рассердился Хуон Тяньба:

— Ну на этот раз я не пощажу его, снесу ему голову!

А Сыбуцуань уже предупредил всех горожан:

— Если Нэсынэ — «Я-это-я» еще раз придет, тому, кто мне о нем донесет, дам десять лёнов серебра. Кто его поймает — получит двадцать лёнов серебра.

А Хуон Тяньба в город пришел и опять в ту харчевню заглянул. Хозяин харчевни и говорит тихонько слугам:

— Это и есть Нэсынэ, кто из вас доложит сановнику?

Тот слуга, что первый раз Хуон Тяньба подавал, и побежал. Прислал сановник двух стражников. Схватили они Хуон Тяньба и стали надевать на шею железную цепь с замком. Нэсынэ говорит:

— Не надо, я сам пойду!

Привели Хуон Тяньба к сановнику, а сановник приказал доносчику из харчевни дать вместо денег сорок ударов батогами

и стражникам, что привели его, тоже сорок ударов батогами. Наказали их, а Сыбуцуань говорит:

— Пошли вон!

Выпнал он всех и стал расспрашивать Хуон Тяньба:

— Как твоего отца зовут? Как твое имя?

— Нэсынэ — «Я-это-я» — не мое имя.

— Так как же тебя зовут?

— Отца моего зовут Хуон Тэйцзы, а мое имя Хуон Тяньба.

— Оказывается, ты мой благодетель! Зачем же ты хотел снять мне голову? Твой отец ведь мне названным братом приходится, он в нашем городе лавку открыл. А ты почему бежал в горы Лёнсань? Эти молодцы — все наши враги. Мы сейчас с тобой пойдем твоего отца искать.

Так Хуон Тяньба встретился со своим отцом. Они обнялись и заплакали.

Сыбуцуань сказал:

— Брат мой, возвращайся, навести свою жену. А сына твоего я не отпущу, пусть он поживет в моем доме. Ведь твой сын — это и мой сын.

Хуон Тэйцзы отправился домой, а Хуон Тяньба оставил у Сыбуцуаня. Хуон Тяньба прожил там восемнадцать дней. Видит, Сыбуцуань ходит хмурый, бровей не расправляет, не ест, не пьет, головы не поднимает. Хуон Тяньба спрашивает:

— Что с вами, дядюшка? Слишком долго я у вас живу, отпустите меня домой.

А Сыбуцуань отвечает:

— Зачем тебе возвращаться?

Хуон Тяньба говорит:

— Вы не едите, не пьете, брови нахмурили — не расправляете, почему вы не расскажете, что у вас на душе? Коли я смогу помочь, я все сделаю. Если мне одному не под силу, вместе придумаем что-нибудь.

А Сыбуцуань отвечает:

— У императора пропала дочь. Повсюду объявлено, чтобы ее нашли, а мне дан трехдневный срок. Не сыщу — расстанусь со своей должностью.

— Давайте и я буду искать, — предложил Хуон Тяньба и отправился на поиски. Ходил он целый день и в конце концов присел отдохнуть под деревом. Видит — какой-то буддийский монах в храм воду носит, раз сорок-пятьдесят с коромыслом сходил. «Так много воды в храм наносил, — подумал Хуон Тяньба, — что-то тут неладно». Подошел он к монаху и говорит:

— Давайте я вам потаскаю воду. Человек я здесь чужой, позвольте мне у вас остановиться.

А монах отвечает:

— Ну что ж, это можно.

Принес Хуон Тяньба коромысел двадцать-тридцать воды, а монах говорит — хватит. Завел он с монахом разговор:

Вы здесь один, дядюшка, живете. Зачем же вам столько воды?

— Под нашим храмом живет девятиголовый оборотень-ёгуэй. Он похитил дочь императора. Девушка здесь в башне, наверху. От страха она заболела. Эта тварь поднимается из подземелья и приводит к девушке лекаря, чтоб тот осмотрел ее. Затем оборотень спускается с башни, ест и пьет здесь, а потом уходит.

— Я боюсь, дядюшка,— сказал Хуон Тяньба,— когда эта тварь явится, не убьет ли она меня?

— Если он спросит, отвечай, что ты мой двоюродный брат.

И вот ночью, в третью стражу, явился девятиголовый оборотень и лекаря к девушке привел. Потом поел, попил и ушел. А монах сказал:

— Сегодня вечером здесь представление будут показывать, пойдем посмотрим.

— Я боюсь,— ответил Хуон Тяньба.

— Не бойся,— успокоил его монах, и они вдвоем стали спускаться в подземелье. Подошли они к первой двери, толкнул ее монах и сказал Хуон Тяньба:

— Ты спрячься за моей спиной.

Они оба схоронились позади дверей. Вдруг двери отворились и послышались звуки выстрелов из ружья. Они вошли. Хуон Тяньба показал монаху на стража дверей и спросил:

— Дядюшка монах, дядюшка монах! А как зовут этого огромного человека?

Монах ответил:

— Его имя Со Гочжюэ.

Они подошли ко вторым воротам. Постучали в них, а сами спрятались позади дверей. Страж тоже выстрелил из ружья, и они прошли.

Хуон Тяньба опять спросил:

— Дядюшка монах, а этого как зовут?

— А этого зовут Со Хухуань.

Подошли они к третьим воротам. Опять постучали в ворота, а сами позади спрятались. Стражник у ворот тоже выпалил из

ружья, но они проскользнули и в эти двери. Хуон Тяньба вновь спросил монаха:

— Дядюшка монах, дядюшка монах! А этого как зовут?

— Этого зовут Чжин Гонню.

Хуон Тяньба вместе с монахом дошли до того места, где была сцена и где девятиголовый оборотень устраивал представление. Они вошли, беседуя, и уселись. Когда спектакль кончился, монах и Хуон Тяньба ушли и легли спать в храме. Тут Хуон Тяньба спросил:

— Дядюшка монах, а которая из девяти голов оборотня настоящая?

— Средняя голова и есть настоящая. Остальные головы, сколько ни руби, оборотень их все равно подберет, на прежнее место приставит, и они опять прирастут. А как настоящую голову отрубят, так он и умрет.

Хуон Тяньба хорошенько запомнил, что сказал монах, и приотворился спящим, стараясь поскорее дожидаться, чтобы монах уснул. Когда тот захрапел, Хуон Тяньба отрубил ему голову, а сам поднялся в башню и сказал дочери государя:

— Не бойся! Я свой человек, я тебя искал. Ты отдыхай и выздоравливай, а завтра я тебя домой отвезу.

Сказав так, Хуон Тяньба спустился с башни и вошел в подземелье. Он толкнул первую дверь, а сам спрятался сзади. Страж выстрелил из ружья, но Хуон Тяньба изловчился, схватил стража за волосы и спросил:

— Хочешь жить или умереть?

— Я хочу жить,— ответил Со Гочжюэ,— но я боюсь стража, что караулит вторую дверь. Он сильнее меня.

— Ты за него не говори, отвечай за себя,— крикнул Хуон Тяньба.

— Я хочу жить,— ответил страж.

Подожли они вдвоем ко вторым дверям. Толкнули дверь, а сами позади схоронились. Когда прогремел выстрел, Хуон Тяньба схватил стража за волосы и спросил его:

— Хочешь жить или умереть?

— А как умереть, а как жить? — спросил тот в ответ.

— Коли хочешь жить, то считай меня за старшего брата, его за второго, а ты сам будешь нам третьим братом. Коли хочешь умереть, то вот меч, он отсечет твою голову.

Второй страж сказал:

— Я хочу жить, но вот страж, что караулит третьи двери силой превосходит меня. Я боюсь его.

Хуон Тяньба ответил:

— Не бойся, ведь я с тобой.

Пошли они втроем к третьим дверям. Толкнули дверь, а сами все сзади схоронились. Пальнул страж из ружья, а Хуон Тяньба ворвался, хотел было схватить его за косу³, да не смог и тогда, просто ухватившись за волосы, Хуон Тяньба вырвал их у стража вместе с верхушкой черепа. Мертвое тело упало прямо в покои оборотня. Девятиголовый ёгуэй закричал:

— Эй-ё! Беда! Бандиты!

Трое названных братьев ворвались в его комнату и начали рубить головы оборотня. Отрубят крайнюю голову, а ёгуэй поднимет ее, приставит на место, и она опять прирастет. А как отрубили ему среднюю, настоящую голову, тут оборотень и издох. Стали они тогда тело его на мелкие части крошить, рубили так, что, казалось, куры разлетаются во все стороны, собаки на стены бросаются. Истребили нечисть. Потом открыли внутреннюю дверь и выпустили всех девушек, что похитил оборотень.

— Возвращайтесь по домам, — сказали им братья, — не бойтесь, мы убили девятиголового оборотня.

Потом они втроем выбрались из подземелья, поднялись в башню и забрали с собой дочь императора. Император за это повысил Сыбуцуаня в должности и одарил всякими подарками. Сыбуцуань разделил славу с Хуон Тяньба и его братьями и никуда их не отпускал от себя.

А в это время тесть императора затаил злобу на Сыбуцуаня. Был у государева тестя в доме один ловкий вор. Послал он его к Сыбуцуаню и велел похитить его печать, а сам сказал своему зятю-императору:

— Давай-ка проверим печать этого правителя?

Император тотчас же передал приказ Сыбуцуаню, чтобы тот в течение трех дней представил для проверки свою печать. Сыбуцуань вернулся домой и стал искать свою печать. А печать исчезла. Загоревал Сыбуцуань, не ест, не пьет, туда-сюда ходит.

Хуон Тяньба и спрашивает:

— Что с вами, дядюшка? Не едите, не пьете, взад-вперед ходите? Может быть, мы трое слишком долго у вас живем, тогда мы уйдем.

— Нет, не в том дело, — отвечает Сыбуцуань, — я печать потерял. А император устроил проверку печатей.

— Не бойтесь, — стал успокаивать его Хуон Тяньба, — ска-

жите государю, что печать ваша вдруг куда-то затерялась, что вы ее ищите и просите добавить несколько дней срока.

А сам с братьями отправился на поиски печати. Пробродили целый день — ничего не узнали. Ночью пошли втроем и все печати в городе похитили, даже у самого императора и его тестя — все украли. Принесли Сыбуцуаню и говорят:

— Посмотрите, нет ли среди них вашей?

Сыбуцуань обрадовался, поглядел, а его печати и нету; сказал братьям:

— Нет моей печати.

А Хуон Тяньба и говорит:

— Мы сейчас опять пойдем искать вашу печать. Вы не бойтесь: ведь печать самого государя у вас в доме.

Ушли они трое, пошли дальше искать. Искали до самого полудня. Проголодались и зашли в придорожную харчевню, сели, есть принялись, а Хуон Тяньба обоими глазами через окно все на базар глядит. Видит — на базаре восьмилетний мальчонка по корзинам шныряет, тут одно украдет, там другое стащит, а никто не замечает. Хуон Тяньба вскочил и прямо со второго этажа вниз прыгнул, схватил мальчишку и говорит:

— Ну и руки у тебя ловкие! Из короба что-то стащил, из корзины что-то украл, а никто не видит. Ну-ка научи меня твоему искусству.

А мальчишка отвечает:

— У меня руки неловкие, вот у моего учителя — это да.

— А где твой учитель? — поинтересовался Хуон Тяньба.

— А он возле того храма в холодке дремлет.

Хуон Тяньба побежал к храму и в самом деле увидел человека, который дремал под стеной, придерживая рукой что-то спрятанное за пазуху. Это был вор, похитивший печать. Хуон Тяньба взял куриное перо и пощекотал у него в носу. Вор отнял от груди руку и спросонья потер нос. В это время Хуон Тяньба схватил печать и скрылся. Позвал он своих названных братьев и сказал:

— Я нашел печать.

Вернулись они втроем к Сыбуцуаню и спросили:

— А это, дядюшка, не ваша печать?

Сыбуцуань взял печать в руки, посмотрел и обрадовался:

— Моя печать!

Взял он ее и понес к государю, положил:

— Вот моя печать, проверяйте!

Тут тесть императора спросил своего зятя:

— А где твоя печать, на месте?

— Моя печать куда-то делась,— ответил император.

— Наши печати в руках у Сыбуцуаня. У него есть трое ловких парней, они все печати похитили,— объяснил ему тесть. Император тут рассмеялся и сказал:

— Иди принеси печати.

Сыбуцуань пошел и принес целый узел с печатями. Государь увидал среди них и свою печать, обрадовался и приказал:

— Сыбуцуань, выбирай себе лучшего коня, занимай самую высокую должность!

Так, Сыбуцуань стал служить при дворе, а Хуон Тяньба, поскольку он спас дочь государя, по повелению императора женился на ней. Названные братья Хуон Тяньба, Со Гочжюэ и Со Хухуань женились на дочерях крупных сановников. Император сделал их полководцами, и они стали его верной опорой. Вот и вся история о храбром Хуон Тяньба и его названных братьях.

76. Щё Кур

Жила семья по фамилии Щё. И был в той семье один мудрый человек, который выступил против государя. Дошло это до государя, и послал он войска, чтобы разузнать, кто это в роду Щё против него пошел. А в доме Щё ни о чем ведать не ведали, весь их род — триста шестьдесят человек: младенцев, взрослых, малых, стариков — всех забрали, в тюрьму повели, ни одного человека не оставили. Приказал государь вывесить объявление: «Кто осмелится семье Щё еду носить, того хватать немедленно и под стражу сажать!» По этой-то причине никто им еду и не носил¹.

Только когда всех людей из рода Щё хватали, один Щё Кур все-таки убежал. В горы помчался. А горы те назывались Чжидзосань. И был там разбойничий стан. Главарем у разбойников была девушка, звали ее Нью Шиннэ. Зыркнула она своими на тысячу ли видящими глазами: какой-то человек к горе Чжидзосань приближается. Родилась у нее в сердце вдруг такая мысль: «Наверно, это государь своего лазутчика послал». Не стала атаманша дожидаться, пока Щё Кур в гору подыметя, взяла двадцать всадников и помчалась вниз, чтобы того человека схватить. Встретились Нью Шиннэ с Щё Куром, браниться начали, потом биться принялись. Полдня бились — никто не

побеждает, никто поражения не терпит. Приказала Нюй Шиннэ своим двадцати воинам связать Щё Кура. Схватили они его, связали веревкой, приторочили к седлу коня и повезли в горы Чжицзосань. Привезли, а Нюй Шиннэ отдала приказ — привязать его к стволу дерева. Подошли к нему разбойники с веревками, а Нюй Шиннэ в дом ушла. Потом послала она своего подручного допросить Щё Кура:

— Спроси-ка, как его фамилия, Чжо или Сы? Коли скажет Сы, пусть его связанного сюда приведут. А если Чжо, так пусть согласие даст.

Пошел подручный к Щё Куру, передал ему слова Нюй Шиннэ. Опустил Щё Кур голову, думает. Говорит в душе: «Попал наш род в беду. Детей наших, больших и малых,— всех государь забрал. Одному мне удалось бежать, да попал в руки разбойников. Умереть — так род Щё заглохнет, не умирать — кто меня из рода Щё в зятя возьмет? Ну, как говорят, „человек повинуется обстоятельствам, а трава — ветру“».

Видит Щё Кур — деваться некуда, согласился отвечать, говорит:

— Иди скажи своей атаманше, моя фамилия Чжо.

Услыхала Нюй Шиннэ эти слова, расхохоталась. Отдала приказ:

— Немедля развязать его, сюда привести!

Встретились они, долго беседовали. Понравились друг другу, и Щё Кур стал мужем Нюй Шиннэ. Нюй Шиннэ сама захотела за него замуж пойти. И все дела по управлению разбойничьим станом передала Щё Куру. А сама сделалась у него помощницей. Стали они в горах Чжицзосань жить вместе с разбойниками.

А император, уже после того как триста шестьдесят человек из рода Щё к нему привели, узнал, что шести человек из фамилии Щё и их родственников не хватает. Непокойно у него на сердце, еще приказ отдал:

— Кто людям из рода Щё еду принесет, того без всяких разговоров тотчас под стражу сажать!

В императорском городе жил дядя Щё Кура, брат его матери. Не слышал о старике император. Звали его Ма Сань². Жил старик Ма Сань со своей старухой вдвоем, весь век у них детей не было. Да и с приемными детьми не везло. В те дни у них как раз приемыш был годовалый. А у жены Щё Кура тоже ребенок годовалый был. Вместе с младенцем увели ее стражники.

Вот дядя Щё Кура и говорит своей старухе:

— Есть у меня дело, старая, хочу с тобой посоветоваться. Что, если нашего младенца как-нибудь в тюрьму отнести, пусть его государь казнит. А младенца — сына нашего племянника из тюрьмы вызволить. Вырастет он взрослым, отомстит потом за род Щё. Куда сам Щё Кур бежал, никто не знает. Есть у него имя, нет имени — ничего не разузнать.

— Ты сам смотри, сын-то твой. Коли не жалко, отдай, пусть император его казнит, а сына Щё Кура назад отдаст. Ты решишься, и я решусь. Только вот как ты его отнесешь?

Старик Ма Сань отвечает:

— Я уже придумал, что делать!

Сплел дядя Щё Кура корзину, сделал в ней вставное дно и, не обращая внимания на запрет государя, попес родственникам еду.

В тот день император все дела переделал и к себе вернулся. Усыпил старик Ма Сань своего сына снадобьем, положил в корзину, на фальшивое дно еду поставил, да еще своей невестке записку написал: «В еде лежит снадобье, а под дном в корзине мой ребенок. Усыпи снадобьем своего младенца, моего вытащи, а своего на дно корзины положи и вели корзину обратно вынести. Я его выхожу, вырастет он, велю ему за род Щё отомстить».

Старик Ма Сань положил записку и еду в корзину и отправился в тюрьму.

Стражник у ворот спросил старика:

— Ты зачем пришел? Кому еду принес.

— Я людям из рода Щё поесть принес.

Услыхал стражник эти слова, заволновался, хотел старика этого задержать, да смягчилось его сердце: видит — старику лет уже много, и говорит ему:

— Ну-ка прочитай это объявление — приказ императорский: кто людям из рода Щё еду принесет, того хватать немедленно и сажать под стражу. А ты как раз пришел, им поесть принес. Но государя сейчас здесь нет, он во дворце совет ведет. Я оставлю тебе жизнь. Быстро домой возвращайся, бегом!

Старик Ма Сань не соглашается, говорит стражнику:

— Раз уж государя здесь нет, а я вот еду им принес. Так ты не сердись, начальник. Я дам тебе два юаньбо серебра, отнеси эту еду им поскорей, а корзину, тарелочки, чашки мне обратно вынеси. Что тут плохого будет?

Стражник у ворот задумался: «Я тут за два-три месяца и

одного юаньбо не получаю, а этот старик мне два юаньбо дает — это мой заработок за шесть-семь месяцев. Сегодня государя здесь нет, старик просит меня отнести быстренько еду, а корзинку обратно ему вынести. Пусть потом сразу уходит. Что тут плохого?»

Взял стражник два юаньбо, поднял корзину и отнес ее поскорей людям из рода Щё. Стала жена Щё Кура еду вынимать, наткнулась на записку, прочитала и всё поняла. Вытащила годовалого младенца — стариковского приемыша, напоила своего сына зельем и положила под второе дно, поставила сверху тарелочки и чашки, вернула корзину стражнику, чтоб назад старику отнес. Стражник-то два юаньбо за то, чтоб корзину отнести-принести, получил, не стал он особо приглядываться. Отдал все Ма Саню и послал его обратно домой. А старик Ма Сань вернулся, вынул младенца, привел в чувство холодной водой и стал для рода Щё этого ребенка растить. А звали того мальчика Щё Гор. Старик Ма Сань и его старуха делали все, чтобы люди о ребенке не знали, дома тайком Щё Гора воспитывали.

Прошло немного времени, принялся императорский гадалец гадать, говорит: не вырван еще с корнем род Щё, в будущем еще мстить может. Услыхал эти слова государь, рассердился, отдал приказ — все триста шестьдесят человек из рода Щё враз казнить. В сырой земле могилу приготовили, тела казненных свалили в эту яму, сверху засыпали, да еще днем и ночью охрану поставили. Да еще говорили, что, кто будет о могиле семьи Щё справляться, поминать явится, того хватать немедленно и сажать под стражу.

А дядя Щё Кура, старик Ма Сань, вырастил Щё Гора. Исполнилось тому десять лет. Боясь, как бы государь про то не прознал и всех их вместе не казнил, стал старик про Щё Кура разузнавать тут, разузнавать там. Говорят люди: Щё Кур с разбойниками в горах Чжицзосань живет. Сказал тогда старик Ма Сань своей старухе:

— Надо, пожалуй, Щё Гора к его отцу Щё Куру отвести, пусть отец с сыном соединится. Ну как?

Старуха ответила:

— Хорошо ты придумал!

Взял Ма Сань в тот день Щё Гора, запряг старую телегу и отправился в горы Чжицзосань. Ехали они несколько дней, а когда подъезжать стали, раскрыла Нюй Шиннэ свои видящие на тысячу ли глаза, глянула — к ее горам Чжицзосань старая телега приближается. Хотела она спуститься и вступить в бой,

да Щё Кур не согласился. Сам взял сорок всадников, стал с горы спускаться, чтоб ту старую телегу встретить. Думал он, что это император солдат послал на облаву, но когда подъехал, оказался его дядя по матери старик Ма Сань. Слез Щё Кур с коня и опустился на колени перед своим дядей. Сорок всадников увидали — их атаман перед стариком на коленях стоит, подумали, не иначе как это родственник их главаря. Соскочили все сорок с коней и тоже на колени упали.

Глянула Нюй Щиннэ своими на тысячу ли видящими глазами, разгневалась: на старой телеге приехали двое, мужа в полон взяли, словно покорился он им; да еще все разбойники на коленях стоят. В гневе взяла Нюй Щиннэ сорок всадников и тоже вниз спустилась. Подъехала поближе, видит — на телеге старик стоит, говорит что-то. Подумала она, паверю это родственник Щё Кура или близкий ему человек. Соскочили Нюй Щиннэ и ее спутники с коней и тоже на колени перед стариком бросились. А старик на телеге стоит и племяннику своему и жене его Нюй Щиннэ во всех подробностях от начала до конца все рассказывает, и как он Щё Гора выменял и до десяти лет воспитывал, и как своего приемного сына в тюрьму отнес, чтоб его вместо Щё Гора казнили. И еще сказал:

— Ну вот, кормил я Щё Гора до десяти лет. Ты его отец, передаю теперь его тебе в руки, сможете теперь вместе за род Щё отомстить.

Обрадовались Щё Кур и Нюй Щиннэ, с почтением повели старика под руки, а телегу его погнали в горы Чжицзосань. Потом нагрузили ему телегу золотом-серебром. Денег этих, дядюшке подаренных, ему и за всю жизнь не проесть. Прожил старик в горах несколько дней, а потом взял золото-серебро и, радостный, домой поехал.

А Нюй Щиннэ через год, как за Щё Кура вышла, сына родила. И назвали его Щё Чжир. Был Щё Чжир на год-другой Щё Гора младше. Щё Гору — одиннадцать, лет, а Щё Чжиру — девять. Щё Кур и Нюй Щиннэ к обоим детям одинаково относились, обоих любили. Так они и жили.

Прошло немного времени, прослышал император: говорят, что Щё Кур в горах Чжицзосань вместе с разбойниками живет, атаманом он у них. Велел он, ничего не разведывая, темной ночью взять несколько тысяч всадников и внезапно напасть на горы Чжицзосань. Щё Кур скрылся, Нюй Щиннэ с Щё Гором и Щё Чжиром тоже бежали. Разбойники разбрелись. Один про другого ничего не знает, неизвестно, куда все рассеялись.

Добралась Нюй Шиннэ с Щё Гором и Щё Чжиром до одной деревни, стала про мужниного дядю расспрашивать, решили у него переждать беду, чтоб никто про них не узнал. А был в той деревне старый храм. Жил в этом храме змей. Этот змей каждый день съедал двоих детей. Деревенские жители список составили. По этому списку и давали змею по два ребенка. Богатые в других странах покупали детей бедняков и готовили их, чтоб змею отдать на съедение. А у бедных денег нет, своих детей приходилось отдавать. У кого детей не было, те по два барана выкармливали и отдавали змею на съедение.

Щё Гор и Щё Чжир, которых привела с собой Нюй Шиннэ, были очень задиристые. Начнут мальчишки, что играют на улице, с ними драться — пусть мальчишки и старше, — никому спуска не дают, никто братьев побороть не может. Вот однажды собрались все люди у ворот старого Ма Саня, жалуются:

— Очень уж твои двое балуют.

Целый день дотемна старик с людьми разговаривал, убеждал простить. С той поры и невзлюбил он своих внучатых племянников, не нравилось ему, что они у него в доме спят, перестал кормить их. Вырыли они на заднем дворе в соломе себе норы, залезут вечером туда и спят. Не может их мать такое терпеть. Каждый день, как начнет дрожать от холода и голода, стащит у дядюшки хлеба, спрячет за пояс, выскользнет тайком из дома, пройдет в задний двор, крикнет тихонько обоим мальчиков:

— Щё Гор, Щё Чжир, выходите скорей! Принесла вам хлеба немного, разделите на двоих и поешьте.

Так вот Щё Гор с Щё Чжиром и жили.

А тут очередь отдавать на съедение двух детей дошла до дома старого Ма Саня. Но у него детей не было, вот он и говорит Нюй Шиннэ:

— Очень уж твои сыновья озорные. Целыми днями всех раздражают, беду кличут. Начнут людям вздор молоть, ничем не остановишь. Отдадим сегодня их обоих змею на съедение.

Услыхала Нюй Шиннэ такие слова, рассердилась страшно. С плачем да с обидой стала на дядюшку замахиваться. Говорит:

— Мы в беду попали, в твой дом пришли беду переждать. Не думала я, что ты моих детей и за детей считать не будешь, ни еды, ни одежды давать не будешь, а ты еще возмечтал отдать их змею на съедение.

Плачет Нюй Шиннэ, обижается, не может старый дядя успокоить жену своего племянника. Объясняет ей все, на колени

встал, прощения просит. Потом сказал человеку, что змею при-
служивает:

— Извинись сегодня перед змеем, нет у меня детей. Скажи ему, есть у меня два барана. Зарежу я их, сварю и отнесу ему, пусть он сегодня вареного мяса поест. А на будущий год дой-
дет до меня черед, я ему четырех детей отдам на съедение. Заранее приготовлюсь, куплю для него детей.

Пошел тот человек, слова эти передал. Согласился змей.

Когда пришел вечер, дядюшка Нью Шиннэ сварил целиком двух баранов, взял всяких разных хлебцев и прочей снеди и по-
нес змею. Когда он выходил, Щё Гор и Щё Чжир из своих нор соломенных увидали: дядюшка-то жирное мясо змею на съе-
дение понес. У обоих даже слюнки изо рта потекли.

Ночью, когда люди заснули, Щё Чжир и говорит Щё
Гору:

— Почему бы нам вдвоем, когда совсем стемнеет, не поест в старом храме жирной баранины, что отнес туда дядюшка?

Щё Гор испугался. А Щё Чжир не отступает, лучше уж один пойдет. Уснули люди, отправились они в старый храм. Входят — на высоком столе лежат два барана, что старик принес. Усе-
лись они, принялись есть. Набили брюхо досыта, Щё Гор уйти хочет, а Щё Чжир идти не велит. Говорит Щё Чжир брату Щё
Гору:

— Ты стань по ту сторону дверей, а я стану по эту. Будем ждать вдвоем змея. Как змей войдет, захлопнем дверь и давай его бить. Я отступлюсь, ты бей.

Спрятались они оба за дверь, стали ждать. Заснули люди, прошло еще немного времени, задул черный ветер, задул жел-
тый ветер, в тот же миг вихрь к храму подлетел. Подняли они головы, глядь — змей явился. А змей — здоровый малый, лицо синее, шесть глаз. По обеим сторонам два помощника его поддерживают.

Вошли они во двор храма. Подошли к дверям, а змей и го-
ворит:

— Он-то сегодня вареное мясо приготовил, чего ради еще и сырое мясо пришло?

Рассердился змей, в храм направился, а Щё Чжир и Щё Гор как захлопнут дверь. У змея-то тело большое, они давай его бить. Час-другой били, стол, скамейки — все переломали. Дверь-
то внутрь притянули, закрыли, так что змею и его помощни-
кам убежать невозможно. Щё Чжир схватил змея и навалился на него животом. Щё Гор обоих помощников догнал, схватил и

тоже животом прижал. Щё Чжир на змее лежит, Щё Гор обоих помощников под себя подмял, задремали тут оба юноши, заснули. Проснулись, глядь — у Щё Чжира под животом бронзовая полоса, чжинов на восемьдесят весом, у Щё Гора под животом два бронзовых молота, каждый по сорок чжинов, вместе восемьдесят чжинов весом. Взяли они оба бронзовую полосу и два молота, не стали дожидаться, когда на востоке посветлеет, и отправились в свои норы. Спрятали бронзовую полосу и оба молота и сладко заснули.

Посветлело на востоке, украла Нюй Щиннэ у дядюшки хлебцев, тайком на задний двор выбралась, зовет обоих мальчиков:

— Щё Гор, Щё Чжир, идите, вот вам немного хлебцев, нате поешьте!

Щё Чжир отвечает:

— Мы не хотим есть, мы наелись досыта.

Изумилась Нюй Щиннэ, спрашивает:

— Что вы ели? Почему хлеба не хотите? Быстро говорите правду!

Щё Гор отвечает:

— Не буду я есть. Сын твой не согласен был пост терпеть, пошел в старый храм и взял мясо, что дядюшка змею приготовил. Дядюшка сам поста не соблюдает, ест жирное мясо, баранину. Дядюшка боится змея, а мы оба не испугались. Вошли и набили животы.

Перепугалась Нюй Щиннэ и спрашивает:

— Что вы оба видели?

— Мы чудовище видели. Как все уснули, оно и явилось. Черный ветер, желтый ветер задул, в тот же миг появилось чудовище, с обоих боков его помощники поддерживают. Шесть глаз, лицо синее. Больше ничего не спрашивай.

А Нюй Щиннэ опять спрашивает:

— А потом закололи беса?

— Мы дверь захлопнули. У змея-то тело огромное, мы и давай колотить. Схватили чудовище и под себя подмяли и обоих помощников тоже животом придавили. Задремали мы, заснули. Проснулись, глядь — нет змея и его помощников. У брата под животом бронзовая полоса лежит, а у меня — два бронзовых молота. Взяли мы их и вернулись. Спрятано все под соломой.

Тут только Нюй Щиннэ все поняла.

— Эй-я! Это счастье роду Щё привалило. Наверно, это для мальчиков оружие.

Прознала про все Нюй Щиннэ да постаралась, чтоб другие не узнали.

Захотелось ей обоих мальчиков боевым приемам обучить.

Встала утром Нюй Щиннэ и говорит дядюшке мужа:

— Идите скорей в старый храм, внуки ваши беду на вас накликали. Они змея убили.

Собрал старик вуслей и отправился к храму. Вошли в старый храм, глядь — столы, стулья переломаны. Ма Сань и столы и стулья храму возместил. А в деревне с той поры все успокоилось, не надо было больше отдавать детей на съедение.

Нюй Щиннэ принялась Щё Гора и Щё Чжира учить — есть время, нет времени — все учит. Так хорошо все приемы военные изучили, что ни взрослые, ни ребята побороть их не могут, да к тому же никто и задирать их не осмеливался. Тогда Щё Гор и Щё Чжир у матери стали разрешения просить на поиски отца отправиться. Их мать не дала разрешения. Не отступились и тут оба мальчика. Делать нечего, собрала она им немного провизии, дала немного денег на дорогу, дала-таки свое позволение. Ушли Щё Гор и Щё Чжир своего отца искать.

Вышли они на дорогу, шли несколько десятков дней, стали между собой советоваться, где же им отца искать, не поймут они, куда двинутся. Думали так, думали эдак, решили не отца искать, а идти к императору. Убить императора, за род Щё отомстить. Только вот по какой дороге в столицу идти, тоже не знают. Подошли они к развилке — три дороги расходятся, по какой дороге пойти, не ведают. Стали опять советоваться, куда идти. Щё Гор взял оба бронзовых молота — вправо пошел, Щё Чжир взял свою бронзовую полосу — влево пошел. Договорились они, кто первый столицу отыщет, пусть один на государя руку не поднимает, пусть в лесу второго подождет. Как встретятся они вместе, так вместе и свергнут императора.

Пошел Щё Гор по правой дороге, дошел до ворот дома какого-то юаньвэя, тут и стемнело. Стал юноша кричать:

— Хозяин! Хозяин! Путник я, пусти меня у ворот переночевать!

Доложил слуга юаньвэю:

— Пришел тут один парень, у наших ворот переночевать просится.

Отвечает юаньвэй:

— Пусть войдет!

Ввел слуга Щё Гора. Глянул на него юаньвэй — мальчик

лет десяти с лишним. Собою красив, сложения крепкого. Говорит юаньвэй Щё Горы:

— Ну и храбр же ты, раз один из дому ушел. Останавливайся у нас. Есть у меня здесь один огненный конь в моем табуне. Каждый день, как стемнеет и заснут все, заржет он, подпрыгнет вверх и в воздухе носится, полнеба тогда красным горит. Кого ни встретит, того тотчас съест. В нашем городе люди все знают, как стемнеет, из ворот не выходят. Больно уж ты смел, нельзя отдавать тебя на съедение. Входи, спи в доме.

Дал юаньвэй Щё Горы поесть, попить, а потом и говорит:

— Конь этот, должно быть, в моем табуне. Днем посмотришь — все кони одной масти. А ночью этот конь в оборотня превращается, выйдет, начнется заваруха. При свете дня никто его различить не может.

Сказал такие слова юаньвэй, стал Щё Гор думать. Потом говорит юаньвэю:

— Оставьте меня здесь у вас на четыре-пять дней, а я придумаю способ, как поймать его.

Юаньвэй отвечает:

— У тебя еще и такие большие способности! Хорошо!

В ту же ночь поел Щё Гор, попил, вышел из комнаты, стал по двору кружить, глядеть. Всякие там кони есть, не опознаешь, какой из них оборотень. Прождал немного, заснули люди. Тут кто-то как заржет, целых полчаса шум стоял: огненный конь в небе носился. Взглянул Щё Гор — такой хороший конь, небесный жеребец. Наверно, этот огненный конь ему предназначен, его поджидает. Понял он это, вошел в дом и говорит юаньвэю:

— Разделите завтра ваш табун на две части. Пусть одну половину в одно место погонят, а другую — здесь оставят, чтоб отдельно паслись. А я погляжу, из какой половины табуна ночью огненный конь появится.

Видят, той ночью огненный конь на этой половине объявился. Загнали эту половину табуна во дворик и опять на две части разделили. На другую ночь глядь — опять на этой половине объявился. Так вот и делили семь-восемь раз. Делили-делили, и осталось всего четыре коня. И опять этих четырех коней на две части разделили. Стемнело, опять послышалось ржание, поднялся конь — в небе носится. Опустился потом. Наутро встали, оба коня одинаковы, у обоих бока тощие. Кто знает, который из них огненный конь — не различишь. Опять их двоих разделили.

Огненный конь ночью заржал, поднялся, стал в небе носиться. Потом вновь опустился. Узнал его Щё Гор. Наутро встал, взял веревку, поймал тощего коня, притащил во двор к юаньвэю. Глянул юаньвэй — никакого вида нет, бока тощие, ленивый конь. А Щё Гор говорит юаньвэю:

— Вот огненный конь, что людей ел.

Юаньвэй отвечает:

— Убить его из ружья!

А Щё Гор не соглашается:

— Почему бы вам, хозяин, не подарить мне этого ленивого коня?

— У меня в табуне есть быстрые кони, есть иноходцы — выбирай. Какого выберешь, того и подарю тебе — садись верхом, домой возвращайся!

А Щё Гор не соглашается и опять говорит юаньвэю:

— Как же я на хорошего коня сяду, мал я еще годами. Поедет мальчик по дороге, отберут разбойники коня, что буду делать? Потому и прошу отдать мне ленивого коня.

— Ладно, ладно! — уступил юаньвэй.

Дал юаньвэй Щё Гору кожаное седло, дал немного денег на дорогу и проводил юношу. Сел Щё Гор на огненного коня и поехал. А в городе с того дня не стало оборотней, мир воцарился и спокойствие. Так верхом на огненном коне вскоре он и прибыл к императорской столице. Остановился в лесу за городом передохнуть — брата Щё Чжира поджидает.

А Щё Чжир со своей бронзовой полосой по левой дороге пошел. Шел-шел и дошел до одного города: люди, кони — все смешалось. Видит — люди все на лошадях к озеру везут пшеничную солому, камыш, хворост. Подошел он к берегу озера³, глядь — а из хвороста там целый круг сделан, так что к шести выходам в море примыкает. Приблизился Щё Чжир, спрашивает:

— Что это вы делаете? Зачем из хвороста круг выложили?

А те люди отвечают:

— Да вот, в этом озере живет озерный конь. Сделал он наш город своей вотчиной, сладу с ним нет. Непрестанно из озера выходит, людей ест, да еще, того и гляди, воду поднимет, город затопить может. Потому мы и навозили хворосту, чтобы кольцо сделать. Выйдет он из озера, подойдет к кольцу из хвороста, завалим мы выходы, со всех сторон хворост подожжем, так его огнем и казним.

Щё Чжир услышал такие слова и говорит:

— Не жгите его огнем. Лучше я его поймаю и на нем уеду, годится?

Спросили люди с удивлением:

— А ты сможешь изловить его? Не боишься?

Щё Чжир отвечает:

— Смогу поймать! Я ничего не боюсь!

А люди опять спрашивают:

— Гость ты наш маленький, что ты хочешь?

Щё Чжир отвечает:

— Ничего мне не надо, дайте только веревку.

Взял Щё Чжир веревку, подошел к проходу в кольце из хвороста, стал ждать озерного коня. Прождал немного времени, вдруг на озере поднялись волны. Такие волны поднялись, словно озеро кверху дном перевернулось. Звук такой, словно гром гремит, ржание коня раздалось, и вышел конь из озера, вдоль круга из травы и хвороста пошел. А Щё Чжир не испугался, приблизился к нему и крикнул:

— Тр-р-р! Коли ты мне предназначен, остановись!

Остановился конь. Щё Чжир надел ему на шею веревку, за собой повел. Привел коня к людям, потребовал у них кожаное седло, надел его на тощую спину коня, вскочил верхом и уехал. После того как уехал Щё Чжир на морском коне, в городе том стало тихо и спокойно.

Понял Щё Чжир, что конь морской и есть его небесный скакун. Не успел Щё Чжир так подумать, как оказался в императорском городе. Пошел он в лес, встретились они с Щё Гором, отдохнули два дня. Взял потом Щё Гор свои бронзовые молоты, взял Щё Чжир свою бронзовую полосу и пошли они к могиле рода Щё. Налили вина, зажгли жертвенные деньги⁴. Явился тут стражник, спрашивает:

— Вы что тут делаете? К кому пришли?

— Мы по роду Щё поминки справляем.

Не стал стражник медлить, тут же доложил новость императору:

— Пришли двое юношей, по роду Щё поминки справляют.

Приказал император, чтоб схватили их его всадники. Не смогли они схватить, Щё Гор и Щё Чжир стали с ними биться. Как принялись оба бронзовых молота Щё Гора и бронзовая полоса Щё Чжира государевых всадников бить, не смогли те противостоять им, все отступать стали, к городу побежали.

В это время их отец Щё Кур тоже конное войско собрал и за собой повел, чтобы за род Щё отомстить. А Нюй Шиннэ видит,

что Щё Гор и Щё Чжир не возвращаются, думает: «Наверно, мальчики с государем биться отправились, за род Щё мстить». Собрала она сразу же всадников и отправились с ними тоже в столицу, чтобы схватить императора. Когда Щё Кур подъехал, Щё Гор не узнал его, за императорское войско принял. Взмахнул своим бронзовым молотом, отшиб руку у отца. В этот миг Нью Шиннэ подъехала, крикнула:

— Как ты смеешь его бить, это же твой отец!

Глянул Щё Гор, оказывается, одним молотом отца ударил. Щё Гор соскочил с коня, немедля на колени бросился, ошибку свою признал. После этого Щё Кур с Нью Шиннэ и ее войском с Щё Гором и Щё Чжиром вместе напали на город. Разнесли в щепы императорское войско, как говорится, из фениксовых костей бараний мозг потек. Самого государя схватили и казнили, а потом захватили золотые терема и драгоценные палаты. Щё Кур, Нью Шиннэ, Щё Гор и Щё Чжир за род Щё отомстили. Вот так, перетерпевши столько бед, род Щё на престол воссел.

77. Чжон Янь и Бый Юйлун

Давным-давно в Чжэцзяне¹ жил человек по имени Чжон Янь с женою Бый Юйлун². Где только у Чжон Яня не было друзей: и на востоке, и на западе. Их деньги он считал своими и без счета тратил. Чжон Янь прекрасно владел восемнадцатью видами военного искусства, сидеть дома не любил и постоянно странствовал.

И вот, простившись как-то раз с женою, Чжон Янь отправился в дальние края совершать подвиги. Целых два года от него не было вестей. Бый Юйлун забеспокоилась и сказала себе: «Вот уже два года, как Чжон Янь ушел, а вестей от него нет. Возьму-ка я немного денег в дорогу и пойду его искать». Сказав так, Бый Юйлун переделалась в мужское платье, чтобы удобнее было в пути. Как и муж, она неплохо владела восемнадцатью видами военного искусства, по вершинам, по низинам всюду могла пройти. И вот Бый Юйлун вышла из дома и отправилась в путь. Она долго шла и каждого встречного спрашивала, не видел ли он ее мужа. Через несколько дней она пришла к развилке дорог: одна дорога вела в провинцию Шаньдун, другая — в Чжили³, и остановилась на постоялом дворе. Два дня прожила она там, всех расспрашивала о муже, но никто

о нем ничего не слышал. На третий день на постоялый двор пришел незнакомец в одежде богатыря по имени Чжон Хын и обратился к хозяину:

— Не найдется ли у вас свободной комнаты? Я устал в пути и хочу отдохнуть.

— Свободной комнаты у нас нет,— ответил хозяин.— Но вы можете пока поселиться вместе с юношей, который живет на северной стороне дома. Он, наверное, скоро уйдет.

Увидев красивого юношу — это была Бый Юйлун,— читавшего книгу, Чжон Хын обрадовался, подумав про себя: «Вот это жирный ягненок!» Чжон Хын поздоровался, сел и завел разговор с Бый Юйлун:

— Не скажете ли, почтенный, откуда путь держите?

— Из Чжэцзяна,— ответила Бый Юйлун.

— А куда идете?

— Ищу старшего брата. Два года назад он ушел из дома и до сих пор от него нет вестей.

— Позвольте узнать вашу фамилию, почтенный?

— Моя фамилия Чжон.

— А как зовут вашего брата?

— Чжон Янь.

Узнав, что юноша тоже носит фамилию Чжон, Чжон Хын обрадовался и начал врать:

— Никак не ожидал, что встречу однофамильца; выходит, мы из одного рода. Я только что из Хубэя⁴ и видел там вашего брата. Он даже одолжил мне немного серебра на дорожные расходы.

Бый Юйлун не поверила:

— Вы в самом деле видели моего брата?

— Я человек честный и не стану вас обманывать,— притворившись обиженным, ответил Чжон Хын и, настороженно глядя на Бый Юйлун, спросил:

— Вы еще не были в провинции Хубэй?

Женщине не понравилось, как смотрит на нее новый постоялец, но она виду не подала и как ни в чем не бывало ответила:

— Был.

Между ними завязался разговор, и Бый Юйлун заметила, что Чжон Хын то и дело поглядывает на ее узел с вещами. «Этот незванный гость почуял, что у меня есть деньги, а если он еще узнает, что я женщина, беды не миновать. Пока не поздно, надо уходить». Бый Юйлун позвала хозяина и сказала, что собирается покинуть постоялый двор.

— Темно уже,— стал уговаривать ее хозяин.— Да и места здесь беспокойные. Переночуете, а утром отправитесь в дорогу.

— Я должен быть в пути и день, и ночь. Иначе никогда не найду брата,— стояла на своем Бый Юйлун.

Увидев, что юноша собрался уходить, Чжон Хын нахмурился и подумал про себя: «Не повезло. Такого жирного ягненка упустил!»

Попрощавшись с хозяином, Бый Юйлун вышла на улицу и посмотрела на небо. Близилась ночь. Но женщина все же пустилась в путь. Выйдя за городские ворота, Бый Юйлун увидела дорогу, ведущую на запад, и пошла по ней. Она мчалась изо всех сил, какие были у нее в ногах, но все время оглядывалась, опасаясь как бы Чжон Хын ее не догнал. Под утро она подошла к какой-то широкой реке и решила немного отдохнуть на берегу и подкрепиться, но только расположилась, как увидела лодку, медленно плывущую прямо к ней. Лодка причалила, и из нее вышел белобородый старик. Старик подошел к Бый Юйлун и сказал:

— Не желаете ли, уважаемый, переправиться на тот берег?

— Вы угадали, почтенный отец. Перевезите меня, если вам не трудно,— очень вежливо ответила Бый Юйлун.

Вместе с лодочником она поднялась на палубу и увидела там очень красивую девушку лет восемнадцати. Это была дочь старика Вон Шуи, которая с первого же взгляда влюбилась в незнакомого прекрасного юношу. Старик велел дочери хорошенько накормить гостя, и она не мешкая приготовила для Бый Юйлун вкусную пищу и всячески ее ублажала. А надо вам сказать, что Вон Шуи превосходно владела всеми восемнадцатью видами военного искусства и не раз побеждала в состязаниях. Вместе с отцом они грабили путников. Потом обзавелись лодкой и стали перевозить людей с берега на берег. Если попадался богатый, обирали его до нитки. Тех же, кто сопротивлялся, Вон Шуи бросала за борт. Вот и сейчас старик отозвал дочь в сторону и тихонько сказал:

— Брось-ка этого жирного ягненка в воду!

Однако на сей раз Вон Шуи не только не послушалась, но стала упрекать отца в жестокости. Старик ничего не ответил и погнал лодку полным ходом. Посреди реки он остановил судно и обратился к Бый Юйлун:

— Парень ты, я вижу, хороший, и не хочется мне тебя убивать. Выкладывай все свое серебро и золото, тогда останешься жив!

«Э,— подумала Бый Юйлун,— оказывается, я попала в лодку к разбойнику». Она в гневе вскочила с места и принялась бранить старика:

— Я тебе покажу, старый мошенник! Ты за кого меня принимаешь?! Открой глаза пошире!

Сидевшая в каюте, Вон Шуи выбежала на шум и спросила:

— Ты с кем бранишься, отец?

Старик не ответил, только зло поглядел на Бый Юйлун. Дочь утихомирила его и обратилась к гостю:

— Не сердитесь! Старик совсем из ума выжил. Пока я здесь, с вами ничего не случится, так что не беспокойтесь.

Вняв уговорам девушки, Бый Юйлун перестала ругать старика, а Вон Шуи велела отцу тотчас же подогнать судно к берегу. Когда старик ушел, Вон Шуи спросила Бый Юйлун:

— Простите за дерзость, но мне хотелось бы узнать вашу фамилию.

— Фамилия моя Чжон, а имя Янь,— ответила Бый Юйлун.

Вон Шуи еще раз извинилась, подошла к отцу и сказала:

— Отец, ты хочешь, чтобы я вышла замуж, вот и отдай меня за юношу.

— Это можно. Не знаю только, согласится ли он?

Старик попросил у Бый Юйлун прощения и стал, запинаясь, говорить:

— Не сердитесь на меня, почтенный. Стар я стал, вот и болтаю всякий вздор. Нынче мне уже за шестьдесят перевалило, а внуков нет. Дочь у меня одна-единственная. Многие к ней сватались, но она всем отказывала, а теперь выбор ее пал на вас. Если вы согласны, я отдам ее вам в жены, чтобы она век служила вам.

Бый Юйлун не ожидала, что дело обернется таким образом, и про себя подумала: «Вот почему они меня не убили. Ладно, посмотрю, что будет дальше, а покуда надо дать согласие». И Бый Юйлун сказала:

— Уважаемый отец, почту за честь стать вашим зятем. И как только разыщу своего старшего брата, сыграем свадьбу.

Так, ловко уладив дело, Бый Юйлун избежала опасности. А старик, обрадованный, быстро подогнал судно к берегу. На прощание Бый Юйлун сказала:

— Скоро увидимся!

Старик пожелал ей доброго пути, вместе с дочерью сел в лодку, и они отчалили.

Бый Юйлун пошла вниз вдоль реки по дороге и через неко-

торое время очутилась подле постоянного двора. Старик с дочерью не предупредили Бый Юйлун, что двор — логово разбойников. Но женщина сама это почувствовала, как только вошла туда. Своим мрачным видом двор не предвещал ничего хорошего. Не дождавшись хозяина, Бый Юйлун отправилась в харчевню. У старухи — хозяйки харчевни, были дочь Мын Шучжын и сын Мын Хын, совсем уже взрослые. Мын Шучжын тоже хорошо владела восемнадцатью видами военного искусства, не уступая брату в ловкости и смелости. Старуха поднялась навстречу Бый Юйлун, предложила ей сесть и спросила:

— Что вам угодно?

— Дайте что-нибудь поесть, — попросила Бый Юйлун.

Покуда старуха хлопотала с едой, Мын Шучжын не сводила глаз с Бый Юйлун, потому что сразу влюбилась в красавца-юношу. «Хорошо бы стать его женой», — подумала про себя девушка и отказалась взять у Бый Юйлун деньги за обед, говоря:

— Почтенный, по-моему, вы в наших краях впервые, и нам неловко брать с вас деньги. Сегодня вы — наш гость, а завтра будете платить.

Поблагодарив, Бый Юйлун спросила:

— Не найдется ли у вас свободной комнаты?

— Жаль, но у нас очень тесно, — сказала Мын Шучжын и, подумав, добавила: — На постоялом дворе будьте осторожны. *Его бывший хозяин по фамилии Хуон уже четыре года, как умер, и всем заправляет старуха, его жена. У нее две дочери и сын. Сына зовут Хуон Сань. Они подсыпают постояльцам отраву в питье и кормят их пельменями с начинкой из человеческого мяса.

Бый Юйлун еще раз поблагодарила и вышла из харчевни. Погуляв немного, женщина пошла на постоянный двор и обратилась к хозяйке:

— Не найдется ли у вас чистой комнаты? Я устал и хотел отдохнуть.

— Комнаты у нас все чистые, — ответила старуха, — грязных нет.

Она привела Бый Юйлун в дом, который был расположен в восточной части двора и состоял из двух комнат и коридора. Дом и в самом деле оказался чистым, мебель была аккуратно расставлена. В одной из комнат Бый Юйлун и поселилась.

В это время на постоянный двор пришли два брата — старший Ён Ху и младший Ён Бо — и заняли комнату по сосед-

ству с Бый Юйлун. Однако старуха отвела их в другой дом, в западной части двора, прежде чем они успели познакомиться с Бый Юйлун. Женщина с беспокойством подумала: «Надо их предупредить, чтобы не погибли от меча разбойников. Пусть возвращаются и будем жить вместе». Бый Юйлун позвала братьев, посоветовала им поселиться в одном доме с ней, но не успела объяснить причины, как снова появилась старуха и спросила, не хотят ли они чего-нибудь поесть. Тогда Бый Юйлун быстро сказала:

— Спасибо матушка, мы только что пообедали в харчевне.

Когда старуха ушла, братья с удивлением переглянулись и сказали:

— С самого утра мы ничего не ели, едва добрались до постоянного двора, а этот юноша говорит, что мы вместе с ним обедали?! Может быть, он заподозрил неладное? Почувял, что здесь разбойничье гнездо?

И братья обратились к Бый Юйлун:

— Скажите, почему вы отказались от еды?

Бый Юйлун поглядела на братьев и ответила:

— Поскольку вы моложе меня, мой долг предостеречь вас. Этот постоялый двор — разбойничье гнездо. Так что поешьте лучше в харчевне.

Растроганные добротой юноши, братья спросили:

— Позвольте узнать, из каких вы краев и как ваша фамилия?

— Я из Чжэцзяна. А фамилия моя — Чжон.

— Хэй, вот так встреча! Ведь мы тоже из Чжэцзяна, — радостно воскликнули братья и спросили: — Что привело вас в эти края?

— Я ищу своего старшего брата, — ответила Бый Юйлун и, в свою очередь, поинтересовалась:

— А как ваша фамилия, позвольте узнать?

— Наша фамилия Ён. Мы вдвоем из всего рода остались в живых и теперь странствуем в поисках приключений. Где ночь застанет, там и ночуем, а утром снова в путь.

Тут Бый Юйлун перебила братьев:

— Знаете ли вы, что на этом постоялом дворе поят дурманом, а кормят пельменями с начинкой из человеческого мяса? Я так беспокоился, когда старуха отвела вас в другой дом! Вы мне сразу понравились, я решил побрататься с вами и поэтому предостерег.

Услыхав это, братья опустили на колени и сказали:

— Мы очень рады, что теперь у нас будет такой старший брат, и покуда мы вместе, вам бояться нечего.

— Я и не боюсь, — ответила Бый Юйлун и сказала: — Идите в харчевню и поешьте.

Братья оставили свои вещи и отправились обедать. Младший, Ён Бо, отличался горячим нравом и был смелее старшего. Как и все храбрецы, он носил шальвары из синего шелка, шапку, в каких ходят герои, и всегда держал при себе остро наточенный меч. Когда братья вернулись, солнце уже садилось за гору, и Бый Юйлун сказала:

— Вы можете отдохнуть, только не гасите огонь.

Братья пошли к себе, заперлись и легли. Бый Юйлун вначале читала, но, почувствовав усталость, прикрутила фитиль в лампе и предалась раздумьям.

Старуха же в эту пору торопила своих дочерей:

— Смотрите, как бы этих жирных ягнят не выпустить из рук.

— Нечего нас учить, сами знаем! — огрызнулись те.

В полночь, когда все уже спали, девушки надели все черное, взяли мечи и вышли во двор. В чужую комнату они умели проникать не хуже самого ловкого вора. Старшая тихонько подкралась к комнатам гостей и кончиком меча стала открывать наружную дверь. Братья, ничего не подозревая, мирно спали. Бодрствовала только Бый Юйлун. Вдруг ей послышалось, что кто-то открывает наружную дверь. Бый Юйлун прислушалась и не успела подумать, что надо разбудить братьев, как те, к счастью, сами проснулись от шума. Вскочив с постели, они обнажили мечи и, притаившись за дверью, стали ждать разбойника. Девушка между тем, открыв наружную дверь, подошла к комнате, где жили братья. Ён Бо не вытерпел, снял крючок и приоткрыл дверь. Девушка насторожилась, нацепила на острие меча шапку, просунула меч в дверную щель и стала им размахивать. Ён Бо сильным ударом отбил меч и стал ругать сестер: «Что вам здесь надо? Видно, жизнь вам надоела!» Увидев, что братья не спят, девушки быстро взобрались на крышу дома в нижней части двора. Братья также быстро очутились на середине двора. Бый Юйлун вбежала к ним в комнату, взяла вещи и перенесла к себе. После подняла лампу и стала следить за происходящим. Братья старались вызвать девушек на бой, но те не слезали с крыши. Тогда братья стали их поносить:

— Да вы, оказывается, трусы! Если же мать родила вас храбрецами, спускайтесь, будем биться!

Однако девушки не собирались спускаться. Тогда братья стали ругать их пуще прежнего, каждое слово ранило, будто ножом. Наконец сестры не вытерпели и прыгнули вниз. Будто тигры, разъяренные братья метались по двору из угла в угол, нападая на девушек, которые то отражали натиск, то отступали. Все четверо так быстро вращали мечами, что на них не могла бы упасть ни единая капля дождя. Но, увидев, сколько смелости и ловкости у братьев, старшая из сестер испугалась и запросила пощады.

Братья опустили мечи, а девушка, переведя дух, сказала:

— Никто еще не ушел от нас живым. Но вы — герои, а мы, будто слепые, сразу этого не разглядели.

Тут и старуха стала извиняться:

— Простите нас, мы и в самом деле будто ослепли.

— Ладно, прощаем вас! — сказали братья.

Как только рассвело, старуха велела дочерям приготовить завтрак и пригласила также Бый Юйлун. Девушки поставили на стол еду, но братья к ней не прикоснулись. Тогда старуха сама отведала из каждой чашки, и лишь после этого гости прились за завтрак.

В это время в дом вошел юноша в одежде богатыря. Это был сын старухи — Хуон Сань. Увидев, что мать сидит за столом вместе с постояльцами, юноша нахмурился, повернулся и вышел, даже не поздоровавшись. Старухе стало неловко, она извинилась, пошла вслед за сыном и спросила:

— Ты почему с гостями не поздоровался?

— Надо было убить этих жирных ягнят, — буркнул в ответ Хуон Сань.

— Что ты говоришь, сынок! Мы ничего не могли сделать. Они оказались очень ловкими и очень смелыми. От напитка отказались, от пельменей тоже. Твои сестры бились с ними всю ночь, но не смогли одолеть, хорошо, что живы остались.

И старуха от начала до конца рассказала сыну о случившемся.

Хуон Сань подумал и сказал:

— В таком случае, почему бы нам с ними не породниться?

— Это ты правильно говоришь! — ответила старуха.

Хуон Сань вместе с матерью вернулся в комнату, поздоровался и сел к столу. Старуха завела с гостями разговор и намекнула, что не прочь с ними породниться. Гости смешались, и Бый Юйлун с Ён Ху вопросительно посмотрели на Ён Бо. Тогда Ён Бо сказал:

— Вы, кажется, постарше меня, так что я буду жениться последним.

Услыхав это, Ён Ху очень обрадовался.

Между тем, как только сын хозяйки харчевни пришел домой, он поговорил с матерью, и они решили выдать Мын Шу-чжын за Бый Юйлун. И вот, когда братья Ён и Бый Юйлун беседовали с Хуон Санем, явился слуга из харчевни и сказал, что хозяйка зовет их в гости. Бый Юйлун и братья извинились и пошли в харчевню. Хозяйка радушно их встретила и повела в самую лучшую комнату. Хозяйский сын тоже был очень обходителен с гостями. Заметив, что особое внимание старуха уделяет ей, Бый Юйлун сразу смекнула, в чем дело, но виду не подала, продолжая слушать разные истории, которые та рассказывала. Наконец старуха-хозяйка приступила к делу и обратилась к Бый Юйлун:

— Вот что я хотела вам сказать, почтенный. У меня один сын и одна дочь. Дочь еще не просватана, но в нынешнем году ей пошла восемнадцатая весна. Если вы согласны, я охотно выдам ее за вас, и пусть она вам служит, как верная супруга.

Бый Юйлун улыбнулась про себя и ответила:

— Я очень благодарен, но согласиться на ваше предложение покуда не могу. А вот, когда разыщу своего брата и буду возвращаться — сыграем свадьбу.

Очень довольная ответом Бый Юйлун, хозяйка опять начала готовить для гостей еду и всячески их ублажала. Наконец, поблагодарив хозяев за гостеприимство, Бый Юйлун с братьями вышла на улицу. Они немного погуляли, осматривая местность, после вернулись на постоялый двор и обратились к хозяйке:

— Матушка, нам пора в путь, вы покуда оставайтесь здесь, а мы скоро возвратимся.

Прощавшись, Бый Юйлун и ее названные братья пустились в путь и, нигде не останавливаясь, добрались до Хубэя. Здесь, на постоялом дворе, Бый Юйлун снова всех и каждого расспрашивала про своего мужа, но так ничего и не добившись, пошла с братьями в харчевню. Они сели за стол, стали есть и тут услышали, что люди за соседними столиками о чем-то шумно и оживленно беседуют. Оказалось, что они говорят о каком-то храбреце по фамилии Ху и по имени Куй, который выстроил в Сычуани в Чэнду⁵ помост-лутэй, и туда со всей Поднебесной приезжают герои с ним состязаться. Разузнав обо всем подробно, Бый Юйлун с братьями решили добраться до Сычуани и, пообедав, отправились в путь. Совершив несколько пере-

ходов, они вошли в город, остановились на одном из постоянных дворов, а на второй день пошли узнавать о луйтэй Ху Куя. Они заняли столик в харчевне и услышали, что одни говорят: «Кто сумеет ударить Ху Куя хоть раз, получит в награду один юаньбо, а кто его сбросит с помоста, тому два юаньбо!» Другие утверждали, что состязание начнется в двадцатый день восьмого месяца, то есть через три дня. Прямо из трактира братья пошли в ямы к чиновнику Ма Ту и сказали, зачем прибыли в провинцию Хубэй. Когда Ма Ту записал их в книгу, Бый Юйлун спросила:

— Скажите, почтенный, не приходил ли сюда человек по имени Чжон Янь?

— Он здесь, — отвечал Ма Ту, — но вот уже несколько дней почему-то не появляется.

На следующий день Бый Юйлун с братьями отправились к месту состязания. На помосте уже стоял Ху Куи и выкликал храбрецов: «Из всех тысяч героев Поднебесной пусть поднимется на помост тот, кто не трусит! Сумеет ударить меня хоть раз, получит в награду один юаньбо, а убьет — не будет в ответе за мою жизнь!» Вокруг помоста сидели чиновники всяких рангов и следили за тем, чтобы ни один из состязающихся не убится насмерть.

Между тем сын и дочь хозяйки харчевни — Мын Шучжын и Мын Хын, дочь лодочника — Вон Шуи, а также сын хозяйки постоянного двора — Хуон Сань и обе его сестры, прослышав о том, что юноша Чжон, то есть Бый Юйлун, с братьями будут участвовать в состязании, пришли в Чэнду. Увидев их, Бый Юйлун и братья очень обрадовались. Ху Куи, стоял на помосте, продолжал выкликать храбрецов: «Кто не трусит, поднимайтесь на помост!» Наконец Ён Бо не вытерпел, топнул три раза ногой, после подпрыгнул потуже и одним прыжком очутился на помосте. Его поспешность встревожила Бый Юйлун, и она подумала: «Слишком он горяч и самонадеян. Ведь ни один из сотен героев не осмелился покуда вступить в единоборство с Ху Куем!» А Ху Куи, поглядев на Ён Бо, громко расхохотался и сказал:

— Жаль мне этого хилого паренька. Видно, жизнь ему надоела! — потом обратился к писарю: — Запишите его имя и фамилию! — и опять, взглянув на Ён Бо, сказал: — Жаль паренька!

— Пусть ты крепок, как сталь, но я тебя согну! — в гнев крикнул Ён Бо.

И начался поединок. Каждый из противников применял

свои приемы борьбы. Ху Куй бился искуснее, потому что был опытнее, а Ён Бо взобрался на помост впервые и то и дело допускал промахи. Он не подумал о том, что в состязании оружия не применяют, а в силе, ловкости и хитрости Ён Бо, конечно, уступал Ху Кую. Стоя у самого помоста, Хуон Сань следил за боем и с тревогой думал про себя: «Какой же легкомысленный этот Ён Бо, он даже не следит за тем, что делает Ху Куй. Ведь опомниться не успеет, как Ху Куй сбросит его с помоста». И в самом деле, с каждой минутой удары Ху Куя становились все сильнее, а Ён Бо слабел. И когда Ён Бо нацелился, чтобы нанести удар, Ху Куй схватил его за ногу и сбросил с помоста. Хорошо, Хуон Сань успел его перехватить, иначе он разбился бы насмерть. Все, кто здесь был, от страха ахнули. Был среди храбрецов юноша по фамилии Хэй, по имени Хийху — Черный Тигр, лет двадцати. Он, как и Ён Бо, одним прыжком поднялся на помост. Раз двадцать противники сходились, но победить никто из них не мог. И все же победил в конце концов Ху Куй. Не успел Хийху опомниться, как Ху Куй с такой силой сжал ладонями его голову, что она превратилась в лепешку. Тогда Ху Куй обратился к собравшимся:

— Я устал, состязание продолжим завтра!

Люди стали расходиться. Вернулась на постоянный двор и Бый Юйлун, и все, кто с ней был. Заметив, как сильно огорчен Ён Бо, Хуон Сань стал его успокаивать, говоря:

— Не надо было идти первым. Хорошо еще, что я успел тебя подхватить, иначе ты разбился бы насмерть. Впредь внимательно следи за всеми приемами Ху Куя.

На следующий день Бый Юйлун и все остальные сразу после завтрака снова отправились к месту состязания. По дороге Мын Шучжын думала: «Я хорошо знаю все его приемы и нынче же не мешкая схвачусь с ним». Зрители заняли свои места. Пришла жена Ху Куя и сказала мужу, что тоже хочет принять участие в состязании. Ху Куй согласился. В тот же миг женщина поднялась на помост и крикнула:

— Люди добрые, не думайте, что женщины слабее и не умеют драться! Когда-то Сун Эрйён из стана Лёнсаньбо построила помост и устраивала состязания⁶.

Тут Мын Шучжын ястребом взлетела на помост и так сказала:

— Сестра, я — Мын Шучжын, а ты как прозываешься?

— Фамилия моя Ду, а имя Сыфыр. Я — жена Ху Куя.

И женщины вступили в поединок. Их косы плыли по воз-

духу, будто драконовы кнуты. Невозможно было уследить за их движениями: с такой быстротой и ловкостью они сражались. Женщины сходились сорок раз, и ни одна пока еще не победила. Но мало-помалу Сыфыр стала ослабевать, не выдерживая натиска Мын Шучжын. Мын Шучжын была неутомима и к тому же ловка как рыба среди волн, она не давала Ду Сыфыр себя схватить, а Ду Сыфыр совсем ослабла, и Мын Шучжын схватила ее за косу, но не швырнула вниз, а лишь приподняла, чтобы все видели, какая она сильная. Своей смелостью Мын Шучжын привела в восторг всех зрителей, которые говорили между собой: «Вот это девушка!» Главный чиновник, записав победу за Мын Шучжын, сказал:

— Кроме награды дайте девушке еще четыре юаньбо.

А Ху Куй, увидев, что жена его проиграла, сказал:

— Считайте, что это мое поражение!

Тут же находился Чжон Янь — муж Бый Юйлун, названный брат Ху Куя. Досадуя, что какая-то девушка взяла верх над женой старшего брата, его снохой, Чжон Янь места себе не находил от позора. Потом вскочил на помост и стал выкликать на бой противника:

— Эй храбрецы, кто желает посостязаться со мной, быстрее поднимайтесь на помост!

Бый Юйлун узнала его и, едва сдерживая волнение, ждала, что будет дальше. Тут поднялся на помост Мын Хын, брат Мын Шучжын. Поначалу ни один из противников не мог победить. Тогда Чжон Янь неожиданно упал на спину и ногой сбросил Мэн Хына с помоста. Но Мын Хын не разбился, его подхватили друзья. А Чжон Янь, поднявшись, обратился к зрителям:

— Я устал. Состязание продолжим завтра.

На следующий день Чжон Янь спросил Ху Куя:

— Брат Куй, кто из нас двоих будет вести нынче состязание?

— Ты будешь вести, брат Янь,— отвечал Ху Куй, и они оба подошли к помосту. Людей сегодня было еще больше, чем накануне. Тутго подпоясавшись, Ху Куй проворно вскочил на помост и обратился к зрителям:

— Эй, храбрецы Поднебесной, кто меня сильнее, пусть откликнется!

Ху Куй крикнул раз, другой, третий, но никто не отозвался. И вдруг на помосте появилась девушка. Это была дочь лодочника — Вон Шуи. Увидев ее, Ху Куй растерялся и воскликнул:

— Женщина не может драться с женщиной!

И Ху Куй вновь обратился к собравшимся:

— Неужели во всей Поднебесной не найдется смельчака, который пожелал бы со мною состязаться? Ведь мужчине драться с женщиной — все равно, что собаке с курицей.

Услыжав такое оскорбление, Ван Шуи, не сдержав гнева, обратилась к обидчику:

— Твоему помосту все равно, что мужчина, что женщина, он для всех одинаковый!

Боясь, как бы девушка не погибла, чиновники записали за ней победу и остановили состязание, а Ху Куй спустился с помоста. Такого позора Чжон Янь не мог стерпеть. Он вскочил на помост и крикнул:

— Эй, храбрецы Поднебесной, кто хочет со мной драться, выходите! Я не посмотрю, мужчина это или женщина.

И Ван Шуи опять откликнулась на вызов. Зрители следили за каждым ее движением. Сначала противники просто ходили по помосту. Заметив, что девушка искуснее его в бою, Чжон Янь немного струсил, подумав про себя: «Ва-я, у этой девушки великолепные приемы!» После, улучив момент, он вдруг опрокинулся на спину и хотел ногой сбросить девушку с помоста, но та ловко увернулась от удара, изогнулась и носком башмака сбила шапку с головы Чжон Яня. Раздался оглушительный хохот. Зрители говорили между собой: «Вот это герой!» Как победительницу, Ван Шуи наградили одним юаньбо.

После этого Ху Куй сразу прекратил состязание, и люди стали расходиться. Вернулась на постоянный двор и Бэй Юйлун, и все, кто с ней был.

Дома раздосадованный Ху Куй сказал Чжон Яню:

— Никогда не думал, что какая-то девушка нас опозорит! Но я завидую ей. Пошли слугу на постоянный двор, пусть пригласит ее и всех ее друзей к нам в гости!

Слуга пришел на постоянный двор, разыскал Бэй Юйлун и сказал:

— Уважаемые храбрецы, мой хозяин зовет вас в гости.

— Кто он, твой хозяин? — спросила его Бэй Юйлун.

— Ху Куй.

Бэй Юйлун знала, что вместе с Ху Куем находится и Чжон Янь, и приняла приглашение. Но ее друзья не решались идти, опасаясь ловушки. Тогда Бэй Юйлун сказала:

— Не бойтесь! Что бы ни случилось, мы сможем постоять за себя!

Ху Куи радушно встретил гостей и стал угощать их разными вкусными кушаньями. После так им сказал:

— Вы не обидитесь, дорогие гости, если я кое о чем вас спрошу?

— Спрашивайте, — отвечали те.

— Хотелось бы знать, из каких вы прибыли краев?

— Мы трое из Чжэцзяна, а эти девушки и юноши с берега реки, — ответила за всех Бэй Юйлун.

Пока Ху Куи вел беседу, Чжон Янь молча со двора разглядывал гостей и вдруг увидел среди них свою жену в мужском платье. Однако подойти к ней он не посмел, так ему было стыдно.

— У нас тут есть один человек по имени Чжон Янь, он тоже из Чжэцзяна, может быть, вы его знаете? — спросил Ху Куи.

— Почтенный старший брат, — отозвалась Бэй Юйлун, — ради этого человека я сюда и приехал.

— Хэй, так ведь он здесь! — воскликнул Ху Куи. — И если вы хотите, я могу его позвать.

— Зовите, — сказала Бэй Юйлун.

Ху Куи вышел и вскоре вернулся вместе с Чжон Янем. Чжон Янь поздоровался с гостями и пристально посмотрел на Бэй Юйлун. Тогда Бэй Юйлун быстро подошла к нему и сказала:

— Дорогой старший брат, наконец-то я тебя нашел! — затем она обняла мужа и шепнула ему на ухо: — Видишь, как я одета? Все эти люди принимают меня за мужчину, так что помни: я — твой младший брат.

За столом Чжон Янь сидел рядом с Бэй Юйлун. Когда все поели, Ху Куи обратился к гостям:

— Дорогие братья и сестры, не покидайте мой дом, поживите здесь несколько дней.

— Это можно, — за всех отвечала Бэй Юйлун. — Мы нашли того, кого искали, и теперь торопиться нам некуда.

Ху Куи очень обрадовался и велел приготовить для гостей самые лучшие комнаты. Пораженный случившимся, Чжон Янь никак не мог опомниться и думал про себя: «Странно, что это с ней за юноши? Может быть, за одного из них она уже вышла замуж?»

Тут Бэй Юйлун сказала, что ей нужно поговорить с девушками, и попросила юношей выйти. Когда же юноши вышли, Бэй Юйлун обратилась к девушкам:

— Как вы думаете, кто я?

Этот вопрос привел девушек в замешательство, и они удивленно переглянулись.

— Вы принимаете меня за мужчину, но я женщина, такая же, как и вы. Я жена Чжон Яня. О том, что он ушел из дома и чуть ли не три года от него не было вестей, я вам говорила. И вот, переодевшись мужчиной, я отправилась его искать. Теперь вам все понятно?

От удивления девушки слова не могли вымолвить и лишь смотрели на Бый Юйлун. Глядя на них, Бый Юйлун рассмеялась и снова спросила:

— Понятно вам, что я сказала?

— Понятно,— отвечали те.— Но что нам делать? Мы же ваши невесты!

— Не беспокойтесь, это дело поправимое,— ответила Бый Юйлун и обратилась к младшей сестре Хуон Саня: — Ты согласна выйти за Ён Бо?

— Согласна,— краснея, сказала та.

— С нами еще трое юношей,— продолжала Бый Юйлун,— так пусть каждая из вас выберет себе того, кто ей по душе.

— Вы — наша старшая сестра,— откликнулись девушки,— как скажете, так и будет.

— В таком случае,— сказала Бый Юйлун,— пусть Шуи выходит за Мын Хына, Мын Шучжын за Хуон Саня, а его старшая сестра за Ён Ху. Ну как, согласны?

— Согласны! — разом ответили девушки.

Тут Бый Юйлун позвала Чжон Яня и юношей и рассказала им всю правду. Мужчины рот разинули от удивления, узнав, что Бый Юйлун — женщина. В это время в комнате появился Ху Куй со своей женой Ду Сыфыр. Бый Юйлун спросила его:

— Почтенный старший брат, вы, наверное, ничего не знаете?

— Не знаю!

Тогда Бый Юйлун лукаво посмотрела на него и говорит:

— Я жена вашего названного брата Чжон Яня. И еще вы должны знать, что я нашла ему братьев и сестер.

От неожиданности Ху Куй сперва растерялся, а затем стал так хохотать, что на глаза у него навернулись слезы. Вытирая их, он воскликнул:

— Вот это женщина!

Когда же он узнал, что Бый Юйлун поженила всех юношей и девушек, он, не переставая восхищаться ее умом, обратился к гостям:

— Это прекрасно! В таком случае завтра же сыграем свадьбу!

После свадьбы гости от души поблагодарили Ху Куя за гостеприимство, попрощались, разошлись по домам, и каждый стал жить со своей женой в мире и согласии.

78. Щюэсунтань — «В пургу приносит уголь»

В прежние времена жил один бедняк, и был у него приемный сын, которого все звали Ли-щюэсын — студент Ли. День и ночь трудился бедняк, собрал немного денег и отправил сына в школу учиться. Так, при отцовой поддержке сын и выучился, а потом обратно домой вернулся. Стали отец и мать думать, как бы женить сына. Искали они невесту, искали и женили на дочери одного бедняка, а он, как жену взял, три дня и три ночи печальный был, хотел из дому уйти, да жалко было бросить добро и хозяйство, что оставил ему отец. А не уйти, где здесь применить все то, чему он по книгам выучился. Вспомнил тут Ли-щюэсын, как говорили старые люди: «Лучше родиться расточительным, чем глупым». И решил последовать этому совету. Стал он с того дня сорить деньгами, стал пить вино не переставая да приговаривать: «Пусть лучше я сам все растрочу, чем кто другой это сделает, лишь бы подлые людишки себе не взяли». И вот однажды кончилось у него все богатство и вышли все деньги. Расхохотался он. Увидела жена, что муж смеется, и спросила:

— Эй, муженек, ты чему радуешься? Ты все богатство, что отец собрал, все золото и серебро растратил, как мы теперь жить-то будем? Об этом ты не думаешь, а только радуешься!

— Слушай жена, что я тебе скажу: то, что я растратил деньги отца, — это к лучшему. Теперь я могу взять тебя и отправиться в столицу сдавать экзамены. А вдруг я на чиновника экзамены выдержу.

Посоветовались они с женой, продали дом и все хозяйство за шестьсот рублей¹. Предстояло им шесть месяцев до столицы идти. Взял Ли-щюэсын деньги, и они отправились в путь. Шли они три месяца и пришли в какой-то большой город. Ли-щюэсын решил остановиться тут на два-три дня, но неожиданно заболел тифом и слег. Пока он болел, все серебро, оставшееся на

дорогу, и вышло. Хотел Ли-щюэсын к кому-нибудь наняться на работу — никто не берет. К чьим воротам ни подойдет, отовсюду гонят. Делать нечего, стали они с женой побираться, тем и кормились. Где ночь их застанет, там и заночуют. Бродили они так, побирались, вся одежда на них обветшала, на теле вшей полно. Ли-щюэсыну было теперь не до смеха, не до веселья, только и думал, как бы следующий день прожить. Подошли они однажды к чьим-то воротам.

— Что вы хотите, есть или пить? — спросил хозяин.

— Не хотим мы есть, не хотим мы пить, — ответили муж с женой, — а коли не брезгуете нами, разрешите нам в вашем доме переночевать.

Хозяин посмотрел, грязные они, платье все рваное, и сказал:

— Мой дом не место для ночлега для таких, как вы! Вон отсюда! — и прогнал их от ворот.

Ли-щюэсын заплакал. Всю ночь они с женой по улицам кружили, весь город обошли, а никто не пригласил: «Заходите, гости, остановитесь у нас». Видит Ли-щюэсын — дело плохо, отыскал он на окраине города кем-то брошенный ветхий домик и говорит жене:

— Хоть домишко и ветхий, а есть четыре стены, можно укрыться от ветра.

Поселились они в этом маленьком домике. Целыми днями ходят милостыню просят, а вечером, как стемнеет, забираются в свою лачугу. Вот как-то раз выпал снег, хворосту не набрать было. Ли-щюэсын отыскал во дворе гнилой пень, затащил его в дом, стал печь разжигать — нет огня, один дым глаза ест. Оба они так дрожали от холода, словно отруби просеивали. Зубы у них «куа-куа» стучали.

А была на краю того города пещера для обжига угля, и жила там старая вдова с сыном. Каждый день они продавали уголь, тем и кормились. Как раз в тот день проходил сын старухи мимо ветхого домика, где поселился Ли-щюэсын. Глянул он на лачугу — черный дым валит, желтый дым идет. Подивился юноша, про себя подумал: «Никто ведь здесь не живет, уж не дух ли тут, не бес ли завелся? Наверно, все-таки не дух и не бес. У беса-то дым вверх бы струйкой шел, а тут весь двор в дыму. Погляжу-ка, что там делается». С бьющимся сердцем подошел он поближе, смотрит — а это нищие, что каждый день в округе побираются, муж с женой. Увидел он, какой жалкий у них вид, пожалел их и говорит:

— Эй, старший брат, вставай скорей. Я дам вам немного угля, погрейтесь.

А Ли-цюэсын с женой уже так замерзли, что и слова вымолвить не могут. Тогда сын вдовы быстро тлеющий пень на двор вынес, принес в дом своего угля, положил его в топку и раздул огонь, чтобы Ли-цюэсын с женой могли обогреться. Ли-цюэсын с женой не знали, как и благодарить юношу. С той поры сын старухи каждый день, как проходил мимо их лачуги, был ли кто дома, или нет, оставлял им кусок угля. Старая вдова тоже удивляться стала, она каждый день проверяла выручку сына, и прежде всего, за вычетом денег на масло, соль, соевый соус и уксус², оставалось восемь монет, а теперь только по три монетки стало оставаться. Старуха обеспокоилась, как бы сын играть на деньги не начал. И вот как-то раз сидят они с сыном, едят, пьют чай, мать его и спрашивает:

— Ты не сердись, сынок, хочу я тебе что-то сказать.

— Хочешь сказать, так скажи, я не рассержусь,— ответил ей сын.

— Раньше ты выручал в день столько, что, за вычетом денег на масло, соль, соевый соус и уксус, оставалось ведь еще восемь монет, а в этот месяц от твоего заработка почему-то оставалось только по три монетки? — спросила мать и добавила: — Скажи, сынок, мне всю правду. Если ты проедал их или на театр тратил, это не беда, лишь бы на дурные дела не пускал. Смотри, привыкнешь, потом поздно будет.

— Ах, мать, не буду тебя обманывать. Я каждый день даю угля на пять монеток нищим: мужу и жене, что живут в нашем городе, чтоб спасти их от холода,— ответил сын.

Выслушала его мать и засмеялась:

— Сынок, если делать добро, то делай лавочнику. Денег у тебя не много, придет трудное время, он тебе сможет подкинуть лён или два серебра. Или уж помогай земледельцу — будет нечего есть, сможет дать тебе риса или муки. А ты помогаешь нищим, что тебе с них проку?

Рассердился сын и говорит:

— Эй, мать, да никакого доброго дела я им не сделал. Я еще не помог лавочнику, а деньги у меня есть, я еще не помог земледельцу, а ем рис и хлеб, все это небо мне дает.

— Правильно ты сказал, сынок. Завтра ты не давай им крупный уголь, у нас дома накопилось много угольной крошки; я тебе сошью мешок, ты набери в него и отнеси, пусть они погрются. Разве плохо? — спросила мать.

— И так можно! — согласился сын и с этих пор стал относиться в ветхую лачугу по мешочку угля. Всю зиму им носил, так им обойм и жизнь спас. Пришла весна, стало тепло. Стал Ли-щюэсын с женой советоваться:

— Не отправиться ли нам завтра потихоньку в столицу? Погода теперь теплая, ночью можно спать в поле. Дойдем до людного места, будем просить подавание, тем и кормиться. А в безлюдных местах будем сухари грызть да холодной водой запивать, и ладно. Надо идти.

— Муж мой, раз мы собрались уходить, то надо бы отблагодарить нашего друга, что приносил нам уголь. Верно?

— Я это помню, жена, только сейчас не надо к нему идти. Почему? Да потому, что идти, так надо серебро нести, а денег у нас нет. А так пойти, люди могут испугаться, что мы просить что-нибудь явились. Да и брезгуют нами, стоит присесть где-нибудь, хозяева сразу после нас подметать бросаются. Лучше поклянемся, что не забудем никогда добро, что сделал нам наш друг. Раз Небо не забрало мою жизнь, значит, придет время и выпадет мне удача, и я смогу его отблагодарить. А коли Небо отнимет все-таки мою жизнь, так ты не забудь. Если дети у нас будут, то, когда станут они взрослыми, ты напоминай им об этом добром человеке. Вот поэтому нам не следует идти к нему, скорей в путь — так Ли-щюэсын ответил жене, и они направились в столицу. Когда они пришли туда, то экзамены вот-вот должны были начаться. Ли-щюэсын стал готовиться к экзаменам, все книги, которые он прочитал, вспомнил. Пошел на экзамен, сдал лучше всех и получил звание чжуонъюаня. Император подарил ему и жене чиновничье платье и халаты и назначил правителем в тот город, где они раньше нищенствовали. А туда послали гонца с вестью, что, мол, первый кандидат — чжуонъюань к ним едет.

Горожане, чиновники, служилый люд — все бросились кирпичные дома штукатурить, ямын прибирать, на перекрестках наводить порядок, к встрече готовиться. Когда Ли-щюэсын прибыл в город, никто не узнал его. Все говорили: господин новый начальник прибыл. Его посадили в паланкин, что носят восемь носильщиков, и целых сорок дней носили по городу. Потом новый правитель должен был выступить перед народом. Горожане все боялись его, даже громко говорить не осмеливались. Один другому передавал: «Правитель-то чжуонъюань, самый первый кандидат». И вдруг один студент Ли-щюэсына узнал. Побежал он к сыну старой вдовы и говорит:

— Эй, приятель, глянь-ка, господин новый правитель похоже, что твой друг!

— Эй, студент, ты потише, как бы твоя голова не слетела. Правитель-то первый кандидат, чжуонъюань, а тот мой друг — нищий. Чего ты болтаешь! — стал выговаривать студенту сын старухи.

Студент не согласился и все настаивал, чтоб юноша взглянул на нового правителя. Пошел юноша, оглядел того внимательно — вроде и вправду похож. Вернулся он домой и рассказал об этом матери. Старуха и говорит:

— Эх, сынок, и по мертвой воде может живая волна пробежать. Не говори так, завтра, когда будут его проносить по нашей улице, ты меня заранее предупреди, я на него хоть одним глазом гляну и сразу насквозь его увижу, а потом скажу тебе — он или не он.

На другой день, когда новый правитель проезжал по их улице, сын вбежал в дом и крикнул матери, что господин чиновник по их улице в паланкине медленно движется. Старуха вышла, стала у ворот, глянула на Ли-щюэсына, вошла в дом и сказала сыну:

— Это точно твой друг...

А правитель с того дня перестал ездить по улицам, он вошел в свой ямын и приказал двум своим помощникам-ученым:

— Если, например, к моей управе прилетит орел или другая какая птица и заговорит, вы оба тотчас же мне доложите. А если не доложите, а я все равно узнаю, то буду судить вас как за преступление и велю отрубить голову!

Тут все большие чиновники и мелкие слуги с золотом и серебром стали приходить поздравлять нового правителя с вступлением в должность. Старуха-мать и говорит своему сыну, что уголь бедному другу носил:

— Эй, сынок, все люди поздравляют нового правителя, а ты почему не идешь? После твой друг узнает об этом, глядишь, еще какое-нибудь преступление припишет.

— Так бедно мы живем, что и не знаю, как идти. Платья приличного нет, подарить нечего, — сын ей отвечает.

— Люди смеются над грязными, сынок, не смеются над заляпанными. Сними свою одежду, я ее тебе выстираю хорошенько, возьмешь какой-нибудь подарок и пойдешь, — посоветовала ему мать.

Сын обрадовался, но не знал, какой подарок для правителя даст ему мать. А она дала ему несколько монет да пустую бу-

тылку и велела вина купить. На те деньги налили ему полбутылки вина. Опечалился юноша, хочет пойти к правителю, да полбутылки вина нести неудобно. Думает не идти, да страшно, как бы господин правитель это в вину ему не поставил. Подошел он к роднику, сердце печаль гложет, присел он отдохнуть. Выпил он глоток студеной воды, глядь — на душе веселее сделалось, что вино, что вода — никакой нет разницы. Долил он в бутылку с вином родниковой воды, чтоб была полная, и пошел. Пришел юноша к управе, где сидел новый правитель, глядь — народу полно. Он-то бедняк, где ему пробраться. До самого полудня там протолкался, не смог внутрь попасть, только побоев да брани натерпелся.

Прислужники правителя стали гнать его прочь:

— Эй ты, оборванец, что толкаешься?! Думаешь, новый правитель хоть взглянет на тебя?

— Ладно, стражники, не пойду я в ямы. Те, кто с золотом пришел, серебро принес, и то подойти к нему не могут, где уж мне. А передайте господину новому правителю такие слова, и ладно.

— Говори, какие слова? — приказали стражники.

— Скажите ему, что Щюэсунтань — «В пургу приносит уголь» пришел.

Стражники захохотали.

— Ах ты, бессовестный! Мало тебе твоей бедности, еще тут воду мутишь! Ишь ты, Щюэсунтань прибыл! Катись отсюда! — стал гнать его один из стражников.

А второй и говорит приятелю:

— Пусть войдет, ничего не случится! Эй, приятель, разве ты не помнишь, что нам приказывал господин новый правитель в день вступления в должность. Пусть даже зверь какой придет и заговорит по-человечьи, все, мол, должны мы ему докладывать. Не доложим, а как узнает он, отрубит нам обоим головы. Из-за этого оборванца разве не глупо свои головы терять?

— Как же нам быть, приятель? — спросил первый стражник.

— Я говорю, что надо доложить новому правителю, и все.

Тогда первый стражник пошел к Ли-щюэсыну и сказал:

— Разрешите доложить господину новому правителю: к воротам пришел какой-то юноша и велел передать вам, что Щюэсунтань — «В пургу приносит уголь» явился.

Стражник доложил, повернулся и ушел. Новый правитель

запомнил эти слова, но ничего не сказал, а продолжал в присутствии принимать гостей и подарки. Чиновник, что передавал от гостей подарки, принял еще от десятерых, а потом доложил правителю:

— Подарок от Чжана Третьего!

Новый правитель поднялся и поблагодарил гостей. После этого позвал двух сановников и приказал:

— Возьмите солдат и постройте их вдоль дороги, а другие пусть подле ворот станут.

Сановники ушли. Прошло немного времени, и они доложили:

— Господин новый правитель, ваше приказание выполнено.

— Приготовьте паланкин и восемь носильщиков.

Стражники внесли паланкин. Новый правитель сам взял на плечо шест, чтобы нести его. Увидев это, сановники и прочий служилый люд переполошились, чиновники стали шептать друг другу:

— Может быть, он готовится к встрече самого государя, а может быть, он встречает своих родителей.

Тут сановники стали говорить стражникам:

— Мы сами понесем! Как подойдет время встречи, оправьте хорошенько на себе одежды, наденьте ровно шапки. Сегодня, верно, увидим мы самого императора, а если не его, то доведется нам увидеть отца и мать нашего нового правителя.

Войско стояло в два ряда вдоль дороги, сановники и служилый люд несли паланкин, а впереди шел сам правитель. Они дошли до главных ворот ямына, поглядели на восток, посмотрели на запад — нет никого. Ли-цюэсын тогда спросил стражников:

— А Щюэсунтань где?

— Поглядите за воротами, — ответили те своему начальнику.

Правитель отыскал глазами юношу-угольщика, а тот от одного его взгляда так перепугался, что у него душа в небо унеслась. «О, Небо, — подумал он про себя, — сегодня, видно, пришел конец моей жизни!»

А Ли-цюэсын оглядел его, взял за руки и стал подсаживать в паланкин. Тут уж чиновники не стали дожидаться, пока правитель сам его посадит, а сами все бросились, толкаясь, Щюэсунтаня в паланкин усаживать, потом подняли его и понесли. Сидит Щюэсунтань в паланкине, а чиновники и слуги несут его, удивляются, каждый про себя думает: «Чего это мы бездельника, что уголь продает, в паланкине несем?» Так, ни-

чего не понимая, принесли они его обратно в ямын. А новый правитель уступил ему свое кресло, стал Щюэсунтаня в него усаживать, а сам сбоку сел. Сановники и прочий служилый люд видят, делать нечего, подле Щюэсунтаня уселись. Щюэсунтаня понял, что Ли-щюэсын решил отблагодарить его. Только стыдно ему стало: «Люди-то принесли подносы, полные серебра да золота, а я бутылку вина, да еще водой разбавленного. Как ее вытащишь? Лежит она за пазухой, надо бы вытащить, да боязно, засмеют еще. Не доставать, да только я один ничего не принес, тоже неудобно».

Пока Щюэсунтаня размышлял, чиновник еще подарки для правителя принял и доложил Ли-щюэсыну:

— Принято десять подносов золота и десять подносов серебра!

Правитель поднялся и поблагодарил дарителя. В это время он и углядел, что Щюэсунтаня все за пазуху поглядывает. «Как бы мне своему другу помочь, от заботы его избавить? — подумал он. — Не иначе как Щюэсунтаня принес бутылку вина, да стесняется ее вытащить». Ли-щюэсын стал второй раз за подарки благодарить, а сам все на Щюэсунтаня поглядывает. Разглядел-таки бутылку, вытащил ее у Щюэсунтаня из-за пазухи и поставил на стол. А потом обратился к важным чиновникам, слугам и прочему служилому люду:

— Прошу вас не удивляться! Мой друг принес эту бутылку вина, я его сам выпью.

Новый правитель налил вино в бокал и разом выпил. Видя это, Щюэсунтаня подумал про себя: «Ну, теперь ничего!» А правитель выпил вино и сказал:

— Я — новый правитель и хочу рассказать вам кое-что.

Люди обернулись к нему, а Ли-щюэсын продолжал:

— Вино разбавлено водой!

Все засмеялись, но правитель поднял руку и сказал:

— Вино-то разбавлено водой, а вот душа у него настоящего чжюньцзы — совершенного человека. Тот, кто на парче добавляет цветы, — мелкий, ничтожный человек.

С тех пор и пошла пословица: «Кто в пургу приносит уголь — поистине благородный муж.

Кто на парче добавляет узоры — мелкий, ничтожный человек».

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

- Д ж у м а** (араб.) — молитвенное собрание, на которое мусульмане собираются по пятницам, отсюда значение «пятница», иногда неделя в целом.
- Д у** (кит. *доу*) — мера объема, около 10 л.
- К а н** — лежанка в дунганском доме, занимающая примерно треть комнаты и обогреваемая проходящим внутри нее дымоходом.
- Л ё н** (кит. *лян*, в старой русской транскрипции — *лан*) — мера веса, около 31 г.
- Л и** — мера длины, около 0,5 км.
- Л о б а** — господин, дядюшка — уважительное обращение к старшему (устаревшее).
- М у** — мера площади, около $\frac{1}{16}$ га.
- Ц з и н ь** — см. **ч ж и н** (мера веса).
- Ц у н** (кит. *цунь*) — мера длины, около 3,2 см.
- Ч ж и н** (кит. *цзинь*) — мера веса, около 0,5 кг.
- Ч ж и н** (кит. *цзинь*) — оборотень.
- Ч и** — мера длины, 32 см.
- Ш ы н** (кит. *шэн*) — мера объема, около 1 л.
- Ш ы н щ я н ь** (кит. *шэньсянь*) — бессмертный гений в даосской мифологии; образы шэньсяней вошли в сказочный эпос китайцев и дунган.
- Щ я н ь** — см. **ш ы н щ я н ь**.
- Щ я н ь ц з ы** (или **с а н ь щ я н ь ц з ы**, кит. *саньсянь*) — струнный музыкальный инструмент (букв. «трехструнный»).
- Ю а н ь в э й** (кит. *юаньвай*, букв. «вне поста») — первоначально (с V в.) «внештатный чиновник», впоследствии в повествовательной прозе и фольклоре хозяин, глава богатой семьи, не занимающий официального поста.
- Ю ц а** — заваренная в кипятке поджаренная мука; еда бедняков.
- Я м ы н** (кит. *ямынь*) — присутственное место, резиденция правителя уезда, области и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1.

¹ Чжон Дачжэ — Чжон — весьма распространенная среди китайцев и дунган фамилия (кит. Чжан*). Этимология имени не совсем ясна, обращает на себя внимание тот факт, что в китайском варианте этого сюжета, записанном во Внутренней Монголии, герой тоже охотник и его зовут Чжан Да-аньчунь, т. е. «Чжан Убивающий перепелов» (странно только, что имя состоит из трех слогов, чего почти никогда у китайцев не бывает). По аналогии можно предположить, что Дачжэ должно означать «убивающий какую-то птицу».

² Тыква-горлянка, что висит на стене — в дунганских домах часто можно увидеть коврики, сделанные из высушенной тыквы-горлянки, или цельные сухие тыквы, висящие на стене (подробнее о тыкве-горлянке и ее символике см.: «Источники и анализ сюжетов», № 1).

³ ...лапшу резать — длинная лапша — излюбленное блюдо дунган, как и китайцев, которую едят без бульона, положив сверху мелко нарезанные кусочки мяса и овощей. Бульон, в котором варилась лапша, пьют после еды.

⁴ ...три курительные свечи (щён, кит. *сян*) — тонкие сандаловые палочки с некоторым количеством свернутых листьев, тлеющие и издающие приятный аромат. Китайцы зажигали их в храмах перед статуями святых и в других торжественных случаях. Считается, что *сян* появились во II в. до н. э. У дунган щён втыкали в пиалу с зернами риса или пшеницы и зажигали в тех случаях, когда ахун (мулла) читал суру из Корана по покойнику (особенно на сороковой день после смерти, а также во время поминок и в период тридцатидневного поста (рамазан), так как считается, что в это время души умерших находятся в родном доме).

⁵ ...в деревне... был один нечестный чиновник — явный свиг представлений. В старом Китае чиновники жили обычно в уездных городах, бывших самой малой административной единицей.

№ 2.

¹ ...в провинции Шэньси — провинция в Северо-Западном Китае, где живет много дунган.

* Здесь и далее под китайским чтением всюду имеется в виду пекинская фонетическая норма.

² Б а б а р — обычное дунганское имя (см. список дунганских имен и фамилий [36, 160]).

³ М э й с ы р — также распространенное среди дунган имя мальчика (у Яншансина указано в форме Мэйсыцзы) [36, 161].

⁴ Б е з р у к а в к а («быйда») — верхняя одежда из черного материала без воротника и с разрезом посередине, надеваемая дунганями в прохладную погоду; обычно подбивается ватой или мехом.

⁵ ...ч а ш к у и з г р у б о й г л и н ы — дунгане, как и китайцы, всегда пользовались для еды фаянсовыми или фарфоровыми пиалами, так что упоминанием чашки из грубой глины подчеркивается здесь особое презрение мачехи к пасынку.

⁶ ...д а с т [е м у] ч а ш к у м о л о к а — по рассказам дунган, раньше в Китае дунгане, как и китайцы, не любили молоко и не употребляли молочных продуктов [см. 26, 151], питая к нему отвращение.

⁷ ...с о л ы ц е н а в ы с о т у о д н о г о ш е с т а п о д н я л о с ь — в старом Китае время часто обозначали через отметку высоты солнца; «на высоту одного шеста», т. е. не очень рано, так как шест обычно был высотой 3—4 метра.

⁸ ч ь я п т и ц а о д о л е е т — петушиные или перепелиные бои были обычным развлечением в старом Китае, а также у народов Средней Азии, особенно у узбеков.

⁹ ...в т р е т ь ю с т р а ж у — в старом Китае темное время суток (с 7 часов вечера до 5 утра) делилось на пять двухчасовых страж, начало каждой стражи сторожа отбивали ударом в колокол или колодушку; «третья стража» — время с 11 до 1 часу ночи.

№ 3.

¹ ...Л о д а — букв. «почтенный старший».

² Л о э р — букв. «почтенный второй».

³ Л о с а н ь — букв. «почтенный третий». Обозначение братьев по счету рождения было принято в Китае с древности. Герои сказок часто называются просто по такому счету или имеют фамилию, а вместо имени — числительное, обозначающее, которым по счету были сын или дочь (счет для девочек и для мальчиков велся отдельно).

№ 4.

¹ ...у ц а р я д р а к о н о в В о с т о ч н о г о м о р я — В о с т о ч н ы м м о р е м (Дунпхэй, кит. *Дунхай*) называли Восточно-Китайское море. Несмотря на то что по мифологическим представлениям китайцев, воспринятым и дунганями и восходящим к буддизму, считается, что существует множество царей драконов (лунвон, кит. *лунван*), в том числе цари драконов Южного, Северного, Восточного и Западного морей [226, 292], в сказках и китайцев и дунган всегда упоминается только царь драконов Восточного моря.

² Ч ж и п л я р — букв. «золотой лотос» (подробнее об именах героев этой сказки см.: «Источники и анализ сюжетов»).

³ ...в д р а г о ц е н н ы е п а л а т ы — так здесь и в других сказках передается выражение ч ж и н л у - б о д я н ь — букв. «золотые терема, драгоценные павильоны (строения)», постоянно встречающееся в дунганских сказках, где отсутствует характерное для китайского языка слово гун — «дворец».

⁴ ...в п р а з д н и к с е р е д и н ы о с е н и — праздник середины осе-

ни справлялся в старом Китае между 11-м и 15-м числами восьмого месяца по лунному календарю; это был праздник луны, которую по традиции в ночь 15-го числа приветствовали звуками гонгов и барабанов, фейерверками. В эту ночь полагалось пить вино и любоваться круглой луной, в это время пекли особые круглые, сладкие «лунные блины» — юэби. Дочь царя драконов назначала герою для встречи этот день, видимо, не случайно. Возможно, что в древности это был праздник конца уборки хлебов, во время которого молодые люди свободно вступали в брак; подобного рода праздники — весенний и осенний — отмечены у корейцев и некоторых малых народов Китая [см. 165, I, 22].

⁵ ...жить женой у бессмертного — бессмертный-шын-щянь (кит. *шэньсянь*) — обычный образ китайских и дунганских сказок, восходящий к даосской мифологии. Функционально заменяет волшебников западноевропейской сказки. Шын-щянь обычно изображается в виде белобородого старца, помогающего герою.

⁶ Мыйщёр — букв. «аромат дикой сливы».

⁷ Лежат они в красной коробочке — возможно, что красная коробочка упоминается здесь не случайно, красные коробочки (шкатулки) в старом Китае играли существенную роль в свадебном обряде — в них жених клал подарки невесте.

⁸ ...семьдесят два зала — видимо, по числу сезонов года, которых в Китае насчитывали 72.

⁹ ...единогоги-чилинь, фениксы-фынхуоны. — Чилинь (кит. *цилин*) — мифическое животное, изображавшееся с телом сайги, хвостом коровы, шеей волка, копытами коня и мясистой шишкой лаподобие рога на голове, считался благовещим животным, его появление должно было символизировать мир и спокойствие, сопутствующие справедливому правлению. В современном дунганском языке чилинь — означает «жирафа». Фынхуон (кит. *фэнхуан*) — мифическая птица феникс, похожая на павлина, часто встречается на дунганских вышивках, в частности в сюжете «Фынхуон щид модань» — «Феникс играет среди ционов».

¹⁰ ...побольше нефрита — нефрит считался в древнем Китае чрезвычайно ценным священным камнем, изделия из нефрита использовались в ритуальных целях.

№ 5.

...собирал... навоз и продавал его — в Северо-Западном Китае навоз обычно использовался в сухом виде как топливо.

² Чжинчи — от чжин (кит. *цзин*) — «оборотень» и чи (кит. *чи*) — «дух», «жизненное начало». Сочетание чжинчи, видимо, малоупотребительно.

³ ...пощупал у больного пульс — в традиционной китайской медицине была чрезвычайно развита диагностика болезней по пульсу и разнице пульсов на обеих руках. Существовал специальный трактат «Мао цзин» («Книга пульс»), составленный в IV в. Ван Шу-хэ. К этой книге обращались и дунганские лекари, в частности ксилографическое издание этой книги было у пероглифически грамотного дунганского сказителя из Каракунуза Мамар-щянсына, занимавшегося также и лечением детей.

⁴ ...палетел желтый вихрь — см. прим. 1 к № 8.

№ 6.

¹ Шынбор, Шынмын и Шынфү — этимология имен героев этой сказки не совсем ясна; возможно, что Шын — это фамилия (соответствует кит. *Шэнь*), хотя она и не была распространена у дунган (ее нет в списке, составленном Ю. Яншансином [36, 159]).

² ...сто пятьдесят рублей — рубли, тецзы (от кит. тецзы — «наклейка», «ярлык», «бумажный знак», «бумажные деньги»); в дунганской сказке — редкий анахронизм.

³ ...золотые монеты — реально в старом Китае золотых денег не было.

⁴ Красные волосы — хун мо (кит. *хун мао*), возможно, признак злого духа.

⁵ ...к дому губернатора — перевод условный, в тексте чжунъюань (кит. *чжуанъюань*) — так в старом Китае называли людей, занявших первое место на экзаменах в столице на высшую ученую степень цзиньши. Чжуанъюань обычно получал и высокую должность, нередко за него отдавал замуж одну из своих дочерей император или кто-нибудь из министров. В сказках среднеазиатских дунган этим словом обозначается часто просто высокий государственный чиновник.

№ 7.

¹ Дуаньчжянь (букв. дуань — «короткий» и чжянь — «взгляд») — «мелкий, ограниченный человек». Дунг. дуаньчжянь — «недостаток», имеет еще значение «скряжничать» (ср. дуаньчжяньгуй (гуй — «черт» — «вредный человек»). Это последнее значение сохраняется и здесь. Имя присутствует и во втором варианте данного сюжета (см. № 8), где поясняется через чжянь — «хитрый». Дуань входит в состав имен и некоторых других также отрицательных героев дунганских сказок (см.: «Два брата» [14, 57—65]), где имя отрицательного героя пишется Жиндуань (точнее, видимо, Чжиндуань), а положительного — Жинчон (точнее, видимо, Чжинчон), где чон — «длинный» — имеет смысл прямо противоположный дуань. Этимология имени Понжыр (возможное истолкование — «Толстяк») не совсем ясна. В № 8 этот герой именуется Понвын, где Пон, видимо, просто фамилия (кит. *Пан*). Вместе с тем в старом Китае существовало представление о связи толщины и недюжинной силы героя (см. «Сказки о Ли Третьем Толстяке» [49, I, № 3, 331]). Сами дунгане-сказители объясняют этимологию имени Чжиндуань как «короткая жила», а Чжинчон — соответственно «длинная жила», Понжыр они толкуют как «чужак», что, возможно, связано с тем, что он не родной сын, а пасынок.

² ...овладел всеми восемнадцатью видами военного искусства (шиба ён ву и) — аналогичное выражение встречается и в китайских сказках, и старинных романах для обозначения прекрасного владения всеми восемнадцатью видами оружия (девятью так называемыми длинными — копьями, вилками, крюками, секирами и т. п. и девятью короткими — мечами, клинками, топорами, боевыми молотами, палицами и т. п.). По традиции считается, что еще древние теоретики военного искусства Сунь-цзы и У-цзы разделили все виды оружия на девять коротких и девять длинных, хотя конкретный набор в этом перечислении бывает неодинаков [см. 132, V, 156].

³ ...мог... поднять камень величиной с дом — в старом Китае, для того чтобы поступить в солдаты, человек должен был

пройти испытания, которые заключались в бое на мечах, стрельбе из лука и поднятии тяжелого камня [см. 161, 26—27], так что поднятие камня здесь явно связано с овладением военным искусством.

⁴ ...чудовище-мынгуцзы — в дунганском фольклоре огнедышащий змей (от монгольского мангус) с семью головами (подробнее см. Предисловие, стр. 22).

⁵ ...расшитая туфелька — хуахэй (кит. хуа се) — принадлежность женского наряда китайцев и дунган. Такая туфелька делается из материи, ее края украшаются вышитым растительным или благожелательным орнаментом, иногда изображаются герои легенд и сказок. По дунганскому обычаю, существующему и до сих пор, в дунганских деревнях в Киргизии и Казахстане девушка должна к свадьбе сделать себе такие вышитые туфли. Они назывались еще годир хэй (кит. гадир се), т. е. «туфли на высокой подошве» (подошва у них делалась из нескольких — 4—5 слоев сшитых между собой стелек). Невесте, и вообще девушкам, полагались туфли из красной материи, молодым женщинам — из голубой, пожилым — из черной и серой материи [26, 181—182].

⁶ ...явился оборотень-ёгуэй — обычное название оборотня, нечистой силы (кит. яогуай) в китайском и дунганском фольклоре и повествовательной литературе. Происходит от ё (кит. яо) — «обольстительный», «способный к превращениям» и гуэй (кит. гуай) — «странный», «удивительный».

№ 8.

¹ ...налетел желтый вихрь — в оригинале ломо хуон фын (кит. лао мао хуан фын) — був. «порыв бешеного желтого ветра (вихря)». Ю. Яншансин дает для хуон фын значения «шквал», «ураган» [36, 133], в нашем переводе сделана попытка сохранить цветовую характеристику вихря (хуон — «желтый»); желтый цвет вихря, по-видимому, есть образное обозначение песчаных бурь, нередко наблюдаемых в Северо-Западном Китае и даже в Пекине, когда ураганный ветер приносит с собой из пустыни Гоби массы желтого песка. В первом варианте этой сказки (№ 7) говорится о черном вихре хий фын (кит. хэй фэн), возможно, что там на вихрь перенесен эпитет оборотня, похищающего девушку. В китайском варианте, записанном в пров. Чжэцзян, например, героиню похищает черный орел, прилетевший вместе с вихрем [65, 67].

² ...висит доска с объявлением. — В оригинале хуон бон (кит. хуан бан) — от хуон — «желтый» (вариант «императорский») и бон — «деревянная доска», употреблявшаяся в древности и средневековье в Китае для объявлений. Сорвать объявление означало, что сорвавший берется выполнить требуемое в объявлении. Срывание доски с объявлением (возможно, бытовой жест) встречается во многих дунганских сказках, так же как и в китайских.

³ ...Вот тебе печать... — В старом Китае печать была знаком правителей всех рангов. При вступлении в должность он получал печать и при ней пояс, а также знамя как знаки полномочия. Печати обычно квадратные, иногда больших размеров (императорские примерно 30×30 см), резались из нефрита и других камней. Их ручки также украшались резьбой. Передача печати Дуаньчжаню означает в данной сказке передачу всех полномочий и командования войском.

⁴ ...денъги серебряные.— В старом Китае основной денежной валютой было серебро в слитках. В обращении были серебряные слитки *юаньбао* (дунг. юаньбо; в старых русских сочинениях — «ямб», «ямбовое серебро»). Обычно *юаньбао* — большой слиток серебра весом 50 ланов (1 лан примерно 37 г), были и слитки в 1, 2 и 5 ланов. При раслате серебряные слитки взвешивались и, если нужно было, разрубались на части. Кроме того, издавна существовала мелкая медная монета, обычно в связках.

⁵ ...стали глашатаи о его вступлении в должность объявлять — в старом Китае вступление в должность и вообще выезд сановника или чиновника был обставлен с большой пышностью. Вот как описывал такой выезд русский синолог и дипломат И. Коростовцев, много лет проведший в Китае (конец XIX в.): «При появлении на улице он (чиновник.— *Б. Р.*) окружен многочисленным свитом; выехать без нее значило бы не только уронить свое достоинство, но даже навлечь на себя порицание начальства. Размер и порядок следования кортежа, несомы при этом эмблемы и атрибуты власти подробно регламентированы церемониалом; например, мандарину 1-го класса предшествует большой красный зонтик с шаром на верхушке и два колоссальных веера с начертанными на них именем и рангом чиновника. В шествии участвуют копыносцы, жезлоносцы, алебардисты и знаменосцы. На желтых значках видна надпись: „очищай путь“ — предупреждение, подкрепляемое бичами и палками полицейских, отгоняющих зевак. Для облегчения прохода процессии по узким, загроможденным городским улицам, впереди и с боков едут мафу (коньки) на обвешанных погрешками и бубенцами мулах и лошадях... Сам да жэнъ (великий человек), в парадном платье... сидит в носилках или в колымаге, влекомый рослым мулом. Крик носильщиков и мафу, хлопанье бичей полицейских, бряканье бубенцов заглушают уличный шум и издали предвещают о проезде мандарина» [160, 96]. В случае назначения человека на высокий пост или получения им ученой степени на государственных экзаменах впереди паланкина еще бежали глашатаи, объявлявшие о доброй вести.

№ 9.

¹ ...вылез из-за стола, спрыгнул с кана.— В дунганском доме примерно треть комнаты занимает отапливаемая лежанка кон (кит. кан); в переводе сказки, чтобы не создавать двусмысленности, дается китайская форма, а не точное дунганское чтение. Перед едой на кан ставят низкий обычно квадратный столик на коротких ножках, за которым сидят поджав ноги. После еды столик убирают и ставят на ребро, прислонив к стенке дома [см. 26, 73].

² ...и спрячь в кошель.— В старину у дунган, одевавшихся в китайскую одежду, не было карманов, их заменял особый, вешавшийся на пояс, шитый матерчатый кошелек (к удэй, кит. коудай), куда клали деньги и другие предметы; иногда деньги клали в узкий и длинный «мешочек», перекидывавшийся через плечо.

³ ...поспели арбузы.— В оригинале просто гуа — общее название для бахчевых культур (арбуз по-дунгански щигуа, ср. кит. *сигуа*, т. е. «западная тыква», чем подчеркивается его происхождение из Западного края, по некоторым данным от уйгуров), принятие такого перевода основано на упоминании в тексте сказки красного цвета мякоти и черных косточек.

⁴ ...высокому чиновнику — чжунъюаню — см. прим. 5 к № 6.

⁵ ...волшебная трава — линцзыцо (кит. *линчжицао*, или *чжицао*, или *линчжи*) — постоянно упоминается в китайских и дунганских сказках, легендах, драмах. Считается, что это шестичветное грибовидное растение, цветущее будто бы трижды в год, люди находят тогда, когда государь осуществляет справедливое правление. Этому растению приписывается сила продлевать жизнь [см. 174, II, 397].

⁶ Волшебная вода — линцзыфий (кит. *линчжисуй*) — эквивалент живой воды русских сказок, в дунганских сказках встречается редко, случаи употребления в китайских сказках нам вообще неизвестны.

№ 10.

¹ Как же, должно быть, прекрасна ее хозяйка — как уже говорилось (см. прим. 5 к № 7), по традиции дунганские девушки вышивали сами к свадьбе себе туфельки, причем каждая, естественно, старалась вышить их лучше. Это было как бы проверкой мастерства девушки.

² ...усадили... в паланкин и унесли — т. е. унесли как невесту, которую полагалось обязательно нести в паланкине в дом жениха.

№ 11.

¹ ...по фамилии Ма. — Ма — самая распространенная фамилия среди дунган. В Китае бытует даже такая поговорка: «Шыгэ хуэйхуэй — чжюэ ма» («Из десяти дунган — девять по фамилии Ма»).

² Юца — заваренная в кипятке поджаренная мука; еда бедняков.

³ ...в пятницу. — Пятница (джума) — праздничный день у дунган, исповадовавших мусульманство. Почему здесь упомянута суббота, неясно.

⁴ ...через окошко в крыше. — Раньше в дунганских домах делалось на крыше нечто вроде отверстия — «фальшивой» трубы для вентиляции, которое покрывалось сверху, чтобы не капал дождь. Называлось оно *тяньчун* — букв. «небесное окно».

⁵ ...паланкин, который несли восемь носильщиков — т. е. так называемое *батэйчжэ* (кит. *батайцзяо*). В старом Китае паланкины, которые были одним из основных средств передвижения всех состоятельных людей, делались нескольких видов. Самый легкий несли на шестах, положенных на плечи, два носильщика, самый большой — тридцать два; чаще всего носильщиков было четверо. В дунганских сказках постоянно упоминается именно *батэйчжэ* — паланкин с восемью носильщиками, по два с каждого конца. Они несли на плечах короткие налки, к которым были прикреплены вертикальные бруски, а уже к ним на уровне пояса крепились шесты, поддерживающие паланкин. Наиболее раннее изображение такого паланкина обнаружено на сокровищнице-копилке рубежа н. э. из южнокитайского царства Дян.

⁶ А фла — ритуальная еда, которая готовится на сотый день после правника, называемого Малый Хайд, из семи видов бобовых и злаков: бобов, фасоли, гороха, турецкого гороха-пуг, гороха-маш, пшеницы и риса. А фла готовится только женщинами в память о дочери пророка Мухаммеда Фатимы, жены пророка Али. По преданию, после ухода пророка Али на войну, его дети голодали. Чтобы как-то успокоить детей,

Фатима налила в казан воды и бросила туда семь камней. Когда ее отец, пророк Мухаммед, вернулся домой, он стал молиться, и Аллах превратил камни в кашу.

№ 13.

¹ И чо н и И ду а н ь — имена, содержащие в себе значимые элементы: чо п — «длинный» (в смысле «положительный») и ду а н ь — «короткий» (в смысле «отрицательный», «недостаток»). Чо н, может быть, связано со старшинством героя, отсюда возможное объяснение, почему именно старший брат в данной сказке герой положительный, а младший (короткий) — отрицательный (ср. также этимологию имен, прим. 1 к № 7).

№ 14.

¹ Этимология имен Чюшбин и Понтун не ясна.

² ...давай по братаемся — братание было весьма популярно в старом Китае среди молодежи, особенно когда юноши отправлялись в дальние края на поиски удачи или вообще во время пути. Наиболее простой вид братания — устная клятва, не сопровождаемая никакими особыми церемониями. Именно так поступают и герои данной сказки. Более серьезным считалось братание с обменом особыми карточками, на которых писались имена заключающих братский союз, происхождение, социальное положение, возраст, а также перечислялись все родственники. С этими карточками отправлялись в храм Гуань-ди, читали особые молитвы, написанные на желтой бумаге, которая потом сжигалась [см. 154, 186—187]. У дунган еще существовало особое братание, когда браталось сразу десять человек (шы да ди цю н). Узы такого союза считались даже более прочными, чем отношения между родными братьями.

³ ...научился читать гадательные таблицы — речь, видимо, идет о специальных гадательных таблицах с изображением триграмм (прерывистых и длинных линий), а также циклических знаков, по которым производились гадания.

№ 15.

¹ ...два приемных сына — в старом Китае был весьма распространен институт усыновления детей бездетными родителями. По некоторым данным (конец XIX в.), 5% всех семей имело усыновленных детей, часто были случаи усыновления, например, племянников [201, 125]. За всем этим нельзя не видеть особой заботы о продолжении рода и обязанности не прерывать жертвоприношения душам усопших предков.

² ...ровно сорок дней, как умерли наши родители — в сороковой день после смерти, по поверью дунган, происходит последнее прощание с душой усопшего, покидающей в этот день дом, где жил умерший. После этого у шэньсийских дунган прекращается ношение траурной одежды, в комнате, где лежал покойник, тушится свет, горевший все эти дни. В этот день раздают вещи умершего и устраивают поминки (иногда их повторяют и на сотый день), чтобы задобрить душу умершего [подробнее см. 26, 251, 254].

³ ...совершал жертвоприношение — жертвоприношения всякого рода были чрезвычайно распространены у китайцев с глубокой древности, у дунган, исповедовавших мусульманство, также были свои

жертвоприношения (цзэй гурбани); в жертву полагалось приносить овцу, корову, верблюда или красного петуха [см. 26, 265]. При этом кости жертвенных животных не разбрасывались, а собирались и зарывались в землю. Существовало поверье, что на том свете эти кости вновь срастаются, и животное принимает свой прежний вид. Когда умирает человек, пришедший жертву, то животное это на своей спине переносит душу усопшего через мост над пропастью, в которой кишат змеи, скорпионы и прочие ядовитые твари.

№ 16.

¹ Аллаху молился — в тексте букв. Худа — слово иранского происхождения, давно заимствованное дунганями для обозначения мусульманского бога Аллаха, «в повседневной жизни больше употребляется термин Худа» [26, 249], чем Аллах. В сказках, по нашим наблюдениям, также встречается преимущественно этот иранский термин. Он же используется у дунган как восклицание «Худа — я!» — «О боже!»

² ...учился он в западной школе — западная школа (цзюэ) — возможно, переосмысленное омонимичное сочетание (кит. *сиюэ*), означающее «частная школа».

³ ...колокольчики звенят — дунганские девочки и молодые женщины любят влетать в косы небольшие серебряные колокольчики, которые издают во время ходьбы мелодичный звон. Молодые женщины в первый год замужества носят колокольчики и на шиколотках. По свидетельству В. Цибузгина и А. Шмакова, описывавших быт дунганских переселенцев из Шэньси в начале XX в., дунганские девушки тогда еще украшали головы искусственными бабочками, к которым прикреплялись маленькие серебряные бубенчики [см. 31, 7].

⁴ ...узоры на туфлях вышиваю — см. прим. 5 к № 7.

⁵ ...десять тысяч тецзы — тецзы в языке среднеазиатских дунган — рубль (подробнее см. прим. 2 к № 6).

⁶ ...из-за шкафчика, что на кане стоял — в дунганском доме на кане (см. прим. 1 к № 9). У стены, выходящей на улицу, обычно стоят небольшие деревянные шкафчики, на которые кладутся днем сложенные одеяла.

⁷ ...два бессмертных шынцяня (кит. *шэньсянь*) — святой, бессмертный, обычно помогающий герою. Образ этот заимствован из даосской мифологии китайцев.

№ 17.

¹ ...по имени Чисань — этимология имени не совсем ясна; сань, видимо, «три», отсюда Чисань может быть истолковано как Третий сын из рода Чи, однако в списке дунганских имен, составленном Ю. Яншансином, есть имя Чисаньдзы («дзы» — суффикс), именно как целое имя, почему мы и пишем Чисань слитно, а не раздельно, как фамилию и имя. Народную этимологию этого имени см. в Предисловии.

² ...торговать за Великую стену — в оригинале кувэй (кит. *кувай*), букв. «за пределами горных проходов», или за Великой стеной. Так в старину в Китае именовали земли Монголии.

³ ...за блюдечками с овощами — дунгане обычно подают на стол блюдечки с мелкопарезанными овощами (огурцы, лук, черемша, редиска, чеснок, зеленый перец и т. п.), посыпанными острым красным перцем и политыми дунганским уксусом, сделанным из пшеничных отрубей.

⁴ ...драгоценный меч — здесь дан буквальный перевод: в оригинале бо чжянь (кит. *бао цзянь*), т. е. «волшебный меч».

⁵ ...чудовищ-оборотней (в оригинале чыпли чжинди гуэйво) — точнее, ставшие оборотнями чудовища. Этимология дунгайского слова гуэйво, зафиксированного в словаре Ю. Яншаисина [36, 34] со значением «диковина», «чудовище», не совсем ясна. Гуэй (кит. *гуай*) — имеет значение «странный», «удивительный» (см. выше ёгуэй (кит. *яогуай*), возможно, восходит к китайскому *у* со значением «вещь», «тварь».

№ 18.

...паука-чжу — чжу сокращенно от чжучжу — «паук» (ср. кит. лит. *чжичжу*, пекинское диалектальное *чжучжу*).

№ 19.

¹ Чжён Нэ (кит. Цзян Э) — этимология имени не ясна. Хотя у среднеазиатских дунгай, где записана эта сказка, фамилия Чжён не встречается, мы привяли раздельное написание, исходя из того, что среди китайцев фамилия Цзян (Чжён) встречается весьма часто.

² Сына старухи звали Фань Ичу — само имя отрицательного героя в дальнейшем тексте сказки обыгрывается как Неблагодарный (букв. «наоборот (фань и) думает мстить (чу)»). Сам сказитель пояснил имя через фань — «обратный» и чу — «вонь», толкуя это имя как «расплачивающийся злом за добро».

№ 20.

¹ Ло да... — см. прим. 1, 2, 3 к № 3.

² ...злой дух — гуй — гуй — неуспокоенная душа умершего насильственной смертью или незахороненного на родовом кладбище, а также общее название демонов, привидений, чертей, злых духов, вредящих людям.

№ 25.

¹ ...гань мяньтёр — заготовленная впрок сухая лапша, типа макарон, которую можно было держать долгое время.

№ 31.

¹ ...Лушын — один из богов китайского народного пантеона.

² Чжущын и Цэйшын — божества китайского народного пантеона. Цэйшын (кит. Цай-шэнь) — бог богатства; кто такой Чжущын, не совсем ясно, сам рассказчик пояснял чжу как хозяин, а шын как божество, понимая это слово как Верховное божество.

³ ...деньги на питки и иголки не расходуйте — по всей вероятности, речь идет о приданом невесты.

⁴ ...высокая прическа с чжюаньчжюаньцзы — чжюаньчжюаньцзы — особый каркасик из черного лакированного картона (напоминающий собой маленькое седло), который подкладывался, чтобы сделать высокую прическу, полагавшуюся в торжественных случаях замужней женщине.

№ 32.

¹ ...двадцать лёнов — в старом Китае основной денежной единицей считался лян (в старой русской транскрипции лан) серебра, т. е. некое условное количество серебра, весом примерно 31—37 г. Китайские ланы бывали круглой и удлиненной формы. При расплате ланы взвешивались и исследовались с целью определения, нет ли в них примеси свинца. В случае мелкой расплаты лан разрубали на кусочки [см. 160, 225, 226].

² ...почью, во вторую стражу — т. е. с 9 до 11 часов вечера.

³ Почтенный лое.— Лое (кит. *лао*е), букв. «почтенный господин» — почтительное обращение к чиновнику, в сказках — обычно к уездному начальнику.

№ 34.

...близ Куньмина — Куньмин — главный город провинции Юньпань.

№ 37.

¹ ...после Эрдаэ — имеется в виду Хайд-эльфитр, или Малый Хайд — праздник по случаю завершения тридцатидневного мусульманского поста, во время которого есть разрешается только до восхода и после захода солнца. Мусульмане-хуэй Северо-Западного Китая празднуют Эрдаэ особенно пышно [25, 431].

² ...заперла... в маленьком дворике позади дома — т. е. превратила в затворницу — гуйнюй. По обычаю, широко распространенному в старом Китае, у китайцев и дунган, особенно в богатых семьях, девочка по достижении определенного возраста (иногда 7—11 лет) становилась затворницей, ей не разрешалось до самого замужества выходить из дома. Ее уделом был дом и маленький дворик позади него. В знатных семьях для девочки строили даже специальный отдельный терем. В пережиточном виде эта традиция еще долго сохранялась, например, среди шаньсийских дунган Семиречья.

³ ...песенок-хуар. — Хуар, букв. «цветочек» — название песенного жанра (иначе *шопянь*, кит. *шаонянь* — «молодежь») типа частушки, широко распространенного в северо-западных провинциях Китая. Хуар — это обычно цепь четверостиший, в каждом из которых первые две строки представляют собой зачин, посвященный одной теме — нередко героям историко-эпических сказаний, а вторые пары строк — любовной, лирической теме. Если мысленно соединить порознь первые пары строк всех куплетов, как соответственно и вторые, то получится две отдельные связанные песни.

⁴ ...купил тебе Хэчжоу гэйтю.— Хэчжоу — город в провинции Ганьсу, часто упоминаемый в дунганских пародных песнях и сказках; гэйтю (кит. *гайтоу*) — платок, которым женщины-дунганки покрывают голову.

⁵ ...хадме — подношения, которые верующие мусульмане делают ахуну.

⁶ ...дува — различные «магические» вещи, с помощью которых ахун будто бы лечит больных (наговорная вода, волосы и т. п.).

⁷ Нинся — провинция в Северо-Западном Китае.

№ 41.

¹ ...заметила вдали землянку.— В Северо-Западном Китае, откуда пришли предки среднеазиатских дунган, вообще значительная часть бедного населения жила в лессовых пещерах и землянках.

№ 43.

...торговца, что рабов продавал.— В старом Китае даже в конце XIX в. еще практиковалась продажа людей в рабство. В голодные, неурожайные годы родители нередко продавали в рабство детей. Муж, недовольный своей женой, также мог продать ее. Осужденные на ссылку преступники нередко становились домашними рабами офицеров пограничных гарнизонов, местных чиновников и т. п. Раб получал имя хозяина, терял свое собственное и становился полной собственностью хозяина [см. 160, 291—292].

№ 44.

¹ ...старец Хизир — т. е. один из мусульманских святых, проповедник, помогающий людям (подробнее см. Предисловие).

² ...с чайником в руке — видимо, чтобы полить государю во время умывания.

№ 45.

¹ ...город Гучын (в оригинале Гучынцзы) — небольшой город в Северо-Западном Китае.

№ 49.

¹ ...кормят мантами с начинкой из человеческого мяса.— Манты, точнее, маньту, а также боцзы (кит. *маньтоу*) — испеченные на пару пирожки типа больших пельменей с начинкой из мяса, иногда из мяса с овощами. От дунган эта еда была заимствована и другими народами Средней Азии, например узбеками, сохранив у них и название в форме «манты».

№ 51.

¹ ...харчевню с арабской вывеской.— В Китае, где живет много мусульман, на харчевнях, где не подают свинины, обычно вешают изречения из Корана на арабском языке типа: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его» [см. 26, 160].

№ 52.

¹ Гадатель Мын.— В оригинале Мын-щяньсын, где Мын — фамилия, а *щяньсын* (кит. *сяньшэн*) букв. «прежде рожденный» — почтительное обращение, соответствующее старому русскому «господин», «учитель». В старом Китае (в том числе у дунган) это слово в народе обычно прилагалось в качестве уважительного к лекарям и гадалщикам. Например, упоминавшегося выше дунганского сказителя Мамара из с. Каракуруз, который также занимался врачеванием детей, все звали Мамар-щяньсын. Здесь мы приняли для *щяньсын* перевод — «гадатель».

² ...дал ей мягкие одеяла.— Дунгане, которые обычно спят на кане, не употребляют матрацев; на кан, покрытый войлоком, кладут-

ся стеганые одеяла, такими же одеялами и покрываются сверху. (Вообще большое количество одеял в дунганском доме — днем их складывают на шкафчик, стоящий на кане вдоль фасадной стенки — признак зажиточности хозяев). Вот почему, говоря о мягкой постели, жена просит у своего отца не матрац, а одеяла. Ранее дунгане клали на камышовые циновки.

³ Однопо звали Чжон Сань, другого Ли Сы — т. е. Чжон Третий, Ли Четвертый — самые популярные имена для второстепенных героев в речи дунган и китайцев, в различных рассказах или пословицах (ср. русское Иванов, Петров, Сидоров...).

№ 53.

¹ Отпесли ее на высокое место, закопали глубоко. — По старым китайским обычаям место для похорон выбиралось особо тщательно, с помощью специальных гадалщиков, исследующих рельеф местности. Хорошая могила рылась обычно на южном склоне холма, она должна была быть глубокой и обязательно сухой. Считалось, что от удачно выбранного места могилы зависит судьба (успехи) родственников, оставшихся в живых. В дунганских сказках весь сложный китайский обряд выбора могилы не описывается, но часто упоминается именно глубокое захоронение на высоком месте; го тэй; шын мэй — букв. «высоко поднять, глубоко закопать».

№ 54.

¹ Кон дун — дымоход, проходящий под отопляемой лежанкой-каном.

№ 58.

¹ В тексте явная неувязка, выше говорилось, что плепивый получил в жены дочь бая.

№ 61.

¹ Пери — слово иранского происхождения, вошедшее также и в некоторые тюркские языки Средней Азии, например узбекский, обозначает волшебное существо. В фольклор среднеазиатских дунган попало, видимо, из сказок соседних тюркских народов, однако встречается в дунганских сказках довольно редко.

² е ж ы н г у й — букв. «дух дикого человека» — страшное существо, упоминаемое время от времени в дунганских сказках.

³ ё м о г у г у э й (кит. *яомогугуай*) — букв. «дух-оборотень» — страшное существо, нередко упоминаемое в дунганских сказках, разновидность оборотней-ёгуэй.

⁴ з м е й - м о н (кит. *ман*) — официально ман-дракон о четырех когтях, но в фольклоре обычно огромный змей, гигантский удав.

⁵ Девуцзы — слово иранского происхождения (дэв), вошедшее и во многие тюркские языки (в том числе в казахский и киргизский), откуда оно, видимо, и попало в дунганский, получив дополнительно суффикс цзы, однако в дунганском фольклоре встречается редко.

№ 62.

¹ слуга Фын — т. е. просто ветер.

² юэдын — месяц-лампа, т. е. луна светит вместо лампы.

Аналогичные ответы встречаются и в опубликованном Х. Юсуровым дунганском варианте «Истории Щюэ Пингуя» [13, 129].

№ 63.

¹ В о н Да — т. е. Вон (фамилия, кит. Ван) Старший; и В о н Ху — т. е. Вон Младший, букв. «последний».

№ 64.

¹ Дунгане пекут паровые хлебцы, кладя их на специальную решетку, вставленную в котел, или же делают лепешки, налепляя их на стенки горячего котла.

² Б о — видимо, «драгоценность, сокровище»; Л я н ь х у а — «лотос».

³ В тексте г у т у н д а ч я н ь ц з ы, что может быть понято как «древние бронзовые плоскогубцы», однако странно, чтобы юаньвэй послал их за поясом, да и плоскогубцы плохо подходят в качестве своеобразного знака для опознания после долгой разлуки. Как говорилось выше, для этой цели обычно ломали круглые предметы. Может быть, здесь должно быть древнее большое бронзовое зеркало — г у т у н д а ч ж и н ц з ы, а плоскогубцы есть лишь результат народной этимологии.

⁴ Х а н ч ж о у — красивейший город на берегу оз. Сиху в провинции Чжэцзян, столица династии Южная Сун (1127—1279). В Ханчжоу происходит действие многих старинных китайских народных повестей, считается, что эти повести были созданы именно в сунское время.

⁵ В тексте явная ошибка, так как Ханчжоу, где происходит действие, находится в Восточном Китае, где теплый, мягкий климат. Ханчжоу никак не может быть отнесен к горной, судя по описанию одежды, суровой местности. Такой сдвиг легко объясним давней оторванностью среднеазиатских дунган от Китая и незнанием рассказчиком географии Китая.

№ 65.

¹ Х у а р ч ж е — букв. «сестрица-цветок», модификация обычного у дунган женского имени Хуар [36, 167] за счет прибавления к суффиксу э р еще морфемы ч ж е — «старшая сестра».

² См. прим. 1 к № 53.

№ 66.

¹ Л и Ч ж я в о н — по всей вероятности, не имя, а просто «князь из семьи Ли», воспринимаемое рассказчиком как имя героя и объясняемое им как «князь вдали от дома».

² Б е з д е л ь н и к. — Перевод условный, в оригинале дунчжя-в о н — букв. «князь, сидящий дома на корточках». Сидение на корточках где-нибудь у стены дома у дунган, как и у других народов Восточной Азии, едва ли не основной вид отдыха крестьян.

³ Ч у д е с н ы й к а м е н ь. — В оригинале б о ш ы (кит. бао ши) — букв. «драгоценный камень», в дунганском фольклоре эпитет б о имеет скорее значение «чудесный, волшебный»; здесь имеется в виду даже не чудесный камень, а волшебное средство вообще, с помощью которого герой становится невидимым.

⁴ П е ч а т ь — т. е. символ власти (подробнее см. прим. 3 к № 8).

№ 67.

¹ См. прим. 1, 2, 3 к № 3.

² Шы с а нь — этимология имени не совсем ясна, возможно, оно происходит от шы — «подбирать», поскольку герой подобрал мальчика на дороге, и с а нь — слог из имени самого героя, поскольку в Китае братьям обычно давали имена, имеющие по одному одинаковому слогу.

³ См. прим. 3 к № 7.

№ 68.

¹ Х а ш ы — город Кашгар в провинции Синьцзян.

² Этим молоком они омыли юношу. — Об обмывании тела покойника молоком у дунган ничего не известно. По словам стариков, в прежние времена молоком обмывали, однако, человека, в которого попала молния.

№ 71.

¹ В деревне Чжищянь (кит. *цзисьянь*) — букв. «Собрание мудрецов», или, как иногда переводят, «Собрание талантов» [203, II, 326].

² «Сперва три государя, потом пять правителей; Е уступил престол, Фын ему наследовал», — Три государя — мифические правители глубокой древности у китайцев: Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди; пять правителей — тоже мифические государя: Тай-хао, Янь-ди, Шао-хао и тот же Хуан-ди (в разных памятниках оба эти набора несколько отличаются друг от друга); Е (кит. Ю) — мифический государь, царствование которого (будто бы с 2356 по 2255 г. до н. э.) всегда считалось периодом мудрого и гуманного правления, на старости лет он сам уступил престол столь же гуманному человеку, которого звали Шунь (дунг. Фын).

³ ...семьдесят две звезды на небе. — Имеется в виду семьдесят два созвездия, которые китайские астрологи называли «земными созвездиями», считая, что они населены злыми духами. Никаких цитр с семьдесятю двумя струнами реально не существовало (в повести XVI—XVII вв. упоминается семиструнная цитра), однако следует заметить, например, в «Истории династии Юань» говорится о семидесятидвухструнной лютне — *núna*.

⁴ ...по тридцати шести звездам у Млечного Пути. — Имеются в виду тридцать два созвездия, которые астрологи называли «большими небесными созвездиями» и которые тоже считались населенными злыми духами. Воплощением духов этих ста восьми созвездий (72 + 36) считались герои эпопеи Ши Най-аня «Речные заводи», эпизоды из этой книги также умел рассказывать Чжонтяньхэ, от которого записана данная сказка.

⁵ Князь Вын-вон добавил струну ло, князь Ву-вон добавил струну чжон. — Имеется в виду князь Вэнь-ван (дунг. Вын-вон) — отец основателя чжоуской династии У-вана (1122—1115 гг. до н. э.) (дунг. Ву-вон). По преданию, древняя цитра будто бы имела только пять струн, а «затем, когда князь Вэнь-ван находился в заключении в Юли, он, оплакивая сына своего Боикао, добавил одну струну, и появились чистые звуки глубокой печали и безысходной тоски... Когда же У-ван пошел походом на [жестокого правителя] Чжоу, то песнь раздалась в войсках, и ликование было в народе. И вот тогда добавлена

была еще одна струна, и родились мощные звуки взлета чувств, звуки боевого подъема» [203, II, 322]. С тех пор у цитры-де стало семь струн. В нашем варианте вся числовая символика иная, что, возможно, объясняется незнакомством с цитрой ни самого сказителя, ни его аудитории. Почему струны эти называются ло и чжон, неясно.

⁶ В небо поднимаются восемь звуков — по всей вероятности мы имеем здесь дело с фантазией самого сказителя. Восемью звуками (кит. *ба инь*) в старом Китае называли восемь типов звучания инструментов, сделанных из восьми разных материалов: металла, камня, глины, дерева, кожи, тыквы-горлянки и трубок бамбука, а также шелковых струн, но ни о каких трех типах звуков речь, видимо, не шла.

⁷ Восемь триграмм — чянь, кун, гын, чжын, сун, ли, кань, дуй — восемь комбинаций цельных и прерывистых черт, символизирующих, согласно древнекитайским натурфилософским представлениям, диалектику мироздания. Две основные триграммы: чянь (кит. *чянь*) — из трех цельных черт и кун (кит. *кунь*) — из трех черт с просветом (прерывистых) — соответствуют небу и земле, гын (кит. *гын*) — горю, чын (кит. *чжэнь*) — грому, сун (кит. *сюнь*) — ветру, ли — огню, кань — воде, дуй — водоему [подробнее см. 195, 16—18].

⁸ восемь направлений — четыре основных направления: Север, Юг, Восток, Запад и четыре промежуточных: Северо-Восток, Юго-Запад и т. д.

⁹ ...жертвенных бумажных денег. — В старом Китае существовали специальные бумажные деньги, не имевшие реального хождения, которые сжигались при жертвоприношениях на могилах. Считалось, что эти деньги попадут в руки покойного и он сможет воспользоваться ими в загробном мире.

№ 72.

¹ Хань Шин (кит. Хань Синь) — известный государственный деятель конца III в. до н. э. (подробнее о нем и других персонажах данного сказания см. в разд. «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок», № 72).

² Князь трех знамен. По-видимому, есть позднее переосмысление другого омонимичного титула Хань Синя — Саньциван — князь Трех Ци, под которым он фигурирует в китайских и монгольских сказаниях. Три Ци — название трех областей древнего царства Ци, на которое оно было разделено по приказу чуского Бавана, о котором рассказывается в данном сказании.

³ Ичон — обычное имя положительного героя в дунганских сказках о двух побратимах — добром и злом (см. прим. 1 к № 7).

⁴ Бавон (кит. Ба-ван) — букв. «гегемон», так в истории Китая называли чуского правителя Сян Юя (232—202 гг. до н. э.).

⁵ ...к князю Говону (кит. Гао-ван) — т. е. в действительности не к князю, а к основателю ханьской династии Гао-цзю.

⁶ ...берега реки Уцзян — река в пров. Аньхой.

⁷ ...девушку Чынцонью — имя девушки, по-видимому, означает «девушка из Чынцона». Чынцон (кит. Чэньцан) — название горы и древнего города, находившегося на месте нынешнего города Баоцзи в пров. Шэньси. Чэньцан упоминается в жизнеописании Хань Синя, а также в одной из драм о нем, где говорится, что Хань Синь тайно переправился через реку Чэньцан [194, 35]. Возможно, именно подле этой

реки, согласно преданиям, и был убит дровосек, а отсюда, если предположение наше правильно, происходит и имя девушки, в которую после смерти воплотилась душа убитого.

№ 73.

¹ ...правил Китаем император Гуон-хуэй. — По-видимому, имеется в виду император Вэнь-ди династии Суй, правивший с 581 по 604 г. (подробнее о нем и других героях данного сказания см. в разд. «Источники и анализ сюжетов дунганских сказок», № 73).

² Так вот... от чего я заболел, кто-то поставил здесь мою статую — в этой фразе содержится намек на возможность использования изображения героя для насылания на него различных колдовских (магических) чар (ср. аналогичную ситуацию в № 14 и объяснения в анализе сюжетов, к № 14).

№ 74.

¹ Цюэ Жынгуй (кит. Сюэ Жэнь-гуй) — знаменитый полководец (614—683) (подробно о нем см. в разд. «Источники и анализ сюжетов...», № 74).

² Б а л ы н г у (кит. бацзягоу) — маленький восьмигранный барабанчик, деревянный корпус которого обтянут змеиной кожей, с боков к нему привешивалось еще семь тонких медных колец. Его трясут или ударяют в него пальцами. Впервые появился в XVIII в. в маньчжурской армии, впоследствии получил популярность в народе. В старом Китае торговцы разными товарами использовали для привлечения покупателей различные музыкальные инструменты. Разносчики, торговавшие мануфактурой, ходили именно с маленькими барабанчиками; в Пекине, например, — с круглым, на длинной ручке.

³ ...в пятую стражу — см. прим. 9 к № 2.

⁴ ...семь отверстий головы — глаза, рот, ноздри и отверстия в ушах.

⁵ Х о л у н д у а п ь — одежда огненного дракона (подробнее см. в разд. «Источники и анализ сюжетов...»).

⁶ Небесный государь (Тянь-ди) — верховное божество китайской народной религии, представление о нем сложилось в средние века (примерно в VII—X вв.).

⁷ ...они освежали тигра, вынули сердце, печень, легкие... — по древним китайским (и дунганским) представлениям, преимущественно важные части тела животного, которые приносились в жертву при первых династиях. Согласно народным верованиям, легкие считались обиталищем животной души, поедание печени увеличивало храбрость (известно, что палачи в былые времена специально продавали для этого печень обезглавленных разбойников) [см. 160, 145].

⁸ Ч ж о н С ы г у й (кит. Чжан Ши-гуй) — известный полководец VII в. (подробнее о нем см. в разд. «Источники и анализ сюжетов...»).

⁹ ...в одном лагере двух «гуев» держать не годится. Имена Сюэ Жэнь-гуй и Чжан Ши-гуй оканчиваются одним и тем же слогом гуй — «драгоценный», который произносится похоже на гуй — «черт», отсюда и возможный второй смысл этого выражения (подробнее о возникшей коллизии см. в разд. «Источники и анализ сюжетов...»).

¹⁰ Ч ж и н д ы й - ю а н ь в э й — известный полководец Вэйчи Гун

(585—685), второе имя которого было Цзин-дэ (дунг. Чжицдэй). Цзин-дэ прославился в боях за установление династи Тан, а на склоне лет своими занятиями магией.

¹¹ ...по связке монет — в старом Китае медные монеты делались с дыркой посередине и нанизывались в связки.

¹² ...на пальцах загадывают — очень распространенная в старом Китае застольная игра *цэйцюань* (дунг. цэй чю ань). Первоначально заключалась в отгадывании числа загнутых пальцев, впоследствии различное положение пальцев стало соответствовать различным подразумеваемым предметам. Проигравший обычно должен был выпить штрафную чарку.

¹³ Горы Чжинсатань — явно ошибочное переосмысление, так как в старинном романе «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток», на котором основан данный сказ, речь идет об Отмели золотого песка — Цзиньшатань (дунг. Чжинсатань), а не о горах.

¹⁴ Гэй Сувын (кит. Гай Су-вэнь) — корейский полководец VII в.; по-корейски его имя звучит Кэ Сомун, неоднократно упоминается в «Истории династии Тан» и различных сочинениях по истории Китая.

¹⁵ ...девять котлов с девятью решетками. — Дунгане обычно вставляют в котел, куда налито немного воды, специальную деревянную решетку, на нее кладется пицца, которая готовится на пару.

№ 75.

¹ Печать — см. прим. 3 к № 8.

² ...которая из девяти голов оборотни настоящая? — см. об этом в разд. «Источники и анализ сюжетов...», № 9.

³ ...схватить его за косу. — В Китае при маньчжурской династии Цин (1644—1911) все мужчины обязаны были носить косы как знак повиновения завоевателям.

№ 76.

¹ ...никто им еду и не носил. — В старом Китае арестованные в тюрьме должны были содержать сами себя, еду им обычно приносили родные. Вот почему приказ императора, запрещающий носить еду людям из рода Щё, должен был фактически обречь их на голодную смерть.

² Ма Сань — т. е. Ма Третий, распространенное у дунган имя.

³ ...к берегу озера. — В оригинале хэй цзы, что в современном дунганском языке обычно значит «озеро», в отличие от хэй — «море». Здесь же эти попятия, видимо, спутаны, и речь, возможно, должна идти не об озерном, а о морском скакуне.

⁴ ...зажгли жертвенные деньги — см. прим. 9 к № 71.

№ 77.

¹ Чжэцзян — провинция в Восточном Китае.

² Бэй Юйлун — по-видимому, Белый Нефритовый дракон; «Белый» здесь, однако, может быть и просто фамилией, весьма распространенной в Западном Китае, откуда пришли предки среднеазиатских дунган.

³ Шаньдун — провинция в Восточном Китае (на п-ове Шаньдун); Чжили — провинция в старом Китае (район Пекина), совр. Хэбэй.

⁴ Хубэй — провинция в Центральном Китае.

⁵ ...в Сычуани в Чэнду. Чэнду — главный город провинции Сычуань в Юго-Западном Китае.

⁶ Сун Эр-нэнь (кит. Сунь Эр-нян) — героиня романа «Речные заводи», известная в основном тем, что помогала молодцам-разбойникам.

№ 78.

¹ ...за шестьсот рублей — явный анахронизм (см. прим. 2 к № 6).

² ...соевый соус и уксус — два основных вида приправ у дунган, как и других народов Дальнего Востока.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АаАн — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- ВА — «Вестник Азии». «The Gerold of Asia». Журнал Об-ва русских востоковедов в Харбине.
- ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР». Л.
- ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР». М.—Л.
- КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М.—Л.
- НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
- СВ — «Советское востоковедение». М., (1956—1959).
- АаTh — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and Enlarged by St. Thompson (FF Communications № 184). Helsinki, 1964.
- BEFEO — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», Hanoi.
- Eb — Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen (FF Communications № 120). Helsinki, 1937.
- EbBo — Eberhard W., Boratov P. N. Typen Türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.
- FFC — Folklore Fellow Communications.
- Ik — Ikeda Hiroko. A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature (FF Communications № 209). Helsinki, 1971.
- ThMot — Thompson St. Motif-Index of Folk-literature. Vol. 1—6 (FF Communications № 106). Helsinki, 1932.

ИСТОЧНИКИ И АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ ДУНГАНСКИХ СКАЗОК

№ 1.

В оригинале «Чжон Дачжэ да ечжи», зап. М. Хасановым в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР от Щимеевой Цунхуа. Шэньсийский вариант. Перевод И. Юсупова¹. Дунганский текст опубликован [см. 7, 42—48]; Eb 39 («Царь драконов выполняет желание»); ср. AaTh 560 (Th Mot: D817.1 + L161 + D1131.1) + 465, Ik470* («Дворец дракона») и 470A («Подарок из подводного царства»).

Сказка представляет собой один из наиболее популярных у народов Восточной и Центральной Азии сюжетов о спасении сына (или, в некоторых недунганских вариантах, дочери) царя драконов (змея), приглашении посетить подводное царство и получении волшебного предмета, в котором заключена дочь (или дочери) царя драконов, на которой и женится герой.

Подобные сказки записаны во множестве вариантов у китайцев (главным образом в Восточных провинциях: Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун, а также в Сычуани и Хэбэе) [см. 96, 64—65; 46, 257, 265], у чжуан [49а, I, 397—404], русский перевод под названием «Лао Сань и чиновник» [82, 301—309], у хунаньских мяо «Плотник и дочь царя драконов» [38, 286—290], у народности ли [49а, I, 509—515], русский перевод под названием «Драгоценная шкатулка» [82, 416—423], правда, без прямого указания на то, что чудесная жена, бывшая в образе красной рыбки,— дочь царя драконов, у кава «История Ана и дочери дракона» [54, II, 52—55], у тибетцев «Бедняк и дочь дракона» [63, 66—72], у тангутов в Амдо «Дочь водяного царя» [180, II, № 8а, с 149—152], у аларских бурят «Сирота и желтая собака» [75, 51—56], у саларов провинций Цинхай («Гэсайжи и Айна» [45, 94—104], а также «О мудрой жене» [197, № 54] и в сильно трансформированном виде — «О хитреце» [197, № 55]), у дунсянов (монгольская народ-

¹ Оригиналы всех сказок, записанных М. Хасановым и И. Юсуповым, хранятся в Рукописном фонде Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инвентарный № 4076. Записи, сделанные Б. Рифтиним, хранятся у собирателя. Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность С. Ю. Неклюдовой, Е. М. Мелетинскому и М. Хасанову за помощь советами и замечаниями.

ность в Ганьсу («Собака и кошка» [198, 88—93]), а также у корейцев [96, 65л; 146, 401—403] — «Сын тысяченожки» и вьетнамцев (вьетов) («Как рыбак женился на дочери водяного короля» [81, 61—65]), в сильно трансформированном виде этот сюжет известен и на Филиппинах («Волшебное кольцо» [77, № 96, с. 228—231]).

В Японии подобные сказки о получении волшебного предмета от морского божества распространены только в юго-западных прибрежных районах (Нагасаки, Симане, Кагосима), близких к Корею [98, 148—149, № 560], что может свидетельствовать о заимствовании этого сюжета с материка; при этом мотив женитьбы героя на чудесной дочери морского царя обычного опускается [98, 149].

Аналогичный сюжет о юноше, спасшем дочь водяного хана, бывшую в облике змеи, и женитьбе на ней имеется и в калмыцком фольклоре («Мальчик величиной с ухо» [67, 179—181]), а также входит составной частью в рассказ «Пляшущая лягушка и говорящий попугай» из ойратской и монгольской версий «Волшебного мертвеца» [см. 60, 147—148; 94, 229—231]. Большая популярность этой темы в весьма архаических хакасских сказках («Алтын Бурчук», «Окис Сол», «Чудесный стеклянный шарик», «Охотник и щенок» [89, № 3, 7, 15, 25]) свидетельствует о том, что сюжет этот стаднально весьма древний. В хакасских сказках герой спасает (или жалеет, или помогает) хана волков и по совету старца просит дать ему в дар кошку, оказывающуюся дочерью хана-волка; или золотую рыбку — сына царя вод (наиболее близкий аналог морского царя драконов и его сына, выходящего погулять в облике карпа, или дочери, резвящейся в воде в облике именно золотой рыбки [53, 3—5], китайских и дунганских сказок) и получает в дар собаку, оказывающуюся красавицей дочерью водяного царя; или спасает дочь царя змей, получает магический предмет — чудесный стеклянный шарик, исполняющий желания, и впоследствии женится на дочери хана змей; или, наконец, помогает хану змей в борьбе против хана лягушек, просит по совету свыше щенка, оказывающегося дочерью хана змей. В восточноазиатских вариантах этот сюжет связан уже именно с хозяином водной стихии — явное отражение преобладания морского рыболовного промысла над охотничьим (в хакасских сказках данного типа герой, женившись на дочери хана волков или змей, получает в большом количестве скот. Скот он получает даже от царя вод, стойбище которого находится не на дне морском, а на берегу моря, и владеет этот хозяин водной стихии стадами, а не дарами моря. Последнее наводит на мысль о возможном заимствовании данного варианта от дальневосточных народов, скорее всего через монгольское посредство. Заметим, что рыба вообще нехарактерный «персонаж» для хакасского и алтайского фольклора в целом).

Любопытный вариант этого сюжета известен и в кхмерском фольклоре («Человек по прозвищу „Лошадные яблоки“») [72, 39—43], в котором герой женится не на дочери царя драконов, а на дочери китайского императора. Не исключено, что эта деталь свидетельствует о заимствовании данного сюжета кхмерами из Восточной Азии. Китай упоминается и в турецкой версии этого сюжета («Бедный мальчик») [86, 68—74], где спасенный героем змей называет себя «сыном падишаха Чина», т. е. китайского государя, именно к нему ведет он юношу и научает, чтобы в качестве дара за спасение тот попросил у отца печать, которая находится у государя под языком. Эта странная в турецкой версии деталь, возможно, представляет собой пересмысление китайского представления о волшеб-

ной жемчужине, находящейся во рту — под языком у дракона. Интересно, что в туркменской версии, в принципе близкой турецкой, герой помогает «сыну падишаха драконов» («Овез-лентяй») [73, 184—191]. К дунганскому и вообще дальневосточным вариантам данного сюжета ближе, однако, другая туркменская версия, записанная на п-ове Мангышлак («Золотой сазан») [78, VIII, 14—18], сходная, в свою очередь, по развитию сюжета с азербайджанской «Сказкой о прекрасной белой змее и о царском сыне» [56, 132—137]. Важно отметить, что в этих периферийных по отношению к Восточной Азии версиях, так же как и в филиппинском варианте, женитьба на дочери царя драконов (центральный мотив сказки) заменяется женитьбой на дочери земного царя, которую герой получает благодаря помощи сына или дочери водяного (морского) владыки.

Наличие аналогичных сказок о спасении змеей — дочери царя иного мира и получении в благодарность волшебного предмета, исполняющего желания [см. 57, II, 191 — сказка о Мартынке], а также о женитьбе на дочери морского царя [57, II, № 219—226 — «Царь морской и Василиса Премудрая»] в русском фольклоре свидетельствует о чрезвычайно широком ареале распространения подобных сюжетов. Наиболее раннее использование сюжета о женитьбе смертного на дочери царя драконов в литературе мы находим у китайского новеллиста VIII в. Ли Чао-вэя («Жизнеописание Лю И» — русский перевод под названием «Дочь дракона» [см. 150, 52—72]). Сопоставление с поздними записями устных вариантов показывает, что фольклорный сюжет в новелле был сильно трансформирован.

Особенностью дунганского варианта является его начало: в подавляющем большинстве перечисленных выше инонациональных вариантов герой спасает не сына царя драконов, а непосредственно его дочь, из 36 указанных в каталоге В. Эберхарда вариантов сын царя драконов упоминается лишь в двух. В дунганском варианте четко прослеживается и мотив борьбы двух змеев — белого (в его облике выступает сын цари драконов) и черного, злого.

Мотив борьбы двух змеев (драконов) — белого и черного встречается и в качестве самостоятельного сюжета в храмовой легенде китайцев провинции Ганьсу «Янь-гун разрубает дракона-оборотня» [1, 82—83], в которой рассказывается о наводнении на Хуанхэ подле Ланьчжоу, которое было вызвано борьбой белого дракона с приплым черным драконом-оборотнем. Правитель Ланьчжоу Янь-гун в красной одежде на красном коне бросился в бушующую реку на помощь белому дракону, помог ему победить черного врага, предотвратил разрушительное наводнение, но сам погиб. В память о нем в столице провинции был сооружен храм.

Этот же мотив (герой видит борющихся змеев и помогает белому змею в борьбе против черного) встречается и в сказках других народов монгольской и тюркской групп в Северо-Западном Китае и Центральной Азии. Он имеется и в двух саларских вариантах [197, № 94] — белая и черная змеи; № 54 — пестрая и черная змеи, а также в дунсянском варианте («Собака и кошка») [198, 98], где прямо поясняется, что «черная змея — чудовище, белая змея — сын Луи-вана, морского царя». В калмыцкой версии юноша спасает змею (дочь царя драконов) от преследования врага-всадника, однако, что это за всадник — не ясно.

Постоянство мотива борьбы двух змеев, белого и черного, которых разнимает герой (или помогает белому победить черного), в сказках Северо-Западного Китая наводит на мысль о локальном характере данного мотива. В хакасских сказках мотив борьбы двух змеев, которых разни-

мает герой, встретился нам, но без указания на цветовую характеристику и без привязанности именно к данному сюжету (сказка «Сарыг Азах» — герой разнимает двух свившихся змей и получает в награду за это чудесный дар — понимание языка животных — 89, № 2]). В сказках же данного типа этот мотив у хакасов как раз отсутствует. Стоит, однако, отметить постоянное упоминание в хакасских сказках черного человека, в облике которого выступают различные хозяева природы, то хозяин горы, то хозяин змей и т. п., можно предположить, что в этом образе зафиксировано в соответствии с цветовой символикой древнейшее представление о представителях хтонических сил.

В сказках китайцев и других народов Восточного и Южного Китая мотив борьбы двух змеев либо не встречается вовсе (об этом можно судить по материалам В. Эберхарда), либо встречается в явно ослабленном виде. В одном китайском варианте провинции Чжэцзян герой видит двух змей и помогает им выбраться из дома богача, куда они залезли, чтобы полюбоваться на роскошно убранный зал [46, 258—259].

В другой сказке, записанной в Чаочжоу (Южный Китай, провинция Гуандун), герой-торговец видит, как борются змея и стоножка, помогает последней и впоследствии погибает в результате мести духа умершей змеи [46, 345—347]. Такое «незнание», кому следует помочь, есть явно позднее переосмысление архаического мотива.

В сказке «Драгоценная трубка» (народность ли) черная змея также символизирует злое начало, но ее противник не змей, а обезьяна, дающая потом герою-спасителю волшебную трубку. История женитьбы на женщине-красной рыбке (которая заменяет здесь дочь царя драконов) присоединяется к сюжетному стержню позднее. Думается, что сюжет в этом варианте явно плохо сохранен. В дунганском варианте четко прослеживается характерная для сказок китайцев и дунган аналогия по цвету: Белый змей, белый человек на белом коне и т. д.

Некоторые легенды народов Восточной Азии свидетельствуют о том, что белый цвет соответствует в нашем варианте положительному герою не случайно, так же как не случайно и то, что его противник имеет облик черного дракона. Так, в легенде народности бай, близкой китайцам (провинция Юньнань), люди, борясь со злым черным драконом, хозяином пучины, посылающим разрушительные наводнения, мастеров белого дракона, который и побеждает злого хозяина пучины [см. 61, 49—55]. Мотив борьбы черного и белого змея, которого спасает герой, нехарактерный для фольклора китайцев и других народов Дальнего Востока, вместе с тем является постоянным в тюркских сказках (в частности, в турецких [см. ЕВВо № 57 III, 66, 80, 98 III, 132V]), что наводит на мысль о возможном в данном случае тюркском влиянии.

В дунганском варианте, приведенном здесь, встречается упоминание о магическом круге, рисуемом на земле с целью скрыть от посторонних глаз и расхищения охотничью добычу (или в № 2 скот, который пасет герой). Подобный мотив отмечен также в сказках китайцев (ЕВ 184V — маг должен пасти баранов, он обводит стадо кругом, из которого никто не может уйти). Он известен в центральноазиатских, в частности старинных бурятских, обрядах. По словам Г. Н. Потанина, обрядовое очерчивание у бурят производится при постановке новой юрты для молодоженов, при первом седлании коня, вольно пасшегося все лето, а также при оставлении трупов умерших в степи, когда на предварительно «избранном» месте чертят на земле круг рогом антилопы оронго и кладут труп

внутри круга» [177, 159]. Очерчивание круга с магической целью, правда, видимо, не охранительной, встречается у некоторых других сибирских народов, например в сказке ульчей — коренного населения Приамурья — тигр во сне говорит мальчику: «Устанавливай ловушки. Очерти круг рукавицами». Мальчик следует этому совету и получает богатую добычу [84, 346]. Можно думать, что данный мотив, как и предыдущий, роднит дунганскую сказку об охотнике на фазанов с центральноазиатской и сибирской фольклорной традицией.

Приглашение спасителя в подводное царство — мотив, весьма характерный для сказок данного типа. Он встречается, однако, и в других сказках, например в историях о добром и злом братьях, освобождающих похищенную императорскую дочь (см. китайскую «Сказку про хитрого У-гэна и верного Ши-е» [65, 71—73]). Так же устойчив и мотив получения волшебного предмета — в нашем варианте тыквы-горлянки. Тыква-горлянка (хулу) — выходящее растение с плодами, обычно напоминающими бутылочки, суженные посредине. Эта тыква завезена в Китай из Персии в начале нашей эры (само слово «хулу» происходит от того же корня, что и русское «огурец»). Высушенные плоды хулу использовались обычно для хранения лекарств и разных снадобий, их носили с собой бродячие даосские монахи, бравшиеся изгонять нечистую силу. Хулу — постоянный атрибут одного из восьми бессмертных даосской мифологии Ли Те-гуая (в сказке № 29 он назван Телигуэй), творящего чуда. Имя его известно и в дунганском фольклоре. В сказках дунган и китайцев хулу — один из постоянных волшебных предметов. Это может быть и ключ к горе с сокровищами, и своеобразный аналог русской скатерти-самобранки, и вместилище волшебного коня, или, как в данном случае, — дочери царя драконов. В. Эберхард указывает также на один вариант этого сюжета (провинция Хэбэй), в котором герой получает от царя драконов волшебную тыкву [96, 67], в китайском варианте, записанном в 1954 г. во Внутренней Монголии, герой получает от царя драконов именно красную тыкву-горлянку, как и в дунганской сказке, из нее выходит дочь морского царя («Три раза, пять раз — все нет смысла») [50, 33—34].

За всем этим явно стоит представление о тыкве-горлянке как вместилище души. Известно, например, что именно с этой целью в старину в Китае привязывали плотно закрытую тыкву-горлянку к седлу коня, когда надеялись с помощью магических средств вернуть душу умирающего ребенка [см. 210, I, 166]. По свидетельству В. С. Старикова, изображение тыквы-горлянки, шитое из красной ткани (в сказках речь также идет о красной тыкве-горлянке), с прикрепленным к нему миниатюрным венчиком для «выметания нечистой силы» использовалось китайцами в качестве талисмана, «оберегающего» здоровье мальчиков [192, 58]. У дунган тыква-горлянка с красной кисточкой вешалась перед входом в баню как некий символический знак [26, 139], смысл которого не совсем ясен. В других китайских сказках в качестве волшебного предмета, получаемого героем в дар у царя драконов, выступают волшебное кольцо¹, жемчужина, исполняющая желание, волшебная птица (там же), а также

¹ Волшебное кольцо просит у царя драконов и герой дунганской сказки, такое же кольцо фигурирует и в сказке народности висайя, живущей на Филиппинах (в этом варианте герой получает его у самой принцессы подводного царства).

«таз, собирающий драгоценности» (цзюйбаоопэнь) и «дерево, с которого трясут деньги» (яоцяньшун) (вариант провинции Чжэцзян, восточная часть) [46, 260], в сказке, записанной в уезде Юйяо той же восточнокитайской провинции Чжэцзян, герой получает пару вышитых подвесок — хэбао, из которых потом выходят две дочери царя драконов [46, 262]. В калмыцкой сказке герой просит кроме дочери дракона дать ему еще и волшебные предметы: ржавую саблю и кожаный мешок для собирания навоза.

Мотив женитьбы на чудесной жене, появляющейся тайно и готовящей герою вкусную еду, популярный в мировом фольклоре, был зафиксирован в китайской литературе еще в IV в. в сборнике Гань Бао «Записки о поисках духов» (русский перевод) [см. 145, 81—83]; ср. Eb 35 («Девушка улитка»), а также AaTh 402 — другие письменные варианты этого сюжета из сборника «Шу и цзи» («Записки удивительного») V—VI вв. и заметок Чэн Линя (1882 г.) приведены у Чжэн Чжэнь-до [134, III, 1121—1122] и Чжао Цзин-шэня [129].

В новелле Гань Бао герой находит в поле улитку, приносит ее домой, и она оказывается «воплощением» чудесной жены. В архаических казахских сказках герой получает в дар тоже не предмет, а живое существо (щенка, кошку), которое оказывается звериной ипостасью дочери хозяина стихий или зверей.

В саларском варианте, где отец спасенного змея тоже змей или царь змей, а не царь драконов, хотя описание его дворца в другой саларской сказке, «Гэсайжи и Айна», удивительно напоминает подводный дворец повелителя драконов, герой просит у него курочку, которая оказывается девицей (явно дочерью змея).

В сказке о Гэсайжи он по наущению спасенного сына змея просит в благодарность деревянный ящичек с курочкой. Можно предположить, что в наиболее архаических вариантах данного сюжета герой получал от хозяина стихий или зверей какое-то животное (либо птицу, либо рептилию), оказывающееся воплощением дочери хозяина. В более поздних вариантах живое существо, получаемое в дар, заменяется чудесным предметом, из которого выходит волшебная жена (поэтому, видимо, в качестве такого предмета выступают в этих вариантах большей частью предметы полые внутри — тыква-горлянка, барабанчик, коробочка и т. п.); птица в ящичке в саларском варианте — это как бы переходная ступень от получения живого дара к получению дара предметного (ящичек)¹.

Мотив возжигания курительных свечей подле родника и вызов посланца царя драконов, видимо, достаточно редкий, он не встретился нам в других вариантах этого сюжета, зато постройка нового красивого дома дочерью дракона или по ее приказанию — есть характернейшая деталь ряда вариантов данного сюжета: от калмыцкого до кхмерского; в варианте мяо герой-плотник сам строит себе и жене большой дом, крытый черепицей; в дунсянском из чудесного кольца выходят четыре человека и

¹ В отдельных случаях, например в записанном Г. Н. Потаниным в Амдо тангутском варианте, герой получает у водяного царя сразу и предмет — кусок дерева, из которого потом выходит дочь водяного царя, и животное — черного осла, — которое, однако, не выполняет реально никакой роли в развитии сюжета [180, II, 150], а в корейской сказке «Сын тысяченожки», записанной Н. Г. Гаринным-Михайловским, и дочь морского царя, и еще тысячеверстного скакуна без шерсти, собачонку, от лая которой амбар наполняется рисом, и волшебный аршин [146, 403].

за почь ставит два или три дома; в хакасской сказке герой просыпается утром в новой светлой юрте [89, № 3].

Вторая часть дунганской сказки представляет собой обычный для мирового сказочного эпоса мотив подтверждения права на обладание необычной, волшебной женой (идентификация по В. Я. Проппу). Можно предположить, что в наиболее архаичных вариантах речь шла об испытании зятя в царстве тестя, в данном случае морского царя.

Любопытно, что среди множества китайских вариантов сказок о женьтебе на дочери царя драконов нам встретился один текст (место записи не указано, видимо, Восточный или Южный Китай), в котором царь драконов задает герою трудные задачи перед тем, как отдать ему в жены свою дочь («Великий царь драконов») [42, 14—17]. В остальных вариантах, чтобы вернуть (или отстоять) жену, герой должен пройти длинную цепь испытаний, подобных брачным, которые он не прошел до женитьбы, нарушив тем самым свадебный ритуал. Лишь выполнив все задачи, которые ему задает противник, юноша может вновь соединиться со своей чудесной женой. Так происходит в русских сказках [57, II, 249—226 — «Морской царь и Василиса Премудрая»]; в вариантах народностей кава и лису, достаточно архаичных, жену — дочь царя драконов, у героя пытается отнять именно тесть, сам царь драконов, предлагая юноше целую серию трудных задач, которые герой выполняет с помощью своей волшебной жены. В довольно архаичном хакасском варианте борьба за обладание дочерью хана волков происходит между героем и бывшим нареченным ее женихом Чибет Миргеном, сыном коварного Чедай-хана [89, № 3], очень возможно, что эти имена заменили в сказке каких-то более древних мифических персонажей. В стадияльно еще более поздних вариантах противником героя является уже не мифический владыка стихии, а только земной владыка: в кхмерском — король, в тибетском — царь, в саларском — богач, в калмыцком — хан, в сказках народов Китая — просто чиновник (чжуанский вариант), старшина селения — в сказке народности ли, юаньвай — чиновник в отставке — у мяо, просто чиновник — в китайском варианте уезда Юйяо провинции Чжэцзян и т. п. В анализируемом дунганском варианте жену у героя пытается отнять также местный чиновник — именно он предлагает охотнику Чжон Дачжэ целую серию состязаний, аналогичных задачам, которые в сказках кава или лису ставил перед героем отец девушки — царь драконов. Один из наиболее распространенных видов состязаний — скачки (дунганский, саларский, монгольский, мяо). Другая задача — посадить за одну ночь длинный ряд деревьев — также встречается в различных национальных версиях этого сюжета, например в территориально близкой к местам расселения дунган тангутской из Амдо (на границе провинций Ганьсу и Сычуань), записанной Г. Н. Потаниным [180, II, № 8а, с 150—151].

Любопытно, что мотив «огненного снадобья» (хо юэ — кит. *хоюэ* — обычно «порох»), которым герой предлагает кормить чудесного мула и от которого потом сгорает фактически сам алчный чиновник и его управа, есть и в варианте западнохунаньских мяо, где герой по требованию чиновника с помощью магии превращает стебель кукурузы в чудесную живую тварь, которая, по словам героя, питается именно огненным снадобьем. Тварь не может наестся, и чиновник велит отвести ее в пороховой склад, вдруг раздается взрыв, и чиновник вместе со всей своей семьей, ^{помамаи} ~~помамаи~~ и скарбом оказывается вышвырнутым взрывом неизвестно куда [38, 290].

Еще один дунганский вариант, правда в обработанном виде, помещен в сборнике Х. Юсурова «Дунганские сказки» («Два Ливана») [14, 106—111]. В этом варианте соединены два сюжета — поиски бедняком счастья и анализируемый нами сюжет — посещение подводного царства и женитьба на дочери царя драконов, которую герой получает в награду за трехлетний труд в подводном царстве, а не за спасение сына (или дочери) морского царя. Однако здесь сохранен чрезвычайно устойчивый мотив — спасенный сын дракона объясняет герою, что именно должен попросить бедняк у царя драконов. Волшебным предметом здесь является роза, которая потом превращается в прекрасную дочь царя драконов, тайком готовящую герою еду. Бедняк женится на ней, и у них тотчас же появляется новый богатый дворец. Богач Ливан предлагает бедняку Мелану поменяться домами и женами (ср. чиновника в нашем варианте), дочь царя драконов, которая, так же как чудесная жена, должна вернуться обратно к отцу, советует дать согласие. Обмен происходит, но ночью чудесный дворец и дочь царя драконов исчезают, а богач просыпается на соломе в бедной лачуге. Этот мотив обмена домами и женами с богачом имеется и в китайских вариантах сюжета, например в сказках «Дочь царя драконов», записанных в восточной части провинции Чжэцзян [46, 260] и в Ханчжоу [40, 36—57].

№ 2.

В оригинале «Хун хулур», зап. Б. Рифтиным в 1954 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР от школьного учителя из Нарына Зазаова Идыя, 33 лет. Шэньсийский вариант. Пер. Б. Рифтина.

Еб 83м (мачеха хочет загубить пасынка, но весь сюжет иной); ср. АаTh 935 *(?).

Довольно редкий сказочный вариант, представляющий собой соединение сюжета о мачехе, изводящей своего пасынка. Сюжет этот со всеми деталями: мачеха шьет родному сыну куртку на вате, а пасынку на тополином пуху¹, отец бьет сына, куртка рвется и обман обнаруживается; мачеха дает пасынку еду в раскаленной чашке, тот обжигает руки и роняет чашку — записан в качестве самостоятельного у саларов [197, № 38]. живущих в Северо-Западном Китае в непосредственном соседстве с дунганами, с мотивом спасения змея (им, в отличие от предыдущей сказки, оказывается, видимо, сам хозяин подводного царства). Так же как и в предыдущей сказке, волшебным предметом, получаемым героем в подводном царстве, является тыква-горлянка, дающая и еду, и жену герою. В отличие от № 1, чудесную жену героя пытается отнять не жадный чиновник, а мачеха, желающая передать женщину в жены своему родному сыну, — мотив, редкий в сказочном эпосе. В образе мачехи в данной сказке прослеживаются архаические черты ведьмы-людоедки («съем твое мясо, выпью твою кровь» — грозит она пасынку). Состязания, устраиваемые по требованию мачехи, весьма напоминают трудные задачи, поставленные герою чиновником в предыдущей сказке: совпадает состязание в езде на ослах (там — мулах). Особого комментария требует упоминание

¹ Популярность этого мотива в фольклоре разных народов Северо-Западного Китая может быть подтверждена и ссылкой на дунсянскую сказку «Братья», записанную в провинции Ганьсу [198, 75—76].

вание в данном варианте «озера» (дунг. хэй цзы). В китайских сказках царь-дракон обычно живет в море (Восточном море), возможно, что озеро здесь есть просто трансформированное понятие «море» — кит. *хай* (в сев.-зап. чтении «хэй») и хэй цзы следовало переводить тоже как «море». С другой стороны, в первой фиксации сюжета о женитьбе на дочери морского царя в новелле Ли Чао-вэй речь идет о царь-драконе — хозяине озера Дунтин. В легенде народности пиз, живущей в китайских провинциях Чжэцзян, Цзянси и Фуцзянь, где герой встречает у озера дочь царя драконов из Восточного моря, есть любопытное объяснение этого «противоречия»: девушка объясняет, что «из озера есть под горой проход в Восточное море» [61, 119]. По-видимому, это есть позднее объяснение связи духов озер с морской стихией (напомним, что и в русской былине о Садко царь морской есть как бы одновременно и владыка озера Ильмень). Не случайно, по всей вероятности, в нашем варианте жена посылает юношу на берег озера, а велит обратиться к «Змею морскому». Неясным, однако, остается предшествующее этому обращению к улитке, далее в сказке никак не поясняемое.

№ 3.

В оригинале «Лосань», зап. М. Хасановым в 1962 г. в г. Фрунзе от Ю. Яншансина. Ганьсуйский вариант. Перевод И. Юсупова. Другой вариант, также ганьсуйский, под названием «Лунвон-е» («Господин царь драконов») был записан в 1973 г. М. Хасановым у Люхузаевой Хэчер. Оба варианта близки между собой; Eb 40 («Игрок на флейте у царя драконов»).

В сборнике сказок Восточного Китая [43, 221—235] помещен вариант этого сюжета, осложненный рядом других мотивов (герой — юноша-крестьянин, играющий на флейте, сосватан с дочерью торговца, но семья его разоряется, торговец отказывается от обещания, а затем велит выкинуть юношу в море; когда его собираются утопить в мешке, раздается гром, начинается буря, и из моря выходит каракатица — нянька дочери царя драконов, она спасает героя и передает приглашение царя драконов, которому понравилась игра юноши. Потом царь драконов просит юношу обучить своим мелодиям не получившую дочь. Девушка влюбляется в юношу, бежит с ним, несмотря на все попытки отца удержать ее, потом они вместе с каракатицей мстят торговцу, хотевшему утопить юношу).

Наш дунганский вариант ближе всего к китайскому варианту, записанному в провинции Цзянсу [96, 71], в котором также речь идет о трех братьях, учащихся мастерству, где младший становится флейтистом и актером (см. англ. пер. 93, № 65). В дунганских вариантах сказки герой играет на щяньцзы, что естественно, так как духовые инструменты у дунган распространения не получили, а щяньцзы наиболее популярный струнный инструмент. В варианте из Цзянсу нет, однако, и мотива женитьбы на дочери царя драконов, а волшебный предмет, получаемый героем за свою прекрасную игру в подводном дворце, — чудесный камень, который сын царя драконов носит на своей груди. В другой китайской сказке на этот сюжет («Желтый мешочек») [41, 68—82], записанной в той же провинции Цзянсу, мотив женитьбы на дочери царя драконов также отсутствует, а чудесным предметом является мешочек, висящий на пуговице халата царя драконов. В обоих дунганских вариантах в качестве волшебного предмета упоминается все та же тыква-горлянка, что и в

№ 1 и 2. В цзянсуйском варианте также имеется мотив строительства роскошного дворца с помощью волшебного средства и неудачная попытка старшего брата получить такое же богатство, что и у младшего, хотя концовка там не столь трагична. Сказки о царе драконов, награждающем человека за прекрасную игру на музыкальном инструменте, известны и у других народов Восточной и Центральной Азии, в частности у желтых уйгуров в провинции Ганьсу, западнохунаньских мяо, у монголов Ордоса и т. п.

В двух вариантах этого сюжета, записанных в 1910 г. С. Е. Маловым у желтых уйгуров провинции Ганьсу, т. е. в тех самых местах, откуда вышли и предки среднеазиатских дунган, мы находим этот же самый сюжет, но в несколько размытом виде. Сказки «Три сына» и «Похождения гуляки» [164, № 73 и 85] имеют то же начало, что и в дунганском варианте: двое (вар. трое) сыновей отправляются учиться ремеслу, старший (старшие) овладевают ремеслами, младший — научается играть на кобызе и петь. Младший решает утопиться в море (вар. озере), но водные бурханы (№ 85) приглашают его в подводное царство к их царю (№ 73 — текст сильно разрушен и не совсем ясен), где герой получает красную чашу, дающую все что пожелаешь и являющуюся дочерью морского хозяина («миска-то была дочь бурхана», № 85), в № 73 герой, по-видимому, вместо миски получает «пеструю банку», из которой по его желанию выходят кони. Обращает на себя внимание красный цвет волшебной чашки, что соответствует упоминаемой в дунганских сказках о посещении царя драконов красной тыкве-горлянке. Особенностью уйгурских вариантов является необычная для данного типа концовка — трудная задача, заданная герою местным ханом, — получить приплод от жеребцов, «разредаемая» в чисто анекдотическом духе с помощью меткого ответа. Можно думать, что в ранних вариантах хан должен был задавать герою трудные задачи с целью отнять у него чудесную жену. В записанных С. Е. Маловым текстах требование хана никак не мотивировано.

В варианте, записанном С. Е. Маловым в Хами в Синьцзяне («Бедный музыкант, ставший через умную жену царем») [163, № 63], эта размытость первоначальной сюжетной схемы ощущается еще сильнее: герой — младший из трех братьев, выучившийся вместо ремесла игре на музыкальных инструментах, выгнан из дому; он идет в северное селение, заходит в дом, видит там красивую пичужку, потом выходит наружу и находит приготовленную еду (ср. анализ № 1), потом он ловит красавицу, которая ходила за дверью, и женится на ней (далее в этой версии события развиваются в соответствии с известным в Китае сказочным сюжетом — Ев 195 — «Платье из перьев»: изображение красавицы-жены героя попадает в руки царя, тот отнимает у героя жену, но она никогда не смеется, является ее муж в странном наряде и веселит ее, государь меняется с ним одеждой, герой в одежде царя зовет стражу, и настоящего государя казнят или прогоняют; аналогичная концовка присоединена и к саларскому варианту сюжета о женитьбе на девице, полученной в виде курицы от змея за спасение его сына («О мудрой жене») [197, № 54]).

Из двух сказок мяо («Царь драконов любит слушать игру на соне» и «Царь драконов любит слушать игру на трубе» [38, 277—286]) первая представляет собой историю о двух музыкантах — богатом и бедном, которых приглашает в гости царь драконов. За их игру царь предлагает награду — три шэна риса и три шэна мелкого пшена. Богач берет зерно, и оно по возвращении домой превращается у него соответственно в се-

ребро и золото, бедняк вместо этого просит в награду за игру один из трех цветков (средний), стоящих в киоте (ср. дунганский вариант в записи и обработке Х. Юсурова «Два Ливана», где горой просит у царя драконов розу [14, 109—110]), как и в дунганском варианте «Два Ливана», из цветка выходит дева, которая готовит юноше вкусную еду. Она оказывается дочерью царя драконов, которая становится женой героя. Необычна лишь концовка данной сказки мяо: там нет ни мотива соперничества двух героев — богатого и бедного, ни попыток подводного царя отнять свою дочь. Вместо этого рассказывается о том, как братья девушки приходят в гости к дочери и зятю на пир по случаю рождения у них сына. По прошествии нескольких десятков лет, родив трех-четырех детей, чудесная жена уходит в свое водное царство. Второй вариант («Царь драконов любит слушать игру на трубе») оказывается наиболее близким к дунганским вариантам: в нем герои тоже братья (их, правда, двое), которых отец посылает учиться ремеслу. Старший вкладывает деньги в торговлю и возвращается с целым стадом коров, а младший учится игре на трубе. Отец, как и в дунганской сказке, выгоняет младшего, он нищенствует и каждый день, сидя на скале, играет на трубе. Его музыка нравится царю драконов, он призывает юношу в подводное царство, и потом тот просит у царя в награду круглую коробочку, стоящую в киоте, в которую воткнул цветок (ср. предыдущий вариант с цветком и дунганский вариант Х. Юсурова). Шкатулка оказывается точным аналогом тыквы-горлянки дунганского варианта. Герой женится на трех чудесных девицах, оказавшихся в доме, построенном с помощью волшебной коробочки. Старший брат завидует ему и предлагает поменяться (ср. китайский вариант сказки № 1 из провинции Чжэцзян, изложенный выше). В результате обмена младший получает хозяйство старшего, а старший брат просыпается утром на пашне — полученное волшебным путем богатство и чудесные жены исчезают. Как и в китайском варианте из Чжэцзяна, здесь нет, в отличие от дунганской сказки, гибели отрицательных героев.

В известном смысле близок к дунганским вариантам и монгольский, записанный Г. Н. Потаниным от монгола из Ордоса («Шацгай-хан» [180, II, № 86, с. 152—156]). В нем нет мотива соперничества братьев, но вместо этого, как во многих сказках о женьтбе на чудесной деве, ее пытаются отобрать хан, который сам погибает в кипящем котловане, наполненном водой (ср. гибель злых братьев в нашем варианте в кипящем котле, а также № 2, где мачеха и ее сын также гибнут в котловане с кипящей водой).

Любопытный, сильно трансформированный вариант этого сюжета мы находим в японском фольклоре («Флейтист Тохэй») [90а, 87—92], где к герою — прекрасному игроку на флейте является неизвестно откуда красавица, которая становится его женой. Она обладает магическими знаниями и подобно дочери царя драконов из сказок типа «Охотник Чжон Дачжэ» помогает герою решить все трудные задачи, которые ставит ему князь, желающий отобрать красавицу. Последняя из задач — привести к князю девять громовиков — также легко выполняется с помощью чудесной жены, которая улетает на небо и возвращается с громовиками, принесшими мешки с дождем, мешки с молниями и кремни для высекания огня. Если вспомнить в этой связи новеллу Ли Чао-вэя «Жизнеописание Лю И», в которой дочь дракона пасет овец, объясняя, что это грома, то можно предположить, что в более архаических вариантах этой сказки чудесная дева, явившаяся к флейтисту, мыслилась именно дочерью дракона. Не-

даром, видимо, в конце японской сказки говорится, что Тохэй породнился с громовиками. Икеда Хироко указывает 6 версий данного сюжета, записанных в областях северной Японии, далекой от материка; во всех вариантах дева спускается с небес. Первая фиксация этого сюжета в японской литературе относится к XVI в. «Отоги дзоси» — см. Ik 312D.

Других восточноазиатских вариантов этого сюжета нам найти в сказках не удалось. Однако аналогичный мотив — приглашение героя-музыканта в подводное царство и женитьба (точнее, сватовство) его на дочери морского царя — наличествует в русской былинне о Садко, где «предложение невесты... является *наградой* морского царя за прекрасную игру на гуслиях...» [183, 105]. В основе подобных сюжетов лежит, видимо, переосмысленное архаическое представление о получении музыкального дара в ином мире (дар этот считался сродни шаманскому [см. 153, 641, 642] и давал будто бы возможность обеспечить успех на охоте или на рыбной ловле).

В хакасском фольклоре, отражающем архаические охотничьи представления, охотник — герой сказки часто улаживает игрой на хомысе и напеванием сказки хозяев стихий или зверей («Волшебный сказочник») [89], получая за это удачу на охоте — звери сами бегут к нему. В сказке «Два брата охотника» происходит уже переосмысление древнего мотива, герой играет на хомысе, его слушает хозяин горы, который затем заставляет его играть... в карты с хозяином зверей — и герой выигрывает у того всех зверей [89]¹. В восточноазиатских вариантах вместо промысловой добычи герой получает уже чудесную жену и прочие богатства, отражающие более позднюю ступень развития общества (в былинне о Садко этот мотив не реализуется [183, 105, 106]). Посрамление противника, как показывает первый из изложенных выше вариантов мяо, не является обязательной концовкой подобных сказок, но все-таки весьма распространенной, так как дает возможность введения ряда дополнительных сюжетных ходов и завершения сказки в полном соответствии с поэтикой жанра (наказание порока и восхваление доброго героя).

Дунганский вариант, весьма точно соотносящийся с другими сказками на этот сюжет, засвидетельствованными у китайцев и мяо, записан от Ю. Яншансина — дунганина-лингвиста, старшего научного сотрудника АН Киргизской ССР, что отразилось на его художественной ткани: в отличие от большинства других сказок, собранных в деревнях от простых рассказчиков, здесь весьма велик процент прямой речи героев, что представляется нам результатом пересказа сказки главным образом с целью сохранить сюжет.

№ 4.

В оригинале «Чжонюй чжу хэй», зап. М. Хасановым в 1958 г. в г. Фрунзе от Чжоншонло Чжонтяньхэ. Ганьсуйский (возможно, синьцзянский по месту рождения сказителя) вариант. Перевод Б. Риффина; Еб — нет.

Сказка «Чжон Юй кипятит море» представляет собой, по всей вероят-

¹ Некоторые отголоски этого сюжета мы находим и у алтайцев, в сказании «Хан Мерген», где рассказывается о трех дочерях владыки подземного мира Ерлик-бея, которые, услышав доносившуюся с земли песню, просят отца пригласить певца в их царство [69, 197—198].

ности, пересказ драмы. Впервые этот сюжет в Китае был разработан в драме периода Цзинь (1115—1223) под названием «Юноша Чжан кипятит море», затем в одноименной драме Шан Чжун-сяня (середина XIII в.) и затем Ли Хао-гу (конец XIII в.) [см. 110, 229]. Сохранился лишь вариант Ли Хао-гу. Впоследствии этот сюжет был частично использован Ли Ли-вэном (XVII в.); он достаточно широко представлен в различных разновидностях местной китайской музыкальной драмы, например в распространенном на Северо-Востоке жанре пинцзюй [105, 93; изложение сюжета драмы см. там же, Приложение, стр. 36]. Дунганский сказочный вариант весьма близок по сюжету к пьесе Ли Хао-гу. Об этом свидетельствует не только совпадение общей фабулы, но и отдельных деталей (игра на цитре, а не на флейте, как в драме пинцзюй, рвущаяся струна — как знак приближения необычного слушателя, назначение девой свидания в праздник Середины осени, поднесение дочерью дракона чудесного платочка, получение героем волшебных предметов: серебряного котла, золотой денежки, железной ложки, с помощью которых он кипятит море). Вместе с тем в юаньской драме вместо служанки волшебные предметы передает герою даосская монахиня, выполняющая роль свахи. В дунганской сказке служанку зовут Мыйшёр (буков. «Аромат дикой сливы»), так же зовут служанку, заменившую монахиню, и в поздней местной драме (пекинское произношение имени Мэй-сян). Поздним драматическим вариантам соответствует и социальный статус героя — бедный дровосек (в драме Ли Хао-гу он ученый конфуцианец, не нашедший применения своим книжным знаниям). Снята в дунганском тексте и определенная религиозная даосско-буддийская окраска, которая есть у Ли Хао-гу, где посредницей со стороны девушки выступает, как уже говорилось, даосская монахиня, в качестве свата побежденный царь драконов посылает буддийского монаха, а в момент свадьбы появляется почитаемый даосами повелитель Востока (Дунхуа-сянь, /он же Дун-ван-гун) и объявляет, что герой и героиня были прежде бессмертными, но за свои думы о земной жизни были наказаны, теперь они прощены и должны вернуться в прежнее состояние. В этом плане дунганский вариант также близок к поздней местной драме.

В дунганском варианте несколько изменено имя дочери царя драконов; в пьесах (и юаньской и поздней) она зовется Цюнь-лянь — Яшмовый лотос, в нашей сказке — Чжинляр — Золотой лотос (пек. Цзинь-лянь), такая замена легко объяснима, если учесть неразговорный характер понятия «цюн» — «красная яшма», которое в дунганском, по-видимому, вообще не встречается.

Упоминание в дунганской сказке названий мелодий («Дикая слива дает наслаждение» — «Мыйхуа сань чинди» и «Вода течет с высоких гор» — «Люфий госаньди») лишний раз свидетельствует о том, что данный вариант связан с традиционной музыкальной драмой. Вообще у среднеазиатских дунган, несмотря на отсутствие национального театра, бытуют и отдельные арии из старинных музыкальных драм [см. 23] и даже целые драмы, например «Третья жена учит сына» («Саньйён чжэ цзы»), которые исполняются рассказчиком в виде своеобразного произведения, состоящего из одних диалогов.

Стоит обратить внимание на одну любопытную деталь дунганского варианта этого сюжета — служанка, которую посылает дочь морского царя к своему возлюбленному, принимает почему-то облик не морского существа, а собаки. Едва ли это случайно. В этой связи уместно вспомнить, что в ряде разнонациональных, главным образом центральноазиат-

ских, вариантов сама дочь царя драконов принимает собачий облик (китайский из Внутренней Монголии, монгольские, бурятские, хакаские сказки¹). Можно предположить, что в дунганском тексте этот первоначально звериный облик принцессы перенесен на ее служанку. За этим, видимо, стоит весьма архаическое представление древних охотников и рыболовов о собаке «хозяина воды», зафиксированное, например, у нивхов [см. 196, 69].

Данную сказку можно рассматривать как органическое соединение нескольких сюжетобразующих мотивов: 1. чудесной игры героя, привлекательной, в отличие от предыдущего варианта, не царя драконов, а его дочь (ср. в известной мере сходную ситуацию в изложенной в анализе № 3 восточнокитайской сказке «Дочь дракона и Сань-лань», где дочери царя драконов являются послушать игру героя на флейте и сами играют по просьбе отца, дело, правда, происходит уже в подводном дворце [43, 224, 226]); 2. встреча с чудесной девицей, которую ее отец пытается запереть в подводной тюрьме (аналогичная ситуация есть и в упоминавшейся выше — при анализе № 1 — вьетнамской сказке «Как рыбак женился на дочери водяного короля», где морской царь велит посадить свою дочь, мечтающую о земном юноше, под стражу [81, 63]); 3. похищение волшебных предметов (в отличие от других разобранных выше вариантов, в которых морской владыка сам дарит их герою) и 4. основной для данного варианта мотив кипячения моря, в результате которого царь драконов вынужден отдать юноше свою дочь. Мотив этот в известной мере аналогичен мотиву ThMot K. 1744 — «Герой грозитя утащить озеро вместе с веревкой. Великан оказывается запуганным» (ср. AaTh 1045). Этот сюжет известен и в русском фольклоре («Батрак пугает чертей веревкой. Батрак у озера вьет веревку, грозит чертям вытащить их со дна озера» [57, III, Указатель сюжетов, с. 486; 57, № 150, 151, 152]), и в литературе благодаря обработке у А. С. Пушкина в «Сказке о попе и работнике его Балде». Но в русском фольклоре герой просто шантажирует водяного — недаром все три сказки в сб. Афанасьева носят явный сатирический характер, дунганский же вариант, как и драматические произведения на этот сюжет дают «реальную» с точки зрения архаического мировоззрения картину: герой не просто нарочно грозитя вскипятить море, а делает это, пользуясь волшебным котлом. При этом в сказке сохраняется характерное еще для архаического фольклора мышление по аналогии: кипение воды в котле вызывает (равнозначно) кипение воды во всем море.

Аналогичную в известном смысле ситуацию можно найти в башкирском эпическом сказании о Зая-Туляке, герое, приезжающем к берегу моря, знакомящемся там с дочерью водяного хана (Сясдар-хана) и получающем от нее подарки, весьма напоминающие свадебные. Когда отец девушки отказывается выдать ее за Зая-Туляка, тот просит бога наслать продолжительный жар, от которого высыхают все моря, окружающие стальной дворец водяного хана [193, 62—75]. По другим вариантам, в течение трех суток кипит вода, и озеро (море) совершенно высыхает. Сотрясаются стены дворца. Пораженный этими событиями, Сясдар-хан сам выходит к Зая-Туляку, приносит извинения, отдает ему дочь, обещает

¹ В ряде японских вариантов [Ik 470A] и корейской сказке [146, 401—403] герой также получает в подводном царстве собаку; но из изложения Икэда Хироко не совсем ясно, принимает ли она потом человеческого облик или нет.

приданое (скот)» [155, 80]. Сходство этого башкирского сказания и восточноазиатского сюжета о юноше, заставляющем кипеть море, очевидно, но из этого едва ли, однако, можно сделать вывод о возможной генетической связи этих сюжетов. Вопрос этот требует дальнейших разысканий.

№ 5.

В оригинале «Лэйгуацзы», зап. М. Хасановым в 1972 г. в г. Фрунзе от Нюсан Айши. Ганьсуйский вариант. Перевод М. Хасанова.

Ев 43 («Ребенок-лягушка»), ср. АaTh 425 (I, II, III), 430 и 440.

Другой текст в обработке Х. Юсурова — «Сын-лягушка» [14, 130—136].

Сказка представляет собой вариант широкоизвестного у разных народов мира сюжета о сыне старых бедетных родителей, рождающемся в облике низшего существа (лягушки, змея, черепахи, козла, осла и т. п.), говорящего по-человечьи, умеющего выполнять людскую работу и требующего себе в жены дочь государя или местного богача. По ночам он сбрасывает свою шкуру и предстает перед молодой женой в облике красивого юноши. Потом жена уничтожает (или портит) его шкуру, лягушонок (или иной звериный персонаж) навсегда исчезает или, наоборот, остается человеком.

В. Эберхард ссылается на 9 вариантов этого сюжета, записанных от китайцев в Южном (точнее Юго-Восточном) Китае (провинции Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун), и на этом основании высказывает предположение, что данный сюжет распространен на юге Китая [96, 78], наш дунганский (ганьсуйский) вариант свидетельствует, что сюжет этот известен не только в Юго-Восточном Китае, но и в Северо-Западном, где раньше жили предки среднеазиатских дунган. Аналогичные варианты этого сюжета мы обнаружили также у монголов провинции Цинхай — ближайших соседей дунган Северо-Западного Китая («Лягушка») [199, 216—230], у тибетцев («Лягушонок-наездник») [61, 84—94], а также «Лягушонок и царевна» [63, 98—105], что свидетельствует о широком распространении этого сюжета именно в районе, захватывающем Тибет и Северо-Западные провинции Китая. Кроме того, данный сюжет зафиксирован у западнохунаньских мяо («Лягушонок») [38, 265—268], т. е. в пределах Центрально-Южного Китая, а также в трансформированном виде у народов тиб. ли, населяющей главным образом о-в Хайнань и самый юг материкового Китая («Как вождь племени ли превратился в лягушку») [61, 95—97], аналогичные сказки известны и у вьетов (вьетнамцев), где, правда, вместо лягушонка сын имеет облик черепахи («Волшебная черепаха») [80а, 81—86]. Сюжет этот широко популярен и у других окружающих Китай народов, например у корейцев, где герой имеет облик змея («Ын-Курё — Серебряный змей») [90, 127—134; 98, 112], и особенно в Японии, где записано более 30 вариантов (герой: лягушка, улитка, змея, слизняк или мальчик ростом с вершок) (Ik 425A, 110—112). Любопытно, что данный сюжет (где герой бобренок) составляет содержание алтайского эпоса Когутэй [158].

Сказки с аналогичным содержанием известны и у европейских народов, ср., например, немецкую сказку «Ослик» из собрания бр. Гримм (№ 144) и русскую сказку «Сопливый козел» из собрания А. Н. Афанасьева [57, II, № 277, 360—361], где в обоих случаях герой сказки появляется сначала в облике низкого, презираемого существа (осел и козел являются таковыми в соответствии с традиционными европейскими представлениями, на Дальнем Востоке подобная семантика этих образов отсутствует).

Сопоставление столь далеких территориально друг от друга вариантов показывает, что для дальневосточных и центральноазиатских вариантов в качестве героя наиболее характерен представитель водного (рептилийного) мира — лягушка, змея, черепаха или, как в алтайском эпосе, бобренок, называемый там «зверем земным и водным» [158, 57]. В сущности, под эту категорию подходят и лягушка, и змея, и черепаха. В отличие от европейских вариантов, в дальневосточных сказках этого круга явно видна связь героя в облике земноводного с водной стихией.

В дунганской сказке лягушонок сам говорит, что он сын повелителя драконов Восточного моря (ср. выше анализ № 1 и 2, где сын повелителя драконов был в образе змея¹, нередко в сказках дальневосточных народов он имеет и облик рыбы, чаще карпа). Отсюда и могущество лягушонка, его способность вызывать гром (тучи, гром, дождь, как уже говорилось, по дальневосточным представлениям управляются именно драконами), его угрозы потопить императорский дворец, его знания о готовящемся страшном ливне и потопе, о чем он предупреждает близких. Эта связь героя с громом и грозой прослеживается даже в алтайском эпосе, хотя и в чрезвычайно ослабленном виде, в имени героя эпоса Когутэя, приемного отца Бобренка. Едва ли случайно в свете нашего анализа, что имя это объясняется исследователями как «синеватый» — «так называется в монгольском фольклоре божество из шаманского пантеона, которое управляет громами и молнией» [158, 175 — комм. Н. Дмитриева]. Можно предположить, что функции дракона — отца главного героя подобных сказок у других народов перенесены здесь в силу уже иных фольклорных представлений на приемного отца Бобренка.

Из всех перечисленных нами вариантов дунганская сказка «Лягушонок» ближе всего по ряду деталей к китайским, монгорскому и близкому к нему тибетскому вариантам, определенное сходство прослеживается и при сопоставлении дунганского варианта и сказки, записанной у западнохунаньских мяо. Хотя все сказки этого типа начинаются со слов о бездетных стариках (в сказке мяо вообще один старик, а в тибетском одна старуха), которые горюют, что не имеют детей (ThMot. C758), но только в нашем варианте лягушонок прыгает на куче навоза, что связано с особым занятием старика — собирателя коровьего навоза (в монгорском и тибетском вариантах, например, лягушонок рождается из нарыва соответственно на коленке или на большом пальце старухи, в сказке мяо старик встречает лягушонка у реки, куда он пригнал на водной вола).

В дунганском варианте старик сперва принимает лягушонка за чжинчи — злого духа (от ч ж и н, кит. *цзин* — «оборотень» и ч и, кит. *ци* — «дух»), аналогичная деталь есть в тибетском варианте из сб. «Игра Веталы с человеком», где старик принимает лягушонка за «злого оборотня» [63, 99], и в ослабленном виде в монгорской сказке, где старуха спрашивает лягушонка: «Твое появление — это хорошая или плохая примета?» [199, 222].

В дунганском варианте лягушонок предлагает сходить в лавку за мясом и просит завязать деньги в платок и повесить платок ему на шею. Аналогичная деталь имеется и в монгорской сказке, где лягушонок предлагает привязать ему к шее горшок с питьем для старика, который пахнет

¹ В этой связи интересно обратить внимание на монгольскую пословицу, зафиксировавшую традиционные представления: «Змеи и лягушки отвратительны, но они родственники царя драконов».

поле [199, 222]. Вместе с тем изменение занятий старика в дунганском варианте приводит к выпадению эпизода пахоты и пастьбы, который есть в варианте мяо и монголов, но отсутствует также в обоих тибетских вариантах.

Следующий эпизод дунганской сказки — сватовство лягушонка к дочери императора — находит себе параллели в монгорском (сватовство к дочери старика — отца трех девиц ThMot T. 121), тибетских (к дочери царя в «Игре Веталы с человеком» или старости в устном варианте — в обоих случаях дочерей также три), корейских (к дочери дворянина [90] или мишистра [98, 112]), индийском из «Панчатантры» (сватовство к дочери брахмана), немецком из сборника бр. Гримм (к дочери короля) и т. п. Если в древнеиндийском или немецком вариантах, а также сказке мяо сватовство проходит без всяких препятствий (главным образом потому, что невесты и их отцы не знают жениха), то в дунганском варианте и в близких территориально тибетских или монгорском лягушонку приходится показывать свое могущество: сотрясать стены дворца или дома будущего тестя, насыпать ливень или наводнение и т. п. Только условие, которое ставит император в дунганском варианте, — построить за одну ночь золотой мост от дворца до дома лягушонка (ThMot H. 1131) — не находит себе соответствий в иноязычных вариантах данного сюжета (кроме японских версий из районов Оита и Кумамото — южная оконечность Японских островов [98, 112], однако золотой мост является, как мы уже видели, характерным мотивом других дунганских сказок о женитьбе человека на дочери царя драконов (см. № 4). Мост этот как бы соединяет два царства, земное и водное — морское: по золотому мосту из моря едет к герою его невеста — дочь морского царя. Здесь же ситуация в известном смысле обратная: лягушонок — сын царя драконов хочет жениться на дочери земного правителя, вот, видимо, почему в дунганском варианте император в качестве трудной задачи требует построить за одну ночь мост между двумя домами — на первый взгляд его требование странно, так как оба дома — приемных родителей лягушонка и дворец государя стоят на суше и мост тут не нужен, но здесь вступает в силу глубинная сказочная семантика.

Стоит отметить, что мост, соединяющий два противоположных мира, упоминается в китайской литературе довольно рано, в частности в сборнике И Иня «Мелкие рассказы» (*Сяошо*) есть история о строительстве моста в море, на котором император Цинь Шихуан будто бы встретился с царем драконов [156]. Мост, который строится мгновенно или в одну ночь, частый мотив и русской волшебной сказки [см. 57, II, Указатель предметов, 546], где, однако, семантика этого мотива не всегда так ясна, как в дальневосточных вариантах. Дополнительные условия трудной задачи в дунганской сказке — вырастить за ночь два ряда деревьев — уже встречались в № 1.

Мотив превращения лягушонка в брачную ночь в красивого юношу (ThMot D.712; D.719) характерен для ряда разноязычных вариантов данного сюжета начиная с древнеиндийского и архаического предания народности ли в Южном Китае, хотя в некоторых вариантах, например тибетских, монгорском, мяо, акцента на этом не делается.

Приглашение стариков с сыном и невесткой на чужую свадьбу в дунганской сказке находит себе прямую параллель в аналогичных эпизодах монгорской (вся семья идет смотреть театральное представление — как и в варианте Х. Юсурова), устной тибетской (соответственно празд-

ник осенних скачек), мяо (праздник песен и танцев). В одном из корейских вариантов герой отправляется сдавать экзамены, оставляя свою шкуру жене [98, 112]. Так же как и в дунганском варианте, в этих сказках жена прежде времени возвращается домой, находит сброшенную мужем шкуру¹ и сжигает (устн. тибетский, монгорский) либо просто прячет ее (мяо). Сожжение шкуры змеи отмечено и в древнеиндийском варианте из «Панчатантры», и в одном из корейских вариантов [98, 112], и в хакасском фольклоре («Окис Сол»), а также в большинстве европейских сказок (ср., например, сказки о царевне-лягушке), по-видимому, за этим стоит какой-то архаический обряд. В алтайском эпосе «Когутэй», как и в одном из китайских вариантов [39, 41—49], шкура не сжигается целиком, а только прожигается — замена целого действия частичным. В известном смысле аналогичная порча происходит и в публикуемом дунганском варианте, где жена бросает шкуру в старый колодец, шкура начинает гнить, а ее хозяин заболевает (в варианте Х. Юсурова жена закапывает шкуру в землю). То, что перед нами не случайный сюжетный ход отдельного сказительского варианта, подтверждается аналогичной ситуацией и в другой дунганской сказке — «Девушка и белый тигр» [14, 14].

Наиболее сложен процесс избавления от шкуры в корейской сказке «Би-Курё — Серебряный змей», где юноша-змей в первую брачную ночь, чтобы избавиться от своего змеиного облика, окунается последовательно в корчаги с бобовым маслом, с чумизой, с соей, а затем с золой [98, 132].

Концовка дунганского варианта — лягушонок надевает шкуру и исчезает, предварительно предупредив жену, императора и своих приемных родителей о надвигающемся наводнении, — в известной мере оригинальна, хотя в китайском фольклоре существуют в качестве самостоятельного сюжета сказки о том, как сын царя драконов предупреждает людей о наводнении (см.: «Карп во сне подает знак о приближении наводнения») [46, 598—599]. В дунганском варианте из сборника Х. Юсурова родные лягушонка тоже видят катящийся на село водяной вал, который, однако, есть просто мираж, вызванный лягушонком, чтобы под предлогом спасения от наводнения увести родных по воздуху в далекие горы, где они все останутся жить вечно как бессмертные-пынцзяни. Подобный сюжетный ход наваян, по-видимому, другими сказками, которые кончатся превращением героев в бессмертных. Подобные концовки были очень характерны и для средневековой китайской новеллы.

Вообще сказки этого типа имеют двойную концовку: 1. шкура сожжена, и герой навсегда остается жить в человеческом облике (древнеиндийский вариант, предание народности ли, китайские сказки провинций Чжэцзян и Гуандун², европейские сказки — «Ослик» из сборника

¹ Любопытно, что в некоторых китайских сказках шкура, сбрасываемая чудесным супругом (или супругой), заменяется либо одновременно называется одеждой: большим халатом с жемчужинами («Лягушонок») [39, 41—49] или желтым халатом («Дочь царя драконов») [53, 3—5]. Это явно поздняя интерпретация древних архаических представлений о сбрасываемой животной шкуре тотемного персонажа.

² В предании народа ли и в одной из южнокитайских сказок провинции Гуандун [53, 19—25] шкура не сжигается: ее надевает вождь (кит. вариант — император) и навсегда превращается в лягушку, а бывший лягушонок остается в человеческом облике и становится правителем.

бр. Grimm, русские варианты из сборника Афанасьева; 2. шкура возвращена владельцу, и герой навсегда покидает мир людей (мяо, устный тибетский, китайский из провинции Цзянсу, оба дунганских варианта, один из корейских вариантов [98, 112], в монгорском ситуация не совсем ясна, конец явно скомкан, но за ним просматривается именно второй — несчастливый вариант). Судя по наиболее архаическим вариантам народности ли, хакасскому, а также по рассказу из «Панчатантра», можно предположить, что древнейшие версии этого сюжета имели как раз концовку первого типа.

Уничтожение шкуры не влекло за собой исчезновения — в стадияльно более поздних сказках оно стало рассматриваться как нарушение табу, возможно тотемистического характера. Также бесспорно поздним представляется мотив предупреждения людей о грозящей опасности. В еще более поздней модификации он наличествует в устном тибетском и монгорском вариантах, где лягушонок пытается разрешить проблему разделения людей на богатых и бедных.

Устойчивое наличие в большинстве китайских вариантов (7 из 9), в дунганском, обоих тибетских, ли, монгорском именно лягушонка в качестве главного персонажа, возможно, связано с культом лягушки, отмеченном, правда, в науке применительно к южным районам Китая [см. 210, XII, 1056].

В «Словаре китайской мифологии» Э. Вернера говорится о культе лягушки и специально посвященных ей храмах в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Чжэцзян, где молились особому богу зеленой лягушки о процветании торговли и исцелении от болезней [226, 84—85], в старом Китае выпускались специальные листовки с призывами не истреблять лягушек и не употреблять их в пищу (что принято в южных провинциях, особенно в районе Кантона и далее во Вьетнаме); одна из таких листовок приведена у Доре [210, XII]. У дунган культ лягушки не отмечен, но нам приходилось наблюдать почтительное отношение к жабе в с. Ирдик, на берегу Иссык-Куля, в 50-х годах: вечером в дом прыскала жаба, и хозяин считал невозможным (греховным) выгнать ее из комнаты. Возможно, с культом лягушки связано и представление в сказке западнохунаньских мяо о том, что три сына лягушонка стали тремя «небесными бодисатвами».

Косвенным свидетельством культа лягушки в Западно- и Северо-Западнокитайских областях у разных населяющих эти места народов может служить, например, упоминание в сказке желтых уйгуров о лягушке, которая «жила у важного гегена (вышнего ламы. — Б. Р.) под божницей» и которая явилась слушать чтение священных книг [164, № 66], или саларская сказка «Мунгыскарджах», в которой мальчик, родившийся у старых бездетных родителей, чтобы победить страшное чудовище — мунгыскарджаха, принимает облик лягушонка [197, № 11]. Г. Н. Потанин приводит сообщение, записанное им в Ордосе, что по представлению тамошних монголов «град делает лягушка. Она пьет воду, и вода в ее нутре превращается в град» [180, II, 349]. Он же излагает бытующее в Западной Сычуани у китайцев представление о том, что «гладкие и широкие поверхности привлекают молнию, что поэтому лягушки, имеющие блестящее брюхо, поворачиваются во время грозы на спину, подвижные к тому чему вроде сродства, и тем привлекают громовую стрелу» (там же, со ссылкой на путешественника Бабера). И в ордосском и в сычуаньском преданиях видны в конечном счете те же представления о связи лягушки с

грозой, которые прослеживаются и в дунганском и в других восточно- и центральноазиатских вариантах исследуемого сюжета¹.

№ 6.

В оригинале «Хуачёр», зап. М. Хасановым в с. Каракунуз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР от Чжинлдрова Сувы. Шэньсийский вариант. Перевод И. Юсупова. Дунганский текст опубликован [см. 7, 89—96]; Еб — нет. АaTh 567А.

Сказка представляет собой вариант весьма распространенного у разных народов сюжета о чудесной птице, несущей драгоценные яйца, и о двух братьях, которые съедают разные части курицы. В каталоге Томпсона этот сюжет дан как индийский вариант. Из рассмотренных нами русских вариантов [57, № 195, 196, 197], немецкого [Бр. Гримм, № 122], грузинского [62, № 15], турецкого [86, № 19], туркменского [73, 32], осетинского [70, № 76], абхазского [55, № 29], монгольского [68, 69—71] монголо-ойратского [60, 24—28], тибетского [63, № 6] и шанского [79, № 192] дунганский вариант более всего близок к осетинскому, а также по некоторым деталям к тибетскому, монгольскому и монголо-ойратскому. Это скорее всего может быть объяснено их общей близостью к возможному индийскому прототипу. И. Левин указывает в этой связи на «народную книгу» («Тути-наме») [70, 580], к этому можно добавить перечисленные выше письменные тибетский и монголо-ойратский варианты из соответствующих списков «Волшебного мертвеца», также восходящего к индийскому прототипу.

Первый эпизод дунганского варианта — бедняк находит чудесную птицу, несущую драгоценные яйца, — имеет аналогии только в осетинском, грузинском (курица уже была у хозяев), турецком (драгоценный камень выпадает из-под крыла купленной птицы), туркменском (золото сыплется из глаз птицы, пойманной охотником), русских (№ 195 и 196 — герой ловит утку, несущую драгоценные яйца, № 197 — покупает чудесную курицу, несущую «самцветные камушки»).

Следующий эпизод — мать заводит любовные шашни с другим мужчиной, который требует зарезать птицу и дать ему отведать ее мяса, но сердце птицы съедает один из сыновей женщины, а другой — голову — имеет прямые аналогии в индийском варианте [АaTh 567АII(c)], в устном монгольском (лебедь варится по требованию ламы, живущего с овдовевшей матерью), а также в осетинском (курица варится для торговца, посулившего матери много денег), грузинском (птица покупается купцом и варится его женами, герой-юноша обманом берет ее обратно и съедает), турецком (птица варится по просьбе любовника — молодого менялы), туркменском (птица варится по просьбе визиря — любовника мачехи), русских (по просьбе любовника, № 195 — барина, № 196, 197 — приказчика). Мальчики — сыновья героя, получившего чудесную птицу, — съедают голову, зоб и ножки (осетинский вариант), голову проглатывает младший из братьев (турецкий устный, монгольский варианты), всего цыпленка (грузинский вариант — из головы цыпленка вываливается волшебный камень), голову и сердце (съедают соответственно старший и младший братья — туркменский вариант), желудок (съедают оба брата), в

¹ Стоит обратить внимание и на то, что, по бурятскому сказанию, приводимому Г. Н. Потаниным, вся вселенная покоится на перевернутой брюхом вверх лягушке [75, 140].

русских сказках этого типа существуют разные варианты данного мотива: старший сын съедает голову, а младший сердце [57, № 195], сын съедает чудесную птицу целиком [57, № 196], как в грузинской сказке, и старший съедает голову, а меньшей — потроха [57, № 197]. Нетрудно заметить, что в большинстве разнообразных вариантов, как и в дунганском, речь идет о съедении головы, но только в турецкой сказке прямо разъясняется, что съевший голову чудесной птицы станет падишахом. Это представление — голова птицы — глава страны — в несколько сниженном виде прослеживается и в дунганской сказке: именно Шынмын, съевший голову, становится правителем области.

Уход братьев из дому — также характерный мотив сказок данного типа, мотивированный или требованием любовника отдать ему теперь на съедение голову и сердце детей, т. е. те части тела, которые были съедены ими ранее. В турецком варианте прямо поясняется, что такая замена вполне идентична («Кто отрубит и съест голову того, кто съел голову той птицы, тот тоже будет падишахом») [86, 129]. В некоторых явно «сокращенных» вариантах, например устным монгольском, этот мотив выпадает как бы совсем: лама, заменивший матери умершего мужа, не требует убийства мальчика, съевшего голову чудесной птицы, но братья сами заявляют, что не могут больше жить в родном доме, и уходят [68, 70]. Эпизод с опусканием одного из братьев в колодезь, имеющийся в нашем варианте, вообще не характерен для данного сюжета. Он попал в наш вариант явно из сказок о двух братьях, добром и злом, где злой сталкивает доброго в колодезь и оставляет его там (см. в данном сборнике № 7, 8), здесь этот мотив полностью не реализован, но с его помощью мотивируется разлука братьев, характерная для сказок исследуемого типа.

Усыновление одного из братьев каким-либо человеком, обычно бездетным, также чрезвычайно характерная деталь данного сюжетного типа. В дунганском варианте героя младшего из братьев усыновляют слепые старик и старуха, в устном монгольском — старый торговец-китаец, в туркменском — старик, собирающий хворост, в абхазском — охотник Каурбей. В вариантах, видимо менее архаических по своему характеру, например в турецком или в русских, мотив усыновления вообще отсутствует, в русских сказках этого типа он заменен упоминанием о том, что герой просто просится на ночлег к некоей старушке.

В дунганской сказке старуха находит под подушкой у усыновленного юноши каждое утро золотые монеты — это результат того, что юноша съел сердце чудесной птицы. В устном монгольском варианте у приемного отца — торговца зеленью просто дела начинают идти успешно, и он быстро богатеет, но, например, в туркменской сказке старушка тоже каждое утро собирает подле подушки премыша крупинки золота, в немецкой сказке герой находит каждое утро под подушкой золотую монету.

Следующий сюжетный ход дунганской сказки — посещение героєм вдовы, которая обыгрывает всех путников. Герой — младший брат сперва обыгрывает ее, а потом она опаивает героя и заставляет его вместе с пьяной вдовой отрыгнуть и проглоченное некогда сердце чудесной птицы. После этого герой теряет свои магические способности. Подобный эпизод также является характерной составной частью данного сюжетного типа, о чем свидетельствуют осетинская версия (царица, играющая в карты), и косвенно тибетская, и монголо-ойратская, где герои попадают к матери и дочери, содержательницам кабака, которые опаивают героев так, что тех начинает рвать и вместе со вдовой у них выходят и про-

глюченные золотая лягушка и бирюзовая черепашка (эти животные в данных версиях рассказов волшебного мертвеца заменяют съеденные части чудесной птицы). Можно предположить, что старуха-ведьма, живущая одиноко с дочерью в замке, из сказки «Салатный осел» в сборнике бр. Гримм есть своеобразная европейская модификация той же женщины с дочерью, содержащих кабак или нечто вроде игорного дома, в дунганском варианте. Так же как в дунганской и центральноазиатских версиях, хозяйка замка опаивает охотника и заставляет его выплюнуть съеденное птичьё сердце.

Опечаленный герой дунганской сказки встречается трех дерущихся парней, которые не могут разделить завещанные отцом три чудесных предмета: серебряный мешочек, из которого можно непрестанно брать серебро и золото, золотой столик, дающий любую еду, и волшебную палочку — б а н ь ч ж а г у н букв. «палку-переезжалку», от б а н ь ч ж а — «переезжать» и г у н — «палка». Этот эпизод также характерен для ряда вариантов данного сюжета: в монголо-ойратском герою встречаются чертей, дерущихся из-за сапог-сорокоходов, в осетинском — из-за пожитка, дающего еду, ковра, переносящего в любое место, и шапки-невидимки. Сравнение этих чудесных предметов наводит на мысль, что основным для данного сюжета является средство быстрого передвижения (палка-переезжалка, чудесные сапоги или ковер), остальные предметы более факультативны.

Не случаен в дунганской версии и эпизод с подслушиванием разговора птиц и нахождением чудесных плодов, один из которых дарует красоту, а другой превращает человека в осла. Сам мотив подслушивания разговора птиц (или зверей) чрезвычайно характерен для дунганских сказок, как и сказок других народов (ThMot Н. 13ff), но в этот сюжет он попал, видимо, как и история с колодезцем, из сказок о двух братьях — хорошо и плохо. В иноязычных вариантах изучаемого сюжета, например в тибетском, герои видят человека, который лезет на дерево и срывает желтый цветок, прикасается им к телу, после чего превращается в обезьяну, а потом, прикоснувшись к красному цветку, принимает вновь человеческий вид. В осетинской версии, осложненной рядом дополнительных сюжетных ходов, нет мотива нахождения чудесных плодов, но остался мотив подслушивания разговора трех горлиц, аналогичный имеющемуся в дунганской сказке. В немецком варианте из сборника бр. Гримм нет этого мотива, но герой тоже находит сам волшебную растительную еду — салат двух типов: отведав одного — человек превращается в осла, попробовав другого — опять принимает свой изначальный вид. Наличие этого мотива в столь разных и удаленных географически национальных вариантах сюжета заставляет предполагать, что, как и в предыдущих случаях, мы имеем дело с мотивом, бывшим и в какой-то древней версии сюжета, перешедшего в фольклор разных народов в разное время и адаптированного там. Мечь героя женщине, обыгравшей или опоившей его и похитившей сердце чудесной птицы, состоит в дунганской сказке в том, что герой с помощью волшебного яблока превращает хитрую вдову в ослицу. Превращение злой женщины именно в ослицу есть также характернейшая деталь данного сюжета. И в осетинском, и в немецком, и в монголо-ойратском вариантах герой мстит жестокой женщине именно таким способом. В тибетской версии из «Волшебного мертвеца», правда, происходит превращение дочери хозяйки кабачка в обезьяну, что мотивировано в известной степени предыдущим развитием сюжета.

В осетинской и дунганской сказках совпадение сюжетных ходов еще

более разительны. В обеих версиях женщину, превращенную в ослицу, некий человек просит у героя дать ему на время для перевозки тяжести. Ослица бежит к дому правителя (в осетинской сказке — царя, в дунганской — губернатора) и звонит в колокольчик, извещая, что она хочет подать жалобу. Этот мотив, известный в мировом фольклоре и в качестве отдельного самостоятельного сюжета (AaTh 207C — «Ослица звонком подает жалобу царю»), судя по паличию его в этих двух географически удаленных вариантах, видимо, также был принадлежностью древнейшей версии данного сюжета.

Конец дунганской сказки — встреча братьев и женитьба младшего на красавице-вдове, которой он возвращает прежний облик и которую заставляет в пьяном виде отрыгнуть обратно сердце чудесной птички, — также характерен для ряда разнорасовых версий данного сюжета — тибетской и монголо-ойратской (герои возвращают ослице (вар. обезьяне) человеческий облик, но женитьбы не происходит), в устной монгольской версии, где мотив женитьбы на красавице также отсутствует, герои бьют цезестку князя, проглотившую голову чудесной птицы до тех пор, пока она не отрыгнула ее, в осетинской, где есть и встреча братьев — один из них стал царем, и встреча происходит, как и в дунганской, благодаря жалобе ослицы; один из братьев возвращает ослице ее прежний облик, впоследствии герой встречает у реки мать и дочь и женится на дочери, из глаз которой вместо слез падают драгоценные камни; в свете анализа данного сюжетного типа ясно, что мать и дочь здесь и есть героини некой изначальной версии, трансформированной в современном осетинском варианте, где произошло раздвоение образа: женщина, обыгравшая всех в карты, и некая женщина с дочерью первоначально были, видимо, одним персонажем. В грузинской сказке герой превращает ослицу обратно в красавицу и женится на ней. Возвращение ослице первоначального облика с помощью чудесного салата и женитьба на ней — есть завершающий эпизод и в немецкой сказке, и в русском варианте, где герой превращает с помощью удара волшебным кнутом хитрую царевну в кобылицу, сказка кончается обратным превращением ее в красавицу и женитьбой героя на ней [57, № 197].

Проведенный нами анализ данного дунганского варианта позволяет сделать некоторые предварительные выводы. То, что данный сюжет отсутствует у китайцев (он не зафиксирован в каталоге В. Эберхарда и не встречается в поздних сборниках) и не отмечен в таком виде (AaTh 567A) в Японии и Корее, с одной стороны, и наличие его в Индии, у шанов Бирмы, в Тибете, у монголов, турков, а также у ряда кавказских и европейских народов — с другой, наводит на мысль о возможности его зарождения где-нибудь в Индии и распространении оттуда в центральноазиатском, среднеазиатском, ближневосточном, кавказском, европейских регионах. Указание в каталоге Аарне-Томпсона именно на индийские варианты этого сюжетного типа, наличие его в Тибете и в Бирме, куда иные влияния, кроме индийского, почти не доходили, свидетельствует, на наш взгляд, именно о возможности индийского происхождения. Сопоставительный анализ дунганского варианта, все сюжетные ходы которого, за исключением одного, заимствованного из близкого сюжета о двух братьях, находят себе точное соответствие в сказках данного типа других народов, дает основание высказать и другое предположение о хорошей сохранности сюжета у дунган и о возможной близости дунганской сказки реконструируемому прототипу.

Вместе с тем сравнительный анализ разнонациональных текстов показывает два основных пути развития данного сюжета: в одних версиях — индийской, шанской, монголо-ойратской и русских — большая роль в разработке сюжета отводится мотиву выбора царя (ThMot H.171.I); герой — обычно старший брат — приходит в город, где умер царь и где должны произойти выборы нового царя (в индийском варианте это делает королевский слон, в монголо-ойратском решено сделать царем того, на кого упадет брошенное с неба жертвенное блюдо, в русских — у кого в руках свеча сама загорится и т. п.). В других же национальных вариантах этого мотива нет совсем, и сюжет сказки развивается несколько по-иному: там основное внимание падает на разработку приключений младшего брата. Не исключено, что оба типа данного сюжета зародились в Индии.

№ 7.

В оригинале «Понжыр», зап. М. Хасановым в 1962 г. в г. Фрунзе от Нюсан Айши. Ганьсуйский вариант. Перевод М. Хасанова.

№ 8.

В оригинале «Понвын», зап. Б. Рифтиным в 1952 г. в с. Милянчуан (Милянфан) Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР от Ма-вулинова Ибрагима, уроженца г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант. Пер. Б. Риффина; Eb. 122 («Из облаков падает расшитая туфелька»), ср. AaTh 301B и Ik 301B.

Обе сказки являются вариантами одного и того же сюжета о поисках похищенной жены, чрезвычайно популярного в мировом сказочном эпосе; китайские фольклорные варианты этого сюжета подробно исследованы Дин Най-туном [222; 224], а литературные (средневековая литературная новелла и повесть) — К. И. Гольгиной [149]. В. Эберхард перечисляет 13 китайских вариантов данного сюжета, записанных в Восточном и Юго-Восточном Китае (провинции Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян). К этому можно добавить еще одну чжэцзянскую версию, опубликованную в 1955 г. [51, русский перевод — 65, 66—74], а также вариант, записанный от китайцев во Внутренней Монголии («Нищий и голодранец») [50, 42—52].

Непрерывным компонентом данного сюжета у китайцев, сохраняющимся и в обоих дунганских вариантах, является упоминание о туфельке, падающей с неба, ведаком именно по этой детали данный сюжетный тип получил свое название и в каталоге В. Эберхарда, и в трудах китайских ученых, например у Чжао Цзин-шэня [см. 41, 83]. Туфелька, обретенная героиней, с находки которой фактически и начинаются поиски похищенной девушки, фигурирует и в наиболее ранней литературной обработке этого сюжета (VII—VIII вв.) — новелле неизвестного автора «Белая обезьяна, об истории которой Цзян Цзун умолчал» [150].

Эта же деталь сохраняется и в сказках других народов Восточной Азии, например у западнохунаньских мяо («Змей-оборотень») [38, 293—297], у территориально близких к ганьсуйским дунганам дунсянов («Дровосек») [198, 90—93] и амдоских тангутов («Дочь водяного царя») [180, II, 149—152]. Вместе с тем у народов, населяющих далекие и периферийные по отношению к китайцам территории, эта деталь упорно отсутствует, будь то в явно плохо сохранившемся варианте хакка («Пещера в горах»)

[211, 212], в сказке ороков, живущих на Сахалине («Гэвхэту») [84, 350—353], или в сильно отличающийся от остальных хакасской «Сказке о глухом парне и подземном волке» [736, IX, № 538, 467—471].

Оба дунганских варианта (№ 7 и 8) при всей схожести сюжетных ходов имеют и ряд существенных отличий. В № 7 основным антагонистом героя является его сводный брат, что предполагает развитие этого варианта в соответствии с типом сказок о взаимоотношениях мачехи и ее родного сына, с одной стороны, и пасынка — с другой. Вариант № 7 осложнен большим вводным эпизодом, в котором говорится о болезни дочери царя и ее излечении — мотив, характерный для мирового сказочного фольклора и встречающийся достаточно часто в дунганских сказках. Однако этот вводный эпизод отсутствует как в проработанных В. Эберхардом вариантах, так и в просмотренных нами китайских и инонациональных версиях.

В этом вводном эпизоде рассказывается о семиглавом чудовище — мынгуцзы, сосущем кровь у принцессы и грозящем ей смертью в случае выхода замуж. «Мынгуцзы» — слово, заимствованное из монгольских языков, происходит от монгольского *мангус* — «мифологическое многоголовое чудовище-людоед», скорее всего от соответствующей не монгольской, а монгорской формы этого слова, имеющего вид «мангудзе» [199, 344], тем более что монгоры — ближайшие соседи ганьсуйских дунган. Следует отметить, что многоголовые чудовища вообще нехарактерны для фольклора народов Восточной Азии и наличие в данной сказке семиглавого чудовища-мынгуцзы лишний раз свидетельствует о его заимствованном характере. Исследователи монгольского фольклора, напротив, отмечают исключительно многоголовое — от десяти до девяноста — как характерный признак мангуса [см. 215, 328—330]. Среди многочисленных примеров многоголовых мангусов в монгольском фольклоре, приведенных Л. Лоринцем, нет упоминания о семиглавых чудовищах, однако в дунганском варианте фигурирует именно семиглавое чудовище, в сказках синьцзянских уйгуров, видимо тоже заимствовавших этот образ монгольской мифологии, есть семиглавая старуха-людоедка Ельмюнгюс [163, 86—88]¹. Л. Лоринц указывает на два типа мангуса, возводя один из них к тибетским народным представлениям о демонах и указывая в этом случае на два способа нанесения вреда людям: вызывание у них болезни, возникающей в результате высасывания крови, или просто съедение их [215, 318]. В дунганской сказке мы имеем именно первый случай, который

¹ Исследовательница уйгурских сказок М. М. Алиева специально пишет о семиглавой людоедке-ведьме, которая именуется *ямлевуз* или *мястан* [142, 54]. Возможно, что именно под влиянием уйгурского сказочного эпоса дунганские сказители наделяют чудовище семью головами. Кроме дунган и уйгуров образ мангуса заимствовали у монголов и другие соседние народы, например салары (в форме *мунгыскарджак*) [197, № 7, 11, 25], а также, например, якуты (в форме *монгус*). В. Я. Пропп, исследовавший образ змея в волшебной сказке, писал: «Змей прежде всего существо многоголовое. Число голов различно, преобладают 3, 6, 9, 12 голов, но попадаются и 5 и 7» [181, 197]. В нашем случае как раз наиболее постоянно, видимо, число 7. Оно сохраняется даже и в далекой и осложненной иными мотивами одной из турецких версий [86, № 80], где герой и спасенная им героиня, как и в дунганской сказке № 8, убивают семиглавое чудовище-великана.

можно рассматривать как ослабленный вариант каннибализма. Людоедство в сказках, однако, часто сочетается с эротическими намерениями персонажа [167, 119—120]. Видимо, и в нашем варианте чудовище грозит принцессе смертью, если она выйдет замуж, именно потому, что считает девушку принадлежащей ему в эротическом плане. В дунганской сказке чудовище-мынгуцзы наделено не просто семью головами — одна из них, средняя, похожа на лошадиную, и из нее вырывается пламя. Сопоставления головы мангуса с лошадиной в монгольском фольклоре, кажется, не встречается, нет там и огнедышащих чудовищ. Если происхождение первого представления выясниться не удастся, то описание змея-мынгуцзы как огнедышащего, возможно, восходит к древнекитайским, причем южным или юго-восточным верованиям, в которых фигурирует ман — огромный мифический змей, именно огнедышащий¹. То, что в дунганской сказке особо выделяется средняя голова мынгуцзы, видимо, не случайно. В китайском варианте этого сюжета, записанном во Внутренней Монголии, например, особо говорится об одной из девяти голов чудовища как об «истинной» (*чжэн тоу* [50, 45]). Наличие среди многих голов чудовища одной «истинной» — глобально распространенное в повествовательном фольклоре мифо-поэтическое представление, согласно которому «истинная суть» существа (в данном случае, видимо, душа) либо равномерно растворена в каком-то множестве предметов, либо заключена, наоборот, в одном из множества однородных предметов — отсюда уже представление об одной «истинной» голове чудовища² [см. 171].

В этом вводном эпизоде особо следует обратить внимание еще на несколько моментов: принцесса дарит своему спасителю перстень — жест, необходимый для обозначения истинного героя, причем происходит это, в отличие от других сказок, не после победы над чудовищем, а перед боем. Возможно, эта перестановка связана с тем, что речь идет не об освобождении похищенной девушки, которую нужно еще отвести во дворец, а об избавлении ее от вампира прямо в императорских покоях. Разлука здесь уже не подразумевается. Очень возможно, что и в орокском варианте этого сюжета должно было происходить дарение герою-избавителю кольца. Во всяком случае, там упоминается серебряное кольцо на мизинце похищенной чудовищем дочери вождя, но далее эта деталь никак не обыгрывается — следствие плохого пересказа (запись от студента-орока).

Второй мотив, важный в данном эпизоде, — это необыкновенный сон героя, прерываемый в критическую минуту слезой героини. Мотив этот, насколько нам известно, не встречающийся в сказках китайцев и других народов Дальнего Востока (он не отмечен, например, в каталоге сюжетов и мотивов японского фольклора), весьма обычен для сказок народов Европы (ThMot D. 1978, 2), в том числе и для русского фольклора [57, III, 556]. Как указывает С. Томпсон, мотив этот обычен для сказок типа (AaTh 300) («Победитель змея»), где герой, как и в зачинном эпизоде нашей сказки, должен уничтожить семиглавого, извергающего огонь змея (AaTh 300 IIIa, b; IV b, e).

¹ В. Я. Пропп отмечает, что вообще в сказках змей, как и конь, — существо, извергающее огонь [181, 198]. В нашем случае мы имеем как бы соединение этих обоих сказочных типов, т. е. змея с лошадиной головой.

² В сказках лобнорцев она называется «етим баш», голова-сирота [162, 38, 120], т. е. отдельная, одинокая, не имеющая себе равных голова, хотя речь идет опять-таки о ведьме, у которой всего семь голов.

Как и во всех сказках данного типа, герой должен доказать впоследствии свою «истинность». Обычно в качестве ложного героя, оспаривающего право на спасенную принцессу, выступает брат, или побратим, или друг героя. Здесь же, поскольку основное действие сказки еще не началось, в качестве ложного претендента выступает некий безымянный самозванец — случай для сказок весьма редкий. Определение истинного героя через испытание — поднятие тяжести (тела убитого змея) — мотив, тоже весьма распространенный в сказках разных народов. Подобный тип опознания истинного героя возможен здесь потому, что убийство чудовища происходит непосредственно во дворце, а не в подземном мире. Вместе с тем при данном разрешении конфликта остается временно не реализованным мотив подаренного кольца. Все это связано опять-таки с вводным характером эпизода, построенного по типу зачинных рассказов — жухуа, характерных для китайского прозаического сказа, когда перед основной историей сказитель в ожидании, пока соберутся все слушатели, рассказывал кратко историю, аналогичную основной или, напротив, резко с ней контрастирующую. Здесь аналогичная история, правда, теснее вплетена в общее повествование благодаря привязке к одним и тем же героям, но в целом избавление принцессы от чудовища-мынгуцзы как бы дублирует основной подвиг, вызволение ее от настоящего похитителя — оборотня-ёгуэй.

Основное повествование в сказке № 7 начинается с того момента, когда герой Понжыр отправляется рубить дрова. Начало основного повествования в данном варианте несколько скомкано, так как не сказано, где герой рубил дрова, и пропущен чрезвычайно важный для сказок этого типа жест — герой запускает в вихрь коромыслом, и тогда с неба сваливается к его ногам расшитая туфелька. Следует подчеркнуть, что герой во всех версиях оказывается дровосеком (см. Еб № 122, Mot 1, а также вариант из Внутренней Монголии, где герой — нищий, но все-таки отправляется в горы за хворостом [50, 42]). Поскольку в данном варианте герой не бросает в чудовище-вихрь коромыслом, то выпадает и еще одна важная для этого сюжетного типа деталь — в других вариантах этого сюжета герой ранит коромыслом оборотня, укравшего девушку, и впоследствии идет искать ее по следам крови (см., например, китайский вариант из провинции Цзянсу — «Соединение золотого браслета» [41, 83—91] или китайский из Внутренней Монголии [50, 42—43] и дунсянский из Ганьсу [198, 90], в которых герой ранит похитителя топором). Упоминание о ранении похитителя и о следах крови отсутствует в обоих дунганских вариантах № 7 и 8, нет его и в тангутском варианте, что, видимо, свидетельствует о не очень хорошей сохранности сюжета.

Стоит обратить внимание на то, что, хотя в сказках самых разных народов героиню похищает часто тоже вихрь (ветер) [см. 181, 199], только, видимо, в сказках китайцев, дунган и некоторых других соседних народов говорится, что герой запустил в вихрь коромыслом или топором. Этот, казалось бы, вполне бытовой жест, по всей вероятности, в своей основе восходит к аналогичному ритуальному жесту. На эту мысль наводит нас любопытный комментарий, данный Г. Н. Потаниным к тангутской версии сюжета со слов самого рассказчика. В тангутском варианте герой находит на дне норы дракона (сына морского царя) со сломанной рукой. «Рассказчик объяснил, — пишет Г. Н. Потанин, — что изломал руку дракону бонбоцзы, шаман, бросив в воздушное пространство дорджи или пращей, когда дракон делал грозу. Тангутские шаманы для укрощения

грозы бросают в тучу или очирь, или особо приготовленные пилюли» [180, II, 149]. Этнограф Ч. М. Таксами, например, свидетельствует о том, что у нивхов, «в период нахождения охотника на промысле, если подымался сильный ветер, домашние устраивали лазанть (дъ), т. е. „били ветер“... Прибежали еще к действиям ла х'адь — „стрелять в ветер“, т. е. стреляли из лука или ружья против ветра» [196, 76]. Очень возможно, что сходные представления о ветре (вихре) и магическом битье (стрельбе) в него существовали в древности и у китайцев, и у предков дунган.

В № 7 герой хочет отправиться на поиски похищенной принцессы один, но император дает ему войско, что характерно для большинства вариантов данного сюжета (дунганский № 8, орокский, тангутский, китайский из Цзянсу), однако в некоторых текстах деталь эта не обязательна, в китайской сказке про У-гэна и Шин-э (провинция Чжэцзян) в дунсянской и в сильно архаизованной хакасской сказке герой отправляется или с братом (братьями), или с другом без всякого войска, которое практически не принимает никакого участия в действиях. Войско, однако, придется герою в тех случаях, когда он идет освободить именно дочь правителя (исключение — китайский вариант из Внутренней Монголии), а не дочь просто богатого человека, который по своему статусу и не мог дать ему воинов.

Далее развитие действия в № 7 происходит не совсем трафаретно: Дуаньчжянь сбрасывает Понжыра в пропасть еще до того, как они находят девушку. Обычно в сказках этого типа ложный герой, вытащив из пещеры (т. е. из нижнего, загробного мира) похищенную девушку, оставляет там самого героя и заваливает выход камнями. Иначе развивается в № 7 действие и далее. Ложный герой первым находит принцессу, но потом при виде прiletевшего оборотня бежит без оглядки. Тут на сцене вновь появляется истинный герой — Понжыр, рассекающий чудовище. Вообще рассечение чудовища на части — мотив, обязательный для ряда сказок данного типа, ему мало отрубить голову, его надо еще рассеять на части — так поступил Понжыр с чудовищем-мынгуцзы, так он убивает и ёгуэя. В китайском варианте из Внутренней Монголии похищенная девица предупреждает героя, что он должен не только отрубить «истинную» голову оборотня (ягоуая), но и обязательно разрубить его тело на несколько частей, только тогда тот умрет. Наиболее сложным образом происходит уничтожение похитителя в дунсянском варианте, где отрубить все семь голов чудовища тоже оказывается недостаточным: после отрубания семи голов появляется семь жил, которые нужно накрутить на палку, затем появляются семь стоножек, и только когда герой сжигает их в котле, борьба с чудовищем-похитителем считается оконченной. В дунсянской сказке отчетливо видна трансформация мотива «убегания души», имеющего ярко выраженный характер шаманского «поединка», построенного на чередовании сменяющихся друг друга обличий, которые принимает спасающаяся от преследования внешняя душа [171, 66—70]. В принципе для сказок разных народов характерен именно мотив сожжения отрубленных голов змей [181, 202], рассечение тела чудовища на части в китайских и дунганских вариантах, видимо, есть ослабленный вариант того же мотива.

Идентификация героя в № 7 также происходит не по обычным нормам сказочной поэтики, т. е. не после возвращения героя в дом отца похищенной девицы, а прямо у трупa побежденного похитителя — результат ряда сюжетных смелений: бегства ложного героя и тем самым сня-

тия его притязаний на принцессу, в результате этого выпадает и целый ряд характерных для этого сюжетного типа эпизодов — приключения героя в подземном мире, его вызволение оттуда и т. п. Необычен несколько и конец в № 7, он повторяется и в № 8, что показывает его неслучайный характер. Вместе с тем ни в одном из изученных нами вариантов (китайцев и других народов) нет столь необычного эпизода с зарыванием ложного героя по горло в землю и отрубанием его головы под предлогом необходимости выровнять дорогу. Вместе с тем нам неоднократно пришлось слышать от среднеазиатских дунган о Понжыре (Понвыне), который «ровняет дорогу», что свидетельствует о популярности этой сказки именно с таким концом. Казнь мачехи путем привязывания к хвосту дикого коня тоже нехарактерна для сказок дальневосточных народов.

Второй дунганский вариант № 8 представляет собой как раз весьма типичную, так сказать, «классическую» разработку данного сюжета: герой рубит хвост (ср. № 7), налетает вихрь (ср. № 7), бросает вверх коромысло (см. анализ № 7, где приведены разные варианты этого мотива), к его ногам падает туфелька (ср. № 7, а также анализ, с. 426), император приказывает вывесить объявление о пропаже дочери, герой срывает объявление (ср. китайские варианты из Чжэцзяна, Цзянсу, Внутренней Монголии; вместе с тем, поскольку эта деталь, видимо, тесно связана именно со средневековым китайским бытом, она отсутствует в инонациональных вариантах — дунсянском, тангутском, орокском, хакасском). Однако приход героя к отцу похищенной девушки и разговор с ним (с предъявлением туфельки или, как в орокском, без нее) есть во всех вариантах, кроме далекого хакасского. В чжэцзянском, правда, вместо истинного героя к отцу девушки идет его брат — ложный герой. О выезде с войском мы уже говорили выше. Спуск героя в пещеру (под землю), отсутствовавший в № 7, характернейший мотив сказок этого типа, включая китайские, тангутский, дунсянский, орокский и хакасский варианты. Этот спуск символизирует нисхождение героя в подземный, нижний мир, фактически, видимо, в царство мертвых.

Герой дунганской сказки (№ 8) видит, что у змея разбита голова, — это результат ранения брошенным героем вверх коромыслом, деталь, обычная в такого рода сказках, однако здесь, видимо, случайно отсутствует упоминание о следах капавшей из раны крови, по которой, как уже говорилось выше, герой должен был отыскать обиталище чудовища. Героиня дунганской сказки № 8 предупреждает Понвына, что змея можно убить только его собственным мечом, — деталь, характерная для рода вариантов этого сюжета (китайского из Внутренней Монголии, дунсянского, орокского). То, что в «бою» принимает участие и девушка, отрубающая хвост змея-оборотня, — особенность данного единичного варианта. Вместе с тем такое двойное разрушение тела змея, видимо, соответствует разобранному выше представлению о необходимости для полного уничтожения похитителя разрубить его на части. После уничтожения оборотня-похитителя в соответствии с логикой развития сюжета спасенная героиня должна дать своему спасителю какой-либо предмет, который потом предъявляется в качестве знака подлинности героя и которого, естественно, не может предъявить ложный герой (например, в № 7 он даже не знает, о каком кольце спрашивает принцесса). В № 8 дочь императора предлагает разломать пополам свой браслет, чтобы впоследствии наверху (на земле) сложить обе половинки в доказательство идентификации героев (аналогично в китайском варианте из Внутренней Монголии, в цзянсуй-

ском — девушка ломает золотую заколку). Разламывание какого-либо предмета, обычно имеющего отношение к туалету, — браслета, заколки, зеркала с целью дальнейшей идентификации встречается в китайской литературе со времен едва ли не раннего средневековья: так, к VI в. приурочено предание о лэанской принцессе, давшей своему мужу половинку зеркала и потом по этой половинке опознавшей его. В «Книге божественного и удивительного» («Шэньцзин», V—VI вв.) приводится следующее предание: «Некогда муж и жена при расставании разломали пополам зеркало, и каждый взял себе по половинке. Впоследствии, когда жена вступила в связь с другим мужчиной, ее половинка зеркала обратилась в сороку и полетела к мужу той женщины. С этого и пошел обычай, отливая зеркала, изображать на тыльной стороне сороку». Вообще разламывание предмета на части с целью последующего складывания и идентификации имеет в Китае явно бытовую основу, известно, что еще совсем не так давно при назначениях на должность, например в армии, выписывался специальный документ, который разрывался. Половина его давалась в руки назначенному, а вторая посылалась на место назначения. По прибытии вновь назначенного половинки складывались для того, чтобы удостовериться в подлинности документа и правомочности прибывшего. То, что в сказке № 8 и в китайском варианте из Внутренней Монголии разламывается для последующего соединения браслет, т. е. круглый предмет (зеркала в старом Китае тоже были только круглые), не является случайностью. Круг и соответственно круглые предметы всегда были символом единения, соединения, семейного счастья (ср. дунг. и кит. т у а н ь о а н ь — букв. «полный круг» — выражение, означающее счастливый конец какой-либо истории с воссоединением ранее разлученных супругов и других родственников).

Подъем на поверхность — также существенный сюжетный ход всех вариантов данного сюжета. Как заметил С. Ю. Неклюдов, исследовавший данную тему на материале эпоса и сказки, в отличие от «легкого пути туда — в подземное царство, путь похитителя обратно, в этот мир всегда труден» [172, 21]. Внешне это выражается в нежелании спутника героя, уже вытаскившего освобожденную герою девушку, вытаскивать и его самого. В разных сказочных текстах мы находим разные способы реализации данной идеи: 1. спутник (спутники) просто не хотят доставать героя и заваливают выход из нижнего мира (китайские варианты из Цзянсу и Внутренней Монголии, венгерский — без засыпания входа) — именно этот тип мы находим и в дунганском варианте о Понзыне; 2. спутник героя инсценирует обрыв веревки, просто упуская ее конец в яму (китайский из Чжэцзяна, дунсянский); 3. веревка или заменяющее ее подъемное сооружение обрывается, перерубается (русская сказка о трех царствах [57, № 128] или орокский вариант, где перерубается особый дом из двух половин — верхней и нижней, спускаемый на веревках в отверстие земли).

В анализируемой дунганской сказке герои явно как бы знают заранее о той ситуации, которая сложится при подъеме их на поверхность. Спасенная дочь императора прямо говорит герою: «Если я первой подымусь, то ведь веревка больше не опустится», но герой сознательно идет на это. Аналогичная ситуация, хотя и в более завуалированном виде (девица просто, без объяснений, предлагает герою подняться первым), наличествует в дунсянском и орокском вариантах. И только в хакасской сказке герой, предупрежденный заранее, действительно первым выбирается

на поверхность и никакого конфликта с братьями у него уже не происходит.

Герой дунганской сказки, оставшись один в подземном мире, находит там еще одного пленника, которого, как подразумевается, заточил туда злой оборотень. Понвыи слышит стоны и находит придавленной каменной плитой юношу, оказывающегося сыном царя драконов. В китайских вариантах (цзянсуйском, чжэцзянском) герой видит рыбу (голец, карп), прибитую гвоздями к стене, в китайском варианте из Внутренней Монголии герой видит маленького белого дракона, прикованного цепью к столбу, в тангутском — лежащего дракона со сломанной рукой. В варианте из Внутренней Монголии, во многом близком к дунганскому, тоже упоминается каменная плита, которую должен сдвинуть герой, под плитой в каменной шкатулке лежит небесная книга, благодаря чтению которой (видимо, заклинания или молитвы из нее?) с дракона спадают железные цепи.

Далее в дунганском варианте (№ 8), как и во всех китайских, а также в тангутском, действие развивается в соответствии с сюжетной схемой, разобранный нами выше (анализ № 1, 2): герой приглашен благодарным спасенным им сыном царя драконов в подводное царство, по подсказке сына просит у царя волшебный предмет (в нашем варианте барабанчик), оказывающийся воплощением дочери царя драконов. Однако, поскольку по законам развития данного сюжетного типа («Спасение похищенной принцессы») герой должен в конце концов жениться на спасенной им девушке, мотив волшебного предмета, полученного в подводном царстве и заключающего в себе дочь царя драконов, полностью не реализуется — женитьбы на дочери морского царя не происходит, и сам волшебный предмет исчезает (так же и в китайской сказке из Внутренней Монголии). Любопытно, что в тангутском варианте, наоборот, не реализуется первый, казался бы, основной мотив сказки. О спасенной принцессе более не упоминается, и герой женится как раз на дочери морского царя.

Необходимо отметить, что у большинства народов сюжет этот (Aa Th 301) в заключительной своей части развивается несколько иначе: герой обычно спасает (от змея) птенцов какой-либо могучей птицы¹, в благодарность птица выносит его на поверхность, но требует, чтобы он кормил ее мясом во время пути, когда взятого с собой мяса не хватает, герой дает птице кусок своего бедра (колена и т. п.), и они выбираются на поверхность. После этого птица отхаркивает съеденный кусок тела героя, и он чудесным образом прирастает. Такого рода концовка весьма устойчива, она встречается и в дунсянской сказке из Ганьсу, и в турецком варианте [86, № 72], и в русской сказке [57, № 128], и в венгерской [59, 87—88], где герой скормливает птице одну руку и одну ногу. В отдельных национальных вариантах отдельные мотивы, участвующие в сложении этого сюжетного хода, могут выпадать или трансформироваться, но в целом схема весьма устойчива. В орокском тексте, например, герой спасает висящего на дереве ребенка (ср. гибнущих в гнезде птенцов грифа в венгерской сказке), в награду за это родители спасенного ребенка дают герою двухголового сефона (идола в виде птицы?), который выносит его на поверхность без всякого кормления. Можно ду-

¹ В этом находит проявление одна из основных мифолого-сказочных оппозиций: змея (символ нижнего мира) — птица (символ верхнего мира) и их вечный антагонизм.

мать, что у дунган, как, например, и тангутов, в силу влияния распространенных у китайцев и ряда соседних народов мифологических представлений, связанных с культом дракона как водного и морского хозяина, развитие сказок данного типа пошло по более привычной для фольклора этих народов сюжетной схеме, тающей в себе, правда, некоторые сложности в плане невозможности (или нехарактерности) для сказки женитьбы героя сразу на двух девушках: спасенной и получаемой в «заколдованном» виде в подводном царстве.

Дальнейшее развитие сюжета в № 8 не совсем трафаретно. Попав из моря снова на сушу, герой в конце концов добирается до одного города и останавливается на постоялом дворе, где сталкивается с ложным героем, пытающимся отнять у него волшебный барабанчик. Известную аналогию этому эпизоду мы обнаружили лишь в китайском варианте из Внутренней Монголии, где герой после подводного царства оказывается тоже на постоялом дворе, но встречает там какого-то неизвестного палача, пытающегося отнять у него чудесную тыкву-горлянку.

В дунганском варианте № 7 мы отметили определенное дублирование эпизодов (два боя героя с двумя разными чудовищами), в № 8 тоже происходит как бы дублирование — герой, уже однажды брошенный ложным героем в подземелье, вновь сталкивается им в сухой колодец — аналог того же подземного мира, но на более бытовом уровне. Сталкивание в колодец, жалоба барабанчика государю, вытягивание героя из колодца — все это, видимо, принадлежность данного сказительского варианта, сочиненного, однако, не самим рассказчиком, от которого была произведена запись, а слышанного им ранее от стариков — шэньсийских дунган. Идентификация героя путем сложения половинок браслета — черта, обязательная для всех вариантов, где героиня дает спасителю какой-то предмет или часть его в доказательство его истинности. Конец № 8, как уже говорилось, повторяет ситуацию № 7. Казнь ложного персонажа, правда, иногда заменяется другими видами наказания, в варианте из Внутренней Монголии, например, у ложного героя и его жены просто вытягиваются носы (до двух чи, т. е. более 64 см), а глазницы расширяются до самой макушки. (Вытягивание носа — наказание, часто встречающееся в китайских сказках, правда, другого сюжетного типа — «Подслушанный разговор зверей».)

№ 9.

В оригинале «Чжон Тянью», зап. М. Хасановым в с. Шор-Тюбе в 1959 г. от Щимеева Юнуса. Шэньсийский вариант. Пер. М. Хасанова, дунганский текст опубликован [7, 99—114]. Сходный вариант под названием «Чжибудо» («Не знаю») записан им же в 1964 г. от Гарова Баги. Еще один дунганский вариант под названием «Три брата» был записан в 30-е годы у среднеазиатских дунган А. А. Драгуновым [80, 27—31]; Еб — вет. Аа Th 532 («Не знаю»).

Сюжет — согласно указателю Аарне — Томпсона широко известный у целого ряда европейских народов, в Азии он отмечен в Индии и в Турции. К этому мы можем добавить казахский («Незнайка») [63а, 49—56] и туркменский («Шахаде и его жеребенок») [73, № 48] варианты, а из европейских — молдавский («Ион Молдавану») [66, 25—37].

Дунганский вариант содержит все основные сюжетные ходы, отмеченные в указателе Аарне — Томпсона. Как и положено в соответствии с

данной схемой, действие сказки начинается с появления мачехи, завидящей себе любовника, советующего, как извести пасынка (ThMot S. 31). Аналогичное начало мы находим в казахской, туркменской, турецкой версиях (ЕВВо № 247), в одной русской сказке этого типа [57, № 295], но в первой, однако, вместо мачехи фигурирует, видимо, мать мальчика, в туркменской и русской выпало упоминание о любовнике и почему мачеха хочет отравить пасынка не мотивируется. В турецкой версии жена падишаха заводит роман с визирем. В дунганском варианте любовник — лама, т. е. представитель чуждой дунганам религии, отсюда, может быть, и его отрицательная окраска. В сказках дунган образ лама встречается крайне редко (см. еще № 35), так что, возможно, этот факт должен свидетельствовать о заимствовании сказки от соседних народов, исповедовавших ламаизм (желтые уйгуры, монголы, монгоры и т. п.). Отсутствие этого сюжета у китайцев и японцев также, видимо, должно говорить в пользу предположения о недалежевосточном его происхождении.

Способы, которыми мачеха пытается уничтожить пасынка, во всех вариантах разные, но преобладает попытка накормить юношу отравленной пищей (казахский, туркменский варианты), в русской сказке [57, № 296] упоминается и волшебная рубашка, надев которую герой должен умереть. Во всех трех случаях в разномациональных вариантах героя предупреждает о смертельной опасности чудесный конь (ThMot B. 401). Во всех этих вариантах, когда умертвить пасынка не удастся, мачеха по совету любовника (или колдуньи в русской и туркменской версиях) притворяется больной и требует сердце (казахский — мясо, туркменский — язык, русский — желчь) кося, помогающего герою. Конь опять предупреждает мальчика. В дунганской сказке отец отсылает сына к учителю, который не отпускает мальчика, слышащего ржание своего любимца, лишь на третий раз он сбивает учителя с ног и прибегает. Абсолютно аналогичная ситуация встречается и в туркменской версии: сын падишаха ходит к мулле (видимо, учиться), тот не отпускает его, юноша ударяет муллу доской по голове и убегает к коню. Герой просит разрешения один раз проехаться верхом на своем любимце и скрывается (казахский, туркменский, турецкий, русский варианты, причём туркменский и турецкий, видимо плохо сохранившиеся, на этом и кончатся).

Присхав в новые места, Чжон Тянью отпускает жеребенка, вырвав у него из гривы несколько волосков, так как согласно совету жеребенка стоит только зажечь его волосок, как он явится к своему хозяину¹ (точно так же происходит в казахском и русском вариантах), в молдавском варианте герой для этого звонит в колокольчик.

Следующий сюжетный ход дунганской сказки связан с поступлением героя на работу к императорскому садовнику, — мотив, обычный и постоянный для данного типа сказок (ThMot K. 1816. 1) (см. казахский, русский 57, № 296, а также 57, № 295, где героя посылают в сад отпугивать птиц вместо чучела, румынский («Фат-Фрумос Золотокудрый» [88, 10]), и только в сильно трансформированном молдавском варианте царь посылает героя пасти гусей, а в сказке бр. Гримм «Железный

¹ В варианте, записанном А. А. Драгуновым, герой получает от некоего старца три перышка (белое, черное и желтое), которые он сжигает поочередно, получая коней соответствующей масти.

Ганс» (№ 136), являющейся тоже вариантом данного сюжета,— мальчиком на кухню; в любом случае, однако, герой оказывается в низкой должности при царском дворе.

Далее в дунганской сказке начинают играть роль уже и золотые волосы юноши. Вообще золотые волосы в сказке обычно связывают героя с солнцем, «золотая окраска есть печать иного царства», считает В. Я. Пропп [181, 264]. Золотые волосы, однако, как атрибут сказочного персонажа нехарактерны для дальневосточного фольклора, но встречаются в центральноазиатских сказках (тибетских, где золотые волосы прямо связаны с солнцем; калмыцких, где медноволосая героиня — видимо, аналог золотоволосой — явно связана через свои волосы с каким-то особым царством¹, в ее волосах находится и ее магическая злая сила [67, 78—90]). В дунганской сказке золотые волосы даны герою как бы от рождения, в некоторых европейских вариантах исследуемого сюжета поясняется, что золотыми волосы юноши становятся после того, как он окунает их в чудесную воду (в колодец у таинственного лесного человека Железного Ганса в сказке бр. Grimm или в ванну в спальне у феи в румынском варианте). В одном из трех русских вариантов в сборнике Афанасьева [№ 296] тоже есть глухое упоминание о том, что «кудри [героя] словно золото по плечам рассыпаются» [57, II, 413], однако другие русские варианты, а также казахский показывают, что деталь эта может и выпадать, указания на нее нет и в каталоге Аарне—Томпсона. В дунганской сказке герой по совету садовника закрывает свои золотые волосы особым «колпаком» (в оригинале тукэкер, видимо, от «ту» — «плешивый», «лысый» и «кэкер» — букв. «скорлупа»), сделанным из бараньего желудка², во всех национальных вариантах, где у героя золотые волосы, он либо закрывает их бычьим пузырем (румынский вариант и русские сказки — 57, № 571; 295), либо прячет под колпаком («Железный Ганс»), в некоторых национальных вариантах, например молдавском, где о золотых волосах героя не упоминается, все-таки остается мотив закрывания головы героя (Ион Молдавану слишком красив, и поэтому конь советует ему закрыть лицо телячьей шкурой). В каталоге Аарне—Томпсона указывается просто на переодевание героя в платье бедняка (ThMot K.1816), именно так происходит, например, в казахской сказке, где юноша, сын хана, передевается пастухом. В. Я. Пропп, отмечая связь этого жеста с «неузнанным прибытием» героя, предполагает, что «мотив безволосого жениха или жениха с покрытыми волосами» генетически связан с обрядом инициации [181, 122]. В самой же сказке плешивость героя переводит его сразу же в разряд наиболее презираемых, социально низких персонажей.

Однако младшая дочь императора видит однажды юношу во время купания без колпака и влюбляется в него. В казахской версии младшая дочь хана тоже видит героя во время купания в пруду и влюбляется

¹ В представлении народов Дальнего Востока и Центральной Азии, где все население имеет только черные волосы, золотой цвет волос должен еще более выделять такого героя, чем, например, в Европе.

² Точно так же поступает герой и другой дунганской версии — «Три брата», из которых «младший на голове носил шапку, сделанную из бараньего желудка, и потому все называли его „плешивый“» [80, 27], когда же он сбросил шапку — «тотчас половина волос его сделалась золотой, а половина — серебряной» [80, 31].

в него (мотив золотых волос там опущен), зато в румынской и немецкой сказках, так же как и в дунганском варианте, царская дочь влюбляется в героя, именно увидев его золотые кудри (ср. в ослабленном виде 57, № 296, в молдавском варианте девушка видит юношу в момент, когда лицо его не закрыто шкуркой). Можно думать, что золотые волосы героя восприимчивы в этих сказках не только как связь юноши с иным (чудесным?) миром, но в большей степени на не столь глубинном семантическом уровне, как знак принадлежности героя к царскому роду.

Следующий сюжетный ход дунганской сказки связан с мотивом поднесения принцессам трех арбузов разной степени зрелости. Мотив этот также характерен для сказок данного типа, хотя и не указан в схеме у Аарне—Томпсона. Он наличествует в румынском, казахском (дыни вместо арбузов), русском (57, № 296 — яблоки вместо арбузов или дынь). Во всех этих вариантах дается одно и то же объяснение скрытого намека: перезревший плод, предназначенный старшей принцессе, означает, что она давно должна была выйти замуж, наполовину сгнивший и т. п. — для средней, означающий, что и ее пора было выдать замуж, и сочный (или еще зеленый, как в русской сказке) — для младшей дочери, что ее срок пришел. Сопоставление срока женитьбы с созревшим арбузом в дунганской сказке может быть связано и с соответствующей дальневосточной символикой. В китайском языке, например, существовало выражение *гуацзи* — букв. «срок тыквы» (*гуа* — общее название всех бахчевых культур), означающее время любовного свидания, полового соединения [174, I, 111].

Поняв намек, император решает выдать своих дочерей замуж, для этого принцессы должны подняться на «цветочную башню» и бросить в своих избранников вышитый мячик. В казахской сказке хан велит дочерям подняться на минарет и бросить в женихов яблоки, в молдавском и одним из румынских вариантов, записанном в 1956 г. в юго-западной Румынии [91, II, 351], героиня с балкончика должна бросить яблоко в своего жениха¹, в еще одном румынском варианте царь велит поставить во дворе огромные ворота и велит женихам по одному проходить сквозь них, принцесса же должна была, как и в других вариантах, бросить в приглянувшегося ей юношу яблоком [88, 13]. В ослабленном и трансформированном виде этот мотив сохраняется и в немецкой сказке «Железный Ганс», где король велит дочери бросать золотое яблоко, в надежде что чудесный незнакомец явится во дворец, чтобы поймать его. В русских сказках (судя по сборнику Афанасьева) этот мотив вообще отсутствует.

Нетрудно заметить неестественность казахского варианта (девушки взбираются на минарет), некоторую странность румынской сказки, где строится для женихов специальные ворота. В дунганской сказке героиня находится на специальной «цветочной башне» (или вышке — цэй лу или цэй ху а лу — кит. *цайлоу*) и именно оттуда бросает в юношу вышитый мячик (цю дань — ср. кит. *сюцю*)². Естествен вопрос: стоит ли

¹ Принюшу благодарность В. М. Гацаку за консультации по румынским и молдавским версиям данного сюжета.

² В версии, записанной А. А. Драгуновым, этот мотив явно трансформирован: там говорится, что государь повелел построить башню в три этажа и пообещал отдать свою дочь в жены тому, кто перепрыгнет на коне эту башню.

за этим описанием реальный этнографический обычай? То, что описание это не случайно, может быть подтверждено ссылками на другие дунганские сказки, например на чрезвычайно популярную у среднеазиатских дунган историю о Сюэ Пин-гве (кит. Сюэ Пин-гве) [13, 213]. Разыскания Л. Н. Меньшикова [168] и Гу Цзе-гана [103, 111—120] показывают распространенность подобного сюжетного хода в китайской средневековой литературе, особенно в драмах и в песенно-повествовательных произведениях жанра таньцы (Юго-Восточный Китай). Наиболее раннее и подробное упоминание о выборе жениха путем бросания невестой со специальной вышки расшитого мячика исследователи находят в драме Ван Ши-фу (конец XIII — начало XIV в.) «Полуразвалившаяся пещера Люй Мэн-чжэна во время вьюги». В пьесе рассказывается о богаче Лю Чжун-ши, который велит построить для дочери цветную вышку (*чайлоу*) и предлагает дочери бросить в того, кто ей приглянется, цветастый мячик (*чайцю*), чтобы сделать его своим зятем. Дочь попадает мячом в бедного студента Люй Мэн-чжэна, недовольный отец пытается расстроить брак, но девушка стоит на своем. Тогда отец прогоняет дочь и ее жениха, они поселяются в старой пещере и становятся мужем и женой. Впоследствии Люй Мэн-чжэн успешно сдает экзамены первым и получает высокие посты и титулы.

Аналогичная ситуация описывается и в других драмах XIII—XIV вв. Л. Н. Меньшиков указывает в этой связи на «Западный флигель» того же Ван Ши-фу, анонимные пьесы «Лист утуна» и «Пруд Цюйцзянчи», Гу Цзе-ган, не упоминая этих произведений, ссылается, в свою очередь, на драму Гуань Хань-цина «В храме горного духа Пэй Ду возвращается пояс». Все это свидетельствует о чрезвычайной распространенности этого мотива в драмах XIII—XIV вв. Вместе с тем нетрудно заметить, что во всех этих пьесах действие развивается фактически по одному и тому же трафарету в двух его вариантах: герой беден и тесть прогоняет его вместе с дочерью, они живут в пещере, потом герой добивается высокого поста, пройдя на экзаменах первым и получив почетное звание чжуаньюаня (вариант, описанный, например, в пьесе о Люй Мэн-чжэне¹); и обратный вариант, когда вышитый мяч бросается в юношу, уже получившего звание чжуаньюаня. Л. Н. Меньшиков считает, что во всех этих произведениях отражен реальный средневековый обряд. Гу Цзе-ган высказывается несколько осторожнее, считая, что у нас нет еще точных доказательств наличия такого обычая в средневековом Китае. Стоит обратить внимание и на то, что сравнение жизнеописания реального Люй Мэн-чжэна, помещенного в «Истории династии Сун», с пьесой Ван Ши-фу показывает, что пьеса весьма далека от реальной жизненной ситуации: согласно «Истории» Люй Мэн-чжэн, например, был изгнан из дома вовсе не с невестой, а с родной матерью, которую невзлюбил его отец, и именно с ней жил в старой пещере [110, 185]. В пьесе же, видимо, в соответствии с художественным трафаретом, соответствующим сказкам нашего типа о замужестве дочери царя или богача и бедного юноши и изгнании их обоих из дома тестя, мать заменена на жену героя и ситуация абсолютно аналогична описанной в сказании о Сюэ Пин-гве.

Было бы странно предположить, что такой важный факт, как же-

¹ Некоторым исключением являются, правда, старинные пьесы о Сюэ Пин-гве, в которых герой становится зятем государя соседнего царства.

нитьба героя благодаря выбору с помощью вышитого мяча, будь она реальностью, не нашла бы упоминания в официальном жизнеописании Люй Мэн-чжэна. Сопоставление другой пьесы Ван Ши-фу, «Западный флигель», с ее прототипом «Жизнеописанием Ин-ин» танского Юань Чжэня также свидетельствует о том, что эпизод с цветочной вышкой и бросанием мяча «входит» в сюжет при его драматической обработке. Вместе с тем обращение к реальным этнографическим источникам показывает, что отдельные компоненты данного сюжетного хода были реальностью. Словарь Морохаси Тэудзи помогает нам отыскать первое упоминание о «цветной вышке» в этнографическом трактате Мэн Юань-лао (XII в.) «Пестрые записи снов о Восточной столице», где в описании столицы Северосунской династии города Кайфэна говорится: «Вечером в седьмой день седьмой луны в столице в большинстве богатых домов во дворах ставили (букв. связывали) цветные вышки... в переулках и у домов певичек ставили их перед воротами, все восхваляли их роскошество» [143, 215]. Мэн Юань-лао связывает этот обычай с седьмым днем седьмой луны, т. е. с праздником, ассоциируемым в сознании китайцев со встречей Волоса и Ткачихи, т. е. с любовным свиданием (см. выше о символике тыквы и периоде ее созревания). С этим же днем связывается строительство цветной вышки и в стихотворении Ли Чжуна «Вечер седьмого дня седьмой луны» [см. 112а, VIII, 1104]¹.

Нам неизвестно точно, как выглядели подобные «цветные вышки» в сунскую эпоху, но Л. Н. Меньшиков, обнаруживший их изображения на новогодних лубках конца XIX — начала XX в., пишет: «Внешний вид цветной вышки можно представить себе по современному китайскому лубку, где сюжет с цветной вышкой встречается довольно часто. На четырех столбах, увитых цветочными лентами, установлен несколько выше человеческого роста помост, на который и подымается девушка с вышитым мячом в руках. Над помостом на тех же столбах возведена крыша, а сам помост обнесен разными перилами». Едва ли поздний лубок сохранил вид сунских *цайлоу* в точном виде. Известно, что китайский лубок весьма тесно связан с театральными сюжетами, и логично предположить, что изображение цветной вышки на лубке отражает некую реальность, воспринятую через изображение ее на сцене.

Второй «компонент» анализируемой ситуации — бросание вышитого мячика девушкой в понравившегося ей юношу — также этнографически известный обычай, по свидетельству Гу Цзе-гана, он отмечен у ряда народов Южного Китая и сопредельных стран. Сунские авторы Чжоу Цюй-фэй и поэт и путешественник Фань Чэн-да (1126—1193) описывают применительно к области Цзячжи (Северный Вьетнам) противоположный вариант — юноша выбирает себе невесту, кидая во время пения и игр нечто вроде шарика (бантика?), видимо, из разноцветной тесьмы или нитей. У народов, сохранивших более архаические обычаи, в частности у гуйчжоуских мяо и юньнаньских тайцев², до наших дней сохранился обычай выбора девушкой жениха именно путем бросания в

¹ В поздних пьесах о Сюэ Пин-гусе интересующий нас эпизод, правда, приурочен ко второму дню второй луны, т. е. празднику, называемому «лун тай тоу» («дракон подымает голову»).

² У других групп тай, живущих во Вьетнаме, отмечен обычай, сходный с распространенным в Зиао-тяу (Северный Вьетнам), там также юноша выбирает невесту, бросая в нее мяч [см. 165, II, 123].

него вышитого мячика или расшитого мешочка, набитого ватой или ароматными травами. По свидетельству китайского автора XVII в. Лу Цыюня, девушки мяо во время весенних брачных танцев под луной «держат плетеные бамбуковые клеточки, покрытые легким шелком, так что образуется цветной шелковый мячик» [165, II, 83]. Вообще подобные формы выбора невесты, связанные с бросанием в нее круглого предмета, видимо, были распространены в древности у ряда народов. Так, известно, что в некоторых районах Украины еще в конце XIX в. существовал следующий обычай: «в каждый год в день богоявления на площади собирались юноши и девушки-невесты. Каждый парубок, выбравший себе девушку, бросает в нее снегом (видимо, снежком.— Б. Р.)» [165, II, 89].

У китайцев, однако, так же как и у дунган, подобный обычай не засвидетельствован, но, как показано выше, китайцы могли знать о нем по описаниям обычаев своих ближайших южных соседей, появившимся в XI—XII вв.

Выше мы говорили о наличии в драмах определенной связи между данным обрядом выбора женихов и получением юношами на экзаменах высшего звания чжуаньюаня. Гу Цзе-ган приводит интересный фрагмент из «Описания чжуаньюаней эпохи Сун», где говорится, что после объявления результатов экзаменов юноши, получившие звание чжуаньюаней, одевались в зеленые халаты и с шелковыми платками в руках верхом на конях скакали по улицам столицы. В это время «в домах богачей и знати наперебой выставляли цветные шатры и собирались поглядеть (на новых избранников). Среди молодых людей были и еще не женатые, так что часто в это время выбирали себе зятя» [103, 120]. В этом описании не говорится об обряде кидания мяча, но упоминаются как-то «цветные шатры» (*цай мо*), описания которых нам найти не удалось, и ясно видно, что происходит выбор именно женихов, а не невест.

Таким образом, можно сделать заключение, что все три необходимые компонента данного сюжетного хода были известны китайцам (и дунганам) в средние века как вполне реальные институты, однако скорее всего их соединение воедино произошло не в реальной действительности, а в вымышленной художественной (литературно-фольклорной) мнимой реальности, вот, видимо, почему мы не находим в многочисленных исторических и поэтических описаниях жизни тогдашних ученых ни одного упоминания о женитьбе с помощью бросания разноцветного мяча. Единственное обнаруженное Гу Цзе-ганом исключение — стихи поэта XIV в. Гао Ци, в которых обряд сватовства с цветной вышпой приурочен к сунскому времени (X—XIII вв.) скорее всего уже под влиянием литературно-фольклорной традиции.

В дунганской сказке Чжон Тянью, чтобы пробраться к цветочной башне сквозь толпу женихов, приходится вымазаться в грязи. Аналогичная ситуация встречается и в дунганской сказке о Шюэ Пингуе (вариант в обработке Х. Юсурова [13, 214], где герой вымазывается в навозе), в других инонациональных вариантах подобный мотив отсутствует, однако он встречается в сходных ситуациях в сказках мяо.

Далее действие в дунганской сказке развивается в целом в точном соответствии со схемой, характерной для данного сюжетного типа: «низкий» герой со своей женой — дочерью государя изгоняется из дворца и живет в жалкой лачуге, затем, когда император дает поручения своим другим зятям, он отправляется тоже и, неузнанный ими, совершает подвиги; подвиги эти присваиваются мужьями других дочерей государя,

но потом обман открывается и зятья наказываются, а герой вознаграждается. В этой схеме обычно несколько варьируется лишь набор подвигов. В дунганской сказке государь просит сперва зятьев отправиться на охоту, так как ему захотелось полакомиться мясом диких зверей. Чжон Тянью тоже просит дать ему коня, меч и копые, но получает ленивую клячу, тощего пса и тупой меч. В казахской версии, наиболее близкой к дунганской, герой получает самого плохого коня и самое плохое ружье. Старую кобылу получает младший зять и в молдавской, румынской и немецкой версиях сюжета, однако только в казахской, как и в дунганской, герои отправляются на охоту. Точно так же в казахской и дунганской сказках неузнанный «низкий» зять отдает старшим зятьям свою добычу, но оставляет себе требуху, которая оказалась потом императору вкуснее самого мяса. Однако эпизода с подкладыванием в чашки с требухой катышков навоза, долженствующих подчеркнуть непригодность жилища младшей принцессы и ее мужа подле конюшни, нет ни в одной из версий, хотя, например, в казахском варианте хан селит младшую дочь с ее мужем в ослином загоне.

Особо следует сказать о клеймении героем своих противников, мужей старшей и средней принцесс. Отдавая им дичь, герой ставит зятьям клеймо на спине. После совершения в дальнейшем подвигов на поле брани неузнанный Чжон Тянью ставит клеймо последовательно и на обеих руках зятьев. В казахском варианте герой тоже ставит тамгу на спинах мужей старшей и средней дочерей хана. Думается, что за этим мотивом стоит реальный древний обычай клеймения, существовавший у многих народов; любопытно, что в ряде европейских версий этого сюжета (русских, немецкой) ни о каком клеймении противников героя не упоминается, однако в румынском варианте оно есть¹, а в молдавском варианте заметны как бы следы этого мотива — герой каждый раз дает своим противникам пощечины. Зачем это делается не совсем ясно, однако сопоставление с восточными вариантами показывает, что пощечина заменила здесь клеймение, которое, например, было весьма распространено в старом Китае, где рабам клеймили лоб, преступникам ставили клеймо на руке (выше кисти) — именно так клеймит Чжон Тянью обоих зятьев, и даже наложницам государя, разделившим с ним ложе, ставили на руке красное клеймо [174, I, 264].

Совершение боевых подвигов неузнанным героем — неперенный компонент данного сказочного сюжета (он отсутствует только в явно неполной казахской версии). Мотивировка войны обычно одинакова в разнонациональных вариантах: вражеский государь требует отдать ему замужних принцесс. Побеждает, как и в дунганской версии, какой-то не узнанный никем богатырь. Следует отметить, что в дунганской версии сохраняется явно архаический мотив битвы героя с девятиголовым оборотнем, у которого на месте отрубленных голов все время вырастают новые; мотив этот распространен в мировом фольклоре, но нехарактерен для дальневосточных сказок. Анализ боя с многоголовым змеем см. выше [№ 7—8], здесь же необходимо отметить и нехарактерное для дальнево-

¹ Любопытно, что в румынском варианте прямо говорится о клеймении с целью обращения зятьев в рабов [88, 15]. Клеймо там ставится на спину, как и в дунганском (в первом случае) и в казахском вариантах, где в конце сказки герой требует у хана его зятьев, так как «оба они имеют на спине наши родовые тамги» [63а, 55].

сточных сказок представление о душе, находящейся в курином яйце (желтке), которое, в свою очередь, спрятано в куске нефрита, находящегося внутри камня, лежащего в коробочке, хранящейся на верхушке дерева. Речь в таких случаях идет о так называемой «внешней душе», которая в сказках находится в центре предметов, концентрически вложенных один в другой» [171, 67]. В нашем описании есть, однако, и некоторая необычность. В сказках, например, русских и других народов в аналогичных случаях говорится, что в коробочке (ларце), висящем на дереве, находится какая-либо птица, внутри которой и есть яйцо, так отражается архаическое представление о душе-птице, способной летать. В дунганской сказке желток находится в нефрите, по-видимому, нефрит как особый камень, почитавшийся в Китае, упоминается здесь не случайно. Весьма возможно, что за этим стоит представление о нефрите как о камне, «воплощающем душу». Вспомним в этой связи о древнем обычае класть в рот покойникам кусок нефрита [112а, II, 865], точный смысл этого жеста нигде не расшифровывается, но можно предположить, что нефрит мыслился в данном случае как некое вместилище, улавливающее души, поскольку почти у всех первобытных народов существовало представление о душе, покидающей после смерти тело покойника через рот или ноздри [204, II, 23], для предотвращения ухода души рот и нос полагалось крепко закрывать.

Кроме того, может быть, еще в большей мере здесь показателен пример Цзя Бао-юя — главного героя романа Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме» (XVIII в.). Его имя — Бао-юй означает «драгоценный нефрит», сам он является земным воплощением куска нефрита, который остался после починки небосвода богиней Нюй-ва. Этот камень есть как бы воплощение внешней души героя, судьба камня тут же отражается и на судьбе Бао-юя, недаром в первоначальном варианте роман вообще назывался «Записки о камне» или иногда «Судьба камня». В целом же представление о душе, находящейся в центре ряда предметов, помещенных один в другой, в дунганской сказке в силу единичности такого описания, может быть, есть результат заимствования (не исключено даже, что и из русских сказок, знакомых среднеазиатским дунганам по книгам).

Особенностью дунганского варианта является его несколько необычная для сказок данного типа концовка. Все другие версии кончатся посрамлением (или казнью) старших зятьев и восцарением героя на престоле. В дунганской же версии далее рассказывается о мести Чжон Тянью за своего отца, об убийстве мачехи и ее любовника — ламы и о добывании волшебной воды и волшебной травы, необходимых для излечения отца героя, ослепленного ламой. В этих эпизодах дунганской версии сохранен и переосмыслен, видимо, какой-то первоначальный сюжетный ход. Так, в румынском варианте речь тоже идет о поисках лекарства, исцеляющего от слепоты (молоко от рыжей козы), но не для отца героя, а для самого царя, соответственно и место этого эпизода иное — он стоит в ряду испытаний мужей всех принцесс, при этом достает его, конечно, только «низкий» младший зять.

Проведенный выше анализ дунганского варианта в сопоставлении с инонациональными версиями данного сюжета показывает, что мы имеем здесь дело скорее всего с интересной разработкой заимствованного сюжета. Его отсутствие у других народов Дальнего Востока, наличие ламы в качестве одного из отрицательных персонажей — фигуры, не свойственной ни китайским, ни дунганским сказкам, — все это, ви-

димо, должно свидетельствовать о заимствовании данного сюжета от каких-то соседних народов. Предположить, однако, заимствование просто от казахов, поскольку данный дунганский вариант записан на территории Казахстана, едва ли верно, так как дунганская сказка полнее отражает общую сюжетную схему, совпадая во многом, например, с молдавско-румынскими вариантами. В свою очередь, румынский вариант, по мнению румынского фольклориста О. Бырля, ссылающегося на К. Крона, восходит к сказкам, пришедшим через Балканы с Востока [94, 351]. В каталоге Томпсона указаны варианты: индийский, турецкие (хотя и не очень близкие), греческие, а также во множестве западно- и восточноевропейские. Весь этот перечень наводит на мысль о движении данного сказочного рассказа из Индии (видимо, через Тибет и Центральную Азию) в Среднюю Азию, на Ближний Восток и оттуда в Европу. Только при таком пути распространения можно объяснить наличие этого сюжета у дунган.

Вместе с тем гипотезу о восточном происхождении этого сюжета можно подкрепить любопытным русским вариантом лубочного происхождения [57, № 571]. В этой «Сказке об Иване-Богатыре, крестьянском сыне» герой — Незнайка попадает, как это ни странно для русской сказки, в «китайское государство» к китайскому царю, у которого были три дочери: «большая называлась Дуазю, средняя Сисою, а меньшая... Лаотою». Необычные имена царевен явно несут в себе несколько искаженные китайские элементы, причем их транскрипция свидетельствует о заимствовании не через западноевропейские книжные обработки (где «с» передавалось бы через «х»), а скорее всего через Среднюю Азию или Ближний Восток. За именем Дуаза проглядывается слово дуоцзы (возможно, и просто дацзы) — «старший сын», «старший ребенок» в северо-западных диалектах Китая и дунганском языке, за Сисою — соответственно сяоцзы, т. е. «младший сын», «младший ребенок», хотя в русской сказке она и названа средней дочерью, и за Лаотою — «лаода» — опять-таки название старшего сына, старшего ребенка. При этом русский вариант сохраняет характерное для китайских сказок наименование героев просто по порядку рождения в семье, а не по именам (т. е. просто Старший, Средний, Младший или Старший, Второй, Третий и т. д.). Все это наводит на мысль о возможности какого-то реального влияния на данный лубочный сказочный текст китайского сказочного фольклора, в котором, однако, как уже говорилось выше, исследуемый сюжет пока не обнаружен.

№ 10.

В оригинале «Чжинхуа», зап. М. Хасановым в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР от Щимеевой Цунхуа. Шэньсийский вариант. Пер. М. Хасанова; Еб 32 («Золушка»), АаГh 540А.

Сюжет, чрезвычайно популярный в фольклоре большинства народов Азии и Европы. Варианты, записанные у китайцев и окружающих народов, недавно подробно исследованы Дин Най-туном в специальной монографии [223], где проанализированы 8 китайских, 3 тибетских, 2 чжуанских, 3 мяоских, 2 уйгурских, 1 корейский, 5 вьетнамских, 3 тямских, 1 кхмерский и 1 вариант народности и. На русском языке краткий анализ китайских версий этого сюжета в сопоставлении с вариантами других народов ранее был дан Е. М. Мелетинским [166, 209].

Самый ранний из вариантов данного сюжета исследователи обнаружили в собрании автора IX в. Дуань Чэн-ши, по мнению Дин Най-дуна, он является либо вьетнамским, либо южнокитайским (провинция Гуанси).

Среди известных Дин Най-туну сказок нет, однако, ни одной, записанной в Северо-Западном Китае (Ганьсу, Шэньси), т. е. в тех провинциях, откуда пришли предки среднеазиатских дунган, поэтому наша версия представляет большой интерес для изучения распространения сюжета типа Золушки в Китае. В целом дунганский (шэньсийский вариант) близок к опубликованному южно- и восточнокитайским, некоторые детали сближают его и с тибетскими, и с уйгурскими вариантами. Так, именно в тибетском варианте героиню зовут тоже Золотой цветок [223, 16], что, однако, может быть и случайным совпадением, так как женское имя Чжинхуацзы (вар. Чжинхуар) достаточно распространено у дунган, как и у китайцев [см. 36, 162]. Все начало дунганской сказки весьма стереотипно для данного сюжета именно в его китайском варианте, в то же время оно построено по тому типу, что и начало в № 6 (притворная болезнь мачехи и требование убить животное). Убийство коровы, в которой воплощена душа матери героини¹, — обычный мотив китайских вариантов, в отличие, например, от индокитайских (вьетнамского, тайского, тьямского² и др.), где героине помогает обычно рыба (как и в записи IX в.) или другое водяное существо, в котором воплощена душа родной матери. В некоторых китайских вариантах, правда, вместо коровы мы находим птицу [Еб 53]. Как указывает Дин Най-дун, корова (точнее, буйвол) и птица — наиболее обычные помощники героя в китайских сказках [см. 223, 11]. Собрание костей умерщвленной коровы (или иного животного, воплощающего душу матери) — неперенный мотив этого сюжета, наличествующий, например, и в кантонском варианте, где они также складываются в чан, правда зарываемый потом в саду позади дома [46, 554], а также в тайском (кости черепахи зарываются под деревом), тьямском (кости пескарика кладутся в скорлупу кокосового ореха и зарываются на перекрестке), вьетнамском (скорлупки креветки зарываются в горшочках под ножками кровати). Эта особая забота о костях животного, видимо, связана с распространенным представлением о важности костей, облакаемых новой плотью в каждом следующем перерождении.

В дунганском варианте из костей коровы в следующем перевоплощении «рождаются» петух и курица. По логике сказки здесь должна бы быть одна птица («А корова та после смерти превратилась в одну птичку», — читаем мы в кантонском варианте [46, 554]), которая помогает

¹ В дунганской сказке эта связь не подчеркивается, в некоторых же китайских вариантах, например в кантонском, прямо говорится, что родная мать девушки после смерти превратилась в корову [46, 553], аналогично и в вариантах народа и, мяо [92, 264—269], тибетцев [см. 223, 14].

² Кроме вариантов, описанных у Дин Най-туна, мы пользуемся также изданными в русском переводе версиями: «Там и Кам» — вьетнамская [76, 14—27]; «Золотая туфелька» — тьямская [81, 155—170] (краткий анализ данного варианта, сделанный Н. И. Никулиным, см. там же, с. 369 с указанием на версии восьми народов Вьетнама); «История Утары и двух жен богача» — тайская [74, 21—26]. Использована также статья В. И. Корнева «Сказка о падчерице у народов тай» [159, 89—92].

родной дочери выполнить трудную задачу. Отделение одного вида зерна от другого — трудная задача дунганского варианта, абсолютно обычна для данного типа сказок, она встречается и в китайских вариантах (например, том же кантонском), и в европейских версиях (например, русских — 57, № 192, 193 или немецкой из собрания бр. Гримм № 21), правда, здесь уже зерно перемешивается с золой — связь девушки с золой (отсюда и прозвище Золушка) есть, видимо, отличительная особенность именно европейских версий, хотя В. Эберхард и П. Н. Боратав указывают на наличие в турецких вариантах названия «Кюль кедиси» («Кошка из золы») [97, 69], которое тоже должно указывать на связь героини с золой как символом домашнего очага ¹(?).

Поездка мачехи и ее дочери именно на представление, а, например, не в церковь (храм) или на пир, бал, как в сказках других народов, вполне соответствует китайскому образу жизни, так как круг празднеств, на которых могли присутствовать девушки, был весьма ограничен, а театральное представление в старом Китае всегда было самым любимым и массовым зрелищем. Аналогичная ситуация уже отмечалась нами при анализе № 5. Дин Най-дун указывает на два южнокитайских варианта, где мачеха с дочерью отправляются смотреть спектакль, еще в одном, кантонском, они идут на религиозное празднество [223, 11], которое вполне могло включать и спектакль.

Потеря одной туфельки при возвращении падчерицы домой есть мотив почти повсеместно распространенный ². Необычность дунганского варианта здесь проявляется в том, что туфельку срывает и уносит вихрь, он же заносит ее в сад молодого богача. Здесь возможны два объяснения: 1. дунганская сказка сохраняет какие-то черты индийской версии, влияние которой Н. И. Никулин отмечает в тьямском варианте, где туфельку уносит ворон, который опускает ее тоже в саду только не богача, а царя; или 2. в шэньсийском варианте этот эпизод создан под влиянием сказок о портрете героини, уносимом ветром в сад императора, или о похищении самой героини вихрем (см. анализ № 7—8, где тоже падает туфелька). То, что молодой юаньвэй восхищается именно изяществом вышивки, а не миниатюрностью ноги или просто красотой золотой туфельки, находит себе объяснение в обычае дунганских девушек вышивать к свадьбе особо нарядные туфли. Это своеобразная демонстрация мастерства невесты.

В отличие от турецких и европейских вариантов, завершающихся свадьбой Золушки и наказанием мачехи и ее дочери, дунганская сказка,

¹ Китайский литературовед Ян Сянь-и пытался в свое время истолковать имя героини в записи IX в. Е-сянь как восходящее к санскритскому *asap* — «зола» [141, 54]. Имя это бесспорно представляет собой транскрипцию какого-то некитайского слова, но едва ли восходит именно к санскриту. Дин Най-тун, например, указывает южнокитайское чтение этого имени в форме *yīham* [223, 8], что совсем уже далеко от *asap*.

² Стоит, однако, отметить, что в Японии, где сюжетный тип этот весьма отличен от китайского и индокитайского, варианты с туфелькой записаны только в районе Нагасаки [98, 138], т. е. наиболее близком к материке, через который веками шло культурное влияние, проходившее во многом через посредство Кореи. По свидетельству В. И. Корнева, в тайских сказках этого типа мотив потерянного башмачка также отсутствует [159, 89].

как и сказки китайцев, а также народов Юго-Восточной Азии, далее развивается по типу сказок о женихе-змее (Eb 31; AaTh 403 IV vs + AaTh 408 IV, V, VI, VII) (см.: [223, 12—13]; русский перевод китайской сказки «Жених-змея», записанной во Внутренней Монголии [65, 75—82]).

Особенностью дунганского варианта является описание необычного способа превращения ложной героини (дочери мачехи) во внешне подобие убитой падчерицы. В разных национальных вариантах этот сюжетный ход мотивируется по-разному. Во вьетнамской версии, например, мачеха, утопив падчерицу¹, просто предлагает королю свою родную дочь в качестве замены и компенсации, в тьямской версии родная дочь и приемная просто похожи, как две капли воды, в дунганском варианте мачеха, пригласившая падчерицу, уже вышедшую замуж за юаньвэя, в гости, предлагает ей вымыть голову, ошпаривает кипятком и тем самым умерщвляет ее, потом она сдирает с ее лица кожу и прилепляет к лицу родной дочери. Ошпаривание здесь есть один из способов нанесения ущерба (увечья) нелюбимой падчерице, характерный мотив для сказок данного типа у разных народов (например, русских), но отсутствующий в дальневосточных вариантах. Вместе с тем использование кипятка встречается там, но не в рассказе об умерщвлении падчерицы, а в описании наказания родной дочери мачехи² [см. 223, 13 — чжуанский вариант; 76, 26 — вьетнамский; 81, 169 — тьямский]; нередко за этим наказанием просматривается мотив испытания истинного и ложного персонажей огнем + водой (кипятком); истинная героиня успешно проходит испытания, ложная — гибнет. Однако есть версии, где это испытание, как и в дунганской сказке, превращено в способ избавления от истинной героини. Так происходит в довольно архаичном тайском варианте (где соперничают две жены, одна из которых пикрасы — женщина — злой дух, и их дочери) и у близких территориально дунганам уйгуров Синьцзяна, в сказках которых мачеха ошпаривает кипятком голову падчерицы, та теряет свои золотые волосы и гибнет [223, 17—18]. Объясняется сходство сюжетного хода в тайской, уйгурской и дунганской версиях общностью источника или просто особенностями сюжетного развития на данной национальной почве, сказать трудно. Близость уйгурского и дунганского вариантов здесь явно не случайна.

Превращение души убитой падчерицы в птичку — обычный мотив данного сюжетного цикла (ср., например, «Жених-змея» [65, 80—81], а также [223, 18], где указывается на тождество и с уйгурской версией). К числу постоянных мотивов сказок этого типа относятся и встреча героя с птичкой у реки, куда он приводит на водопой своего коня. В дунганском варианте этот мотив явно неорганичен. Он не вяжется ни с бытовым образом мужа-юаньвэя, которому положено было ездить в паланкине и уж вовсе не пристало самому водить коня на водопой. Мы имеем

¹ Утопление падчерицы есть самый распространенный способ избавиться от нее, отмеченный и во Вьетнаме, и в несколько трансформированном виде в Таиланде, и в кантонском варианте, где точно повторен сюжетный ход, имеющийся в дунганской сказке № 8, — ложный герой зазывает истинного к колодезю под предлогом некоего удивительного явления и спихивает его туда [46, 556]. В некоторых китайских вариантах героиню спихивают в яму; колодезь кантонской версии есть, видимо, любопытное совмещение ямы с водой.

² Иногда так наказываются сама мачеха и ее родной сын (см. № 2).

дело здесь с явным реликтом тех версий, в которых падчерицу сбрасывают в реку (или колодец), вот почему и встреча героя с ее душой, принявшей облик птички, происходит всегда у воды (нельзя не вспомнить здесь и о пограничной функции реки в сказках разных народов, отделяющей мир живых от царства мертвых).

Дальнейшее развитие действия в дунганской сказке идет в соответствии с тем же сюжетным типом «Жених-змея», только появление гадалки, открывающей юаньвэю истину, есть, видимо, особенность данного дунганского варианта, к числу его особенностей относится и сама концовка типично китайского типа, пропикнутая идеей сыновней почтительности — *сяо* (дунг. щё) и напоминающая различные средневековые жизнеописания добродетельных героев.

В целом же дунганский вариант явно примыкает к дальневосточным (китайским) сказкам, которые некоторые исследователи считают, в свою очередь, заимствованными из Индии. Артур Уэйли, например, связывал происхождение этой сказки с городом Дваравати (ныне город Дварка в западной части Гуджарата), что, однако, проблематично [225, 231—232 и критику Дин Най-туна — 223, 8]. Дин Най-тун, подробно изучивший китайскую и индокитайскую традиции, пришел к выводу о существовании двух сказочных подтипов внутри одного типа «Золушки». Первый, отраженный в средневековой литературе, сложился, по предположению этого исследователя, где-то в сельской местности во Вьетнаме, между современным Ханоем и Хайфоном, потом этот сюжет стал известен в южнокитайских провинциях Гуандун и Гуанси, откуда мог распространиться на запад, в Юньнань и Тибет. Второй подтип, представленный в современной китайской традиции, по мнению Дин Най-дуна, возможно, возник пятьсот-шестьсот лет назад тоже в Южном Китае в провинции Гуандун [223, 32—33]. Исходя из опубликованных записей, сделанных действительно в Южном и отчасти Восточном Китае, где вообще собрано большинство китайских сказочных текстов, исследователь приходит к выводу об отсутствии сказок данного типа в Западном и Северном Китае [223, 34]. Наш дунганский (шэньсийский) вариант показывает, что мы имеем здесь дело не столько с отсутствием сказок этого типа, сколько с отсутствием записей повествовательного фольклора этих районов. Близость дунганского варианта к китайским, даже южнокитайским, показывает, что здесь нельзя предположить, например, уйгурское влияние. Наличие сказок этого типа в Корее также косвенно должно свидетельствовать о бытовании подобного сюжета и в Северном Китае, с которым связан во многом и корейский сказочный фольклор.

№ 11.

В оригинале «Хунён», зап. М. Хасановым в 1962 г. в г. Фрунзе от Нюсан Айши. Ганьсуйский вариант. Пер. М. Хасанова. Еб — нет (ср. Еб32), АaTh 430 + [510A или 511].

Дунганская сказка представляет собой своеобразный вариант предыдущего сюжета, однако соотносящийся уже не столько с дальневосточными версиями типа «Золушки», а скорее с ближневосточными — тюркскими версиями: уйгурской («Золотые башмаки») — записана в Алма-Атинской обл. Казахской ССР [87, 320—331]¹ или узбекской («Дочь

¹ Данный вариант близок к уйгурской синьцзянской версии, опубликованной в китайском журнале «Миньцзянь вэньсюэ» (1957, № 2) и анализируемой Дин Най-туном.

пастуха») [47, 137—141]. Начало дунганской сказки довольно оригинально. Надо полагать, что нищая старуха, являющаяся в дом к Юньхуа с просьбой о милостыне и впоследствии помогающая героине, старуха бессмертная — один и тот же персонаж, хотя в первой явно силен мусульманский элемент (отсюда и упоминание о мусульманской молитве — благоговении — дувар), а образ бессмертной напоминает уже даосских бессмертных — богинь китайского пантеона.

Основное повествование сказки весьма близко к указанным тюркским версиям: ветер уносит прялку Юньхуа, она бежит за ней и попадает в пещеру к бессмертной старухе; в уйгурской версии ветер уносит хлопок, который прыдет девочка, она бежит за ним и тоже попадает в пещеру к седой старушке; в пещеру к старой волшебнице попадает и героиня узбекской версии (ср. аналогичную ситуацию в европейских сказках типа гриммовской «Госпожи Холле»: прялка падает в колодез, падчерица спускается туда и попадает в царство волшебницы, повелительницы Зимы). Можно предположить, что спуск в пещеру или колодез здесь символизирует попадание в подземный потусторонний мир, где находится умершая родная мать героини, она и помогает родной дочери, как это делала в предыдущей сказке корова, в которую воплотилась душа матери.

Испытания, которые проходит Юньхуа в доме старухи-бессмертной, в дунганском варианте также весьма близки к соответствующим эпизодам уйгурской версии, гораздо более подробно разработанной. Награда трудолюбивой Юньхуа — золотой цветок (возможно, здесь существует и какая-то уже затемненная связь с предыдущей сказкой № 10, где Золотым цветком зовут саму героиню) — в известном смысле соответствует награде героине уйгурской версии в виде получения золотых волос.

В соответствии с логикой развития данного сюжета родная дочь плохо справляется с порученной старухой работой и к тому же пытается украсть у нее золотой цветок, спрятав его в руках, в уйгурской версии ложная героиня прячет в руках несколько драгоценных камешков. Старуха прилепляет ей ко лбу желчный пузырь, что вполне соответствует парше, насылаемой в уйгурской сказке (вспомним героя с пузырем или желудком на голове, принимаемого за паршивого в различных версиях № 9). Второе посещение старухи-волшебницы есть также в обеих версиях, и в уйгурской, и в дунганской, во время второго посещения старухи героиня-падчерица получает от нее узел с платком, украшениями и золотой туфелькой. Желтый цвет узла, видимо, есть знак находящихся в нем золотых вещей. Ветер (вихрь) относит героиню в дом князя и в дунганской, и в уйгурской версиях. Далее, однако, действие в дунганской сказке развивается несколько отлично, потеряв туфельку, героиня не убегает домой, а прячется в пустой бочке подле дворца князя. Поиски хозяйки туфельки здесь сокращены до предела, нет описания примерки башмачка, наличествующего в более полной уйгурской версии. Дальнейшее развитие действия, после свадьбы падчерицы и князя, в дунганском варианте развивается не по сюжетной схеме с подменой жены родной дочерью мачехи, как в № 10 или в уйгурской версии, а скорее в духе религиозной мусульманской легенды, долженствующей связать конец сказки с ее началом, — князь не желает, чтобы его жена раздавала еду сиротам и вдовам, и оказывается жестоко наказанным за это. Исправление строптивого князя-мужа здесь происходит уже не столько в духе волшебной сказки, сколько с точки зрения развития сюжета в духе новеллы о чудесах и

ужасах (дыни, превращающиеся в отрезанные головы, с которых капает кровь, и вновь во время суда превращающиеся в дыни).

В целом сопоставительный анализ № 10 и 11 показывает, что мы имеем в дунганском фольклоре две сказки типа «Золушки», одна из которых (№ 10) развивается по сюжетным законам дальневосточных вариантов, и другая (№ 11) представляет собой уже иной, скорее, ближневосточный тип данного сюжета. При этом вторая сказка, записанная у хорошей в принципе сказочницы Нюсан Айши, рассказана ею довольно лапидарно, сюжетные ходы в ней недостаточно разработаны, прямая речь крайне мало, и весь вариант производит впечатление пересказа «чужой» истории.

№ 12.

В оригинале «Енчжир», зап. М. Хасановым от Темирхаджаевой Сычжер в 1972 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова. Еб 24 («Благодарность ласточки»).

Сюжет, чрезвычайно распространенный на Дальнем Востоке, у китайцев, корейцев, японцев [см. 96, 227—228], хотя он и не отмечен в каталоге сюжетов японских сказок. Особую популярность, видимо, получил среди корейцев, где на основе этого сюжета была создана народная повесть о двух братьях Хынбу и Нольбу (XVII—XVIII вв.) (в русском переводе «Два брата» [189, 95—195]; о самой повести см.: [220]).

В. Эберхард перечисляет четыре китайских варианта этого сюжета, записанные на самом юге страны в провинции Гуандун, а также ссылается на обработку данного сюжета в одном литературном сочинении XVII в., созданном в провинции Шэньси. Мы можем сослаться еще на два варианта этой сказки, записанных в 50-е годы в Китае, один на Севере [101], а другой в провинции Сычуань («Два арбузных семечка») [48, 32—37]).

Наш ганьсуйский вариант подтверждает распространенность данного сюжета в Северо-Западном Китае. Следует отметить, что дунганский ганьсуйский вариант ближе к известным записям и обработкам корейских сказок, чем литературная обработка этого сюжета, сделанная в Шэньси, в которой ласточка приносит своему спасителю не тыквенные семечки, а четыре дорогих нефритовых круга. Сам мотив тыквы, дающей изобилие (ThMot D. 1463. 2.1), весьма популярен в дальневосточном фольклоре. Как указывалось выше, в ряде сюжетов о посещении подводного царства герой богач получает изобилие и богатство из тыквы (правда, другого сорта — тыквы-горлянки). При всем сходстве сказок данного типа в них наблюдаются некоторые различия в деталях: так, в сычуаньском варианте, например, отсутствует мотив спасения ласточки от змеи, имеющийся и в дунганской сказке, и в корейской повести, там герой подбирает птенца, упавшего из-за неумения летать. Отличия бывают и в описании чудесных тыкв: в дунганском варианте их три (в корейской повести пять, в сычуаньской сказке один арбуз), и в каждой добрый брат находит богатство, а злой — беду». В сычуаньской сказке, например, в арбузе у злого и жадного брата оказывается белобородый старец, который ругает жадного брата и насылает огонь на его дом (т. е. конец совпадает с дунганским вариантом).

Сказки этого типа распространены не только на Дальнем Востоке, но и в других далеких от Тихого океана регионах: так, известна абхазская

сказка «Вдова и ласточка», в которой рассказывается о двух соседках — доброй и злой (в некоторых китайских вариантах, по свидетельству В. Эберхарда, также речь идет не о братьях, а о соседях [96, 228]), вдова подбирает птенца со сломанной лапкой, выхаживает его и получает потом семечко тыквы. Из тыквы, как и в нашем варианте, сыплется золото и серебро; соседка ломает птичке ножку, получает семена тыквы, но из тыквы выползают медно-красные змеи (явный аналог пламени дальневосточных вариантов) и жалят злую соседку [55, 22—23]. Как и дунганский вариант, абхазский целиком строится на принципе неудачного подражания злого героя действиям доброго.

№ 13.

В оригинале «Ичон дэй Идуань», зап. М. Хасановым в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР от Щимеевой Цунхуа. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова: Еб 28, АaTh 613, 1к 613.

Сказка представляет собой вариант распространенного по всему миру сюжета, чрезвычайно популярного и на Дальнем Востоке: в Китае (В. Эберхард ссылается на 20 вариантов), Корею, Японию, Монголию (см. указания в каталоге Хироко Икэда) и дунсянов провинции Ганьсу («Братья» — 198, 73—78]. Кристиансен, еще в 1916 г. исследовавший распространение этого сюжета, пришел к выводу о его восточном происхождении [209].

В отличие от обычной схемы, в дунганском варианте добрым оказывается не младший брат, а, наоборот, старший. Однако это не есть особенность данного ганьсуйского варианта, поскольку В. Эберхард указывает на аналогичную ситуацию и в китайских вариантах из провинции Чжэньцзян. В дунганском варианте Х. Юсурова старший брат тоже добрый [«Два брата» — 14, 57—65], аналогично и в дунсянской сказке, где старший — пасынок.

Основной сюжетоформирующий мотив сказки — подслушанный разговор зверей (ThMot N 452) — впервые зафиксирован в Китае в V в. н. э. в комментариях к «Книге вод», где приводится предание, относящееся будто бы к 27 году правления циньского князя Вань-гуна (739 г. до н. э.). В тот год князь послал сорок человек срубить чудесное дерево, но сколько его ни рубили, раны на стволе тут же заживали. Один из посланных поранил ногу и прилег под деревом. Он услышал разговор духов и из него узнал, как срубить это дерево. Сделали так, как он услышал, дерево переломилось, превратилось в буйвола и исчезло в воде [108, кн. 3, 95]. Предание это было распространено на территории современной провинции Шэньси. Любопытно, что в записанной Х. Юсуровым дунганской сказке «Два брата» герой подслушивает разговор не зверей, а именно духов (гуэй в о). В дунсянской сказке звери одновременно и духи.

В другом варианте из сборника Х. Юсурова, «Два охотника» [14, 77—81] герой подслушивает разговор зверей: тигра, волка и обезьяны. Звери там также собираются в старом храме, который в дальневосточных вариантах обычно оказывается неким особым местом, в котором происходят всякие чудеса. Храм фигурирует в аналогичной ситуации и во многих китайских версиях сюжета (чжэньцзянских, хунаньских, гуандунских) [см. 96, 41], в некоторых текстах, как и в древнем предании, герой находится не в храме, а на дереве или под деревом, как и в ряде русских

вариантов [см. 57, № 121, 122], в дунганской сказке «Два брата» из сборника Х. Юсурова добрый старший брат, которого злой младший столкнул в колодец, слышит соответственно разговор духов именно из колодца.

Набор зверей (или духов), разговор которых подслушивает герой, в разных вариантах различен — это могут быть тигры, обезьяны и т. п. [96, 41—42]. В дунганской сказке «Два охотника» зверей тоже трое — тигр, волк и обезьяна. В нашем варианте вместо обезьяны — довольно редкого персонажа сказок среднеазиатских дунган — фигурирует лис. В дунсянской сказке — это волк, лисица и заяц, одновременно называемые и шэньсянями (дунг. шыицянъ) — бессмертными святыми.

Тайны, которые узнает от зверей герой в нашем дунганском варианте, весьма обычны для такого рода сказок, особенно распространен мотив исцеления больной девушки [96, 42 — 5 чжэцзянских вариантов, 1 цзянсуйский и др.; оба юсуровских, а также дунсянский]. Этот же мотив постоянен, например, и в русских вариантах. Определение болезни по нитке имеется и в варианте Х. Юсурова («Два охотника») [14, 80], в дунсянском герой тоже проверяет пульс. Во всех трех дунганских вариантах болезнь проистекает от общения с оборотнем: в сказках из сборника Х. Юсурова — лягушки-оборотня (ср. русские варианты, где причина болезни девушки также связана с лягушкой, хотя в русских сказках здесь заметен и элемент христианизации — лягушка съела крошку от просвиры, предназначенной девушке); в нашем варианте набор злых духов, мучающих дочь юаньвэя, несколько необычен (особенно огромный белый камень, превратившийся в духа после того, как на него упала капля крови прохожего). Важно, однако, указание в сказке на «старость» петуха (трехлетний), камня (лежавший, видимо, долго) и тополь (старый), что соответствует распространенным у дунган представлениям о том, что старая (особенно забытая) вещь или старый зверь могут превратиться в чжяина — «злого духа», «оборотня». В дунсянской сказке дух, мучающий дочь богача, — лисица.

Другие секреты, дающие возможность отыскать золото и воду, также обычны для этого типа сказок, мы находим их в сказке «Два брата» из сборника Х. Юсурова и, например, в русских вариантах [см. 57, № 120 — герой добывает воду], наиболее близкое соответствие, как и по другим пунктам, наблюдается в дунсянском варианте. Наказание злого брата в разных вариантах различно, но чаще всего его съедают звери, разговор которых он пытается подслушать (6 чжэцзянских вариантов, хунаньский и др. [96, 43]). В сказке «Два охотника» злого героя тоже съедают звери, в «Двух братьях» из сборника Х. Юсурова духи забивают его камнями, в дунсянском духи-звери вытаскивают его из колодца, убивают, а затем бросают труп в колодец.

№ 14.

В оригинале «Сыхащин дэй Минщин» («Повтуя»), зап. М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова. Дунганский текст опубликован [см. 7, 28—36]: Ёб — нет; ср. АaTh325 («Маг и его ученик»).

Своеобразная героическая сказка, в основе которой лежит состязание героев в магии, соединенная с сюжетом о двух братьях — добром и злом.

Следует отметить некоторые мотивы, широко популярные в китай-

ской литературе. Так, использование изображения персонажа с целью порчи, по всей вероятности, находило широкое применение у китайских магов. Едва ли не первое писание такого рода в литературе мы находим в «Старинных историях о ханьском У-ди», где маг колет иглоками вырезанное из дерева изображение с целью нанести вред самому человеку [см. 156].

В средневековой китайской литературе мы встречаем и упоминание о богах, превращающихся в воинов; едва ли не впервые об этом говорится в народной книге начала XIV в. «Пинхуа по „Истории Трех царств“ в описании мудрого полководца Чжунгэ Ляна, который умел «разбрасывать бобы так, чтобы они превратились в солдат» [185, 84]. Аналогичная ситуация описывается и в романе Цянь Цая (XVII в.) «Сказание о Юэ Фэе».

История о том, как умершую женщину выдают за тяжелобольную и потом требуют за нее возмещения ущерба как за якобы умерщвленную волками, находит себе аналогии в дунганском анекдоте о хитром паршивом (см. № 58). В целом же сказка «Добрый и злой» представляет собой вполне оригинальную разработку сюжета.

№ 15.

В оригинале «Дишюньму», зап. М. Хасановым от Щимеева Губэзы в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет; ср. АaTh 325 и 329 (состязание с принцессой).

Другой вариант сюжета об обучении магии, но без мотива антагонизма между братьями. Сюжет не очень разработан, некоторые мотивы, например, чудесные бобы, способные превращаться в воинов (ср. № 14), герои просто получают от белобородого старца (явно бессмертного-шэньцзя), но никак не используют. Мотив состязания братьев в оборотничестве (сокол — ястреб), как и мотив состязания в оборотничестве с принцессой (также не очень разработанный в данном варианте) относятся к числу весьма архаических. Оба типа состязаний в принципе довольно редко встречаются как в дунганском, так и в китайском фольклоре.

№ 16.

В оригинале «Бый хуцзы», зап. Б. Рифтиным от Зазазова Идия в 1954 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; Еб — нет. АaTh 315А («Сестра-людоедка»), Ik 315А. Еще один дунганский вариант этого сюжета, тоже шэньсийский, под названием «Лон» («Волк») был записан в 1962 г. М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в соседнем с. Каракунуз того же р-на, третий дунганский вариант в записи и обработке Х. Юсурова помещен в его сборнике «Дунганские сказки» («Храбрый Лисын и злобный ёгуэй, который принял облик его сестры» [14, 30—36]).

Сказка представляет собой интересную разработку сюжета, отмеченного в каталоге Аарне—Томпсона, но со ссылкой только на индийский вариант. Вместе с тем этот сюжет известен и в Японии: Хироко Икэда указывает на 11 вариантов [98, 80], главным образом в юго-восточной части, наиболее близкой к материка, т. е. к Корее, что может навести на мысль о возможном заимствовании с материка. Хироко Икэда указывает также

на наличие корейских и монгольских вариантов [98, 80]. К этому, кроме дунганских вариантов, мы можем добавить еще уйгурские («Ялмауз») [87, 170—174], а также пересказ несколько иного, более близкого к дунганскому варианту [142, 43—44], и хакасский вариант («Табатай») [89], а также почему-то не учтенный Томпсоном русский вариант («Ведьма и солдана сестра») [57, № 93, I, 136—138], по поводу которого В. Я. Пропп специально отмечает, что «это очень редкая сказка» [57, I, 481].

Дунганские варианты довольно близки между собой по основной сюжетной схеме и явно относятся к одному и тому же подтипу, что и уйгурские, индийский и особенно японские варианты.

Начало нашего варианта (государь с женой находят девочку-подкидыша, оказывающуюся оборотнем-вампиром) совпадает с хакасской версией, где люди тоже находят девочку-подкидыша. Упоминание в начале сказки о семи сыновьях императора никак не вяжется с дальнейшим повествованием, по которому получается, что у государя только один сын. Можно предположить, что тут рассказчик — школьный учитель — просто использовал частую сказочную формулу, семь сыновей и одна дочь, встречающуюся в сказках народов Северо-Западного Китая (см., например, начало саларской сказки «Агу Караджи»: «Давным-давно были старик и старуха. У них — семь сыновей и только одна дочь...» [197, № 10, с. 24]). В двух других дунганских вариантах не говорится о том, что девочка — подкидыш. В разных вариантах девочка-вампир принимает различный облик: в нашем варианте, как и в корейских, она — лиса-оборотень, в варианте Х. Юсурова — страшный волосатый ёгуэй — злой дух, в тексте, записанном М. Хасановым, — волчица, в японских сказках — змея или великанша, в хакасской — лесной оборотень — людоед-чилбиген, напоминающий ёгуэя, в уйгурских — людоедка-ялмауз. Соответственно в нашем варианте сестра губит коней, в двух других дунганских вариантах и одном уйгурском — овец, что, видимо, связано с социальным статусом родителей (в нашем варианте, как и в индийском и русском, они — государь и государыня), в других — простые люди, имеющие овец.

Во всех дунганских вариантах сын подкарауливает сестру, ранит ее и говорит обо всем родителям. Сестра оговаривает его, хотя и несколько по-разному — в варианте Х. Юсурова, что он-де пытался отнять у сестры драгоценность.

Рытье колодца-ловушки, в которую должен попасть герой, есть только в нашем варианте, что, видимо, связано с общей ролью колодцев в сказках: в них обычно сбрасывают героев. Несколько странно только указание на глубину колодца — три чи, т. е. около 1 м. Скорее всего предположить, что рассказчик — советский дунганин — не знал точно, чему соответствует старая китайская мера чи, в реальной жизни среднеазиатскими дунганами не употребляемая. Вместе с тем «три чи» для него, судя по концовке сказки («А ядовитых гадов уничтожил, на три чи из земли вырыл»), есть некая формула для обозначения глубины вообще.

Во всех вариантах сын изгоняется из дома, так же и в одном уйгурском и в японском вариантах, в русской сказке герой, предупрежденный конюхом, бежит сам, еще до рождения сестры-людоедки.

Приобретение друзей — животных есть также обычная деталь данного сюжета, хотя набор помощников, конечно, может быть разным; в варианте Чжинлирова сын просто покупает щенка, котенка и орленка, котенок, однако, никакой роли в сказке не играет; у Х. Юсурова герой, уйдя из

дома, завел себе коня, охотничью собаку и ловчего орла; в уйгурском он подбирает трех щенят; животные помогают герою и в индийском, и в японском вариантах. Только в русской сказке вместо них действуют чудесные персонажи: Вертодуб и Вертогор.

Центральный (по положению в повествовании) эпизод нашей сказки — скитания императорского сына, его служба у писаря, наблюдавшего за заготовкой леса, — видимо, следует отнести за счет оригинальной интерпретации рассказчика, он не находит себе аналогий ни в других дунганских вариантах, ни в инациональных версиях этого сюжета.

Женитьба героя, а затем поездка его обратно в родные места относятся к числу постоянных элементов данного сюжета (все дунганские и уйгурские варианты, индийский, японские, русский, хакасский). И всюду он находит пустой город или деревню, полное запустение и одинокую вампиршу-сестру. Сестра пытается сперва заманить брата в дом и дает ему музыкальный инструмент, чтобы он играл, а сама выходит (в нашем варианте будто бы согреть ему чаю, в японском, как в русском или индийском, — точить зубы). В японских вариантах сестра просит брата бить в барабан — это нужно ей, чтобы быть уверенной, что он не ушел. Во время этой игры в нашем варианте появляются две желтые мыши и предупреждают героя, что людоедка хочет его съесть. Надо полагать, что в образе этих мышей к нему являются души его покойных родителей (именно так говорится, например, в японских вариантах, где родители тоже принимают облик мышей). То, что мыши в дунганской сказке желтые, видимо, связано с социальным статусом родителей — императора и императрицы, которым в Китае полагалось ходить именно в желтом. Любопытно, что и в русской сказке героя об опасности предупреждает тоже мышенок (а в уйгурском — крыса), но кто они, никак уже не объясняется. В варианте X. Юсурова герой просто заглядывает в стоящие в доме бочки и видит в них засоленные человеческие головы — мотив, редкий для сказок данного типа.

Во всех разнонациональных вариантах герой пытается спрятаться от сестры на дереве, но она перегрызает стволы деревьев своими зубами (индийский, японские, три дунганских, хакасский варианты, в уйгурской версии людоедка вынимает изо рта зуб и рубит им дерево, только в русской сказке конец несколько иной). Появление двух бессмертных-шынцзяней (образ, заимствованный дунганской сказкой из даосского пантеона), видимо, следует отнести к особенностям нашего варианта. В сказке, записанной X. Юсуровым, например, орел сам догадывается повалиться в песке и засыпать им оборотню глаза и потом прикончить его. В целом же переведенный нами вариант дает интересную разработку сюжета, сохраняя вместе с тем много деталей, характерных для ряда разнонациональных версий. Постоянство общей сюжетной схемы, наличие целого ряда устойчивых мотивов и деталей наводят нас на мысль о едином источнике этого сюжетного типа. Можно предположить, как и в ряде других случаев, что он сложился в Индии и уже оттуда распространился в другие страны и к другим народам, возможно, через Тибет к дунганам, уйгурам, а также и монголам, хакасам, корейцам и японцам. Путь его в русский фольклор не совсем ясен, у тюркских народов Средней Азии (за исключением уйгуров), на Кавказе и в Турции он, кажется, не отмечен. Нет записей и от китайцев, а без этого не совсем ясны пути распространения данного сюжета в Корею и далее в Японию. Вопрос этот требует дальнейшего изучения.

В оригинале «Мон гунён», зап. М. Хасановым от Хасанова Ахмеда (Дэва) в 1970 г. в г. Фрунзе. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова. Еб 112 («Сношения с духом»). Ик 413 С («Жена-змея»).

Сказка представляет собой разработку темы, чрезвычайно популярной на Дальнем Востоке. В Эберхард ссылаются на 31 китайский и один корейский вариант. К этому можно добавить описанные им же недавно варианты хакка [211, 242—243], а также многочисленные японские (42 версии по каталогу Хироко Икэда) [98, 106—107].

Дунганский вариант вполне соответствует общей сюжетной схеме данного типа, сформулированной В. Эберхардом (существо или вещь через кровь или от глубокой старости получает способность принимать человеческий облик, человек знакомится с ним и вступает в брак. Убивает или сжигает его, как только узнает, что это дух). Дунганская сказка довольно близка и к варианту хакка, где герой тоже торговец, встречающий девушку и вступающий с ней в близкие отношения. Впоследствии монах (ср. бессмертный нашей сказки) говорит ему, что это дух-оборотень, и дает торговцу два амулета (ср. ящичек с мечом в дунганской сказке).

Далее, однако, в версии хакка сюжет развивается несколько иначе, так как героиня не змея, а покойница, поэтому под воздействием одного из амулетов она превращается в «доску гроба», а второй амулет обращает ее снова в девуцу. Когда она собирается навестить родителей, монах советует торговцу дать ей первой зайти в дом, а затем прикрепить амулет на дверях (ср. дунганский вариант — ящичек вешается тоже над дверью). Торговец слушается совета, и дом обращается в могилу, а город — в кладбище [211, 242—243]. Этот вариант показывает, что тысячелетняя змея-оборотень здесь функционально равна ожившей покойнице, т. е. привидению.

Сюжет дунганской сказки, как и некоторые китайские варианты, близок к известному китайскому «Сказанию о белой змее» («Бай шэ чжуань»), широко популярному особенно в драматических и песенно-повествовательных формах (см. их анализ, сделанный Л. Н. Меньшиковым [169, 155—187]); у дунган, по расширенным данным, это сказание также известно под названием «Бый-шэ — Хий-шэ» — «Белая змея — Черная змея», однако записи его пока не сделаны. Название дунганского варианта легко расшифровать, если вспомнить, что вторую героиню — служанку Белой змеи зовут по-китайски Цян-шэ, где *цян* означает темный цвет (от синего и зеленого до черного), в дунганском языке слово *цян* (ч и н) малоупотребительно и, видимо, поэтому заменено на х и й (кит. *эй*) — «черный». В общих чертах сюжет этого сказания мало отличается от анализируемой сказки: герой встречает красавицу, женится на ней, а потом от монаха узнает, что она змея, монах научает его опохмелить женою вином (ср. подкладывание соли в еду и мотив жажды в нашем варианте), и потом сам расправляется с Белой змеей, придавливая ее пагодой. Эта история была весьма популярна в Китае еще в эпоху Мин, когда была создана и народная повесть на этот сюжет, вошедшая в собрание Фэн Мэя-луна (XVII в.) (русский перевод Д. Н. Воскресенского, см. «Повесть о Белой Змейке») [180а, 75—117].

№ 18.

В оригинале «Чжучжу-чжин», зап. М. Хасановым от Темирхаджаевой Сыгжер в 1972 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова. Еб 112, ср. Аа Th 363 («Вампир»).

Другой вариант «Таракан-джин» имеется в записи и обработке Х. Юсурова [14, 45—48]. Перевод «Таракан» у Х. Юсурова, видимо, не совсем точен, в тексте ю я нь — т. е. «сороконожка». Фактически тот же сюжет, что и в № 17, но в «мужском варианте» — оборотень не девушка, а, наоборот, юноша, возлюбленный. Представление о пауке-оборотне было довольно широко распространено в старом Китае. В Эберхард при анализе данного сюжетного типа также ссылается на гуандунский вариант, где дух — паук. В «Полном собрании волшебных сказок», изданном в Шанхае в 1933 г., приводится китайское предание о борьбе с пауком-оборотнем, который пытается обмануть храброго героя, приняв вид буддийского монаха, играющего на цитре. Он предлагает герою поиграть, передает ему цитру, а та тотчас же превращается в паутину и опутывает героя. Храбрец ранит паука-оборотня, а друзья героя впоследствии днем находят паука по каплям крови, которая сочилась из его ран, в пещере под большим камнем и разбирают его на части («Паук-оборотень») [46, 355—357] — без указания на место записи. Нахождение оборотня (или привидения) по нитке, прикрепляемой к одежде (он есть и в варианте Х. Юсурова) — мотив, также распространенный в китайском сказочном эпосе (см. Еб № 115 — по нитке находят привидение и могилу, из которой оно выходит; а также сказку «Храм в облаках» [64, 188], где по веревочке находят жэньшэнь-оборотня).

Наш вариант довольно близок к юсуровскому, однако он проще и содержит только непосредственно сам рассказ об освобождении от оборотня, а в юсуровском этот рассказ соединен с мотивом сватовства. Сопадает и такая деталь, как упоминание о *лун* — плетеной корзине, в которой живет оборотень и в которой его и находят.

№ 19.

В оригинале «Чжённэ», зап. М. Хасановым от Шимеевой Цинхуа в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. И. Юсупова. Дунганский текст опубликован [см. 7, 37—41]. Еб. 17 («Благодарность тигра»), ср. АаTh 156, а также 156 и 156В.

Сюжет этот описан в каталоге В. Эберхарда столь лаконично, что под № 17 у него оказываются очень разные тексты. Наш вариант находит себе точные аналогии в китайской сказке «Восемьсот тигров устраивают переполох в столице» [см. 46, 394—395]; место записи не указано, другой вариант тоже точно не локализованный [см. 41, 9—12]. Следует указать еще на один дунганский вариант, опубликованный Х. Юсуровым по-дунгански («Тридцать восемь тысяч тигров спускаются в земли к югу от Янцзы») [4, 121—127] и по-русски с некоторой обработкой («Тридцать восемь тысяч тигров») [14, 9—12]. Любопытный вариант этой сказки записан также у саларов провинции Цинхай («О сторожевых львах. (По поводу двух каменных львов у ворот)») [197, № 52, с. 100—102]. Как отмечает Э. Р. Тенешев, записавший данный текст, сюжет этот заимствован саларами из китайского фольклора [197, 6], стоит отметить, однако, что у саларов эти

сказка превратилась в своеобразную этиологическую легенду, объясняющую, почему у ворот дворца принято ставить двух каменных львов: эти львы-де остались от бесчисленного множества окруживших город львов, чтобы охранять героя. Сам сюжет легенды в саларском варианте представляет собой соединение мотивов: похищения тигром невесты — принцессы, унесенного портрета жены крестьянина и истории о спасении льва и осаде столицы львами, требующими освобождения героя.

Китайские варианты, к сожалению, представлены в плохих записях, передающих только сюжетную схему. Дунганские варианты более разработаны. Особенностью нашего варианта является соединение истории о помощи человека тигру и об ответной помощи тигров человеку с чрезвычайно популярной в дунганском сказочном фольклоре историей двух побратимов, один из которых присваивает себе заслуги (в данном случае — сокровище) второго (герой и лжегерой); в варианте Х. Юсурова, как и в саларском, и в китайском, этого мотива нет, в первых двух тигр (лев) в благодарность добывает герою жену, похищая дочь помещика (вариант Х. Юсурова) или даже императора (саларский), плохо пересказанный китайский вообще состоит из двух эпизодов (спасение тигра и помощь герою), не объясняя, в чем обвинен герой и почему брошен в тюрьму. Следует заметить, что истории о похищении тиграми невест вообще широко представлены в китайском фольклоре даже и в виде отдельных сюжетов (см. сказку «Благодарная тигрица» — русский пер. [65, 43—44], ср. также наш анализ этого сюжета [65, 8] и у В. Эберхарда [96, 226]). Впервые эта тема была использована в китайской литературе в IV в. в «Записках о поисках духов» Гань Бао. Специфической является в нашем варианте и контаминация сюжета о спасении тигра и его благодарности с мотивом получения сокровища от черепахи (см. 96, 222; ср. ThMot B.108.2 «змея с драгоценным камнем на голове»), что дает возможность рассказчику создать сюжетную коллизию более сложную, чем в вариантах с похищением тигром невесты для героя.

Особенностью дунганских вариантов данного сюжета является и ~~числовая~~ гиперболизация: если в китайском варианте столицу окружают 800 тигров [46, 394—395], то в варианте Х. Юсурова их 38 тысяч, а в нашем — 880 тысяч (разница здесь явно объясняется простой перестановкой числовых компонентов).

В целом же оба дунганских варианта, свидетельствующие вместе с саларским о распространении данного сюжета и у народов Северо-Западного Китая, как уже говорилось выше, дают более интересную разработку данной сказочной темы, чем опубликованный китайский.

№ 20.

В оригинале «Чжин юйр», зап. М. Хасановым от Нюсан Айши в 1970 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. И. Юсупова; Еб — нет; ср. АaTh 303 («Близнецы или сводные братья»).

Данный текст представляет собой оригинальную контаминацию различных мотивов волшебной сказки. Начало ее трафаретно: братья отправляются в чужие края учиться ремеслу (ср. выше № 3), однако далее ни о каком реальном мастерстве не упоминается, да и главный герой сказки — старший из братьев — Лода не учится, а занимается батрачить у богатого коаньвэя. То, что главный и почитательный герой сказки старший, а не младший из братьев, видимо, связано с отсутствием конфликта

между братьями. Появление чудесного коня в сказке никак не мотивировано, да и конь помогает герою только в начальном эпизоде. В оригинале этот конь именуется *щяньма* (от *щянь*, видимо, кит. *сянь* — «бессмертный» и *ма* — «конь»), что весьма необычно и не встречается, кажется, в других сюжетах. В мотиве коня, который может ходить по колосьям, не топча их, возможно, отразились древние представления о мифическом единороге-чилине (кит. *чилинь*), который так добр и гуманен, что ходит по земле, не топча травы.

Не мотивировано в данной сказке и появление золотой рыбки, хотя в сюжете АаТh 303, к которому в известной мере близок наш текст, тоже действует чудесная рыбка, хотя и с иными функциями. Старуха-ведьма, умерщвляющая героя, также лишь одно из приключений на пути героя, идущего на помощь попавшим в беду братьям. Примечательно, что герой получает ее чудесную клюку, с помощью которой можно умерщвлять и оживлять, но о клюке этой далее не говорится, и реально он ее не применяет. Вместе с тем старуха-ведьма, умерщвляющая героя, — она превращает его в камень — является непременным компонентом в сюжете АаТh 303. Волк как чудесный помощник — обычный персонаж, например, русской сказки (см. сюжет № 550 «Иван-царевич и серый волк», где три брата едут за жар-птицей, младший с помощью волка добывает жар-птицу, чудесного коня и царевну — далее развитие действия идет здесь по схеме: злые старшие и добрый младший брат). Для дальневосточной, например китайской, сказки «серый волк» (чинлон, кит. *цинлан*) — персонаж, вообще мало характерный, а в положительной функции чудесного помощника, судя по каталогу В. Эберхарда, и вовсе не встречающийся. В нашем тексте не совсем мотивировано, почему волк, съев коня одного из братьев, помогает потом его старшему брату (может быть, как не нарушившему запрета и пошедшему по нужной дороге?). Вместе с тем характерно, что волк как чудесный помощник добывает жену — дочь императора все-таки не старшему, а младшему брату. Это, как нам представляется, есть свидетельство того, что в более органичных версиях этой сказки главным героем в соответствии с традиционной сказочной поэтикой был все-таки младший из братьев.

Эпизод освобождения другой принцессы из лап чудовища-мынгуцзы воссоздан здесь так же, как и в разобранных выше сказках (см. анализ № 7 и 9, где герой освобождает принцессу тоже от семиголового мынгуцзы), однако далее развитие сюжета сильно трансформировано рассказчицей для того, чтобы соединить его с общей сюжетной линией. Освобожденная принцесса прикладывает к одежде героя свою золотую заколку (булавку) — это знак, который понадобится для последующего опознания истинного героя, однако опознания этого не происходит, поскольку нет лжегероя и деталь оказывается тоже ненужной. Вместе с тем поскольку подвиги в данном варианте как бы поровну распределены между тремя добрыми братьями (старший добывает с помощью серого волка принцессу, средний спасает от чудовища еще одну принцессу), то на долю третьего должен был бы остаться последний подвиг — добытие красавицы — дочери хозяина каравана, но у младшего брата уже есть жена, и поэтому подвиг совершает опять-таки главный герой нашей сказки — старший брат, добывая себе жену. Последний эпизод — встреча с караваном, хозяин которого замышляет ночью на постоялом дворе убийство трех братьев, чтобы взять себе в жены обеих принцесс. Эпизод этот построен скорее уже по законам бытовой, новеллистической сказки, в отличие от

предыдущих, построенных по эстетическому канону волшебного повествования. Но если мы вспомним общую схему сюжета типа «Иван-царевич и серый волк» (AaTh 550), то увидим, что добытую герою принцессу обычно пытаются отнять злые братья (см. выше анализ № 3, 7). В нашем варианте поскольку все братья положительные, то функция отрицательных лжегероев (попытка отнять добытую или освобожденную принцессу) перенесена на лицо случайное, которым оказывается хозяин каравана. Лоша его убивает, а сам женится на его дочери.

Неразвитость ряда сюжетных ходов, отмеченная нами выше, смена функций героев, немотивированность ряда элементов сказки — все это свидетельствует о плохой сохранности текста в репертуаре сказительницы либо о ее попытке сочинить сказку путем соединения ряда традиционных мотивов, заимствованных, возможно, не только из арсенала родного фольклора.

№ 21.

В оригинале «Еможын» (или «Моежын»), зап. М. Хасановым от Щимеевой Цунхуа в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; ср. Eb 114 («Преследование со стороны духа умершего»); ср. AaTh 327 и Ik 327B.

Дунганская сказка представляет собой своеобразный и весьма архаичский вариант сюжета «Дети и великан». Она начинается с эпизода стрижки волос: мать уговаривает сына остричь волосы, это слышит е м о ж ы н, т. е. буквально «дикий волосатый человек». Здесь явно должна быть какая-то связь между стрижкой волос и «волосатым человеком». Можно предположить, что в других вариантах мать пугала маленького сына диким волосатым человеком, который и явился на зов. В некоторых дунганских сказках встречается и образ женского существа м о е н ё н — «волосатой дикой женщины», которая тоже является людоедкой и заманивает к себе детей (см. в разд. «Сюжеты сказок, не вошедших в сборник», № 2).

Далеко не все мотивы в анализируемой нами сказке даны в развернутом виде. Так, мать не ест мяса своего сына, а ручки и ножки тайком прячет в рукав; по аналогии с другими сказками (ср. № 10) далее с их помощью мать, видимо, должна оживить сына, но в данном тексте этого не происходит. Мать получает совет, как остаться в живых, от женщин-пленниц, в то время как сам дикий волосатый человек идет точить нож (в японских версиях сюжета (Ik 327B) человек, попавший к убийце, узнает об этом от женщины, которая точит нож). Героиня дунганской сказки переносит мать людоеда на свою железную подушку, и в результате людоед убивает свою собственную мать (в японском варианте убийца по ошибке, ориентируясь на каменную подушку, убивает свою дочь). По совету пленниц мать съеденного мальчика берет также восемь пар палочек для еды и зеркало. Эти предметы нужны при магическом бегстве от людоеда. В. Я. Пропп, исследовавший различные типы магического бегства в волшебной сказке, пишет: «Герой может бежать после побывки у яги. В этих случаях он чаще всего спасается, бросая позади себя гребешок — лес, камень — гору, полотенце — реку» [181, 319]. Наш случай — бегство от людоеда — подходит под эту же категорию. Можно предположить, что похищенные в доме людоеда предметы (палочки и зеркало) — а согласно наблюдениям того же исследователя бросаемые во время бегства волшеб-

ные предметы обычно похищаются именно у чудовища (по Проппу — у яги [181, 320]) — должны и в нашем сюжете играть функцию, аналогичную указанной выше, т. е. палочки, видимо, должны были превращаться в деревья или лес, в зеркало — в озеро (круглая водная преграда с блестящей поверхностью?). Однако ничего этого в нашем тексте не происходит, очевидно, в силу плохой его сохранности. Сама же плохая сохранность в данном случае может объясняться непопулярностью в дунганской сказке, как, например, и в китайской, мотива бегства с бросанием чудесных предметов. В. Я. Пропп вообще считает этот мотив, крайней редкий вне европейского фольклора, стадияльно более поздним и развившимся не на базе первобытного мировоззрения, а на почве самой сказки [181, 322].

Не совсем логичен и конец сказки. После бегства мать мальчика и пленницы людоеда почему-то оказываются опять у ворот его дома. Они раскаляют каменную плиту и кладут у ворот, людоед садится и обжигается. Можно предположить, что весь этот конец попал сюда из сюжетно в известной мере близких сказок типа русской «Верлиока» [57, № 301 — АаTh 210 *], чрезвычайно широко распространенных у разных народов Северо-Западного Китая (см., например, китайский вариант из Ганьсу — «Сказка про теленка-пестренка» [65, 48—50; Еб № 14], а также из многочисленных саларских вариантов про людоеда, являющегося в дом, — «Мунгыскарджах» [197, № 7, 11, 25, 26, 56]), в которых обычно людоед наказывается у дверей дома, но не своего, а героини, которую он хочет съесть. Надо думать, что и здесь людоед должен был по логике сюжета прибежать не к своему дому (это происходит из-за переосмысленного мотива бегства с бросанием предметов, так как предметы не превращаются в препятствия, а преследователь просто подбирает их и почему-то относит обратно к себе домой), а к дому бежавшей женщины, матери съеденного ребенка. Стоит заметить, что, по В. Эберхарду, в некоторых (чжэцзянских) версиях сюжета типа «Верлиока» в дом является некий «дикий человек». Одновременно следует отметить и наличие в старом дунганском предании о *чанмаогуй* — «длинноволосом злом духе» [см. 46, 200—201], которое тоже могло повлиять на образ страшного еможына дунганской сказки.

№ 22.

В оригинале «Шинчон», зап. М. Хасановым от Харсановой Уцзер в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Еб 125 («Вопросы к небу»), АаTh 460В («Путешествие в поисках удачи») и 461(III), Ik 460В.

Сказка представляет собой вариант широко известного в евразийском сказочном эпосе сюжета о поисках счастья и богатства и о вопросах, на которые герой получает ответы, дающие ему жену и богатство. Вопросы, ответы на которые герой должен получить у мудреца, в нашей сказке совершенно стандартны и описаны в каталоге Аарне — Томпсона: 461(III) а) почему дерево не цветет; в нашем случае — когда яблоня зацветет и даст плоды (ThMot H1292.2), в) когда водяное существо освободится от чего-либо; надоедающего ему; в нашем случае — рыба от укусов мелких рыбок; с) как сможет вылететь больная принцесса; в нашем случае — заговорить немая девушка-красавица (АаTh H 1292.4.1).

Конец дунганского варианта также вполне соответствует описанной

в каталоге Аарне — Томпсона схеме (AaTh 461 (V) — «По пути домой герой дает ответы на вопросы и получает большое богатство»).

Как уже говорилось выше, данный сюжет, согласно библиографии в каталоге Аарне—Томпсона, известен у многих восточных народов, так же как и на Западе. Он отмечен и у сычуаньских мяо, и в Японии (по каталогу Хироко Икэда — в 18 версиях в разных префектурах). У В. Эберхарда даны указания на 11 вариантов, записанных у китайцев, причем в ряде версий вопросы точно такие же, как и в дунганском варианте, — немота девушки (в 6 чжэцзянских вариантах и в одном точно не локализованном), цветение дерева (в 5 чжэцзянских и гуандунском), вопросу рыбы соответствует в ряде местных версий вопрос дракона, почему он не может подняться на небо; ответ, однако, совпадает с нашей версией: из-за двух драгоценных жемчужин у него во рту (Еб 20, с. 35) — ср. два драгоценных камня у рыбы в нашей версии.

Устойчивость разнонациональных вариантов данного сюжета наводит на мысль о возможном общем их источнике. В. Эберхард считает данный сюжет пришедшим в Китай из Индии [96, 184], что весьма вероятно.

№ 23.

В оригинале «Тэйёнди хуэйда», зап. Кэ Яном, опубликовано в кн. «Ганьсу миньцзянь гуши сяоань» («Избранные народные сказки провинции Ганьсу») [1], пер. Б. Рифтина; Еб 125.

Эту сказку, записанную у дунган в провинции Ганьсу, можно рассматривать как своеобразный, явно сильно упрощенный вариант того же сюжетного типа, что и № 22, с элементами этиологического предания, объясняющего, как начали пахать железным лемехом или стричь баранов. В самой фактуре сказки мало сходного с обычными вариантами сюжета, построенными на вопросах, получаемых в пути и задаваемых боже-ству или мудрецу. Образы великана-солнца и его матери — доброй старушки тоже не встречались нам более в других китайских или дунганских сказках. Сама сказка содержит мало волшебных элементов, в ней больше деталей, идущих от новеллистической сказки или вообще бытового рассказа (дедушка, желающий попробовать груш, ненастоящая смерть старика, оказывающаяся просто обмороком, и т. п.). Не исключено, что какие-то элементы здесь внесены или переделаны собирателем.

№ 24.

В оригинале «Чиги жын дэй игы гу», зап. М. Хасановым от Щимеева Исмара в 1972 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Еб 125. AaTh 460A («Путешествие к богу для получения вознаграждения»).

Данная сказка, близкая по типу к предыдущим, представляет собой случай нереализованного сюжетного действия. Происходит это явно под влиянием современной атеистической идеологии. Вместе с тем в конце данного варианта заметны некоторые следы архаических версий сюжета, в которых, как можно предполагать, описывалось путешествие в загробный, нижний мир. По распространенным на Дальнем Востоке представлениям, этот иной мир помещался в пещере, вот почему, войдя в пещеру, герои сказки засыпают навечно; не совсем только ясно упоминание о

том, что каждые триста лет все семеро переворачиваются с боку на бок. Влияние современного мышления рассказчика чувствуется и в самом конце сказки, где таинственная пещера локализуется неожиданно, по словам некоторых людей, в Италии (!); может быть, Италия стоит здесь по созвучию вместо Индии. В некоторых японских версиях сюжета о путешествии в поисках удачи (Ik 460B) героя посылают в Индию (отголосок, видимо, буддийских легенд).

№ 25.

В оригинале «Давийди лохань», зап. М. Хасановым от Люхузаевой Хэчер в 1974 г. в г. Алма-Ата, Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Eb — нет.

Весьма архаическое предание о мести лесного хозяина-оборотня охотнику за убийство его детей. Такого рода предания весьма характерны, например, для хакасского фольклора, в фольклоре народов Дальнего Востока, где охота вообще редко описывается, встречается не столь часто. Одновременно предание напоминает многочисленные китайские рассказы о проделках лисов (ср., например, в сборнике XVII в. «Слово вечное, мир пробуждающее» «Повесть о том, как в местечке Малая бухта лис-оборотень требовал книгу», восходящую к новелле Чжан Цзяня (VIII в.) «Студент Ван» — русские переводы [180а; 143]). Многочисленные проделки лисов-оборотней описаны с особым мастерством в новеллах Пу Сун-лина, в фольклоре же, судя по каталогу В. Эберхарда, рассказы о лисах-оборотнях встречаются явно не столь часто. В данной сказке можно увидеть также и определенное влияние буддийских идей, согласно которым человек не должен убивать никаких живых тварей, что связано с представлением о непрерывной цепи рождений живых существ в различном облике.

№ 26.

В оригинале «Бобый пыту», зап. М. Хасановым от Арлизова Мамазы в 1971 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; ср. Eb 181 («Жемчужина дракона», но с иной разработкой сюжета).

Сказка представляет собой вариант достаточно распространенного в Китае предания о чудесном камне (жемчужине?), дающем изобилие, который хочет отнять чиновник и который проглатывает герой, превращающийся потом в дракона. Китайский вариант этого предания известен под названием «Ваньянтань» — «Отмели, с которых сын глядел на мать» (русский перевод: [64, 175—179]), он бытует в провинции Сычуань как некая топонимическая легенда, объясняющая в сказочно-поэтической форме происхождение странного названия двадцати четырех отмелей реки Миньцзян. Сюжеты нашей сказки и сычуаньской легенды очень близки. Несколько иное там только начало: мальчик ловит золотую рыбу, отпускает ее, рыба выплывает чудесную жемчужину и дает ему. Такое начало более обоснованно и логично с точки зрения поэтики дальневосточной сказки. Получение чудесного камня от золотой рыбы (как мы уже видели, анализируя сюжеты о женитьбе на дочери царя драконов (№ 1, 2, 3), золотая или красная рыба в этих сказках обычно сын или дочь царя драконов) объясняет и последующее превращение героя в дракона: рыба выплывает жемчужину, содержащую, видимо, ее душу,

мальчик проглатывает камень и превращается в дракона (изначальный облик той же чудесной рыбы). Так же как и в дунганском варианте, в китайской легенде чудесный камень кладется сперва в чан с рисом (в дунганском варианте в ларь с мукой), а затем в кошелек с деньгами. И то и другое чудесным образом наполняется. Вместо помещика китайской легенды камнем в дунганском варианте пытается отнять уездный начальник. Результат в обоих случаях одинаков: мальчик проглатывает камень, его мучит жажда, он начинает пить и превращается в дракона. Любопытно, что и здесь мы сталкиваемся с тем же представлением о жажде и питье, которые сопутствуют принятию облика змеи или дракона (подробнее см. выше, анализ № 17). Совпадает и такая деталь: одна нога, за которую мальчика держала мать, так и остается у дракона человеческой. Несколько по-разному рисуется только картина гибели противника героя: в китайской легенде помещика уносит бурлящий поток, а в дунганской сказке — уездного начальника убивает молния. И то и другое хорошо согласуется с представлением о драконе и его могуществе: он повелитель вод, он же насыляет тучи и грозу.

№ 27.

В оригинале «Исхар», зап. М. Хасанов от Машанло Нурмухаммада (Масан) в 1974 г. в г. Алма-Ата. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; ср. Еб 113 («Дух умершего должен быть умершвлен») и 114 («Преследование со стороны духа умершего»), ср. АаTh 307 («Принцесса в саване», в русском варианте указателя Андреева — «Девушка, встающая из гроба»), II («Вампир») и III («Освобождение от чар») и 308 ** («Бдение подле мнимого трупа»).

Сказка представляет собой фактически развернутое мифологическое предание о встрече человека с духом (типа былички). Можно предположить, что за образом монаха, пытающегося превратиться в оборотня, стоит фигура служителя ламаистского культа (ср. № 9), так как именно в ламаизме были чрезвычайно популярны различные изображения персонажей со связками человеческих черепов. Не совсем ясна в нашем варианте роль вывески или свитка (бянь), висящего на стене, за которую прячется герой. В упомянутом у В. Эберхарда чжэцзянском варианте (№ 114, с. 173) герой прячется от духа умершего за изображением Гуаньди (бесстрашный полководец III в., обожествленный в качестве грозного бога войны, бога-покровителя и т. п.). Очень возможно, что и здесь бянь должна не просто скрывать героя, а обладать и еще какой-то магической, охранительной силой.

№ 28.

В оригинале «Ма-юаньвэй», зап. М. Хасановым от Шимеева Юнуса в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шаньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет; ср. АаTh 934В («Юноша должен умереть в день свадьбы»), ср. Iк 934А.

Данная сказка представляет собой, как и № 28, своеобразное мифологическое предание о столкновении героя с оборотнем, хотя и относится к разряду сказок о неотвратимости судьбы (ср. Андреев 932, 932 I, в которых, как и в нашем случае, рассказывается, что от судьбы не уйдешь, куда бы герой ни был заперт и как бы его ни оберегали родные). В из-

вестной мере дунганский вариант может быть соотнесен и с японскими сказками типа Ik 934A («Смерть от слепня и топорик»), где есть приход гадалщика, предсказывающего смерть ребенка от слепня, и т. п. (ср. муху как главный источник зла в нашем варианте), попытка отца защитить сына от слепня и все-таки гибель его (правда, в японском варианте отец сам случайно убивает спящего сына топором, пытаясь отогнать слепня от спящего мальчика).

№ 29.

В оригинале «Телигуэй», зап. М. Хасановым от Хасанова Ахмеда (Дэва) в 1972 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. Б. Рифтина; Еб — нет.

Предание о человеке, который стал бессмертным. В другом, шэнсийском варианте под названием «Как бедняк стал бессмертным», записанном в 1961 г. М. Хасановым от Машучина Юнуса, сходном по сюжету, имя героя не упоминается. Здесь же ясно, что речь идет об одном из восьми бессмертных даосской мифологии — Ли Те-гуае (дунг. Ли Тегуэй), т. е. Ли с железной клюшкой, атрибутом которого как раз и является вищаца у пояса тыква-горлянка. Китайский профессор Чжао Цзин-шэнь, исследовавший предания о восьми бессмертных [131, 82—83], однако, не приводит никаких произведений, подобных нашей истории, вся художественная суть которой заключена в стихотворении, по которому жена узнает, что приходил ее муж. Таких историй, в которых используются стихи, в дунганском фольклоре довольно много.

№ 30.

В оригинале «Жын цзин бу цзу, шэ тун щён», зап. Б. Рифтиным от Мэлолю Исхара в 1953 г. в с. Миянчуан Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. Б. Рифтина. Еб19 («Змея проглатывает министра»).

Сюжет, чрезвычайно популярный у дунган (еще один вариант в записи и обработке Х. Юсурова — «Жадный Хишин и его друг змея» [14, 111—115]) и китайцев, рассказывается обычно как объяснение пословицы, вынесенной в заглавие сказки и используемой в случаях, когда хотят осудить алчность человека. Пословица эта иногда имеет у дунган и продолжение «Тань цин бу цзу, ши тэйён» и в полном виде должна быть переведена как «Сердце человека было ненасытно — вот змея и съела первого министра. Сердце дракона было ненасытно — вот он и пытался проглотить солнце». Выражение «шэ тун щён» (кит. «шэ тунь ся») в силу омонимичности морфемы «щён», имеющей значение «министр» и «слон», в разных версиях и разными людьми истолковывается по-разному. Сочетание «шэ тунь ся» встречается в китайской литературе с древних времен. В «Книге гор и морей» («Шань хай цзин»), например, приводится предание о гигантских змеях, съедающих слона и через три года выплевывающих его кости (разд. «Хайнэй наньцзин»). В «Вопросах к небу» Цюй Юаня (IV в. до н. э.) встречается целиком выражение «шэ тунь ся» («змея проглатывает слона»). В китайской литературе пословица, вынесенная в заглавие данной сказки, встречается в повестях из сборника Фэн Мэн-луна (XVII в.) «Слово доступное, мир предостерегающее» (Цзин ши тун янь», цз. 25) в форме именно со сломом, а не с ми-

нистром [см. 111, 874]. Все это наводит на мысль о том, что министр в этой фразе есть позднее простонародное переосмысление древней формы. Именно к такому выводу приходит и В. Эберхард [96, 33]. Вместе с тем стоит, как нам кажется, обратить внимание и на любопытный кантонский вариант, в котором змея проглатывает юношу по имени А-сян, слог *сян* в его имени пишется опять-таки иероглифом «слон» [37а, 83—86]. По сравнению с кантонским вариантом дунганская сказка представляется более разработанной в сюжетном отношении (судя по каталогу В. Эберхарда, другие тексты, записанные в Шаньдуне, Хубэе и Гуандуне, также ближе к кантонскому, чем к дунганскому).

В кантонской сказке герой просит у змеи, которую он выкормил, ее печень для своей больной матери. Змей разевает огромную пасть, юноша залезает в нее и отрезает часть печени (в дунганском варианте Х. Юсурова — щ и да нь — шарик, обладающий чудесными свойствами, который будто бы вырастает в горле змеи). Мать выздоравливает, но сын, боясь, что болезнь вернется вновь, просит у змеи еще печени, он залезает к ней в пасть с ножом, режет куски печени, но змея начинает кататься от боли и в конце концов закрывает пасть. Поскольку там нет замены *сян* — «слон» на *сян* — «министр», то и соответственно нет и темы женитьбы на дочери государя. В нашем варианте, записанном от молодого 24-летнего колхозника, отнюдь не славящегося в качестве рассказчика, выпала одна деталь, возможно для старой китайской или дунганской аудитории слушателей и так ясная. Там не сказано, что, женившись на дочери государя, юноша получил титул первого министра (щ ё н), без этого не совсем ясно и пословица, вынесенная в заголовок. В варианте Х. Юсурова, явно сильно обработанном, герой становится визиером, так, видимо, переведено то же слово щ ё н, но пословица в конце сказки дана в сильно измененном виде, и вся эта игра слов потеряна.

Содержание второй части пословицы связано со следующей легендой. Огромный дракон Тань считал себя самым умным и могущественным среди драконов. Мир стал ему тесен, и он захотел владеть всей вселенной. Он вздумал проглотить солнце и так явить всем свое могущество. Его вшесчески уговаривали не делать этого, так как лучи солнца могут его испепелить. Однако Тань не послушался и взвился вверх, в небо, и солнце сожгло его своими лучами.

№ 31.

В оригинале «Фонцир», зап. М. Хасановым от Юнузы Шэмузы в 1964 г. в с. Александровка Московского р-на Киргизской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Оригинальная сказка с элементами новеллистического повествования (подменное письмо, убийство по ошибке). Некоторые ее мотивы, видимо, достаточно уникальны — таково появление странного волосатого кома, превращающегося потом в человека и являющегося посланцем бога Лушьяна (кит. Лу-шэнь). Встреча со святыми на дороге и обращение к ним с просьбой встречается в китайских сказках (см. Еб 107: торговец рыбой узнает, что по дороге должны пройти несколько святых, он подкарауливает их и получает оживляющую пилюлю из глины, которая приносит ему богатство). Перечень божеств в дунганской сказке требует пояснения. Сказитель сам пояснил, что Лушын — это бог дороги, но бог дороги не ведает судьбами людей. Скорее всего в сказке речь должна идти о

Лушине (кит. Лу-шэнь) — боге карьеры, который обычно изображается в Китае как один из трех богов вместе с Фу-шанем (богом счастья) и Шоу-сином (богом долголетия). Можно предположить, что именно эти три божества, столь популярные в Китае, фигурировали первоначально и в этой сказке. Цэйшын (кит. Цайшэнь) — одно из самых популярных божеств китайского народного пантеона, бог богатства.

Сложнее обстоит дело с Чжуншином (кит. Чжу-шэнь?), по представлениям рассказчика, это какое-то верховное божество (от *чжу* — «хозяин»), однако божество с таким именем в китайском пантеоне нам неизвестно. Скорее всего предположить и здесь какую-то замену. *Чжу* по-дунгански произносится как «д в у», что могло быть спутано с *фу* (*фы-шин*), поскольку реальное предствление и культ всех этих столь известных в старом Китае божеств у среднеазиатских дунган отсутствует.

Эпизод с подменой записки весьма напоминает уже встречавшийся нам сюжетный ход и в следующей сказке «Бессмертный шынцзянь продает слова», тоже сочетающей волшебные элементы с новеллистической разработкой сюжета. Определенным аналогом этой сказке может служить корейская сказка «Чапоги», записанная Н. Г. Гариним-Михайловским [146, 346—347].

№ 32.

В оригинале «Шынцзянь мэи хуа» («Лоши»), зап. М. Хасановым от Чжончёнло Чжонтяньхэ в 1959 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова. Ев — нет, AaTh 910B («Добрые советы слуги») Ik 910B («Три дорогих совета»).

Сюжет, популярный у разных народов Востока и Запада, на Востоке известен, судя по данным указателя Аарне — Томпсона, в Индии, у арабов, турок, в Индонезии. В указателе Хироко Икэда учтено 42 японские версии, к этому можно добавить бурятскую сказку («Волшебные слова») [58, 331—332] и уйгурскую («Мудрые советы») [142, 105]. Сказка эта весьма условно по наличию мифологического персонажа — бессмертного шынцзяня может быть отнесена к волшебным. Основная суть ее чисто новеллистическая, как и весь антураж — торговля, постоянный двор, обвинение в убийстве, судебное дело. Дунганский вариант весьма близок к японским, где герой, заработав немного денег, тоже идет на базар и видит вывеску: «Продажа добрых советов». Советы в разных версиях, конечно, различны, но суть их схожа с нашим вариантом: например, «не останавливаться там, где нет подпорок (или под высоким деревом)»; герой проходит под скалой, вспоминает совет и не останавливается — скала обрушивается (точное соответствие дунганскому варианту). В японских вариантах есть и встреча с разбойниками (герой остается ночевать в логове разбойников), и обязательное заставание жены героя с посторонним мужчиной (Ik 910B, IV). Однако в японских вариантах нет убийства жены героя, так как в большинстве случаев оказывается, что это он принял за любовника свою мать, почему-либо обрившую волосы на голове (опять волосы как опознавательный знак!), или бога дома, который защищает его жену, или своих родителей и приехавшего погостить дядю, но в ряде вариантов этим мужчиной оказывается настоятель местного храма. Тогда жена прячет любовника в сундук (или чай), а муж несет сундук в храм и продает, выручая деньги, некогда затраченные на покупку добрых со-ветов.

Наш вариант более трагический: жена оказывается убитой, любовника и его друга, который прямого участия в действии сказки не принимает, казнят. Особо следует сказать об эпизоде с гончарами в дунганском тексте. Он построен по аналогии с многочисленными преданиями о необходимости принести человеческую жертву печи (гончарной, медеплавильной и т. п.) для умиловления духов и получения хороших изделий. В подобных преданиях (см., например, китайское «Богиня печи») [65, 265—268] герой или героиня сами приносят себя в жертву, бросаясь в горящую печь, в нашем новеллизированном варианте сожжение в печи — лишь гнусный замысел главным образом с целью присвоения денег младшего брата, которого старший брат и его жена велит насильно бросить в печь. Интересен и эпизод с судом, он напоминает старинные китайские новеллы о мудрых судьях, по одному намеку находивших истинных преступников (ср., например, новеллу Пу Сун-лина (XVII в.) «Приговор на основании стихов» [184]).

№ 33.

В оригинале «Лань лун бэй цзы», зап. М. Хасановым от Арлизова Мамазы в 1971 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Еб — нет.

Типичное предание, объясняющее в поэтической форме происхождение одного из бытовых обычаев. Сходное предание приведено и в сборнике Х. Юсупова («Девушка и куст тальника») [14, 43—45]; в нем объясняется, почему дунганские девушки не сушат белье на зеленых ветках — вдруг-де явится зеленый чжин-оборотень того самого куста или ветки зеленого дерева, на который была повешена одежда девушки.

№ 34.

В оригинале «Ча лунпай», зап. Ван Дун от дунган (хуэйцзу) провинции Юньнань, перевод из кн. «Чжунго миньцзянь гуши сюань» («Избранные народные сказки Китая»), [49а, 216—219], пер. Б. Рифтина; Еб — нет.

Редкий, известный науке образец фольклора юньнаньских дунган; своеобразное предание о победе над засухой, использующее мотивы волшебной сказки (путешествие в подводный дворец, встреча с дочерью царя драконов, глотание чудесной жемчужины и превращение в дракона). Мотивы эти, однако, не развиты — по логике данного сюжетного типа герой, например, должен был бы, видимо, жениться на дочери царя драконов — принцессе подводного царства, но в силу переноса акцента в предании на добывание дождя и избавление от засухи все эти сказочные ходы не реализуются.

№ 35.

В оригинале «Шычи ёнлигы шыба» (букв. «Семнадцатилетняя родила восемнадцатилетнего»), зап. М. Хасановым от Паншарова Исмара в 1960 г. в г. Токмак Киргизской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина. Дунганский текст [7, 73—79]; ср. Еб 112 («Сношения с духом») и 115 («Мертвая мать и ее дитя»).

Оригинальная сказка о женитбе человека на дочери царя бесов,носящая характер мифологического предания. Интересен мотив «придавля-

вания» оборотня глиняной пагодой, широко известный в китайском фольклоре и литературе, например в письменных и устных версиях «Сказания о белой змейке» [см. 169, 156]. Упоминаемые в сказке глиняные пагоды есть, по-видимому, те самые глиняные пагоды величиной в 3—4 см, в которые вкладывались бумажки с молитвами и которые с охранительными целями зарывались в землю, клались под фундаменты домов или бросались в море [см. 174, I, 614].

№ 36.

В оригинале «Цзинь цяо», зап. Ван Дун от Ян Шуфана — дунганина из провинции Юньнань, перевод из кн. «Юньнань гяцзу миньцзянь гуши сюань» («Избранные сказки разных народов провинции Юньнань») [9, 314—322]; Eb — нет. AaTh 550 («Поиски золотой птицы»).

Еще один сюжет о поисках счастья (здесь птицы счастья), ср. выше № 24. Сказка вполне соответствует той общей схеме сюжета, которая предложена в каталоге Аарне—Томпсона: поиски чудесной птицы, с помощью зверей младший из братьев добивается успеха. На обратном пути он спасает (в нашем варианте — оживляет) своих братьев, которые предали его. Последний мотив не характерен для данного варианта, так как здесь нет соперничества доброго и злых братьев, все братья положительные персонажи, но старшие не выполняют наказа старухи, сидящей на перекрестке дорог. Думается, что в более архаических версиях сказки старуха скорее должна была быть «ведьмой» вроде той, которую встречает герой в сходной ситуации в сказке «Золотая рыбка» (№ 20). Насколько размыт здесь и мотив помощи «зверей», в частности пчелы, спасенной младшим братом по пути к золотой птице.

№ 37.

В оригинале «Байту гуянь», зап. Чжао Янь-и от дунган провинции Ганьсу, перевод из кн. «Ганьсу миньцзянь гуши сюань» («Избранные народные сказки провинции Ганьсу») [1, 195—205]. Eb — нет.

Сказка, близкая по типу к волшебной, но сюжет в ней сильно трансформирован в связи с преобразованием в топонимическую легенду. Необычно изменение точки зрения повествования: рассказ начинается не с истории бедной старухи и ее сына, который не может взять себе жену, как это обычно для волшебной сказки, а, наоборот, с истории самой девушки, получившей способность к оборотничеству, истории, поданной вначале в весьма бытовом, реальном плане (ахун хочет взять в жены молоденькую девочку). Многие волшебные в принципе мотивы сказки здесь весьма рационализированы. Так, вместо шкуры животного героиня получает просто курточку из белого заячьего меха. Не совсем ясным при этом остается вопрос о том, откуда у черного зайца белая курточка. Черный заяц здесь назван столетним не случайно. По дунганскому поверью, зверь, прожив сто лет, становится черным, а прожив тысячу лет — белым. Черные и особенно белые звери почитались особо, считалось, что они одновременно получают способность к оборотничеству. Эпизод с появлением девушки в доме юноши и особенно, ее «тайная» помощь по хозяйству вполне соответствуют обычной сюжетной схеме волшебной сказки, так же как и ложный уход героя, подсматривающего из-за двери, врывающегося в дом и хватающего «волшебную оболочку» героини.

Необычен в данном случае самый конец сказки. По законам волшебной сказки данного типа, чудесная жена либо остается жить с герсем навеки, либо, родив ему сына, покидает его и возвращается в свой мир. По законам композиции топонимической легенды, в конце должно было бы быть повторено объяснение, почему подземный ход под горой Мый-ясань зовется «Заячий лаз». Вместо этого сказка кончается рационалистическим объяснением с оттенком иронии (что для сказки совсем нехарактерно!) того, что думала о девочке ее мать (будто бы дочь и в самом деле забрал с собой в рай бородатый ахун). Такой конец бесспорно связан с изменениями точки зрения в повествовании, в центре которого стоит не судьба бедного юноши, а судьба девочки.

№ 38.

В оригинале «Цунса ба та чжэлигэ щичё», зап. М. Хасановым от Щимеева Исмара в 1972 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. Б. Рифтина. Еб — нет.

Одна из немногих дунганских сказок о птицах и животных, имеющая характер этиологического предания, объясняющего само слово «сорока» — по-дунгански щич ё (кит. *сицяо*). По старинному китайскому поверью, сорока приносит радостные вести, здесь же дается редкое для сказки ироническое истолкование ее прозвища (неудачное сватовство!). Текст условно определен нами как ганьсуйский, хотя в нем встречаются и шэньсийские диалектные формы, возможно, потому, что рассказчик живет в селе, где подавляющее число жителей — потомки выходцев из провинции Шэньси.

№ 39.

В оригинале «Вий са гу чы фуцзыни, жын чы мяньни», зап. М. Хасановым от Янцяньсына Юсупа в 1972 г. в г. Фрунзе.

Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Еб — нет.

Своеобразное этиологическое предание, соединяющее объяснение современного вида злаков (с колосьями на верхушке) с чрезвычайно распространенным в дальневосточном фольклоре мотивом, объясняющим начало вражды собаки и кошки (ср. Еб 12 — «Кошка и собака», а также в русском переводе — «Как собака с кошкой враждовать стали» [65, 39—42]).

№ 40.

В оригинале «Мыйлу, лон дэй лова», зап. И. Юсуповым от Кадырова Муханзы в 1964 г. в г. Джамбуле Казахской ССР.

Ганьсуйский вариант, пер. И. Юсупова; ср. Еб 15 («Неблагодарный волк»).

Сказка о животных с резко выраженной моралью, сформулированной в конце в стихах, где особо подчеркивается неблагодарность волка и неотвратимость возмездия. В этой связи уместно вспомнить широко популярную у дунган (как и у китайцев) пословицу: «Жынжын ду ба хо щин щён, лон щин, гу фий бу чжючон» — «Относись к людям с добрым сердцем, сердце волка и собачьи легкие не дадут долгой жизни». Само четырехсложное сочетание «лон щин, гу фий» (кит. *лан синь, гоу фэй*) часто встречается и в китайской письменной литературе, что свидетельствует о традиционности представления о волке как о коварном звере.

№ 41.

В оригинале «Чжинмацзы», зап. М. Хасановым от Масанши Исмара в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл., Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. И. Юсупова. Дунганский текст [7, 58—62]; Еб — нет.

Новеллистическая сказка, являющаяся своеобразным, именно бытовым вариантом истории о Понжыре, помещенной выше среди волшебных сказок (№ 7, 8). Все отдельные действия и детали (поздравление чиновниками своего начальника, изгнание матери, жизнь бедняков именно в землянке, продажа хвороста в городе, срывание императорского объявления) постоянно встречаются в китайских и дунганских сказках. Мотив видения, опускание луны к подушке и чудесное появление драгоценного камня, напоминает многочисленные легенды о чудесном зачатии или чудесном рождении героев китайских мифов или исторических преданий. Здесь мы сталкиваемся с явной трансформацией этого древнего мотива. Конец сказки — голова злого героя, торчащая из земли, и ее отсечение, а также поговорка точно повторяют концовки соответствующих сказок о Понжыре (Понвыне), где, правда, наказанным оказывается, наоборот, ложный, неродной брат; здесь же, с перенесением акцента в моральную сферу, наказывается родной сын старухи.

№ 42.

В оригинале «Бинляр ки му», зап. М. Хасановым от Шимеевой Цунхуа в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. И. Юсупова. Дунганский текст [7, 154]; Еб — нет.

Еще одна история о том, как был наказан и потом раскаивался непочтительный сын. Подобные сюжеты связаны с чрезвычайно популярной в старом Китае идеей *сяо* (дунг. *цэ*) — сыновней почтительности, которую заимствовали из конфуцианства и китайские буддисты (еще в IV—V вв.), а впоследствии и китайские мусульмане. О наличии конфуцианских идей у дунган не раз писалось в литературе [см. 26, 249].

№ 43.

В оригинале «Вэйяр гуон, лимяр кон», зап. М. Хасановым от Хасанова Ахмеда (Дэва) в 1970 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Еще одна история о том, как были наказаны дети за непочтительность к родителям. Необычным для сказки является упоминание о дружбе героя, явно простого человека, с самим императором. Не до конца обыгрывается и выражение типа пословицы, вынесенное в заглавие сказки.

№ 44.

В оригинале «Вонэр дэй Быйнюр», зап. М. Хасановым от Нурахуна Малосы в 1962 г. в с. Каракунуз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Данную сказку можно считать своеобразным, упрощенным вариан-

том разобранных выше сюжетов о герое и лжегерое (№ 13, 14), созданном более в новеллистическом, чем в волшебном, ключе. Сюжеты такого типа о злом нищем, меняющемся одеждой с принцем и выдающем себя за принца, вообще широко распространены у народов Востока. Сюжет, по всей вероятности, заимствован от ближневосточных народов; косвенным свидетельством того, что данная сказка не относится к дальневосточным, может служить упоминание сразу о двух государях, нехарактерное для китайских сказок, а также появление фигуры мусульманского святого старца Хизира, который весьма напоминает бессмертных-шынцзяней других сказок. Следует также отметить, что отшельники, живущие в горах, упоминаемые в начале сказки, есть явно даосские святые, часто встречающиеся и в других дунганских и китайских сказках. К числу обычных для дунганских сказок относится и мотив предварительной договоренности о женитьбе еще не родившихся детей, возможно имевший и реальную этнографическую основу. Известно, что в старом Китае родители вообще стремились обручить своих детей как можно раньше, здесь же этот мотив связан с предопределением со стороны святых отшельников.

№ 45.

В оригинале «Сы ца», зап. М. Хасановым от Чжонщяньло Чжонтяньхэ в 1958 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. И. Юсупова; Еб — нет.

Типичная для дальневосточного фольклора бытовая сказка, связанная с иероглифической ошибкой в письме. Любопытно, что она записана от сказителя Чжонтяньхэ, который был грамотен по-китайски и очень любил рассказывать истории об иероглифических ошибках, а также о тех бедах, которые могут произойти с человеком, плохо владеющим иероглификой. Так, в 1954 г. Б. Рифтиным был записан от него народный анекдот о человеке, который выучился писать иероглифами только три выражения: *сы во* — «это я», *ха чжюди* — «в пьяном виде» и *цзыжань* — «естественно». Когда в его родном селении произошло убийство и пришел письменный запрос об обстоятельствах дела, горе-грамотей написал все три фразы, которые он знал, «признав», что он убил человека в пьяном виде и в результате сам себя приговорил к смертной казни. Любил Чжонтяньхэ задавать и иероглифические загадки. В аудитории слушателей — среднеазиатских дунган, как правило не знавших иероглифики, такие произведения, однако, пользовались большим успехом, а сам сказитель весьма почитался именно как человек иероглифически грамотный.

№ 46.

В оригинале «Чюнжын дый сы», зап. М. Хасановым от Машучина Юнуса в 1961 г. в с. Заря Востока Казахской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет, ср. АаTh 924.

Типичная новеллистическая сказка, основанная на недоразумении. Такого рода истории весьма популярны в дальневосточном сказочном фольклоре.

№ 47.

В оригинале «Чжяньшы годи вава», зап. И. Юсуповым от Кадырова Муханзы в 1964 г. в г. Джамбуле Казахской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. И. Юсупова; Еб — нет; Ik 922 («Ответы сына на вопросы государя»);

ср. АаTh 922 («Пастух вместо священника отвечает на вопросы короля»).

Типичная сказка типа анекдота, построенная на метком ответе. Ответ мальчика (отец рождает ребенка) весьма стандартен и часто встречается в дальневосточном фольклоре (в японском — см. Ik 922 и в корейском), ср. также дунгайский народный анекдот, записанный в начале XX в. В. Цыбузгиным, пер. см. № 57.

№ 48.

В оригинале «Дицюн саньгэ», зап. М. Хасановым от Шимеева Юнуса в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

В принципе та же тема меткого иносказательного ответа, что и в предыдущей сказке, связанная с игрой слов.

№ 49.

В оригинале «Чюн гунёнди чжяньшы», зап. М. Хасановым от Машучина Юнуса в 1961 г. в с. Заря Востока Казахской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Типичная новеллистическая сказка, соединяющая мотивы мудрой девицы, требующей от жениха владения каким-либо ремеслом, и истории про хозяина харчевни, заманивающего путников, убивающего их и делающего пельмени (пирожки) с начинкой из человеческого мяса. Последнее составляет тему знаменитого эпизода из героической эпопеи Ши Най-аня (XIV в.) «Речные заводи» о Сунь Эр-нян, устроившей харчевню такого же рода, какая описана в данной сказке. Именно эта страшная героиня «Речных заводов» упоминается и в дунганской народной песне «Чжынчжу до чжюаньянь» («Жемчуг падает на занавеску»). Путешествие императора, переодетого в простое платье, по стране — также обычный мотив китайских и дунганских сказок (см. в разд. «Сюжеты сказок, не вошедших в сборник», № 34 — «Император Кан-си»). Даже в народных вышивках в качестве самостоятельного сюжета встречается путешествие императора верхом на осле (например, на накидке-пыйчжянь из с. Шор-Тюбе). Впервые описание походов императора, переодетого в простое платье, появляется в китайской литературе начала н. э. — «Старинные истории о Ханьском У-ди» [156].

№ 50.

В оригинале «Лёнгэ ляншю», зап. М. Хасановым от Темирхаджаевой Сыцзер в 1972 г. в г. Фрунзе. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова и И. Суюпова; Еб — нет; ср. АаTh 725 («Сон»); ср. Ik 725 («Сон»).

Сказка представляет собой несколько странную и явно не очень хорошо рассказанную историю о неправильно истолкованном сне. Подобного рода сказки, основанные на толковании снов, весьма популярны и в фольклоре китайцев (см., например, «Дочь министра и бедняк» [64, 117—119]). В старом Китае широкое хождение имели и всякого рода книги — толкования снов. В данном варианте концы с концами не совсем сведены. Так, герою предракеается, что он лопнет от выпитой воды, а в конце сказки говорится просто, что он умер от болезни. Не исключено, что в основе сюжета лежит распространенное у народов Дальнего Востока

ка представление о том, что сон может сбыться, если человек не расскажет о нем никому [см. 98, 169]. В нашем варианте герой рассказывает сон другу, и все получается наоборот.

№ 51.

В оригинале «Цяо хо», зап. Ван Дуном от дунган провинции Юньнань, опубликовано в кн. «Избранные сказки разных народностей провинции Юньнань» [9, 308—313]; пер. Б. Рифтина; Еб — нет.

Типичное предание о глухце, пародирующее некоторые сказочные сюжетные ходы: встречу с каллиграфом, покуску «волшебного» ящичка и т. п.

№ 52.

В оригинале «Мын щяньсын», зап. М. Хасановым от Юнгузы Шэмугзы в 1964 г. в с. Александровка Московского р-на Киргизской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб 190 («Гадатель»).

Сюжет, весьма популярный в фольклоре китайцев, известный также в Корее и у уйгуров [142, 111]. В Эберхард описал 13 китайских вариантов главным образом из юго-восточных провинций — Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун (?), а также из района Пекина. В исследованных им версиях мы находим те же в принципе мотивы, что и в дунганском варианте (гадание о месте пребывания скота — четыре чжэцзянских варианта, цзянсуйский, хэбэйский и один без указания места записи; поиски ценной вещи, принадлежащей самому императору, в китайских вариантах — императорской печати — четыре чжэцзянских варианта, цзянсуйский, хэбэйский, фуцзяньский, корейский и один без точной локализации; так же как и в дунганской сказке, в одном из чжэцзянских вариантов и в цзянсуйском герой становится зятем императора; в тех же версиях герой выходит из положения, называя свое имя (в нашем случае — детское прозвище). Все это свидетельствует о близости данной дунганской сказки к аналогичным дальневосточным вариантам.

№ 53.

В оригинале «Чюньжынди эрцзы», зап. М. Хасановым от Губэзова Бэрата в 1972 г. в с. Милянчуан Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР. Ганьсуйский диалект, пер. М. Хасанова и И. Юсупова; Еб — пет. АаГh 950 («Сокровищница Рампсинита»), Iк950.

Сюжет дунганской сказки весьма близок к типу, указанному в каталоге Аарне — Томпсона, в частности к тому простому изложению общей сюжетной схемы, которая дана, например, у Н. П. Андреева применительно к русским вариантам: «Дядя и племянник воруют в казначействе... голова дяди отрублена, племянника стараются поймать, но неудачно, он убит вдову плакать по мужу (она должна разбить кувшин и т. п.) и т. д.» [95, 69].

Сюжет этот в мировой фольклористике получил название «Сокровищница Рампсинита» по одной из первых его фиксаций в «Истории» Геродота (V в. до н. э.), где он привязан к имени египетского царя Рампсинита [147, кн. II, § 120]. Именно поэтому многие исследователи считают, что сюжет этот зародился в Египте и уже оттуда был занесен в Грецию

[см. 86, 476]. Вопрос этот, однако, нельзя считать окончательно решенным, так как другие ученые видят здесь просто сказочный сюжет, легко призываемый к имени того ли иного царя. Как писал А. Н. Веселовский в рецензии на книгу об этом сюжете итальянского ученого С. Прато, перед нами просто «сказки о хитром воре, из которых одна рано пристала к имени египетского царя, как другая к именам Карла Великого и Иоанна Грозного, третья к Римскому Филиппу» [144, 163]. В. Клиnger, исследовавший сказочные мотивы у Геродота, обращает внимание и на то, что в других греческих источниках, например у Павзания, эта же история приурочена к сыновьям орхоменского царя Эргина [157, 176], в самой же истории нет, кажется, ничего специфического, что указывало бы на ее египетское происхождение. Вместе с тем многочисленные разнонациональные версии чрезвычайно близки между собой и соответствуют сюжетной коллизии рассказа Геродота, соединяющей три основных мотива: 1) кража в казнохранилище и гибель одного из воров, попавшего в ловушку и обезглавленного другим; 2) выставление трупа в публичном месте царем, думавшим по выражениям горести напасть на след преступника, и похищение этого трупа последним; 3) помещение в публичный дом царской дочери с приказанием отдаваться каждому, кто сознается в своих преступлениях, и хитрая проделка с рукой мертвеца, давшая возможность ускользнуть указанному. Ход развития данного рассказа, — как справедливо заметил В. Клиnger, — будет состоять в том, что каждый из слагающих мотивов будет слегка видоизменяться, приспособляясь к обычаям и представлениям воспринявшего их народа, — появятся промежуточные звенья меж 1-м, 2-м и 3-м мотивами, — присочинены будут введение и продолжение» [157, 170]. Из трех мотивов этой сказки в дунганском варианте сохраняются первые два. Отступление от общей схемы видно и в том, что герой не является племянником старика (что, впрочем, характерно для некоторых других инациональных версий), а также в отсутствии мотива отрубленной головы, хотя, по всей вероятности, в других вариантах этой же сказки (возможно, у других дунганских сказителей) этот мотив должен быть. На такое предположение наводит нас упоминание о том, что старика целиком засосало в яму со смолой¹, одна-де голова его осталась торчать. Отсутствие головы, которую в других инациональных вариантах отрубает ловкий вор, и дает мотивировку следующего сюжетного хода — необходимости опознания погибшего. В нашем же тексте, где нет отсечения головы, сложность опознания остается, но она не очень мотивирована. Все это заставляет нас предположить, что в некоей исходной версии голова старика все-таки отрубалась. Отсутствие данного мотива в нашем варианте, возможно, не есть результат простой забывчивости рассказчика. Скорее всего такой ход не вязался в его представлении с чрезвычайно положительным образом самого героя сказки Фудыя. В других версиях, например в русской [см. 57, III, № 390], герой просто ловкий парень-вор Сенька Малый, который не питает к своему дяде особых чувств и который не становится в конце повествования справедливым государем, как Фудый.

В дунганской сказке сохранены устойчивые мотивы — рытье подкопа

¹ В рассказе Геродота вор попадает в сети, которым в разнонациональных версиях соответствуют яма-ловушка, прикрытая ветками, а чаще котел, бочка или сосуд со смолой [217, 26—27; 157, 171], так что дунганская версия здесь развивается в том же направлении, что и другие.

под сокровищницу и опознание трупа, которые восходят к самым ранним версиям. Они имеются и в абхазской сказке («Абхазский и турецкий воры») [55; № 59], и в осетинских («Нагайский и грузинский воры») [70, № 98], а также («Вор-алагирец и вор-куртанец») [70а, 373—379] и в некоторых турецких вариантах (см. ЕВВо № 342с; d — с подкопом). Во многих версиях, как и в русской сказке из сборника Афанасьева, наличествует эпизод с оплакиванием покойника (в абхазской версии, например, вдова погибшего вора по совету второго вора грузит на арбу посуду, когда арба приближается к выставленному для опознания обезглавленному трупу, второй вор опрокидывает арбу, посуда разбивается, женщина оплакивает покойника, а вор объясняет, что она плачет по разбитой посуде). Эпизод этот аналогичен хитрости с разбитыми яйцами в дунганской сказке (другие примеры см. у Прато [217, 29—31]). Стоит обратить внимание и на то, что совет, как поймать грабителей, дает государю старый вор. Этот мотив также характерен для большинства устных версий [см. 217, 28—29; 157, 174].

Кроме Греции сюжет этот с давних времен известен и в Индии, он зафиксирован и в джатаках, и в «Океане сказаний» Сомачедевы, и в южноиндийских редакциях «Панчатантры» [см. 208, III, № 192, с. 403—405]. Джатака эта известна и в Китае в составе сутры «Шэн цзин», а впоследствии она была включена в состав буддийского сочинения «Фа юань чжу-линь» — «Лес жемчужин сада закона», переведенного на китайский язык в 266 г. [213, 704], где говорится и о подкопе под царскую сокровищницу и о том, как племянник отрубает голову попавшему в ловушку дяде. В Японии этот сюжет, судя по данным Икэда Хироко, известен лишь в письменной версии в памятнике XI в. «Стародавние повести» («Ковдзяку моногатари») со ссылкой на китайские источники, сама же Икэда Хироко справедливо предполагает, что речь идет об индийской джатаке, с которой японцы познакомились по китайским переводам [98, 214]. Академик А. Шифнер в свое время разыскал и перевел эту же историю из тибетского «Канджура», основные сюжетные линии в ней те же [213]. Оставляя в стороне вопрос о месте зарождения данного сюжета и о его возможном переходе из Греции в Индию, мы считаем возможным высказать предположение, что дунганская версия восходит, видимо, к индийской традиции, хотя точно и нельзя установить, попала ли она к дунганам от китайских буддистов, или же от тибетцев, с которыми соседствовали предки нынешних среднеазиатских дунган. Записанный М. Хасановым дунганский (шэньсийский) вариант представляется нам весьма важным для изучения распространения данного сюжета на Дальнем Востоке.

№ 54 (I).

В оригинале «Па понён», зап. М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский диалект, пер. И. Юсупова; Еб — нет; АаTh — нет.

Новеллистическая сказка, близкая к народному анекдоту.

№ 54 (II).

В оригинале не имеет названия, зап. В. Цибузгиным в начале 1900-х годов в с. Каракуруз; опубликовано в 1909 г. [31, 18]. Шэньсийский диалект, пер. Б. Рифтина.

Несколько иной вариант той же истории о муже, находившемся целиком под сапогом у жены.

№ 55 (I).

В оригинале «Гуа ньюйшюй», зап. Б. Рифтиным от Вуахунова Хия в 1953 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шеньсийский диалект, пер. Б. Рифтина. Eb: Schwänke, № 6f (Цикл «Глупый зять», тип «Три зятя»); ср. АaTh 1696 («Что я должен сказать?») и 1698 («Посещение больного»), а также Ik1698.1 («Истории о посещении тестя глупым зятем»).

Народный анекдот из чрезвычайно популярного у народов Дальнего Востока цикла историй о глупом зяте, который известен у китайцев (Эберхард ссылается на 55 вариантов типа «Три зятя»), он зафиксирован также, хотя и в несколько ином виде (без коллизии: 2 зятя умных, третий — дурак), и в Японии; тот же В. Эберхард отмечает подобные анекдоты и у хакка в Южном Китае [см. 211, 202, № 96] («Глупый зять является с поздравлениями») и [211, № 220] («Стихи тестю ко дню рождения»). Вообще подобного рода народные анекдоты о глупом зяте появились в Китае очень рано, они встречаются уже в первом сборнике сатирических историй «Лес смеха» («Сяо линь», составленном в III в. н. э. Ханьдань Шунем (анекдот о глупом зяте, отправившемся выражать соболезнования по случаю кончины тестя [см. 109; 5; рус. пер. см. 156])).

№ 55 (II).

В оригинале «Гуа ньюйшюй», зап. Б. Рифтиным от детей в 1953 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шеньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; ср. Eb: Schwänke, № 6C («Похоронная процессия»); АaTh — нет; Ik — нет.

Широко известный у дунган анекдот из того же цикла. Подобные истории о дураках, пытающихся выразить соболезнования, есть в том же сборнике Ханьдань Шуя «Лес смеха» (о человеке, поднесшем в знак соболезнования бобы, и о дураках, не знавших обряда соболезнования [109, 2, 5; рус. пер. см. 156]). У дунган, как и у соседних с ними народов (в частности, китайцев), было широко распространено ношение траура: траурный цвет у них белый. По свидетельству М. Сушанло, «дунганские женщины шили специальные белые туфли, готовили платки, а мужчины на голову надевали специально сшитые белые колпаки и пояс из белого материала» [26, 253]. Герой анекдота — глупый муж как бы пародирует этот древний обряд.

№ 56.

В оригинале без названия, зап. В. Цибузгиным в начале 1900-х годов в с. Каракуруз; опубликовано в 1909 г. [31, 18]. Шеньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; Eb — нет. АaTh — нет.

Вариант широко известной в мировом фольклоре истории о глузцах, в Китае подобные истории зафиксированы уже в упоминавшемся выше сборнике Ханьдань Шуя «Лес смеха», еще ранее они встречались в виде забавных притч в древних трактатах.

№ 57.

В оригинале без названия, зап. В. Цибузгиным в начале 1900-х годов в с. Каракуруз; опубликовано в 1909 г. [31, 17]. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; ср. Eb. Schwänke, № 28 («Умная жена»), II («Удачный ответ») и IV («Освобождение мужа»).

Анекдот, популярный в дальневосточном фольклоре, существующий как отдельно, так и в качестве составной части различных сказок, в частности тех, где речь идет о чиновнике, мечтающем отнять у мужа жену.

№ 58.

В оригинале «Чигы туцзы», зап. Б. Рифтиным в 1954 г. от Мацюхэ Розы в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина. Eb — нет; AaTh 1535 («Богач и бедный крестьянин»), особо сюжетные ходы IV («Роковое подражание») и V («Роковой обман») и 1537 («Труп, убитый пять раз»); Ik 1535 и 1537.

Анекдотический рассказ, состоящий как бы из целой серии отдельных анекдотов о хитром плешивом. Сходный сюжет зафиксирован и у уйгуров Хамийского оазиса (пров. Синьцзян) — «Хитрый обманщик» [163, 57—59], где речь идет о девяти сыновьях плотника, восемь из которых родились от одной матери, а девятый от другой. В нашем варианте, рассказанном маленькой девочкой по имени Роза в присутствии целой толпы ребят, не совсем ясно, откуда берется еще один паршивый, который и является обманщиком. По аналогии с уйгурской версией логично предположить, что он один из семи плешивцев (по-дунгански туцзы, что может быть переведено и как «паршивый», т. е. «с паршой на голове»). Аналогичные анекдоты очень популярны в мировом фольклоре, о чем свидетельствует очень много источников в каталоге Аарне — Томпсона; есть они и у казахов — соседей среднеазиатских дунган шэньсийской группы, а также у киргизов, туркмен, татар, узбеков, турок, якутов, алтайцев, монголов, калмыков (см. исследование этого сюжета в книге Е. Д. Турсунова [202, 38—44]), где, в частности, делается попытка обосновать, исходя из этнографии, генезис одного из эпизодов данной сказки («Труп матери на коне»). Автор трактует его как отражение и профанацию реального обряда наземного захоронения умершего, реликты которого сохранились еще у тувинцев. Из различных известных нам вариантов дунганский, пожалуй, ближе всего по набору эпизодов к монгольскому («Коротышка и семеро плешивых») [68, 25—27], в чем прослеживается общая тенденция, говорящая о едином сходном круге сюжетов Северо-Западного Китая и Центральной Азии. Одновременно следует напомнить, что подобный мотив — шантаж с помощью трупа умершей (тоже матери) уже встречался нам и в составе других сказок совсем не бытового характера (см. № 14).

№ 59.

В оригинале «Хацзы, туцзы дэй новбицзы», зап. Б. Рифтиным в 1954 г. от Мацюхэ Розы в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский диалект, пер. Б. Рифтина. Eb — нет; AaTh — нет.

Анекдот, рассказанный той же девочкой Розой, что и предыдущий

№ 58, в присутствии целой группы детей, когда надо поправлявших бойкую рассказчицу. Рассказ данной истории обязательно сопровождается выразительными жестами, имитирующими соответствующие жесты персонажей (показ длинных рогов с одновременным почесыванием головы и показ, изображенный маленькой рассказчицей особенно картинно, как гоняют зайца и как сопливый, размахивая рукой, умудряется вытереть нос и т. п.).

№ 60.

В оригинале без названия, зап. В. Цибузгиным в начале 1900-х годов в с. Каракуруз, опубликован в 1909 г. [31, 19]. Шэньсийский диалект, пер. Б. Рифтина. Eb. Schwänke, 336 № 12; AaTh 1536B («Три брата-горбуна вытаскиваются»); Aa An № 1730 I («Мужик хоронит трех попов»); ср. EbBo № 264.

Анекдот, популярный у различных народов, в том числе и Северо-Западного Китая, он записан в 1910 г. С. Е. Маловым у желтых уйгур провинции Ганьсу («Проделки жены, или живой труп») [164, 83—85]. Оба варианта очень близки между собой, только в уйгурском варианте вместо плешивцев в любовники к женщине набиваются трое монахов-лам; если учесть, что в старом Китае монахи брили головы и это служило в народе предметом частых насмешек над ними, то параллель монах — плешивый представляется вполне логичной. Другая особенность уйгурского варианта — муж женщины сам предлагает устроить ловушку для сластолюбцев, что вообще характерно и для китайских сказок о неудачных любовных похождениях (см., например, «Как А-сань раздобыл угощение к Новому году» или «Наказанный монах» с использованием мотива любовник в сундуке [64, 161—162, 167—170]). Любопытно отметить, что и в русских вариантах, отмеченных у Н. П. Андреева, неудачные любовники тоже, как и в уйгурском варианте из Ганьсу, служители культа. В формулировке данного сюжетного типа у Аарне—Томпсона речь идет о горбунах, что тоже соответствует плешивцам дунганской сказки.

№ 61.

В оригинале «Туззы», зап. М. Хасановым от Санхур Мусара в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский диалект, пер. И. Юсупова. Дунганский текст опубликован [7, 63—72]; Eb — нет; ср. AaTh 465 («Получение красивой жены») + A («Пойди туда, не знаю куда») + C («Путешествие в иной мир») + 531 I («Конь героя и волшебный предмет»); ср. EbBo 248 III; Ik 465.

Авантюрная сказка; представляет собой сложное сочетание различных мотивов и сюжетных ходов, встречающихся обычно в разных сюжетных типах. По всей вероятности, заимствована среднеазиатскими дунганями от соседних тюркских народов, о чем свидетельствует упоминание о пери и дэвах — чудесных персонажах именно ближневосточной сказки, а также наиболее близкая из найденных нами параллелей дунганской версии — туркменская сказка «Проданный сон» [73, № 19]. Вместе с тем само толкование сна, приведенное в конце сказки (солнце — это герой, луна — его жена, а звезды — сыновья), сделано вполне в соответствии с дальневосточной символикой: солнце — ян символизирует именно мужское начало, а луна — инь — женское. Однако у героя сказки две

жены, и это не укладывается в расшифровку сна, что тоже должно свидетельствовать о «сборном», эклектическом характере данного варианта. Продажа сна встречается не только в туркменской сказке, но и в персидском народном рассказе «Купленный сон» [175а]. Второй эпизод дунганской сказки — женитьба на принцессе благодаря счастливой случайности и ошибке — также находит себе определенную параллель в туркменском варианте, где пастух, купивший сон, видит спящего подле дворца красивого юношу, привязавшего к руке повод коня, он срезает повод, берет коня, в это время из дворца выбегает прекрасная пери, и пастух увозит ее. В туркменской версии не все ясно, например, нет объяснения, почему юноша спит подле дворца — вроде бы караулит пери, но тогда встает вопрос, почему она выбегает и спокойно дает увести себя. Дунганский вариант здесь более логичен и передает сюжет более полно.

Следующий эпизод — герой поселяется в чужом городе и приводит в дом человека, против дружбы (или вообще отношений) с которым предупреждала его жена, — также есть и в туркменской сказке, только в дунганской версии — это стражник, в туркменской — безбородый. Именно он сообщает государю о красавице — жене низкого героя. Государь, чтобы избавиться от героя и завладеть его женой, дает ему невыполнимые задачи. В обеих версиях герою помогает чудесный конь, разнятся только способы его получения: магический — в дунганской сказке (из бараньей косточки) и обычный для сказочного эпоса — путем выхаживания самого заморенного жеребенка (туркменская версия). В дунганской версии и здесь заметно влияние дальневосточных мифологических воззрений — конь оказывается одновременно и драконом, что характерно, например, для древнекитайских преданий [185, 91], также из дальневосточного фольклора идет и представление о тысячеверстном скакуне — чяньлима (кит. *чяньлима*), чрезвычайно популярное и в современной Корее. Задачи, которые ставит перед героем правитель, однако, сильно разнятся в этих двух разнонациональных версиях: в дунганской требуется добыть чудесный котел, которым владеют драконы, в туркменской версии — кумыс от черной кобылицы. Второе и третье поручение правителя, хотя в целом тоже разнятся в двух разнонациональных версиях, но имеют и черты сходства: в обоих текстах герой должен украсть во время купания одежду девицы — пери, принимающей облик голубки (мотив, характерный для типа АаТн 465I, ТнМот D361.1 и K1335), и принудить пери помочь ему выполнить поручение (в дунганской сказке — добыть золу из царства пери; ср. в японских вариантах сюжета № 465 — свить веревку из золы; в туркменской — принести цветы, падающие изо рта пери Гюлькахкас. Третье поручение в обеих сказках связано с именами умерших родителей правителя и с огромным костром, в котором должен по замыслу правителя сгореть герой. Но и в туркменской, и в дунганской версиях в соответствии с обычной сказочной поэтикой гибнет не герой, а сам правитель и его приближенные. В целом же сопоставительный анализ дунганской и туркменской версий подтверждает, как нам представляется, мысль о явном заимствовании дунганами ближневосточного (видимо, тюркского) сюжета.

№ 62.

В оригинале «Туззы дэй юаньвэй», зап. М. Хасановым от Шимеевой Цунхуа в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский диалект, пер. И. Юсупова; ср. Еб193 («Девушка, на которой женился нищий»).

Авантюрно-новеллистическая сказка, представляющая один из вариантов чрезвычайно популярной в дунганском фольклоре темы о женитьбе паршивого (туцзы) на дочери богача-юаньвэя или даже самого императора (другой вариант опубликован Х. Юсуровым под названием «Хитрый тув-зы» [13, 104—108]). В начале сказки использован мотив ThMot T.11.2 — герой влюбляется в девушку по портрету, далее следует обычный для сказок о женитьбе низкого героя эпизод заочного сватовства и обмана. В отличие от аналогичных сказок волшебного типа, здесь нет превращения героя из паршивого в красавца, наоборот, подобный сюжетный ход как бы пародируется в эпизоде с мнимым «обратным» превращением героя из «красавца» в паршивого. Следует отметить, что сказки о женитьбе паршивого на дочери знатного человека встречаются и в китайском фольклоре (см. «Дочь министра и бедняк» [64, 117—119]).

№ 63.

В оригинале «И боди и хуань», зап. М. Хасановым от Машучина Юнуса в 1961 г. в с. Заря Востока Казахской ССР. Ганьсуйский диалект, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Авантюрная сказка, возможно являющаяся кратким пересказом какой-либо народной повести. Некоторые ее сюжетные ходы (убийство служанки с целью обвинить в нем юношу, будто бы пытавшегося соблазнить ее; попытка отравления на постоялом дворе с целью ограбления) весьма традиционны для дальневосточной народной прозы и драмы (ср., например, сходные ситуации в романе-сказе Ши Юй-куня «Трое храбрых, пятеро справедливых» [206]). Более специфичным, видимо, является эпизод с лечением старой женщины ахуном на кладбище. В целом сказка представляет собой оригинальное занимательное повествование с переодеванием, убийствами, ложными обвинениями, попытками отравления и тому подобными атрибутами авантюрного сюжета.

№ 64.

В оригинале «Лиюаньвэй», зап. М. Хасановым от Юнuzu Шэмuzu в 1964 г. в с. Александровка Московского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет; АaTh — нет.

Фольклорное повествование, напоминающее пересказ какой-то народной повести — хуабэнь, среди которых часто встречаются сюжеты о поисках разлученных обстоятельством героев (обычно мужа и жены, потерявших друг друга в смутное время); в пользу такого предположения говорит и упоминание в сказке города Ханчжоу — места действия ряда повестей. Один из исходных мотивов данного повествования — рождение сына в отсутствие отца типично вообще не столько для сказки, сколько для эпоса, где обычно происходит бой отца с сыном. Здесь же никакого боя нет, поскольку история носит вполне бытовой характер, но его как бы заменяет драка (сниженный вариант боя) сына с приказником отца.

№ 65.

В оригинале «Хуарчже», зап. М. Хасановым от Шимеева Юнуса в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет; АaTh — нет.

Типичная авантюрная сказка, в которой как бы вывернуты наизнанку некоторые обычные ходы волшебной сказки. Герой (даже не сам, а его отец) ищет не самую красивую девушку, чтобы взять ее в жены, а самую некрасивую. Он не может снести насмешек приятелей и выгоняет из дому мудрую жену, тогда как в традиционной сказке он должен был бы добиваться почета, как раз пользуясь ее советами. Здесь же советами пользуется второй, добрый муж героини. Не исключено, что на такое развитие сюжета оказало влияние и различное социальное положение мужей: первый — сын богатого юаньвэя оказывается плохим и наказан, второй — низкий герой, дровосек, напротив, добивается почета и становится полководцем.

№ 66.

В оригинале «Личжявон», зап. М. Хасановым от Шимесва Юнуса в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. И. Юсупова. Дунганский текст опубликован [7, 15—27]; Еб — нет.

Авантюрное повествование, соединяющее последовательно многие мотивы традиционной волшебной сказки: раздел имущества с выделением младшему самой малой части и получение чудесного помощника в виде полудохлой клячи (ср. обычный сюжет типа «Кота в сапогах»), братание еще с одним чудесным помощником, оказывающимся лисом-оборотнем, восемнадцать лет правившим страной под видом государя, выполнение предсмертной воли отца и получение таким образом богатства, победа на состязаниях с помощью чудесного коня, трудные задачи, задаваемые государем, хождение в иной (подземный) мир и получение там чудесного средства — волшебных дощечек, полет героя-невидимки в высокий терем к племяннице государя и женитьба на ней, получение царства и исчезновение чудесного помощника — лиса. Мотивов этих, как видим, здесь собрано в пределах одного повествования очень много, но многие из них недостаточно развиты. Так, например, говорится, что в копытах коня спрятаны лук, меч и палица — оружие, явно предназначенное герою, но оно нигде более не фигурирует, но совсем ясно, что за письмо должен отнести герой в подземное царство. Вспомним первые сказки нашего сборника, где герой получал в ином (подводном) царстве волшебные предметы (тыкву-горлянку), в которых оказывалась одна из дочерей тамошнего владыки, на ней обычно и женится герой. Здесь же герою предлагается девица из иного мира в жены, но он отвергает это предложение, хотя и не женат. Еще более необычно здесь использование традиционного для волшебной сказки эпизода с трудными задачами. Обычно трудные задачи (см. № 1, 2, 5, 57) задает герою или его тесть, или злой царь (чиновник и т. п.), мечтающий отобрать у него красавицу жену, они соответствуют функционально брачным испытаниям героя, по каким-либо причинам не пройденным до свадьбы. Во всех случаях трудные задачи задаются всегда главному герою сказки, и он выполняет их с помощью либо своей чудесной жены, либо чудесного помощника. В данном повествовании мотив этот использован уж совсем с несказочной целью, с заведомой установкой на их реальную невыполнимость, явно для открытого шантажа и выбивания денег из богатых горожан, которые просто откупаются золотом и серебром.

Особого внимания заслуживает эпизод с дощечками и полетом героя-

невидимки в башню к красавице — племяннице государя. Подобный мотив встречается еще в древнеиндийской «Панчатантре», где имеется рассказ о ткаче, который прилетал к дочери царя на деревянной птице гаруди и выдавал себя за бога. Сюжет этот вошел и в средневековую китайскую новеллу (см. его исследование в нашей статье [188, 81—84]), но всюду обычно речь идет о полете к возлюбленной на деревянной птице. Однако в одном ойрато-монгольском рассказе из «Волшебного мертвеца» герой добывается руки царской дочери просто благодаря тому, что засунул за голенища сапог снятые с изображения священной птицы гаруди полоски шелка [см. 60, 118—121]. В нашей сказке герой засовывает за голенища сапог волшебные дощечки. Все это наводит на мысль о существовании в старину в Северо-Западном Китае и Центральной Азии какого-то поверья или мифологического представления о возможности чудесного полета с помощью магических талисманов или волшебных предметов, вкладываемых за голенища сапог. Вместе с тем в индийском сюжете и его иномациональных вариантах герой проникает к девушке открыто, лишь выдавая себя за бога, в нашем же случае он превращается в невидимку с помощью тех же волшебных дощечек.

Вообще данная дунганская сказка находит себе довольно близкую параллель в китайской сказке «Лис-оборотень», записанной в провинции Шаньдун [рус. пер. см. 65, 208—217]: ее герой прилетает в город Янчжоу, где живет некая девушка — мастерица делать красивые фонарики, на своем друге (или побратиме — это из текста не совсем ясно), чудесном юноше, оказываемом, как выясняется тоже в конце истории, лисом-оборотнем. Уже в городе чудесный помощник-юноша дает герою ветку невидимку, прикрывшись которой он проникает в маленький (но, видимо, высокий) домик, где живет девушка. Так же как и в дунганской сказке, он, невидимый, живет у нее в комнате какое-то время, ест вместе с ней то, что приносит служанка, удивляющаяся, что барышня вдур стала есть так много. Так же в принципе, но не в деталях, родные хотят избавиться от непрошеного возлюбленного, а заодно и от опозорившей их девушки, и, как и в дунганском варианте, возлюбленные улетают вдвоем, правда, с помощью огромной птицы (возможно, типа птицы гаруди), облик которой принимает лис-оборотень. Концовке дунганской сказки с громом, поражающим лиса, в китайском варианте соответствует более сложная картина грозы, грома и молний, сопровождающих появление дракона, который хочет погубить лиса. Чудесный юноша-оборотень, однако, здесь с помощью героя сказки побеждает его и остается в живых, просто уходя бродить по свету. Думается, что в целом дунганский вариант сюжета более усложнен нализыванием различных волшебных мотивов и, видимо, испытал большое влияние народных повестей, которое чувствуется, впрочем, и в китайской сказке.

№ 67.

В оригинале «Шысань», зап. М. Хасановым от Шимеева Губэзы в 1962 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет; ср. АaTh 549 и 513 С.

Типичная авантурная сказка, которая может быть также отнесена и к разряду волшебного-героического. Однако авантурные элементы в ней весьма сильны; не исключено, что самое начало — появление эпизода с

сорока разбойниками — создано под влиянием известной дунганам арабской сказки «Али-баба и сорок разбойников» (дунганский вариант которой — практически пересказ истории из «1001 ночи» — был записан М. Хасановым от Нюсан Айши в г. Фрунзе, Али-баба там носит дунганизированное имя Юйба). Вместе с тем в тексте сказки заметно влияние и эпического начала, например в появлении богатыря-малолетки Шысаня, по имени которого и названа вся сказка. Подобные образы весьма характерны для монгольской эпической традиции (ср., например, сказание «Трехлетка — красный богатырь»); к числу архаических, одинаково свойственных и эпосу и сказке мотивов, видимо, следует отнести героическое сватовство. В соответствии с обычной трактовкой данного мотива герой должен выиграть состязание в силе между ним и невестой (см. выше, № 14, где герой состязается с дочерью императора в искусстве магии), жениться на ней [см. 152а, 28—29, 114—123], здесь же этот архаический мотив несколько трансформирован, и бой происходит в первом случае между героем и самим императором — отцом невесты, а во втором случае, когда сватается младший побратим Шысань, с сановником государя, обладавшим огромной силой. В данной сказке герой Лосань отправляется сватать дочь государя, несмотря на предостережение своего названного младшего брата Шысаня, и действительно оказывается побежденным. Его выручает Шысань, играющий здесь роль помощника, который и побеждает императора в поединке, что также находит соответствия в сказках этого типа [95, № 519; 152а; 120], где, однако, помощник обычно слуга героя. В целом именно благодаря трансформации ряда эпических и сказочных мотивов дунганская сказка представляет собой вполне оригинальное произведение.

№ 68.

В оригинале «Вэйжын», зап. М. Хасановым от Шивына Вушыра в 1962 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасапова; Eb 98 («Змея-людоед»).

Типичное предание о змеборстве, приуроченное к определенной местности (севернее города Хашы). Подобные предания об уничтожении змей, поедавших людей, были широко распространены в Китае с древних времен. В сборнике Гань Бао (IV в.) «Записки о поисках духов», например, имеется изложение подобного предания из Юго-Восточного Китая, в котором рассказывается, как девочка Ли Цзи зарубила мечом жившего в пещере змея-людоеда [рус. пер. см. 145, 27—29]. В Эберхард ссылаются на 14 вариантов данного сюжета, записанных главным образом в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь, а также по одному варианту в Цзянсу и Хэбэе, ни одного северо-западного текста ему не было известно. Дунганский (ганьсуйский) вариант заполняет этот пробел и подтверждает, что ареал распространения этого сюжета шире, чем указано в каталоге. Стоит обратить внимание и на то, что победителем змея в нашем варианте оказывается не местный житель, а чужак, человек, случайно забредший в эти края. Сходную ситуацию мы встречаем и в другой дунганской сказке, записанной и опубликованной Х. Юсуровым [«Чун-жин-победитель ёгуэй» — 13, 44—48], где страшного людоеда тоже побеждает бедняк, забредший в город в поисках заработка. По-видимому, за этим стоят определенные представления — уничтожить чудовище может лишь чужой, неместный человек, что даже подчеркнуто и в заглавии нашей сказки.

В оригинале «Фу мыйцзы бу сын я», зап. М. Хасановым от Машучина Юнуса в 1961 г. в с. Заря Востока Казахской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. М. Хасанова; Еб — нет.

Предание, как бы поясняющее смысл старинной поговорки, которая, однако, не зафиксирована в наиболее полном собрании пословиц народов Китая [см. 133]. Стоит отметить, что вообще мотив сваренных зерен (гороха) в дальневосточном фольклоре встречается довольно часто, например в китайской сказке «Пять вареных яиц», где этот мотив использован в явно сатирическом повествовании [рус. пер. см. 64, 150—152]. Можно обратить внимание и на то, что мы уже второй раз в нашем сборнике встречаемся со сказкой, иллюстрирующей вымогательство и шантаж, чинимые императором (ср. № 66).

В оригинале «Сучин», зап. Б. Рифтиным от Зазаова Идыя в 1953 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина.

Су Чин (кит. Су Цинь) — известный политический деятель древнего Китая, умер в 317 г. до н. э. Его жизнеописание было составлено Сыма Цянем (145—86 гг. до н. э.) и включено в его «Исторические записки» [рус. пер. см. 194, 93—121]. Су Цинь известен как мудрый советник, прославившийся своим красноречием, с помощью которого ему удалось создать союз шести древних царств с целью противостоять гегемонистским устремлениям царства Цинь, но в конце концов он пал от рук убийц, подосланных недругами и завистниками. Основные сюжетные ходы данного короткого исторического предания легко соотносятся в общих чертах с текстом «Жизнеописания Су Циня» у Сыма Цяня, хотя из официальной биографии вовсе не явствует, что Су Цинь был, например, сыном бедных родителей. Там только сказано, что он «несколько лет скитался по свету, попал в бедственное положение и возвратился домой... Он заперся в доме, вытащил книги и начал их перечитывать» [194, 93].

Однако у Сыма Цяня ничего не говорится о самой художественно важной детали нашего рассказа — привязывании косы к потолку с тем, чтобы каждый раз, когда он начнет дремать над книгой, он вскакивал бы от боли. Нет у Сыма Цяня, естественно, и тех подробностей, которые являются явным анахронизмом и вошли в предание под влиянием традиционной сказки. Мы имеем в виду слова об экзаменах в столице, которые во времена Су Циня еще просто не были учреждены, и о том, что будто бы, дав их лучше всех, он, как и другие герои сказок, стал зятем императора. (У Сыма Цяня вообще о женитьбе Су Циня не говорится, упоминается лишь о том, что он находился в интимных отношениях с матерью правителя царства Янь, которому он служил.) По Сыма Цяню, кстати, у него было и два брата, а не один старший, как в дунганском предании. Последние фразы дунганского предания представляют собой соединение двух пословиц, первая из которых широко бытует у дунган (нам неоднократно приходилось ее слышать в разных деревнях) и независимо от этой истории. Вторая непосредственно связана с образом Су Циня и как бы прочно привязана к тексту (она встречается в китайском фольклоре и зафиксирована в собрании А. Смита [221, 94]), по-

слова эта как бы повторяет в иной форме слова самого Су Циня в том виде, как они были переданы Сыма Цянем в следующем эпизоде: после того, как Су Цинь стал знаменит и возвысился, его родные, которые раньше смеялись над ним, стали услужливо пресмыкаться перед ним. Су Цинь спросил у старшей невестки, почему она переменяла свое отношение к нему. Та ответила: «Потому, что вы занимаете сейчас высокое положение и у вас много золота». — «Но человек остался тот же, — с тяжелым вздохом произнес Су Цинь. — Когда человек богат и знатен, даже родные и те его боятся; когда же он беден и ничтожен, то те же родные его презирают» [194, 106 (разрядка моя. — Б. Р.)].

№ 71.

В оригинале «Юйбийя фын чин», зап. М. Хасановым от Чжоншёнло Чжотяньхэ в 1959 г. в г. Фрунзе. Ганьсуйский диалект, пер. Б. Рифтина.

Данный сказ представляет собой повествование на сюжет легенды о знатоках и ценителях музыки Юй Быйя и Чжун Цзыци (кит. Юй Бо-я и Чжун Цзы-ци). Легенда эта возникла в Китае еще в древности. Предполагается, что и Юй Бо-я и Чжун Цзы-ци — реальные исторические личности, точные даты жизни которых, однако, неизвестны. Первое упоминание о них содержится в древнем философском (даосском) трактате «Ле-цзы», датировка которого весьма спорна (не ранее IV в. до н. э.). Вот этот отрывок: «Бо-я прекрасно играл на цине (цитре. — Б. Р.), а Чжун Цзы-ци был замечательным слушателем. Заиграл Бо-я, думая о восхождении на высокую гору, и Чжун Цзы-ци воскликнул: „Как прекрасно! Возвышенно, словно гора Великая!“ Заиграл Бо-я, думая о течении вод, и Чжун Цзы-ци воскликнул: „Как прекрасно! Безбрежно, словно речная гладь!“ Так улавливал Чжун Цзы-ци любой замысел Бо-я. Блуждая по северному склону горы Великой, они внезапно попали под проливной дождь и укрылись под нависшим утесом. Сердце Бо-я охватила печаль, он взялся за цинь и заиграл. Начал с песни о долгом ливне, затем сочинил мелодию горного обвала. Чжун Цзы-ци с первого же такта постигал его мысль. Отложив цинь, Бо-я со вздохом сказал: „Прекрасно! Прекрасно! Ты слышишь мои мысли, словно мое сердце. Разве в моих песнях что-либо от тебя укроется!“ [176, 92—93].

В другом древнем трактате, «Весны и Осени Люя» (III в. до н. э.), приводится еще одна легенда о Чжун Цзы-ци, в которой рассказывается о том, как однажды ночью Чжун Цзы-ци услышал удары в камный гонг, и ему стало грустно. Он велел призвать того, кто играл, принялся расспрашивать о его печали и высказал свои мысли о том, что «печаль коренится в сердце, а дерево и камень (т. е. инструменты из дерева и камня. — Б. Р.) как бы откликаются на нее» [112, 93]. Из этого отрывка, а также из старинных комментариев к нему видно, что реальный Чжун Цзы-ци был знатным человеком, а не простым дровосеком, как в дунганской сказке. Об этом свидетельствует, например, такой штрих, что, услышав удары в камный гонг, он посылает человека призвать музыканта, а не идет искать сам. Комментаторы к тому же свидетельствуют, что он относился к известному в царстве Чу роду Чжун. Однако эта смена социального статуса героя произошла отнюдь не в дунганском фольклоре, а много ранее, в средневековой китайской повести «Юй Бо-я, скорбя о друге, разбивает цитру», которую исследователи [см. 203, II, 431]

относят к эпохе Мин (1368—1644). Повесть эта имеется в русском переводе [203, 313—340], совершенно очевидно, что именно к ней восходит вариант, записанный от Чжонтяньхэ, сказителя, иероглифически грамотного и, возможно, читавшего в оригинале сборник «Удивительные истории нашего времени и древности», в который включена данная повесть.

Сопоставление текста повести и дунганского варианта показывает, что при явной зависимости устного сказа от письменного текста, в свою очередь, по всей вероятности, восходящего опять-таки к устному творчеству профессиональных рассказчиков средневекового Китая, в дунганском тексте при совпадении в общем основной сюжетной канвы имеется и целый ряд существенных различий. Сказитель, во-первых, снимает многочисленные пространные рассуждения о происхождении цитры, будто бы изобретенной мифическим правителем Фу-си, заменяя эти рассуждения краткими ответами дровосека, иногда совпадающими по смыслу с теми, которые есть в повести, иногда же резко отличающимися. Во-вторых, он несколько меняет развитие сюжета, вводя эпизод посещения бедного дома дровосека знатным чиновником Юй Бо-я (в повести братание происходит прямо в лодке, в которой едет чиновник). Сделано это, видимо, для того, чтобы еще больше подчеркнуть степень социального неравенства героев — у дровосека-де на кане нет даже войлока, который обычно лежит там даже в самом бедном дунганском доме, у столика не хватает одной ножки, а чашки не фарфоровые и даже не фаянсовые или глиняные, а деревянные. Место, где живет дровосек, в дунганском варианте настолько глухое, что там даже негде купить ароматные курительные свечи. В-третьих, сказитель как бы снимает из текста повести ряд ненужных с его точки зрения деталей, мотивировок действий персонажей, диалогов. Так, в повести чрезвычайно важной является идея сыновней почтительности: именно из-за необходимости прислуживать престарелым родителям дровосек Чжун отказывается последовать за Юй Бо-я. В устном варианте этой идеи нет совсем. Юй Бо-я сам просит дровосека обождать, когда он закончит в столице свои дела и пришлет за ним людей, нет там и горестной встречи Юй Бо-я с дряхлым отцом друга и побратима, который ведет его к могиле сына. В повести Юй Бо-я едет послом из царства Цзинь в родное царство Чу и на обратном пути встречает друга, «понявшего звук» его цитры. В дунганском варианте явно под влиянием традиционной сказочной поэтики герой — чиновник, как и десятки героев других сказок, едет просто в столицу. Ряд деталей сказитель или непосредственно переносит из книжной традиции (мотив лопнувшей струны, упоминание о табурете, на который усадили дровосека, упоминание о князьях Вэнь-ване и У-ване, будто бы добавивших по струне к древней цитре, и т. п.), или перерабатывает, упрощая порой сложные философские понятия или незнакомые слушателям элементы древнего мировоззрения. Так, например, в повести мелодия, которую угадывает дровосек, называется «Скорбь Конфуция о Янь Хое», но у среднеазиатских дунган рассказы о древнем китайском мудреце и его любимом ученике Янь Хое не получили распространения, и большинству слушателей имя Янь Хоя вообще неизвестно, и вместо этого сказитель упоминает мелодию о мифических государях Яо и Шуне (дунг. Ё и Фын), имена которых слушателям известны, поскольку среди дунган бытует предание о том, как Ё (Яо) навещал Фына (Шуня) и, убедившись в мягкости его отношения к окружающим (даже волов он

погонял не ременной плеткой, а тряпичной), уступил ему престол. Все сложное объяснение устройства цитры в дунганском варианте хотя и отличается от книжного текста, но построено в известной мере по его образцу, во всяком случае, в книжном тексте упоминаются числа 72 (с иной символикой), 8 (тоже с иной символикой), 3 (с тем же соответствием небу, земле и человеку) и т. п.

В целом же, как представляется, устный дунганский вариант строится по тем законам, которые вступают в силу при переходе письменного произведения в устную стихию. Следует заметить, что устные варианты повестей из «Удивительных историй нашего времени и древности» бытуют не только у дунган, но и у других народов, в частности они были популярны в творчестве монгольских сказителей.

№ 72.

В оригинале «Хань Шин саньчивон», зап. М. Хасановым от Чжипирова Сувы в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шаньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; Ев — нет.

Интересное историческое сказание, испытавшее сильное влияние волшебной сказки. Другой, но весьма близкий ганьсуйский вариант был записан Б. Рифтиным в 1951 г. в с. Миянчуан Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР от колхозного объездчика Лаймамова Харки (см. исследование этого варианта в нашей статье «Из дунганских исторических сказаний (Сказание о Хань Сине)» [22, 17—22]). Китайский (южный, пров. Гуандун) вариант фольклорного сказания о Хань Сине кратко пересказан в статье Чжан Гуань-ина «Легенды и исторический факт (относительно Сяо Хэ и Хань Синя)». Хань Синь (дунг. Хань Шин) — реальное историческое лицо, его официальная биография была составлена Сыма Цянем и включена в его «Исторические записки» (см. «Жизнеописание Хуайиньского хоу Хань Синя», русский пер. [194, 258—282]). Время жизни Хань Синя — конец III в. до н. э., когда в Китае, объединенном под эгидой правления династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), всю фактическую власть захватил жестокий евнух Чжао Гао. По стране шла волна мятежей. На Юге против тирана выступил Сян Юй, бывший чиновник царства Чу, в Восточном Китае, в Шандуне собрал войска и выступил против всемогущего временщика Лю Бан. Лю Бан захватил циньскую столицу, но она была отбита у него его противником Сян Юем, вскоре, однако, вернувшем власть в столице Лю Бану, который основал династию Хань. Через несколько лет борьба за власть между Сян Юем и Лю Баном возобновилась вновь. Благодаря таланту своих полководцев, лучшим из которых как раз считался Хань Синь, Лю Бану удалось победить Сян Юя, который, оставшись без войска, покончил жизнь самоубийством на реке Уцзян. Впоследствии Хань Синь был казнен в 196 г. до н. э. по обвинению в измене: он хотел помочь сановнику Чэнь Си, поднявшему войска против императора. В дунганском сказании как раз и рассказывается о том, как Хань Синь служил у Бавана, как потом перешел к Лю Бану (Гао-цзу или в нашем тексте Говон — это посмертный титул основателя Ханьской династии) и как был схвачен в покоях императрицы и казнен. Однако данная версия весьма сильно разнится от официальной биографии Хань Синя. Дунганский вариант начинается с истории раздела имущества между Хань Сином и его старшим братом. Эпизод этот напоминает типичный зачинный ход многих

дунганских и китайских сказок о двух братьях, делящих имущество, только здесь нет идеи обделенного младшего брата, этот эпизод нужен просто, чтобы проиллюстрировать зловредность Хань Сия. В ганьсуйском варианте Лаймамова Харки есть еще одна деталь, отсутствующая в шаньсийской версии,— Хань Синь требует разделить и мельничный жернов, разбив его на две половины, после чего жернов уже вообще никуда не годен. Мотив своеобразного вещего сна (ср. трое бессмертных богов, которых герой встречает в № 29) тоже характерен для дунганского сказочного эпоса, как и для сказок других народов. Страшный эпизод зарывания Хань Сином в землю живьем родной матери как бы продолжает эту линию иллюстрации дурных поступков Хань Сия, готового на самый страшный грех ради свершения своих честолюбивых замыслов.

Необходимо отметить что все эти дурные поступки героя, однако, не находят себе соответствия в официальном жизнеописании Хань Сия у Сыма Цяня. Там говорится, что Хань Синь был в молодые годы беден, но не упоминается ни о его брате, ни о разделе имущества. А о смерти матери говорится прямо противоположное. «Когда умерла его мать, он был беден и не мог должным образом устроить ей похороны. Однако для могилы своей матери он подыскал самое высокое и обширное место, где можно было похоронить множество семейств. Я видел могилу матери Хань Сия. Она действительно прекрасна!» — восклицает Сыма Цянь [194, 282]. Судя по этому отрывку, реальный Хань Синь был как раз примерным сыном. Заметим, что подобное начало отсутствует, насколько нам известно, в записанных у китайцев устных преданиях о Хань Сине, и в гуандунском, изложенном у Чжан Гуань-ина, и в шаньдунском, записанном В. И. Семановым под Хабаровском в китайском колхозе «Кантонская коммуна» [190, 20]. Следующий эпизод — бегство Хань Сия от Бавана — также смоделирован по образцу «магического бегства» волшебной сказки (ср. Еб № 189), однако в связи с общим невольшебным характером повествования здесь происходит явное переосмысление и трансформация древнего мотива: бегство с превращениями заменяется бегством с использованием различных элементарных хитростей в духе уже не волшебной, а бытовой, даже сатирической сказки. Встреча с дровосеком, у которого Хань Синь спрашивает дорогу и которого потом убивает, дабы он не выдал Бавану, в какую сторону направился беглец, упоминается и в старинной китайской повести из сборника XVII в., названной «Сыма Мао, устраивающий скандал в Подземном мире, тврит суд» [119, II, 466]. Дровосеков там, правда, двое, и Хань Синь убивает их обоих. Эпизод этот, видимо, был достаточно популярен в фольклоре старого Китая, так как нашел отражение и в прикладном изобразительном искусстве. На фарфоровой табакерке типа бутылочки (XVIII в.), которую нам довелось видеть у одного старика в Монголии, был изображен Хань Синь, спрашивающий дорогу у дровосека; «Хань Синь вэнлу», — гласила надпись на табакерке. Этот эпизод призван как бы лишний раз проиллюстрировать жестокость героя.

Встреча Хань Сия со своим старым другом Чжугуанем, по всей вероятности, есть переосмысленный эпизод из официального жизнеописания, где рассказывается о друге Хань Сия военачальнике Чжунли Мэе, который, правда, служил сперва у Бавана, а потом, после его гибели, бежал к Хань Сию. В нашем варианте все наоборот: Хань Синь бежит от Бавана и просит приюта у Чжугуаня, служащего при

дворе Гао-цзю. Назначение Хань Синя на невысокую должность смотрителя императорских закромов уже точно соответствует тексту Сыма Цяня, где говорится о пожаловании Хань Синю должности смотрителя житниц [194, 259], но пожаловал ему эту должность не сам Гао-цзю, а правитель маленького царства Тэн, который был сподвижником Лю Бана, будущего императора Гао-цзю. Весь же эпизод с учетом зерна — явная дань сказочному вымыслу. В жизнеописании отмечается лишь сам факт назначения. Следует заметить, что в варианте Лаймамова Харки вообще нет этого эпизода, зато следующий эпизод — разгром армии Бавана дан в ганьсуйском варианте подробнее и иначе, чем в приведенном здесь пэньсийском. Согласно варианту Лаймамова, Хань Синь предложил Лю Бану, воевавшему с Баваном, уйти в горы и заманить туда своего противника, сердце которого подобно лягушке и который не может находиться в местах, где нет воды¹. Когда, преследуя воинов Лю Бана, войска Бавана подошли к подножию гор, воины Лю Бана принялись скалывать сверху камни и перебили большую часть войска Бавана. Сам же Хань Синь, переодевшись лодочником, сидел в лодке на реке Уцзян (в варианте Лаймамова Хийхэй — букв. «Черное море, Черное озеро») и поджидал Бавана, который должен был бежать в эти места, спасаясь от преследования после гибели своего войска. Баван подошел к реке и попросил переодетого Хань Синя перевезти его. Мнимый лодочник ответил на это, что Баван слишком тяжел, лодка-де не выдержит человека, вооруженного большим мечом. Можно перевезти сперва или меч, или самого Бавана. Баван отдал меч. Хань Синь уплыл и не вернулся. Поняв, что его обманули, Баван достал маленький клинок и покончил с собой. В нашем же, пэньсийском варианте об этом говорится лишь в общей форме (Баван потерпел поражение на реке Уцзян). Скорее всего это просто дефект памяти данного сказителя. Во всяком случае, бытование среди дунган поговорки «Хань Шин бисы Бавон» — «Хань Шин заставил умереть Бавана» свидетельствует о важности в народных сказаниях и этого эпизода. В устной китайской версии, записанной В. И. Семановым, тоже рассказывается именно о том, как Хань Синь довел Бавана до самоубийства. Согласно этой легенде Хань Синь мёдом написал на стволе дерева слова о том, что Баван должен умереть на реке Уцзян. За ночь муравьи облепили написанные медом иероглифы, и Баван, увидев утром эту надпись, решил, что само Небо составило из муравьев страшную фразу. Вдобавок еще Хань Синь инсценировал бой «небесных барабанов», который, по старинному поверью, человек будто бы слышит перед смертью [190, 20].

Следует сказать, что в исторических источниках, в частности в «Описании царствования Сян Юя» у Сыма Цяня, конец Бавана описан несколько иначе: подойдя с жалкими остатками своего войска к реке Уцзян, Баван увидел начальника местного охранного пункта, который держал наготове лодки. Баван попросил переправить его через реку, но тот отказался, сославшись на то, что лодки приготовлены для войска

¹ Возможно, что такое представление связано с легендой о рождении Бавана от дочери повелителя драконов, вышедшей замуж за императора Цинь Ши-хуана и потом вернувшейся в подводное царство (дунганский вариант этой легенды был записан М. Хасановым в 1973 г. от 72-летнего сказителя Лэбизы Мухарма в с. Кен-Булуун, аналогичный китайский вариант в русском переводе см. [187, 14]).

Лю Бана. После короткого боя у реки, видя всю безвыходность своего положения, раненый Баван покончил с собой [115, I, 336]. Важным эпизодом в сказании о Хань Сине является последняя завершающая история казни героя. В жизнеописании Хань Синя у Сыма Цяня рассказывается, что императрица Люй-хоу решила избавиться от Хань Синя, обвиняемого в подготовке заговора. Она «хотела вызвать к себе Хань Синя, но побоялась, что вместе с ним явятся его сторонники. Тогда она, посоветовавшись с канцлером Сяо Хэ, приказала человеку, якобы прибывшему от высочайшего, распространять слух о том, что Чэнь Си (сподвижник Хань Синя по заговору, поднявший мятеж.— *Б. Р.*) погиб. Все сановники поздравляли императрицу. Канцлер, обратившись к Хань Синю, сказал: „Хоть вы и больны, но все же по этому случаю должны поздравить императрицу“. Хань Синь прибыл во дворец, и Люй-хоу приказала страже связать его и отрубить голову» [194, 280].

Совершенно иначе рисует казнь Хань Синя дунганская легенда, приведенная в данном сборнике. Здесь казни предшествует встреча с гадателем [видимо, его облик принял бессмертный-шынцзянь, о чем свидетельствует его внезапное исчезновение (обернулся — уже никого нет) — деталь, характерная для описания встреч с бессмертными в дунганских и китайских сказках]. Возможно, что этот эпизод гадания, имеющийся в обоих дунганских вариантах, в конечном итоге есть переосмысленный сюжетный ход официального жизнеописания, в котором рассказывается о мудреце Куай Туне, прикинувшемся прорицателем и пытавшемся предсказывать судьбу Хань Синя [см. 194, 273]. В устном сказании, однако, весь этот эпизод смоделирован по законам сказки, а не исторической прозы. Отголоски этого эпизода — объяснение сокращения срока жизни Хань Синя на сорок лет — есть и в упоминавшейся выше народной повести из сборника XVII в., где за каждое преступление Хань Синя (всего их четыре) у него отнимается по десять лет жизни. В монгольском рукописном варианте этой повести, обнаруженном нами в Государственной публичной библиотеке МНР, преступлений, как и в дунганской сказке, пять, и за каждое у героя отнимается по восемь лет жизни [140, 4—5]; пять преступлений Хань Синя перечисляется и в сказе жанра сяньшэн под названием «Хань Синь обращается к гадателю» [106, 350]. Любопытно, что набор преступлений во всех случаях не совсем одинаков: китайская повесть приписывает Хань Синю преступления, так сказать, государственного порядка, а дунганская сказка — скорее частного, семейного характера.

Еще сильнее отличается описание самой казни героя. У Сыма Цяня, как мы видели, просто фиксируется сам факт казни по приказу императрицы. В народном сказании (шэньсийский вариант) инициатором казни, однако, является уже не столько императрица, сколько ее служанка Чыпцонной, в которой воплотилась душа безвинно убитого Хань Сином зрителя моста. Именно она посылает Хань Синю подложную записку, вызывая его во дворец. В варианте Лаймамова Харки инициатор действия — сама государыня, и в этом смысле ганьсуйский вариант ближе к официальной версии Сыма Цяня. «Император, увидев, что войско лучше повинуется Хань Синю, чем ему самому, — рассказывает в этом варианте, — решил как-нибудь избавиться от своего советника. Долго он думал, но так ничего и не мог выдумать, ведь нужно было все сделать тайно, чтобы Хань Синь не смог поднять против него войско. Заметила императрица, что муж задумчив и грустен, и спросила у него,

в чем дело. Император долго молчал, но потом не выдержал и рассказал ей все. Императрица была женщина хитрая и сразу придумала, как избавиться от Хань Синя. На следующее утро она приказала поставить в саду перед дворцом золотую ванну и послала слугу за Хань Синем...» Далее развитие действия идет так же, как и в публикуемой шэньсийской версии.

Следует сказать, что самый конец сказания идентичен не только в двух известных нам дунганских вариантах. Он отмечен и в южнокитайской легенде, кратко изложенной Чжан Гуань-ином [127, 7—8], некоторые детали которой проясняют отдельные подробности и нашей версии, где говорится о том, что на всех мечах стоит клеймо с титулом Хань Синя и его-де нельзя казнить поэтому ни одним мечом. В ганьсуйском варианте эта деталь более обособлена, там рассказывается, что «Хань Синь, вступив в должность первого министра и предвидя подобную ситуацию, велел кузнецам ставить на всех мечах его имя. Кроме того, Хань Синь заявил, что его нельзя казнить в таком месте, где он может видеть либо небо, либо землю. Тогда его посадили в темную башню, но найти меч без клейма так и не могли». Далее текст соответствует публикуемому варианту. Южнокитайская версия дает более мотивированную трактовку тех же слов Хань Синя. По ней оказывается, что сам император, питая первоначально благосклонность к Хань Синю и пожаловав ему всякие высшие должности, под конец объявил в знак особого расположения, что Хань Синь никогда не может быть казнен мечом, а также «на виду у неба и на виду у земли», вот почему, когда Хань Синь был обвинен в попытке устроить мятеж, его казнили, согласно этой южнокитайской легенде, в восьмизаточной башне (т. е. не на земле и не на небе¹) и притом ножом, которым рубят тесто для лапши. К сожалению, эта легенда изложена слишком лаконично, и мы не знаем, каково отношение ее создателей к образу самого героя. В записанной В. Семановым шаньдунской версии, например, где нет описания казни Хань Синя, он представлен как истинный герой, победивший фактически тирана Бавана. У дунган же Хань Синь, наоборот, превратился в символ жестокого, коварного и злого человека. Имя его стало у них едва ли не нарицательным, поскольку про злого человека иногда даже говорят: «Ты еще более жесток, чем Хань Шцин», при этом некоторые дунгане вообще этимологизируют имя Хань Шцин как «Злое сердце» (хы н щин), хотя в действительности имя этого исторического деятеля («Синь» (дунг. Шин) означает вовсе не «сердце», а «доверие».

Вместе с тем если брать дунганский фольклор в целом, то и в нем можно найти следы иного, видимо положительного, отношения к Хань Синю. Так, согласно легенде, записанной М. Хасановым в 1967 г. от Харсанова Мава (с. Каракууз), после казни Хань Синя небо и земля были окутаны белым туманом. Удивленный император спросил у своего прорицателя, что случилось. Тот погадал и доложил, что небо скорбит по Хань Синю. После этого-де государь повелел считать отныне белый цвет знаком траура. Если умирал кто-либо из великих людей, то всюду вешали белые флаги в знак траура. Как сообщил М. Хасанову дунганский

¹ За этим, по-видимому, скрывается весьма архаическое представление о запрете для особо почитаемых героев касаться ногами земли и давать солнцу своими лучами озарять их (см. подробное исследование этого вопроса у Дж. Фрезера [204, IV, 124—127]).

историк и фольклорист Х. Юсуров, по другим вариантам, Хань Синь был казнен восьмого числа четвертого месяца и в тот же день земля в знак траура покрылась толстым слоем инея [см. 29, 52—53]¹. Едва ли бы все эти знаки почтения существовали в народных легендах, если бы Хань Синь рисовался чисто отрицательным персонажем. В заключение необходимо сказать еще о том, что тема Хань Синя давно вошла в устное творчество и повествовательную литературу Китая. Профессор Чэнь Жу-хэи не так давно обнаружил доказательства того, что повествование о Хань Сине исполняли народные сказители уже во второй половине X в. [135, 61]. Мы находим эту тему и в народной книге «Пинхуа по „Истории династии Ранняя Хань“» с подзаголовком «Императрица Люйхоу казнит Хань Синя» [126], затем в позднесредневековом романе-эпосе «Повествование о династии Западная Хань» и многочисленных драмах разных жанров начиная с XIV в.; последнее по времени обращение к этой теме — рассказ Го Мо-жо «Самоубийство Чуского Бавана» [148]. Однако ни одно из этих произведений не дает такой разработки сюжета, которая представлена в дунганских вариантах.

№ 73.

В оригинале «Гуонхуэй», зап. М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. М. Хасанова и И. Юсупова.

Интересное сказание, представляющее собой контаминацию сюжетов, восходящих к двум разным циклам: повествованиям об установлении династии Тан (618—907) и повествованиям о героях Речных заводей — Ляншаньбо (кит. Ляншаньбо — букв. «Заводы у гор Ляншань»). Первый цикл связан с средневековым китайским историческим романом «Сказание о Тан» (кит. «Шо Тан»), второй — с героической эпосес *Ши Най-аня* (XIV в.) «Речные заводы» («Шуйху чжуань»). Под именем императора Гуон-хуэя здесь выведен, по-видимому, Вэнь-ди — император династии Суй (правил с 581 по 604 г.), которого звали Ян Цзянь. Что такое «гуонхуэй», не совсем ясно. Не исключено, что имя Гуонхуэй, вообще как и все повествование, представляет собой эклектическое соединение имени сына Вэнь-ди — императора Ян-ди, которого звали Ян Гуан (дунг. Ен Гуон, в нашем варианте он ошибочно назван Юань Гуоном²) — правил с 604 по 617 г. — с первой частью официального имени сунского императора Хуэй-цзуня (правил с 1100 по 1125 г.), при котором боролись повстанцы из лагеря Ляншаньбо. В начале VII в. в Китае началась целая волна мощных крестьянских восстаний; плодами их побед воспользовался Ли Юань, представитель чиновной аристократии, названный в дунганском сказании, без достаточных для того оснований, племянником императора Гуон-хуэя. Ли Юань впоследствии захватил столицу и провозгласил себя императором под именем Гао-цзу, основав

¹ Приурочение именно к этому дню (празднику рождения Будды) не совсем ясно.

² В цикле новелл современного дунганского писателя Ясыра Шываза «Сюэ Жэнь-гуй», где использованы и некоторые эпизоды из данного сказания, этот персонаж именуется Ян Гуаном [см. 33, II, 121—134], что как раз подтверждает предположение, что в нашем варианте явная ошибка.

в 618 г. династию Тан. Борьба Ли Юаня за власть и драматические события, связанные с установлением танской династии, и послужили источником народных преданий и романа «Сказание о Тан», одним из героев которого и является храбрец, военачальник Цинь Цюн (дунг. Чин Чюн), известный также под именем Цинь Шу-бао.

Цинь Цюн — реальная историческая личность, участник более двухсот больших и малых битв. В «Сказании о Тан», ранний вариант которого приписывается Ло Гуань-чжуну (XIV в.), действительно есть эпизод спасения Ли Юаня, на которого напали бандиты (а не Юань Гуон, как в нашем варианте), богатырем Цинь Цюном. В четвертой главе романа рассказывается и о том, что Ли Юань хотел узнать имя своего спасителя и пустился догонять его, но Цинь Цюн, совершив подвиг, стремился скорее уехать. Ли Юань не мог догнать его, но и не оставлял преследования. Тогда Цинь Цюн обернулся и крикнул, как его фамилия и имя, но Ли Юань фамилию не расслышал совсем, а имя ему показалось звучит как «у» — цифра «пять» [139, 20]. Никакого видения (кабан гонится за драконом), а также истории со стрелой, на которой будто бы написано имя Цинь Цюна, в романе нет¹. Сцена ссоры между Юань Гуоном и Ли Юанем во время игры, описанная и в новелле Я. Шывазы, находит себе аналогию в традиционной китайской драме «Цинь Цюн спасает государя», в которой рассказывается о конфликте между Ли Юанем и Ян Гуаном (как говорилось выше, он назван в дунганском варианте ошибочно Юань Гуоном), мечтающим отобрать жену у Ли Юаня. В гневе Ли Юань ударил Ян Гуана бокалом и выбил ему несколько зубов. После этого, боясь, что его обвинят в преступлении, Ли Юань отказывается от своего поста и возвращается в Тайюань, где он служил прежде. Ян Гуан, переодевшись разбойником, устраивает засаду, но в самый критический момент появляется Цинь Цюн и спасает Ли Юаня [118, 93, № 6]. Содержание дунганского сказания оказывается ближе к традиционной пьесе, чем к роману «Сказание о Тан». Дальнейшие события, описываемые в дунганском варианте, например жизнь Цинь Цюна на постоялом дворе, его вынужденное желание продать своего знаменитого коня, чтобы расплатиться за еду и постой, тоже находят себе аналогии в «Сказании о Тан» и пьесах [118, 93, № 8]. Ситуация в романе, правда, несколько иная. Цинь Цюн, который служит в цзинаньской управе посыльным, привозит письмо в Лучжоу тамошнему правителю, он ждет ответа, но ответа все нет. Деньги у него кончаются, хозяин постоялого двора требует с него плату за постой и еду, тогда Цинь Цюн отправляется в закладную лавку, чтобы заложить свое оружие — две тяжеленные пагайки, но хозяин лавки отказывается брать оружие, Цинь Цюн решает продать коня. Однако конь его отощал, на рынке все смеются над ним, и никто даже не приценивается. Грустный идет обратно Цинь Цюн. В это время навстречу ему попадается дровосек, несущий в город хворост и свежую траву, голодный конь, увидев свежую траву, кидается прямо на дровосека и съедает ее (вот, видимо, откуда в дунганском варианте упоминание о сеноторговце и съеденных двух тюках сена). Дровосек ведет Цинь Цюна к местному богачу, могучему

¹ Вместе с тем сон, указывающий герою, что он должен спасти дракона от кабана, не является специфическим эпизодом данного сказительного варианта, поскольку мы находим его и в построенных на народных сказаниях новеллах Я. Шывазы.

Шань Сюн-сацию, знатоку коней. Тот покупает у Цинь Цюна коня. Получив деньги, Цинь Цюн заходит в винную лавку, куда являются два молодца-героя, его давние друзья (ср. молодцы из Лёнсаньбо в дунганском варианте). В дунганской версии далее в действии принимают участие герои цикла «Речных заводей» У Сун и Сылэймор, имя последнего нам в китайском романе, однако, отыскать не удалось. Контаминация двух циклов, действие которых относится к разным историческим эпохам — Тан и Сун, произошла, видимо, в силу близости ситуаций в сказании о Цинь Цюне и «Речных заводях». В старинных драмах «Постоялый двор трех семей» и «Разгром Дэнчжоу» рассказывается, как был арестован Цинь Цюн и как его спасли молодцы с Черепичного холма — Ваган, явившиеся в город Дэнчжоу под видом торговцев, ямщиков и устроившие в городе страшную заваруху [см. 118, 96, № 16, 17].

В целом дунганский вариант представляет собой своеобразную краткую версию истории Цинь Цюна, во многом базирующуюся, видимо, как на текстах традиционного романа, так и популярных народных драм, при этом нельзя забывать, что в свое время источником и того и другого послужил опять-таки устный сказ, традиции которого продолжают и современные дунганские рассказчики в Киргизии и Казахстане.

№ 74.

В оригинале «Быйпо Шюэ Жынгуэй», зап. Б. Рифтиным от Мавулинова Ибрагима в 1954 г. в с. Милянчуан Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР. Ганьсуйский вариант, пер. Б. Рифтина; Еб — нет.

Данный рассказ представляет собой вариант широко известного в Китае, а также в Корее и отчасти у восточных монголов сказания о танском полководеце Сюэ Жэнь-гуе (дунг. Шюэ Жынгуэй), родившемся в 614 г. в провинции Шаньси в крестьянской семье и умершем в 683 г. Согласно историческим источникам Сюэ Жэнь-гуэй славился как искусный наездник и стрелок из лука. Во времена правления танского императора Тай-цзуна он пошел служить в армию и участвовал в походе на корейское государство Корё, за заслуги получил чин *чжунланцзяна* (некто вроде начальника императорской гвардии), потом участвовал в походах против живших в районе Тяньшаня тюркских племен, воевал с тибетскими племенами, отражал нашествие восточнотюркских племен. Богатая событиями биография Сюэ Жэнь-гуя быстро сделалась темой народных легенд, драм (с конца XIII в.), народной книги — пинхуа «Краткое описание похода Сюэ Жэнь-гуя в Ляодун» (примерно конец XIII в. [см. 117, 75—76]), а впоследствии и романа «Сюэ Жэнь-гуэй идет походом на Восток» [116]¹. Особо следует отметить корейскую «Повесть о Сёр Ингви» (Сёр Ингви — корейское произношение имени Сюэ Жэнь-гуэй [см. 175, вып. II, 202—203; 220, 114, а также 200]).

Популярность Сюэ Жэнь-гуя в Корее была столь велика, что там был построен даже храм в его честь. В старину корейские матери пугали пла-

¹ Роман этот в дешевом литографированном издании (видимо, конца XIX в.) нам довелось видеть в Токмаке в 1954 г. в доме старика Хуонсылохана, человека иероглифически грамотного и считавшегося хорошим рассказчиком.

чущих детей словами: «Сёр Ингви придет! Сёр Ингви придет!» [см. 116, 2]. У восточномонгольских сказителей, как нам удалось установить, был популярен сказ в жанре бенсен улигер («книжные сказания») по роману «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток», именуемый ими «Дун Ляо» («Восточное Ляо») [см. 173, 145]. Роман о Сюэ Жэнь-гуйе известен также в переводах на яванский, малайский, вьетнамский и тайский языки. Он имеет продолжение в виде книги о его сыне, танском полковнике — «Сюэ Дин-шань идет походом на Запад. У монгольских сказителей кроме этого нами обнаружен цикл о внуке Сюэ Жэнь-гуя по имени Сюэ Хай, видимо: неизвестный китайцем. Советский дунганский писатель Ясыр Шываза в конце 30-х годов написал на основе дунганских устных сказаний цикл новелл о Сюэ Жэнь-гуйе [см. 8, 282—330, сокращенный рус. пер. см. 33, 1, 155—164; II, 121—134].

Анализируемый дунганский вариант, собственно, представляет собой контаминацию сюжетных ходов сказания о Сюэ Жэнь-гуйе со столь же популярным у дунган и китайцев сказанием о Сюэ Пин-гуйе. Подобная контаминация часто встречается и в китайском фольклоре, на это еще в 20-х годах обратил внимание историк и фольклорист Гу Цзе-ган [102, I, 20]. Контаминация облегчается схожестью имен героев и отнесением действия в обоих случаях к эпохе Тан. Следует сказать, что в опубликованном Х. Юсуровым дунганском варианте «Истории Шюэ Пингуя» [13, 123—136], в свою очередь, есть эпизоды, заимствованные из сказания о Сюэ Жэнь-гуйе. Если для удобства анализа разбить наш вариант на отдельные сюжетные ходы, то легко увидеть, что самое начало повествования — история обнищания героя, его неудачная попытка обратиться за помощью к дяде, а также попытка покончить жизнь самоубийством — все это точно соответствует тексту 3-й главы романа «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток», с той только небольшой разницей, что согласно роману он тратит все деньги на учителей ратного искусства, а не пропивает с друзьями. Такое изменение в нашем варианте легко объяснить воздействием обычной для дунганского фольклора сказочной схемы, согласно которой герой кормит и поит кучу друзей, а потом, когда остается без гроша, никто из них ему не помогает (см., например, № 66). В литературной обработке Я. Шывазы дается еще третий вариант — все богатство, доставшееся юноше в наследство от родителей, забирает его дядя. Повесившегося Сюэ Жэнь-гуя снимает с дерева и приводит в чувство торговец-разносчик Вон (кит. Ван), этот эпизод есть и в романе, и в новеллах Я. Шывазы. В романе разносчика зовут Ван Мао-шэн (гл. 4). Братание с разносчиком также имеется в китайском романе, где, однако, сама церемония братания описана более подробно. Особо следует сказать о том, что герой удивительно много ест. Этот мотив появляется в сказании о Сюэ Жэнь-гуйе (он подчеркивает могущество героя-богатыря, или, как говорит в романе разносчик Ван, восхищаясь аппетитом героя, «быть ему непременно добрым полководцем») очень рано. Уже в народной книге XIII в. рассказывается, что государь, увидев, какой Сюэ Жэнь-гуй тощий, спросил его, не болен ли он. Сюэ Жэнь-гуй ответил, что он исхудал от постоянного недоедания, так как, для того чтобы насытиться, ему нужно съесть еду, приготовленную для десяти воинов, за один присест он может съесть один доу риса (столько же указано и в нашем варианте, где в дальнейшем указывается то же число — десять едоков) и десять цзиней мяса [см. 117, 56]. Этот же мотив использован и в новеллах Я. Шывазы, где герой съедает еду, приготовленную для пяти человек, а

также в варианте «Истории Шюэ Пингуя» у Х. Юсурова¹, куда этот мотив перекочевал вместе со всем эпизодом постройки терема для дочери юаньвэя. Этот эпизод есть и в нашем варианте: лоточник приводит героя к богатому юаньвэю, прося принять его на работу, что точно соответствует и тексту романа (гл. 4), только фамилия хозяина в романе не Ван (дунг. Вон), а Лю. Эта замена связана опять-таки с той же контаминацией, так как в сказании о Сюэ Пин-гуе богатого хозяина зовут именно Ван, а его дочь — Ван Бао-чуань (дунг. Вон Бочуань). В точном соответствии с текстом романа описано в дунганском варианте, как герой носит бревна (два под мышками и одно на плече), только количество работников, которых он способен заменить, там более скромное (20—30 человек, а не 100—200, как в дунганской версии, где явно наличествует сказочная гиперболизация).

Следующий эпизод дунганского сказания — история о встрече героя с дочерью юаньвэя, которая дарит ему чудесную рубашку, зимой дающую тепло, а летом прохладу. Девушка видит, как у героя во время сна через все семь отверстий головы ползает белая змейка, и решает, что юноша непременно станет в будущем государем. Белая змейка здесь явно так называемая внешняя душа героя; подобный мотив встречается в китайских драмах XIII—XIV вв. Так, в пьесе о героях Троецарствия «Братание в персиковом саду» у спящего Лю Бэя из глаз вдруг появляется красная змейка, которая потом уползает в ухо. Появившись вновь изо рта, она исчезает в носу и т. д. Гуань Юй, побратим Лю Бэя, поясняет Чжан Фэю, что «если змейка проползает через семь отверстий головы, то этого человека ждет счастье. В будущем он наверняка станет знатным» [см. 104, II, 9а]. Сходный мотив мы находим и в монгольском эпосе о Гесере, где прямо объясняется, что золотые рыбки, выходящие из ноздрей мапгуса во время сна, — это его души [173, 140]. Стоит отметить, что аналогичный эпизод с белой змейкой, пролезающей сквозь семь отверстий головы, есть и в юсуровском варианте сказания о Сюэ Пин-гуе. В тексте же романа о Сюэ Жэнь-гуе эта внешняя душа героя материализуется не в виде белой змейки, а в виде белого тигра (гл. 4). Дарение чудесной рубашки также относится к числу весьма ранних эпизодов. Он есть уже в пьесе XIII—XIV вв. «Талаит, скрывающийся в Лунмэне», где рассказывается, как дочери Лю-юаньвая ночью показалось, что в траве лежит тигр с белой отметиной на лбу². Когда же она подошла ближе, то увидела работника Сюэ Жэнь-гуя, спавшего на траве. Девушка пожалела его и накрыла красной курточкой, подбитой ватой, чтобы он не мерз. Об этом

¹ Неумеренность в еде вообще мотив скорее эпический, чем сказочный, он встречается в эпосе разных народов, например в якутском [207, 96], а также в узбекском Алпамыше [453, 128 и др.].

² Согласно новелле Я. Шывазы, Сюэ Жэнь-гуй некогда убил белого тигра, сунув в его раскрытую пасть железную дубинку, а потом съел сердце убитого тигра. Не исключено, что таким образом народная фантазия объясняла способность души героя воплощаться в облике белого тигра. Любопытно отметить, что в корейской повести о Сёр Ингви (Сюэ Жэнь-гуе) герой поселяется в доме старца-отшельника Лю, у которого есть красавица-дочь. Однажды во сне девушка видит, что в их саду спит дракон. Проснувшись, она идет в сад и обнаруживает на месте дракона юошу-героя. (Приношу глубокую благодарность А. Ф. Троцевич, любезно познакомившей меня с содержанием корейской версии.)

узнала служанка и донесла хозяину. Заподозрив тайную связь, отец выгнал из дома дочь вместе с Сюэ Жэнь-гуем. Этот же мотив повторяется и в романе, где девушка, пожалев замерзшего во сне Сюэ Жэнь-гуя, бросает ему сверху из окна свою нательную рубашку, просто схватив в темноте первое, что попало под руку. На следующее утро отец девушки видит на юноше эту рубашку и начинает рассуждать: будучи в Ляодуне, он купил два куска дорогой заморской материи, одежду из которой зимой не нужно подбивать ватой. Из этой ткани были сшиты две рубашки; одна для жены, а другая для дочери. Юаньвай решает проверить, кто из них вступил в связь с работником, и требует предъявить рубашки и т. д. (гл. 6). Отклонения от текста романа в нашей версии идут по линии приближения повествования к сказке: отсюда и особое название рубашки, *х о л у н д у а н ь* — «атлас огненного дракона», вероятно, искажение от встречающегося в китайских сказках выражения *холундань* — «куртка (точнее: легкая одежда) огненного дракона» (см. одноименную сатирическую сказку [64, 131—133], где это понятие уже профанируется). Приближение к сказке заметно и в том, что чудесные рубашки подарены юаньвью самим государем, а не куплены на базаре, как в романе. История с рубашкой использована и в новеллах Я. Шывазы и в юсуровском варианте истории Сюэ Пин-гуя.

Следующие эпизоды дунганского сказания — уход девушки из дома вместе со старой мамкой, почевка в древнем храме, встреча с героем, женьтяба Сюэ Жэнь-гуя на дочери богатого хозяина, имеющиеся и у Я. Шывазы, — все это точно соответствует тексту романа, в известном смысле следующему, видимо, за содержанием драмы XIII—XIV вв., только, как уже говорилось выше, женой его оказывается не Ван Бао-чуань (дунг. Вон Бочуань), а дочь богатого чиновника в отставке Лю. Следующий эпизод (по настоянию жены герой идет на охоту, убивает тигра, которого гнали другие охотники, затевающие с Сюэ Жэнь-гуем драку и после своего поражения братающиеся с ним) также находит себе соответствие в литературе. Данный эпизод, по всей вероятности, можно рассматривать как своеобразную контаминацию различных вариантов сюжета о Сюэ Жэнь-гуе. С одной стороны, текст дунганского варианта в изложении И. Мавулинова близок к тексту романа, где также жена предлагает мужу найти хоть какой-то заработок, и он, сломав бамбуковую ветку, делает себе лук (ср. дубину в нашем варианте), но идет охотиться не на тигра, а на диких гусей и встречает на охоте своего старого товарища, с которым некогда учился военному искусству. В пьесе Чжоу Гаян (XVII—XVIII вв.?) «Усмирение Тяньшана» рассказывается как раз об охоте Сюэ Жэнь-гуя на тигра, за которым гонятся другие люди. Зять главнокомандующего Чжан Ши-гуя (дунг. Чжон Сыгуй) по имени Сюэ Цзун-сянь на дороге натывается на тигра, но тут поспевает Сюэ Жэнь-гуй, который и убивает зверя. Цзун-сянь братается с Жэнь-гуем и уговаривает его идти служить в армию, которой командует его тесть [125, III, 1699]. Напомним, что в нашей версии герой братается с Ху Куем, встреченным на охоте, а потом вместе с ним едет служить в войска Чжан Ши-гуя. (Имени Ху Куя и всего связанного с ним и его родителями эпизода нам в литературных версиях отыскать не удалось.) В тексте старинного романа, охотясь на тигра, Сюэ Жэнь-гуй встречает другого героя — старого, заслуженного полководца Чэн Яо-цзиня. Следующий эпизод — встреча с Лю-юаньваем и победа над разбойниками — находит себе точную аналогию в тексте романа, где этот эпизод стоит после изгнания Сюэ

Пин-гуя из лагеря Чжан Ши-гуя и где не только нет объявления над воротами, приглашающего храбрецов пожить в усадьбе, а, напротив, юаньвай (его фамилия Фань), боясь разбойников, не хочет оставлять Сюэ Жэнь-гуя ночевать (гл. 5—6). Любопытно, что в романе герой использует в качестве оружия старинное копьё-цзи, которым еще при династии Хань сражался предок юаньвай Фань Куй и которое теперь используется в доме вместо железной балки. Имена главарей разбойников, однако, в романе иные: Цзян Син-бэнь, Цзян Син-ба и Ли Цин-хун (совпадает лишь фамилия третьего атамана, в сказе атаманов только двое, и один носит фамилию Ли). Женился Сюэ Жэнь-гуя на спасенной им девушке, дочери Лю-юаньвэя, соответствует женитьбе героя в романе на дочери Хун-юаньвай, настаивающего, чтобы Сюэ Жэнь-гуй взял его дочь в качестве второй жены. Следует сказать, что по официальному жизнеописанию Сюэ Жэнь-гуя в «Истории династии Тан» (сост. между 940 и 945 гг.) его жена действительно носила фамилию Лю (Ива), согласно жизнеописанию именно она уговорила мужа пойти служить в армию [122, 753].

Следующий эпизод дунганской версии связан с отказом Чжан Ши-гуя принять в свое войско Сюэ Жэнь-гуя, мотивированным тем, что «в одном лагере двух „гуев“ держать не годится». Мотив отказа в приеме Сюэ Жэнь-гуя в войско является, видимо, еще на раннем этапе развития данного сюжета. Уже в народной книге XIV в. говорится о том, что Чжан Ши-гуй не желает принять Сюэ Жэнь-гуя, поскольку он нарушил табу, согласно которому никто не имеет права использовать именной знак (в данном случае *гуй* — «драгоценный») самого главнокомандующего [117, 9]. Действительно в Китае с древних времен табуировались имена богов и государей. Иероглифы, которыми записывалось, например, имя императора, запрещалось использовать, а в тех случаях, когда без них нельзя было обойтись (при переписке или переиздании старых сочинений), их писали как-нибудь иначе, иногда без одной черты и т. п. Однако нигде нам не удалось найти сведений о том, чтобы табуировались и имена полководцев. Недаром, видимо, в тексте романа «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток» Чжан Ши-гуй просто хочет вместо Сюэ Жэнь-гуя, появление которого предрекалось в вещем сне государя, рекомендовать императору в качестве защитника трона своего зятя.

Далее в дунганском варианте рассказывается о том, что обиженный герой и его товарищи встречаются на дороге старого сановника Бо Вычжына (по-китайски это имя должно звучать как Бао Вэнь-чжэн). По всей вероятности, Бо Вычжын — искаженное Бо-вынчжон, так в дунганском фольклоре именуется мудрый и справедливый судья Бао-гун в соответствии с одним из своих титулов (см. в разд. «Сюжеты сказок, не вошедших в сборник», № 27). И в народной книге и в романе герой, однако, встречает не сановника Бао (реальный Бао жил позже при династии Сун), а знаменитого старого полководца Чэн Яо-цзиня (дунг. Чын Нё-чжин), который или, как в народной книге, едет вместе с Сюэ Жэнь-гуем обратно в лагерь Чжан Ши-гуя, или, как в романе, дает герою стрелу со своим именем, которая как бы служит рекомендательным письмом (соответствуя письму в нашей версии), и теперь уже Чжан Ши-гуй не может не принять Сюэ Жэнь-гуя в войско. После этого в нашей версии впервые кратко упоминается о том, что Сюэ Жэнь-гуй победил всех врагов, но заслуги его были присвоены (приписаны) зятю Чжан Ши-гуя. Мотив этот

красной нитью проходит через первую же прозаическую версию сюжета, представленную в народной книге — пинхуа, весьма силен он и в драмах, и в старинном романе. В пьесе юаньского драматурга Чжан Го-биня, например, рассказывается о том, что Чжан Ши-гуэй сам присвоил себе все боевые заслуги Сюэ Жэнь-гуя. В пьесе Чжоу Ганя заслуги Сюэ Жэнь-гуя приписываются уже не самому Чжан Ши-гую, а его зятю. Так же и в дунганском варианте, следующем, видимо, традиции поздней пьесы и романа, где заслуги героя приписываются именно зятю главнокомандующего. Вообще, как заметил исследователь китайской драмы Ло Цзин-тан, образ Чжан Ши-гуя в народной традиции (включая романы и пьесы) сильно отличается от того, какой дается в официальном жизнеописании полководца в «Танской истории», где он представлен заслуженным военачальником, а не отрицательным персонажем — продажным сановником, как в пьесах и романе [см. 110, 232].

Далее в дунганской версии рассказывается об императорском гадалке Шюй Могуэ (кит. Сюй Мао-гун)¹. Здесь также заметно влияние старинного романа, в котором одним из действующих лиц является советник государя Сюй Мао-гун (реальное историческое лицо — Сюй Ци, Мао-гун — его второе имя). Именно он в тексте романа (в самом начале повествования, гл. 1), толкуя сон государя, объясняет, что сон означает появление храброго полководца в белом халате по имени Сюэ Жэнь-гуэй. Далее дунганский сказитель тоже в целом следует тексту романа, согласно которому на поиски героя едет именно старый полководец Вэйчи Гун по прозвищу Цзин-дэ (дунг. Чжиндэй). Вэйчи Гун также лицо историческое, его образ выведен во многих старинных романах и пьесах. В упоминавшейся выше пьесе Чжан Го-биня спор о заслугах между Сюэ Жэнь-гуем и Чжан Ши-гуем берется разрешить Сюй Мао-гун, приказывающий им обоим стрелять в подвешенную в ста шагах от ворот монету. Чжан Ши-гуэй не может попасть в нее, а Сюэ Жэнь-гуэй попадает три раза из трех.

В романе действует именно Цзин-дэ, который несколько раз пытается поймать храбреца в белом халате; один раз ему удается даже оторвать кусок материи от его одежды (гл. 21), в другой раз он решает отправиться в лагерь Чжан Ши-гуя под видом проверки воинов и выдачи им вина и мяса за военную доблесть (гл. 22). Этот эпизод есть и в дунганском варианте. Даже такая незначительная, казалось бы, деталь, как опьянение старого полководца вином, поданным вместо чая, есть в тексте романа, где поясняется, что государь в тот день запретил полководцу пить вино, а Чжан Ши-гуэй нарочно решил спить проверяющего, для чего кинул в вино чайники, чтобы оно внешне походило на чай. И приказ Сюэ Жэнь-гуя о братьяхми уехать из лагеря и побыть некоторое время в старом храме, и ночной обход лагеря, и подслушанный разговор воинов — все это перенесено в дунганскую версию явно из романа, только в дунганском сказании соединены две попытки (одна с отрыванием куска от халата и другая с борьбой у старого храма) Цзин-дэ поймать героя Сюэ Жэнь-гуя. Однако эпизод с «опознанием» героя, когда старому сановнику

¹ Стоит отметить, что Шюй Могуэ в качестве гадалки выступает героем и некоторых других дунганских сказаний. Так, в 1941 г. Х. Юсуровым от знаменитого дунганского сказителя Хия Вуахунова было записано повествование о том, как сам царь драконов проверяет умение Шюй Могуэ предсказывать будущее [см. 34, 29—31].

вместо Сюэ Жэнь-гуя показывают племянника Чжан Ши-гуя, видимо, следует отнести целиком к устной традиции. Мы не нашли его ни в драмах, ни в народной книге или романе. Можно предположить, что этот эпизод представляет собой переосмысление эпизода избиения сановником и полководцем Вэйчи Цзин-дэ императорского зятя Цинь Хуай-юя (гл. 11). Как предполагает проф. Чжао Цзин-шэнь, данный эпизод романа, в свою очередь, восходит к описанной в источниках истории избиения Цзин-дэ родственника государя Ли Цзун-дэ, посмеявшегося на пиру занять более почетное место, чем досталось полководцу [см. 116, 187]. Не исключено, однако, что данный эпизод в дунганской версии есть развитие и другого сюжетного хода романа (гл. 24) — истории о том, как Цзин-дэ в гневе повалил Чжан Ши-гуя на землю и, пригрозив плеткой, вырвал у него признание о том, что Сюэ Жэнь-гуй действительно находится в его войске. Необходимо учесть, что этот эпизод в романе следует почти непосредственно за описанием проверки воинов в лагере Чжан Ши-гуя, т. е. занимает в общей линии сюжета то же самое место, что и убийство зятя Чжан Ши-гуя в дунганской версии.

Следующий эпизод дунганской версии — поездка императора на прогулку, во время которой его конь вязнет в топком болоте, встреча с вражеским полководцем Гэй Сувыном (кит. Гай Су-вэнь, в юаньских драмах Гэ Су-вэнь, корейское Кэ Сомун) и появление Сюэ Жэнь-гуя, который и выручает государя из беды, — также находится в тесной связи с текстом старинного романа. В гл. 29 романа рассказывается о том, как император Тай-цзун по совету Сюй Мао-гуна (так же и в нашей версии) отправляется на охоту, он встречает корейского полководца Кэ Сомуна, пытается спастись от него бегством, но его конь вязнет в песке и глине у берега моря (в нашей версии — в топком болоте). Кэ Сомун требует от него половину государства, обещая за это императору свободу. Государь отвечает, что не знает, как пишется манифест о сдаче в плен, потом ссылается на то, что ему не на чем писать. Кэ Сомун предлагает Тай-цзуну отрезать полу своей одежды и написать кровью (точно такие же слова мы находим и в дунганской версии). Но тут, согласно тексту романа, появляется Сюэ Жэнь-гуй и обращает врага в бегство. Так же и в нашей версии, только само вытаскивание императора и его коня из топи в устном дунганском варианте описано явно в духе эпоса или сказки: герой подкладывает плащю под брюхо коня свой меч и одним махом выковыривает из трясины и императора, и его коня. Этот богатырский жест героя заменяет вполне реалистичное описание, данное в романе, где герой сперва режет мечом тростник, связывает его в снопы, кидает в топь, а потом бережно ведет государя к берегу. Потом он кладет древко своего копья так, чтобы конь государя мог опереться на него передними копытами и, собравшись с силами, выскочить из грязи. Как указывает Чжао Цзин-шэнь, этот эпизод романа, видимо, представляет собой развитие в народной традиции реального эпизода из жизни Сюэ Жэнь-гуя. В его официальном жизнеописании в «Истории династии Тан» рассказывается, что однажды ночью с гор на дворец хлынул бурный поток, вся охрана в страхе разбежалась, один Сюэ Жэнь-гуй храбро бросился во внутренние покои и успел предупредить государя об опасности прежде, чем вода ворвалась в опочивальню. Растроганный государь подарил Сюэ Жэнь-гую коня [см. 116, 186].

Последний, заключительный эпизод дунганской версии также представляет собой переработку соответствующего места романа (гл. 11), где

говорится о том, как перед Чжап Ши-гуем и его воинами вдруг разверзлась земля и как полководец велел Сюэ Жэнь-гуя спуститься в глубокую яму. Спустившись под землю, герой оказывается в ином мире, где есть свое небо и своя земля с растущими на ней деревьями и где Сюэ Жэнь-гуй видит зеленого дракона, прикованного цепями к каменному столбу. Герой освобождает дракона, и тот улетает (ср. освобождение черного пса, привязанного к первой двери пещеры в дунганской версии). Далее в романе описывается, что герой съедает сделанного из теста и печенного на пару дракона, затем двух сделанных из теста тигров (аналогично и в нашей версии, где, однако, согласно специальному пояснению рассказчика, тигры были настоящие, а не сделанные из теста) и затем девять быков, сделанных опять-таки из теста (по пояснению нашего рассказчика, и в дунганской версии следует понимать, что герой съел не настоящие бычьи туши, а сделанные из теста изображения быков)¹. После чего сила Сюэ Жэнь-гуя стала подобна силе дракона, двух тигров и девяти быков.

Следует сказать, что сравнение силы богатыря с силой двух тигров и девяти быков встречается в китайской литературе с давних пор, например в драме XIII—XIV вв. «Три боя с Люй Бу» [см. 104, I, 21а]. Однако любопытно, что в романе о Сюэ Жэнь-гусе и в устном дунганском сказании эта сила героя поясняется как бы через элементарное вполне материальное действие: он обретает ее, съев этих животных. Причем тот факт, что по мнению сказителя, он съедает туши настоящих тигров, наводит на мысль, что в ранних вариантах сказаний, видимо, и туши быков были настоящие, а изображения, сделанные из теста, есть здесь результат общей рационализации, которую мы уже отмечали выше, разбирая некоторые эпизоды романа. Выражение «сила девяти быков и двух тигров» (*цзюню эрху-чжи ли*) отмечено как постоянная гипербола в ряде словарей китайского языка, но без всяких примеров; в новейшем «Словаре устойчивых выражений» под ред. Ляо Тянь-хуа даже специально отмечается, что «происхождение его не известно» [136, 54], скорее всего можно предположить, что в письменный язык эта гипербола пришла из фольклора и связана с магической функцией еды (ср. распространенное представление о том, что съеденная печень врага придает победителю силу и храбрость).

Старуха — хозяйка пещеры в нашем варианте вполне соответствует богине Цзютянь сюаньной нянтян (Темной деве — царице девяти небес), которая выведена в тексте романа. Совершенно естественно, что это божество китайской даосской мифологии, почти неизвестной среднеазиатским дунганам, заменяется в повествовании просто образом сказочной старухи (любопытно, что, например, монгольские сказители, исполняющие произведения по мотивам старинных китайских романов, заменяют этот образ соответствующим образом ламаистской мифологии — богиней Балден-лхама). Согласно дунганской версии Сюэ Жэнь-гуй получает в пещере (т. е. подземном мире) оружие (меч), коня, белую одежду и небесную книгу судеб. Здесь рассказчик также довольно близко следует тексту романа, где говорится, что богиня дарит герою пять чудесных предметов: плетку белого тигра, которой следует стегать врага (Кэ Со-

¹ Необходимо пояснить, что дунгане по праздникам действительно пекут на пару так называемые хуа момо (букв. «узорные хлебцы»), представляющие собой сделанные из теста фигурки животных (зайца, ежа и т. п.).

муна), халат, защищающий от воды и огня, лук, потрясающий небо и землю, пять стрел, пронзающих облака, и небесную книгу, по которой герой может узнать судьбу. Как видим, и здесь, при некотором отличии деталей дунганский вариант близок к тексту романа, в свою очередь основанного тоже, конечно, на старинных легендах и сказаниях.

Особо следует сказать еще несколько слов о концовке дунганского варианта. Концовка эта бесспорно типично сказочная — герой становится государем. Она не соответствует, конечно, реальной истории: Сюэ Жэнь-гуй так и остался крупным военачальником, но вовсе не стал императором. Однако в пьесе XVII—XVIII вв. «Усмирение Тяньшаня» говорится о женитьбе Сюэ Жэнь-гуя на когурёской (корейской) принцессе [см. 125, III, 1700]. По-видимому, в обоих случаях мы имеем дело с влиянием сказочной поэтики.

В целом, как видно из проведенного сопоставительного анализа, дунганский вариант во многом следует тексту старинного романа и представляет собой типичный сказительский вариант, близкий к тем, которые рассказывают профессиональные китайские сказители-шошуды.

№ 75.

В оригинале «Хуонтяньба», зап. М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в 1959 г. в с. Каракуруз Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; Eb — нет.

Настоящее повествование, как и предыдущее (№ 74), представляет собой сказительский пересказ эпизодов из истории богатыря Хуон Тяньба (кит. Хуан Тянь-ба), образ которого выведен в известном судебном романе конца XVIII — начала XIX в. «Дела судьи Ши» («Ши гунъань»), переложенном впоследствии на монгольский язык и весьма популярном у монголов [см. 219, 12—40], на эти же сюжеты в Китае было создано и много пьес, некоторые из которых по содержанию не имеют связи с романом (см. содержание более 20 пекинских пьес этого цикла в каталоге Тао Цзюнь-ци [118, 287—294]).

Роман «Дела судьи Ши», огромный по объему, посвящен описанию бесконечных судебных дел, умело разбираемых мудрым чиновником Ши Ши-лунем (в дунганской версии он именуется Сыбуцунань, видимо, искаженное от кит. Ши Бу-цунань — одного из имен героя в романе¹), а также многочисленных подвигов силача Хуан Тянь-ба (дунг. Хуон Тянь-ба), который сперва, будучи связанным с разбойниками, покушается на жизнь Ши Ши-луня, а потом верно служит ему, выручая сотни раз своего патрона из беды [см. 191, 65—67]. Прообразом Ши Ши-луня в романе послужил реальный Ши Ши-лунь (1658—1722), которого называли «первым по честности чиновником Поднебесной» [см. 214, 653—654].

Дунганский сказ представляет собой короткий устный вариант сюжета, в котором на первое место, в отличие от романа, выдвигается не мудрый чиновник, ловящий преступников, а храбрец Хуан Тянь-ба. Его

¹ Фамилия мудрого судьи Ши осмыслялась в народной традиции как ши — «десять», прозвище его Ши Бу-цунань истолковывалось как «Десять недостатков», так как согласно народной молве судья Ши был ростом мал, внешностью безобразен, один глаз его плохо видел, рука была скрючена, поясница не разгибалась, левое плечо было выше правого, одна нога хромая, половина левого уха отсутствовала, шея была короткая, а нос кривой.

именем называется сказ и в варианте Чжинлирова Сувы, и в варианте, начало которого было записано Б. Рифтиным в 1954 г. в соседнем селе-нии Шор-Тюбе также от дунган шэньсийской группы. Начало переведенного варианта создано явно под влиянием эпических представлений о детстве будущего богатыря, изображенного немощным и больным ребенком, наподобие немощного, сидящего на печи «в гноище» Ильи Муромца из русских былин [см. 170, 133]. Упоминание о таком его «параличном» состоянии есть и в варианте, частично записанном Б. Рифтиным. Герой исцеляется чудесным образом от своей болезни после того, как видит свою внешнюю душу — белого тигра, бегущего по стене. Можно предположить, что в представлении создателей этой легенды (вспомним, что в некоторых вариантах сказания о Сюэ Жэнь-гуе внешняя душа героя тоже воплощалась в облике белого тигра, а в юсуровском варианте истории Сюэ Пин-гуя белый тигр есть внешняя душа сына героя [см. 13, 135]) белый тигр есть как бы отделенное от героя его второе «я», его душа, которая вдруг вернулась в тело и придала герою отсутствовавшие у него прежде силы. Не исключено, что появление белого тигра в дунганской версии как-то связано с одновременным убийством отцом героя черного тигра, который пожирал людей (этот эпизод есть в версии, записанной Б. Рифтиным)¹.

Дальнейшее развитие действия в дунганском варианте показывает влияние на него представлений о героях-молодцах из стана Лёнсаньбо (кит. Ляншаньбо), идущих от цикла «Речных заводей». В романе «Дела судьи Ши» и в пьесах герой просто водит дружбу с «храбрецами зеленых лесов». Вместе с тем эпизод, в котором описывается, как Хуан Тяньба является к сановнику и хочет убить его, а потом предлагает просто забрать печать-символ власти, довольно точно соответствует тексту романа [цзюань 1, гл. 29—30—138, 1, 28]. В романе герой является ночью в дом Ши Ши-луна и требует освобождения брошенных в тюрьму молодцов, грозя в противном случае убить чиновника, но потом решает просто потребовать печать (никакой сцены с закрытием глаз и лица, с мечом, который не хочет рубить голову сановника, в книжной редакции нет). На вопрос о своем имени храбрец, как и в дунганской версии, отвечает, что его зовут «Я — это я» (*во цзю цзю во*). Вместо печати в романе герой получает тоже пустой сверток. Впоследствии, будучи пойманным, он становится верным слугой Ши Ши-луна.

¹ Эта вторая версия начинается вообще с истории отца Хуон Тяньба по имени Хуон Саньтэй (кит. Хуан Сань-тай). Отец героя, проболелший три года тифом, наконец выздоровел и отправился в провинцию Хунань. По дороге он присел отдохнуть у подножия горы на ступенях старинного храма. Пока он спал, из храма вышел монах и стал носить воду (ср. аналогичный эпизод с самим Хуан Тянь-ба в публикуемом варианте). Монах предупреждает героя о страшном черном тигре-людоеде и советует ему поскорее уйти. Отец героя храбро убивает тигра и несет его к императору. Государь дарит ему «семь ду и восемь даней» серебра и карего скакуна, но Хуон Саньтэй явно не хочет уходить и на вопрос государя поясняет, что дома у него остался сын, который лежит без движения. Государь, однако, уговаривает его вернуться. Герой соглашается. На этом запись была, к сожалению, оборвана, но и по ней очевидно, что этот вариант существенно отличается от публикуемого хотя бы по тому, что отец Хуан Тянь-ба должен возвратиться домой.

Другой эпизод — история с кражей печати Ши Ши-луня — также находит себе аналогии в романе и старинной драме. Так, например, в пекинской драме «Лихайу» рассказывается о том, как дядя государя пытался через одного евнуха умилостивить Ши Ши-луня, чтобы замять одно дело об убийстве. Ши Ши-лунь не соглашается, тогда жена преступника ночью похищает печать Ши Ши-луня, однако Хуан Тянь-ба удается ее отыскать, а преступника и его сообщника евнуха схватить [118, 290, № 30]. В другой пьесе, «Управа Хуайаньфу», также рассказывается о похищении печати Ши Ши-луня, которую воры прячут в даосском храме и которую тоже отыскивают Хуан Тянь-ба и его товарищи [118, 291, № 31]. Думается, что в дунганском варианте заметно и сильное влияние волшебной сказки, в частности в эпизоде спасения принцессы, похищенной оборотнем, и женитьбы на ней. Подобных эпизодов нам не удалось отыскать в тексте романа, который, однако, в разных изданиях несколько отличается друг от друга, что затрудняет сопоставление. В целом же дунганский вариант при всей своей демократичности, так же как и роман о судьбе Ши, несет на себе отпечаток легитимистских взглядов, недаром герой, только что горевший ненавистью к врагу благородных «разбойников» сановнику Ши (дунг. Сы), вдруг переходит к нему на службу и соглашается с ним, когда тот говорит, что «эти молодцы [т. е. герои гор Лёнсан.— Б. Р.] — все наши враги». Противоречивость позиции рассказчика отражают те же противоречия, что мы находим и в романе, где в гл. 63 (цз. 1), например, говорится, что Хуан Тянь-ба и его товарищи, «хотя и называются разбойниками, но грабят только алчных чиновников и нечестных служаек, а не отнимают ничего у одиноких путников и бедных торговцев» [138, I, 62]. Напомним еще и о том, что в нашем варианте странную и тоже противоречивую позицию занимает отец героя: он побратим чиновника Сыбуцуаня и одновременно друг молодцов с гор Лёнсань, хотя, казалось бы, одно должно исключать другое.

№ 76.

В оригинале «Шёкур», зап. М. Хасановым от Щимеева Исмара в 1959 г. в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина; Еб — нет.

Данное сказание представляет собой переработку старинного китайского романа «Сюэ Ган выступает против Тан» («Фань Тан яньи») и связанных с ним преданий. Вместе с тем в дунганском сказании заметно и сильное влияние поэтики волшебной сказки и эпоса (борьба со змеелюдом, добывание чудесных коней, бой отца с сыном, а также сказочный конец — воцарение на престоле рода Ще). К сожалению, отсутствие в наших библиотеках романа «Сюэ Ган выступает против Тан» не дает возможности провести детальное сопоставление. Можно сказать лишь, что Ще Кур дунганской сказки есть, видимо, Сюэ Куй — один из сыновей Сюэ Гана. В нашем варианте его образ заместил образ отца. Судя по сюжетам пекинских драм этого цикла в романе не старик Ма Сань, а Сюэ Цэ — потомок сановника Сюэ Мао-гуна, персонажа разобранного выше сказания о Сюэ Жэнь-гуе, подменяет своим сыном малолетнего представителя рода Сюэ — Сюэ Цзяо. По-дунгански это имя должно звучать как Шюэ Чжэ или Ще Чжэ, а не Ще Гор, что, по-видимому, происходит от имени самого Сюэ Гана [см. 118, 112—113, № 76—79]. Упоминаемая в дунганском сказании гора Чжицзосань есть, наверное, искаженное название горы Цзичжаошань — Петушинный коготь — место разбойничьего стана

из другого цикла сказаний о героях той же эпохи Тан, связанных с романом «Лавка помады и пудры» («Фэньчжуанлоу» [см. 118, 117, № 96]).

№ 77.

В оригинале «Чжон-янь дэй Быйюйлун», зап. М. Хасановым от Бэгэзы Эрли в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский диалект, пер. М. Хасанова. Дунганский оригинал опубликован [7, 115—128], перевод сделан по рукописному варианту, несколько отличающемуся от опубликованного; Еб — нет.

Также повествование типа народной повести, построенное по образу авантюрного произведения с переодеванием, встречами с разбойниками, состязаниями в силе и ловкости. По некоторым данным (устная консултация с монгольским сказителем Самбодашем), источником этого повествования послужила китайская повесть «Чжан Янь прогоняет жену» (*Чжан Янь сю ци*), текст которой отыскать нам пока не удалось.

№ 78.

В оригинале «Шюэлисунтань», зап. М. Хасановым от Чжонтая Гуйлина в 1959 г. в с. Каракуруз Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Шэньсийский вариант, пер. Б. Рифтина. Дунганский оригинал опубликован [7, 129—136]; Еб — нет.

Повествование типа народной повести, объясняющее известные еще в средневековом Китае поговорки: «В пургу приносить уголь» (*сюэ-чжун сун тань*), т. е. делать нечто очень полезное в нужный момент, и «На парче добавлять узоры» (*цзинь шан тянь хуа*), т. е. украшать и без того красивую ткань — делать то, без чего и так прекрасно можно обойтись. Обе эти поговорки сложились в Китае к эпохе Сун (X—XIII вв.), так как встречаются у тогдашних поэтов Фань Чэн-да, Ван Ань-ши, Хуан Тинцзяня [136, 812, 826]. В простонародной литературе отмечены и случаи их соединения. Так, в романе Вэнь Кана (XIX в.) «Повествование о героях и героинях» говорится: «Чувства людей в этом мире тонки, как бумага, есть только такие, которые добавляют узоры на парче, но кто согласится в пургу принести уголь» [136, 826]. Аналогичное соединение мы находим и в конце дунганского сказа. Следует еще отметить, что заключительный эпизод нашего варианта (герой-бедняк приносит в подарок правителю, некогда спасенному им от холода, бутылку вина, разбавленного водой) напоминает аналогичную сцену из романа «Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток», где разносчик Ван, некогда спасший Сюэ Жэнь-гуй от смерти, потом является к герою, ставшему знаменитым полководцем, и подносит ему два кувшина воды вместо вина [116, 180—181].

СЮЖЕТЫ СКАЗОК, НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК¹

1. «Чжон Чён ищет жену» («Чжончён щян чи»). Зап. в 1964 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ (ганьсуйский вариант).

Юношу и девушку, любящих друг друга, разлучают злые люди. Девушку выдают замуж за сына богача. Когда ее везут в паланкине в дом жениха, девушку похищает рыба-чудовище. Юноша Чжон Чён, который любит девушку, отправляется на поиски. Благодаря помощи белобородого старца юноша убивает рыбу-чудовище, спасает любимую девушку и женится на ней.

Ср. китайскую сказку «Как юноша любимую искал» [см. 65, 61—65].

2. «Семь дочерей старика и старухи» («Лохань дэй лопорди чигэ нюр»). Зап. в 1962 г. у Нюсан Айшы.

У бедных стариков семь дочерей, родители решают от них избавиться. Старик ведет их в лес и оставляет там. Все дочери, кроме пятой дочери Вучжер, возвращаются домой. Ее подбирает Моенён — волосатая дикая женщина-людоедка и приводит к себе домой. Благодаря своей находчивости Вучжер спасается от гибели и, убив людоедку, возвращается домой с огромным богатством.

3. «Второй день второго месяца — дракон поднимает голову» («Эрюэ эр лун тэй ту»). Опубликована в дунганской газете «Шыюэди чи» («Знамя Октября») от 1, 5 и 15 марта 1968 г.

В подводном дворце живет старая самка дракона. У нее нет детенышей. Однажды она выходит на берег моря и проглатывает красное птичье яйцо. От этого она беременеет и скоро рождает дочь. Дочь вырастает и превращается в красавицу. К ней сватаются многие морские животные, но она отказывает им и хочет выйти замуж за человека-героя. Дочь

¹ Все сказки, изложенные здесь, записаны М. Хасановым у среднеазиатских дунган Киргизии и Казахстана. Оригиналы записей хранятся в Рукописном отделе АН Киргизской ССР. Изложение сюжетов сделано М. Хасановым, комментарии — Б. Рифтиным.

старой самки дракона покидает подводный дворец и совершает путешествие по суше. Она встречает голодного юношу-чабана и дает ему еду. Дочь самки дракона сотворяет луну, звезды, разделяет сутки на день и ночь. Она избавляет бедняков от богача и превращает его в улитку. В этом деле ей помогает юноша. В нем она видит того человека-героя, о котором мечтала, и выходит за него замуж.

4. «Малый вырывает дощечку» («Щё чён бань»). Зап. в 1959 г. у Эр-лизы Бэбзы.

У одного человека была два сына. Старшего звали Чжон Фий, а второго — Чжон Ху. Чжон Фий был женат и имел детей. После смерти их старой матери отец женится на вдове. Через несколько лет отец братьев умирает. Мачеха хочет завладеть имуществом и начинает преследовать братьев. После долгих приключений Чжон Фий при помощи бессмертного-шынцзя и тигрицы попадает в столицу. Там он женится на дочери богатого сановника. Наступает срок государственных экзаменов. Чжон Фий тоже участвует в них. Сдав успешно все экзамены, он становится чиновником по гражданским делам. Чжон Ху пускается на поиски старшего брата. Вихрь поднимает его и переносит в столицу, где живет Чжон Фий. Братья встречаются. Чжон Ху также сдает государственные экзамены в числе лучших и получает пост военного чиновника. В это время мачеха выгоняет из дома первую жену Чжон Фия с детьми. После долгих мучений она с детьми также попадает в столицу. Их находит Чжон Ху и сообщает об этом своему старшему брату. Вторая жена Чжон Фия обходится с ней очень ласково и признает своей старшей сестрой. В семье воцаряются мир и дружба. Чжон Ху женится на дочери крупного сановника. Братья посещают свои родные края. Мачеха посрамлена. Братья возвращаются в столицу, и каждый занимается своим делом.

5. «Мо Дафу лечит болезнь» («Модафу кань бин»). Зап. в 1959 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ.

Лекарь Мо Дафу после очередного посещения больного один возвращается домой и встречает огромного желтого волка, который поджидал его. По знаку волка Мо Дафу находит большой сверток, в котором оказываются золотые вещи. Он спрашивает волка, почему тот преградил ему дорогу и за что дает столько золота. После неоднократных расспросов Мо Дафу понял, что у волка кто-то заболел. Он идет за волком к входу в пещеру, где лежит огромная волчица. Мо Дафу замечает, что на голове волчицы большой нарыв. Он вылечивает ее, потом уходит из волчьего логова. Тут выясняется, что недавно был убит один богатый купец, который торговал золотыми вещами. Подозрение падает на Мо Дафу, так как у него находят золотые вещи, которые принадлежали убитому купцу. Мо Дафу сажают в тюрьму. Узнав, что Мо Дафу обвиняется в убийстве богатого купца, волки являются к уездному начальнику и оставляют ему один большой башмак. По этому башмаку уездный начальник находит настоящего убийцу, а Мо Дафу выпускают на волю.

Повествование представляет собой целую сказочную повесть объемом более 2 печ. л. Сюжет относится к типу, обозначенному в каталоге В. Эберхарда как «Благодарные звери» (Ев № 16).

6. «За добро платит злом» («Бу хашин»). Зап. в 1969 г. у Щимеева Исмара.

Один человек возвращается с базара и находит запечатанную в бутылке маленькую змею. Ему становится жалко ее, он отпускает змею на волю, а сам продолжает путь. Маленькая змейка следует за ним. Внезапно она превращается в большую змею и пытается его проглотить. Человек пугается и спрашивает, почему она хочет съесть его, ведь кроме добра он ей ничего не сделал. В ответ змея говорит, что по ее закону полагается за добро расплачиваться злом. Им навстречу попадают сначала три, потом пять, а затем тридцать человек. Этот человек им говорит, что из жалости он выпустил змею, а теперь она хочет его съесть. Прохожие ругают его за то, что он выпустил такую тварь на волю, говоря, что так, мол, ему и надо. В это время появляется дровосек. Это — бессмертный-пынцян. Он заманивает змею снова в бутылку, крепко закрывает ее и уносит с собой. Человек спасается от смерти.

7. «Воробей-хвастун» («Ганьгу мацэцзы»). Зап. в 1970 г. у Мадеюева Низама.

Один воробей, поев свинины, стал хвастаться, говоря, что он даже желтого и черного ястреба не боится. Не успел воробей договорить, как оказался в лапах ястреба. От страха он начинает называть ястреба своим дедом и отцом, поясняя, что у него закружилась голова и поэтому он говорил всякий бред.

8. «Ахун и Волк» («Ахун дэй лон»). Зап. в 1959 г. у Щимеева Исмара.

Один ахун (духовное лицо) по дороге в другую деревню встречает волка. Волк спрашивает его, кто он, куда и зачем идет. Ахун отвечает, что он ахун, был в одной деревне, съел там сто баранов и теперь отправляется в другую деревню, надеясь и там съесть столько же. Волк пугается, как бы этот ненасытный ахун и его не съел, и убегает от ахуна.

9. «Дырявый котел» («Го лу»). Зап. в 1959 г. у Дунларова Шэрба, ученика средней школы г. Токмака (шэньсийский вариант).

Жили старик со старухой. В разговорах старуха часто говорила старику, что она больше всего на свете боится, как бы не было го лу, т. е. котел не дал бы течь. В это время на крыше находился вор, который хотел украсть у стариков единственного теленка, и слышал все эти разговоры. Этот разговор слышал и тигр, который тоже хотел стащить теленка. Вор прыгает с крыши прямо на тигра. Тигр думает, что на него свалился сам «го лу», а вор думает, что он упал на «го лу». Испуганный тигр уносит на своей спине вора. Вор на ходу цепляется за сучок и лезет на дерево. Обезьяна уговаривает тигра возвратиться и вместе съесть «го лу», однако сама становится жертвой тигра.

Сказка представляет собой дунганский вариант чрезвычайно распространенного на Дальнем Востоке сюжета (рус. пер. китайского варианта под названием «Как тигр Кап-капа испугался» см. в сб. «Китайские народные сказки» [65, 145—147]), восходящего к индийскому первоисточнику. Анализ разных вариантов в сопоставлении с древнеиндийской притчей из «Панчатантры» дан в работе Б. Рифтина «Типология и взаимосвязи средневековых литератур» [188, 79—81].

10. «Три сына старухи» («Лопорди саньгэ эр»). Зап. в 1959 г. у Чжинлирова Сувы.

У одной старухи было три сына. Старуха отдает старшего сына в ученики злому сапожнику. Сапожник приказывает ему принести воду в сите, он, естественно, не выполняет поручение, и сапожник убивает его. Такая же участь постигает и второго сына старухи. После гибели двух старших братьев, младший сын старухи сам является к злому сапожнику и выполняет его поручение. Замазав дно сита, младший сын старухи приносит сапожнику в сите воду. Сметливость юноши настораживает сапожника, он начинает его бояться. Младший сын старухи мстит сапожнику. Сначала он убивает малолетнего ребенка сапожника, а затем самого сапожника и его жену. Овладев всем богатством злого сапожника, младший сын старухи возвращается домой.

11. «Дети старика» («Лоханди эр-нью»). Зап. в 1970 г. у Шимеева Исмара.

У одного старика было три сына и две дочери. Дочерей он выдает замуж, а сыновей женит. После смерти матери сыновья перестают заботиться о своем отце. Старик вынужден идти на улицу просить милостыню. Однажды он совсем уходит из дома и попадает в другой город, где находит приют у одного доброго человека. Он признает старика своим приемным отцом. Добрый человек не заставляет старика работать, одевает, кормит и дает хорошего коня. Узнав о том, что у старика есть сыновья, которые не хотят заботиться об отце, он набирает множество камней и каждый камень так заворачивает в бумагу, что он напоминает слиток серебра. Завернув все камни в бумагу, он грузит мешки с ними на коня и отправляет своего приемного отца к его сыновьям. Узнав о том, что отец вернулся с богатством, сыновья наперебой начинают заботиться о нем. Когда старик умирает, сыновья после похорон раскрывают мешки, но вместо богатства находят одни камни, завернутые в бумагу. На каждом камне было написано: «Сердце родителей — в детях, а сердце детей — в камнях».

12. «Дети» («Эр-ньюмуди»). Зап. в 1959 г. у Харсанова Мава (шэньсийский вариант).

У одного старика было три сына. Он их женит, но те после женит-бы перестают заботиться о старом отце. Старик зовет по очереди сыновей и говорит каждому, что в углу дома зарыто много слитков серебра. Сыновья наперебой начинают кормить и одевать старого отца. После его смерти, сыновья выкопали из земли камень вместо серебра, на котором была написана народная мудрость: «Нён-лоцзыди щин цзэй эр-ньюшон, эр-ньюди щин цзэй шытушон», т. е. «Сердце родителей — в детях, а сердце детей — в камнях».

№ 11 и 12 — варианты одного сюжета.

13. «Три дочери старика» («Лоханьди саньгэ ньюцзы»). Зап. в 1959 г. у Дунларовой Яняр (шэньсийский вариант).

У старика и старухи три дочери, все замужем. Однажды старик отправляется навестить своих дочерей. Сначала он заходит к старшей дочери, но она не кормит его, ссылаясь на то, что на луке роса. Старик посещает вторую дочь, и она его не кормит, говоря, что не может идти за

овощами, так как солнце сильно печет. Старик идет к третьей дочери, но и она находит причину, чтобы не угостить отца, и плотно закрывает крышку котла, где готовились на пару манты. Старик возвращается ни с чем к своей старухе и ест ужин, который она ему подает.

14. «Слепой и безногий» («Хазы дэй мотуйди»). Зап. в 1970 г. у Хананова Ахмеда (Дэва) (шэньсийский вариант).

Подружились безногий и слепой. Помогая друг другу, они просили у людей подающие и тем жили. Черту захотелось их поссорить. Он ходил за ними три года, но у него ничего не получалось. Тогда он, приняв человеческий облик, идет к одному зловредному человеку и жалуется ему, рассказывая о напрасно потерянном времени. Зловредный человек говорит черту, что берется к следующему утру их поссорить. Черт не верит. Зловредный подходит к слепому и безногому и дает три монетки, громко говоря при этом, что дает пять. Безногий, не глядя, кладет деньги в карман. Вечером они подсчитывают деньги, и не хватает двух монеток. Слепой обвиняет безногого в обмане, но безногий говорит, что он честный и не обманывает друга. Они ссорятся. Рассерженный слепой выходит из пещеры, падает в пропасть и там погибает, а безногий не может двигаться и умирает от голода. Черт потрясен проделкой зловредного человека.

15. «Вредишь другому — вредишь самому себе» («Хэй жың, хэй цычжи»). Зап. в 1959 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ (ганьсуйский вариант).

Жили три брата: старший — Люй Далон, средний — Люй Эрлон и младший — Люй Саньлон. Люй Далон занимался мелкой торговлей и часто отлучался из дома. Однажды, когда Люй Далона не было дома, Люй Эрлон продал одному человеку его маленького сына, своего племянника. Потом он проиграл и невестку — жену Люй Далона, которую увозят из родных мест. Люй Далон надолго задерживается на чужбине. Случайно он находит полный кошелек денег. Появляется хозяин кошелька, и он возвращает ему все деньги в полной сохранности. Тот сообщает своему хозяину о честности Люй Далона. Хозяин приглашает его в гости. Здесь он видит своего сына. Отец с сыном возвращаются домой. Люй Эрлон со стыда навсегда уходит из дома. Люй Далон с семьей живет в мире и согласии.

16. «Эрсма» («Эрсма»). Зап. в 1967 г. у Джапарова Нурузы (Нура) (ганьсуйский вариант).

Честный юноша-крестьянин по имени Эрсма однажды подбирает яблоко, которое приплыло по реке. Но прежде чем съесть яблоко, он решает найти хозяина и спросить у него разрешения. Юноша идет вверх по течению и видит большой сад. Он находит хозяина сада и объясняет ему цель своего прихода. Хозяин удивляется его честности и решает испытать юношу. Он говорит Эрсма, что разрешит ему съесть яблоко, если он женится на его уродливой дочери. Эрсма соглашается. В день свадьбы, когда юноша входит в комнату к невесте, то видит там красавицу. Он требует у хозяина сада его уродливую дочь. Хозяин уверяет юношу, что красавица и есть его невеста, так как он думал просто испытать его. Эрсма возвращается к невесте, и они живут счастливо до глубокой старости.

17. «Старый учитель» («Ло сыфу»). Зап. в 1974 г. у Лосаня Бэкэра в с. Шор-Тюбе (ганьсуйский вариант).

У императора есть единственный сын, которого он очень балует. Он отдает его в школу, однако тот плохо учится и издевается над своими сверстниками. Ученики жалуются старому учителю, и тот его наказывает. Сын императора, в свою очередь, жалуется своему отцу. Император гневается и отправляется в школу. Испуганный до смерти старый учитель в ответ на вопросы государя говорит, что его сын плохо учится. Император, недовольный старым учителем, собирается уходить, и тут старый учитель произносит пословицу: «Няньчыгли сыгэ минчжюнь, няньбучыяли сыгэ хунчжюнь», т. е. «Выучившийся становится благородным правителем, невыучившийся станет дурным правителем». Император задумывается над этими словами, извиняется перед старым учителем и издает указ, который гласит, что любой человек, кто бы он ни был, должен слушать и уважать своего учителя, так как тот является наставником в благородных делах.

18. «Лу Ё узнал Ма Чжуона, а затем увидел его сердце» («Луё чжы Мачжуон, гоху чжян жын цин»). Зап. в 1959 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ (ганьсуйский вариант).

Некий Ма Чжуон отправляется в столицу участвовать в экзаменах, однако у него кончаются деньги, и на полпути он останавливается у одного богатого человека по имени Лу Ё, который, в отличие от других богатей, свое богатство направлял только на добрые дела. Он братается с Ма Чжуоном. Благодаря помощи Лу Ё Ма Чжуон снова отправляется в столицу. Там он выходит первым на экзаменах и получает звание чжуньчжюаня. Проходит много лет, Лу Ё разоряется и идет к Ма Чжуону за помощью, но тот его принимает очень холодно. Лу Ё сожалеет, что напрасно пришел к нему. Он возвращается обратно, однако по дороге неизвестные люди часто приглашали его к себе и угощали вкусными кушаньями. Он добирается до своего дома, но вместо его старой фанзы мастера уже поставили новый двухэтажный дом. Узнав о том, что дом был построен по приказу Ма Чжоуна, Лу Ё безгранично радуется. Когда он умирает, Ма Чжуон как старший брат хоронит его с почетом.

19. «Плешивый, слепой и карлик состязаются в сложении стихов» («Туцзы, хацзы, понцзы — саньгэ цзо сыни»). Зап. в 1959 г. у Цзинлирова Сувы (шэньсийский вариант).

Плешивый, слепой и карлик решили состязаться в сочинении стихов, кто не сможет — тот должен остальных пригласить в харчевню. Плешивый и слепой сочиняют стихи, а карлик не может и убегает от них. Жена карлика вступает в спор с плешивым и слепым. Она сочиняет стихи и называет в них слепого своим внуком, а плешивого своим сыном и выходит победительницей.

20. «Злой червь» («Нэчун»). Зап. в 1967 г. у Харсанова Мава (шэньсийский вариант).

Некий человек на осле отправляется в Мекку. По пути он располагается отдохнуть возле пшеничного поля. Он засыпает. В это время его осел объедает пшеницу на краю поля. Огорченный путник оставляет ар-

буз на том месте, где его осел съел пшеницу, и едет дальше. Хозяин поля видит какое-то странное существо, которое съело его пшеницу, он пугается и зовет соседей. Все боятся подойти к арбузу. Один «смелчак» по имени Исма берет палку и так ударяет по арбузу, что семечки разлетаются во все стороны. Люди радуются, что избавились от страшного существа, а то его дети расплодились бы и съели у них всю пшеницу.

21. «Арбуз» («Щигуа»). Зап. в 1967 г. у Юсурова Харсана (ганьсуйский вариант).

Два человека из Кули отправились на запад и издалека заметили какое-то полосатое круглое существо. Они приняли его за оборотня-ёгуэя, а это был просто арбуз. С ружьями они с двух сторон подкрались к арбузу. Один из них выстрелил по арбузу и пробил дырку, из которой потекла красная вода, а одно семечко рикошетом ударило стрелка и приклеилось ко лбу. Тот очень испугался, подумав, что это мстит ему сын оборотня. Второй путешественник, чтобы спасти своего друга от сына оборотня, выстрелил по семечку. В это время подошли еще два человека. Увидев, что один лежит без движения, а другой стоит над ним, они спросили, в чем дело. Стрелявший в семечко рассказал им, что они убили ёгуэя, а сын оборотня, в свою очередь, убил его товарища.

22. «Бестолковый чиновник» («Худугуань шонжын»). Зап. в 1959 г. у Чжоншанло Чжантяньхэ (ганьсуйский вариант).

Бестолковый чиновник посылает своего помощника за человеком, который разумеет грамоту — хуэй цэй вын, а тот приводит портного — хуэй цэй фы н. Чиновник радуется, что теперь имеет дело с грамотным человеком и задает ему несколько вопросов по тексту классиков, но тот отвечает в соответствии со своим ремеслом. Узнав о том, что он не ученый, а обыкновенный портной, чиновник приходит в ярость и называет его ш о ц зы — «дурак», а тому слышится т о ц зы — «персик». Чиновник штрафует его на два даня пшеницы — лён дань мый цзы, а портной понимает, что чиновник требует у него двух сестер — лён гэмый цзы. Он приводит свою жену и сестру. Увидев красивых женщин, чиновник пускается в пляс.

23. «Уездный начальник-дунганин» («Лохуэйхуэйди цяньгуань») Зап. в 1967 г. у Харсанова Мава (шэньсийский вариант).

Одна молодая женщина проходит мимо кладбища. В это время два могильщика копают могилу для умершего вчера человека. Увидев красивую женщину, могильщики хватают ее и насилуют и затем, убив, закапывают на дне свежей могилы. Вскоре люди приносят покойника, его хоронят в той же могиле. Два семейства — родные женщины и семья ее мужа — ищут пропавшую женщину, но не находят, жалуются друг на друга уездному начальнику, который был дунганином. Начальник ничего не может сделать. Однажды он в паланкине проезжает мимо того кладбища, и перед ним вдруг кружится «вихренок». Он стал наблюдать за ним. «Вихренок» кружился, кружился, долетел до одной свежей могилы и там исчез. Уездный начальник в присутствии людей приказывает раскопать могилу, но там лежит другой человек. Тогда он сам лезет в могилу, внимательно осматривает дно и замечает, что оно очень рыхлое.

Уездный начальник берет лопатку и начинает копать. Он извлекает убитую молодую женщину. Могильщикам приходится признаться в своем преступлении, их приговаривают к смертной казни. Оба семейства в великом горе хоронят молодую женщину.

24. «Чын Лоху продает носилки» («Чынлоху мэй гэйбацзы»). Зап. в 1959 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ (ганьсуйский вариант).

Герой сказки Чын Лоху очень сильный человек, он защитник бедняков, и за это его сажают в тюрьму. С вступлением на престол нового императора в государстве объявляется амнистия. Как и других преступников, Чын Лоху освобождают. Он продолжает борьбу в защиту бедняков, держа богачей в страхе. Чын Лоху случайно встречается с человеком по имени Ю Чжунда. Они вдвоем уходят в горы и там поднимают восстание во имя справедливости.

25. «Вонцир покупает отца» («Вонцир мэй лоцзы»). Зап. в 1959 г. у Чжинлирова Сувы (шаньсийский вариант).

Императрица родила крупный арбуз. Она думает, что это какая-то нечисть, и выбрасывает его в реку. Арбуз плывет по течению и его подбирает рыбак. Когда он разрезает арбуз, оттуда выходит мальчик, которого он усыновляет. Рыбак дает мальчику имя Вонцир. Когда Вонциру исполнилось двенадцать лет, он как-то позвал отца, но приемный отец пугается его громкого голоса и тут же умирает. Тогда он зовет приемную мать, у той от испуга разрывается сердце. Вонцир остается один и начинает нищенствовать. Вскоре он женится. Жена рождает ему двух детей. Император вдруг видит во сне одно дерево с двумя плодами. Это Вонцир и его дети. Император передевается и идет искать сына. На базаре он сам себя продает Вонциру и попадает к нему домой. Вскоре Вонцир признает в старике своего отца. Весть об этом доходит до императрицы, она забирает всех во дворец, и они живут счастливо.

26. «Подмена новорожденного кошкой» («Лимо хуань тэй»). Зап. в 1962 г. у Харсанова Баги в с. Кен-Булун.

У императора с императрицей не было детей. Однажды императрица чувствует, что скоро станет матерью, и сообщает об этом своему мужу. Отправляясь по важному делу, император покидает дворец; в это время императрица рождает сына. Придворные, ненавидевшие императора, замышляют недоброе. Подкупив няню, они подменяют новорожденного ободранной кошкой, а младенца кладут в ящик, бросают в реку, пустив при этом слух, что императрица якобы родила нечисть. Об этом сообщают императору. Тот в гневе приказывает выгнать императрицу из дворца. Ее бросают в безлюдной пустыне, а младенца подбирает рыбак и усыновляет. Император сожалеет о своем поступке и тайно отправляет во дворец своего друга. По дороге, в пустыне тот наталкивается на еле дышащую императрицу. Она ему говорит, что не знает, за что ее выгнали. Друг императора признает императрицу за родную сестру, берет ее с собой и ночью идет с ней к себе домой. Он возвращается к императору, но ничего ему не говорит об императрице. Проходит много времени император решает жениться, но как только вспоминает о своей прежней жене, тут же отказывается от своего намерения. Он навещает дом своего

друга, а потом женится на его сестре, которая оказывается императрицей. Он узнает от нее всю правду и допрашивает няню. Няня без утайки рассказывает. Злодеев хватают и сажают в тюрьму. Император находит своего сына. Он забирает его с приемными родителями во дворец. Враги уничтожены. Впоследствии сын занимает престол своего отца. При помощи родителей он справедливо управляет страной.

Данная история представляет собой вариант широкоизвестного в китайском фольклоре и простонародной литературе сюжета о царевиче, подмененном кошкой. Впервые это сказание было изложено письменно в виде народной повести, по всей вероятности, еще в XII—XIV вв. (см.: Сунь Кай-ди, Чжунго тунсу сяошо шуму (Каталог китайской популярной прозы). Пекин, 1957). Повесть эта до нашего времени не дошла. В то же время была создана и драма на этот сюжет под названием «Прижимая к груди короб с туалетными принадлежностями» (в таком коробе сановник Чэнь Линь вынес младенца из дворца); позже возникло и немало других драматических произведений на ту же тему. Поздние пьесы (например, пекинская драма — *цзинцзюй*) так и назывались «Лимао хуань тайцзы» — «Кошкой подменяют царевича» (в нашем варианте слово *тайцзы* — в дунганском произношении *тэйцзы* заменено сходным по звучанию словом *тэй* — букв. «матка», здесь в значении «новорожденный»). Эта же история подробно изложена в романе «Трое храбрых, пятеро справедливых» («Сань ся у и»), сочинение которого приписывается известному народному рассказчику второй половины XIX в. Ши Юйкуню [206, 9—41]. Об упоминавшемся выше раннем драматическом варианте см. у Лю Цзинь-тана [110, 379—382].

27. «Чын Шымый не признает мудрую жену» («Чыншымый бу жын цяньчи»). Зап. в 1973 г. у Люхузаевой Хэчер в г. Алма-Ата (ганьсуйский вариант).

Семья по фамилии Чын живет очень бедно, у них есть единственный сын Чын Шымый. Его женят на умной девушке. С помощью жены Чын Шымый получает образование и отправляется в столицу для сдачи государственных экзаменов. Сдав экзамены, он остается в столице, скрыв от императора, что у него есть жена и двое сыновей, он женится на дочери государя. Первая жена и двое сыновей отправляются в столицу на поиски мужа. Чын Шымый видит их на перекрестке, но делает вид, что не узнает их; возвращается во дворец и посылает человека, который должен тайно убить первую жену и детей. Узнав от женщины о коварстве Чын Шымыя, тот советует ей идти к мудрому правителю Бо Лэ (Бо-вынчжону), и сам кончает жизнь самоубийством. Первая жена Чын Шымыя с детьми идет к Бо-вынчжоу. Узнав о нечестности зятя императора, Бо-вынчжон гневается. Он забирает женщину с детьми к себе домой. Бо-вынчжон предлагает Чын Шымыю принять первую жену и своих детей, но тот отказывается от них. Судья несколько раз дает ему совет, и каждый раз он получает отказ. Тогда разгневанный Бо-вынчжон приговаривает Чын Шымыя к смертной казни. Никто не может спасти Чын Шымыя от справедливого наказания. Император тронут преданностью первой жены Чын Шымыя, он забирает ее с детьми во дворец и воспитывает двух сыновей Чын Шымыя. Став взрослыми, те получают должности полководцев и становятся опорой государя.

Действие этой истории, как и предыдущей (№ 26), относится к периоду правления сунского императора Жэнь-цзуна (правил с 1022 по

1063 г.), она входит в цикл произведений о мудром судье Бао (дунг. Бо), распутывавшем самые сложные преступления и смело наказывавшем преступников, невзирая на чины и звания (подробно о нем см.: Б. Рифтин. Сказитель Ши Юй-кунь и его истории о мудром судье Бао и храбрых защитниках справедливости [206, 5—18]). История Чэнь Ши-мэя (дунг. Чын Шымый) широко известна в Китае в различных драматических вариантах, часто под названием «Цинь Сян-лянь» (по имени первой жены героя). Она достаточно популярна и у среднеазиатских дунган. Кроме изложенного здесь прозаического ганьсуйского варианта Люхуаевой Хэчер в 1953 г. в с. Милянчуан недалеко от г. Фрунзе от колхозного полевода Ш. Хавазы Б. Рифтиным была записана песня под тем же названием «Чын Шымый не узнает прежнюю жену» [см. 23]. Сам Ш. Хаваза утверждал, что песня представляет собой арию из музыкальной драмы, которую он запомнил, услышав от нищего старика, когда-то жившего в доме его отца (о драме, посвященной Чэнь Ши-мэю, см.: Л. Н. Меньшиков, Современная реформа китайской драмы [169, 113—114]).

28. «Убив собаку, вразумляет жену» («Са гу чюань чи»). Зап. в 1959 г. у Эрлизы Бэбэзы (ганьсуйский вариант).

Герой сказки Цо Чжуон, сдав государственные экзамены по военному искусству, возвращается в деревню для того, чтобы ухаживать за восьмидесятилетней матерью. Он становится дровосеком. В его отсутствие жена избивает старую мать. Узнав о бесцеремонности жены, Цо Чжуон сильно гневается и, взяв в руки меч, гонится за женой. Испуганная жена бежит от него, но на его пути попадает собака, и он в порыве гнева убивает собаку. Перепуганная жена дает ему слово, что она больше не будет избивать старую мать, и во всем становится послушной.

По всей вероятности, как и в предыдущем случае (№ 27), мы имеем здесь дело с пересказом сюжета популярной в Китае народной драмы, известной под тем же названием (кит. «Ша гоу цюань ци», имя главного героя в кит. чтении Цао Чжуан). Судя по данным Тао Цзюнь-ци, сюжет этот был известен в репертуаре многих местных разновидностей театра, в том числе и в северо-западных областях, откуда пришли предки среднеазиатских дунган [см. 118, 328, № 53]. Вообще подобные сюжеты широко известны и в мировом сказочном фольклоре (см. АаTh 901) («Укрощение строптивой»).

29. «В поисках пути в заводи у горы Лёнсань» («Зо Лёнсанбо»). Зап. в 1962 г. у Харсанова Баги в с. Кен-Булун Чуйского р-на Киргизской ССР (ганьсуйский вариант).

Некий человек выходит из дома и отправляется в путь. Он доходит до перекрестка четырех дорог, где стоит харчевня. Он входит туда и обедает. Ночью этот человек забирается на крышу харчевни и, опустив голову вниз, оглядывает комнату. В это время какой-то другой вор также забрался на крышу, пытается проникнуть в харчевню и украсть деньги хозяина. Пока второй вор искал сундук, первый похитил все деньги и быстро исчез. От шума хозяин харчевни проснулся. Он заметил, что приходили два вора и что пропали все деньги. На другой день оба вора, не узнав друг друга, ели и пили в той же харчевне. Второй вор вступает в драку с хозяином харчевни. Узнав о том, что второй вор пришел с гор

Лёнсань, хозяин харчевни извиняется перед ним и говорит, что он давно хотел присоединиться к молодцам из этого лагеря. Все эти разговоры слышал тот человек, который унес деньги. Храбрецы с горы Лёнсань узнали об этом, спустились с горы и вошли в харчевню. Ночью человек снова проникает в комнату хозяина харчевни и заявляет ему, что он украл у него деньги, и возвращает ему все деньги, а затем говорит, что он также искал храбрецов из Лёнсаньбо. Он, хозяин харчевни и его жена — втроем отправляются к храбрецам с гор Лёнсань и вместе с ними поднимают борьбу за справедливое дело.

История представляет собой пересказ сюжета из цикла сказаний о героях-повстанцах с горы Ляншань (дунг. Лёнсань), которые положены в основу известного китайского героического романа XIV в. «Речные заводи» («Шуйхучжуань»), автором которого считается Ши Най-ань (рус. пер. см.: Ш и Н а й - а н ь, Речные заводи, т. I, II. М., 1959), однако в романе подобный эпизод отсутствует. К сожалению, сказитель не помнил и имен героев. Б. А. Васильев, давший в начале 30-х годов первые сведения о дунганском фольклоре, отмечал наличие в репертуаре среднеазиатских дунганских сказителей и сказов на сюжеты «Речных заводов» [18, 246], но долгое время записать произведения этого цикла не удавалось. Кроме данной истории в Рукописном отделе АН Киргизской ССР хранятся еще тетради, переданные туда дунганским сказителем Чжонтяньхэ, содержащие его вариант сказа «У Сун убивает тигра», относящийся к этому же циклу.

30. «Дискуссия без слов» («Ями янцзы»). Зап. в 1959 г. у Чжоншонло Чжонтяньхэ (ганьсуйский вариант).

В Китае из государства Бохай прибывает человек с письмом, в котором говорится, что один из китайских мудрецов должен с этим человеком вступить в разговор без слов и угадать смысл каждого жеста и движения лица. В противном случае правитель Бохая пойдет-де на Китай войной. Никто из мудрецов не осмеливается вступить в разговор. В это время появляется некий мясник и вступает в беседу без слов с представителем государства Бохай. В результате случайного совпадения мимики и жестов он выходит победителем.

Оригинальная сказительская обработка известной простонародной повести «Ли Бо-небожитель, пьяный пишет письмо, устранившее государство Бохай» из сборника XVII в. «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу ци гуань») [см. 203].

31. «Вон-юаньвэй и Ма-юаньвэй» («Вонюанвэй дэй Маюаньвэй»). Зап. в 1973 г. у Люхузаевой Хэчер (ганьсуйский вариант).

Жили два юаньвэя: один по фамилии Вон, а другой — Ма. Они были бездетные и дали друг другу слово, в случае если у одного из них родится девочка, а у другого — мальчик, то они должны породниться. Жена Ма-юаньвэя рождает девочку; в это время в дом входит нищий, его хорошо принимают, и он дает девочке имя Цуйин. Жена Вон-юаньвэя рождает мальчика. К ним приходит нищий, но они его выгоняют. Нищий дает мальчику имя Чюнжын, т. е. Бедняк. Став взрослыми, дети полюбили друг друга. Вон-юаньвэй разоряется. Ма-юаньвэй отказывается породниться с Вон-юаньвэем и выдает свою дочь замуж за сына богача Ма Вона. От тоски по Цуйин Чюнжын умирает. Его хоронят. Ма Цуйин вы-

ходит из паланкина, в котором ее несли в дом богача Ма Вона, и приближается к могиле Вон Чюнжына. Могила разверзается, через трещину девушка входит в могилу, и она тут же снова закрывается. Впоследствии из могилы вылетают две красивые бабочки, которые порхают в воздухе.

Сказка представляет собой один из вариантов широко известного в Китае и сопредельных странах сказания о Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай (рус. пер. см. в кн. «Китайские народные сказки» [65, 312—317]; корейский вариант исследован в кн.: А. Ф. Тр о ц е в и ч. Корейская средневековая повесть [см. 200, 106—111]; другой дунганский вариант опубликован в записи и обработке Х. Юсурова [см. 14, 233—246] — «Лянсанби и Чжунин-тэ»). Вариант, слышанный в 1951 г. Б. Л. Рифтиным в с. Милянчуан от ганьсуйских дунган, назывался «Наньцюэсын-нюйцюэсын», т. е. «Ученик — ученица», и содержал ряд любопытных оригинальных деталей.

32. «Хуонсы» («Хуонсы»). Зап. в 1959 г. у Чжушлирова Сувы (шэньсийский вариант).

Два императора, Хий хуоншон — Черный император и Хуон хуоншон — Желтый император, были друзьями. На охоте они убивают стельную пятнистую оленюху. Оба сожалеют о своем поступке, так как их жены должны на днях рожать. Два императора дают друг другу слово, если у них родятся девочка и мальчик, то они должны породниться. Жена Черного императора рождает девочку, ее называют Хийнюр (букв. «Черная девушка»), а жена Желтого императора — мальчика, ему дают имя Хуонсы (от ху о н — «желтый»). Дети вырастают. Желтый император умирает. Черный император отказывается выдать свою дочь за Хуонсы, Хуонсы в табуна своего отца выбирает паршывого коня, который превращается в т я н ь л ю й - ч ж у й — «небесного скакуна». Он отправляется на поиски Хийнюр. В это время Черный император выдает свою дочь за сына другого государя. Хуонсы нанимается работником к Черному императору. Он проникает к Хийнюр, объясняет ей, кто он, затем вручает ей браслет, на котором выгравировано ее имя. В свою очередь, Хийнюр дает ему браслет, на котором выгравировано его имя. Они вместе убегают. Император-тесть идет войной против Хуонсы. Хуонсы выходит победителем, затем женится на Хийнюр. Сказка, по предположению М. Хасанова, представляет собой переложение узбекского варианта истории о Тахире и Зухре [см. 7, 11].

33. «Хуонфу» («Хуонфу»). Зап. в 1959 г. у Щимеева Юнуса (шэньсийский вариант).

У одного императора родится сын, которого называют Хуонфу. Уходя на войну против разбойников, император говорит домочадцам, что его сын станет богатырем, когда ему исполнится двадцать лет. Император терпит поражение, и разбойники берут его в плен. Через восемнадцать лет Хуонфу во сне является отец, который зовет его на помощь. Хуонфу отправляется на поиски отца. С помощью белобородого старца он достает коня, седло, меч и лук со стрелами. Он находит отца, они вдвоем побеждают разбойников, а самого главаря вешают. Хуонфу становится во главе разбойников и устанавливает мир и покой в стране. Старый император возвращается к себе во дворец и вскоре женит своего сына на умной девушке.

34. «Император Кан-си» («Конци»). Зап. в 1972 г. у Юсурова Харсана (ганьсуйский вариант).

Переодетый в простое платье император Кан-си инкогнито путешествует по стране. Он приходит в Хэчжоу и там вступает в спор с одной девушкой о сложении песни, но терпит поражение. Кан-си уходит отсюда, ночью добирается до провинции Ганьсу. Император голоден, но никто из хозяев харчевен его не пускает. Наконец его пускает один дунганин, хозяин харчевни, и кормит ужином. Они братаются. Уходя, император спрашивает у дунганина, сколько потребуется денег для постройки новой харчевни. Тот, не зная, что перед ним император, называет первые пришедшие ему в голову цифры. Через несколько дней появляются люди от императора и вручают ему деньги. Тут дунганин догадывается, кто ночевал у него и с кем он побратался. Он строит новую двухэтажную харчевню, по обе стороны ворот ставит императорские знамена. Кто бы ни проходил мимо его харчевни, обязан был кланяться. С того дня дунганин разбогател, а жена родила ему много детей, которые, когда выросли, стали знатными людьми.

35. «Маньсань и Эрли» («Маньсань дэй Эрли»). Зап. в 1967 г. у Джарова Нунузы (Нур) (ганьсуйский вариант).

Часть дунган, прибывших в город Ош, расположились в его окрестностях. Среди них были двое друзей. Одного звали Маньсань, а другого — Эрли. По ночам они грабят богачей. Местные власти хватают Маньсаня и сажают в тюрьму, но он бежит. Сколько его ни ловили, каждый раз Маньсань ухитрялся бежать. Наконец, Маньсань и Эрли решили прекратить грабеж и стать крестьянами, но у них нет волов, поэтому они угоняют у пристава двух упитанных лошадей. Пристав их арестовывает, тогда Маньсань и Эрли ему говорят, что они земледельцы. Узнав о том, что дунгане наследственные землепашцы, пристав пишет императору доклад с просьбой выделить дунганам землю. Император разрешает дунганам переселиться из Оша в Мерке. В тот год дунгане добираются до Джалнак-Тюбе, и остаются там жить.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

1. Бэгэзы Эрли (1899—1961). Жил в с. Каракунуз (Масанчин) Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР, работал в колхозе. Переехал из г. Кашгар (Синьцзян). Сказки рассказывал на шэньсийском диалекте. Кроме дунганского знал уйгурский язык. Грамотой владел слабо. В его репертуаре были песни, а также старинные драмы, исполняемые сольно, как большие песни. Мелодии этих песен весьма напоминали напевы из китайской классической драмы, постановки которой он, видимо, не раз видел, живя в Китае. Сказки рассказывал очень спокойно.

2. Вуахунов Хия (ок. 1870—1960). Родился в Китае, его родители были участниками дунганского восстания во главе с Бый Яньху. После поражения восстания в 1877 г. они бежали с малолетним сыном в пределы России и поселились в с. Каракунуз тогдашнего Пишпекского уезда (ныне Курдайский р-н Джамбулской обл. Казахской ССР). В молодости батрачил у богатей, после коллективизации вступил в колхоз, где работал до глубокой старости. В начале 1900-х годов ездил в Китай, где пробыл около десяти лет. Славился как один из лучших дунганских сказителей. Знал и большие повествования, восходящие к старинным романам «Путешествие на запад», «Полководцы из рода Ян» и др., а также волшебные сказки, старинные лирические песни. Живо интересовался фольклором других народов, хорошо знал также киргизские, казахские, арабские сказки. Рассказывал чрезвычайно выразительно, в спокойной манере, держась с большим достоинством. Часть его репертуара была записана и опубликована Х. Юсуровым в сборнике «Дунганские сказки» [13].

3. Губезов Берат. Родился в 1937 г. Колхозник. Живет в с. Милянчуан Кантского р-на Киргизской ССР. Кроме дунганского языка хорошо владеет русским, читает по-русски художественную литературу. От него записана только одна сказка («Сын бедняка»). Рассказывает чрезвычайно спокойно, без мимики и жестов.

4. Губэзы Исмаров (Щимеев). Родился в 1943 г., сын Исмара и Цунхуа Щимеевых. По профессии шофер и тракторист. Живет в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на вместе со своими родителями, работает шофером в колхозе. Сказки перенял от своих родителей, особенно от отца. Имеет неполное среднее образование. Читает литературу на русском языке, немного говорит по-казахски. Рассказывая дунганские сказки, часто встав-

ляет по-русски: «Ну его к черту!», жестикулирует, притопывает ногами, часто хмурится.

5. Гуйлин Чантай. Родился в 1922 г. Работает в колхозе «Коминтерн» Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР; был бригадиром дорожной бригады. Образование — начальное дунганское. Рассказывает очень складно и поэтоу всегда собирает вокруг себя много слушателей. Чаще рассказывает сказки по настроению, но иногда и по просьбе аудитории. Кроме дунганского языка хорошо владеет казахским. По-русски говорит плохо, но отлично понимает. Репертуар его разнообразен, однако предпочитает бытовые сказки и исторические повествования. Сказки перенял от своих родителей. Считает себя знатоком народного творчества, поэтому перед началом рассказа какой-нибудь сказки или сказания он часто предупреждает слушателей, даже если среди них есть и старики: «Ни (му) хан няньчиндини, ни (му) бу чжыдо чжыгэ сынчи. Чжыгэ сынчи чжымучжя юйхади», т. е. «Вы еще молоды, вам не понять этих событий, это дело случилось вот как». Умело использует пословицы и поговорки. Часто переносит какой-либо эпизод из одной сказки в другую, при этом утверждает, что именно так и должно быть.

Прежде чем рассказывать сказку, непременно разгладит ладонью усы, потом покашляет несколько раз и лишь затем начинает повествование. Артистические передает диалог своих героев, явно драматизируя повествование. Лицо его то принимает суровый вид, то улыбается, нередко вид его напоминает нападающего тигра.

Гуйлин очень музыкален, часто исполняет народные песни. Больше всего любит петь исторические и лирические песни, вызывая одобрение и восхищение слушателей, а порой и заставляя их грустить, особенно когда он поет «Военная служба» и другие старинные лиро-эпические песни.

6. Джапаров Нурузы. Пенсионер. Умер в 1971 г. в возрасте 75 лет. С 1935 по 1950 г. с перерывами был заместителем председателя, затем председателем колхоза «Октябрь» Джамбулской обл. Казахской ССР. Жил в селе Джалпак-Тюбе. Образование — неполное среднее. Кроме дунганского хорошо владел казахским, узбекским и русским языками, писал и читал на этих языках. Наряду со сказками помнил и многие легенды Мусульманского Востока. Отлично знал «Тарихи турган» («Историю дунган»), опубликованную на арабской графике. Сказки рассказывал спокойно, но довольно громким голосом.

7. Дунларова Янгар. Родилась в 1920 г. Домохозяйка, многолетняя мать. Раньше работала в колхозе «Коминтерн» Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР, где живет и сейчас. Неграмотная. Очень тихая женщина, рассказывает сказки спокойно, без комментариев. Репертуар ее не очень богат, но интересен по содержанию. Знает только родной дунганский язык, очень плохо говорит по-русски и по-казахски, совершенно не знакома с устным творчеством других народов. Муж ее — известный сказитель Цзинлиров Сува (см. № 22).

8. Зазавов Иды, 1921 г. рождения, школьный учитель, хороший знаток родного фольклора, главным образом сказок. В 1954 г. когда производилась запись, был учителем в Нарыне, приезжал летом на каникулы к родственникам в с. Шор-Тюбе, где от него и были записаны публикуемые здесь тексты. Ныне — учитель в с. Каракуруз (Масанчин).

9. Кадыров Муханза (1890—1969). Родился в г. Верном (ныне Алма-Ата), жил в с. Дунгановка Джамбулского р-на Джамбулской обл. Слыл

хорошим знатоком устного народного творчества, знал много пословиц, поговорок. Записи от него производились в 1965 г., к сожалению, была записана лишь незначительная часть его репертуара.

10. Мавилинов Ибрагим. Родился в 1902 г. в г. Пишпекке (ныне г. Фрунзе), в 30-е годы переехал в с. Милянчуан Кантского р-на Фрунзенской обл. Киргизской ССР, в момент записи, в 1954 г., работал возчиком в колхозе. Сказки рассказывал в спокойной манере, среди односельчан популярностью как сказитель не пользовался, однако знал много фольклорных произведений и рассказывал их очень четко, стремясь к логичности повествования. Всегда пояснял вышедшие из употребления в живой речи архаизмы.

11. Малосы Нурахун. Родился в 1913 г. Ныне пенсионер. Живет в с. Каракуруз (Масанчин) Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Работал в колхозе «Коминтерн» того же района библиотекарем, затем — сторожем продовольственного склада. Кроме дунганского отлично владеет уйгурским языком. Читает и пишет по-уйгурски, по-узбекски и по-татарски, пользуясь арабской графикой. Прекрасно играет на дутаре (двухструнный музыкальный инструмент) уйгурские мелодии и отлично поет уйгурские песни. Среди алма-атинских уйгуров считается весьма авторитетным человеком. Сказки рассказывает очень живо, быстро приходя в приподнятое настроение.

12. Машучин Юнус. Умер в 1970 г. в возрасте 71 года. Проживал в с. Заря Востока Каскаленского р-на Алма-Атинской обл. Казахской ССР. Малограмотный. Участник отрядов по ликвидации басмачества в Средней Азии и Казахстане. Служил в дунганском кавалерийском полку под командованием легендарного командира Магазы Масанчина. Кроме дунганского хорошо владел уйгурским и казахским языками. Сказки, записанные у него, он перенял или от своих родителей, или от других рассказчиков. Большинство его сказок бытовые, причем очень короткие. Обычно свои сказки начинал словами: «Старики так говорили!» или «Раньше жизнь бедняков вот такая была». Произведения других жанров фольклора в его репертуаре отсутствовали.

13. Мащухэ Роза, 1939 г. рождения, в момент записи сказки — 1954 г.— ученица седьмого класса, жила в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР.

14. Нюсан Айша. Жительница города Фрунзе. Родилась в 1916 г. в с. Александровка Московского р-на Киргизской ССР. Неграмотная. Пенсионерка, по профессии швея. Ее репертуар в основном состоит из сказок; знает и широко употребляет в своей речи пословицы и поговорки. Больше всего любит рассказывать волшебные сказки. Их она слышала в детстве от одного старика (имени которого не помнит), жившего по соседству, а также от своих родителей. Кроме дунганского, другими языками почти не владеет: с трудом объясняется по-киргизски и по-русски. Рассказывает в спокойной, степенной манере, только иногда руками плавно имитирует жесты своих героев.

15. Паншаров Исмар. Родился в 1911 г. Бывший рабочий, сейчас пенсионер. Проживает в г. Токмаке Киргизской ССР. Человек грамотный. Кроме дунганского владеет киргизским и русским языками. Пишет и читает по-дунгански. Предпочитает исполнять волшебнo-приключенческие повествования.

Сказки рассказывает обычно по просьбе гостей. Делает это весьма эмоционально. Если положительные герои попадают в трудное положение

ние, то он бьет себя рукой по коленям, выражая таким образом свое сожаление. От него записана помещенная здесь сказка «Семнадцатилетняя мать — восемнадцатилетний сын».

16. Санхур Мусар. Родился в 1920 г. Колхозник. Живет в с. Каракупуз (Масанчин) Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Образование — начальное дунганское. Читает и пишет по-дунгански. По-казахски и по-русски говорит плохо, но хорошо понимает. Репертуар его состоит в основном из волшебных сказок. По натуре очень веселый и темпераментный человек. Рассказывая, часто имитирует жесты своих героев, вскакивает с места и начинает размахивать руками. Например, во время исполнения сказки «Сыхащан и Минцин» он вдруг вскочил с места, встал на колени и принялся махать правой рукой, говоря при этом: «До фэйди минцонцонди, цзулян Чапаевди до йиён», т. е. «Меч летал и сверкал, словно сабля Чапаева». Часто употребляет междометие «хын», выражая этим в одних случаях гнев по отношению к отрицательным персонажам, в других — восхищение положительными героями. Нередко он заранее предупреждает слушателей: «Хын, чжэ та бо мон, хазыр тади мин цзу чжинли. Ни (ниму) щян тин, на ги ни (ниму) пэ сани...» — «Хын, пусть он не торопится, его смерть уже приближается. Вы сначала послушайте, что я вам расскажу...» Сказки, которые были записаны у него, он слышал в детстве от стариков. Влияния фольклора соседних народов на его репертуар не отмечено.

17. Темирхаджаёва Сыжер. Родилась в 1928 г. Образование — 7 классов. Живет в г. Фрунзе, где раньше работала швеей на фабрике им. Первого мая. Кроме дунганского хорошо владеет киргизским языком. Почти весь ее репертуар состоит из дунганских сказок, но знает и несколько киргизских сказок. Сказки она переняла у своих родителей. По характеру спокойная, сказки рассказывает степенно, часто сама осуждает отрицательных персонажей, нередко добавляя: «Ба чжымучжяди жын е уёнзыни», т. е. «Так таким людям и надо». Интересно, что часто, завершив сказку, она тут же напоминает слушателю о других вариантах этого же сюжета. Например, после сказки «Паук-оборотень» поясняет, что существует и другой вариант под названием «Таракан-оборотень».

18. Ушур Абдулла (Сы Вын-я, а также Щивын Вушыр). Родился в 1924 г. Образование гышнее. Работает на киностудии «Киргизфильм» художником. Живет в г. Фрунзе. Уроженец провинции Синьцзян. Кроме дунганского языка отлично владеет китайским. По-русски говорит плохо, но хорошо понимает. От него записана всего одна сказка «Чужак». Старается говорить литературным языком, рассказывает спокойно. Сказки перенял у стариков. Знает много повествований из китайской классической литературы. Малопонятные слушателям слова тут же поясняет.

19. Харов Бар. Родился в 1940 г. Колхозник, живет в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Образование начальное. Слабо владеет русским и казахским языками. От него записано только одно «Сказание о Тан-воне», представляющее собой переложение старинного романа «Путешествие на Запад». Ведет рассказ спокойно, часто кивает головой, как бы стараясь уверить слушателей в реальности событий и лиц своих повествований.

20. Харсан Мава (Хасанов Исмаил) (1894—1975). Жил в с. Каракупузу (Масанчин) Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Бывший колхозный кладовщик, пенсионер. Образование — на-

чальное мусульманское. Кроме дунганского владел узбекским, татарским и немного казахским языками, по-русски говорил плохо, но понимал. Писал и читал по-дунгански, так же хорошо читал и писал по-узбекски и по-татарски, пользуясь арабской графикой. Репертуар его состоял в основном из коротких сказок. Рассказывал очень спокойно, закрыв глаза, лишь изредка бросая на слушателей быстрый взгляд и улыбаясь, словно подбадривая их. Слушали его всегда с большим вниманием. В свои короткие рассказы часто вставлял советы и наставления, которые односельчане очень ценили. Прежде чем приступить к рассказу, некоторое время сидел опустив голову и теребя подбородок, словно раздумывая. Сказки перенял в детстве и юности от своих родителей и других рассказчиков. Кроме коротких дунганских сказок в его репертуаре было множество легенд и сказаний Мусульманского Востока о пророках и святых.

21. Хасанов Ахмед (Дэва). Младший брат Харсана Мава (см. № 20). Родился в 1908 г. Живет в г. Фрунзе. Бывший учитель математики, а затем работник правлений различных колхозов Казахстана и Узбекистана. Сейчас пенсионер. Образование — незаконченное высшее. Учился в Татинпросе в г. Ташкенте с Ясыром Шивазой, Юсупом Яншансиным и другими деятелями дунганской культуры. Кроме дунганского отлично владеет узбекским, татарским, казахским и русским языками. Репертуар его состоит только из прозаических повествований. Рассказывая сказки, сам часто смеется, при этом все лицо его приходит в движение. Обычно вызывает всеобщее восхищение слушателей. Сказки перенял в детстве от своих родителей и от стариков-рассказчиков.

22. Цзинлиров (или Чжинлиров) Сува. Родился в 1912 г. Житель с. Каракунуз (ныне с. Масанчин) Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Работал в колхозе, сейчас пенсионер. Образование — начальное дунганское. Репертуар его в основном состоит из сказок и песен, включая большие сюжетные песни-поэмы. Предпочитает рассказывать волшебные сказки. Из песен любит «Жемчуг падает на занавес», «Вдова идет на могилу», «Вдова идет на могилу» и другие, так же хорошо исполняет в песенной форме сказы об одном из восьми бессмертных — Хань Шёнзы (кит. Хань Сян-цзы). Сказки и песни перенял от своего деда и других рассказчиков, частично от известного сказителя Мамарадьянсына. Кроме дунганского языка хорошо говорит по-киргизски, так как его воспитала мачеха-киргизка. Поэтому в его репертуаре есть такие киргизские сказки, как «Рябая курица», «Чыныбек» и др. Сказки рассказывает обычно в кругу своей семьи, но часто и по просьбе гостей или односельчан — любителей сказок. Рассказывая, он оживляется, использует мимику и жесты.

23. Чжоншонло Чжонтяньхэ (1895—1969). Уроженец провинции Синьцзян. В 1924 г. переехал в Киргизию и прожил всю жизнь в г. Фрунзе. Славился как один из лучших дунганских сказителей. Знал иероглифику (что весьма редко среди среднеазиатских дунган). Умел читать и писать по-дунгански (в латинской графике и современной, основанной на русском алфавите). Исполнял песни, сказки, большие книжные повествования (фу), например «У Сун убивает тигра» (по мотивам героической эпopeи «Речные заводи»). Сам записал некоторые из своих сказок и передал в АН Киргизской ССР. В 30-е годы от него было записано и издано народное повествование «Сора двух семей». Рассказывал в спокойной, степенной манере, использовал довольно много архаизмов и трудно воспринимаемых на слух односложных слов, которые сам же пояснял слушателям.

В настоящий сборник включены его варианты сказок «Чжон Юй кипятит море», «Юй Быйя разбивает цитру» и др.

24. Щимеев Исмар (Масанщи). Родился в 1909 г. Пенсионер. Проживает в с. Шор-Тюбе Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Когда-то в 30-е годы был учителем дунганского языка в Токмакской начальной школе, затем после Великой Отечественной войны — рабочим строительной бригады колхоза «Коммунистический» Курдайского р-на Джамбулской обл. Казахской ССР. Хорошо грамотен по-дунгански, неплохо пишет по-русски, но говорит с сильным акцентом, знает также киргизский, казахский и узбекский языки. Прекрасно исполняет на дунганском музыкальном струнном инструменте — шянзы дунганские, татарские и казахские песни. Умеет складно говорить, вставляя к месту пословицы и поговорки, поэтому его часто приглашают в качестве свата. Сам сочиняет стихи. Его ранние стихи дублировались на страницах дунганских газет «Дун хошпр» («Искра Востока») и «Большивикди дый шын», («Победа большевиков»). Систематически читает книги, журналы и газеты на дунганском и русском языках. Однако русские сказки никогда не рассказывает. Репертуар его очень разнообразен: сказки о животных, волшебные, бытовые, сатирические. Знает много легенд и исторических сказаний: сказание о Хань Шине, повествования о героях эпохи Троецарствия. Прекрасно поет старинные песни. Его любимые песни: «Жемчуг падает на занавес», «Вдовец идет на могилу», «Пять увещеваний», «Цветок Молизы», а из шуточных песен: «Верхом на мухе», «Спор двух семей» и др. Несмотря на то что живет в окружении людей религиозных, он часто рассказывает сказки о проделках ахунов, сопоставляя при этом их нрав с нравом волка и подчеркивая, что живот ахуна — бездонная яма. Эти сатирические сказки про ахунов сочинены им самим. Свой сказочный репертуар он перенял у родителей и одного старого китайца, который когда-то жил у них во дворе. Рассказывает очень живо, а когда действие доходит до самого интересного места, топорщит усы, прищуривает глаза и принимает удивительную позу, напоминающую сидящего и смеющегося будду Майтрею.

25. Щимеев Юнус. Умер в 1970 г., в возрасте 65 лет. Старший брат Щимеева Исмара. Неграмотный. В детстве учился немного арабскому языку у местного ахуна. Работал в колхозе, потом вышел на пенсию. Кроме дунганского владел казахским и киргизским языками. В его репертуаре преобладали волшебные сказки. Хорошо рассказывал по-дунгански прозой эпизоды из киргизского эпоса «Манас». Рассказывая, он оживлялся, веселел. Часто вставлял в текст повествования обращения к слушателям, вроде: «Ын, ни тин, нэ ги ни шэ сани...», т. е. «Ын, ты послушай, что я тебе расскажу...»

26. Щимеева Цунхуа. Родилась в 1920 г. Работала в колхозе, ныне пенсионерка. Жена Щимеева Исмара. Неграмотная. Кроме дунганского языка, другими языками не владеет. Сказки слышала главным образом от матери. В ее репертуаре почти все виды сказок, но сама предпочитает рассказывать волшебные сказки. Превосходно исполняет дунганские песни, особенно «Вдовец идет на могилу». Голос слегка хриловатый, но приятный. Часто и заразительно смеется над проделками своих сказочных героев. Знает много пословиц, поговорок, загадок.

27. Юнузы Шэмузы. Родился в 1902 г. Пенсионер. Живет в с. Александровка Московского р-на Киргизской ССР. Приехал в СССР из г. Кульджи (КНР) в 1958 г. Неграмотный. Кроме дунганского владеет

уйгурским и казахским языками. В его репертуаре есть и уйгурские сказки. Дунганские сказки он перенял от профессиональных сказителей — фюфуди и рассказчиков-любителей. Больше всего любит рассказывать волшебнo-фантастические сказки. Стилb его повествований очень гладкий, старается использовать слова, понятные молодым слушателям. Рассказывает сказки в любой обстановке. Сказки, которые мы записали от него, он рассказал в правлении колхоза «Дружба» Московского р-на Киргизской ССР. Прослышав, что он рассказывает сказки, в правление тотчас же набилось множество людей. Жестами и богатой мимикой рассказчик стремится увлечь аудиторию, а если сказка юмористическая, то и рассмешить.

28. Юсуров Харсан. Родился в 1906 г. Старший научный сотрудник Отдела востоковедения АН Киргизской ССР, кандидат исторических наук. Сейчас пенсионер. Собираетeль и публикатор народного творчества советских дунган. Сам прекрасный рассказчик. Живет в г. Фрунзе. Прекрасно исполняет произведения всех жанров дунганского фольклора, которые он слышал в детстве от своих родителей и стариков-рассказчиков. В 40-х годах сам записал много сказок у шэньсийских дунган сел. Шор-Тюбе и Каракуруз. Часто встречался со знаменитыми сказителями Хия Вуахуновым, Мамар-шянсыным и Чжоншонло Чжонтяньхэ. Хорошо знает русский язык.

29. Яншансин Юсуп. Родился в 1908 г. Старший научный сотрудник Отдела востоковедения АН Киргизской ССР, кандидат филологических наук. Автор словарей дунганского языка, знаток пословиц, поговорок. От него была записана публикуемая здесь сказка «Почему собака ест отруби».

БИБЛИОГРАФИЯ¹

1. ПУБЛИКАЦИИ ДУНГАНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДУНГАНОВЕДЕНИЮ

1. Ганьсу миңьцянь гуши сюань (Избранные народные сказки провинции Ганьсу). Ланьчжоу, 1962 (дунганские сказки, с. 190—195).
2. Жун-ян минжын гужир (Дунганские народные сказки). Сост. и обработка. Х. Юсорова. Фрунзе, 1959.
3. Жун-ян минжын чүзы (Дунганские народные песни). Фрунзе, 1958.
4. Сулян хуэйзу кучуан-вынщүэди ёнфузы (Образцы фольклора советских дунган). Сост. Х. Юсоров. Фрунзе, 1960.
5. Сушанло М. Совет жун-янди вынщүэ (Дунганская советская литература). Фрунзе, 1957.
6. Хасанов М. Совет хуэйзүди кучуан сывыншонди цэлё (Материалы по устной поэзии советских дунган). Фрунзе, 1968.
7. Хуэйзу минжынди гужир (Дунганские народные сказки). Сост. М. Хасанов. Фрунзе, 1976.
8. Шывазы Ясыр. Зэ чин жяни (В родном доме). Фрунзе, 1971.
9. Юньнань гэцзу миңьцянь гуши сюань (Избранные сказки разных народов провинции Юньнань). Пекин, 1962 (дунганские сказки, с. 304—332).
10. Юсоров Х. Хуэйзу гужир (Дунганские сказки). Фрунзе, 1960.
11. Юсоров Х. Ю. Шучин чүзы (Эпические песни). Фрунзе, 1961.
12. Беннингсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912 (дунганские легенды, с. 5; 7—8).
13. Дунганские сказки. Сост. Х. Юсоров и В. Шахматов. А.-А., 1946; 2-е изд., А.-А., 1952.
14. Дунганские сказки. Сост., запись и обработка Х. Юсорова, пер. М. Ватагина. Фрунзе, 1970.

* * *

15. Абдулин Д. О дунганском фольклоре.— «Советская Киргизия», 1934, № 93.
16. Васильев Б. А. Дунгане.— Культура и письменность Востока. Кн. 7—8. М., 1931.

¹ Составил Б. Рифтин.

17. Васильев Б. А. Октябрь и дунганская литература.— ЗИВАН. Т. 3. Л., 1935.
18. Васильев Б. А. Устная литература дунган.— ЗИВАН. Т. 1. Л., 1932.
19. Васильев В. П. О движении магометанства в Китае. СПб., 1867.
20. Очерки истории советских дунган. Ред. М. Сушанло и Г. Г. Стратановича. Фрунзе, 1967.
21. Решетов А. М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации.— Этническая история народов Азии. М., 1972.
22. Рифтин Б. Л. Из дунганских исторических сказаний (Сказание о Хань Сине).— РСИВ. Вып. 27. М., 1958.
23. Рифтин Б. Л. Новые материалы по традиционной дунганской пародной песне.— СВ. 1956, № 5.
24. Рифтин Б., Юсупов И. Дунганский фольклор.— «Советская Киргизия», 22. XII, 1957.
25. Стратанович Г. Г. Хуэй.— Народы Восточной Азии. М., 1965.
26. Сушанло М. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971.
27. Хасанов М. Дунганские народные сказки. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969.
28. Хасанов М. Из истории изучения фольклора советских дунган.— «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению». Фрунзе, 1958.
29. Хасанов М. Мифы и легенды дунган (рукопись).
30. Хасанов М. Образы женщин в дунганских бытовых сказках.— «Известия АН Киргизской ССР», 1968, № 2.
31. Цибузгин В., Шмаков А. Заметка о жизни дунган селения Кара-кунуз Пишпекского уезда Семиреченской области.— «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». 1909. Вып. 4.
32. Шинло Л. Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965.
33. Шываза Ясыр. Сюэ Жэнь-гуй (роман в новеллах).— «Киргизстан». Фрунзе. Кн. 1. 1940, с. 155—164; Кн. 2, 121—134.
34. Юсуров Х. Восстание дунган в Северо-Западном Китае и переселение их в Семиречье (1860—1890 гг.). Канд. дисс. Фрунзе, 1948.
35. Юсуров Х. Некоторые образцы дунганского фольклора.— «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР». Вып. 8. Фрунзе, 1957.
36. Яншансин Ю. Краткий дунганско-русский словарь. Фрунзе, 1968.

II. СБОРНИКИ СКАЗОК РАЗНЫХ НАРОДОВ И УКАЗАТЕЛИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

37. Гу Хуай-шэн. Чжунго миньцзянь чуаньшо цзи (Сборник китайских народных легенд). Шанхай, 1936.
- 37а. Гуанчжоу миньцзянь гуши (Кантонские народные сказки). Сост. Лю Вань-чжан. Кантон, 1929.
38. Лин Чун-шэн, Жуй И-фу. Сянси мяоцзу дяоча баогао (Доклад об обследовании западнохунаньских мяо). Шанхай, 1947.
39. Линь Лань. Гуа ван (Царь тыква). Сер. «Дунфан гуши». Т. 7. Тайбэй, 1971.

40. Линь Лань. Гуай сюнди (Странные братья). Сер. «Дунфан гуши». Т. 8. Тайбэй, 1971.
41. Линь Лань. Хуань синь хоу (После обмена сердец). Сер. «Дунфан гуши». Т. 12. Тайбэй, 1971.
42. Линь Лань. Цайхуалан (Жених-змея). Сер. «Дунфан гуши». Т. 11. Тайбэй, 1971.
43. Луп дэн (Фонарь дракона. Сборник сказок Восточного Китая). Под ред. Чжао Цзин-шэня. Шанхай, 1960.
44. Лю Хэ-нюй ши. Миньцзянь чуаньшо (Народные легенды). Шанхай, 1936.
45. Миньцзянь гуши сюань (Избранные народные сказки). Сянин, 1959.
46. Миньцзянь шэньхуа цюаньцзи (Полное собрание волшебных сказок). Сост. Чжу Юй-цунь. Шанхай, 1933.
47. Узбек халк эртаклари (Узбекские народные сказки). Т. 2. Таш., 1964.
48. Чжао Цяо-эр сун дэн тай (Чжао Цяо-эр несет подсвечник). Подготовил к печати Шао Цзы-нань. Чунцин, 1955.
49. Чжао Чжи-тин. Наньян гуши (Наньянские сказки).— «Бэйцзин дасюэ яньцзюсю госюэмэнь юэкань», цз. 1, 1926, № 3.
- 49а. Чжунго миньцзянь гуши сюань (Избранные народные сказки Китая). Сост. Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин. Пекин, 1958.
50. Чжунтань миньцзянь гуши (Народные сказки местности Чжунтань. Сказки китайцев Внутренней Монголии). Собр. Сунь Цзянь-бин. Шанхай, 1959.
51. Чжэпъ тянь гу (Барабан, потрясающий небо). Нанкин, 1955.
52. Шаньси миньцзянь гуши (Народные сказки провинции Шэньси). Запись и подготовка текста У Ли-цина. Сиань, 1955.
53. Шуй Цзин. Хайлунван-ды нюэр (Дочь царя драконов). Тайбэй, 1969.
54. Юпънань миньцзю вэньсюэ цзыляо (Материалы по литературе народов Юньнани). Вып. 2. Куньмин, 1957.

* * *

55. Абхазские народные сказки. Сост. К. С. Шакрыл. М., 1975.
56. Азербайджанские тюркские сказки. Пер. А. Багрия и Х. Зейналлы. Academia, 1935.
57. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. Т. 1—3. М., 1958.
58. Бурятские народные сказки. Волшебные-фантастические. Улан-Удэ, 1973.
59. Венгерские народные сказки. Сост. А. Гьдаш. М., 1953.
60. Волшебный мертвец. Пер. Б. Я. Владимирцова. М., 1958.
61. Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая. Пер. Лин Лин и П. Устина. М., 1959.
62. Грузинские народные сказки. Пер. Н. И. Долидзе. Тб., 1954.
63. Игра Веталы с человеком (тибетские сказки). Пер. Ю. Парфионовича. М., 1969.
- 63а. Казахские сказки. А.-А., 1959.
64. Китайские народные сказки. Сост. и пер. Б. Рифтина. М., 1957.
65. Китайские народные сказки. Сост. и пер. Б. Рифтина. М., 1972.
66. Лейся, свет, впереди, тьма, стелись позади. Молдавские народные сказки. М., 1959.

67. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М., 1964.
68. Монгольские сказки. Сост. Г. И. Михайлов. М., 1962.
69. Никифоров Н. Я. Аносский сборник (Собрание сказок алтайцев). Омск, 1915.
70. Осетинские народные сказки. Сост. Г. А. Дзагуров. М., 1973.
- 70а. Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. М., 1959.
71. Панчатантра. Пер. А. Я. Сыркина. М., 1958.
72. Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи. М., 1973.
73. Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сост. и пер. И. Стеблевой. М., 1969.
- 73а. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 9, СПб., 1907.
74. Серебряный ключ. Тайские сказки. Пер. В. И. Корнева. М., 1963.
75. Сказания бурят, записанные разными собирателями.— «Записки Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества по этнографии». Т. 1. Вып. 2. Иркутск, 1890.
76. Сказки и легенды Вьетнама. Сост. В. Карпов. М., 1958.
77. Сказки и мифы народов Филиппин. Сост. и пер. Р. Л. Рыбкина. М., 1975.
78. Сказки мангышлакских туркмен.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. 8. Приложение. Тифлис, 1881.
79. Сказки народов Бирмы. Сост. Ю. Осипова. М., 1976.
80. Сказки народов Востока. Л., 1938.
- 80а. Сказки народов Востока. М., 1962.
81. Сказки народов Вьетнама. Сост. Н. И. Никулина. М., 1970.
82. Сказки народов Китая. М., 1961.
83. Сказки народов Памира. Сост. и комм. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. М., 1976.
84. Сказки народов Севера. М.—Л., 1959.
85. Сын оленя. Абхазские сказки. М., 1959.
86. Турецкие народные сказки. Пер. Н. А. Цветинович-Грюнберг. М., 1967.
87. Уйгурские сказки. Сост. М. Н. Кабиров, А.-А., 1963.
88. Фат-Фрумос золотые кудри. Румынские народные сказки. Благовещенск, 1961.
89. Хакассские сказки. Сост. и пер. П. А. Троякова (рукопись).
90. Шкуркин В. П. Корейские сказки. Шанхай, 1941.
- 90а. Японские сказки. М., 1958.
91. Bîrlău O. Antologie de proză populară epică. Vol. 2. București, 1966.
92. Graham D. C. Songs and Stories of the Ch'uan Miao. Washington, 1954.
93. Eberhard W. [ed.]. Folktales of China. Chicago, 1965.
94. Mongolische Märchen, übersetzt von W. Heissig. Düsseldorf — Köln, 1963.

* * *

95. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
96. Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen (FF Communications № 120). Helsinki, 1937.

97. Eberhard W., Boratav P. N. Typen Türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.
98. Ikeda Hiroko. A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature (FF Communications № 209). Helsinki, 1971.
99. Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature. Vol. 1—6 (FF Communications № 106). Helsinki, 1932.
100. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Transl. and enlarged by St. Thompson (FF Communications № 184). Helsinki, 1964.

III. ЛИТЕРАТУРА ПО ДРУГИМ ВОПРОСАМ, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В КНИГЕ

101. Айгочжуи юй вэньсюэ (Патриотизм и литература). Пекин, 1951.
102. Гу Цзе-ган. Гу ши бянь (Спорные вопросы древней истории). Т. 1. Шанхай, 1926.
103. Гу Цзе-ган. Ши линь цза ши (Разные заметки по истории). Пекин, 1963.
104. Губэнь Юань Мин цзацзюй (Уникальные тексты юаньских и минских драм-цзацзюй). Пекин, 1958.
105. Да си као (Разыскание о пьесах). Шанхай, 1958.
106. Да си као цюаньцзи (Полное собрание разысканий о драмах). Шанхай, 1937.
107. Ланьчжоу фанъянь (Ланьчжоуский диалект).— «Ланьчжоу дасюэ сюэбао (жэньвэнь кэсюэ)», 1964, № 1.
108. Ли Дао-юань. Шуйцзин чжу (Книга вод с комментариями). Пекин, 1958.
109. Лидай сяохуа цзи (Сборники анекдотов в хронологическом порядке). Сост. Ван Ли-ци. Шанхай, 1956.
110. Ло Цзинь-тан. Сяньдунь юаньжэнь цзацзюй бэньши као (Разыскания о сюжетах, сохранившихся юаньских пьес). Тайбэй, 1960.
111. Лу Чжань-ань. Сяошо цыкой хуйши (Компендиум лексики повествовательной прозы с толкованиями). Пекин, 1964.
112. Луй-ши чуньцзо (Весны и Осени Ляоя). Сер. «Чжуцзы цзичэн». Т. 6. Пекин, 1957.
- 112а. Морохаси Тэцудзи. Канва дай дзитэн (Большой китайско-японский словарь). Тайбэй, 1959.
113. Мэн Юань-лао. Дунцзин мэнь хуа лу чжу (Записи снов о Восточной столице). С комментариями. Пекин, 1959.
114. Сунь Шу-цин. «Хуар»-ды цюань (Происхождение песен «хуар»).— «Цинхайху», 1962, № 6.
115. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1963.
116. Сюэ Жэнь-гуй чжэн дун као (Сюэ Жэнь-гуй идет походом на Восток). С разысканиями. Сост. Вэй Цзюй-сянь. Шанхай, 1939.
117. Сюэ Жэнь-гуй чжэн Ляо ши люэ (Краткое описание похода Сюэ Жэнь-гуя в Ляодун). Подготовка текста и комментарии Чжао Вань-ли. Шанхай, 1957.
118. Тао Цзюнь-ци. Цзинцзюй цзюйму чутань (Предварительные разыскания в области репертуара столичной драмы). Шанхай, 1967.
119. Фэн Мэн-луан. Гу цань сяошо (Древние и современные повести). Т. 1—2. Пекин, 1958.

120. Ханьюй фанъянь цыхуэй (Диалектная лексика китайского языка). Пекин, 1964.
121. Хуан Бо-жун, Чжао Цзюнь. Ланьчжоу фанъянь гайшо.— «Ганьсу шифань дасюэ сюэбао (жэньвэнь кэсюэ)», 1960, № 1.
122. Цзю Тан шу (Старая Танская история). Сер. «24 династийные истории». Пекин, 1959.
123. Цыхай (шисинбэнь) [Словарь «Море слов» (макет)]. Вып. 6. Шанхай, 1961.
124. Цэнь Чжун-мянь. «Хуэйхуэй» ицы-чжи юй юань (О происхождении термина «хуэйхуэй»).— «Голи чжунъян яньцзюань Лиши юйянь яньцзюо цзикань», 1947, Т. 12.
125. Цюйхай цзунму тияо (Каталог моря драм с кратким содержанием их). Пекин, 1959.
126. Цянь ханьшу пинхуа (Пинхуа по «Истории династии Ранняя Хань»). Шанхай, 1954.
127. Чжан Гуань-и. Чуаньшо юй шиши (Легенды и исторический факт).— «Миньсу», 1926, № 66.
128. Чжан Я-сюн. Хуар цзи (Собрание песен «хуар»). Ланьчжоу, 1948.
129. Чжао Цзин-шэнь. Миньцзянь гуши цунхуа (Собрание статей о народных сказках). Тайбэй, 1970.
130. Чжао Цзин-шэнь. «Сюэ цзяфу яньи» као (Разыскание о романе «Сказание о доме Сюэ»).— «Вэньхуйбао», 23—29. IV, 1938. Перепечатано в качестве приложения к № 116.
131. Чжао Цзин-шэнь. Сюшо сяньхуа (Беседы о прозе). Шанхай, 1948.
132. Чжунвэнь да цыдянь (Большой словарь китайского языка). Тайбэй, 1963.
133. Чжунго яньюй цыляо (Материалы по пословицам Китая). Сост. Ланьчжоуским университетом. Т. 1—3, Шанхай, 1961.
134. Чжэн Чжэнь-до. Чжунго вэньсюэ яньцзю (Исследования по китайской литературе). Т. 1—3, Пекин, 1957.
135. Чэнь Жун-хэн. Бэй Сун-ды «Шо Хань Синь» («Сказ о Хань Синь» при династии Северная Сун).— «Цюйи», 1962, № 4.
136. Чэньюй дянь (Словарь устойчивых выражений). Под ред. Ляо Тянь-хуа. Тайбэй, 1971.
137. Шаошу миньцзю вэньи луньцзи (Сборник статей о литературе и искусстве национальных меньшинств). Сост. Чжан Шоу-кан. Пекин, 1951.
138. Ши гунъянь цюаньчжуань (Полное собрание дел судьи Ши). Шанхай, [б. г.].
139. Шо Тан (Сказание о Тан). Изд. подготовил Чэнь Жун-хэн. Шанхай, 1955.
140. Эртний Хан улсын Сыма Маогийн туух бичиг (История Сыма Мао, жившего при древней династии Хань). Рукопись из собрания Государственной публичной библиотеки МНР. Шифр 8951/Э-82.
141. Ян Сянь-и. Лин-мо синь цзянь (Мелкие заметки с новыми комментариями). Шанхай, 1947.

* * *

142. Алиева М. М. Уйгурская сказка. А.-А., 1975.

143. Васильев Б. А. Источники Ляо-чжая.— ИАН СССР, сер. 7, 1931, № 1.

144. Веселовский А. [Рец. на:] Ст. Праго. Легенда о сокровище Рампсинита по различным итальянским и чужестранным редакциям.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1882, ноябрь — декабрь. Ч. 224.
145. Волшебное зеркало. Дотанские новеллы. М., 1963.
146. Гарин-Михайловский Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия. М., 1952.
147. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
148. Го Мо-жо. Избранное. М., 1956.
149. Голыгина К. И. Поиски исчезнувшей жены в китайской новелле и повести (в печати).
150. Гуляка и волшебник. М., 1970.
151. Дамдицсурэн Ц. «Рамайна» в Монголии. М., 1977.
152. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- 152а. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.—Л., 1962.
153. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
154. И. Д. Побратимство у китайцев.— ВА, 1910, № 4.
155. Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.
156. Китайская проза I—VI вв. Сост. Б. Рифтин. М., 1977.
157. Клингер В. В. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903.
158. Когутэй. Пер. Г. Токмашова. Academia. М.—Л., 1935.
159. Корнев В. И. Сказка о падчерице у народов таи.— НАА, 1963, № 3.
160. Коростовцев А. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898.
161. Макгован Дж. Китайцы у себя дома. СПб., [б. г.].
162. Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
163. Малов С. Е. Уйгурский язык. М.—Л., 1954.
164. Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. М., 1967.
165. Мацокин Н. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1. Владивосток, 1910. Вып. 2. Владивосток, 1911.
166. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1968.
167. Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки.— «Труды по знаковым системам». Вып. 4. Тарту, 1969.
168. Меньшиков Л. Н. Об обычае «свадьбы с цветной вышкой» (рукопись).
169. Меньшиков Л. Н. Реформа китайской классической драмы. М., 1959.
170. Неклюдов С. Ю. «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада.— «Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада». М., 1974.
171. Неклюдов С. Ю. Душа, убиваемая и мстящая.— «Труды по знаковым системам», Вып. 7. Тарту, 1975.
172. Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре.— Семиотика и художественное творчество. М., 1977.
173. Неклюдов С., Рифтин Б. Новые материалы по монгольскому фольклору.— НАА, 1976, № 2.
174. Палладий, Попов П. С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888.

175. Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 2. М., 1963.
- 175а. Плутовка из Багдада. М., 1963.
176. Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
177. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
178. Потанин Г. Н. Дочь моря в степном эпосе.— «Этнографическое обозрение». М., 1892, № 1.
179. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
180. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб., 1898.
- 180а. Прodelки Праздного дракона. М., 1966.
181. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
182. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
183. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.
184. Пу Сун-лин. Лисьи чары. Пер. В. М. Алексеева. М., 1973.
185. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970.
186. Рифтин Б. О чертах национальной специфики китайских народных сказок.— «О литературе для детей». Вып. 2. Л., 1957.
187. Рифтин Б. Л. Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре. М., 1961.
188. Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур.— Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, М., 1973.
189. Роза и Алыи лотос. Корейские повести (XVII—XIX вв). М., 1974.
190. Семанов В. И. Из китайского героического эпоса.— «Сборник студенческих научных работ». № 2 (Студенческое научное общество Восточного факультета ЛГУ). Л., 1955.
191. Семанов В. И. Эволюция китайского романа (конец XVIII — начало XIX в.). М., 1970.
192. Стариков В. С. Материальная культура китайцев. М., 1967.
193. Суходольский Л. Легенда о туляке.— «Вестник императорского Русского географического общества», 1858, № 12.
194. Сыма Цянь. Избранное. Пер. В. Панасюка. М., 1955.
195. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. М., 1975.
196. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.
197. Тенешев Э. Р. Саларские тексты. М., 1964.
198. Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М., 1961.
199. Тодаева Б. Х. Монгольский язык. М., 1973.
200. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М., 1975.
201. Тужилин А. В. Современный Китай. Т. 2. СПб., 1910.
202. Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. А.-А., 1973.
203. Удивительные истории нашего времени и древности. Пер. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. Т. 1—2. М., 1962.
204. Фрезер Д. Золотая ветвь. Вып. 1—4. М., 1928.
205. Чебоксаров Н. Н. Антропологический состав населения.— Народы Восточной Азии. М., 1965.

206. Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. Пер. с китайского В. Панасюка. М., 1974.
207. Якутский фольклор. Изд-во «Советский писатель». [Б. м.], 1938.

* * *

208. Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 3. Lpz., 1918.
209. Christiansen. The Tale of the Two Travellers (FF Communications 1916. № 24). Helsinki, 1916.
210. Doré H. Researches into Chinese Superstitions. Vol. 1—13. Taipei, 1967.
211. Eberhard W. Studies in Hakka Folktales. Taipei, 1974.
212. Eberhard W. Studies in Taiwanese Folktales. Taipei, 1971.
213. Huber Ed. Etudes de littérature bouddhique.— BEFEO, t. 4. Hanoï, 1904.
214. Hummel A. Eminent Chinese of the Ch'ing Period. Washington, 1943.
215. Lörincz L. Die Mangus-Schilderung in der Mongolischen Volksliteratur.— «Mongol Studies». Budapest, 1973.
216. Maspero H. The Mythology of Modern China.— «Asiatic Mythology». Ed. by J. Hackin. N. Y., [б. г.].
217. Prato St. La leggenda del tesoro di Rampsinite nelle varie redazioni italiane e straniere. Como, 1882.
218. Schiefner. Über einige morgenländische Fassungen der Rhapsinitsage.— «Mélanges Asiatique, tirés du Bulletin historique-philologique de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg», T. 4, 1869, livr. 1.
219. Scholz A. G. Chinesische Stoffe und Motive in der populären mongolischen Literatur gegen Ende des 19. Jahrhunderts. Bonn, 1975.
220. Skillend W. E., Kodae Sosol. A Survey of Korean Traditional Style Popular Novels. L., 1968.
221. Smith A. The Proverbs and common saying of the Chinese. Shanghai, 1888.
222. Ting Nai-tung. AT Type 301 in China and Some Countries Adjacent to China: A Study of a Regional Group and its Significance in World Tradition.— «Fabula», Bd 11, 1970, № 1.
223. Ting Nai-tung. The Cinderella cycle in China and Indo-China (FF Communications № 213). Helsinki, 1974.
224. Ting Nai-tung. More Chinese versions of AT 301.— «Fabula», Bd 12, 1971, № 1.
225. Waley A. The Chinese Cinderella Story.— «Folklore». Vol. 58. 1947.
226. Werner E. T. C. Dictionary of Chinese Mythology. Shanghai, 1932.

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ, РЕАЛИЙ И МОТИВОВ

Агат драгоценный из императорской сокровищницы находит у себя под подушкой старуха № 41. Агаты получает герой, идущий в город, № 75.

Алмаз драгоценный получает герой в царстве лисов № 25.

Атаманша разбойников № 76.

Афла варится в котле для раздачи сиротам и вдовам № 11.

Ахун (мулла) совершает свадебный обряд № 31, его приглашают облегчить роды № 33; дает драконову табличку № 34; читает Коран в мечети № 37; читает Коран перед отправлением торгового обоза № 51; лечит больную старуху № 63.

Бадья — змей, толстый как бадья № 36.

Балки — под балками спрятан похищенный ворами золотой телец № 52; герой, репивший продать дом в разобранном виде, под каждой балкой находит по слитку серебра № 66; балка железная, ее герой берет вместо оружия № 74.

Барабанчик (гугур) — чудесный предмет, воплощение дочери царя драконов, дает еду, летает в небе, указывая местонахождение героя № 8; барабанчик (балингу) — в него стучит разносчик, сзывая покупателей, № 75.

Бараны — их пасет герой-пасынок № 2; падчерица № 11; баран длинношерстный говорит человеческим голосом, на нем герой летит к матери солнца № 23; баранов пасет непризнанный сын государя № 44; баран, за ним гоняется волк № 48; бараны пропадают у тестя, их должен отыскать «гадатель» — зять № 52; баранов плешивый будто бы пригнал из-под воды № 58; баранов и людей приносят в жертву змею № 68; целого барана съедает герой № 74; баранов отдают на съедение змею те, у кого нет своих детей, № 76.

Бахча — на ней князь со своими друзьями (воинами) лакомится дынями № 11.

Башня в храме — там заточена похищенная оборотнем принцесса № 75.

Бегство Хань Щина от Бавона № 72; разбойников от императорских войск № 76.

Бедняк отправляется к богу просить богатства № 24; соглашается провести три ночи в пустом доме № 27.

Бездельник — игрок в кости № 63.

Белый змей, белый человек на белом коне № 1; белая попона № 1; белые бобы № 15; белая лиса-оборотень № 16; белая старушка — мать солища № 23; белый шнур — на него наизано девяносто черепов № 27; белый заяц № 37; борода в белых подпалинах № 37; белый конь № 61; белые голуби — наряд из их перьев № 61; белая змейка № 74; белая борода у старца № 74; белая гора № 74; белый халат № 74; белый конь, белая одежда № 74; белый тигр № 75.

Беременность от связи с человеком-невидимкой № 66.

Беркут — птенца беркута подбирает герой № 16.

Беседка — в ней ночью сидит сановник № 15.

Бессмертный — см. шишьянь, ср. также старик (старец) белобородый.

Бобы белые превращаются в конников № 15 (ср. горох).

Бог — к нему идут просить богатства № 24; божества Лу-шын, Чжу-шын и Цэй-шын дают богатство герою № 31.

Бой героев-храбрецов с разбойниками № 74, 77; юношей с войском государя № 76; отца с сыном № 76.

Богатство — богатч пытается избавиться от обедневшего жениха дочери № 63; богатство, именуемое фонцир, № 31; богатство разбойников достается герою № 67.

Болезнь — от гниения спрятанной шкуры № 5; болезнь притворная злой мачехи № 9, 10; от злых духов № 13; под предлогом добыть средство для лечения болезни государыни злой брат отрубает пальцы ног доброму № 14; под предлогом болезни государя и необходимости добыть средство для его исцеления героя отсылают в дальние края № 61; герой заболевает тифом на постоялом дворе № 73; принцесса, похищенная оборотнем, заболевает от страха № 75.

Болото топкое — туда попадает государь, спасающийся бегством, № 74.

Борода в белых подпалинах у ахуна № 37.

Бочка — в ней прячется падчерница, потерявшая золотую туфельку, № 11.

Браслет — по его половинке опознается истинный герой № 8 (ср. перстень № 7).

Братья — три брата идут учиться ремеслу № 3, 20; старшие братья пытаются погубить удачливого младшего № 3; сводный брат пытается погубить истинного героя, присваивает его заслуги, сталкивает в пропасть № 7; два брата: старший — богатый, младший — бедный № 12, 13; три брата-дровосека — у них прячется добрый герой № 14; два бедных брата — у них прячется добрый герой № 14; два брата отправляются учиться ремеслу № 15; один брат убивает другого № 15; два названных брата идут в столицу, старший присваивает сокровища младшего и велит казнить его № 19; брат старший хочет погубить младшего № 24; три брата напимаются в работники № 48; три брата отправляются на охоту, двоих убивают разбойники, младший брат мстит за них № 67, приемный младший брат помогает герою № 67; встреча названных братьев № 73; сановник — названный брат отца героя № 73; братья останавливаются на постоялом дворе, где их подстерегает опасность, № 77; дружба сводных братьев № 76; брат жены (младший) № 52.

Братание доброго и злого героев № 14, 19; братание юаньвэя и бездельника-игрока № 63; братание младшего брата с незнакомцем № 66; чиновника с дровосеком № 71; юноши с разносчиком товаров № 74; братание героя с сыном юаньвэя и затем их обоих с атаманами разбойников № 74; братание героя с одним из молодцов, затем со стражами дверей в подземелье оборотня № 75; женщины, переодетой в мужское платье, с двумя юношами № 77.

Бревно — бревна таскает из реки герой № 74.

Бусинки белые (три) — дает герою шиньянь, с их помощью он одерживает победу над чудовищем № 27.

Бянь — доска (свисток), висящая на стене, позади нее в нише прячется герой № 27.

Вдова — обыгрывает людей, отнимает у юноши сердце чудесной птицы и т. п. № 6; вдовы — героиня хочет накормить их афла № 11.

Великая стена — герои уходят в застенный Китай торговать № 45.

Верблюды — на него хитрец сажает труп своей матери № 58; семнадцать верблюдов золота и серебра получает герой — победитель на скачках № 66; пятьдесят верблюдов золота и серебра вымогает император у богачей № 66.

Веревка — служит для вытаскивания героя из подземелья № 8; веревку просит герой, берущийся отогнать от столицы тигров № 19; веревкой, привязанной к шее коня, вытаскивают разбойника из колодца № 67.

Веретено — уносит вихрь № 11.

Ветер — герой, притворившись дураком, мочится против ветра № 72; ветер желтый, ветер черный — предшествующий появлению змея, № 76.

Вещи жены — прячет герой, а потом отыскивает их № 52.

Вид — по внешнему виду героя белобородый старец определит, что герой знается с нечистой силой, № 27.

Вино — его охотник выливает в рукав № 1; им опаивают героя, чтобы он отрыгнул съеденное сердце чудесной птицы № 6; кувшин вина выпивает залпом герой № 74; по чжину вина выдают на поверке каждому воину № 74; вино дают вместо чая старому сановнику, опаивая его, № 74; вино, разбавленное водой, приносит герой чиповнику № 78.

Висок — к нему прилепляется золотой цветок (у падчерицы) или желчный пузырь (у родной дочери) № 11.

Вихрь (ветер) черный — сопутствует исчезновению героини № 7; желтый № 5, 8 — уносит героиню; № 10 — срывает с падчерицы тубельку; № 11 — уносит прялку, баранов, относит падчерицу ко дворцу князя; вихрь делает несколько кругов вокруг юного героя № 75; вихрь сопутствует появлению змея-людоеда № 76.

Вода волшебная — л и н ц з ы ф и й (кит. *линчжишуй*), исцеляющая от слепоты № 9; горячая (кипяток), ею матеха ошпаривает падчерицу № 10; вода хлещет из тыквы и заливает дом № 12; вода добывается по подсказке зверей № 13; чудесное хождение по воде № 14; поток воды обрушивается на постоянный двор № 24; всю воду из реки выпивает во сне герой № 50; в воде тонут семеро глупцы: плешивых № 58; водой торгует обедневший герой № 63; отражение в воде видит герой

№ 73; водой плеснули на героя, чтобы привести его в чувство № 74; целый день монах носит воду в храм № 75.

В о и ны морские — запирают непокорную дочь царя драконов в тюрьму № 4.

В о й с ко — император объявляет сбор войскам, герои едут служить государю № 74.

В о л а пятидесятилетнего — требует достать государь № 47.

В о л к — побратим тигра и лиса № 13; съедает коня и сам возит героя, похищает для него принцессу № 20; волк съедает сына юаньвэя № 28; волк — побратим оленя и ворона № 40; не хочет помочь названному брату, сам гибнет № 40; волка двадцатилетнего требует достать государь № 47, волк серый охраняет ворота в царстве пери № 61; волки пугают коней героинь № 63; волк гоняется за бараном № 48.

В о л о с ы красные (признак дьяволов) — могут вырасти после съедения красного яблока № 6; золотые у героя № 9; волосок из гривы чудесного коня поджигается, чтобы вызвать самого коня № 9; распускаются № 10; расчесываются (у старухи-бессмертной) № 11; волосок из усов тигра поджигается, чтобы вызвать самого тигра № 19; волосы, на них выливается масло из лампы № 24.

В о р л ов к и й — становится справедливым правителем № 53; вор старый помогает найти того, кто лазает в государеву казну № 53; вор ловкий живет в доме тестя императора, похищает печать сановника № 75; воришка восьмилетний № 75.

В о р о н черный — побратим волка и оленя, помогает названным братьям, сам гибнет № 40.

В о р о т а — девять ворот в царстве пери № 61; ворота в доме юаньвэя, на них висит портрет его дочери № 62; ворота каменные у пещеры, где живет страшный оборотень № 74.

В о с е м ь — тополей перед воротами дворца № 16; восемьсот тридцать тысяч тигров являются на помощь герою № 19; восемнадцать видов военного искусства № 7, 77; угощение из восемнадцати блюд № 65; восемнадцать верблюдов золота и серебра получает победитель на скачках № 66; восемнадцать лет пробыл государем лис-оборотень № 66; восемь звуков № 71; восемь триграмм № 71; восемь направлений № 71; восемнадцать дней прожил герой у сановника № 75; восьмилетний воришка № 75; восемьдесят чжинов — вес бронзовой полосы, в которую превратился поверженный змей, а также двух бронзовых молотов, в которые превратились его помощники № 76; восемнадцатый год идет дочери хозяйки харчевни № 77; восьмой месяц двадцатое число — начало соизятий № 77; восемь монет оставалось у юноши после продажи угля и покупки еды № 78.

В о с т о к — туда улетает сын царя драконов № 5; на восток идет один из братьев № 15.

В о с т о ч н о е м о р е (Дунхэй) — туда отправляется лягушонок — сын царя драконов № 5.

В с т р е ч а — братьев № 48; правителя города № 78.

В ы ш и в а н и е № 24, 62, 66.

Г а д а н и е (гадатель) — гадалка разоблачает подмену жены № 10; с помощью заклинаний возвращает убитой и превратившейся в роголовницу падчерице первоначальный облик № 10; гадание по таблицам № 14, 65; гадатель предсказывает гибель сыну юаньвэя № 28;

плохую судьбу, если он не женится на некрасивой девушке № 65; гадательная книга, в нее смотрит царь пери № 61; гадальщица-старуха № 65; гадание мудрой девицы № 65; гадатель предупреждает князя об опасности № 72; предупреждает о сроке жизни № 72; предупреждает государя о появлении великого полководца № 74; гадание с помощью гадательных костей № 50; гадание во сне на поиск пропавшего № 51.

Глаза — надо закрыть при поездке в подводное царство № 1, 3, 8; глаза лягушки горят, как два красных уголька № 5; глаза паука-оборотня горят, как два красных огонька № 18; надо закрыть при чудесной поездке в какое-то иное царство № 25; красные у чудовища № 27; глаза у змея: 1) как два горящих фонаря № 36; 2) как два огня № 68; глаза красные у зайца № 37; глаза человека требует от коршуна в качестве свадебного подарка вдова пошугая № 38; ворон делает вид, что собирается выклевывать глаза оленя, спасая его от охотников № 40; одноглазый пастух № 58; глаза страшные, холодные у злого героя № 72; сановник просит закрыть ему лицо и глаза прежде, чем рубить голову № 75; глаза, выдиющие на тысячу ли (у атаманши разбойников) № 76; шесть глаз у змея-людоеда № 76.

Глашатаи — объявляют о вступлении в должность № 8.

Год Новый — под Новый год полагается перемерить все зерно в государевых закромах № 72.

Голова — чудесной птицы съедается юношей № 6; семь огнедышащих голов чудовища-мынгуцзы, «средняя» напоминает лошадиную № 7; голова ложного героя торчит из земли и отсекается истинным героем № 7, 8, 41; на месте голов девятиголового оборотня, отсеченных героем, тотчас вырастают новые, одна среди них «настоящая» № 9; головы человеческие (в них превратились дыни) № 11; семь голов чудовища-мынгуцзы, одна из них «средняя» «настоящая» № 20; голова старика, попавшего в яму со смолой, торчит из ямы № 53; головы матери и ее любовника отсекает герой и бросает в колодец № 67; головы советника и императора отсекает в бою герой № 67; голова тощая № 72; головой вниз ложится герой, прикидываясь дураком № 72; военачальник нарочно подставляет голову под меч племянника государя № 73; голову сановника хочет отсечь герой-мститель № 75; девять голов оборотня (ёгуэй), восемь из них, если их срубить, прирастают вновь, одна из них («средняя») «настоящая» № 75; голову монаха отрубает герой № 75; голова противника от сжатия ладонями превращается в лепешку № 77; голову государю во время бритья должен отрезать цирюльник № 46.

Голубь белый — им оборачивается дочь царя пери № 61.

Гонец — везет императорский указ № 73.

Гончар — злой старший брат № 32; гончарная печь, в ней надо сжечь человека, чтобы она хорошо обжигала посуду № 32.

Гора — горы страшные, их должен перейти герой № 36; гора — под ней подземный ход № 37; в горы ведут семеро плешивых своего недруга № 58; за горой обитают разбойники № 67; в горы герои едут охотиться № 67; гора, в которой находится пещера, где живет змей № 68; «гору передвинет, море перевернет» — гипербола силы героя № 72; горы Лёнсань, там лагерь храбрецов № 73, 75; в горах велело схорониться героям № 74; в горы бежит герой, род которого схвачен по повелению государя, № 76.

Г о р о д — туда герой носит на продажу хворост, там вывешивается объявление № 6, 8, 9, 41; город на берегу реки, туда приезжает герой № 44; в город Гучэн герои приходят торговать № 45; из города в город ходит переодетый простолоудином император № 49; город уездный № 51; в город приходит младший брат № 66; туда идет герой с гор Лёнсань, там вывешивается объявление № 75; туда отправляется герой мстить за оскорбление храбрецов № 75; там герой заболевает по дороге в столицу № 78.

Г о р о х — горошины превращаются в воинов № 14.

Г р а б е ж (грабители) — старик-лодочник с дочерью грабят путников № 77; дочери хозяйки постоялого двора пытаются убить и ограбить путников № 77.

Г р о б — стоит в пустом доме, из него выходит чудовище № 27.

Г р о б н и ц а — юноши, уничтожившего змея-людоеда, там собираются жители деревни № 68.

Г р о м — сопровождает полет лягушонка № 5, сопутствует расправе с оборотнем № 17, 18; поражает лиса-оборотня № 66.

Г р у ш а — ее мечтает съесть больной старик № 23.

Г у с и и утки клюют ощипанного коршуна № 37.

Г у ч э н (город) — туда герои приходят торговать № 45.

Д в а — дважды пропоет петух, и тогда появится чудовище-мангузцы № 7; дважды облетает чудесный барабанчик вокруг государя, принося жалобу № 8; два сына старика и старухи № 15; две жемчужины № 19; в два месяца начинает ходить чудесный ребенок № 34; два года пет дождя № 34; двадцать раз миновала чжума, а герой все не возвращается № 35; двадцать недель не ела старуха, сидящая у развилки № 36; два лека серебра и три связки монет вырубил герой № 37; два друга № 50; двадцать лён серебра обещано за избавление от трупа № 60; два работника у юаньвэя № 61; два круга делает над садом дочь пери и улетает прочь № 61; через два месяца старуха объявляет о возвращении сына № 62; на второй день после свадьбы молодые посещают родителей жены № 62; через два года после свадьбы умирают родители мужа № 65; два дня спит младший брат, два дня отдыхает он дома № 66; два тюка сепа съедает конь героя № 73; два места в харчевне предназначены для молодых из Лёнсаньбо № 73; два храбреца из Лёнсаньбо № 73; два блюда овощей съедает герой и выпивает два чайника чая № 74; два чжона — высота дерева № 74; два разбойника № 74; два атамана разбойников № 74; двух стражников посылают схватить героя № 75; два юаньбо серебра предлагает старик стражнику № 75; двоих детей требует ежедневно змей на съедение № 76; два помощника змея-людоеда № 76; два года от героя нет вестей № 77; две кисточки для письма покупает герой № 51.

Д в а д ц а т ь п я т ь л е т исполнилось сыну богача № 51; двадцать четыре тона цитры № 71; двадцать листов чистого золота № 73; двадцать лён серебра обещано тому, кто поймет «разбойника» № 75; двадцать раз сходились противники № 77; двадцать шагов — расстояние от дома до ямы, куда забрались пропавшие бараны № 52.

Д в е н а д ц а т ь л е т исполнилось сыну саповника № 47; двенадцать юаньбо дал муж жене, прогоняя ее из дома, № 65; двенадцать лепешек похищает герой-невидимка № 66; двенадцатого числа двенадцатого месяца должны казнить героя № 73; двенадцать ребер сломал лжеге-

рою сановник № 74; до двенадцати лет лежит и не встает юный герой № 75.

Дверь запертая — без труда открывается чудовищем № 7; запирается монахом, оставляющим героя в пустом доме № 27; двери с шипами в подводный дворец открываются перед героем, постучавшим в них драконовой табличкой № 34; шесть дверей в пещере оборотня № 74; трое ворот в подземелье оборотня № 75; дверь запирается, чтобы змей не мог бежать из храма № 76.

Дворец (золотые хоромы, драгоценные палаты) — № 5, 7; дворец государя, туда приходит герой просит должность № 72; туда приезжает герой, спасший государя № 74; дворец в подводном царстве № 1, 2, 3, 8, 34.

Дворик задний — там мать запирает дочь-невесту № 37; там спят нелюбимые внучатые племянники № 76.

Дворник — герой служит дворником у юаньвэя № 74.

Дверь — срывает объявление, ведет стражников к зятю № 52.

Девуцзы (от иранского *дэв*) — злые духи-великаны охраняют ворота в царство перси № 61.

Девушка — девушка-оборотень № 17; девушку отдают на съедение чудовищу-мынгуцзы № 20; девушек специально откармливают на дворе у людоеда-еможнына № 24; девушка немая начинает говорить, увидев своего суженого № 22; девушка-красавица в горах зовет героя № 36; девочка тринадцатилетняя — ее хочет взять в жены ахун № 37; девушка рябая становится мудрой женой № 65; девушек, похищенных оборотнем, освобождает герой № 75.

Девять голов у оборотня-ёгуэя № 9, 75; девяносто девять человек сгубил монах, девяносто девять черепов были нанизаны им на белый шпур № 27; на девять ли и тридцать чжанов надо вырыть подземный ход № 37; девяносто с лишним мулов осталось у героя № 51; девяносто девять друзей пригласил в харчевню младший брат № 66; девяносто девять железных колесниц в состоянии skinуть в реку герой № 72; девять котлов, девять коровьих туш съедает герой № 74; девять тысяч голов скота забивается в день в столице № 16; девять ворот в стране перси № 61.

Деление табуна на две части, чтобы определить, в какой из них чудесный огненный скакун-людоед № 76.

День рождения старого юаньвэя (тестя) № 55; матери Ли Юаня № 73.

Деньги — денежка золотая (чудесный предмет) № 4; деньги, заработанные за три года, отдаются за сон № 61; деньги пытается взять в долг у друзей младший брат № 66; деньги бумажные жгут на могиле № 71, 76; деньги кончились у героя на постоялом дворе № 73; деньги герой тратит без счета № 77, 78.

Дерево — на нем сидит старуха-ведьма № 20; на нем спит герой № 35; к нему привязывают героя для сожжения № 58; деревья по обеим сторонам улицы надо посадить за одну ночь № 1, 5, 66; на кривом деревце во дворе храма хочет повеситься герой № 74; дерево сумах, из него герой делает себе дубинку № 74; о дерево ударяется мать героя и разбивается насмерть № 42.

Десять лет требуется белобородому старцу, чтобы оживить убитого героя № 15; на десять тысяч набрал герой в родном доме драгоценностей № 16; десять лет назад случилась история № 51; десять лет с лишним проучился герой № 41; десять яиц разбивает старуха подле трупа

мужа № 53; яма глубиной десять тысяч чжанов № 61; десять лет исполняется приемышу № 67; десять хлебцев съедает герой № 74; десять чжинов лапши съедает герой за раз № 74; герой ест за десяти-рых № 74; десять лёнов серебра платит юаньвэй пятистам работникам, а потом герою, работающему за них № 74; десять лёнов серебра дает жена мужу на покупки № 74; десятью воинами поставили командо-вать одного из героев № 74; десять воинов живут в одном шатре № 74; в десяти ли от пещеры велит герой остановиться своему вой-ску № 74; десять лён серебра обещано тому, кто донесет о «разбой-нике» № 75; десять лет исполняется приемышу № 76; десять выюков товара дает глупый герой за кисточку для письма № 51.

До к л а д императору подает чиновник № 71; доклад (донос) пи-шут чиновники государю на героя № 72.

Д о л ж н о с т ь высокая обещается в императорском объявле-нии № 8, 19; обещана тому, кто найдет пропавшего золотого тельца № 52; дается сановнику за заслуги № 75.

Д о м строится за одну ночь мастерами, присланными из подвод-ного царства № 1, 2; чудесным образом появляется утром № 3; дом новый надо построить за ночь (трудная задача) № 5; домик в лесу № 19; дом у речушки, где ночует герой № 22; дом солнца (дворец с красными стенами под зеленой черепицей) на горе у моря № 23; дом в глухих горах, там живут лисы-оборотни № 25; дом необитаемый, в нем герой должен провести три ночи № 27; дом в три этажа строит юаньвэй, пытаясь уберечь своего сына № 28; домик в горах, туда при-водит девида героя, который тут же превращается в камень № 36; в домик попадает девушка — белый заяц, роющая подземный ход № 37; в домике старика и старухи поселяется ловкий вор № 53; дом сжигает дурак, пытаясь избавиться от мух № 56; дом в царстве пери № 61; дом отдельный, туда селят героя № 63; дом берет себе младший брат при разделе № 66; дома старые надо снести и новые построить в десятидневный срок (трудная задача) № 66; дом в го-рах — логово разбойников № 67; камень величиной с дом подымает герой № 67; дом бедный у дровосека № 71; конники устраивают налет на дом № 73; домик дает герою юаньвэй, нанявший его в работники № 74; герой уходит из дома на поиски отца № 75; дом юаньвэя, туда просится переночевать герой № 76; домик ветхий, там поселяется бед-ный герой со своей женой № 78; каждому из шести сыновей отец стро-ит дом № 43.

Д о р о г у надо сровнять, срезав торчащую голову № 7, 8, 41; до-рога западная — на ней бесчинствует змей № 30; три дороги: влево — к горе сокровищ, вправо — к казенным амбарам, средняя — к золотой птице № 36; три дороги, по какой идти героям — неизвестно № 76.

Д о ч ь (д о ч е р и) царя драконов № 1, 3, 4, 34; дочь императо-ра № 5, 7, 8, 14, 15, 16, 19, 20, 44, 48, 52, 58, 61, 67, 75; дочь юань-вэя № 13, 74; дочь бедняка № 49; дочь царя пери № 61; дочери под-земного владыки № 66; дочь лодочника № 77; дочь хозяйки харчев-ни № 77.

Д о щ е ч к и чудесные, что висят на стене, просит герой у владыки подземного царства, с их помощью можно летать по воздуху и стано-виться невидимым № 66.

Д р а к а — юноши с приказником № 64; героя с главарем разбой-ников № 67; племянника государя с принцем № 73; героя с тремя

охотниками — предшествует братанию с одним из них № 74; героя с молодцом — предшествует братанию № 75; драчуны-мальчишки № 76.

Дракон — его облик принимает лягушонок — сын царя драконов, кружится над головами жены и приемных (земных) родителей, улетает на восток № 5; в дракона превращается герой, проглотивший чудесную жемчужину № 34; драконы раз в год выносят из реки чудесный котел № 61; за драконом гонится кабан (такую картину герой видит как отражение в воде) № 73; золотыми драконами украшены палаты государя № 74.

Дровосек идет к богу просить богатства № 24; дровосек (мальчик) № 25; дровосек встречает плачущую женщину, женится на ней № 65; дровосек понимает музыку № 71, указывает дорогу № 72.

Друг — два друга № 50; друзья бросают героя в трудную минуту № 66, 74; у героя всюду друзья № 77.

Дува — «предметы», с помощью которых ахун «лечит» больных № 37.

Дубинка — с ней герой идет на охоту № 74.

Дурак ловит мух сетью № 56; см. также глупый зять № 55 (I, II).

Дурман — им опаивают путников в харчевне № 49.

Дух злой (чжинчи) — злые духи сосут кровь девушки № 13.

Душа (жизнь) оборотня спрятана в курином желтке, желток в нефрите, нефрит в камне, камень в коробке, висящей на дереве № 9.

Дым зеленый сопутствует появлению чудовища из гроба № 27; синий подымается в небо (улетает душа врага) № 74; дым у беса шел бы струйкой вверх, у людей стелется по двору № 78.

Дыни князь получает для своей жены, они превращаются в отрубленные головы № 11.

Дыра в стене проделывается героем-мстителем, через нее он попадает в дом сановника № 75.

Дядя по матери — герой делает его царем № 9; к нему идут братья просить помощи, но не получают ее № 15; за него выдает себя людоед-ежомыш № 21; его спасает от болезни племянник № 25; просит племянника убить своего зятя № 31; дядя не хочет помочь племяннику-сироте № 74; помогает племяннику № 76.

Еда — ее готовят герою чудесные девы № 1, 3; еду не дают дети родителям № 43; во время еды появляется волк № 48; еда разливается по земле № 48; еду вкусную требует герой будто бы для успешного гадания № 52; герой очень много ест № 74; несет еду в тюрьму № 76.

Ежынгуй (букв. «дух дикого человека») — охраняет ворота в царстве пери № 61.

Ёгуэй — см. оборотень.

Ёмогугуэй (букв. «дух-оборотень») — охраняет ворота в царстве пери № 61; специально нанятого человека выдают за ёмогугуэя № 62.

Желтый, желтизна — желтые мыши (видимо, духи умершего государя и его жены) № 16; желтизна как признак связи с вампиром-оборотнем № 17, 18; желтый вихрь (ветер) № 5, 8, 76.

Жемчуг сдирается со спины черепахи № 19; жемчужина выкачивается изо рта дочери царя драконов № 34; жемчужина кроваво-

красная похищается изо рта царя драконов, проглатывается героем, который после этого превращается в дракона № 34; жемчуг получает герой, идущий в город № 75.

Женщина ловко избавляется от любовников-плешивцев № 60.

Жена (чудесная, дочь царя драконов) № 1, 3, 4; женившись на принцессе, герой привозит во дворец и свою первую жену № 52; жена наводит страх на мужа № 54 (I, II); выручает с помощью совета или ловкого ответа № 1, 34, 57; изгоняется мужем из дома № 65.

Женитьба — на дочери царя драконов № 1, 2, 3, 4; дочери императора № 5, 7, 8, 9, 15, 16, 19, 20, 30, 44, 48, 52, 61, 75; на девушке, излеченной от немоты № 22; на доброй девушке взамен злой, развратной жены № 24; женитьба на девушке, убежавшей от матери № 37; женитьба на дочери царя пери № 61; женитьба на дочери юаньвэя № 62; на дочери богача № 63; сына юаньвэя на дочери сапожника № 65; младшего брата на племяннице государя № 66; младшего брата на дочери государя; героя, ставшего чжуоюанем, на дочери императора № 70; бедного героя на дочери богатого юаньвэя, а затем еще и на дочери другого юаньвэя № 74; женитьба на атаманше разбойников № 76; переодетой в мужское платье жене героя предлагают жениться на дочери лодочника; на дочери хозяйки харчевни № 77; братьям предлагают в жены дочерей хозяйки постоялого двора № 77; жена героя женит всех своих друзей и побратимов № 77; женитьба героя на дочери бедняка № 78; отшельники, предрекая, что у одного императора родится сын, а у другого дочь, предсказывают будущую женитьбу детей № 44; женитьба императора на дочери бедняка (мудрой девице) № 49; женитьба «гадателя» на дочери государя № 52.

Жених — от него пытаются избавиться № 63.

Жеребенок небесный № 67; см. также конь.

Жертвоприношения духам № 44.

Заговор против государя № 46.

Задачи (поручения трудновыполнимые) № 1, 2, 10, 47, 57, 61, 66.

Закладная лавка № 64.

Заклинания произносятся с целью нанесения порчи № 14; заклинаниям учатся у белобородого старца № 15; искусством заклинаний овладевает принцесса № 15; заклинаниям героя учит явившийся во сне старец № 44; с помощью заклинания чудесный конь превращается обратно в баранью косточку № 61; вызывается каменный град № 61.

Заколка золотая дарится герою спасенной принцессой № 20.

Закрома — смотрителем государевых закровов назначают героя № 72.

Запад — на запад отправляются братья, надеясь выучиться какому-нибудь ремеслу № 15; на запад идет одип из братьев № 15; на западной дороге бесчинствует змей № 30.

Записка подложная с целью вызвать героя № 72; записка с просьбой принять героев в войско № 74; записка тайная в тюрьму № 76.

Заслуги героя присваиваются «лжегероем» № 74.

Засуха № 34.

Заяц белый — им оборачивается девица № 37; заяц черный живет во дворе у девицы № 37.

Звезды — герою снится, что он в каждой руке держит по звезде № 61.

Зеленый — зеленое лицо чудовища № 27; зеленый дым сопутствует появлению чудовища № 27.

Землянка — в ней живет дровосек с женой № 41.

Зеркало должна взять женщина, чтобы избавиться от людоеда-сможына № 21.

Зима — герой мерзнет зимой № 74.

Змея, змей — змеи, белая и черная, дерутся друг с другом № 1, 2; белая змея (сын царя драконов), ее спасает герой № 1; змея принимает облик всадника (черный змей — на черном коне, белый — на белом) № 1; змей — похититель принцессы может быть убит только собственным мечом № 8; черная змея пытается съесть птенцов, ее убивает герой № 12; змея тысячелетняя превращается в оборотня, убивается чудесным мечом и закапывается глубоко в землю № 17; змею выкармливает мальчик, она помогает ему, а потом проглатывает его № 30; змей-удав угрожает герою № 36; змей пожирает людей, убивается героем № 68; белая змейка проползает через семь отверстий головы героя, когда он спит № 74; змей (шпыне) живет в храме, съедает каждый день двоих детей № 76.

Золата собирается падчерицей и родной дочерью в доме у старухи-бессмертной № 11; горсточку золы из страны пери должен принести герой государю (трудная задача) № 61.

Золото и серебро предлагаются герою в подводном царстве № 1, 2, 8; вынимаются из чудесного котлована № 2; золотые монеты находят под подушкой героя № 6; золотые волосы у героя № 9; золотой цветок падчерицы, золотые украшения, золотые туфельки № 11; золото и серебро герой находит в чудесной тышке № 12; золото (и серебро) закопаны под стогом сена № 13; под яблоней № 22; золото и серебро, равное по весу трупу матери, требуют братья от ворвавшихся конников № 14; золото и серебро забирает из родного дома герой, убивший сестру-оборотня № 16; золотая шпилька принцессы № 20; золотая птица, золотые лучи № 36; золото и серебро получает герой в награду от императора № 41, 46; золотой телец № 52; золото-серебро ворует из казны юноша № 53; золотом и серебром надо наполнить чудесный мешочек № 65; золото и серебро (18 верблюдов) получает победитель на скачках № 18; предлагает герою император № 73; двадцать листов чистого золота велит император незаметно положить в седло героя № 73; золото-серебро получает старик от разбойников № 76.

Зубы вытаскиваются и вставляются на место (видимо, с целью заточки) № 16.

Зять глупый № 55 (I, II); зять полководца № 74.

Игра — 1) на музыкальном инструменте: а) шянцзы — привлекает царя драконов № 3; б) цитре — привлекает дочь царя драконов № 4; привлекает истинного ценителя № 71; 2) на деньги № 6, 51, 64; 3) игра слов № 52.

Игорный дом № 64.

Иероглифы, означающие титул героя, стоят на всех мечах и пожах № 72.

Изгнание лжегероя из столицы № 44.

Изображение матери делает герой из дерева после ее смерти и поклоняется ему № 42.

Император дружит со стариком № 43; императора казнят, ловкий вор садится на его место № 53; император погибает, на его место выбирают паршивого № 61; императором становится младший брат благодаря побратиму — лису-оборотню № 66; император продает крестьянам зерно № 69; императрица кушается, герой, приглашенный нарочно, видит ее голой, за что его казнят № 72; император Гуон-хуэй правит страной № 73; императором другой страны становится герой № 73; императора спасает герой, потом сам становится императором № 74; против императора выступает человек из рода Щё № 76; императоры бездетные просят у бога потомства № 44; император просит говорить ему на ухо, кто что хочет № 46; императором становится бывший бедняк № 46; императором становится старший брат № 48.

Имя героя написано на его стреле № 73.

Искусство военное (восемнадцать видов) № 7, 76.

Кабан гонится за драконом — такую картину видит герой как отражение в воде № 73.

Каллиграф пишет надписи и продает их № 51.

Калым № 37.

Камень величиной с дом может поднять герой № 7; огромный белый камень превращается в злого духа после того, как на него падает капля крови № 13; два драгоценных камня (см. также жемчужины) № 19, их герой получает от черепахи; № 22 — от рыбы; камень чудесный, дающий изобилие № 26; в каменную глыбу превращается герой, нарушивший запрет № 36; камни величиной с дом падают с неба и убивают противников героя № 61; камень драгоценный преподносится императору № 65; тяжелым камнем придавлено отверстие колодца, куда сброшен главарь разбойников № 67; камни учатся подымать герой № 67; каменные ворота у пещеры оборотня № 74.

Капканы — в него попадают по очереди волк и олень № 40.

Караван верблюдов встречают герои № 20.

Кисть (писчая) — ее покупает глупый герой у знаменитого каллиграфа № 51.

Китай — там живет князь № 47.

Кладбище китайское № 27; кладбище, туда для лечения привозят больную старуху № 63; там прячется герой от преследователей № 73.

Клеймо ставится на спину, на руку соперников героя № 9.

Клюка старушечья, умертвляющая и оживляющая (босы — бороды лондон) № 20.

Ключ от хрустальной стены приносит герою спасенная им птичка, с его помощью он открывает вход в сад золотой птицы № 36; ключ от 72 кладовых получает герой № 65.

Кляча старая черная сама идет к младшему брату № 66.

Книга — маленькую книжечку, из которой можно узнать, где что происходит, получает герой от учителя магии № 14; книгу небесную получает герой от старухи в пещере № 74.

Кнут — им сын бьет мать № 42; дурак — сдохшего коня, ящичек фокусника, мотыгу № 51; кнут вешается на балку перед уходом героя, если с него начнет капать кровь — с героем случилась беда, если молоко — все в порядке № 67; кнут драконов (сравнение) № 77.

Князь женится на падчерице № 11; князь трех знамен (миров) № 72; князь живет в Китае № 47.

Ковер — император учится ткать ковры № 49; ковер, сотканный императором, попавшим к разбойнику, продают во дворце, благодаря чему находят и спасают императора № 49.

Кожа — кусок кожи от седла соперников отрывает не узнавший ими герой № 49; кожа с лица падчерицы сдирается и прилепляется мачехой к лицу родной дочери № 10.

Колесницы железные выставляются с оборонительной целью № 72.

Колодец старый, заброшенный — в него жена прячет лягушачью шкуру своего мужа № 5; в него спускается один из братьев за водой № 6; ложный герой спихивает в него истинного героя № 8; роется как ловушка для сына государя, оговоренного сводной сестрой № 16; в колодец бросает герой побежденного главаря разбойников № 67; в колодец герой бросает отрубленные головы матери и ее любовника № 67; колодец роет герой на своей половине двора № 72.

Колпак (тукэкэр) из бараньего брюха, им золотоволосый юноша скрывает свои волосы № 9.

Конь (жеребенок, кляча, скакун) вороной с метой на лбу (чудесный помощник) № 9; клячу ленивую дает государь нелюбимому (паршивому) зятю № 9; коня ведут на водопой (встречают птичку — душу убитой падчерицы) № 10; кони гибнут во дворе каждую ночь № 16; конь чудесный помогает герою № 20; конь быстроходный дается герою отцом № 44; скакун, пробегающий в день тысячу ли, помогает герою № 61; в коня вороного превращается после омовения снадобьем старая кляча № 66; конь вороной, принадлежит главарю разбойников, остальные 39 коней все слабые № 67; конь летит по воздуху № 67; коней пасет герой № 72; коня поит герой, продает своего коня № 73; конь ложится под ворота и мешает закрыть их, пока повстанцы выберутся из города № 73; на конях герои отправляются служить в войске государя № 74; ходить за конями поставили героя, явившегося на военную службу № 74; конь роет землю копытом, приглашая героя садиться № 74; конь-дракон привязан в пещере № 74; самого лучшего коня предлагает государь выбрать сановнику № 75; конь огненный в табуне у юаньвэя летает по ночам, ест людей, днем выглядит как тощий, ленивый конь № 76; конь озерный (морской?) — людоед, его боятся жители города, которые хотят съесть его, герой ловит коня и берет себе № 76; коня и одежду героя присваивает ложный герой № 44; конь у дурака поддыхает с голоду № 51; конь обещан тому, кто найдет пропавшего золотого тельца № 52 (см. также: скакун, кляча, жеребенок).

Конюшня — подле нее селят нелюбимого младшего зятя государя № 9; в ней находится слепой отец героя № 9; в ней лисица-оборотень сосет кровь у коней № 16.

Копье с тремя зубцами не может поднять герой № 72.

Копыта коня — в них спрятаны седло, меч и палица № 66.

Коран — мать заставляет дочь читать его № 37.

Корзина с вставным дном, в ней в тюрьму проносят младенца № 76.

Коробочка — красная, в которой находятся в подводном дворце волшебные предметы № 1; коробочка, в которой спрятан чудесный меч, поражающий только оборотней, вешается над дверью № 17.

К о р о в а черная, любимица падчерицы, сердце коровы хочет съесть махеча № 10; девять коровьих туш варится в пещере, их съедает герой № 74.

К о р о м ы с л о — бросается вверх в небо и сбивает туфельку похищенной девушки № 8; коромысло с товарами просит герой понести у разносчика № 74.

К о р ш у н сватается к вдове попугая № 38.

К о с а (волосы) — ее герой привязывает к потолку, чтобы не уснуть № 70.

К о с т и черной коровы кладутся под перевернутый чан № 10; кости гадательные № 50; косточка баранья превращается в скакуна № 61; игра в кости № 64.

К о т е л — из земли (котлован), из него герой достает золото и серебро, а его противники — злая мачеха и ее сын гибнут в нем № 2; котел с водой, которую кипятит герой и в котором сварились его злые братья № 3; котел серебряный — волшебный предмет № 4; котел с афла опрокидывается рассерженным мужем героини № 11; котел чудесный из реки выносят на сушу драконы № 61; девять котлов в пещере, в каждом варится по коровьей туше № 74.

К о ч е р г а — ею жена бьет мужа № 54.

К р а с н ы й — красная тыква-горлянка № 1, 2, 3; красная шкатулка № 1, красные стены дома — дворца солнца, красные лучи сопутствуют появлению солнца № 23; красные глаза чудовища № 27; кроваво-красная жемчужина во рту у царя драконов № 34; красные глаза у зайца № 37; красная кровь № 72.

К р и к первый петуха — при нем чудовище прячется обратно в гроб № 27.

К р о в ь — капля ее падает на камень, и он превращается в злого духа № 13; кровь коня сосет через кончик его хвоста лиса-оборотень № 16; кровь героя сосет змея-оборотень № 17; если с кнута начнет капать кровь — с героем случилась беда № 67; кровь красная высыхает, черная кипит у героя от волнения № 72; кровью должен написать император отречение № 74.

К р у г (магический), прикрывающий от посторонних глаз скот или охотничью добычу № 1, 2, 9.

К р ы ш а — по ней ходит нанятый человек, выдаваемый за оборотня № 62.

К у в ш и н фарфоровый с серебром находит героиня в земле № 37; кувшин с едой опрокидывает волк № 48.

К у в ы р к а н и е — приемной дочери государя надо перекувырнуться, чтобы превратиться в белую лисицу № 16.

К у п а л ь н я, **к у п а н и е** — во время купания в пруду принцесса замечает героя № 9; купание в пучине — во время него во сне герою является дочь царя драконов № 34; во время купания герой встречается со лжегерою № 44; в императорской купальне прячется герой № 44; герой застаёт императрицу голой во время купания № 72.

К у р и ц а — от ее мяса герой должен погибнуть (сгореть) № 9; курица и петух помогают падчерице разобрать зерно № 10; курицы клюют ошпанного коршуна № 33.

К у р т о ч к а — белая заячья дарится девушке черным столетним зайцем, надев ее, героиня превращается в белого зайца № 37.

К у х н я — там служит девица № 72.

Лавка — ее открывает герой № 17; лавку открывает отец героя, уехавший в чужой город № 75.

Ладонь — на ней пишут день казни героя, о котором надо сообщить его братьям № 73.

Лампа — любовник мачехи героя № 9; 35.

Лапша готовится чудесными девицами № 8; сушеная (ганьянб-тёр) берется в дорогу, сюз охотник кормит оборотней, потом находит ее в желудках убитых лисят № 25; лапшу готовит девица — белый заяц № 37; десять чжинов лапши съедает за один присест герой № 74.

Ласточка спасает добрый младший брат, и она приносит ему счастье, старший брат ранит ласточку, и она приносит ему несчастье № 12.

Лев охраняет ворота в царстве пери № 61.

Легкие тигра съедаются по случаю братания № 74.

Лекарь — его приглашают к больному лягушонку № 5; за лекаря выдает себя герой, подслушавший разговор зверей № 13; его призывают лечить героя № 67; лекаря приводит к больной принцессе оборотень № 75.

Лепешка — половину лепешки дает герой старухе у развилки № 36; две лепешки отдает второй герой той же старухе № 36; лепешки похищает герой-невидимка № 66.

Лес — в лесу подле столицы назначена встреча братьев № 76.

Ляншаньбо (кит. Ляншаньбо) — лагерь храбрецов № 73, 75.

Ливень (потоп) — о нем предупреждает лягушонок № 5.

Лиса — побратим тигра и волка № 13; лиса белая — оборотень № 16; лисы (семейство) — оборотни № 25; лису тридцатилетнюю требует достать государь № 47; лис-оборотень — побратим младшего брата № 66.

Лицо зеленое у чудовища № 27; желтое № 72; синее (у змея) № 76; сановник просит закрыть его лицо и глаза, прежде чем рубить ему голову № 75.

Лобное место — там выставляют для опознания труп старика № 53; туда ведут Хань Шиня на казнь № 72.

Лодка — лодочник переправляет героиню через реку № 77.

Ложка железная (чудесный предмет) № 4.

Лопата железная — ею отсекается голова злого сводного брата № 7, 41.

Лук (оружие) — выстрелом из него сражен старик-отравитель № 63.

Луна пятнадцатидневная падает к подушке старой женщины № 41; луна снится во сне № 61.

Лучи золотые от золотой птицы убивают все дурное и обновляют хорошее № 36.

Любовник матери героев требует зарезать чудесную птицу, зарезать детей, съевших голову и сердце чудесной птицы № 6; хочет убить героя № 67; любовник жены торговца — разбойник, хочет убить ее мужа, но по ошибке убивает свою любовницу № 24.

Людоед — дикий человек № 21; змей № 76; конь № 76.

Лягушонок — сын царя Драконов заменяет сына бездетным стариком № 5.

Магия (магическое искусство) — хочет постичь герой № 147.

Мак опийный — его полют герои № 48.

Мальчик уличает всезнающего ученого в незнании воровского ремесла № 53; необычный мальчик все время лежит № 75.

Мантия с начинкой из человечины № 49 (ср. также *пельмени*).

М а с л о из опрокинутой лампы выливается на волосы героя № 24.

М а с т е р а призываются во дворец, у них император учится ткать ковры № 49.

М а т ь приемная № 15, 41, 53; мать людоеда-ём о ж ы н а убивается им по ошибке № 21; мать солдата — к ней идет герой жаловаться на ее сына № 23; матерей убивают семеро плешивцев, поверив хитрецу № 58; герой закапывает мать живьем в землю № 72.

М а ч е х а задает пасынку трудные задачи, сгорает в огне № 2; приводит с собой сына № 7; ее казнят за плохое отношение к пасынку № 7; мачеха заводит любовника, пытается извести пасынка, пасынок казнит ее, разрубая на части № 9; мачеха приводит с собой дочь, ее казнят вместе с родной дочерью № 10; мачеха приводит с собой дочь № 11.

М е л о д и я (ее названия) № 4, 71.

М е д в е д ь бурый охраняет ворота в царстве пери № 61.

М е р т в е ц оживает с помощью чудесной клюки № 20.

М е с т о безлюдное, там брошенная косточка превращается в скакуна № 61.

М е с т ь лисов-оборотней охотнику № 25; за погибших родственников № 76.

М е ч змея, которым герой убивает самого змея-похитителя № 8; мечом герой убивает ложного героя № 8; старый, тупой дает император любимому третьему зятю № 9; им герой нарочно царапает себе руку № 9; меч дает герою учитель (оборотень), чтобы убить лису-оборотня № 16; меч, поражающий только оборотней, в маленькой коробочке дает герою белобородый старец № 17; мечи разбойников ломает младший брат № 67; меч изготавливают кузнецы для смельчака, отважившегося уничтожить змея № 68; с мечом в руке Бавон преследует Хань Щиня № 72; на всех мечах стоит клеймо (иероглифы) героя, поэтому его нельзя ими казнить № 72; мечом, подsunутым под брюхо коня, герой вытаскивает из топи императора, сидящего верхом на коне № 74; меч висит на стене в пещере № 74; меч никак не хочет отсекать голову сановника № 75.

М е ч е т ь — там хранится драконова табличка, совершается моление о дожде № 34.

М е ш о к, м е ш о ч е к серебряный, всегда полный золота (чудесный предмет) № 6; мешок (торба), из него капает кровь № 11; мешочек с белыми бобами, которые могут превращаться в воинов № 15; в мешке несут труп, чтобы кинуть в реку № 63; мешочек, который никак не наполняется № 65; мешочек угольной крошки дает героям торговец углем № 78.

М и л о с т ы н ю просит герой № 74.

М о г и л а матери, на ней плачет сын, обижаемый отцом и мачехой № 2; в нее ложится герой, чтобы переждать опасность № 14, 73; ее герой роет для своей матери и хоронит мать заживо № 72; кто придет на могилу казненных, того хватать немедленно (приказ государя) № 76; герои справляют поминки на могиле № 76; дух из могилы № 35.

М о л н и я убивает вероломного стражника № 61.

М о л о к о тигриное в нефритовой чашке; если оно покрасеет, значит, с героем случилась беда № 15; если с кнута будет капать молоко — с героем все благополучно № 67; молоком омывают тело погибшего юноши перед похоронами № 68.

М о л о т ы бронзовые — в них превратились два побежденных помощника змея № 76.

Монах в древнем храме № 27; в храме героя № 73; монах носит воду для оборотня, живущего под храмом № 75.

Монеты — по связке монет выдавали на поверке каждому воину № 74.

Море — герой кипятит его № 4; переправляется через него на спине рыбы № 22; «море перевернет» — гипербола силы героя № 72.

Мост — появляется из моря, когда вода морская расступается; на мосту стоит царь драконов № 4; мост золотой из моря, по которому едет в колеснице дочь царя драконов № 4; мост золотой строится в одну ночь (трудная задача) № 5.

Моток шерсти — с его помощью узнается длина лаза № 37.

Мотыга — ее покупает глупый герой у крестьянина за тридцать выюков товара № 51.

Мудрец — к нему идет герой просить совета № 22; рассказывает людям о гибели государя № 61.

Муж — боится своей жены № 54; будто бы рождает ребенка № 57.

Мул — скачки на мулах № 1, 2.

Муха оставляет червячка на мясе № 28; мухи — их дурак пытается ловить сетью № 56.

Мынгуцзы — см. чудовище.

Мытые головы № 10; отказ от мытья головы спасает героя от гибели № 24.

Мыши желтые предупреждают героя об опасности № 16.

Мякина рисовая — под ней задыхается недобрый муж, выгнавший свою жену № 65.

Мясо черной коровы не следует есть героине, она прячет его в рукав № 10; мясо для тигренка и птенца беркута просит герой, нанимаясь на работу № 16; мясо ребенка не ест его мать, прячет в рукав ножки и ручки № 21; мяса кусочек выковыривает из зубов гадатель и выплевывает его № 28; мясо теленка продает на базаре плешивый № 58; по одному чжину мяса получает каждый воин на поверке № 74; мясом жертвенных баранов хотят полакомиться юноши № 76.

Навоз коровий собирает старик № 5; человеческий — им заполнен стол у ложного героя (вместо чудесных яств) № 8; конский — кладется в чашку с едой, подносимой государю № 9.

Нападение врагов № 9.

Нарыв (шишка) на спине охотника — результат мести лисов № 25.

Наставник магии № 14; наставник государя № 14.

Начальник уезда разбирает дело об убийстве № 24.

Невестка (жена старшего брата) № 62, 66 (не любит младшего брата мужа, требует раздела).

Невидимка — им герой становится благодаря чудесным дощечкам, ворует еду и одежду, попадает к племяннице государя и женится на ней № 66.

Неурожай — о нем герой предупреждает императора № 65.

Нефрит — из него сделано все в доме владыки подземного царства № 66.

Нечисть — с ней знается герой № 27.

Нитка привязывается к пальцу большой, а герой, держа другой ее конец, определяет пульс № 13; нитка с иглой прикалывается к одежде

оборотня — по ней потом находят его местопребывание № 18 (см. также моток).

Нищий, нищенка просит еды № 11; нищий берется вынести покойника № 60; нищие — Паршивый и его мать № 62; герой и его жена нищенствуют, питаются подаванием № 78.

Нога сломана у мужа, которого побила жена № 54 (II); ногами вверх ложится герой, прикидываясь дураком № 72.

Нож кухонный — им казнят подлого человека № 72.

Норы в соломе — там спят герои № 76.

Ночь — три ночи должен провести герой в необитаемом доме подле кладбища № 27; ночью к женщине являются трое плешивых № 60; ночью в храме появляется змей-людоед № 76; ночью чудесный конь летает по небу № 76; на ночь глядя героиня отправляется в путь № 77.

Нужник устраивает зловредный герой рядом с колодцем № 72.

Обвипение в убийстве № 24.

Обернуться — герою предлагают обернуться в другую сторону, а в это время исчезает гадатель (бессмертный-шынщянь) № 72; исчезает старуха в пещере № 74.

Обжорство — от него умирает ахун № 37 (см. также еда).

Обида — герой умирает от обиды на друга № 50.

Облако пыли свидетельствует о приближении скачущего героя № 9.

Обоз держит богач № 51.

Оборотень (ёгуэй) похищает принцессу № 7; девятиголовый оборотень, приняв человеческий облик, становится государем и требует принцессу соседней страны № 9; оборотень (белая лиса) изводит скот и людей № 16; оборотень (чжин)-змея сосет кровь мужа № 17; оборотень (чжин)-заяц сосет кровь девушки № 18; в чжина-оборотня должен был превратиться монах № 27; оборотень свирепствует на дороге, уничтожается героем № 74; девятиголовый оборотень, похитивший принцессу, уничтожается героем № 75; оборотень (конь огненный) № 76.

Обрыв — под ним нельзя прятаться от дождя № 24.

Объявление о спасении принцессы вывешивается государем, срывается героем № 7, 8; объявление (кто победит дочь государя, владеющую искусством магии, тому она и будет женой) вывешивается государем, срывается героем № 15; объявление (кто принесет два драгоценных камня — получит принцессу) № 19; объявление (кто отгонит от столицы тигров — получит высокий пост) № 19; объявление (кто избавит от чудовища — получит высокий пост) № 30; объявление (кто добудет сердце змеи — получит в жены принцессу) № 30; объявление (кто отыщет пропавший агат — получит награду от государя) № 41; объявление (кто хочет сказать что-либо государю на ухо) № 46; объявление (надпись под портретом: кто не уступит девушке в красоте — за того ее отдадут замуж) № 62; объявление о раздаче еды голодающим в неурожайный год № 65; объявление о поимке вора вывешивает сам поймавший № 73; объявление над воротами дома юаньвэя (бесплатно принимают храбрых) № 74; объявление вывешивается сановником № 75; государем (запрещается носить еду заключенным) № 76; объявление (кто найдет пропажу — получит пост, коня и принцессу) вывешивается императором № 52.

Овощи жареные (два блюда) съедает зараз герой № 74.

Оглядываться запрещено во время возвращения из мира лис-оборотней № 25; нельзя оглядываться по дороге к золотой птице № 36.

Оговор — лиса-оборотень оговаривает своего сводного брата — сына государя № 16.

Огонь (пламя) появляется из тыквы, сжигает злого брата и его жену № 12; огненная полоса (чудесный меч) разрубает змею-оборотня № 17; огонь разводится в яме, чтобы погубить героя № 61; огнем хотят горожане изничтожить коня-людоеда № 76.

Одеяние чудесное, от которого зимой тепло, а летом прохладно, — подарок героине герою: а) платочек № 4; б) рубашка, надев которую герой должен сгореть № 9; лоскут от платья — им принцесса перевязывает рану героя № 9; одеяние новое, получаемое падчерицей № 10, 11; одежду героя присваивает ложный герой № 44; одеяние (паряд) из белых голубиных перьев у дочерей пери, его похищает герой № 61; одежду герой пытается заложить в закладной лавке № 64; одежду из лавки похищает герой-невидимка № 66; одежда рваная на дровосеке № 71; одежда белая висит на седле чудесного коня, привязанного в пещере № 74.

Одиннадцать кладовых юаньвэя № 65.

Одуванчик проглатывает герой № 48.

Оживление — белобородый старец берется за десять лет оживить одного из братьев, убитого другим братом № 15; охотник оживляет юношу с помощью чудесной клюки № 20; «оживление» потерявшего сознание старика с помощью смачивания лба ключевой водой № 23.

Олень пятнистый спасает волка № 40.

Опаивание путников в харчевне № 49.

Оружие чудесное — в него превращаются побежденный змей и его помощники № 76.

Осел (ослица) — в него превращается вдова, обыгрывавшая людей, после того, как отведает зрелого яблока № 6; осел звонит в колокол и приносит жалобу № 6; ослик героя гибнет № 37; на осле жена везет побитого ею мужа № 54(II); осел покупается на базаре для перевозки найденного серебра № 65.

Осень — осенью отпускают мастеров, строителей терема, по домам № 74.

Остатки (поскребыши) еды даются нищенке № 11.

Остатки сожженного человека бросаются в воду № 58.

Остров необитаемый — туда юаньвэй увозит своего сына в надежде спасти его от волка № 28.

Отвар (бульон) из птицы выплескивается на землю, на этом месте вырастает рогоголовник № 10.

Ответ ловкий № 47, 57.

Охотник № 1, 25.

Отец казнится по приговору дочери № 63; отец уходит из дому, сын вырастает и идет искать его № 75.

Отлучка — из дома — герой отправляется в дальние края № 77.

Отрава дается героине № 63; отраву подсыпают в питье хозяева постоянного двора своим постояльцам № 77.

Охота — охотник № 1, 25; охотники № 40; братья по очереди отправляются в горы на охоту № 67; жена посылает мужа на охоту № 74.

Очередь — голодный герой трижды становится в нес, но не может получить еды № 65.

Отшельники живут в горах № 44.

Ошибки в письме приводят к недоразумению № 45.

Паланкии, несомый восьмью носильщиками (ба т э й ч ж ё), в нем уносят падчерицу № 10; несут падчерицу во дворец князя № 11; несут старуху, нашедшую агат № 41; императора на прогулку № 43; носят названного брата с женой № 66; в нем юаньвэй с женой едут приглашать в дом названного брата, сына и его невестку № 74; в нем несут по городу нового правителя № 78.

Палачи — их призывает государыня, приказывая казнить героя № 72.

Палка-банчжягун (букв. «палка-переезжалка»), перевозящая героя в любое место (чудесный предмет) № 6.

Палочки для еды разбрасываются на дороге во время бегства № 21; палочки для еды, положенные для любовника, выдаются за палочки, предназначенные мужу № 24.

Пальцы (на ногах) отрубаются у доброго героя по приказанию злого № 14; пальцы (на руке) отрубает сын императора своей сестре (оборотню) № 16.

Панцирь изготовляют кузнецы для смельчака, отважившегося уничтожить змея № 68.

Паршивый № 61, 62 (см. также плешивый).

Пастух с отарой овец просит узнать ответ на вопрос № 23; пастух сам идет к богу просить богатства № 24; пастух государев одноглазый, обманутый хитрецом, дает привязать себя к дереву и сжечь № 58.

Паук — оборотень, вампир № 18.

Пахарь идет к богу просить богатства № 24.

Пельмени с начинкой из человеческого мяса делают хозяева постоялого двора № 77 (см. также манты).

Пень гнилой — им герой пытается топить печь № 78.

Пепел — в кучу пепла превращается чудовище, в которого герой бросает чудесную бусинку № 27.

Перекресток — на нем сидит герой, наблюдая движение путников № 6; на нем закапывают лежнего героя по шею в землю № 8; на нем висит объявление № 8; на перекрестке императрица велит служанке поджидать ее сына № 16; там выступает фокусник № 51; там должны встретиться студент и принцесса № 61.

Переодевание в мужское платье № 63, 77; переодевание императора простолудином № 49.

Перерождение (будд.), перевоплощение — девица есть перевоплощение души убитого зрителя моста, она мстит убийце № 72.

Перстень, получаемый героем от принцессы, является знаком истинности героя № 7.

Перья белых голубей — наряд № 61; перо куриное, им герой щекочет в носу у спящего вора № 75.

Пес — волшебный, в которого превращается служанка дочери царя драконов № 4; тощий, которого император дает нелюбимому третьему зятю № 9; пес пастуха говорит человеческим голосом, идет с людьми к богу просить богатства № 24; два пса охраняют вход в подземный мир № 66; пес черный (душа врага) привязан к дверям пещеры № 74; с псами сравнивает сановник молодцов с гор Лёнсань № 75.

Песенки-хуар поет героиня № 37.

Петух белый, трехлетний, превратившийся в злого духа № 13; петуха держит под мышкой герой № 9; при первом крике петуха — чудовище прячется обратно в гроб № 27; пестрого петуха прячет принцесса в шкаф, требуя, чтобы муж отгадал, что там № 52.

Печать (символ власти) вручается ложному герою № 8; печать царства пери на ладони героя служит ему пропуском № 61; вручается герою лисом-оборотнем, правившим под видом императора № 66; герой требует печать сановника вместо его головы № 75; печать сановника похищается ловким вором, отыскивается героем № 75; печати государя и всех сановников похищены героем и его друзьями № 75.

Печень тигра съедается по случаю братания № 74.

Печь гончарная № 24; в печь прячут любовников, они задыхаются там № 60.

Пещера, в которой находят похищенную принцессу № 7; № 8; вход в нее заваливается по приказу ложного героя № 8; в ней живет старуха-бессмертная № 74; в ней живет белобородый старик № 15; пещера в глухих горах, к ней подходит герой № 16; в ней засыпают вечным сном семь путников и их пес, идущие к богу просить богатства № 24; пещера дракона № 34; в пещере прячет герой вещи жены № 52; в пещере живет дровосек № 65; в пещере обитает страшная змея № 68; в пещере поселяется герой со своей женой № 74; в пещере живет оборотень № 74 (см. также подземелье).

Пир устраивает князь № 11; император № 48, 73.

Писарь (счетовод) № 16, 45; писарь (грамотей) № 77.

Письмо домой грамотей пишет с ошибками № 44; письмо от названного брата к его отцу должен доставить герой № 66.

Платочек чудесный, от которого зимой тепло, а летом прохладно № 4; платок принцессы рвется на части, и им перевязывают рану героя № 9; платок белый покупается матери в подарок № 37.

Плач героя растревоживает дочь царя драконов № 4; по плачу должны определить родственников погибшего вора № 53; притворный плач матери паршивого № 62.

Племянник охотника посещает лисов-оборотней, просит снять наказание со своего дяди № 25; племянница государя (со стороны сестры), к ней является герой-невидимка и женится на ней № 66; племянник императора № 73; племянники внучатые, нелюбимые дядей № 76.

Плешивые № 58, 59, 60 (см. также паршивые).

Плита каменная в пещере змея, ею придавлен юноша — сын царя драконов № 8; плита раскаляется и кладется у ворот людоеда № 21; плитой прикрыт вход в подземный мир № 66.

Плоды чудесные (в виде жемчугов и агатов) должны вырасти на иве за одну ночь (трудная задача) № 5 (см. также яблочки).

Плоскогубцы разнимаются на части — знак при свидании № 64.

Побег из дома детей, которых мать собирается зарезать по требованию любовника № 6; побег девушки из дома № 61, 63.

Побратимство № 8, 14, 19, 40 (зверей); 63, 66, 71, 74, 75, 77.

Поверка воинам в лагере № 74.

Повесившегося юношу снимает с дерева разносчик № 74.

Погонщики верблюдов № 66.

Погреб — в него сажает падчерицу № 10; погреб трехсотлетний, в нем приемная дочь государя принимает свой изначальный облик белой лисицы № 16 (см. также подвал).

Подарки жене побратима (мука, рис, масло, мясо, сахар, чай) № 74.

Подвал — туда затаскивает императора и других путников разбойник, хозяин харчевни № 49.

Подводное царство — туда попадает герой № 1, 2, 3, 4, 8, 34.

Подвешивание к дереву спиной кверху — наказание охотника в царстве лисов № 25.

Подвиги — герой отправляется в дальние края совершать подвиги № 77.

Подземелье — там живет оборотень № 75 (ср. пещера).

Подмена жены (падчерицы) родной дочерью № 10; подмена подушки и положения спящего на кане ведет к убийству другого (матери убийцы) № 21; случайная подмена человека, несущего еду, ведет к убийству другого (сына того, кто замыслил убийство) № 32; подмена записки (героя не убивают, а женят) № 31; подмена кровати (вместо сына убивают его мать) № 58; подмена младенцев в тюрьме № 76.

Подушка деревянная, железная в доме у людоеда-ёможина № 21.

Поединок военачальника и племянника государя № 73.

Поздравление с вступлением в должность № 78.

Поляна — там останавливается герой № 75.

Поиски отца № 64, 75, 76; некрасивой девушки № 65; жена отправляется на поиски мужа № 77.

Поклонение небу и земле при братании № 71.

Покойник (мать) выдается за тяжелобольного, впоследствии за него, как за якобы умерщвленного, требуют возмещения ущерба № 14; покойник (мать) посажен на верблюда и выдается за живого, потом требуется компенсация как за убийство № 58; покойники выносятся из дому обманутым нищим № 60.

Пол подметается по просьбе старухи-бессмертной падчерицей и родной дочерью № 11.

Полдень — ровно в полдень уходят драконы, играющие чудесным котлом № 61.

Полночь (см. также третья стража) — в полночь выходит из терема приемная дочь государя и принимает свой изначальный облик лисы-оборотня № 16; в полночь чудесный меч разрубает змею-оборотня № 17; в полночь должны встретиться студент и принцесса, приготовившие бежать № 61; в полночь герой возвращается домой, выполнив трудную задачу № 61.

Полоса огненная — чудесный меч № 17; полоса бронзовая — в нее превращается побежденный змей № 76.

Полотно — за ним посылают глупого мужа № 55 (II).

Помост (луйтэй) — место для состязаний в военном искусстве № 77.

Помощник чудесный — конь № 9, 61, 66; курица и петух № 10; два помощника змея-людоеда № 76.

Попона белая бросается под брюхо мула, отчего брюхо лопается № 1.

Попугай — жена попугая № 38.

Посыльный — посланец государя № 66; посыльный приносит подложную записку № 72.

Портрет дочери юаньвэя висит на воротах № 62.

Пост (религ.) — герои не хотят соблюдать его № 76.

Постель мягкую требует герой якобы для успешного гадания № 52.

Постоялый двор — там происходит встреча истинного и ложного героев № 8; там хозяин каравана собирается убить братьев № 20; пынцань предупреждает героя, чтобы он не останавливался там № 24; там хозяин пытается отравить девушку и присвоить ее деньги № 63; к хозяину постоялого двора герой нанимается на работу, потом становится приемным сыном хозяина № 64; там останавливается герой и заболевает тифом № 73; там хозяин видит у героя золото и доносит на него № 73; там живет героиня, туда приходит богатырь № 77; постоялый двор — логово разбойников № 77.

Правитель подземного мира № 66.

Праздник середины осени — 15-е число восьмой луны — встреча влюбленных № 4; праздник со скачками устраивает император № 66.

Предметы чудесные см.: тыква-горлянка, мешочек серебряный, браслет золотой, палка волшебная, барабанчик, три сокровища (ложка чудесная, котел серебряный, денежка золотая), коробочка с мочом, дощечки.

Предсказание бессмертных, явившихся герою во сне № 72.

Представление устраивает император для своих подданных, на него едут мачеха с дочерью, а потом падчерица № 10; устраивается в подземелье, где живет оборотень № 75.

Приглашение в гости к побежденному богатырю № 77.

Приемыш № 44 (усыновление сына государя), № 67, 78.

Приказчик в лавке № 64.

Прикосновение руки героя разрушает чары № 15.

Присваивание подвига (заслуг) истинного героя № 7, 8.

Пропасть — в нее сталкивают доброго героя № 7.

Пропажа дочери императора № 75.

Просо смешивается с пшеницей № 10; на просо и пшеницу дурак вешает полоски материн в знак траура № 55 (II).

Простыня — в нее заворачивается императрица, внезапно застигнутая героем во время купания № 72.

Прошение о принятии на военную службу подают герои-побратимы № 74.

Пруд в императорском саду, в нем купается герой № 9; пруд в саду юаньвэя, там плавают утки и гуси № 55; пруд в саду в царстве пери, туда приходят купаться дочери пери № 61.

Прутики и втыкаются в кучки земли вместо ароматных курительных свечей № 71.

Птица — птичка пестрая (хуачёр) несет чудесные яйца, кто ее голову съест — правителем будет, кто сердце — золотом харкать будет № 6; три говорящих птицы (голуби) выдают в разговоре тайну чудесных яблок № 6; птичка — в нее превращается убитая падчерица, которая вновь убивается и съедается дочерью мачехи № 10; птенец выпадает из гнезда, его спасает герой № 12; птица огромная, черная хватает гадалеля и переносит на остров № 28; птица золотая, все, на что упадут ее лучи, становится новым № 36; птичка изумрудно-зеленая привязана конским волосом, герой освобождает ее № 36; птичий наряд № 61.

Пузырь желчный прилепляется к виску родной дочери мачехи № 11.

Пух тополиный используется злой мачехой вместо ваты для «утепления» одежды пасынка № 2.

Пчела — ее спасает герой № 36.

Пшеница смешивается с просом, героиня должна рассортировать зерно № 10; пшеницу сеет и жнет герой № 20; на нее дурак вешает полоски материи в знак траура № 55 (II); ее обваривают кипятком № 69.

Пери — в их страну посылает государь героя № 61.

Пятница — пятничная молитва № 34; в пятницу прилетают куцаться дочери пери № 61.

Пять юаньбо, пять чжинов золота дает императрица служанке, посылая ее предупредить сына об опасности № 61; пятьдесят верблюдов золота и серебра дают богатые люди, чтобы откупиться от выполнения трудной государственной задачи № 66; пять правителей (миф.) № 71; пять пар стражников присылают за героем из ямы № 73; пятьсот человек носят бревна для строительства терема, их заменяет герой № 74; пятая стража № 74; пятьдесят конников посылают вперед разбойники № 74.

Работа — ее ищет герой № 74.

Работник достается младшему брату при разделе № 66.

Рабство — император продает в рабство непочтительных к родителям детей № 43.

Разбойники пытаются ограбить проезжих № 63; сорок разбойников № 67; разбойники приходят, чтобы забрать дочь юаньвэя № 74; стан разбойников № 75, 76.

Развилка дорог — там героиня встречает доброго дровосека № 65; развилка дорог: одна идет в Шаньдун, другая — в Чжили № 77.

Разговор зверей подслушивает добрый брат и богатеет, пытается подслушать злой брат и наказывается № 13; разговор императора с женой подслушан лисой-оборотнем № 16.

Раздел имущества между братьями № 66.

Разносчик товаров снимает с дерева повесившегося героя № 74; разносчиком товаров прикидывается герой, явившийся убить сановника № 75.

Ребенок должен родиться в отсутствие отца № 64.

Река — всю реку выпивает герой во сне № 50; в реке есть чудесный котел № 61; в нее собираются кинуть мешок с убитым № 63; на ее берегу находится кладбище № 63; к берегу реки подходит героиня, которая ищет своего мужа № 77.

Ребра — двенадцать ребер сломал лжегерою сановник № 74.

Рис — одного зернышка риса достаточно, чтобы насытить героя № 14; рис раздадут голодным в неурожайный год № 65; целый ду риса съедает герой № 74.

Рога царя драконов отсекаются героем (его драконовой табличкой) № 34.

Рогоголовник — в него превращается душа убитой птички (падчерицы) № 10.

Родители — жена проводит слишком много времени у своих родителей, муж с помощью хитрости отучает ее от этого № 51.

Родник — подле него зажигают ароматные свечи, чтобы вызвать посланца подводного царства № 1; о его существовании герой узнает из разговора зверей № 13; у родника герой встречает золотую рыбку, дающую ему советы № 20; из него герой поит своего коня № 73.

Рот маленький у героя № 72.

Рубашка — надев ее, герой должен стореть № 9; рубашку герою тайком чинит девица — белый заяц № 37; рубашку, в которой летом прохладно, а зимой тепло, дочь юаньвэй дарит юноше-дворнику № 74.

Ружье деревянное — дает император нелюбимому младшему зятю № 9; из ружей палат стражи дверей в подземелье оборотня № 75; из ружья предлагает юаньвэй застрелить ковыя-оборотня № 76.

Рука огненная с неба хватает паука-оборотня № 18; руку жены нельзя отпускать во время чудесного полета (с помощью волшебных дощечек), иначе она исчезнет № 66; руки цирюльника трясутся от страха, когда он бреет государя, № 46.

Рукав — в него герой выливает вино, которое нельзя пить № 1; в него прячется мясо, которое не следует есть, в него влетает птичка — душа убитой падчерицы № 10; в него мать прячет ручки и ножки зарезанного людоедом ребенка № 21.

Рыбак идет к богу просить богатства № 24.

Рыбка золотая дает совет герою № 20; рыба просит узнать у мудреца, как ей избавиться от укусов мелких рыбешек, перевозит героя через море, дает ему два драгоценных камня из-под жабр № 22.

Рябая мать № 41.

Сад — императорский № 9; сад дворцовый — в нем гуляют принцессы № 9; в нем герой тайком ожидает появления принцессы № 20; в саду надо спрятать кости убитой черной коровы № 10; в саду, куда попадает герой, растет яблоня, переставшая плодоносить, из-под нее выкапывают кувшин с золотом № 22; в саду живет золотая птица № 36; в саду гуляет юаньвэй с зятем № 55; в сад приходят дочери пери № 61; в императорском саду герой обрывает все яблоки № 67.

Самозванец (лжегерой) выдает себя за сына государя № 44.

Сановник — император делает бедняка сановником № 46; задает сановникам трудные задачи № 47; сановник старый — за него император хочет отдать дочь № 61; сановник — племянник императора № 73; сановник Хуон — у него рождается сын № 75.

Сапоги — за их голенища вкладываются чудесные дощечки, дающие способность летать № 66.

Сапожники — трое братьев № 36; сапожник — отец некрасивой девушки № 65.

Светильник гасят, чтобы добиться ослепления героя (искусство магии), зажигают, и зрение восстанавливается № 14.

Сверток из красного и зеленого шелка с подкидышем находят государь с государыней № 16.

Свечи курительные (ароматные) — зажигают подле родника, чтобы вызвать посланца подводного царства № 1, 34; они требуются, чтобы совершить обряд братания № 71; их зажигают на могиле № 71.

Свинья — целую свинью съедает герой № 74.

Сводня старая № 61.

Седло — в нем спрятано листовое золото № 73; его дарит юаньвэй герою вместе с конем № 76.

Семь голов чудовища-мынгуцзы № 7; семь зернышек риса дает герою наставник магического искусства № 14; семь сыновей рождает государю его жена № 16; семь лет исполняются приемной дочке государя (оборотню), и во дворце начинают подыхать кони № 16; семь человек идут к богу просить богатства № 24; седьмая чжума прошла, как

герой вышел из дому № 36; на семь чи и три цуня надо рыть лаз № 37; семь плшивых № 58; семеро детей у бедняка № 63; семи лет сын героя идет в школу № 64; семь или восемь месяцев прожила племянница государя с человеком-невидимкой № 66.

Семьдесят два зала в подводном царстве № 4; кладовых в доме полководца № 65; 72 звезды на небе № 71; семьдесят два года жизни отпущено герою № 72; семьдесят две большие заслуги у героя № 74.

Семнадцать лет исполняется сыну государя № 44.

Семя — три тыквенных семечка приносит ласточка своему спасителю № 12.

Сердце чудесной птицы съедает юноша № 6; сердце чудесного жеребенка хочет съесть мачеха, притворившаяся больной № 9; сердце черной коровы хочет съесть мачеха, притворившаяся больной № 10; сердце змеи излечивает принцессу № 30; сердце, печень и легкие тигра съедаются по случаю братания № 74.

Серебро — в качестве калыма № 37; кувшин с серебром № 37; серебро обещается за избавление от трупа № 60; серебро находит дровосек в яме № 65; младший брат под балками дома № 66; оставляет дровосеку чиновник, побратавшийся с ним № 71; серебро получает герой за работу № 74; серебро дает ему жена на покупки № 74; серебро на дорожные расходы № 74; серебро дает старик стражнику, подкупая его № 76 (см. также золото и серебро № 74).

Сеть — ею дурак пытается ловить мух № 56.

Синий дым (душа врага) подымается в небо № 74; синее лицо змея-людоеда № 76; синий шелк, из него сделаны штаны героя № 77.

Сироты — их надлежит накормить семью лепешками по совету пшеники № 11; героиня хочет накормить их афла № 11.

Скакун тысячеверстный (чьяньлима) помогает герою № 61.

Склячки (на мулах) — их выигрывает герой № 1, 2, 66.

Слеза героини пробуждает спящего героя № 7; слезы льет тигр № 19.

Слепота, слепой — лама ослепляет мужа своей любовницы № 9; слепой излечивается с помощью волшебной воды и волшебной травы № 9; злой герой ослепляет с помощью магии доброго № 14; слепой-хитрец № 59.

Слуга — см. работник.

Служанка дочери царя драконов № 4; служанку убивают, чтобы обвинить героя в преступлении № 63.

Смерть — мать героя разбивается насмерть, убегая от сына № 42; герой умирает от обиды № 50; герой умирает, не добрав до своих, которым он несет важную весть № 73.

Смех — три года правил император и ни разу не засмеялся № 61.

Смола в яме — в ней гибнет старик, идущий красть сокровища № 53.

Снадобье (огненное) — его ест волшебный мул № 1; снадобье вылечивает от парши № 61; превращает паршивую клячу в вороного коня № 66; сонное снадобье дается младенцу, чтоб не плакал № 76.

Снег — № 74, 78 (не дает герою набрать хворосту).

Советник императора усыновляет сына государя, которого хотят казнить № 44; с советником герой должен померяться силами, в случае победы он получит принцессу № 67.

Сожжение в гончарной печи с целью жертвоприношения № 32; сожжение другого человека вместо недруга № 58.

Сокол — им оборачивается младший брат, обучившийся магии № 15.

Сокровищница государя — ее обкрадывает ловкий вор № 53.

Солнце убивает своим жаром старика № 23; солнце снится во сне № 61.

Соломинка застревает в горле героя № 48.

Соль должен подсыпать муж в еду жены, чтобы удостовериться, что она оборотень № 17.

Сон (состояние) — во сне герою дает совет белобородый старец № 1; сон необыкновенный перед подвигом, прерываемый в критическую минуту слезой героини № 7; герой должен притвориться спящим, чтобы ночью убедиться, что его жена оборотень № 17; герой видит во сне, что его братья попали в беду № 20; во сне (под водой) герою является дочь царя драконов и дает совет № 34; во сне братьям-сапожникам привиделась золотая птица № 36; во сне герою является старец и учит заклинаниям № 44; во сне герой вышивает всю реку № 50; сон толкуется по-разному № 50; сон продается № 61; герой видит во сне трех бессмертных, которые предсказывают его судьбу № 72; герой притворяется спящим в могиле № 73; во время сна прижатый к земле змей превращается в бронзовую полосу, а два его помощника в два бронзовых молота № 76; гадание во сне № 52.

Сопливый хитрец № 59.

Сорок дней и сорок ночей играет герой для царя драконов № 3; сорок дней проходит со дня смерти родителей № 15; на сорок ли нужно отогнать тигров, окруживших столицу № 19; через сорок дней ставят драконову табличку № 34; сорок дней после свадьбы № 44; сорок пять дней срока дается герою для выполнения трудной задачи № 61; сорок дней ждет конь своего хозяина № 61; сорок разбойников № 67; сорок коней № 67; сорок пять бревен перетаскивает герой за день № 74; сорок ударов батогами № 75; сорок всадников-разбойников № 76; сорок раз сходились в поединке женщины № 77.

Сорока берется сватать коршуна и вдову попугая № 38.

Состязание в магии № 14, 15; состязание героя с императором, в случае победы герой получает в жены принцессу № 67; с советником императора, в случае победы герой получает в жены принцессу № 67; состязание в борьбе № 77.

Спина — за нее наказанный охотник подвешивается на крюке к дереву в царстве лисов-оборотней, на ней вскакивает шишка-нарыв № 25.

Список — по нему в порядке очереди жители отдадут змею на съедение своих детей № 76.

Старик, старец белобородый является герою во сне и дает совет № 1; выходит из моря (озера) и приглашает героя в подводное царство № 2, 3; старик усыновляет мальчика, вытасченного из колодца № 6; старик с белой бородой берется выучить братьев № 15; старик с белой бородой подсказывает герою, как избавиться от женщины-оборотня № 17; старик со старухой усыновляют мальчика № 19; старик одинокий с внуком № 23; старик с белой бородой рассказывает занимательную историю, герой заслушивается и остается жив № 32; старики бездетные № 25; белобородый старец помогает герою победить чудовище № 27; старик со старухой № 30; старик со старухой молят о сыне № 34; старец Хизир

№ 44; старик и старуха принимают в дом юношу-вора, старик идет воровать, но гибнет № 53; старик и старуха имеют двух сыновей и дочь № 63; трех сыновей № 67; белобородый старец-юаньвэй сидит перед воротами № 74; старца встречают герои на дороге № 74; старик и старуха не имеют своих детей № 76; старик белобородый-лодочник № 77; два старика встречаются сыну государя на дороге, принимают его за самозванца № 44; старик и старуха живут с сыном и невесткой № 44.

Старуха ста с лишним лет живет в лесном домике с приемным сыном № 19; старуха с волшебной клюкой сидит на дереве, умерщвляет героя, ее убивает охотник № 20; старуха с сыном бедно живут № 22; старуха сидит на развилке дорог, поясняет, по какой дороге идти № 36; старушка добрая живет с сыном, к ней попадает героиня № 37; старуха-пищенка, мать паршивого № 62; старуха седая шестьсот лет ждала в пещере героя № 74.

Статуя героя ставится в храме, выстроенном в его честь, он видит ее и бросает на пол № 73.

Стены дворца рушатся от гнева лягушонка № 5; стена хрустальная окружает сад золотой птицы № 35; стена строится при разделе имущества братьями № 72.

Стихи — по ним узнают героя № 29.

Сто пятьдесят человеческих ростов — высота дерева № 16; стослишнимлетняя старуха № 19; сто юаньбо обещает герою монах за три ночи, проведенные в пустом доме № 27; сто дней ищет герой дворец царя драконов № 34; сто лёнов серебра № 37; столетний черный заяц № 37; сто баранов можно выручить за ковер № 49; сто железных колесниц выставил герой № 72; сто восемь храбрецов с гор Лёнсань № 73, 75; стотысячное войско № 74.

Столик — чудесный, золотой дает еду № 6.

Столица — герой отправляется туда учиться (искусству магии) № 14, 53, 63; сдавать экзамены № 48, 70, 78; по приказу государя № 71; искать место № 72; мстить государю за казнь своего рода № 76; туда едет выручать мужа героиня № 63.

Стон раздается из колодца № 67.

Стража (ночная) № 2, 16, 17; стража (воинская) № 52, 74, 75.

Стражи, стражники № 14, 19, 43, 48, 49, 52, 57; стражника по следует выбирать в друзья № 61; двух стражников присылают схватить героя № 75; стражи дверей в подземелье оборотня № 75; стражник в тюрьме за плату помогает пронести корзину № 76; докладывает государю о появившихся героях-мстителях № 76.

Стрела — на ней обозначены имя и фамилия героя, который показывает ее вместо того, чтобы произнести свое имя № 73; чудесные стрелы оставлены сыну отцом героя, который умеет ловить стрелы ртом № 75.

Струна цитры лопается — признак того, что музыку слушает настоящий знаток и ценитель № 4, 71.

Студент — с ним хочет бежать дочь императора № 61.

Суд над князем, обвиненным в убийстве № 11.

Сундук — за него прячется герой от погони, его наполняют камнями и кирпичами, а потом требуют за него богатство № 14; в него мать героя прячет любовника № 67.

Супруги бездетные, старые, у которых появляется необычный сын № 5; супруги принимают героя вместо сына № 9.

Сын приемный № 9, 19, 31, 53, 62, 64, 65, 76, 78; сыновья рождаются у жен паршивого № 61; сын рождается в отсутствие отца, идет искать его № 64; сын императора № 73; сын плохо относится к матери № 42; сыновья неблагодарные № 43; сын рождается у бездетного государя после обращения к богам № 44; сын единственный у деревенского богача № 51.

Сын царя драконов (в образе белого змея, белого человека га белом коне) № 1; лягушонка № 5; юноши № 8.

Табличка драконова № 34; таблица гадательная № 65, 74.

Телега — ее дает хозяин работнику, чтобы тот перевез свои вещи № 74; старую телегу запрягает дядя героя, чтобы отвезти в горы племянника № 76.

Телец золотой пропадает у императора № 52; телята, их пасут плывшие № 58.

Терем (щюхуалу) — в него селят приемную дочь государя, когда ей исполняется семь лет № 16; терем двухэтажный получает герой в награду от государя № 41; в нем живет племянница государя № 66; постройка терема № 74.

Тесть государя хочет навредить сановнику № 75.

Тетка (младшая сестра матери) — к ней в дом попадает героиня № 63; тетка (младшая сестра отца) не хочет помочь племяннику-сироте № 74.

Тигр — царь тигров достает герою волшебную воду и чудесную траву № 9; тигр — старший брат волка и лиса № 13; тигрица — в нее пытается обратиться принцесса, владеющая магией № 15; тигрица с тремя тигрятами спускается с гор № 16; одного тигренка подбирает сын императора № 16; тигр — его спасает герой, потом тигры выручают спасителя из беды № 19; охраняет ворота в царство пери № 61; тигра убивает герой ударом дубинки № 74; двух тигров съедает герой № 74; тигр белый бегаёт по стене (внешняя душа героя) № 75; тигра сорокалет-него требует достать государь № 47.

Тиф — им болеет герой (дважды) № 73, 78.

Тополь старый белый превращается в злого духа № 13.

Торговец, торговец — герой отправляется торговать за Великую стену № 17, 24; герой ездил торговать в Хэчжоу № 37; торговец рабами № 43.

Тощий конь оказывается чудесным скакуном № 76.

Трава волшебная (лицзыцо; кит. *линчжицао*) — с ее помощью излечивают слепоту № 9.

Траур на воротах № 44; траурные ленты вешает дурак на пшеницу и просо № 55(II).

Требуха оказывается вкуснее мяса № 9.

Трещина в земле — в нее проваливается отрицательный герой № 41.

Три сестры — дочери царя драконов № 1, 3; три сестры № 4; три сокровища № 4, 6; три дворца в подводном царстве № 4; три раза герой слышит ржание чудесного жеребенка № 9; три круга делает герой на чудесном жеребенке № 9; три дочери государя № 9; три чудесные тыквы № 12; три брата-дровосека № 14; тридцать дней надо проспать в могиле, чтобы постичь все истины № 14; на три чя роется колодец-ловуш-

ка № 16; три драгоценных камня даст служанке императрица, посылая ее предупредить об опасности своего сына № 16; трижды рычит тигрица, выбегают три ее тигренка № 16; трижды кричит самка беркута — вылетают из гнезда три птенца № 16; три года работает герой (сын государя) в конторе на лесозаготовках № 16; три года служит он потом в столице № 16; на три чи из земли вырываются с корнем ядовитые гады № 16; третья стража № 16, 17, 52; три раза сверкает огненная полоса (чудесный меч), и змея-оборотень оказывается разрубленной на три части № 17; трижды кланяется тигр своему спасителю № 19; три брата помогают друг другу № 20; три дороги № 20; три вопроса можно задать мудрецу № 22; через каждые триста лет семь путников и их пес, спящие вечным сном в пещере, пересовращиваются с боку на бок № 24; три ночи должен провести герой в пустом доме № 27; в третью стражу из гроба появляется чудовище № 27; через три года после зачатия рождается ребенок № 34; в три месяца необычный ребенок начинает говорить № 34; три брата идут искать золотую птицу № 36; три дороги № 36; три года роет девушка подземный ход № 37; три раза в день навещают дети родителей № 43; три зятя № 55; три сына юаньвэя № 55; три дня сроку дается герою для выполнения невыполнимого задания № 57; трое плешивых № 60; деньги, заработанные за три года № 61; три жены у императора № 61; три дня и три ночи плачет герой у ворот в царство пери № 61; три дочери пери № 61; трое сыновей № 66; младший брат трижды погладил по шее клячу № 66; три сына старика и старухи № 67; три года должен тренироваться герой, чтобы стать непобедимым № 67; три государя (миф.) № 71, трое бессмертных являются герою во сне № 72; князь трех знамен № 72; на три года можно купить зерна за деньги, данные герою № 74; три человека преграждают путь герою № 74; третья стража № 75; трехдневный срок дан для розыска дочери императора; для представления на проверку печати сановника № 75; три дороги № 76; три раза герой тошнул ногой прежде, чем взойти на помост № 77; три монетки стало оставаться у героя, помогающего нищим № 78; через три дня должны отрубить голову герою № 44; три дня приходят люди к императору, чтобы высказать на ухо свои мысли № 46; три дня сроку дает государь сановникам для выполнения трудной задачи № 47; три названных брата № 48; три месяца от императора нет вестей № 49; три «хитрых покупки» у дурака № 51.

Три граммы — по ним гадают № 72, 74.

Тридцать конюхов дарит богач № 51; тридцать тюков товара дает глухой герой за мотыгу № 51; тридцать шесть звезд у Млечного пути № 71; тридцать два года жизни отнимается у героя за его дурные дела № 72; тридцать три царя фазанов № 1.

Триста шестьдесят человек (род Щё) бросают в тюрьму № 76.

Групп обезглавленного старика выставляется для опознания на лобном месте № 53.

Туфелька расшитая падает с неба № 7, 8; туфельку уносит ветер, ее подбирает молодой юаньвэй № 10; по ней ищут хозяйку № 10; золотую туфельку гераяет падчерница, на которой потом женится князь № 11; туфельку будто бы вышивает лиса-оборотень № 16; туфли герой помогает надеть старухе, сидящей на развилке № 36; туфелька падает с ноги героини, переодетой юношей № 63; туфли надеваются задом наперед (для обмана преследователя) № 72.

Тыква — тыквы вырастают из семечек, принесенных ласточкой

№ 12; тыква-горлянка для масла № 29; тыква-горлянка (волшебный предмет), красная, висит на стене в подводном дворце царя драконов № 1, 2, 3; из нее выходят дочери царя драконов № 1, 2; она исчезает после женитьбы героя на вышедшей из неё деве № 1.

Ты с я ч а — тысячелетняя змея получает способность к оборотничеству № 17; тысячу монет дает торговец за раба № 43; тысяча разбойников № 74; тысячу всадников берет с собой император, отправляясь на прогулку № 74; глаза, видящие на тысячу ли № 76.

Т ю р ь м а — туда бросают героя по приказу лжегероя (старшего брата) № 19; туда заключают сына императора, коня, одежду и имя которого присвоил лжегерой № 44; на основании ложного обвинения в убийстве № 63; в краже золота № 73; заключают младшего брата № 66; бросают весь род Щё № 76; злодеев-разбойников № 49.

У б и й с т в о — по ошибке № 21, 24; убийство царя драконов № 34; убийство с целью обвинить в нем героя, от которого хотят избавиться № 63; убийство змея-людоеда и его помощников № 76.

У г о л ь — в кусок черного угля превратился вероломный стражник, в которого попала молния № 61; уголь дает бедному герою торговец древесным углем № 78.

У з д е ч к а — с ней младший брат выбирает себе скотину № 66.

У з е л желтый с платьем, украшениями и золотыми туфельками падчерица получает у бессмертной старухи № 11; узел с вещами героини, на него поглядывает лихой молодец № 77.

У к р а ш е н и я золотые (кольцо, серьги) получает падчерица у старухи-бессмертной № 11.

У л и ц а — ее нужно выпрямить (невыполнимая задача) № 66.

У т к и и гуси клюют ошипанного коршуна № 38; плавают в пруду № 55.

У ц з я п (река) — на ней Хань Щин разбивает войско Бавана № 72.

У ч и т е л ь (см. также наставник № 14; белобородый старец № 15) — к нему отправляют героя-пасынка, чтобы тот задержал его № 9; учитель-оборотень учит сына императора, как выяснить причину гибели коней № 16; учителя нанимают герою № 63.

Ф а з а н — тридцать три пары фазанов должен настрелять герой № 1.

Ф и н и к, выкрашенный в черный цвет, прячет принцесса в ладонях и требует от мужа, чтобы он отгадал, что она держит № 52.

Ф о к у с н и к показывает фокусы с помощью деревянного ящичка № 51.

Ф о н а р ь просит зятя, берущийся гадать во сне № 52; фонарь на воротах — опознавательный знак № 63; люди на кладбище с фонарями в руках № 63.

Х а д м е (подношение ахуну) № 37.

Х а л а т белый — в него одет герой (знак героя) № 74; в халат героя наряжают другого (чтобы присвоить его заслуги) № 74.

Х а н ч ж о у (город) — туда отправляется юаньвэй № 64.

Х а р ч е в н я — туда заходит герой № 49, 51, 73, 75, 77.

Хворост герой собирает на продажу № 6, 8, 19, 41; хворост собираются поджечь горожане, чтобы спалить коня-людоеда № 76.

Хизир — мусульманский пророк № 44.

Хитрость (шантаж) с целью пополнения казны придумывает император № 66.

Хлебцы — из твердой муки съедает герой № 74; хлеб ворует мать у дядюшки для детей № 76.

Ход подземный под горой № 37; ход подземный роет ловкий вор, чтобы прорваться в сокровищницу государя № 53.

Храм заброшенный — в нем герой подслушивает разговор зверей № 13; укрываются во время бегства № 73; храм на кладбище № 27; храм в честь героя, своего спасителя, приказывает построить государь № 73; на дереве во дворе храма хочет повеситься герой № 74; старый храм, там останавливается выгнанная из дома дочь юаньвэя, туда же забредает и герой № 74; в старый храм посылает героев полководец № 74; храм — под ним живет оборотень — похититель дочери государя № 75; живет змей-людоед № 76.

Хрусталь — хрустальная стена, окружает сад золотой птицы № 36.

Хуанхэ (река) — из нее вылавливают бревна № 74.

Хубэй (провинция) — туда идет героиня со своими названными братьями № 77.

Царь драконов (Лунвон) № 1, 3, 4, 8, 34.

Цветок золотой прикрепляется к виску падчерицы № 11; его похищает родная дочь мачехи № 11.

Цепь железная с замком надевается на героя № 75.

Цирюльник государя, его заговорщики просят перерезать императору горло, но он выдает их императору № 46.

Цитра — на ней играет герой № 4, 71.

Чай пьет старый лис-оборотень № 25; пьют чиновники в гостях у своего начальника № 41; после чая чиновник садится играть на цитре № 71; два чайника чаю зараз выпивает герой № 74; холодного чаю просят государев сановник № 74.

Чан — под него спрячутся кости убитой коровы № 10.

Часы стенные — в них будто бы пряталась сестра-оборотень от людоеда № 16.

Чашка нефритовая — в нее наливается тигриное молоко № 16; чашка с едой, в нее подсыпается соль № 17; чашка, приготовленная для любовника, выдается за чашку, поставленную для мужа № 24.

Человек черный на черном коне № 1; белый на белом коне № 1; человек ловит коршуна и опищывает его № 38; прислуживает змею-людоеду № 76.

Человечина — из нее делают начинку для мантов № 49; ее продают на базаре семеро плешивых № 58; из нее делают начинку для пельменей хозяева постоянного двора № 77.

Червяк, оставленный мухой на кусочке мяса, вырастает и превращается в волка № 28.

Череп — № 99; черепа нанизал монах на белый шнур № 27.

Черепяха выходит из реки, на спине у нее две жемчужины № 19.

Черный — черная змея (отрицат.) № 1, 2, 12; черный человек на черном коне № 1; черное одеяние дракона № 34; черный глупец (бранное) — обращение к царю драконов № 34; черный столетний заяц № 37; черный вихрь № 8, 76; в черный цвет принцесса красит финик № 52; черная клыча № 66; черная кровь № 72.

Чеснок, выкрашенный в зеленый цвет, прячет принцесса в руке, требуя, чтобы муж отгадал, что она держит № 52.

Четыре — четыре раза был женат император № 44; четыре отшельника живут в горах № 44; четыре ошибки № 45; четырех чашек еды стало вдруг не хватать племяннице государя; на четвертый день она стала расспрашивать возлюбленного — невидимку № 66; четверо побратимов служат в войске, охраняют государя № 74.

Чжэцзян (провинция) — там живет герой № 77.

Чжизосань (горы) — там разбойничий стан № 76.

Чжунъюань — высшее почетное ученое звание присваивается тому, кто лучше всех сдал столичные экзамены № 29, 41, 48, 64, 70, 78; это звание присваивает своим старшим братьям младший, ставший государем № 66.

Чиновник гражданский № 1, 57, 71; военный № 74.

Чудовище-мынгуцзы о семи головах сосет кровь принцессы, убивается героем № 7; требует в жертву девушек, убивается героем № 20; чудовище — еможын-людоед № 21; чудовище — оборотень монаха № 27; чудовище — змей-людоед № 76.

Чучело — копия героя делается с целью нанести герою вред № 14 (ср. № 73 — герой считает, что заболел от того, что в храме выставили его изображение).

Шарик огненные, выпускаемые чудесным мулом после принятия огненного снадобоя, от них сгорает управа и чиновник-взяточник № 1.

Шатры — в них сидят воины № 74.

Шахматы — в них играет герой на свои владения и жену № 73.

Шестнадцать — в шестнадцать лет герой идет искать своего отца № 64; шестнадцать лет юному герою № 74; шестнадцать фонарей горят на улице № 74.

Шесть дворов в подводном царстве № 4; в шесть месяцев необычный младенец идет с матерью в горы № 34; шесть сыновей № 43; шестьсот лет ждала старуха героя № 74; шесть глаз у змея-людоеда № 76; за шестьсот рублей герой продает дом и хозяйство № 78; шесть месяцев — путь до столицы № 78.

Шестьдесят служанок прислуживают приемной дочери государя № 16; шестьдесят человеческих ростов — толщина дерева № 16.

Школа — туда бедняк посылает учиться приемного сына № 78.

Шкура — лягушачья, сбрасываемая героем ночью в брачных покаях, жена бросает ее в колодец № 5; шкура баранья сухая — в нее бьет палкой старик № 43; шкура коровья — в нее принцесса предлагает завернуть героя, чтобы он задохнулся № 67.

Штаны из синего шелка носит герой № 77.

Шум — герой говорит, что шум может помешать ему увидеть во сне похищенное № 52.

Шыңцянь (кит. *шэньсянь*) — бессмертный — два шыңцяня под-сказывают, как победить лису-оборотня № 16; шыңцянь (белобородый

старец) помогает герою убить жену оборотня № 17; пынцзянь продает слова № 24; помогает герою победить чудовище № 27.

Щяньцзы — на них играют девицы в подземном мире № 66.

Экзамены сдает герой № 29, 41, 64, 70, 78.

Эрдэ (праздник) — в это время объелся ахун № 37.

Юаньвэй находит туфельку падчерицы № 10; на дочери юаньвэй женится бедный младший брат № 13; навимает героя на работу № 20; юаньвэй и его сын № 28; зятя поздравляют юаньвэй с днем рождения № 55; держит двух работников № 61; юаньвэй выдает дочь замуж № 62; учится играть в кости № 64; ищет жену для сына № 65; юаньвэй — отец героя № 74; к юаньвэйю герой нанимается в работники № 74; просится перепочевать № 76.

Яблоки чудесные — красное, кто его отведаст, обретет красными волосами; белое — дает красоту; зеленое — превращает в осла или мула № 6; яблоня, под ее корнями закопан кувшин с золотом № 22; яблоки (о них вопрос) № 55.

Ягненка двадцатилетнего требует достать государь № 47.

Яд — им любовник предлагает женщине отравить ее сына № 67.

Язык длинный у чудовища № 27.

Яйца чудесные продаются за большие деньги № 6; яйцо петушиное требует достать государь № 47; яйца разбиваются вдовой подле трупа мужа, чтобы вдоволь поплакать и обмануть стражу № 53; яйца петушиные требует чиновник у стражника № 57.

Яма — туда случайно падает «гадатель» и находит там пропавших баранов № 52; туда герой велит столкнуть свою корову № 52; яма-ловушка заливается смолой, в нее попадает старик, идущий воровать сокровища № 53; яма в десять тысяч чжонов роется, чтобы погубить героя № 61; в яму закапывают тела казненных № 76.

Ямынь (кит. ямышь) — управа — туда идет хозяин постоянного двора с доносом на героя № 73; в ямыне сановника ищет герой-мститель № 75; туда герои идут, чтобы записаться на состязание № 77.

Ястреб — им оборачивается старший брат, обучившийся магии № 15.

Ящик пустой — из него вынимает фокусник всякие предметы, его покупает глупый герой № 51.

Составил Б. Рифтин

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ¹

Еб (15) : 40 — 17 : 19 — 19 : 30 — 24 : 12 — 28 : 13 — 31 : 10 — 32 : 10 — (32) : 11 — 39 : 1 — 40 : 3 — 43 : 5 — 83m : 2 — 98 : 68 — 112 : 17, 18 — (112) : 35 — (113) : 27 — 114 : 21 — (114) : 27 — (115) : 35 — 122 : 7, 8 — 125 : 22, 23, 24 — 181 : 26 — 190 : 52 — (193) : 62. Schwänke: (6c) : 55II — 6f : 55I — 12II № 12 : 60 — 28II, IV : 57.

АаTh 156 : 19 — 207C : 6 — 301B : 7, 8 — (303) : 20 — 315A : 16 — 325 : 15 — (325) : 14 — 329 : 15 — (327) : 21 — 363 : 18 — 403 : 11 — 403IVbc : 10 — 408IV, V, VI, VII : 10 — (425I, II, III) : 5 — (430) : 5 — (440) : 5 — 460A : 24 — 460B : 22 : 461III : 22, 23 — (465) : 1, 61 — (465A, C) : 61 — 510a : 10 — (510A) : 11 — (511) : 11 — 513C : 67 — (519) : 67 — (531A) : 61 — 532 : 9 — 550 : 36 — (560) : 1 — 567A : 6 — 613 : 13 — (725) : 50 — 910B : 32 — (922) : 47 — (921) : 46 — (934B) : 28 — 935 * : 2 — 950 : 53 — 1535 : 58 — 1536B : 60 — 1537 : 58 — (1696) : 55I — (1698j) : 55I.

АаАн (932) : 28 — (932I) : 28 — 1730I : 60.

Ik156 : 19 — 156B : 19 — 301B : 7 — (307) : 27 — (308 **) : 27 — 315A : 16 — (327B) : 21 — 413C : 17 — 460B : 22, 23 — 465 : 61 — 613 : 13 — (725) : 50 — 910B : 32 — 922 : 47 — (934A) : 28 — (934B) : 28 — 950 : 53 — 1535 : 58 — 1537 : 58 — 1698 : 55I.

¹ В круглых скобках даются номера сюжетов в тех случаях, когда соответствие дунганского варианта, описанному в каталогах, выражено недостаточно четко.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Рифтин, М. Хасанов. Художественный мир дунганской сказки

5

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Чжон Дачжэ бьет фазанов (<i>Пер. И. Юсупова</i>)	35
2. Красная тыква-горлянка (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	41
3. Лосань (<i>Пер. И. Юсупова</i>)	46
4. Чжон Юй кипятит море (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	49
5. Лягушонок (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	56
6. Птичка хуачёр (<i>Пер. И. Юсупова</i>)	62
7. Понжыр (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	68
8. Понвын (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	73
9. Чжоп Тянью (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	79
10. Чжинхуа — Золотой цветок (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	96
11. Мачеха (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	100
12. Ласточка (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	104
13. Два брата (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	108
14. Добрый и злой (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	113
15. Братья (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	122
16. Белая лиса (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	126
17. Девушка-змея (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	133
18. Паук-чжин (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	136
19. Чжэй Нэ (<i>Пер. И. Юсупова</i>)	138
20. Золотая рыбка (<i>Пер. И. Юсупова</i>)	142
21. Людоед (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	146
22. Шинчон (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	149
23. Ответ солнца (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	154
24. Семеро и один пес (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	157
25. Старый охотник (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	160
26. Драгоценный камень (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	163
27. Исхар (<i>Пер. М. Хасанова и И. Юсупова</i>)	165
28. Ма-юаньвэй (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	169
29. Бессмертный Телигуэй (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	171
30. «Если сердце человека ненасытно...» (<i>Пер. Б. Рифтина</i>)	172
31. Фоншир (<i>Пер. М. Хасанова</i>)	174

32. Бессмертный-шынцзянь продает слова (Пер. М. Хасанова)	179
33. Ленивый дракон мечет икру (Пер. М. Хасанова и И. Юсупова)	184
34. Драконова табличка (Пер. Б. Рифтина)	185
35. Семнадцатилетняя мать — восемнадцатилетний сын (Пер. Б. Рифтина)	188
36. Золотая птица (Пер. Б. Рифтина)	194
37. Девушка — белый заяц (Пер. Б. Рифтина)	203
38. Почему сороку называют щичё — птицей радости (Пер. Б. Рифтина)	221
39. Почему собака ест отруби (Пер. М. Хасанова и И. Юсупова)	212
40. Олень, волк и ворон (Пер. И. Юсупова)	213

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ,
НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ, АВАНТЮРНЫЕ ИСТОРИИ

41. Чжин-мацзы (Пер. И. Юсупова)	217
42. Бильярд оплакивает мать (Пер. И. Юсупова)	221
43. «Снаружи блеск, а внутри пустота» (Пер. М. Хасанова)	222
44. Вонгэр и Быйнюр (Пер. М. Хасанова)	223
45. Четыре ошибки (Пер. И. Юсупова)	227
46. Как бедняк добыл себе счастье (Пер. М. Хасанова)	229
47. Сметливый мальчик (Пер. И. Юсупова)	230
48. Три брата (Пер. М. Хасанова)	231
49. Мудрость бедной девушки (Пер. М. Хасанова)	233
50. Два друга (Пер. М. Хасанова и И. Юсупова)	235
51. Хитрый товар (Пер. Б. Рифтина)	233
52. Гадатель Мын (Пер. М. Хасанова)	242
53. Сын бедняка (Пер. М. Хасанова и И. Юсупова)	246
54. Человек, который боялся своей жены (Пер. И. Юсупова)	250
55. Глухой зять (Пер. Б. Рифтина)	251
56. [Как дурак мух ловил] (Пер. Б. Рифтина)	253
57. [Пегушинные яйца] (Пер. Б. Рифтина)	253
58. Семеро плешивых (Пер. Б. Рифтина)	254
59. Слепой, плешивый и сопливый (Пер. Б. Рифтина)	255
60. [Трое плешивых] (Пер. Б. Рифтина)	256
61. Паршивый (Пер. И. Юсупова)	257
62. Паршивый и юаньвэй (Пер. И. Юсупова)	266
63. Какова плата, такова и расплата (Пер. М. Хасанова)	269
64. Ли-юаньвэй (Пер. М. Хасанова)	273
65. Хуарчже (Пер. М. Хасанова)	279
66. Ли Чжявон (Пер. И. Юсупова)	284
67. Шысань (Пер. М. Хасанова)	295

ПРЕДАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗЫ

68. Чужак (Пер. М. Хасанова)	303
69. Сваренная пшеница не прорастает (Пер. М. Хасанова)	304
70. Су Чин (Пер. Б. Рифтина)	305
71. Юй Быйя разбивает цитру (Пер. Б. Рифтина)	305
72. Хань Щин — князь трех знамен (Пер. Б. Рифтина)	310
73. Гуон-хуэй (Пер. М. Хасанова и И. Юсупова)	316
74. История Щюэ Жынгуня (Пер. Б. Рифтина)	311

75. Хуон Тяньба (Пер. Б. Рифтина)	339
76. Щё Кур (Пер. Б. Рифтина)	347
77. Чжон Янь и Бый Юйлун (Пер. М. Хасанова)	359
78. Щюэсунтань — «В пургу приносит уголь» (Пер. Б. Рифтина)	374
Словарь непереведенных слов	382
Примечания	383
Список сокращений	402
Источники и анализ сюжетов дунганских сказок	403
Сюжеты сказок, не вошедших в сборник	506
Сведения о рассказчиках	519
Библиография	526
I. Публикации дунганского фольклора и исследования по дунгановедению	526
II. Сборники сказок разных народов и указатели сказочных сюжетов	527
III. Литература по другим вопросам, использованная в книге	530
Указатель сказочных персонажей, реалий и мотивов	535
Сводный указатель сюжетов	569

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РАНЕЕ В СЕРИИ
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

1. Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки), 1964.
2. Сказки Мадагаскара, 1965.
3. Сказки народов Дагестана, 1965.
4. Сказки мампруси, 1966.
5. Турецкие народные сказки, 1967.
6. Проданный сон (туркменские народные сказки), 1969.
7. Курдские народные сказки, 1970.
8. Сказки и мифы Океании, 1970.
9. Сказки народов Вьетнама, 1970.
10. Сказки Центральной Индии, 1971.
11. Аварские народные сказки, 1972.
12. Афганские сказки и легенды, 1972.
13. Тувинские народные сказки, 1972.
14. Грузинские народные предания и легенды, 1973.
15. Осетинские народные сказки, 1973.
16. Прodelки хитрецов, 1973.
17. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974.
18. Абхазские народные сказки, 1975.
19. Книга о судах и судьях, 1975.
20. Сказки и мифы народов Филиппин, 1975.
21. Мифологические сказки и исторические предания инганасан, 1976.
22. Сказки народов Бирмы, 1976.
23. Сказки народов Памира, 1976.
24. Сказки народов Африки, 1976.
25. Прodelки хитрецов. Изд. 2-е, 1977.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ В СЕРИИ

1. Амхарские народные сказки.
2. Сказки и мифы папуасов киваи.

ДУНГАНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор И. С. Смирнов
Младший редактор Р. Г. Стороженко
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры Л. Ф. Орлова и Р. Ш. Чемерис

Сдано в набор 18/1 1977 г. Подписано в
печать 30/VI 1977 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бум. № 1. Печ. л. 36. Усл. п. л. 33,48.
Уч.-изд. л. 37,49. Тираж 75 000 экз. Изд.
№ 4028. Зак. 1435. Цена 3 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫИДУТ:

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. 20 л.

Никифорова И. Д. Африканский роман. Генезис и проблемы типологии. 18 л.

О языках, фольклоре и литературе Океании. Сб. статей. 10 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 (Книга — почтой) «Академкнига».

